

Н. НЕКРАСОВ

Алек. Некрасов

4

НА НЕКРАСОВ

ПОЛНОЕ
СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНИЙ

4

НЕКРАСОВ

*Печатается по постановлению
Совета Министров Союза ССР
от 28 ноября 1946 г.*

Н. А. НЕКРАСОВ

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ И ПИСЕМ

Под общей редакцией

В. Е. ЕВГЕНЬЕВА-МАКСИМОВА, А. М. ЕГОЛЦА и К. И. ЧУКОВСКОГО

*Государственное издательство
художественной литературы
Москва 1950*

Н. А. НЕКРАСОВ

ТОМ IV

**ДРАМАТИЧЕСКИЕ
ПРОИЗВЕДЕНИЯ**

*Государственное издательство
художественной литературы
Москва 1950*

Редакция тома

Б. Е. ЕВГЕНЬЕВА-МАКСИМОВА

Подготовка текста и комментарии

*К. К. Бухмейер, Л. Е. Гензна,
О. Н. Гречиной, С. И. Эткиной*

Н. А. НЕКРАСОВ
Рисунок П. Петровского, 1852 г.

**Д Р А М А Т И Ч Е С К И Е
П Р О И З В Е Д Е Н И Я**

(1840—1867)

1840

ЮНОСТЬ ЛОМОНОСОВА

*Драматическая фантазия в стихах;
в одном действии с эпилогом*

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Старик.

Женщина.

Михаил, сын их.

Извозчик.

С Ц Е Н А I

Простая крестьянская изба; посередине деревянный стол. С т а - р и к починивает сеть; пожилая ж е н щ и н а сидит за самопрялкой; вдали в задумчивости сидит м а л ь ч и к с книгой.

С т а р и к.

Плохие времена; прогневался на нас
Правдивый бог; хлеба, покосы плохи:
Того гляди, придется голодать,
Придется продавать последние лаптишки;
На ту еще беду ни щука, ни карась,
Ни сельди, ни треска не ловятся изрядно.
Ох, ох! старуха! худо время!

Ж е н щ и н а.

Ась?

Кажись, ворчишь недоброе ты что-то,
Господь даст день и пищу,— не тужи!

С т а р и к.

Да, хороша пословица, а знаешь
Пословицу другую: на бога надейся,
Да не плошай и сам? и эта хороша;
Вздохнешь и нехотя, как нету ни гроша;
А силы всё слабее да слабей,
Ох! что-то мы с тобой, старуха,
Тогда начнем, как выбьемся из сил!

Ж е н щ и н а.

Зато наш сын войдет в то время в силу:
На старости призрит, прокормит нас.
Поди сюда, Михайло, о тебе,
Ты слышишь, речь идет, поди скорее!

М и х а и л.

Что, матушка? Я книжки зачитался;
Как много тут хорошего, давно
Я не был так доволен: как-то сердцу
Приятно, как начну читать псалтырь.
Послушай-ка! прочту тебе страничку!

Ж е н щ и н а.

Ох, дитяtko, ох, горе-богатырь!
На горе выучил письму отец Никифор!

С т а р и к.

Доподлинно на горе: малец взрослый,
А нет, чтобы отцу в работе помогать.

Ж е н щ и н а.

Чтоб матери горшки переставлял...

С т а р и к.

Чтоб иногда развесил мне хоть сети
Для сушки...

М и х а и л
(огорченный).

Матушка, отец родимый мой!

С т а р и к.

Всё с книгою сидит, читает; дети, дети!
Для вас трудись руками и спиной,
А вы ленитесь...

Ж е н щ и н а.

Рвете рубашонки,
Да дрянные читаете книжонки!

М и х а и л.

Помилуй, матушка, отменнейшие книги,
И даже есть картиночки в иных...

С т а р и к.

Опять свое!

М и х а и л
(жалобно).

Да не сердись, родимый;
Что мне велишь, всё сделаю тотчас;
Рад помогать тебе, что силы станет,
И буду лишь тогда читать,
Как дело кончу...

С т а р и к.

Ну, родимый, ладно!

М и х а и л
(ласкаясь к нему).

Прости, коли сердит!

С т а р и к
(целует его).

Ну, будь вперед умнее!

Ж е н щ и н а.

Да, да! умнее будь!

М и х а и л.

Да, буду я умнее!

Я, батюшка, теперь уж не дитя,
Пройдет пять лет, — как ты, я взрослый буду
И стану работать за всех вас; вам
Покойно будет; всем займусь исправно,
Лишь вы зато читать мне не мешайте,
Как дело кончу...

Ж е н щ и н а.

Да скажи на милость,
Что к чтенью вдруг тебя так прирастило
И что, скажи, хорошего есть в книгах?

М и х а и л.

О много! много! матушка!

Ж е н щ и н а.

Да что ж?

М и х а и л.

Не знаю, как сказать, а только хорошо;
Когда я в первый раз взял книгу
И начал буквы разбирать,—
Почувствовал я в сердце радость,
Готов был с книгой умереть!
Глаза мои к словам прильнули,
Душа их смыслом увлеклась;
Я дальше, дальше,— всё другое,
И всё так чудно, хорошо!
Куда, я сам не знаю, мысли
Меня манили за собой,
И вот с тех пор люблю я книги
И буду их читать всегда!

С т а р и к.

Да что же толку? Ты ведь будешь
Крестьянином таким же, как и я,
А я не знаю в книгах ни бельмеса,
Да прожил век не хуже грамотея.

Ж е н щ и н а.

Ась?

М и х а и л.

Я слышал, батюшка, и в книгах
Читал, что есть такой народ,
Который знает всё на свете:
Считает звезды в небесах,
Всё, на чем свет стоит, изведал
И, как вертится свет, постиг...
Таких, слышь, в Питере не мало
И всем им там большой почет,
Какого немцам не бывало,
Сама царица их блюдет!

Старик.

Так что же в том? не хочешь ли и ты
Таким же быть заморским колдунишкой!

Михаил.

Признаться, батюшка, я думал,
Когда бы ты позволил мне,
Поехать в Питер, обучаться
Охота забирает страх...
Об этом мысль не оставляет
Меня; попробовал бы сам
Писать такие же я книги...

Женщина.

Вот что затеял, вот-те раз!
Еще он смеет озорничать!
Пусти его, вишь, в Питер: хочет он
Учиться, а отца и мать
Покинуть.

Старик.

Не годится, Миша,
Такие думы замышлять; и что
С них проку? Лучше хлеб насущный
Ты честно добывай, крестьянином живи,
Куда уж нам до мудрости столичной!
Ты там себе пристанища не сыщешь,
Умрешь там с голоду...

Михаил.

Я рад

Всё претерпеть, лишь можно б было
Мне там в училище вступить,
О, как бы я учиться начал!
Всё б для науки я забыл!
Мне, право, батюшка, порой
На ум идет, что без науки
Могу я умереть со скуки;
Давно уж я грущу душой.
Все книги, что отец Никифор
Оставил мне, уж я прочел,
Почти уж выучил на память,

А жить без книг я не могу...
Свези же в Питер, мой родимый,
Меня и в школу там отдай!
Я скоро выучусь: приеду
И с вами снова буду жить!

С т а р и к
(строго).

Откуда ты набрался этой дичи?
Не смей об этом больше говорить:
Мальчишка, ты не понимаешь дела...
Знать, этого ты духу набрался
Из книг; подай — я их все спрячу;
Отдам тогда, как будешь поумней!

М и х а и л
(умоляющим голосом).

Пусти учиться!

Ж е н щ и н а.

Ась!

М и х а и л.

Хоть книги-то оставь!

С т а р и к.

Подай сюда, иль сам возьму их, ну!

Михаил с отчаянием подходит к углу, в котором образа, берет книги и дрожащими руками подает отцу.

М и х а и л
(в страхе).

Оставь хоть две!

С т а р и к.

Нет, ты избаловался:
Работать не работаешь, шалишь,
Да дичь еще такую замышляешь!

Ж е н щ и н а.

Знать правда, что недобр тот человек,
Который возится с нечистой силой книжной!
Я, грешная, отроду не читала,

Да и читать не приведет господь,
Хоть до седых волос уж дожила я...
А он, молокосос!..

М и х а и л.

Ах, матушка! за что
Все на меня? Как я теперь несчастен!..

С т а р и к.

Из головы дурь выкинь, помогай
Работать мне прилежно; приучайся
Хлеб добывать трудом, и помни век,
Что не бывать тебе, пока живу я,
В столице, не видать поганых книг!..
Иди же, спи спокойно...

М и х а и л.

Ах, родимый,
Могу ли спать спокойно? Хоть одну
Исполни просьбу: я...

С т а р и к

(строго).

Не смей и говорить!

Михаил заливается слезами.

С Ц Е Н А II

Поле. Вдали лес. Вправо большая дорога.

М и х а и л

(один).

День ото дня мне тяжелей:
До вечера от утра за работой,
Которая не по сердцу, сижу;
Отец за мной так строго смотрит,
Все книги спрятал, а без них
Мне тяжело, скучно, я страдаю...
Бывало, так легко душе,
Когда я чтеньем занимаюсь,
Стараюсь разгадать: зачем
И почему написано в ней то-то
Или другое? Время так летит,
Не замечаю я его теченья...

Бывало, мысль надеждой занята,
Что я учиться буду, буду сам писать,
Что не простым я буду человеком
И, может быть, других перегоню...
Что и отца и мать утешу я
Собою, облегчу их участь...
И всё-то вдруг пропало, разлетелось:
Крестьянин я, крестьянином умру!
Отец не понимает пользы своих
И отпустить меня не хочет в Питер...
А надо мне учиться, самому
Приняться сочинять, да, надо!
К тому назначен я судьбой и знаю,
Что говорил мне тот небесный вестник,
Во сне который посетил меня!
Он мне сказал: «Высок удел,
Который для тебя назначен,
Иди, лишь не кривым путем,
Будь честен, добр, покорен, прямодушен,
К чужому зависти не знай:
И своего довольно будет!
Учись прилежно; силы все
Употреби ты на науку,
Иначе будешь мужиком!»
И вдруг пропал; тут на меня
Повеял запах ароматный...
Сначала я не понимал,
Что делать; после догадался,
За книгу взялся в тот же час
И с той поры всё думал, думал,
Как бы учиться, как бы мне
Моей судьбины не прогневать!..
Читал прилежно и порой
Стихи сам пробовал писать я,
И так тогда я весел был!
Теперь надежды я лишился;
Что делать мне?

По дороге проезжают несколько путешественников.

Счастливым путь!

Они, быть может, едут в Питер!
А я, я должен здесь грустить

*Корректурa первого листа «Юности Ломоносова»,
читанная Некрасовым*

И не учиться, не послушать
Того, что сон мне предсказал!
О, что мне делать! я просил
Отца раз пять — не отпускает
И не отпустит; бредом он
Зовет мои предположенья...
А доказать я не могу,
Что он ошибся! Как же быть?
Как в Питер мне попасть? не знаю!
Когда б не гневался отец,
Тихонько б я ушел отсюда!
Но как? дороги не найду!

По дороге проходят несколько пешеходцев.

Они идут... а что же я,
Ходить тож, кажется, умею.
Спрошу, где, как?.. язык ведь есть!..

(В ужасе.)

А мать, отец? Оставить их
На сокрушенье, на рыданья?
Они меня балуют так,
Лишь на меня у них надежда...
Уйду... покоя их лишу,
Они почтут меня погибшим!..

(Решительно.)

Пусть так... но я им докажу,
Что не погиб я, ворочусь я
Ученый, умный, ото всех
Почтен, с чинами и с богатством,
И пусть бранят тогда меня
За то, что я от них укрылся!
Иду... о, господи, прости,
Что я родителей оставлю;
Что не послушался я их!
Иду, иду!..

По дороге проезжают извозчики с кладью. Михаил идет к ним.

Спрошу, где Питер,
На первый раз хотя у них...
(Обращается к извозчику.)
Где в Питер мне пройти поближе,
Скажи, старинушка?

И з в о з ч и к.

Что, свет?

Да ты зачем итти туда намерен?
Ведь Питер-то — отсюда не видать!

М и х а и л

(в замешательстве).

Да так, мне надобно... Скажи,
Пожалуйста, скорей!

И з в о з ч и к.

Так ты не шутишь?

М и х а и л.

До шуток ли?

И з в о з ч и к.

Да как же ты пойдешь,
И что тебе итти-то за охота?

М и х а и л

(в сторону).

Ах, боже мой! что ж я ему скажу?

(Вслух.)

Пожалуйста, скажи; там у меня родные,
А здесь я сирота!

И з в о з ч и к.

Теперь я понимаю...

Да только всё того мне не понять,
Как ты дойдешь? Ведь ты и мал и беден!

М и х а и л.

Дойду, дойду...

И з в о з ч и к.

Пристанешь, захвораешь!

М и х а и л.

Нужды нет!

И з в о з ч и к.

Жалко мне тебя...
Садись на воз, я подвезу покуда.

М и х а и л
(садится с веселой улыбкой).

Вот видишь: ты тужил,
Как я дойду, а первый сам помог мне,
На свете не без добрых, знать...

И з в о з ч и к.

И не без злых!
(Ударяет кнутом по лошади и уезжает вместе
с Михаилом.)

Входит с т а р и к, отец Михаила, и за ним жена его.

С т а р и к.

Да где же наш Михайло? Что за пропасть,
День целый я ищу его напрасно,
Помилуй бог, уж не пропал ли он?
Искал, искал, ну так, что утомился!
Где он? Не в Питер ли ушел, шалун,
Не утонул ли, не упал ли в яму?..
О, господи! как сердцу тяжело!
Как будто должен я его лишиться!

Ж е н щ и н а
(входит).

Ах, горе, горе! мы его лишились.
Искала я везде, и у соседей
Я спрашивала — нет... О, боже мой!
Да где же он? да что же с ним случилось!

С т а р и к.

Везде искала — нет! О, страшное сомненье
Исчезло! Новою бедой господь
Карает нас: его святая воля!
Одна была надежда — миновалась...

Ж е н щ и н а
(плачет).

Пропала наша лучшая надежда.

Старик.

Один был сын — и тот недолго был!
О горе, горе нам, старуха!

Женищина.

Горе, горе!

Плачут отчаянно; занавес опускается.

ЭПИЛОГ

Действие происходит через пятнадцать лет. Кабинет великолепно убраный. Ломоносов сидит в задумчивости, сочиняя стихи.

Ломоносов.

Ну, это будет хорошо... Что ж дальше?
Подумаю, так что-нибудь придет...

(Думает.)

Нет ничего... На мысль воспоминанья
Приходят, я их разбудил стихом.
«Как прошлое для нас заманчиво и ново!»
Давно ль еще я был совсем не то!
Я помню, был когда-то я в деревне,
Читал псалтырь и сказку о Бове,
И приходил в восторг от разной дряни.
Я помню, как отец меня бранил
За леность, за любовь к науке. Он
Не верил ни учению, ни людям
И был уверен, что ученье вздор!
Покойный сон страдальческому праху —
Тяжелый крест он до могилы нес,
И жаль, что весть отрадная о сыне
Не усладила дней его последних.
А мать моя, — она меня любила,
Хоть тоже от нее за книги доставалось!
А как я их ужасно огорчил,
Когда вдруг скрылся из дому... Как много
С тех пор со мной случилось перемен!

Трудов не мало перенес я:
Нередко даже голодал,
С людьми боролся и с судьбою,
Дороги сам себе искал.

Сам шел всегда без руководства,
Век делал то, что честь велит,
И не имел хоть благородства,
А благородней был других...
Зато достиг своих желаний,
Учиться дали средства мне —
Я быстро шел путем познаний
И на хорошем был счету...
И вот я шел да шел, трудился,
Свой долг усердно исполнял
И этим кой-чего добился:
Теперь я тот же дворянин!
Но это всё еще ничтожно,
Совсем не этим я горжусь,
Такое титуло всем возможно.
Горжусь я тем, что первый я
Певец Российского Парнаса,
Что для бессмертья я тружусь...
Горжуся тем, что, сын крестьянский,
Известен я царице стал
И от нее почтен вниманьем
И ей известен, как пиит.
Горжуся тем, что сердце Россов
Умел я пенъем восхитить,
Что сын крестьянский Ломоносов
По смерти даже будет жить!

ВЕЛИКОДУШНЫЙ ПОСТУПОК

Детский водевиль в одном действии

*(Посвящается десятилетнему мальчику
Владимиру Федоровичу Фермору)*

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Г. Миллер, содержатель мужского пансиона.

Г. Шприк, учитель немецкого языка.

Валя, 14 лет } пансионеры.

Митя, 12 » }

Слуга и пансионеры.

Д В Л Е Н И Е 1

Театр представляет учебную комнату, по правую руку рядом несколько скамеек для учеников, напротив стол и стул для учителя, в углу доска.— Утро, бьет семь часов. В а п я входит с книгой в руках.

В а п я. Нет, не буду учить, нарочно постараюсь досадить ему, чтоб он знал, что значит обидеть меня! И за что? за ничтожную шалость, в которой не я один, а мы все виноваты... Нет, господин Шпринк! вы увидите, что оставить меня без обеда, — не кого другого; нет! я этого так не оставляю... Не буду учить уроков, буду шалить, топтать, петь в классе,— что вы мне сделаете? А вас, между тем, это так разозлит, что волосы на дрянном паричишке вашем станут дыбом...

Нет, за себя я постою
И отомщу, поверьте, славно,
У вас я в классе запою,
То замянукаю забавно,
То всё за вами повторять
Таким же буду жалким тоном,
С немецким русское мешать,
Над вашим хохотать поклоном,
Поступки ваши осуждать,
Смотреть на вас, как на барана,
И докажу, что понимать
Обиду мне уже не рано!

Если б все наши учительшики вздумали так делать, то это просто беда, хоть выйти из пансиона; а впрочем, что за беда, пожалуй, я и выду, вот завтра праздник: скажу маменьке, может, и позволит; но прежде все-таки нужно досадить Шпринку... Да, что я не сделаю это поскорее...

сегодня? Только бы никто не узнал. Что бы это придумать?.. Ах, и в самом деле, вот хорошо! (*Смеется от удовольствия.*) В передней есть стул, у которого одну ножку вчера мы отломали... возьму я его, приставлю кой-как ножку, этот вынесу, а тот и оставлю здесь... никто и не заметит; они оба одинакие... зато как же славно он шлепнется... Поскорей надо действовать... чтоб всё к восьми часам кончить... (*Берет стул и уходит.*)

Я В Л Е Н И Е 2

М и т я.

М и т я. Видно, еще рано, никто не пришел; это хорошо, сяду здесь и протвержу свой урок покуда, мне никто не помешает... А где это стул учительский, видно, его починить взяли? (*Садится и берет тетрадь.*) Ах, я совсем не ту тетрадь взял. (*Уходит.*)

Я В Л Е Н И Е 3

В а н я (*входит со сломанным стулом*). Вот так, прекрасно... пусть-ка сядет! (*Ставит стул на место и подставляет четвертую ножку.*) Очень хорошо... Однакож, кажется, она его и сдержит... Попробую... (*Осторожно садится, ножка подламывается, и он едва успевает соскочить.*) Bravo!

Он придет, его обычай
Я давно уже смекнул,
Без поклонов и приличий
Прямо сядет он на стул,
Лоб его или затылок
С полом чокнется как раз,
Он сердит, горяч и пылок,
Закричит тогда на нас.
Станет спрашивать, кто штучку
С ним такую отпустил,
И боюсь, чтобы трясучку
Он со злости не схватил!

Он будет бегать, злиться, спрашивать: кто? а я себе притаюсь да и буду молчать... От кого он узнает? (*Ставит стул в порядок.*)

Входит М и т я.

ЯВЛЕНИЕ 4

В а н я и М и т я.

В а н я. А, Митя! что ты? с уроком... доброе дело, брат, учи, учи... а то господин Шпринк рассердится, оставит тебя без обеда... Не пустит завтра домой... Бедный Митя!..

М и т я (*в сторону с изумлением*). Кто принес этот стул? уж не Ваня ли, что он проказит? (*Громко.*) Что ты, Ваня, тут делаешь?

В а н я. Ничего, так, рассуждаю себе, как глупы наши учителя и как глупы мы, что их слушаемся...

М и т я. Стыдно, братец, так говорить об них: они тебе кроме добра ничего не желают... А кто поставил этот стул? я входил — так его не было.

В а н я (*в замешательстве*). Не знаю, я сам пришел только...

М и т я. Но эти книги, которые теперь у тебя в руках, давеча тут лежали...

В а н я (*испугавшись*). Это так, я их забыл вчера...

М и т я (*в сторону*). Он сделал что худое, право, я боюсь... (*Ему.*) Ты выучил немецкий урок?

В а н я. Вот еще, стану я учить!.. Да зачем это?.. Ведь не будет же он всегда оставлять меня без обеда, — да и этот раз ему не пройдет так!

ЯВЛЕНИЕ 5

Входят ученики с тетрадями и книгами и занимают места.

Один из пансионеров. Скоро восемь часов... придет господин Шпринк.

В а н я. А что, вы его боитесь, что ли? Пусть себе придет... всякого немчуры бояться...

Другой из пансионеров. Точно, Ваня, какой-нибудь колбасник, а мы, дворяне, должны его слушать.

М и т я. Но он учитель, он старше нас.

В т о р о й. Вот вздумал!..

Между ними подымается спор; прочие пристают к ним, и шум усиливается; входит г. Шпринк, который говорит нечисто по-русски.

Ш п р и н к. Тише, тише!

В а н я (*про себя*). Вишь вбежал, точно бешеный, а вот сейчас осядешься.

Шпринк ходит по комнате, потом подходит к стулу и садится, ножка подламывается, он упадет.

У ч е н и к и. Ха, ха, ха!.. ха, ха, ха!

Ш п р и н к (*подымаясь*). Мальчишки, невежи, как вы смели, вот я вас! (*Подходит к старшему.*) Вы старший, вы должны знать?

С т а р ш и й. Ничего не знаю; в класс сегодня я пришел только за минутой до вас; впрочем, может быть, это случилось по ошибке слуги...

Ш п р и н к. Вы так думаете! Хорошо, я справлюсь... (*Зовет слугу.*)

М и т я (*тихо*). Ну, так и есть, это Ванины проказы! Посмотрим, чем всё это кончится! (*Ване.*) Ваня! отчего ты так бледен?

В а п я. Так, мне это скучно...

Входит слуга.

Ш п р и н к. Что это такое! Вы стул изломанный мне подали, я упал, ушиб себе левую ногу и правое плечо...

С л у г а. Помилуйте, господин Шпринк! Стул был целехонек. (*Смотрит на стул.*) Да это не тот совсем, который я вам поставил, кто-то подменил, у меня в прихожей был приготовлен для починки.

Ш п р и н к (*в бешенстве*). Так это из вас кто-нибудь! Нет никакого сомнения... сказывайте — кто? а то хуже будет. (*Подходит к каждому.*) Вы, вы, вы, вы?.. (*К Ване.*) Вы?

В а н я. Помилуйте, господин Шпринк, вы еще вчера меня без обеда оставили, могу ли я так скоро забыть это и сделать новую шалость, чтобы подвергнуться опять наказанию!..

М и т я (*про себя*). Как он хитро лжет!

Ш п р и н к. Не хотите признаться, так я на своем поставлю, всем вам достанется... Я попрошу содержателя. (*Убегает в гневе.*)

В а н я. Ха, ха, ха! Вот случай чудесный! Да кто это, братцы, сыграл с ним такую штуку! Давно бы пора! пусть его злится...

М и т я. Ой, Ваня, смотри, не было бы хуже после! Одни из пансионеров. Да что, уж заодно, теперь, братцы, давайте шалить больше!

Н е с к о л ь к о г о л о с о в. И точно, точно, давай-те петь...

В а н я. Вот прекрасно! Что нам всем сделают... Я запою первый, чур не спасовать. (*Поет, некоторые ему подтягивают.*)

Уж цветочки пышно
В поле развернулись,
Птичек пенье слышно,
Рощи улыгнулись,
Всё цветет прелестно,
Май во всей природе,
Братцы, как чудесно
Гулять на свободе!

Я В Л Е Н И Е 6

Входит впереди М и л л е р, за ним Ш и р и н к и на ухо рассказывает ему что-то.

М и л л е р. Господа! Вам известно, что скорое раскаяние уничтожает проступок, как бы он велик ни был, и потому советую тому, кто сделал нынешнюю шалость, лучше поскорей признаться. Не то, уверяю вас, худо будет!

П а н с и о п е р ы (*все*). Я не знаю, и я, и я, и я...

М и л л е р (*в гневе*). Не может быть! Кто-нибудь из вас виноват же! Лучше пусть признается точно, кто сделал это! А если он этого сам не сделает, то я советую вам не держаться своей школьной привычки, а указать на виновного. Иначе вы все потерпите наказание...

У ч е н и к и (*меж собой*). Если бы мы знали, кто бы это мог сделать... Нет, мы не можем сказать, кто это сделал, потому что сами не знаем...

М и л л е р. В последний раз говорю. Или признавайтесь, или все будете наказаны.

М и т я (*про себя*). Если б я знал наверно!.. Да нет! по понятиям моих товарищей, это неблагородно... они будут гнать меня... Нет, лучше смолчу...

М и л л е р. Что ж, говорите! долго ли я буду вас просить?

В а н я (*про себя*). Нечего говорить-то! Никто не знает! Ловко же я устроил.

У ч е н и к и (*плачущим голосом*). Право, мы не знаем, господин Миллер. Мы были в спальне... Может быть, тогда кто-нибудь...

М и л л е р. Кто пришел раньше всех в класс?

О д и н и з у ч е н и к о в. Ваня и Митя; они прежде всех ушли из спальни...

В а н я. Я не в классе был, я гулял в нашем саду, потом, когда пришел в класс, то застал уже в нем Митю...

М и л л е р. Но я уверен, что Митя этого не сделает! Он мальчишка умный и скромный... Что же, признавайтесь, — кто это сделал.

У ч е н и к и. Не знаем.

М и л л е р (*в гневе*). Прошу покорно! Какое упрямство в детях! Господа, если вы не хотели, чтоб был наказан виновный, то вы будете все примерно наказаны! Ни одного из вас на завтрашний праздник не отпускаю к родителям.

Н е к о т о р ы е и з у ч е н и к о в. Ах! Но мы не виноваты. (*Плачут.*) Ведь мы не знаем!

М и л л е р. А кто мне поручится, что это правда!

В а н я (*про себя*). Есть чего бояться! Не итти домой, так не итти, а все-таки я на своем поставил.

М и т я (*тихо Ване*). Ваня! Признайся лучше, мне кажется, ты виноват, за что же все эти бедные мальчишки будут терпеть?

В а н я (*в испуге*). Что ты говоришь! Да я столько же тут виноват, сколько и ты.

Между учениками подымается ропот, многие плачут.

Н е с к о л ь к о у ч е н и к о в. Простите, господин Миллер, право, мы не знаем.

М и л л е р. Ни за что невозможно простить!

Ропот учеников усиливается; они плачут.

О д и н и з у ч е н и к о в. Что скажет маменька! Я обещал ей вести себя хорошенько, чтобы не заслужить наказания!

Д р у г о й. Папенька обещал мне сделать подарки для завтрашнего праздника, а теперь... о, как я несчастен!..

Третий. Если б я знал, кто это бессовестный, который заставляет всех нас плакать!

Митя (*тихо Ване*). Ваня! друг мой! не стыдно ли тебе притворяться! Посмотри: ты причиною слез товарищей!..

Ваня. Что ты тут выдумываешь! С чего ты взял, я совсем ничего не знаю...

Митя. Но кто же подставил этот стул?

Ваня. Когда я пришел, этот стул уже был тут.

Митя. А когда это было?

Ваня. За полчаса до твоего прихода...

Митя (*про себя*). Нет сомнения, что это он сделал! Ах, какое у него дурное сердце! Ваня, повинись...

Ваня (*с гневом*). Отвяжись от меня, твои подозрения очень глупы!

Митя (*про себя*). Что же мне делать! Как мне жаль моих товарищей, они терпят совсем напрасно... Если бы я не боялся ошибиться или прослыть низким... они бы были свободны...

Ваня (*про себя*). Отчего этот Митя подозревает меня? Впрочем, что за важность. Он не знает наверно, а если и пожалуется, так всю беду я свалю на него же... Ага! господин Шпринк, попались! Чего эти мальчишки плачут? Велика важность не быть один праздник дома! Положим, между ними есть маленькие, есть новички, но всё это ничего!

Миллер. Сколько хотите плачете, это не поможет, упрямство — порок непростительный. Дети! У вас обыкновенно бывают странные понятия о чести: вы боитесь обличить проступок своего товарища, потому что вас прозовут низкими. Поверьте, эта боязнь ни на чем не основана, низок тот, кто скрывает пороки товарищей и тем мешает начальникам принять меры к их исправлению. Кроме того, что ваш нынешний поступок дурен, вы грешите против бога и справедливости... Жалею вас, но принужден поступить с вами строго, для вашей же пользы... (*Шпринку*.) Окончите с ними урок, а я, между тем, уведомягу гувернеров, чтоб их не отпускали... (*Уходит*.)

Некоторые из учеников. Господин Шпринк, мы не виноваты; заступитесь за нас; попросите господина Миллера.

В а н я. Гу! Гу! ш! ш! ш! *(Он всячески старается увеличить шум в комнате.)*

Ш п р и н к *(с гневом)*. Что это значит! Вам мало этого наказания! Тише!

Тонает ногой, Ваня тоже тонает.

Кто это?

Все молчат.

Нет, с вами нельзя поступить как с добрыми детьми. Тише! Господин К., говорите урок.

О д и н и з у ч е н и к о в *(захлебываясь от слез)*. Я не могу отвечать моего урока, потому что у меня вчера книга пропала...

Ш п р и н к *(сердится)*. Хорошо, я запишу, что вы не знаете! *(К другому.)* Говорите вы!

Д р у г о й у ч е н и к. У меня в книге та страница, на которой нынешний урок, залита чернилами...

Ш п р и н к *(бесится; бьет звонок; он берет шляпу, уходит)*. Нет, это вам не пройдет даром! Я настою на том, чтоб вас не пустили домой...

Я В Л Е Н И Е 7

В а н я, М и т я и прочие ученики.

Х о р у ч е н и к о в.

За что мы страдаем, за что мы страдаем,
Одни кто-нибудь напроказил из нас,
А все наказание его разделяем,
И капают слезы невольно из глаз;
Что маменька скажет, сестрицы что скажут,
Когда не придем мы на праздник домой!
На наши гостицы с насмешкой укажут
И их уберут до субботы другой!
За что нас постигло такое несчастье!
Мы думали праздник роскошно провести
Меж дружбы привета и ласки участия,
А нам не дадут здесь, пожалуй, и есть.
Нет, это ни на что совсем не похоже!
Кому ж мы обязаны этой бедой!
Что всё это значит? О боже, о боже!..
За что не пойдём мы назавтра домой!..

М и т я. Как они плачут! мне их жаль, очень жаль; мне кажется, я бы лучше один согласился терпеть, только б они были веселы...

Но много еще надобно
Нараски вогротов здець,
И готворь вострива, вострива,
Модификуь вострива. Сент
Сент де Сент вострива
Сент вострива вострива
Вострива вострива: Сент
И вострива вострива,
Сент вострива вострива
Сент вострива вострива,
И вострива вострива
И вострива вострива

Горько бы вострива
Вострива
Вострива

Автограф заключительного куплета водителя
«Великобританский посылочник»

В а н я. Как это их огорчает! Мне даже их немного жалко, да что за дело, поплачут и перестанут, неужели мне одному терпеть... Теперь веселее... (*Мите.*) Полно горевать, ведь это малодушно, братец!

М и т я. Не за себя, мне за них больно! Видишь, как они огорчены...

В а н я. И полно, их слезы происходят от глупости. Как порассудишь, так не побывать один праздник дома — сущий вздор.

М и т я (*с укором*). Особенно для того, кто заслужил это.

В а н я. Что это значит? Не думаешь ли ты, что я виноват...

М и т я (*берет его за руку*). Ваня, будь друг! не криви душой: ведь это ты сделал... Признайся, попроси у Шпринка прощенья, он добр и, верно, простит.

В а н я. Стану я просить у него прощенья! Да и в чем это?

М и т я. Неужели то, что другие невинно за тебя страдают, не трогает твоей совести? Право, я не понимаю тебя...

В а н я. А я тебя не понимаю; ты, брат, толкуешь что-то вроде господина Миллера...

М и т я. Я говорю то, что должен говорить в таком случае всякий благородный человек! Стыдно заставлять других терпеть за свой поступок! Если ты не признаешься, то я на тебя скажу, я ведь знаю, что ты переменял стул...

В а н я (*в испуге*). Я! вот забавно! Да чем ты это докажешь? Или ты хочешь быть доносчиком, этак товарищи не делают.

М и т я. Ты так думаешь! по-твоему, это неблагородно, хорошо, я найду другое средство.

Входит М и л л е р.

Я В Л Е Н И Е 8

Т е ж е и М и л л е р.

М и л л е р. Что ж, господа, вы не нашли виновного? Ну, видно, придется вам поскучать для праздника, да еще притом и попоститься, потому что намерен всех вас оставить без обеда!

Некоторые из учеников. Ах! Да мы ничего не сделали!

М и т я (*про себя*). Должно решиться, я мог бы спасти и их, и себя, но он говорит, что это неблагородно, так я хоть их спасу. (*Подходит к Миллеру с заплаканными глазами.*) Господин Миллер! мне нужно вам что-то сказать!

М и л л е р. Что? Не хотите ли вы просить отпуска домой? Нельзя, мой друг, хотя я и уверен, что вы не виноваты, но тогда и другие будут иметь право проситься.

М и т я. Ах, господин Миллер! Я меньше всех заслуживаю доброго мнения, которое вы обо мне имеете; я меньше всех имею право проситься домой...

М и л л е р. Почему?

М и т я. Потому... потому... (*Решительно.*) Потому что я и есть тот самый виновный...

М и л л е р. Как! Неужели! Не может быть! Вы всегда были у меня на хорошем счету и, по справедливости, заслужили название умного и скромного мальчика...

М и т я. Отпустите других, пусть я один буду наказан, я этого достоин, я переменял стул...

В а н я (*вслушиваясь, про себя*). Что он говорит? Он переменял стул! Просит, чтоб его наказали, а других отпустили?..

М и л л е р. Но что же вас заставило?

М и т я. Я сам не могу себе дать отчета...

Я сам не знаю, отчего
Такую вдруг я сделал шалость,
Сперва боялся я всего,
Боялся проступить малость...
А тут охота вдруг пришла,
Я не подумавши решился,
Охота силы придала,
И я ужасно оступился!..

М и л л е р. Жаль мне вас, сердечно жаль, однакож я отчасти рад, потому что это удостоверяет меня в благородстве вашего характера...

В а н я (*про себя*). О! что он сделал! За что его теперь накажут! Как он мне странен! Сам на себя сказал, а я думал, он на меня скажет, какой он добрый! Мне жаль его вдвое, чем давеча всех моих товарищей! Надобно признаться, что у него душа лучше моей, я, виноватый, не хотел потерпеть, чтоб избавить товарищей, а он... нет, это

несправедливо... О! что я сделал!.. Как теперь спасти его...
Лучше бы я и не трогал этого стула! Бедный Митя!

М и л л е р (*к ученикам*). Господа, вы невинны и можете идти домой, когда за вами пришлют слуг, виновный нашелся и признался. (*Обращаясь к Мите.*) А вы...

В а н я (*с усилием, быстро вскакивает и бежит к Миллеру*). Господин Миллер, господин Миллер, это не он сделал, боюсь вам, не он... Он нарочно сказал...

М и л л е р. Как, что такое? Кто же?

М и т я. Полноте его слушать, он этого не знает, накажите меня.

В а н я. Нет, Митя, я не хочу, чтобы ты за меня терпел.

М и л л е р. Что такое?

В а н я. Это я переменял стул у Шпринка, поставил ему безногий, а целый отнес в переднюю. Боюсь вам, господин Миллер...

Поверьте мне, — не допущу,
Чтоб потерпел за грех мой Митя,
Я сам наказан быть хочу,
Его домой вы отпустите!
Ужоры совести моей
Хочу раскаяньем исправить!
И не хочу к вине моей
Другой вины еще прибавить!

Я виноват, я это чувствую, простите, господин Миллер! простите! И поверьте, что я вперед буду лучше! Благородный поступок Мити сначала изумил и насмешил меня, потом проник до глубины сердца... я ужаснулся самого себя... Извините меня, товарищи.

Прости меня, мой Митя милый,
Великодушьем ты своим,
Как бы какой волшебной силой,
Всем сердцем завладел моим...
Полюбит, как родного, Митя,
Теперь тебя душа моя...

М и т я (*Миллеру*).

Теперь и вы его простите
Так точно, как прощаю я.
(*Заключает Ваню в объятья.*)

М и л л е р (*Мите*). Поди, обними меня, добрый мальчик... Вот, дети! будьте все на него похожи; действуйте

так же великодушно; вы видите, он хотел собой для вас пожертвовать, но бог не допустил до этого; начав свое доброе дело, Митя, кроме того, избавил еще Ваню от дурной привычки быть скрытным и злопамятным. (*Обнимает Митю.*)

М и т я. Но простите же его, добрый господин Миллер!

М и л л е р. Этого я не мог бы сделать без господина Шпринка, если б не был уверен, что он добр и охотно простит того, кто чистосердечно раскаивается и обещает исправиться... (*Ване.*) Прощаю вас, вы можете также итти домой, к своей маменьке, благодарите Митю...

В а н я. О, как хорошо быть добрым!

М и л л е р. И как легко! Стоит только положить себе правилом в жизни итти прямо и действовать открыто: честному человеку нечего стыдиться своих проступков... (*Обращаясь к ученикам.*) Ну, теперь вы все свободны, благодарите доброго Митю... Научитесь из этого примера быть добрыми, откровенными и не злопамятными... Играйте теперь и будьте спокойны! (*Уходит.*)

Х о р у ч е н и к о в.

Мы недавно горевали,
Нам грозил голодный пост,
Просто так нас напугали,
Что мы все поджали хвост,
Но теперь мы все довольны,
Поиграем прежде здесь
И домой, счастливы, вольны,
Побежим конфеты есть...
А чтоб снова нам печали
Не случилось такой,
От проказ мы будем дале,
И пойдет всё чередой,
Мы теперь постигли ясно,
Что в проказах нет пути
И что истинно прекрасно —
Хорошо себя вести!

ФЕДЯ И ВОЛОДЯ

Детский водевиль в 2 действиях

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Г. Видовский, помещик.

Феденька, его сын, 12 лет.

Дальвиль, гувернер Феденьки.

Володя, 13 лет, приятель Феденьки.

Иван, слуга.

ПЕРВОЕ ДЕЙСТВИЕ

Театр представляет хорошо убранную комнату. В глубине сцены софа и несколько кресел, по бокам зеркала, направо дверь, ведущая в залу, а налево дверь в кабинет.

ЯВЛЕНИЕ 1

Видовский и Дальвиль.

Видовский. Всё ли готово для бала?

Дальвиль. Буфет убран, мебель расставлена; всё готово.

Видовский. А что делает Феденька?

Дальвиль. Иван его завивает, я думаю, уже в третий раз.

Видовский. Ах, как это вы позволяете!

Дальвиль. Что ж делать! Бал, который вы сегодня даете, вскружил ему голову; он говорит, что хочет сегодня танцовать, прыгает, рвется, повертывается и беспрестанно портит свою прическу. Это ни на что не похоже.

Видовский. Это непостижимо! Прошлый год он решительно не любил танцев.

Дальвиль. А теперь совсем другое. Он так их полюбил, что встал сегодня прежде меня и, не думая о завтраке, принялся танцовать.

Видовский. Что ж это значит? Верно, у него есть к тому причина.

Дальвиль *(смеясь)*. Разумеется, есть.

Видовский. Какая же? Объясните ее мне поскорей!

Д а л ь в и л ь. Причиною тому то, что маленькая Софья будет на балу, что она очень хороша собою и что она отлично танцует.

В и д о в с к и й. Вы так думаете?

Д а л ь в и л ь. Я уверен: он любит Софью всем сердцем.

В и д о в с к и й. Но ему не более двенадцати лет!

Д а л ь в и л ь. Я вас уверяю, что он судит о красоте и достоинствах Софьи, как двадцатилетний.

В и д о в с к и й. Нет, это слишком много! Надо его образумить. С двенадцати лет начать любить: это ни на что не похоже; он должен быть поскромнее. Погодите здесь, я сейчас приду, мне нужно кой-что приказать. *(Уходит.)*

Я В Л Е Н И Е 2

Д а л ь в и л ь и Ф е д е н ь к а.

Ф е д е н ь к а *(вбегает, напевая и припрыгивая)*.

Что за наслаждение
Ловко танцовать!

Д а л ь в и л ь. Monsieur! ¹ Вы опять уже растрепаны.

Ф е д е н ь к а.

Можно без сомнения
Всех очаровать!

(Делая несколько па.) Это проклятое па!.. я никак не могу его затвердить!

Д а л ь в и л ь. Феденька, я вам говорю.

Ф е д е н ь к а. Ах, monsieur Дальвиль...

Д а л ь в и л ь. Я удивляюсь вашему послушанию и твердости вашего слова... «Я не буду больше танцовать, — говорили вы мне, — я вам обещаю».

Ф е д е н ь к а *(обидясь)*. Это правда, я обещал, но не давал честного слова... Я никогда не поступаю против моего честного слова.

Д а л ь в и л ь. Поэтому вам нельзя верить, покуда вы не дадите клятвы. Но как не должно расточать клятв, их должно употреблять только в важных случаях жизни, то с нынешнего дня я вам вовсе не буду верить.

¹ Судары! *<франц.>*.

Феденька. Вы не будете мне больше верить?

Дальвиль. Да, разумеется.

Феденька. Но...

Дальвиль. Не скрою от вас, что если я должен буду не верить вашему честному слову в пустяках, то в важных делах и подавно...

Феденька (*плачевным голосом*). Это значит, monsieur, что вы меня больше не любите... мы всегда верим честному слову любимого человека. Я верю всему, что вы говорите.

Дальвиль. Разве я вас когда обманывал?

Феденька. Нет.

Дальвиль. Итак, вы мне во всем верите, хотя я никогда не давал вам честного слова. Знайте, Феденька, что *да* и *нет* честного человека стоят всех клятв, что правда есть первая добродетель человека и что улика есть самая жестокая и ужасная обида, какую только можно получить.

Феденька. А! так я вас уверяю, что с нынешнего дня я никому, исключая моего папеньки, не позволю уличить себя в чем бы то ни было.

Дальвиль. Вы будете драться!

Феденька. Разумеется...

В двенадцать лет уж мой папá
Губил врагов ружьем и шпагой,
И мне грудь щедрая судьба
Согрела тою же отвагой,
И я готов прицелить в лоб
Тому, кто честь мою затронет,
Он оплошал; я хлоп, хлоп, хлоп!
И полумертвый он застонет.

Дальвиль. Но не лучше ли употреблять свое мужество на врагов отечества, чем драться с своим соотечественником?

Феденька. Всё это я очень хорошо понимаю, monsieur Дальвиль, и даю вам честное слово говорить всегда правду.

Дальвиль. Ваше обещание меня очень радует; надеюсь, что оно будет непоколебимо, и что ваши слова *да* или *нет* будут стоять всех клятв на свете. А, вот и ваш папенька.

Я В Л Е Н И Е 3

Видовский, Дальвиль и Феденька.

Видовский. Я пришел сказать тебе, милый Федя, неприятную новость: ананасов нигде не нашли, и потому мороженое, которое ты приказал приготовить...

Феденька. Ничего, папенька; всё равно.

Видовский. Это тебя не огорчает?

Феденька. Нет, папенька.

Видовский. А я этому не верю.

Дальвиль. О, как скоро *m-ieur Théodore* сказал *нет*, то будьте уверены, что это правда. Его *нет* стоит всякой клятвы...

Видовский. Тем лучше. Как мне приятно, что я вижу в моем сыне такие прекрасные качества!

Феденька (*печально*). Папенька...

Видовский. Что с тобой, мой друг? Отчего этот печальный голос?

Феденька. Так-с.

Дальвиль. Да у вас слезы на глазах, что с вами?

Феденька. Оттого, что я сейчас провинился... вы не скажете, что я не сдержал своего слова?

Дальвиль. Скорое, откровенное раскаянье уничтожит всё, что вы ни сделали...

Феденька (*печально*). Папенька... я не люблю ананасного мороженого, для меня всё равно, если его не будет, но мне все-таки это неприятно, потому что на прошлом бале многие барышни спрашивали у моей тетеньки этого мороженого. Вот мне и хотелось, чтоб оно сегодня у нас было.

Видовский. Ну, так ты не должен бы говорить: всё равно.

Феденька. *Для меня* всё равно.

Видовский. Полно, мой Феденька, не отпирайся! Вот, видишь ли, ты сейчас сказал маленькую неправду и теперь, чтоб оправдаться, ослабляешь смысл своих слов и хочешь как-нибудь вернуться.

Феденька. Не гневайтесь, папенька. Я сейчас поправлюсь и расскажу вам всё...

Видовский. Ну, хорошо; расскажи нам, кто эти барышни, которые любят ананасное мороженое?

Феденька (в замешательстве, довольно тихо). Это Софи, папенька.

Видовский. Гм, я не слышу!

Феденька. Софи!

Видовский. А другие?..

Феденька. Да вот и все, папа...

Видовский. Зачем же ты сказал *многие* барышни?
(Улыбаясь.) Верно, от ветрености?

Феденька. Нет, папа... нарочно...

Видовский. Для чего?

Феденька. Я не смел говорить об одной Софье.

Видовский. Поди, поцелуй меня, добрый Феденька! Вот что значит отвечать прямо. Если б ты знал, как это меня радует! Дитя мое! у тебя добрая душа, не вселяй в нее никогда этой пустой скрытности.

Феденька. Уверю вас, милый папенька, что я всегда буду справедлив и откровенен.

Чтоб вас не гневать никогда
И быть достойным вашей ласки,
Чтоб при улике от стыда
В лице не вспыхнул пламень краски,
Я обещаю вам даю
И свято выполню, поверьте!
Во всех делах, всю жизнь мою
Лишь правду говорить до смерти!..

Видовский. Ну, теперь скажи мне, отчего ты боишься говорить об Сонюшке?

Феденька. Право, я сам не понимаю...

Видовский. Говорят, что ты расположен к ней, что ты беспрестанно повторяешь ее имя всем и говоришь об ней; только мне одному ты еще ни слова не сказал о твоей страсти... А знаешь ли, что это значит? Видно, что ты не имеешь ко мне должной доверенности.

Феденька. О, нет, папенька; я только и имею доверенность к вам да к monsieur Дальвилю...

Дальвиль. Неправда, Феденька. Вы мне много говорили о m-lle Sophie, но я не могу забыть того, что самые важные тайны на этот счет были рассказаны сперва Ивану, Климу и всем лакеям.

Видовский. Есть кому доверять! И так все, думая, что Сонюшка вскружила тебе голову, обманываются: если б ты ее в самом деле любил, то верно б был поскромнее.

Ф е д е н ь к а. Ах, папенька, уверяю вас, что она еще ни разу не оказывала мне никакого предпочтения.

В и д о в с к и й. А если б она тебе его оказывала, разве ты на это согласился бы, Феденька?

Ф е д е н ь к а. Нет, папа.

В и д о в с к и й. Можно подумать, что ты скрываешь привязанность, которую она тебе оказывает.

Ф е д е н ь к а. Папа, миленький папа, прошу вас, — запретите Ивану и Климу кому-нибудь об этом говорить.

В и д о в с к и й. Но, может быть, они уже рассказали всё пятидесяти человекам, Феденька! Убегай особенно пороков, ведущих к другим, которых уже нельзя поправить... Про тебя еще говорят, что ты всегда носишь в кармане розан, который дала тебе Софья.

Ф е д е н ь к а (*быстро*). Который она мне дала!.. Ах, боже мой! Можно ли так лгаты! Этот розан упал из ее волос на прошлом балу, а я его поднял так, что она не заметила.

В и д о в с к и й. Видишь ли, как правда уничтожается, переходя из уст в уста. Ты гораздо бы лучше сделал, если б ничего не говорил об этом розане.

Ф е д е н ь к а. Но кто ж вам сказал такую ложь?

В и д о в с к и й. Твоя тетенька.

Ф е д е н ь к а. Тетенька! Может ли быть?

В и д о в с к и й. Может быть, ей кто рассказал, ты знаешь, и между добрыми людьми есть злые.

Д а л ь в и л ь. Впрочем, это очень неприятно для m-lle Софи.

Ф е д е н ь к а. Миленький папенька, прошу вас, — напишите тетеньке...

В и д о в с к и й. Я знаю, что это не было бы бесполезно, но она так уверена, и я...

Ф е д е н ь к а. Как... Папенька, вы уверены?

В и д о в с к и й. Но отчего же ты так привязан к этой розе? Нельзя не поверить.

Ф е д е н ь к а. О, папа! уверяю, и даже божусь... Я вам всё рассказал, ваше сомнение приводит меня в отчаяние. Ах! эта роза! Я ее закину куда-нибудь! Я вас уверяю, что Софи не оказывала мне никакого преимущества, она даже не любит танцевать со мной и говорит, что я худо танцую...

Спей в танцах мне всегда неловко,
Она с другими так резва,
Приветно машет им головкой,
Твердит веселые слова,
Они кружатся, как голубки;
Но только я, скрепясь душой,
К ней подойду, — надует губки,
И просто ходит лишь со мной,
А не тапцует, как с другими;
И говорит она, папá,
Что не сравнюсь я в танцах с ними,
Что будто я сбиваюсь в па!

Вот как она со мной поступает. (*Умоляющим голосом.*)
Ах! если б вы всё это написали тетеньке!

Видовский. Может быть. Софья и не давала тебе розана, я не видел, чтоб она когда-нибудь кокетничала.

Феденька. О, папенька, будьте уверены, что она этого не сделает, если б она кокетничала, то я никогда не любил бы ее так.

Видовский. Если ты ее любишь, то постарайся, по крайней мере, приобрести те качества, которые тебя в ней прельщают. Не будь больше так ветрен.

Феденька. Я надеюсь, папа, что вы разуверены насчет этой розы.

Видовский. Если я увижу большую перемену в твоём поведении и характере, то я уверюсь, что ты Софью любишь основательно, и о розе говорить больше не буду.

Феденька. Хорошо, папа, увидите; вы будете довольны мною.

Я В Л Е Н И Е 4

Т е ж е и И в а н.

Иван (*подавая Видовскому письмо*). Сейчас принес-с.

Видовский. Хорошо. (*Читает.*) А! это от тех, которые не будут.

Феденька. Сегодня вечером?

Видовский. Да.

Феденька (*с любопытством*). Ну что же, па-
пенька?

Видовский (*смеясь*). Ах, какой ты любопытный!

Феденька. Что, папа?

Видовский. Не бойся, не бойся, от м-ше Софи нет.

Феденька. А Володя будет?

Видовский. Будет; я думаю, тебе было бы жалко, если б он не приехал.

Феденька. Ну... не слишком...

Видовский. Как... вы были сперва такие верные друзья!

Феденька. Мы уж больше не друзья.

Видовский. Почему?

Феденька. Он такой невежа, особенно на балу... Словом, мне бы не хотелось видеть его у нас сегодня.

Дальвиль. Он довольно хорошо танцует, и я уверен, что он никогда не сбивался в па.

Феденька. Так неужели он всегда хочет танцовать?.. Я уверен...

Видовский. Ты уверен... продолжай, Феденька.

Феденька. Что он не раз выбирал Сонюшку, потому что она очень хорошо танцует.

Видовский. Так за это вы и поссорились?

Феденька. Да, отчасти.

Видовский. А, так ты ревнив.

Феденька. Но, папа, она с ним танцует, а со мной просто ходит.

Видовский. Согласен, что это неприятно; но, чем дуться, лучше учись хорошенько танцовать.

Феденька. Ах, папа, вот уж неделю, как я учусь беспрестанно.

Видовский. Знаю, мне даже сказали, что ты для танцев пренебрег все другие занятия. Видно, ты уверен, что понравишься Сонюшке, если будешь хорошо танцовать; в таком случае она не стоит любви, и мне жаль тебя.

Феденька. О, нет, папенька, она такая умная.

Видовский. Ну, так твоя ревность совсем не у места. Когда я не беру тебя играть с собой в вист, заключаешь ли ты из того, что я тебя не люблю?

Феденька. Нет, папа; это потому, что я худо играю.

Видовский. А здесь разве не всё равно? Сонюшка предпочитает тебе того, кто хорошо танцует. Знай, Феденька: ревность также большой порок в человеке. Ты

непреренно хочешь быть ревнивым, а вместо того просто завистлив и презираешь Володю.

Феденька. А разве нет, папа, случаев, в которых ревность извинительна?

Видовский. Я еще не видывал таких случаев.

ЯВЛЕНИЕ 5

Те же, Иван.

Иван (*Видовскому*). Музыканты пришли; не прикажете ли освещать залу?

Видовский. Да. Я сейчас сам туда пойду, пойдете, monsieur Дальвиль.

Уходят.

ЯВЛЕНИЕ 6

Феденька (один).

Феденька. Боже мой! я всё еще не выучил хорошо этого трудного па! Неужели мне опять не удастся протанцовать лучше Володи. Нет, выучусь... (*Танцует и поет.*)

В кругу стройных пар
Теперь Вольдемар
Не будет уж лучшим танцором;
Начну танцовать
И всех чаровать
Мельканьем воздушным и скорым;
Не скажут теперь,
Что Феденька зверь,
Неловкий, степной и упрямый,
Вот, вот кавалер,
Для всех он пример! —
Воскликнут прекрасные дамы.
Не нехотя мне
Уж руку оне
Теперь подадут, — с восхищеньем.
Хоть всех их зови;
И даже Софи
Посмотрит тогда с удивленьем!

(*Напевая, убегает.*)

Под конец действия слуга приносит несколько шпак и кладет их на софу.

ВТОРОЕ ДЕЙСТВИЕ

Театр представляет ту же комнату, что и в первом действии.

ЯВЛЕНИЕ 1

Иван (один).

Иван. Ах, как здесь хорошо, там так душно! уж как я устал, беспрестанно подавай то пирожное, то мороженое. Ох, уж эти барчата, даром что малы, а едят так скоро, что не успеешь подавать. Что это с молодым барином сделалось; он не съел ни одного пирожка... А, да вот и он!

ЯВЛЕНИЕ 2

Иван и Феденька.

Иван. Как, барин, вы разве не будете больше танцовать?

Феденька. Я пришел только отдохнуть.

Иван. Что вы, сударь, такой печальный?

Феденька. Так, ничего.

Иван. Полноте, сударь; ведь я вас знаю... ступайте скорей, а то Софья Николаевна будет ангажирована.

Феденька (*с досадой*). Я больше не хочу танцовать с ней, точно так как и с другими...

Иван. А роза, ананасное мороженое, стихи? Позабыли!

Феденька. Я шутил. Роза, которую я тебе показывал, и не думала быть Сонюшкиной.

Иван. Значит, вы совсем не любите этой барышни?

Феденька. Нет, право, нет.

Иван. Верю, верю, сударь; так и надо.

Феденька. Отчего?

Иван. Оттого, что в ней, по мне, нет ничего особенного.

Феденька. Разве ты заметил что дурное в ее лице?

Иван. Я мало смотрел на нее.

Феденька. Ты, должно быть, принял за нее другую, а ее никогда не видывал.

Иван. Позвольте, позвольте, кажется, раз двадцать я видел ее у вашего папеньки на детских концертах. У нее русые волосы?

Феденька. Да.

Иван. Большие голубые глаза с длинными ресницами?

Феденька. И зрачки черные; прекрасные, шелковые волосы, маленький носик.

Иван. Да, сударь, барышня недурна, нечего сказать.

Феденька. Еще бы.

Иван. Она, кажется, немного плохо играет на фортепьянах.

Феденька (с досадою). Что ты лжешь!.. Она играет, как ангел!

Иван, хитро улыбаясь, уходит.

Как он смеет так смеяться над Сонюшкой!

Я В Л Е Н И Е 3

Видовский и Феденька.

Видовский. Что ты здесь делаешь, Феденька? Отчего ты не в зале?

Феденька. Я сейчас пойду туда.

Видовский. Но зачем ты ушел? Говори правду и не увертывайся, ты мне это обещал.

Феденька. Право, оттого, что мне скучно.

Видовский. А отчего тебе скучно?

Феденька. Оттого, что я танцевал только один раз.

Видовский. Кто же тебе помешал?

Феденька. Я не мог, — она всегда ангажирована.

Видовский. Она... верно, Сонюшка? Но танцевать весь вечер с одной невежливо и неумно.

Феденька. Но ведь я без дурного намеренья.

Видовский. Тем лучше, я того и хочу. Но тебе пора танцевать. Сонюшка скоро должна танцевать.

Феденька. Я уже ее ангажировал.

ЯВЛЕНИЕ 4

Видовский (один).

Видовский. Он не предвидит горя, которое его ожидает, она уже танцевала с Володей. Как он рассердится. Бедный Феденька, мне его жаль!

ЯВЛЕНИЕ 5

Видовский и Дальвиль.

Видовский. Ну, что делает Феденька?

Дальвиль. Он зол ужасно. Союшка подошла к нему и сказала, что она долго ждала его, но, наконец, по приказанию маменьки, танцевала с Володей. Феденька покраснел и не мог ничего сказать, слезы навернулись на его глаза. Я стоял за колонной и наблюдал за ним. Он подошел к Володе и сказал вполголоса очень серьезно: «Милостивый государь! Я хочу с вами поговорить в той комнате», — и указал на дверь, ведущую сюда.

Видовский. Что это значит?

Дальвиль. Выслушайте до конца. Когда Володя спросил: для чего? — он повторил в другой раз, что хочет с ним поговорить наедине. Наконец они условились сойтись в этой комнате. Я приказал Ивану известить нас, когда они выйдут из зала.

Видовский. Посмотрим, что будет дальше.

Дальвиль. Что вы хотите делать?

Видовский. Спрячемся в кабинет, оттуда мы услышим и увидим всё, что они будут говорить и делать здесь.

ЯВЛЕНИЕ 6

Те же, Иван.

Иван. Кадриль кончилась, они сейчас придут сюда.

Видовский (Ивану). Когда они придут, оставь их одних. Спрячемся, Дальвиль.

Дальвиль. Но вы, кажется, боитесь?

Видовский. Да, признаюсь. Вы знаете, как мне дорого это дитя.

Иван. Они идут.

Видовский. Пойдемте скорей. *(Ивану.)* Когда они спросят, где мы, скажи, что с гостями.

Видовский и Дальвиль уходят в кабинет.

Я В Л Е Н И Е 7

Феденька, Володя и Иван.

Феденька. Иван, оставь нас; нам нужно быть одним. Если папенька или monsieur Дальвиль спросят, где мы, скажи, что повторяем здесь contre-dance, который мы сейчас будем танцевать. Мы здесь ненадолго запремся, смотри, чтоб нам никто не мешал. А где папенька?

Иван. С гостями в зале. Как же вы будете танцевать без скрипки?

Володя. Скрипач придет, уходи только поскорей.

Иван. Слушаю-с. *(Уходит.)*

Я В Л Е Н И Е 8

Володя и Феденька.

Феденька. Теперь запрем дверь. *(Запирает дверь, ведущую в залу.)*

Володя. Этот бедный Феденька сегодня с ума сошел.

Феденька берет с софы две шпаги.

Феденька, чего ты там ищешь?

Феденька. Выбираю две шпаги, одну для себя, другую для тебя.

Володя. Ты хочешь драться, что ли?

Феденька *(держит в руке две шпаги)*. Вот возьми себе эту.

Володя. Понимаю. Если так, то скажи, по крайней мере, за что мы будем драться. Я совсем не знаю.

Феденька. Давеча я был на тебя очень сердит, ты сам должен догадаться, за что, и просил тебя сюда.

Но теперь гнев мой несколько остыл, мне не хочется огорчать папеньку, и потому, если ты попросишь у меня прощения, то мы не будем драться.

В о л о д я. Прощения! А в чем я у тебя буду просить прощения?

Ф е д е н ь к а. Я знаю только то, что ты или должен просить у меня прощения, или со мной драться. Если не хочешь извиниться, то давай драться.

В о л о д я. Но я имею гораздо больше права требовать, чтоб *ты* просил у меня извинения. Ведь ты всё начал.

Ф е д е н ь к а. Оттого, что ты виноват.

В о л о д я. В чем я виноват?

Ф е д е н ь к а. Мне сказали, что ты про меня говорил то, что мне совсем не нравится.

В о л о д я. Неправда. Я про тебя ничего худого не говорил. Впрочем, назови мне того, кто тебе это сказал: я с ним должен драться, а не с тобой.

Ф е д е н ь к а. Никогда я тебе не скажу его имени; я дал честное слово.

В о л о д я. Ну, так ты это сам выдумал для того, чтоб придрататься ко мне.

Ф е д е н ь к а. Что?.. Ты говоришь, что я выдумал? Бери скорей шпагу — и начнем.

В о л о д я. Погоди, погоди. Ведь я знаю настоящую причину твоей на меня злобы, она произошла оттого, что я гораздо чаще танцую с Сонюшкой, а тебе не удается.

Ф е д е н ь к а. Ты плохой отгадчик. Чтоб тебя в этом уверить, я сознаюсь, что совсем не расположен к Сонюшке, а люблю другую.

В о л о д я. Давно ли?

Ф е д е н ь к а. Еще прежде, чем узнал Сонюшку. Впрочем, оставим этот разговор и приступим к делу.

В о л о д я. Но послушай, я не хочу и не должен драться с тобой: я старше и сильнее тебя, ты предо мной ребенок.

Ф е д е н ь к а *(в гневе)*.

Я ребенок! нет, не число
Я себя в кругу детей,
Я уж чувствую и мыслю,
Понимаю цель вещей!
Я ребенок! нет, не плачу

Я пад сломанным коньком,
Разных лакомств я не прлчу,
Чтоб их после съесть тайком.
Я ребенок! нет, сознанием
Уж забилась грудь моя,
Уж волнуясь то мечтаю,
То безвестным чем-то я.
Я ребенок! нет, игрушки
Уж не радуют меня,
Не боюсь я грома пушки,
Не бегу я от огня.
Я ребенок! нет, я знаю,
Для чего свинец и меч,
И обиду понимаю
Точно так, как ласки речь.
Я ни другу, ни злодею
Той обиды не прощу;
А что смыть ее умею,
Становись! — я отомщу.

(Махает шпагой.)

В о л о д я. Ха, ха, ха! Право, ты забавен. Но моя шпага лучше и длиннее твоей, как же я стану драться? На моей стороне двойной перевес.

Ф е д е н ь к а. Послушай, я подумаю, что ты трусишь, если будешь еще отговариваться.

В о л о д я. Трушу! о, теперь я так же хочу драться, как и ты. Но не хочу, чтоб бой был неравный, поменяемся шпагами — и я готов.

Ф е д е н ь к а. Если ты думаешь, что моя хуже, то я нарочно оставлю ее у себя.

В о л о д я. Не забудь, что, кроме того, я сильнее тебя.

Ф е д е н ь к а. А я ловче тебя и лучше фехтую. Ну, становись.

В о л о д я. Погоди немного.

Быстро приближается к Феденьке, вырывает у него шпагу и бросает ему свою.

Ф е д е н ь к а. Ах, боже мой! что ты делаешь!

В о л о д я. Теперь мы можем драться.

Ф е д е н ь к а. Отдай мне мою шпагу.

В о л о д я. Я тебе говорю, возьми мою и кончим скорей; ну, защищайся!

Ф е д е н ь к а. Я иначе не буду драться, как ровными шпагами. На софе много шпаг, пойдем и выберем ровные.

Володя. Хорошо.
Феденька. Поторопимся.

Идут к софе, выбирают ровные шпаги.

Вот теперь прекрасно; ну, не теряем времени.

Володя. С радостью.

Становятся в позицию; в эту минуту Видовский и Даль-
виль входят.

Я В Л Е Н И Е 9

Те же, Видовский и Дальвиль.

Феденька (*в испуге*). Боже!.. мой папенька!..
Видовский. Феденька, и ты, милый Володя, хо-
тите ли взять меня своим посредником?

Володя. Очень хорошо!

Дальвиль. А что скажет monsieur Théodore?

Феденька. Папенька, я ожидаю ваших приказаний.

Видовский. Итак, если вы меня делаете своим
судьею, то я начинаю: Феденька виноват кругом, но я на-
деюсь, что он постарается исправить свои ошибки.

Феденька. Да, папенька, я чувствую, что виноват.
Умоляю вас, научите меня, как просить прощения у
Володи.

Видовский. Нет, я тебе ничего не скажу; помни
только, что ты оскорбил того, кого прежде любил.

Феденька. Если он мне позволит, то я с радостью
готов обнять его.

Володя (*идет к нему*). Поди сюда, милый Феденька.

Феденька.

Прости мне, Воля, ради бога,
Тебя я много оскорбил!

Володя.

За то ты и наказан много,
Поди ко мне, я всё простил.

Феденька.

Мы прежде очень дружно жили,
И был с тобою счастлив я.

Володя.

Мы дружбу ту возобновили,
И будем вечные друзья!

Феденька.

Да, да; ничто уж, друг сердечный,
Нас с этих пор не разлучит.

Феденька и Володя *(вместе)*.

Мы будем дружны вечно, вечно!
Бог наш союз благословит!

(Обнимаются и целуются.)

Дальвиль. Вот славные дети!

Видовский. Теперь, Феденька, проси у меня прощенья. *(Протягивает ему руку, Феденька целует ее.)* Ты сегодня очень оскорбил меня и обещал исправиться. Прощаю тебе, всё забыто. Надеюсь, что этот случай заставит тебя быть скромнее и что с этого дня ты будешь стараться хорошо учиться и вести себя.

Феденька. Да, папенька, будьте уверены, что с сегодня я не сделаю ничего для вас неприятного. *(Целует его руку.)*

Я буду хорошо учиться
И хорошо себя вести,
Лишь стану с умными дружить,
А шалунам скажу прости.
Сперва обдумывать я стану
То, что я сделать захочу,
И уж ни Климу, ни Ивану
Своих я тайн не сообщу;
А побегу, папа, к вам прямо,
Всё откровенно расскажу
И без надменности упрямой,
Как поступить, у вас спрошу.
И поступлю, как вы велите,
И благородней, как могу,
Вы обещание примите,
Папа, поверьте, я не лгу.

(Ласкается к Видовскому.)

Видовский. Ну, хорошо, я на тебя надеюсь... Теперь, друзья, идите в залу, танцуйте, веселитесь хорошенько.

Феденька. Пойдем, Володя.

Володя. Пойдем, милый Феденька; и прошу сдерживать слово, больше не ссориться.

Уходят.

ЯВЛЕНИЕ 10 и ПОСЛЕДНЕЕ

Видовский и Дальвиль.

Видовский. Я горю нетерпением увидеть отца Володи и рассказать ему эту забавную историю.

Дальвиль. Но прежде заставьте Феденьку танцевать с Сонюшкой.

Видовский. Да, непременно! Пойдемте.

Занавес опускается.

1841

УТРО В РЕДАКЦИИ

*Водовильные сцены
из журнальной жизни*

Кабинет, опрятно и довольно роскошно убранный; по стенам развешено множество портретов писателей и артистов; на книжных шкафах бюсты Вольтера, Руссо, Пушкина, Крылова, Шиллера и Гете. У стены письменный стол, уставленный разными красивыми безделками, в систематическом порядке, и покрытый бумагами и книгами. Семячко, журналист, сидит у стола.

Семячко. Пропать дела. Мало того, что пиши, да пиши еще наскоро, на заказ, пиши под мерку наборщика: именно столько, сколько надо в номер. А тут глядишь, — придется что-нибудь выбросить, и опять добавляй; и всё в меру, и в строку. Чуть свет, бесчеловечные наборщики пришлют тебе несколько форм корректуры... сиди, читай, да думай о том, что написать к завтрашнему номеру. А тут принесут газеты; смотришь, — какой-нибудь благоприятель уж и позаботится поздравить тебя добрым утром. Сердиться на него не стоит, а всё досадно. Чуть успокоишься, сядешь за перо, — звонят в колокольчик... И ворвется какой-нибудь посетитель; друг он, не друг, а так, посетитель. Потом другой, третий... толкуй с ними... Очень приятно!...

Чуть проснешься, нет отбоя
От задорливых писак,
Не дают тебе покоя,
Жгут сигары и табак,
Предлагают вам услуги,
Повестцу вам принесут
И, как будто на досуге,
С жаром вам ее прочтут.
Тот пучок стихотворений
Вам изволит предлагать;

Сам не знает ударений,
А ударился писать.
Тот свою дряпную сказку
Подает в десятый раз:
*«Я поправил тут завязку,
Стал короче мой рассказ».*
Тот с безграмотной статьей
Силой ломится к вам в дверь:
*«Извините — беспокою,
Но последний раз теперь».*
Тот придет с пиесой дикой:
*«Прочитать я вас прошу,
Человек-де вы великой,
Вашим мнением дорожусь»,*
И начнется искушенье...
И пойдет тут кутерьма.
Просто сущее мученье,
Ходишь точно без ума.
Тут клянешь литературу,
Проклинаешь сам себя;
В лапах держишь корректуру,
А *держат* ее нельзя.
А тут смотришь, — вдруг газеты
Новый номер принесут,
В нем тебя сживают с света,
По карману больно бьют...
А тут смотришь, — гневный фактор
Впопыхах к тебе бежит:
*«Господи, дескать, редактор,
Типография стоит!»*
Как-нибудь гостей проводишь,
Над статьей начнешь корпеть,
Что попало производишь,
Только б к сроку подоспеть!
Вдруг... о, страх! толпою гости,
Как враги, пахлынут вновь;
От досады ноют кости,
Приливает к сердцу кровь.
День проходит, день потерян...
Заглянуть беда вперед,
На другой день — будь уверен —
То же самое пойдет!

Что делать?.. Отказать совестно... назовут гордецом. Им очень хорошо известно, что журналист всегда дома... При этом думаешь, что и за делом; а на поверку выходит, что просто им дома соскучилось... Да и говорить с ними не о чем.

Как скучны эти господа!
Жить не дают совсем в покое.
Придут и сядут без стыда,

Болтают битый час пустое,
А ты тут думай: вот беда!
Я не один и нас не двое.

Хоть бы сегодня меня не потревожили... У меня так много дела. Надо прочитать вот эту корректуру, да написать статью в фельетон, а то завтра номер не выдет; — а это беда, решительная беда... На исправный выход газет и книжек у нас очень, очень много смотрят. Давай хоть вздор, перепечатанный из старых книг, — всё хорошо; дай превосходнейшие вещи днем позже — скажут: *дрянь*. (*Садится и читает корректуру. Входит человек и подает газету. Семячко берет и читает.*) Так и есть... Опять ругательство. Задарин каждый день меня угощает, видно я ему солоно пришелся. (*Читает и вскакивает.*) Нет, это уже ни на что не похоже. Он просто лично меня оскорбляет... (*Успокаивается.*) Впрочем, за что сердиться? От лжи, клеветы и низких намеков мое доброе имя не пострадает. Пойду вперед добросовестно — публика рассудит, какое мнение выше: *продажное* или *неподкупное*.

Слышит звонок.

Ну, кто-то идет...

Входит *Оболтусов*, с рукописью подмышкой.

Оболтусов. Мое почтение.

Семячко. Здравствуйте.—(Ну, теперь от него не отвяжешься!)

Оболтусов. У меня есть до вас просьба, которая, без сомнения, будет вам очень, очень приятна. Вам известно, что, несмотря на цветущую мою молодость, я изучил уже Гомера, Софокла, Еврипида, всех древних и новых, могу читать на греческом, латинском, арабском и санскритском так же свободно, как и на русском. Я занимаюсь изучением российских древностей и разбором финских рунов, пишу стихи большею частию в греческом вкусе и китайском духе; наконец, что вы скажете, если я объявлю вам, что я иногда, уделяя время легкой словесности, писал повести. Долго мне не хотелось печатать их... знаете, после исторических исследований, возни с древними как-то казалось целовко... Однако теперь я решился... Не просто решился, а, извольте видеть... написал два билетика, — на одном: «печатать», на другом: «не печатать», положил

в папенькину барашкову шапку... она такая глубокая... да и дал вынуть кухне... прекрасная девушка, — лет в шестнадцать. Гляжу, — вынулось: «печатать». Вот я принес мою повесть к вам: напечатать. Меня умоляли об ней другие журналы, но я уж решил, что вам.

Семьячко. Благодарю. Оставьте ее, я просмотрю и если...

Оболтусов. Угодно, я расскажу вам сюжет? Дело состоит в том...

Семьячко. Нет, уж позвольте... Я сам прочту...

Оболтусов. Вот вам еще стихотворение: *Комар* — в китайском вкусе. Дело состоит в том, что комар сел на руку одной молодой девушки и до того напился ее кровью, что не мог лететь. Девушка видела его во власти своей, но... такова сила добродетели... не послушалась чувства мщения: спокойно дождалась, когда комар собрался силами, и когда он улетал, то сопровождала его благословениями, желанием «здравия» и всякого благоденствия. Умилительно-нравственная сцена, совершенно вроде *Катса* или *Бильдердейка*. Я тоже хочу приготовить томов сорок в этом роде. А вот вам еще статья о чухломских древностях...

Семьячко. Подобная статья о древностях Чухломы была уже вами напечатана в другом журнале: она исполнена ошибок и противоречий.

Оболтусов. Помилуйте, стоит ли на это обращать внимание...

Семьячко. Однако вы даже перепутали названия замечательных зданий, доселе существующих, и многие из них на другие места переставили.

Оболтусов. Что ж тут важного?.. Кто там живет, тот тотчас и видит, в чем ошибка, а я делаю исследования исторические. Вот еще не угодно ли отрывок из моей поэмы? Дело состоит в том, что театр освещен и... да, я забыл самое главное: я перевозжу плоды величайшего гения древности... Потрудитесь объявить в вашей газете, что один известный литератор, или известный писатель и ученый, принял на себя труд, ну, — и т. д... понимаете?..

Семьячко. Очень понимаю, чего вы хотите.

Оболтусов. Итак, я надеюсь, что вы исполните мою просьбу. А за повесть мне, я думаю, и деньги получить можно.

Семячко. У нас деньги обыкновенно платятся, когда статья напечатается, и притом только известным литераторам, заслужившим имя в публике.

Оболтусов. Да вот, как вы напечатаете мою повесть, так я и буду известный литератор, а деньги до того времени подожду.

Семячко. (Долгонько ждать придется.)

Оболтусов. Итак, до свидания. (*Уходит.*)

Семячко. Молодец... в 16 лет всю мудрость поглотил. Чему же мы до сей поры учимся?.. Он на восточных языках читать не умеет, а переводит Саконталу, не знает истории, а пишет историческую критику... и какой китаец!.. Ах! боже мой! уж половина двенадцатого. Что будет, если я не успею... (*Читает корректуру.*) Славная статья... только половину надо выкинуть.

Слышен звонок.

Опять, да что же это, наконец?

Входит Пельский.

А! это вы?.. Ну, слава богу, вы мне поможете, милейший мой. Вот вам, почитайте от скуки. Вы, кажется, ничего не делаете.

Пельский. Помилуйте, кто вам сказал?.. Да я целый день за работой.

Семячко. А всё ничего нет. Что ж вы сделали?

Пельский. Повесть написал, другую начал, драму продолжаю, к чужому водевилю куплеты приделываю, поэму переделываю, литературные сцены пишу.

Семячко. Всё вдруг... Вот от этого-то у вас и не выдет ничего путного. Что вы так расстроены?

Пельский.

В моей душе мороз трескучий,
А над душой клубятся тучи,
А за душою ни гроша.
О, как пуста моя душа!..

Жизнь глупа, очень глупа. Особенно наша литературная.

Семячко. Стыдитесь жаловаться. У вас есть определенная работа. Сделал, да и гуляй себе на все четыре стороны. Вы ни за что не отвечаете, а мы отвечаем даже за вас. Вы глупо напишете, нас бранят; вы сделаете промах, нас

обвиняют в неосмотрительности. Ваша жизнь завиднее нашей, вы сотрудники, а мы труженики.

П е л ь с к и й. Оно отчасти так, да вы сами виноваты. Ваши враги вас бранят, смеются над вашей фамилией, делают из нее каламбуры; а вы не отвечаете им.

С е м я ч к о. Я литератор, а не торговка с рынка. Я могу входить в спор литературный, где от столкновения мнений может произойти польза для науки, искусства или словесности, но в торгашнические перебранки, порождаемые спекулятивным взглядом на литературу моих противников, я входить не могу и не намерен.

П е л ь с к и й. Положим так, да публика-то на их стороне, она думает, что вы молчите потому, что не имеете ничего сказать в оправдание.

С е м я ч к о. Пусть себе думают, что хотят. Я для этого не намерен отступать от моих правил и пятнать страницы моей газеты тою ржавчиною литературы, которую желал бы смыть кровью и слезами. Я хочу исполнять свое дело добросовестно и честно. — Кто любит то и другое — тот поймет меня, без полемических вылазок.

Слышен звонок.

Вот опять кто-то... Беда мне с посетителями! Вот, кстати, посмотрите, какое уморительное письмо я получил сегодня.

П е л ь с к и й (*читает*). «Посылаю к вам мою комедию для помещения в *** и прошу вас выслать мне за нее к празднику тысячу рублей серебром!» Ого, го! какой хват! Мы целый год тянем ляжку, да этак не выписываем. Чудаки! Забились в провинцию и думают, что здесь деньги куры не клюют.

С е м я ч к о. Да посмотрите, какая вздорная вещь... Смысла нет. Разоряют меня эти господа... беспрестанно нужно платить за объявление да посылать в почтаamt.

Входит Ш р е й б р у н в панковом сюртуке, с клеенчатым картузом в руках, и низко кланяется; за ним входит же п щ и н а и двое запачканных мальчишек, одетых в курточки.

Ш р е й б р у н (*низко кланяясь*). Извините, — беспокою вас, крайняя нужда, ребяташки плачутся. У меня их, я вам откровенно скажу, не столько, что вы здесь видите... эти побольше, а то есть еще маленькие, которые чуть ходят, и еще самые маленькие, которые совсем ходить не

умеют. Всего восемь человек, а девятый... но вы сами видите, в каком положении моя жена... жена, подойди поближе!

С е м я ч к о. Чго вам угодно?

Ш р е й б р у н. Дед мой был содержателем трактирного заведения в **гофе. Работая усердно и продавая иностранные вина российского производства, он зашиб-таки себе копеечку; в то же время жена его, покойная моя бабушка, скончалась... дед мой... но надо вам прежде сказать, что́ это была за чудная женщина; наше семейство по справедливости гордится ею. Она, видите ли...

С е м я ч к о. Позвольте вам заметить, что я в первый раз вас вижу и лучше бы хотел знать, с кем имею честь говорить.

Ш р е й б р у н. Фон Шрейбрун, внук содержателя трактирного заведения в **гофе.

С е м я ч к о. Теперь прошу объяснить причину вашего посещения.

Ш р е й б р у н. Отец мой в малолетстве занимался резанием листов курительного табака и получил от этого необыкновенную страсть к курению. Потом он начал курить водку, и эта страсть имела пагубные последствия: куря табак, он любил запивать его пуншем; для этого ходил в гостиницу, где, скучая пить в бездействии, играл в кости; таким образом, табак был причиною, что он в год прокурил всё свое достояние. За год до этого несчастья я, не ожидая такого оборота дел, женился на прекрасной, но бедной девице — Каролине-Христине-Эрнестине-Амалии, которую и теперь обожаю. Каролина! поди, поцелуй своего верного мужа.

Каролина подходит и целует его.

С е м я ч к о. (Что за комедия!..) Ну-с?

Ш р е й б р у н (со слезами). Добрая она, очень добрая женщина; в ней всё мое утешение. Если вы не женаты, государь мой, выберите себе такую же жену; не будете раскаиваться. Вскоре жена моя подарила мне сынишку, и счастье мое увеличилось. Он весь в меня... Поди сюда, Иозеф, и ты, Иоганн! Обнимите своего несчастного отца.

Дети обнимают его; он плачет.

Добрые, предобрые дети... Дай бог и вам таких.

С е м я ч к о. (Я теряю терпение! Если он будет продолжать, он отнимет у меня всё утро, а мне дорога каждая минута.) Что ж дальше?.. Только, сделайте одолжение, сократите ваш рассказ. Я горю нетерпением узнать развязку.

Ш р е й б р у н. Она в высшей степени трагическая. Всё, что осталось после отца... Увы! после него осталось только несколько ящиков сигар и одиннадцать пенковых трубок... Я продал... но не надолго стало мне выручки. Я разорился и принужден был итти по миру. Я упал на грудь моей Каролины и горько заплакал. *(Плачет.)* Поди ко мне, добродетельнейшая женщина! Помнишь ли ты этот роковой день?..

Каролина заливается слезами и падает к нему на грудь.

П е л ь с к и й. (Да, чорт возьми! прогоните их.)

С е м я ч к о. Милостивый государь, извините, если я вам скажу, что мне некогда, и потому прошу вас поскорей объяснить, какое вы имеете дело?

Ш р е й б р у н. Чем шататься по миру, я решил лучше итти в наставники юношества; но... видно, уж такая несчастная участь моя... до сей поры я, немец, не могу добиться учительского места. Вот уж восемь лет живу здесь; шарманка и мое слабое искусство в песнопении доставляли мне пропитание; но, увы! шарманка испортилась, и я с семейством охрип от холода... Жена! дети!.. падайте на колена перед его милостию! Он только может помочь нам.

Каролина и двое детей бросаются на колени.

Обнимайте его колена; называйте благодетелем.

Ж е н а и д е т и. Благодетель!

С е м я ч к о. Да встаньте, ради бога. Что за сцена: вы меня с ног сшибете.

Ш р е й б р у н. Будьте великодушны... не оставьте обратить взор сострадания на слезы детей и на меня — представителя благородной фамилии — внука...

С е м я ч к о *(вынимает деньги из бумажника)*. Вот, извольте... сколько могу... двадцать пять рублей...

Ш р е й б р у н. Нет, нет! помилуйте, как можно!

С е м я ч к о. Так вот пятьдесят. Только уйдите от меня. Мне некогда, право, некогда.

Ш р е й б р у н. Нет, нет... деньги — фуй! Как можно! не деньгами вы можете помочь...

Семячко. Чем же? Говорите скорей. (Вот послал бог беду и в какое время!)

Шрейбрун. Изыскивая средства к существованию, я несколько раз подавал прошение о помещении меня на учительское место, о воспитании детей, о денежном вспомоществовании, и на все просьбы мне отказано. Несчастья мои никого не тронули. Милостивый государь, вы так хорошо владеете пером, вы так хорошо пишете комедии; напишите мне прошение: оно всех тронет до слез, надо мною сжалятся. Жена, дети, падайте на колена, целуйте подошву ног вашего благодетеля!

Жена и дети бросаются к ногам Семячко.

Семячко. (Что тут прикажете делать?.. Скажу, что напишу, только бы отделаться.)

Шрейбрун. Будьте благодетель, я стою на краю гибели... поддержите меня...

Похвально, должно и прилично
В беде несчастным помогать;
Вель вы владеете отлично
Высоким даром убеждать.
Вы тронуть можете словами,
Мне не прожить без вас и дня,
Я на коленях перед вами,
Поставьте на ноги меня!

Семячко. Хорошо; я подумаю о вашей просьбе, наведаетесь ко мне на-днях...

Шрейбрун (*с радостью*). О, как я счастлив! Жена, дети, подите, оросите слезами надежды грудь мою!

Всё семейство обнимается.

Прощайте, я оставляю вас, благодетель мой, чтоб увидеть в другой раз вестником нашего спасения. Благодарность моя и нашего семейства... жена, дети! да что ж вы стоите, как статуи, благодарите!

Семячко. Не стоит благодарности; до свидания...

Шрейбрун. До радостного свидания.

Уходят, низко кланяясь.

Пельский. Я чуть не лопнул со смеху.

Семячко. Вам смешно, а мне плакать хочется; уж скоро час...

Слышен звонок.

Вот опять кто-то...

Входит Б у д к и н, фронт в закрученных усах, раззавитой и раздушонный.

Б у д к и н. Я имею удовольствие видеть господина Семячко?

С е м я ч к о. Так точно. Что вам угодно?

Б у д к и н. Я так уважаю вас по вашим сочинениям, так восхищаюсь ими... С восторгом узнал я, что вы издаете журнал, и поспешил подписаться... Не позволите ли?..

С е м я ч к о. Для этого у меня есть контора, пожалуйста туда.

Б у д к и н. Скажите, а я этого не знал... Но уж всё равно, позвольте у вас... вот деньги. (*Кладет на стол.*)

С е м я ч к о. Уж если вам так хочется, то пожалуйста ваш адрес. (*Звонит, лакей входит.*) отошли этот адрес и деньги в контору.

Б у д к и н. Надеюсь, что этот случай доставит мне удовольствие иметь вас в числе моих знакомых... Я всегда читаю ваши театральные статьи и ими восхищаюсь... А, кстати, были ли вы в последнем бенефисе? Не правда ли, как хорошо играла Глазкина? Талант, решительный талант... вот вы строги к ней...

С е м я ч к о. Что делать, извините, я пишу по убеждению. (*Закуривает сигару.*)

Б у д к и н. А! вы любитель сигар... Ах, какие я неднях достал сигары! Настоящие гаванские, прямо из Америки... Я по случаю, знаете, через одного посланника...

С е м я ч к о. Не американского ли?

Б у д к и н. Да, да, — американского! Но это манна, я вам скажу. Окажите дружбу; позвольте поделиться с вами... Я вам сегодня же пришлю одну тысячу...

С е м я ч к о. Не беспокойтесь, очень благодарен, у меня их большой запас.

Б у д к и н. Ничего! еще больше запасете. Так мы говорили... Отчего же иногда и не похвалить талант... А? сделайте одолжение, приезжайте сегодня к Кулону... мы там пообедаем... я так дорожу вашим обществом... В последний раз Глазкина была верх совершенства; жаль, что вы ее не видали. Грех сказать об ней что-нибудь дур-

ное, или что-нибудь хорошее о ее соперницах, чем она еще больше обижается... Да мы с вами об этом еще потолкуем; приходите же к Кулону...

Семячко. Не могу, я очень занят...

Будкин. Дела в сторону... А скажите откровенно, неужели вы то же думаете о Глазкиной, что пишете?

Семячко. Я пишу, что думаю.

Будкин. Ну, полноте; она с большим талантом и об вас так хорошо отзывается. Пора вам переменить гнев на милость... *(Смотрит на часы.)* Что это, ваши столовые часы стоят? Э! да это здешние, сборные... Нет, вот у меня есть настоящие французские... Контрабанда! Из Парижа вывез... Полторы тысячи франков там заплатил... Окажите дружбу — позвольте вам прислать...

Семячко. Для чего, помилуйте?..

Будкин. У меня они лишние; мне очень приятно будет услужить вам для первого знакомства. А право, Глазкина хорошая актриса... Согласитесь сами, что вы были несколько строги к ней...

Семячко. Я сказал свое мнение и не отступлюсь от него.

Будкин. Но она могла исправиться, перемениться, сделать успехи... Однако, я вижу, вы дорожите временем, не хочу мешать... так мы увидимся?.. Не так ли? — в пять часов у Кулона... мы там потолкуем за бутылкой шампанского об искусстве... Кто не переменял мнений!.. Глазкина всегда так много говорит об вас хорошего... она так дорожит вашим мнением... но об этом за десертом. Итак, вы будете?

Семячко. Если позволят дела...

Будкин. Как хотите, а я не уйду, пока вы не дадите слова.

Семячко. Нечего делать, буду.

Будкин. Хорошо, я жду... До свидания.

Семячко. Мое почтение.

Будкин уходит. Семячко садится писать.

Пельский. Вы статью дописываете?

Семячко. Нет, пишу записку, что дела задержали меня, что я никак не могу обедать с этим молодцом.

П е л ь с к и й. Как? Вы раздумали?

С е м я ч к о. Помилуйте... Разве вы не поняли его цели? Он пришел подкупить мое беспристрастие, ему нужно, чтоб я хвалил эту актрису...

П е л ь с к и й. Да, да, да!

С е м я ч к о. Человек!

Входит слуга.

Когда будет приходиться этот господин или пришлет что-нибудь — не принимать; говори, что меня дома нет; что я съехал, выехал из города, что ошиблись домом, подъездом, что хочешь, только б я его не видал.

С л у г а. Слушаю-с. Из типографии, сударь, пришли... Какой-то билигарфии просят... двенадцать строк нехватило.

С е м я ч к о. Библиографии! Хорошо, скажи, что пришло.

Слуга уходит.

Еще беда!.. Надо писать разбор книги в двенадцать строк...

Слышен звонок.

Кого-то бог несет? При каждом ударе колокольчика у меня сердце так и вздрогнет... Шепните уже человеку, чтоб он никого не пускал.

Входит П у г о в и ц ы н, в худом вицмундире, с бархатным воротником; по приемам и физиономии видно, что закоренелый подъячий.

П у г о в и ц ы н. С глубочайшим и таковою же... Ваш нижайший слуга... Пуговицын-с.

С е м я ч к о. Что вам угодно?

П у г о в и ц ы н. Я, вот изволите видеть, с малолетства в земском суде служил. Сначала я был писцом, потом с божией помощью вышел в заседатели. По особенному благоволению местного начальства, быв неоднократно посылаем на следствия, в продолжение службы произвел их до пятисот, без всякого содействия капитан-исправника и дворянского заседателя, который, не тем будь помянут... теперь уж он *(показывая вверх)* там...

С е м я ч к о. А что далее?

П у г о в и ц ы н. Вот, изволите видеть, самыми обстоятельствами я был поставлен на такую выгодную пози-

цию, с которой мог безукоризненно наблюдать нравы и обычаи. Я наблюдал с разборчивостью и надлежащей осмотрительностью и записывал мои наблюдения. Ныне я вышел в отставку; приехав сюда, дошло до сведения моего, что вы изволите платить полтораста рублей за лист... Надеюсь, что не откажете принять мои сочинения.

С е м я ч к о. Я посмотрю... (А! чтоб его чорт взял... уж два часа.)

П у г о в и ц ы н. Могу поручиться за верность... все истинные происшествия: по горячим следам схвачено... Да вот, не угодно ли, я прочту что-нибудь... Вот-с повесть «Нищая». Это, изволите видеть, чистая истина, — у нас в земском суде и теперь дело хранится. Она была, сердечная, из благородной фамилии; зарезала несколько человек, так, не нарочно, совершенно невинным образом... Так вот, видите, я и назвал повесть «Нищая, или Невинная виновница».

Вбегает Т р е з в о н о в.

С е м я ч к о. (Вот тебе на!.. Еще один... Теперь их не выживешь.) (Пельскому.) Читайте хоть вы корректуру поскорей...

П е л ь с к и й. Читаю, читаю.

Т р е з в о н о в. Простите великодушно... Дворовый человек ваш сказал, что вас дома нет, но я вошел помимо его объявления; мне крайняя нужда, я же третий раз прихожу. (Становится в позицию и декламирует.)

Со берегов Оки цветущих
Дух мой рвался на Парнас,
И, помимо всех живущих,
Накопец, я вижу вас...

Это приветствие — экспромтом; а вот теперь послушайте стихотворение, которым я хочу подарить ваш журнал. (Читает.)

Четыре есть реки на белом свете — длинных,
Широких и больших, глубоких и картинных;
Четыре красоты на белом свете есть,
Величие души, богатство, слава, честь...
Но в брэнной жизни сей, в превратном этом мире,
Пороков и грехов — четырежды-четыре!

П е л ь с к и й. (Как это дико! Да это что-то à la Гриб-
бовников.)

С е м я ч к о. (И слезы и смех... А статья моя всё не пишется.)

Т р е з в о н о в. Так вот вам-с; напечатаете — еще дам.

С е м я ч к о. Очень благодарен.

Т р е з в о н о в. Ну, одно дело с плеч долой. Теперь в театральную дирекцию: хочу поставить трагедию.

П у г о в и ц ы н. А вы и трагедии пишете?

Т р е з в о н о в. Как же, это главное мое занятие.

Л а к е й (*входит*). Из типографии, сударь, пришли, требуют назад корректуры, да оригиналу просят, говорят, что если к четырем часам не будет, номер завтра не выдет.

С е м я ч к о. В четыре, а теперь уже половина третьего! (Притом этих господ до завтра не выживешь...) Пельский, дайте ему корректуру, сколько прочитано.

Т р е з в о н о в. Так, так... вот хоть спросим их... по триста рублей за акт оригинальный...

П у г о в и ц ы н. Скажите, а я и не знал. Вот мне всего лучше для театра писать, непременно буду... двойная польза...

Т р е з в о н о в. Послушайте-ка. Я вам прочту отрывочек...

П у г о в и ц ы н. С удовольствием.

С е м я ч к о. Господа, извините меня, право, мне некогда; если угодно читать, пожалуйста в эту комнату.

Т р е з в о н о в. Очень хорошо-с.

Трезвонов и Пуговицын уходят в соседнюю комнату.

С е м я ч к о. Ну, слава богу! Теперь начну писать статью, а вы дочитывайте корректуру.

Садятся за работу.

П р ы т к о й (*актер, входит*). Здравствуйте, что подельваете? здоровы ли вы?

С е м я ч к о. Слава богу! Только дела пропасть.

П р ы т к о й. Слава богу — лучше всего. У нас за кулисами теперь только и толкуют о вашей новой пьесе. Бусов громко кричит, что она никуда не годится, что она нелепа. Как можно лгать так бессовестно! Без лести, на мой вкус это прекрасная пьеса; я защищал вас, спорил с Бусовым, а он не перестает говорить свое... Признаться, он человек беспокойный, завистливый... А как он дурно играл в последний раз! Роли никогда не знает, всё по суфлеру, путается в выходах, ломается, фарсит — просто ужас! Вы видели?

С е м я ч к о. Видел; мне показалась его игра довольно натуральной.

П р ы т к о й. И полноте, как можно! Загордился очень, никого не слушает, а про ваши замечания говорит, что если б он по ним действовал, то его назвали бы сумасшедшим... Каково? Ваши замечания... да если я пользуюсь сколько-нибудь благосклонностью публики, то единственно вам обязан. Вы так понимаете искусство, что нельзя не последовать вашему совету.

С е м я ч к о. (К чему-то это поведет? А часы всё летят да летят, наборщики сидят без дела!)

П р ы т к о й. Я к вам с просьбой, с большой просьбой. Если вы откажете, — я погиб.

С е м я ч к о. Что такое, мой любезнейший?

П р ы т к о й. Мне назначен бенефис. Не знаю, радоваться или плакать. Переводных пьес брать не хочется. Из оригинальных я ничьей, кроме вашей, не возьму... все пишут так однообразно и не нравятся публике... Вам стоило бы только присесть...

С е м я ч к о. Другими словами: вы хотите, чтоб я написал вам к бенефису пьесу. Времени у меня нет, притом я дал себе слово не писать больше для театра.

П р ы т к о й. Вы дали слово... грех, грех! Кто же после этого будет писать для сцены, на что будет смотреть публика?

С е м я ч к о. И без меня у нас много великих драматургов. Куда нам! Публика и не заметит моего отсутствия.

П р ы т к о й. Вы решительно отказываетесь? Вы лишаете меня сбора, лишаете счастья видеть публику у себя на празднике... Бог вам судья! Пойду и сейчас же откажусь от бенефиса...

Семячко. (Ступай, голубчик, только оставь меня в покое.)

Прыткой. Что вам стоит написать небольшую пиесу хоть в одном акте; пожалуйста!

Семячко. Послушайте, обещать наверное я не могу, а если мне время позволит...

Прыткой. Ну, слава богу, на душе легче!.. Я не ошибся в вас... Вы давали пиесы Бусову, который беспрестанно бранит вас, так неужели мне откажете? Я вас уважаю от души и всегда горой стою за вас. Итак, я надеюсь... Помните же обещание... Мне рольку, да нельзя ли покороче и, пожалуйста, без куплетов, учить и некогда и не хочется...

Семячко. Хорошо, хорошо!

Прыткой уходит.

Хорош молодец; просит для себя в бенефис пиесу, а лень куплеты выучить.

Пельский. А слышали, что Бусов-то делает? А вы еще его хвалите...

Семячко. Вы и поверили... Это сплетни, мой милый. Он, видно, поссорился с Бусовым, к тому же они соперники, так и пришел вооружить меня против него... Ах, как поздно!.. уж четыре часа, надо писать.

Трезвонов (*вбегает*). Одно слово, одно слово!.. господин Семячко... вот у нас вышел спор... Извольте видеть: у меня действие в Риме, за семь лет до рождества Христова. Театр представляет наводнение. Жители встревожены, палят из пушек... Так вот они говорят, что пушек не было...

Пуговичкин (*вбегает*). Не пушек... Я совсем не то сказал. А вот, видите, в чем дело. Однажды, по формальному предписанию местного начальства, — оно и теперь у меня хранится, — отправился я на следствие... вот сию, делаю опись имению покойного; вдруг вижу, между прочим, книгу. Я от природы к литературе имел влечение: прямо развернул да и стал читать, и начитал там, что порох изобретен множество — не помню именно сколько—веков после рождества Христова. Как же теперь они могли пасть из пушек, когда порох не был еще изобретен?

Семячко. Ваша правда.

Трезвонов. Как, помилуйте!.. Да разве нельзя стрелять чем другим без пороху?.. Возьмем самые простые явления природы, например: наемни был ужасный мороз... так стрелял, что целую ночь мне спать не дал; опять возьмите, как мебель стреляет, когда стоит в сухой комнате.

Семячко. Да, да... вы оба правы, господа; нет никакого сомнения...

Трезвонов. Ну вот, так и есть. Уж я ли ошибусь в таких пустяках.

Пуговицын. Однакож и я сказал не без основания...

Уходят.

Семячко. Да что же это будет?.. Когда же они уйдут?.. Вот уже смерклось...

Пельский. Просто прогнать их.

Семячко. Нехорошо: обидишь... Ведь они добры, только глупы: теперь, может быть, успокоятся. (*Садится за работу.*)

Пуговицын (*а за ним Трезвонов*). Опять-таки не так. Вот они разрешат наш спор; они в этом деле опытные...

Трезвонов. Послушайте. У меня сказано в IV явлении:

На улице народ бездомный прохладился,
И между ними вдруг вельможа показался;
Тут нищие толпой отхлынули с дороги,
Безногий же упал ему с почтеньем в ноги.

Пуговицын. Я, видите, говорю, что не должно безногому падать в ноги, потому что в отношении к вельможе он уже и так в почтительной позиции.

Семячко. Можно, господа, всячески можно... И так и сяк... Только пожалуйста...

Трезвонов. Ну вот и вышло по-моему.

Пуговицын. Нет, по-моему.

Уходят.

Пельский. Вот дикой народец! Да что же это в самом деле? Я прогоню их...

Семячко. Не заведите какой истории...

П е л ь с к и й. Не прогоню, а просто учтиво выпро-
вожу.

С е м я ч к о. Теперь уж всё равно: корректура толь-
ко что выправлена; статья не только не набрана, но еще
и не написана, а уж темно... Разве ночь в типографии
просидеть?

Входит С у х о ж и л о в, толстый помещик, в длинном, широком
сюртуке.

С у х о ж и л о в. Так здесь, вот он... О, как я рад!
с самого отъезда из тамбовской моей деревни я размышлял,
как приеду, как пойду к нему, как обниму его. О, как я
рад, что, наконец, могу исполнить мое желание. *(Бросает-
ся к Семячке в объятия.)*

С е м я ч к о. Помилуйте, мне очень приятно... но я,
право, не знаю, за что?

С у х о ж и л о в. Как за что? Да вы благодетель мой!

С е м я ч к о. Очень приятно... Но с кем я имею честь
говорить?

С у х о ж и л о в. Я тамбовский помещик, Серапион
Степаныч Сухожилов.

С е м я ч к о. Я в первый раз имею честь слышать эту
фамилию.

С у х о ж и л о в. Вы меня не знаете, но все-таки вы
мой благодетель. Я всегда буду считать вас лучшим моим
другом, всегда буду обязан вам благодарностью.

С е м я ч к о. Право, я в недоумении... Не знаю, каким
образом мог заслужить ваше расположение...

С у х о ж и л о в. В том-то и штука. Я объясню вам,
как.

С е м я ч к о. Это очень интересно.

С у х о ж и л о в. Вы спасли мою дочь.

С е м я ч к о. Каким образом?

С у х о ж и л о в. Бедняжка чахла... Была на краю
гроба... Доктора отказались ее лечить; у нее была какая-то
внутренняя болезнь... вдруг...

С е м я ч к о. Ну-с?

С у х о ж и л о в. Надо вам сказать, что хотя нас здесь
считают медведями, сднакож я и мои соседи занимаем-
ся иногда литературою, знаете, от нечего делать. Вот я
и подписался на ваш журнал. Дочь моя стала читать и...
о, вы благсдетель мой! *(Жидается обнимать его.)*

Семячко. Я всё еще ничего не понимаю.

Сухожилов. Стала читать ваш журнал, и вот ей всё легче, легче, и теперь она совсем здоровехонька.

Семячко. Но я сомневаюсь, чтоб мой журнал имел такое целебное свойство.

Сухожилов. Что хотите думайте, я знаю только, что вы мой благодетель!

Трезвонов (*вбегают*). Он решительно ничего не понимает в драматическом искусстве...

Пуговицын. Невежда, решительный невежда... Рассудите нас, господин Семячко, вот у нас вышел спор...

Трезвонов. Какой спор! с вами спорить не стоит. Вы ничего не смыслите... Вы просто мараете бумагу.

Пуговицын. Да вы-то что? то ж самое!

Семячко. (Ну, пошла кутерьма! Ах, господи! Уж пять часов... Нумер завтра не выдет... Что мне делать? Как бы скорее с ними развязаться, да убежать на ночь в типографию?)

Трезвонов. Вы пишете бессмысленные фантазии...

Пуговицын. А вы чорт знает что пишете.

Семячко. Господа, пожалуйста, перестаньте ссориться... Право, мне некогда, нужно итти.

Трезвонов. Некогда! вам некогда, то есть вы просто нас выгоняете. Хорошо же, прощайте... не будет вам ни единой моей строки! — Пожалуйте рукопись назад.

Пуговицын. И мою тоже.

Семячко (*отдавая рукописи*). С радостью.

Трезвонов и Пуговицын. Вы нас больше никогда не увидите.

Уходят.

Семячко. Очень рад. Иоганн, давай мне скорее одеваться.

Сухожилов. Вам некогда. Позвольте надеяться, что в другое время...

Слуга (*входит*). Из типографии фактор пришел...

Семячко. Зови сюда.

Сухожилов. Мое почтение. (*Уходит.*)

Семячко. Вот денек выдался!

Фактор (*входит*). Наборщики целый день сидели без работы и, наконец, не слушая моих увещаний, разошлись по домам.

С е м я ч к о. Так и есть, предчувствие мое сбылось...
О, проклятые посетители! Нумер завтра не выдет. А всё
они!.. во весь день не дали ничего сделать... Этакого чер-
ного дня у меня еще не бывало. Нет, вперед буду осторож-
нее, не велю никого пускать... А к кабинету замок при-
делаю... табак спрячу, сигары также! Что теперь делать?..

А завтра публика что скажет?
Опа меня же обвинит!
Кто правоту мою докажет?
Кто ей всё дело объяснит?
Кто скажет ей, что на рассвете
Я встал, забыв и сон и лень,
И что па нашем белом свете
Мне ежедневно — *черный день?*

**ФЕОКЛИСТ ОНУФРИЧ БОБ,
ИЛИ
МУЖ НЕ В СВОЕЙ ТАРЕЛКЕ**

Водевиль в одном действии

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Феоклист Онуфрич Боб, отставной чиновник и литератор.

Анна Петровна, его жена.

Иван Миронович Сыромолотный, ее дядя.

Катерина Ивановна, его воспитанница, бедная сирота.

Орест Андреич Кротов.

Зиновия Андреевна Сибирякова, его сестра, подруга г-жи Боб.

Неизвестный слуга.

1-й
2-й
3-й
4-й

} родственники Сыромолотного.

Действие в отдаленном уездном городе.

Театр представляет зал, выходящий в сад; две двери в глубине и две боковые; направо стол с письменным прибором, в глубине, по обеим сторонам входа, картины: с левой — портрет дитяти с кошкою в руках, с правой — портрет старой женщины. На втором плане направо большое зеркало, расположенное так, что в нем видна противоположная дверь.

Я В Л Е Н И Е I

Госпожа Б о б, К а т е р и н а (за работой), С ы р о м о л о т н ы й (растирает табак).

С ы р о м о л о т н ы й. Вот в чем штука, Анна Петровна! Природа, ни с того, ни с другого... дала человеку три необходимые качества: руки, ноги и нос... Ногами я сейчас побегу на станционный двор, руками обниму любезнейшего Феоклиста Онуфрича и притащу сюда, а носом... (*щелкает по табакерке и нюхает*) вынюхаю полтабакерки... надо же встретить его по-барски...

Г - ж а Б о б. Ведь муж не писал мне, чтоб мы его скоро ждали из Петербурга... с чего вы взяли, что он сегодня будет?..

С ы р о м о л о т н ы й. С чего... ни с того, ни с другого... В жизни много таких случаев, пред которыми ничтожен разум человеческий. Три дня сряду я замечаю, что табак мой стал, ни с того, ни с другого, сыреть... да и я схватил насморк... Это недаром...

К а т е р и н а. Ха ха! ха! Так оттого-то вы и бегаєте по двадцати раз на день встречать вашего племянника!

С ы р о м о л о т н ы й. Нишкни! твоя речь впереди... А то ведь я... знаешь... ни с того, ни с другого... как раз

и поссоримся... Помни, что ты круглая сирота... понюшки табаку не стоишь сама по себе... я дал убежище твоей невинности... Оно конечно... я двадцать лет с отцом твоим, ни с того, ни с другого... из одной табакерки нюхал... да то с отцом, а не с тобой... а ты вот понюхайка... да и молчи себе — псмалчивай! (*Подает ей тарелку с табаком.*) Слушай, как умные люди, ни с того, ни с другого, разговаривают.

К а т е р и н а. Что вы это? да я стану чихать!

С ы р о м о л о т н ы й. А я «здравствуй» скажу... ничего!

К а т е р и н а. Бог знает, за что вы так любите этот табак... что за охота беспрестанно набивать нос!..

С ы р о м о л о т н ы й. Остановись, Катерина... вспомни, что я тебя воспитывал... а ты чем платишь мне?.. ругаешь вещь, которая мне, ни с того, ни с другого, дороже всего в жизни... И как ругаешь? Совершенно без понятия... ну скажи, понимаешь ли ты значение табака?.. нет! Я — дело другое... я изучил табак, я отыскал корень его и знаю, что табак, ни с того, ни с другого, кладет прочные семена в умственный капитал человечества.

Табак противен модным франтам,
Но человек с прямым умом,
Писатель с истинным талантом
Живут, как с другом, с табаком.
Нос образованный и дикий
Его издревле уважал,
И даже Фридрих, муж великий,
Табак в карман жилетный клал.

Наполеон пред жарким боем
Им разгонял свою тоску;
И вряд ли б он прослыл героем,
Когда б не нюхал табаку.
Табак смягчает нрав суровый,
Доводит к почестям людей:
Я сам, винюся, через бобковый
Достиг известных степеней.

Табак, наш разум просветляя,
Нас к добродетели ведет,
И если, трубку презирая,
Весь свет понюхивать начнет:
Добро, как будто в мире горнем,
Здесь процветет с того числа,
И на земле табачным корнем
Искоренится корень зла!

Вот ты не видала еще Феоклита Онуфрича... приедет, так слушайся его... он всё тебе объяснит... он, ни с того, ни с другого... сочинитель... этакие разные истории печатно выдумывает... Жаль, что его долго нет... Далось ему место... раз нашли неспособным... ну и, значит, довольно... правительство не нуждается... А то посуди сама, племянница: стала ты скучать в нашем уездном городе... ни с того, ни с другого... женихов нет... Вот поехали в губернский... я и ну ко всякому... ни с того, ни с другого... не прикажете ли? Настоящий такой-то... (*Подымает вверх табакерку.*) Вот и приманил, так сказать, тебе жениха на табачок... Да еще какого! Сочетал тебя законным браком с Бобом... ведь тут видна рука провидения... (*Нюхает.*)

Г - ж а Б о б. Уж вы всё своему табаку приписываете...

С ы р о м о л о т н ы й. Но ведь... не надо забывать, что я, ни с того, ни с другого... выдал тебя за него, чтоб иметь общество, иметь друга, с которым бы можно толковать, нюхать табак... (*Нюхает часто.*) Вдруг Боб, ни с того, ни с другого... велел нам переехать в наш уездный город, а сам уехал в столицу...

Г - ж а Б о б. Простите его, дядюшка...

С ы р о м о л о т н ы й. Простить! нет! шутишь! Он даже не побывал в нашем городе, где у нас своя мельница на шести поставах, наследие отцов наших... ни с того, ни с другого... которую я дал тебе в приданое... Его здесь, кроме тебя да меня, никто и в лицо не знает... мне стыдно, ни с того, ни с другого, встречаться с знакомыми... спрашивают, где муж вашей племянницы... Я вот покраснею, ни с того, ни с другого, как сырая говядина... да и начну... будто не слышу... табак нюхать... за что же? ни с того, ни с другого... это уже лишний расход. Он просто нас оскорбляет!

Г - ж а Б о б. Всему виной его честолюбие... ему хочется непременно найти место и приехать сюда чиновником...

С ы р о м о л о т н ы й. Всё так... да зачем же так долго не возвращаться?.. теперь же такое время... слышала ты?

Г - ж а Б о б. Что такое?

С ы р о м о л о т н ы й. Так ты ничего не слыхала?..

Как же, наш город весь, ни с того, ни с другого... в волнении... ищут...

К а т е р и н а. Ах, да, я слышала... говорят, сюда ожидают какого-то афериста, которого велено схватить... мне гувернантка городничего сказывала...

С ы р о м о л о т н ы й. Говорят, он получил в губернском городе значительную сумму денег да и уехал... а вексель-то оказались подложные... Так вот оттуда пришло предписание... что он, полагают,— ни с того, ни с другого,— в нашу сторону кинулся... так схватить, несмотря ни на какие отговорки... и представить в губернию... все приметы описаны подробно и обстоятельно... Свидетельство о рождении и крещении, говорят, фальшивое, как он сам, разбойник... Вот нынче какое время у нас в городе... Прославиться можно... ни с того, ни с другого... награда обещана... городничий в хлопотах, и даже простому народу объявил приметы и обещал воздать приличное награждение, если поймают...

К а т е р и н а. То-то на улице так много прохожих, чего никогда не бывало...

С ы р о м о л о т н ы й. А ты уж всё разноухала, матушка... Однакож совсем... истёр... (*Насыпает в табакерку.*) Какое благовоние, аромат возвышенный... жалко понюхать... ни с того, ни с другого... и чего тут нет!.. березинский, бобковый, французский, костромской и еще другой... ни с того, ни с другого, петербургского произведения, тертый иностранными машинами... кровь, ни с того, ни с другого, помолодеет... праздничный, ароматный, невыразимый букет! Ну, прощайте, полечу опять навстречу вселюбезнейшему Феоклисту Онуфричу... ни с того, ни с другого...

К а т е р и н а. Уж подлинно ни с того, ни с другого!..

С ы р о м о л о т н ы й.

Побегу ему навстречу,
В оба глаза посмотрю
И, лишь только что замечу,
Табакерку растворю.
Буду с праздником чудовым,
Поцелую зятя в лоб,
Если дядюшку бобковым
Подарит любезный Боб!

ЯВЛЕНИЕ II

Г-жа Боб и Катерина.

Катерина. Ах! Какой он чудак!.. двадцать раз на день встречать! ха-ха! (*Смотрит в окошко.*) Смотрите, сюда кто-то идет... Ах, да это ваша подруга — Зиновия Андреевна, и с мужчиной...

Г-жа Боб. С мужчиной? Кто ж это? ее мужа дома нет...

ЯВЛЕНИЕ III

Те же и Сибирякова.

Сибирякова (*входит и с беспокойством оглядывается*). Ты не одна!

Г-жа Боб. Что с тобой, мой друг?..

Сибирякова. Мне нужно с тобой поговорить. (*Смотрит на Катерину.*)

Г-жа Боб (*Катерине*). Оставьте нас одних, моя милая...

Катерина. Что бы это значило! Иду, иду. (*Уходит.*) Мне что-то подозрительно!

ЯВЛЕНИЕ IV

Г-жа Боб, Сибирякова и потом Кротов.

Г-жа Боб. Ты вся растерялась! Что случилось?

Сибирякова (*решительно*). Я пришла к тебе с уверенностью, как к доброй моей приятельнице... Дело идет о счастье моего брата, о моем счастье.

Г-жа Боб. Объяснись!

Сибирякова. Здесь мой брат... его преследуют... если ты не примешь его — счастье его погибло!

Г-жа Боб. Но разве он сделал что?

Сибирякова. Ничего, мой друг, ничего... ты после всё узнаешь... скрой только от преследования.

Г-жа Боб. Хорошо, мой друг, я согласна... ты так встревожена...

Сибирякова. Благодарю. (Зовёт.) Орест!

Входит Кротов.

Г-жа Боб (ему). В добрый час, милостивый государь... я с удовольствием готова дать убежище брату моей подруги... располагайтесь здесь, как в своем доме...

Кротов. Принимаю ваше предложение и благодарю вас... Вам, конечно, странно показалась просьба моей сестры, но вы не будете удивляться, когда всё узнаете... Начну сначала... Год тому назад я проездом был здесь, увидел на балу дочь здешнего помещика и влюбился до безумия... Скоро мы поняли друг друга... но увы! отец ее нас не понял... так уж родился... ничего не понимает... он увез ее в деревню, а я по обязанностям службы уехал в губернский город...

Сибирякова. Полно, братец... говори короче...

Кротов. Страсть моя в губернском городе не уменьшилась, а еще стала сильнее, чем в уездном... Я переписывался с ней и, наконец, убедил ее решиться на тайный брак... Через приятеля, живущего здесь, я всё приготовил к свадьбе, и он уведомил меня, чтоб я именно сегодня в шесть часов вечера был в деревенской церкви моей Софьи, где нас ожидает священник... Понимаете ли вы теперь, сударыня, мое положение?..

Г-жа Боб. Оно очень хорошо, кажется...

Кротов. О, нет! Я бросился опрометью сюда, не простился ни с кем... не взял никаких бумаг... останавливаюсь в этом городе, чтоб повидаться с сестрой... иду к ней... Прохожие смотрят на меня подозрительно и шепчутся: «Он! точь-в-точь...» Я, ничего не понимая, вхожу в дом сестры... через несколько минут приходит мой слуга и говорит, что в трактир, где я остановился, нахлынули люди... толковали... толкались и, наконец, решили, что я по всем приметам тот самый плут, которого велено схватить по предписанию губернатора... тот самый... каково?!

Сибирякова. Бедный мой брат!

Г-жа Боб. Но почему ж вы не разуверите их, что вы совсем не тот?

Кротов. Почему? Они вдруг не поверят... притом эти проклятые приметы... я же не взял никаких бумаг,

а в предписании сказано, что этот аферист является под разными именами и потому не верить ему... Конечно, я мог бы оправдаться... но на это нужно время... теперь уж два часа... на проезд мне нужно два с половиной!..

С и б и р я к о в а. Да притом, пожалуй, и не поверят. Я слышала, что если встретится какое недоразумение, то велено взять этого афериста и отправить прямо в губернский город...

К р о т о в. Отправить в город, когда я и так насилу из него вырвался... я буду оправдываться... а между тем она будет напрасно ждать, отец догадается... всё узнает — и свадьба моя... о, я погибаю!

С и б и р я к о в а. Отчасти ты сам виноват, братец... может быть, тебе и удалось бы доказать городничему...

К р о т о в. Но в таком случае моя поспешность, мой скорый отъезд опять бы внушили подозрение... меня бы задержали...

С и б и р я к о в а. Да, это правда.

Г - ж а Б о б. Но не лучше ли объяснить ему всю правду?

К р о т о в. Этого-то уж никак нельзя... он крестный отец моей Софьи...

Г - ж а Б о б. В самом деле, ваше положение опасно...

К р о т о в. Вы меня жалеете... итак, простите же, я не знал, к кому прибегнуть... У сестры я не мог остаться, потому что многие видели, как я к ней шел... Мне нужно пробыть не более двух часов, пока мой человек успеет передать записку, которую я написал моему доброму приятелю... Он, верно, даст мне способ уехать тайно.

Г - ж а Б о б. Но вас видела воспитанница моего дяди... Катерина... Она так любопытна... болтлива... и притом поминутно бегаёт к гувернантке городничего и болтает с ней.

С и б и р я к о в а. Ах, боже мой! это правда!

К р о т о в. Ну, так! Я погиб... Скрывшись из гостиницы, я стал для всех еще подозрительнее... теперь не станут и расспрашивать... если она сказала... меня схватят и прямо в губернский город. А свадьба!..

Г - ж а Б о б. Не беспокойтесь... Так как сохранить тайну Катерина не в состоянии, то нужно употребить другое средство...

Я В Л Е Н И Е В

Т е ж е и К а т е р и н а, входя справа; с любопытством.

К а т е р и н а. Вы меня звали, Анна Петровна?

Г - ж а Б о б. Совсем нет, вы ошиблись, моя милая...

Кротов и Сибирякова отходят.

К а т е р и н а. Ах... а я думала... так я уйду. (*Тихо.*) Скажите, Анна Петровна, кто этот господин?..

Г - ж а Б о б. К чему этот вопрос?

К а т е р и н а. А я так знаю: это тот самый, которого ищут!..

К р о т о в (*издали*). Что она говорит!..

Г - ж а Б о б (*с смущением*). С чего вы взяли?..

К а т е р и н а. Феня говорит, что его уж видели, да он вдруг пропал... а он вот где... я ей сказала...

К р о т о в (*вдали*). Сказала! Ну, я пропал!

С и б и р я к о в а. Боже мой!

Г - ж а Б о б (*в сторону, с беспокойством*). Сказала... должно решиться!.. (*Ей.*) Как же вы с своею проницательностью недогадливы, моя милая.

К р о т о в и С и б и р я к о в а (*вдали*). Что она хочет сказать?

К а т е р и н а. А что такое?

Г - ж а Б о б. Вы сегодня недогадливы... Да это мой муж... Феоклит Онуффрич...

С и б и р я к о в а (*жмет ей руку, тихо*). Ах, милая Анета!..

К а т е р и н а. Как! Так этот-то господин! А я, извините... представляла его себе маленьким, неуклюжим... Здравствуйте, Феоклит Онуффрич... Я вас не ожидала так скоро... (*Про себя.*) Какой славный!

К р о т о в (*г-же Боб*). Благодарю... Вы ангел-хранитель мой! А она-таки поболтать любит!

К а т е р и н а. А я преспокойно себе толковала с Феней, гувернанткой городничего... мы и думали, что это, может быть, вы и есть... тогда как это сам хозяин... ха! ха!

Г - ж а Б о б (*тихо*). Слышите, какова она?.. я говорила вам. (*Громко Кротову.*) Однакож нам есть о чем поговорить, мой друг... Пойдем, Зиновья... Будем надеяться, что всё хорошо кончится.

К р о т о в. О, верно... когда вы приняли участие!

Уходят.

ЯВЛЕНИЕ VI

К а т е р и н а (одна).

К а т е р и н а. Так вот он, господин Боб... Кажется, не очень любит говорить... жаль... за кого-то он меня принял? уж не за служанку ли?.. досадно! Это потому, что я дурно одета... Однако пойти поговорить с Феней, рассказать ей, что мы ошиблись... расскажу всем, что приехал Феоклист Онуффрич... *(Идет.)* А! Вот и почтенный табачный дядюшка.. Вот болтунице-то! Он задержит меня, а куда узнают, что Боб наш приехал, уйду с другой стороны!.. *(Уходит направо.)*

ЯВЛЕНИЕ VII

С ы р о м о л о т н ы й и потом Б о б.

С ы р о м о л о т н ы й. Сюда, сюда! вселюбнейший Феоклист Онуффриевич! Наконец-то я поймал вас! Недаром бегал, ни с того, ни с другого... *(Нюхает.)*

Б о б *(входит)*.

Здорово, мой толстеющий!
Вот бог меня припес...
Ну, что, каков ваш рдеющий,
Великолепный нос?
Как красная смородина,
Попрежнему хорош!
А я так, чай, уродина,
На чорта не похож?

Уф! Как меня измучило,
Вспотел с дороги лоб...
Теперь я просто чучело,
А не солидный Боб!
А что-то душка-женочка,
Чай, реки слез лила?
Всё милого теленочка
В объятия ждала.

Гадать, чай, принималася
На картах, на бобах
И страшно, чай, боялася
Остаться на бобах?
Теперь от счастья сбесится
Почти уверен я:
На шею, чай, повесится
Мне Аннушка моя!

Сыромолотный (осматривая пальто Боба).

Что это за история?
Во что ты наряжен?..

Б о б.

Купил в столице с горя я
Французский балахон...
Там все творят магически:
Лишь в Английский придешь, —
Нарядят эластически
Уродом, и пойдешь.

Одежда хоть престранная,
Не стоит ни гроша;
Но так как иностранная,
Так очень хороша!
Метода басурманская
На свете завелась:
Смола американская
Повсюду разлилась!

Вы, жители пустынные,
Лишь любите свое;
А там так всё резинное:
И люди и житье!
Там каждый страшно тянется,
Чтоб честь приобрести:
В резине ловко кланяться —
За то она в чести...

Сыромолотный. Ай, ай! На какие там штуки... ни с того, ни с другого... подымаются! Ну, а по табачной части из этого что-нибудь делается?

Б о б. Говорят вам, даже люди делают... резина есть, смею сказать, развратительный элемент нашего века... Калоши, шляпа, корсет, сюртук — всё из резины. Теперь всякий себе по одежке протягивает ножки... а между тем проматывается...

Сыромолотный. Ну, а каков Петербург?

Б о б. Изрядный городок... очень хорош... я еще такого в России не видывал... В нашей Северной Пальмире сосредоточен элемент всякого великолепия... множество редкостей видел: Невский проспект... Тальони, Пасту, Летний сад, памятники, то есть саркофаги различные... огромных сфинок... Петербургские квартиры смотрел... Булгарина видел.

Сыромолотный. Ну, а там какая-то машина есть... говорят, то и знай шипит, точно табак нюхает... должно быть, хорошая...

Б о б. Как же! Чудовая штука... Большой очаг... внутри пусто... люди сидят... а впереди ушатов в пять самовар кипит... то и знай уголья подкладывают... Быстрый элемент... он подвинул вперед человечество... говорят, не то еще будет... сделают так, что в Петербурге можно будет чай пить... в Москве обедать... а к вечеру милости просим опять в Петербург ужинать...

С ы р о м о л о т н ы й. Славно придумано... В один день можно будет понюхать и московского и петербургского... хорошо!..

Б о б. Однакож мне пора исполнить священнейший и приятнейший долг: повидаться с моей лучшей половиною...

С ы р о м о л о т н ы й. Она на той половине... я позову ее... она еще ничего не знает... чудная будет сцена; чувствительная, ни с того, ни с другого...

Б о б. И оригинальная... А я-таки устал... спать хочется...

С ы р о м о л о т н ы й. Понюхай для ободрения... Костромской...

Б о б. Не употребляю...

С ы р о м о л о т н ы й. Жаль... глаза были бы повеселее. (*Идет к двери.*) Ну, приготовься же... открой объятия и смотри в оба... (*Стучит в дверь.*) Анна Петровна! Одна дама, ни с того, ни с другого... желает тебя видеть...

Б о б. Дама... хорошо сказано... Как она обрадуется, увидя своего теленочка!.. О! милая рыбочка! Как она страдала, бедняжка!

С ы р о м о л о т н ы й. Не слышит! (*Отворяя дверь, громко.*) Племянница! вдова какая-то посетила тебя, ни с того, ни с другого...

Б о б. Ах, знаете ли, дядюшка, что вот уже шесть месяцев я не знал, что такое семейное счастье... А она! шесть месяцев... много, канальство!

С ы р о м о л о т н ы й. Нет... пропади моя табакерка... она не того... Ее здесь нет... (*Идет к другой двери; стучит.*) Племянница! Девица какая-то желает с тобой посоветоваться...

Б о б. Не отвечает?

С ы р о м о л о т н ы й. Ну так, видно, она со двора ушла.

Б о б. Ушла? О, какой терзательный элемент!.. Я чувствую необходимость обнять жену, а она ушла!

Сыромолотный. А что, как твои дела в Петербурге?

Боб. Меня преследовало несчастье... я подавал прошения... каждое утро ходил в департамент... и часто раньше служителей... а уж какой они бессонный народ... с первыми петухами поднимаются. Я видел, как они мели, затопляли печи, разговаривал с ними... выспрашивал нравы и обычаи начальников... Элемент важный... можно подслужиться... я-таки не тумак...

Сыромолотный. Ну, а какую же пользу получил ты?..

Боб. Я представил в просьбе свое положение... вторичную женитьбу... от которой, по всем вероятностям, может быть польза отечеству... представил заслуги своего отца, который был убит...

Сыромолотный. Да ты сам говорил, что он никогда не служил... ни с того, ни с другого...

Боб. Позвольте... Убит горестию, видя своего единородного сына в безместном положении, на краю гибели...

Сыромолотный. Хорошо! А всё не так... ты бы вот написал, ни с того, ни с другого, что у тебя есть дядя, который сделал многие полезные усовершенствования в табачном производстве.

Боб. Однажды я жду; входит начальник отделения... Взглянул на меня, засмеялся да и говорит: «Опять этот Боб! Надо как-нибудь отделаться от этого животного...»

Сыромолотный. Ого! как он хватил тебя!

Боб. Тут еще ничего нет обидного, что начальник сказал, будто я животное... Известно из логики Кизеветтера, что всякий человек есть животное. Вот если б он сказал — в шерсти или с перьями... другой элемент! Но вот что обидно: он ничего не сказал больше да и ушел... Я взбесился...

Сыромолотный. Ты, верно... ни с того, ни с другого... пожаловался?..

Боб. Нет... я бегу с лестницы, спрашиваю у швейцара, где директор... «Вот, — говорит он, — через двор идет...» Я к нему... беру просьбу, которую заготовил прежде, рву ее и с яростью крокодила бросаю под ноги, говоря: «на!»

Сыромолотный. Ого! как ты, ни с того, ни с другого, погорячился; чай, директор вспылит?

Б о б. Это был не он, а посторонний прохожий... Швейцар подшутил... чорт его возьми. Шел бы в свою Швейцарию, бездельник, а не шутовствовал бы здесь над благородными людьми... Вот как иностранцы платят нам за радушный прием!.. Я сказал ему, что он не имеет совсем элемента благодарности, и ушел, погрозив ему палкой...

С ы р о м о л о т н ы й. Ты еще добр... ты бы мог его погубить... *(Предлагает ему табакерку.)* Настоящий бобковый.

Б о б. Не хочу... ненавижу табак... они меня ужасно взбесили... Я было всё бросил... хотел уехать к моей любезной Аннушке... трудиться для потомства... посвятить литературе часы золотого досуга... Вдруг получаю от директора письмо... «Не беспокойтесь, говорит он, уезжайте из Петербурга; прежде чем вы приедете в ваш город — туда придет ваше производство...» Я, не будь глуп, и поторопился, чтоб обогнать его... я достиг своей цели, я теперь на месте.

С ы р о м о л о т н ы й. К чему же ты определен, ни с того, ни с другого?

Б о б. Я об этом ничего не знаю. Я ехал сюда насладиться восторгом от двух элементов счастья — жены и места!

С ы р о м о л о т н ы й. Но производство не пришло еще... а то дал бы знать уездный судья... мы с ним на короткой ноге... он занял у меня полфунта бобкового...

Б о б. Как! чорт возьми, неужели это письмо заключение в себе смысл аллегорический?

С ы р о м о л о т н ы й. Занюхай скорей эту печальную мысль... любого? *(Подставляет две табакерки.)*

Б о б. Чорт возьми... элемент посмеяния со мной... Быть не может... или сама судьба вступила против меня в полемику! Неужели мечты обманули меня... неужели мой удел — страдание...

Так, видно, с горем и с бедой
В семействе нашем все сжилися!
Знать, под несчастною звездой
Бобы на свет произвелися.
Иным места дает судьба
В суде, в палате, в комитете,
А для несчастного Боба
Местечка нет на белом свете!

Впрочем, многие были обмануты подобным образом... А какое почтительное письмо... Вот вы увидите. (*Обыскивает себя, прохаживается и всё ищет.*) Что это значит?... новый элемент огорчения!..

Сыромолотный. Что ты сконфузился?

Боб. Я потерял свой портфель... нарочно купил в столице... все начальники отделения с такими ходят...

Сыромолотный. А что, в нем много дельного было?

Боб. Моя подорожная... письмо директора и черновые просьбы... числом сорок одна... я приберегал нарочно для вас... от скуки, думаю, займемся чтением... а уж как подробно и остроумно изложено... пошлю на станционный двор...

Сыромолотный. Таких важных вещей не должно вверять людям... я схожу сам... А чем он обделан?

Боб. Красным сафьяном...

Сыромолотный. Хорошо. Тут же кстати забегу ко всем моим родственникам, которым, — ни с того, ни с другого, — очень хочется тебя видеть... Всех их сюда приведу... пусть полюбуются... (*Идет.*)

Боб. Фи! сколько элементов несчастья! Есть об чем подумать... (*Задумавшись, садится.*)

Сыромолотный (*в дверях Катерине, которую вст речает*). Ну, вот он и приехал.

Катерина. Кто?

Сыромолотный. Мой зять, Феоклит Онуфрич...

Катерина. Вот какая новость! Ее уж весь город знает!

Сыромолотный. Я... О! я, — ни с того, ни с другого, — был уверен, что приведу его. (*Уходит налево.*)

Катерина. И восхищается... А совсем не он привел! Я первая увидела его.

ЯВЛЕНИЕ VIII

Боб, Катерина и потом Кротов.

Боб (*осматриваясь*). Сгинул да пропал мой портфель... Жаль, три рубля серебром дал... да и здесь не найдешь такого... неравно получишь штатное место, так и без портфеля находишься...

К а т е р и н а. Ба! это что за господин!

Б о б (*про себя*). Не здесь ли я уронил его... (*Наклоняется и смотрит под столом.*)

К а т е р и н а. Скажите, пожалуйста, государь мой, куда вы хотите пройти?..

Б о б. Вы не видали его?

К а т е р и н а. Кого?

Б о б. Что?

К а т е р и н а. Чего?

Б о б. Ну да боже мой! В красном сафьяне!

К а т е р и н а. Кто в красном сафьяне?

Б о б. А! Что вы говорите?

К а т е р и н а. Я спрашиваю вас, что такое?

Б о б. Что?.. Что она хохочет... сейчас виден элемент глупости! Не нашли ли вы мой портфель?.. да или нет... отвечайте решительно!

К а т е р и н а. Какой? В первый раз в жизни слышу...

Б о б. Ну, так оставьте меня в покое... и разбудите, как только возвратится Анна Петровна.

К а т е р и н а. Ага! Да он без церемонии... Как об вас сказать?

Б о б. Как? Я муж ее, Феоклист Боб...

К а т е р и н а. Вы! вот хорошо! каково!.. ха! ха!

Б о б. Впрочем, не говорите, что Боб,— скажите иначе... мне хочется сохранить инкогнито,— как это... насладиться ее восхищением... семейному человеку это приятно...

К а т е р и н а. Так потому только и не говорить, что вы Боб... а в самом деле вы точно Боб... ха! ха! Так, по вашему, вы и мне сродни?

Б о б. Если есть между нами родственный элемент, так разумеется. Однако ступайте... ступайте...

К а т е р и н а. Что за чудак! и подумать смешно! (*Идет в боковую левую дверь.*) А вот и сам настоящий Боб. (*Вполголоса*). Феоклист Онуфрийч, пожалуйста сюда!

К р о т о в (*выходя из левой двери*). Что такое?

К а т е р и н а. Кто-то спрашивает Анну Петровну...

К р о т о в. Госпожу Боб! (*В сторону.*) Чорт побери! теперь я должен принимать визиты... в моем положении это необходимо.

Боб, замечая, что кто-то взошел, вскакивает.

(Кротов ему). Здравствуйте, милостивый государь!

Б о б. Ваш покорнейший!..

К р о т о в (Катерине). Кто он такой?

К а т е р и н а. Не знаю.

К р о т о в. Покорнейше прошу садиться, государь мой... (Берет стул и предлагает Бобу.)

Б о б. Помилуйте... долг приличия... я не потерплю. (Предлагает стул Кротову.)

К р о т о в. Зачем... я и сам...

Б о б. Мне бы должно предложить... элемент вежливости того требует...

Каждый держит в руках по стулу и отталкивает предлагаемый. Боб берет у Кротова стул и садится, но, видя, что тот стоит, сейчас вскакивает.

К р о т о в (в сторону). Как он дик!

Б о б (в сторону). Как он учтив!..

К р о т о в. Вы желаете видеть госпожу Боб?

Б о б. Да-с, госпожу Боб... больше никого... так точно...

К р о т о в. Смею спросить, что вам угодно?

Б о б (улыбаясь). Так, безделицу, которой, впрочем, я не намерен вам объяснять... Ха, ха, ха! (Он перестает смеяться, замечая, что Катерина хохочет, глядя на него; про себя.) Чего она смеется? Глупа, очень глупа!

К а т е р и н а (Кротову). Спросите, как его зовут...

К р о т о в (Бобу). Могу ли я узнать, по крайней мере, с кем имею честь говорить?

Б о б. Очень можете... я, знаете, так... член здешнего семейства!

К р о т о в. Что такое?

Б о б. Я муж госпожи Боб! (Встает, увидя, что Кротов встал.)

К р о т о в. Как!

Б о б. Да почему вас так занимает этот элемент?

К р о т о в. Вы муж госпожи Боб?

Б о б. Да, законный... муж.

К р о т о в (особо). Надо быть дерзким, не то я погиб!

Б о б (Катерине). Кто этот господин?

К а т е р и н а. Господин здешнего дома...

Б о б. Какой господин?

К а т е р и н а. Господин Боб, настоящий муж Анны Петровны...

Б о б (*Кротозу*). Вы ее муж?

К р о т о в (*в сторону*). Что делать? (*Ему*.) Так точно, милостивый государь... я принужден вас уверить...

Б о б. Что?.. О! Вот уж тут, кажется, недостает элемента вероятности!

К а т е р и н а (*Бобу*). Да почему вас это так занимает?

К р о т о в (*в сторону*). А его жены всё еще нет... надо объяснить ему! (*Тихо Бобу*.) Прошу вас, выслушайте меня...

Б о б (*затыкая ухо мизинцем*). Чорт возьми! Говорите громко... Терпеть не могу, когда мне нашептывают в уши... зудит отвратительно... Так вы говорите, что вы муж госпожи Боб?

К р о т о в. Да, милостивый государь. (*В сторону*.) Надо поддержать себя, особенно при этой болтунье!

Б о б. Нет, событие это должно быть баснословно. Я этого и в Петербурге в балаганах не видел... а там, можно сказать, элемент всякого помешательства... Государь мой, кто-нибудь из нас не муж ее... Кто, как вы полагаете?

К р о т о в. Разумеется, не я. (*Ищет случая говорить с ним; тихо*.) Милостивый государь!

Б о б. Кто-нибудь из нас не Боб, а, так сказать, анти-Боб!.. на кого же падает подозрение?

К р о т о в. На вас...

Б о б. На меня... недурно!

К р о т о в (*тихо на ухо*). Государь мой! мне надо с вами поговорить!

Б о б (*затыкая ухо*). Дальше, дальше! Чорт возьми!

К р о т о в (*особо*). Невозможно вразумить его!

Б о б. Как! Вы не шутя говорите это... вы можете доказать? Так это вы ездили в Петербург?

К р о т о в. Точно так!

Б о б. Вы подавали сорок одно прошение на гербовой бумаге и двадцать партикулярных писем на веленовой... так вам начальник отделения сказал: животное?

К р о т о в. Что такое?

Б о б. Вам? Вы Феоклист Онуфриевич-сын Боб?.. титулярный советник... уроженец Пскова?.. Так вас называла жена своим милым теленочком?

К р о т о в. Что?

Б о б. Вы автор многих произведений по части изящной словесности?

К р о т о в. Разумеется, я!

Б о б. Вы? Так ваши стихотворения печатались в «Пантеоне русского и всех европейских театров»?

К р о т о в. Да, мои, сударь...

Б о б. Ваши... ха, ха, ха! Так, стало, вы же приехали сегодня из Петербурга?..

К р о т о в. Я...

Б о б. Вы чувствовали необыкновенную слабость и чудовищное желание выспаться в объятиях семейного счастья... Вы сорока лет, с возвышенной физиономией...

К р о т о в. Тысячу раз да!..

Б о б. Ну, а я?

К а т е р и н а (*смелась*). Вы? вы бредите наяву! Ха, ха, ха!

Б о б. Она всё смеется... Она, должно быть, не выправлена... Основываясь на элементах достоверности, я объявляю вам, что если вы не шут, то самозванец...

К р о т о в. Как вы смеете!..

Б о б (*в сторону*). Чорт возьми! Таких чудес со мной и в Петербурге не случалось. Что он в самом деле? (*Ему.*) А если я докажу, что я настоящий, природный Боб?.. Старик Сыромолотный привел меня сюда...

К а т е р и н а. Дядя Анны Петровны.

К р о т о в. Дядя моей жены?

Б о б. И моей жены также... хоть лоб взрежь, ничего не понимаю... Причесаться да пойти к жене; не пришла ли?.. она всё разрешит... Что вы и вправду меня морочите. (*Подходит к зеркалу.*)

Я В Л Е Н И Е IX

Т е ж е и г-ж а Б о б (выходя слева, из той двери, которая отражается в зеркале).

Б о б. Позвольте, мы вас отделаем... она кинется мне на шею... вот покажется, что вы неправдоподобную штуку выкинули... Я не Боб! ненатурально, воля ваша. (*Чешет голову.*)

Г - ж а Б о б (*узнав мужа, вскрикивает, исчезает и запирает за собой дверь*). Ах!

Б о б (*увидав в зеркале жену*). А!

Всё это должно произойти скоро.

К р о т о в (*который всё видел*). Боже мой!

К а т е р и н а (*которая ничего не видала*). Что такое?

Я В Л Е Н И Е X

Т е ж е, кроме г-жи Боб.

Б о б (*идя к двери, в которую ушла его жена*).
А! моя жена! Моя Аннушка! Элемент моего счастья!

К р о т о в (*останавливая его*). Постойте!..

Б о б. Нет, я хочу с ней говорить... пустите! (*Идет силой к двери.*)

К р о т о в. Что за чудеса! посмотрим...

Б о б (*стуча в дверь, которая не открывается*). Заперлась, заперлась! А... я понимаю... так и она в заговоре... и она запирается смеет... она бежит от своего пламенного теленочка... так вот что... понимаю!..

Глаза мутятся, слышет кровь...

В груди огонь элементарный...

И я мог чувствовать любовь

К особе столь неблагодарной!

Она изволит здесь кутить...

Она пустилась в прегрешенья...

А я, дурак, ей посвящать

Хотел мои стихотворенья!..

Но нет, быть не может, чтобы и она шла против меня... она, верно, испугалась или вашего звероподобного вида, или моей дорожной физиономии... но погодите... я привез из Санкт-Петербурга разные косметические элементы... она меня увидит во всем блеске и скажет мне, что вы за зверь...

К р о т о в (*ему на ухо*). Да выслушайте!..

Б о б (*отскакивая*). Отвяжитесь от меня! Судя по вашим усам, я вижу в вас человека неблагонамеренного...

К р о т о в. Да ну же, успокойтесь, чорт возьми!

Б о б. Чтоб я успокоился... Да что я?.. рыба, что ли?.. хладнокровное животное? Нет, я горяч..! Да как горяч...

как котел на пароходе, что ездит в Царское... Отнять у меня жену, имя, славу... нет, вы должны еще отнять у меня элемент красноречия, чтоб я успокоился...

К а т е р и н а (*Кротову*). Оставьте его, Феоклест Онуфрич, он, кажется, болен...

Б о б. Надо всё кончить... я пойду... (*Идет.*)

К р о т о в (*удерживая его за руку*). Я вас не выпущу, милостивый государь, когда вы совершенно вне себя...

Б о б. Я совсем не вне себя, я у себя. (*Показывая на портрет.*) Вот мой портрет, когда мне было шесть лет... Я держал на руках кошку... видите?.. я играл с ней, брал ее за хвост, за голову... я играл с ней в цветущей юности... а как она бескорыстно любила меня!.. Если б она была теперь здесь, она бы вам глаза выцарапала, нос откусила!..

Дни юности припомнил я теперь:
Воспитан был я вместе с этой кошкой...
Она была тогда добрейший зверь:
Мы спали с ней, одной мы ели ложкой.
Я счастлив был в младенческих годах,
День целый ел, глазел себе в окошки,
И кошек я держал тогда в руках,
Зато теперь скребут на сердце кошки!..

Всмотритесь в черты... и тогда уж было что-то необыкновенное... А! сознаётся?.. Нет? Так я же пойду... приведу сюда дядю... он обличит вас... Пойду искать дядю, притащу его сюда за уши, за волосы, за нос... Пойду к городничему... Прощайте... коварный друг... моего семейства... нет, до свидания... надеюсь, еще увидимся... Кто бы ни попался... родственник, знакомый и незнакомый... чорт... дьявол... всех притащу в свидетели!..

Погибель разрушителю
Блаженства моего!
Пойду к градоправителю
С прощеньем на него!
Со мной сыграл ты шуточку
И честь мою задел,
Теперь под нашу дулочку
Напляшешься, пострел!

Мужьям в наш век решительно
Стеречь должно жену:
Вот как неутешительно
Бросать ее одну!

С родимыми пенатами
Чуть-чуть ты разлучен —
И хватами усатыми
Весь дом твой окружен.

(Уходит.)

К р о т о в (*про себя*). Однакож гнев его справедлив... как я далеко зашел! Теперь поздно ворочаться! что будет, то будет!..

К а т е р и н а. Ха, ха, ха! Он очень забавен... помещался, бедняжка... или его одурачили... пусть домой идет...

К р о т о в. Какая наглая обида, он просто сумасшедший!..

К а т е р и н а. Ха, ха! Надо итти... посмеяться с Феней... она очень любит такие истории... (*Идет и возвращается.*) Вот письмо, которое вам принесли... я и забыла...

К р о т о в (*читает*). Господину Бобу!..

К а т е р и н а. Да-с... Феня говорила, что будто вас произвели... Так тут извещают... Поздравляю...

К р о т о в. Хорошо! (*В сторону.*) Отдам госпоже Боб.

К а т е р и н а. Ну, теперь тут нет ничего любопытного... (*Уходит.*)

Я В Л Е Н И Е X I

К р о т о в и потом г-жа Б о б.

К р о т о в. О, судьба! Мое положение сто раз ужаснее! Пройдет час — и я несчастнейший из людей... Кроме того... я могу быть схвачен и отправлен с конвоем, как преступник... Потому что сам навлек на себя подозрения... А какую кашу я здесь заварил!

Г - ж а Б о б (*выходя осторожно из левой двери*). Он ушел?..

К р о т о в. К сожалению, так... Невозможно было заставить его выслушать...

Г - ж а Б о б. Какое приключение! Ваша сестра пошла сама хлопотать о вашем отъезде, а я, не подозревая ничего, хочу войти сюда... отворяю дверь и вижу... кого же? моего мужа!..

К р о т о в. Простите меня! я взволновал его, осла-

ривал у него имя и звание вашего мужа... Тут была воспитанница вашего дяди и всё слушала.

Г - ж а Б о б. Бедный Боб! что-то он подумал!

К р о т о в. Впрочем, когда он всё узнает, то будет еще благодарен: я у него заимствовал только имя, а мужья, которые долго не видят своих жен, иногда платят за это гораздо дороже...

Я В Л Е Н И Е XII

Т е ж е и С и б и р я к о в а, потом К а т е р и н а.

К р о т о в. Ах, это ты, сестра!

Г - ж а Б о б. Ну что?

С и б и р я к о в а. Не совсем хорошо...?

К р о т о в. Что сказал мой приятель Смуров?

С и б и р я к о в а. Он обещал сам притти или прислать человека... тебя оденут в крестьянское платье, в котором ты выйдешь за город... иначе нельзя... ты очень похож...

К р о т о в. Приметы, проклятые приметы!

Г - ж а Б о б. Ты еще не знаешь... муж мой приехал!

С и б и р я к о в а. Ах, какой случай!.. надо скорей всё кончить... но из города выехать иначе нельзя, как с запиской какого-нибудь здешнего чиновника... кто бы за него поручился?

К а т е р и н а (*входит из глубины и вдруг остлзавливается, увидя Сибирякову*). Вот и она возвратилась!

К р о т о в. Ну, а еще что?

К а т е р и н а. Что они всё шепчутся?.. любопытно узнать... (*Подходит тихо и слушает.*)

С и б и р я к о в а. Вот что еще он сказал мне: «Чтоб он не показывался на улице. Теперь все уверены, что он именно тот, кого велено задержать... его ищут... также, чтоб новый господин Боб тщательно скрывал свое имя, под которым здесь остановился... иначе он пропал!..»

К а т е р и н а (*особо*). Вот что!

К р о т о в. О, что до этого касается...

Г - ж а Б о б (*тихо*). Тише... здесь Катерина! (*Ей.*) Вы здесь?..

К а т е р и н а. Я пришла сказать приятную новость: я теперь уж наверно узнала, что Феоклиту Онуфричу дали место...

К р о т о в. Как? что такое?

К а т е р и н а. Письмо, которое я отдала вам, должно, кажется, известить вас, что вы...

К р о т о в. Я!

Г - ж а Б о б и С и б и р я к о в а. Письмо!..

К р о т о в. Да, я точно получил!..

Г - ж а Б о б (*Катерине*). Подите, моя милая, распорядитесь, чтоб обед был получше...

К а т е р и н а (*уходя*). Я в минуту!..

К р о т о в. Я хотел отдать вам это письмо!..

Г - ж а Б о б (*взяв письмо*). Посмотрим! (*Читает про себя*.) Так точно! Городничий поздравляет его с местом пристава!..

К р о т о в. Чертовское стечение обстоятельств!

С и б и р я к о в а. Далее.

Г - ж а Б о б. Вот что он прибавляет: «Теперь вам есть случай показать свои способности по службе. Употребите все способы отыскать известного плута!..»

К р о т о в. Ну так... он ко мне и привяжется!

Б о б (*за сценой*). Здесь, кажется... Да, здесь... сюда! сюда!

В с е. Что я слышу!

Я В Л Е Н И Е XIII

Т е ж е, Катерина, родственники Сыромолотного и потом Б о б.

К а т е р и н а. Вот, вот он, подложный Боб! Возвратился... и привел с собою всех наших родственников, которых известил ваш дядюшка о приезде вашего мужа... Этот безумный всё им рассказал и просит их помощи!

Г - ж а Б о б. Я уйду!..

С и б и р я к о в а. Ты этим подашь подозрение... останься!..

1-й родственник. Матушка Анна Петровна, всяческое вам уважение!..

2-й родственник. И я, осведомясь о всерадостном прибытии, не мог преминуть явиться с почтением!..

3-й родственник. С приездом достопочтенного сожителя!..

4-й родственник. Уж не он ли это встретил нас у вашего дома?..

1-й родственник.

Одетый точно иностранец,
Он встретил нас и стал кричать.

2-й родственник.

Он нам сказал, что самозванец
У вас изволит пребывать.

3-й родственник.

Скажите ж, кто хвастун негодный.

4-й родственник.

И кто ваш муж из двух особ?

Б о б (*вбегает*).

Я истый Боб, я Боб природный...
Каких же надо вам Бобов?..

К а т е р и н а (*г-же Боб*). Я слышала, что один из них должен быть тот, которого ищут.

К р о т о в и С и б и р я к о в а. Боже мой!

Б о б. Мщение! мщение! Наконец наступает торжество добродетели и гибель порока! Где мои родственники? где жена? где мой дядя?

Г-жа Боб отворачивается, чтобы он ее не заметил.

1-й родственник. Иван Мироныч забыл у меня в доме табакерку и воротился за ней!..

Б о б. Любезные друзья, верно, желаете узнать, кто ваш родственник, обнять его...

Р о д с т в е н н и к и. Да, да... разумеется...

Б о б. И наказать похитителя моего имени...

1-й родственник. Схватить такового и представить... потому что есть подозрение...

К р о т о в (*про себя*). Боже мой!.. надо на всё решиться! (*Приближаясь*.) Что вам угодно, милостивый государь?

Б о б. Что? Он... опять... опять этот злодей... я не хочу его знать... я презираю его!

Г-жа Боб делает движение к своему мужу, который узнает ее.

Моя жена! моя золотая рыбочка... Ты ли это? Посмотри на своего теленочка!

Г - ж а Б о б (*ему на ухо*). Друг мой! Выслушай!

Б о б (*быстро затыкая ухо мизинцем; с гневом*). Ах, черт возьми! ты лучше всех знаешь, как я не люблю этого! (*Переменяя тон.*) Да, это жена моя... я узнаю ее... О, я торжествую... она спасет своего ненаглядного теляночка... она кроткая жена... добродетельная женщина... такой и в Петербурге с газовым фонарем поискать... я ее узнаю! Она нам скажет, кто я, кто он!

Не властью судьбы
Попался в Бобы
Такой человек дерзновенный!

Он должен быть плут,
Гороховый шут;
Не Боб он солидный, почтенный...

О, радость моя,
Скажи им, кто я,
Ведь ты так добра от природы!

Дай знать нам теперь,
Что это за зверь,
Какой иностранной породы?

Р о д с т в е н н и к и. Говорите, говорите!..

Г - ж а Б о б (*тихо мужу*). Пред всеми?..

К р о т о в (*ему*). Милостивый государь!..

Б о б. Нечего, нечего подъезжать с извинительными элементами... я не милостивый государь... дело ясно, как газовое освещение... Госпожа Боб, заклинаю вас именем мужа... именем теляночка, которым вы почтили меня в первый день нашего супружества... заклинаю вас всем... газовым освещением... тьфу! светом истины... провозгласите торжественно — муж я вам или нет?

Г - ж а Б о б (*тихо ему*). Послушай!

Б о б. А вот послушаю... говори...

Г - ж а Б о б (*с усилием*). Так как это необходимо...

С и б и р я к о в а (*тихо ей*). Анета!

Р о д с т в е н н и к и. Говорите, говорите!

Г - ж а Б о б (*показывая на Кротоза*). Вот мой муж!

Всеобщее движение.

Б о б (*в отчаянии; помолчав*). Крокодилица... А! я, кажется, обожжен громом!.. убит молнией! А! она давеча запырала, а теперь совсем отпирается... понимаю!

Г о л о с а р о д с т в е н н и к о в. Так он обманщик! За дверь его! в полицию!

Б о б. Людоедица!.. Женщина, женщина более чем благодарная!.. Тигрица не отвергает своего тигра кроважного, а она отперлась от своего теленочка... Нет, госпожа Боб... я не теленочек... я... в гневе я — дикобраз... вы не узнаете меня... хорошо... вы меня узнаете...

К р о т о в. Государь мой, пожалуйста, не позорьте себя!

Б о б. Как не позорить себя! А вы что мне, честь, что ли, приносите! вы мне делаете награждение?.. выдаете годовое жалованье вперед?.. А?.. Но этот элемент так не пройдет... законы еще существуют... я стану плакать... стану кричать раздирающим душу голосом на всю нашу губернию... В Санкт-Петербурге услышат... там содрогнутся огромные сфинки... Когда муж в праведном гневе вопит неистово: меня провели!

К р о т о в. Да успокойтесь... придите в себя...

Б о б. Как? так вы считаете меня за сумасшедшего?..

К а т е р и н а. Ха, ха, ха! Да разумеется... Вы не в своем доме, не в своем семействе, не в своем уме... Вы просто не в своей тарелке...

К р о т о в. Не сердите его...

К а т е р и н а. Какой забавный!

Б о б. Что, что!.. И она смеется? Ступай лучше мыть свои тарелки... Все на меня... что они со мной делают?.. Они хотят остановить во мне кровообращение...

Вот сцена здесь произвелась!
По чести, здесь случилось диво!
Жена от мужа отперлась
И как ведь тонко и учтиво!
Вот как нас начал надувать
«Коварный пол, но сердцу милый», —
Прошу покорнейше понять,
Зачем она так поступила!

Другой бы, может быть, проник
И стал бы сильно горячиться,
А я так просто стал втупик,
Не знаю сам, на что решиться.
Жену я ангелом считал
И, как дурак, в восторге плавал,
И вдруг сегодня я узнал,
Что в ней сидит сам Роберт-Дьявол.

Что делать мне, что говорить?
Пред ними стал я просто пешкой!
Бывало, мастер я острить
И хоть отмстил бы им насмешкой!..
Теперь тоской убита грудь,
Вдруг поглупел я насмех курам...
И мне теперь уж не блеснуть
Ни остроюй, ни каламбуром...

Вот событие, которому нет подобного даже во французской истории и русских сказках... За что мне приняться... с чего начать... главное начать... а потом... о, я не телепук!.. Нет ли еще средства уличить их?.. А! вспомнил! жена моя имеет дядю... человека почтенного...

Слышен кашель Сыромолотного.

Это он! Небо сжалилось надо мною!.. Трепещи, вероломство... радуйся, угнетенная невинность!
Г - ж а Б о б (*с тоской*). И он не предуведомлен!..
К р о т о в. Ну, опять беда!

Я В Л Е Н И Е X I V

Т е ж е и С ы р о м о л о т н ы й.

С ы р о м о л о т н ы й (*спокойно выходя из глубины, с открытою табакеркою в руках*). Вот и я! Вот и я!

Б о б (*быстро хватая его за празую руку*). Говорите скорей — это я?

К р о т о в (*также с другой стороны*). Государь мой, прошу вас!

Г - ж а Б о б (*в то же время*). Дядюшка!

Б о б (*ударив по руке Сыромолотного, чтоб заставить его обернуться к себе*). Отвечайте же! Фунт табаку подарю!

С ы р о м о л о т н ы й. Какого? (*От удара Боба табакерка выскакивает, и табак попадает в глаза Сыромолотному.*) Ай, ай, ай! ни с того, ни с другого... и ослеплен...

Б о б (*обмахивая его*). Что? попал в глаза! Ничего... на табачных заводах и вечно бывает так... Говорите же скорей... я ли Боб?

С ы р о м о л о т н ы й (*с гневом*). Оставьте меня в по-

кое!.. Чтоб вас, ни с того, ни с другого, чорт взял! Ведь это кусает... Табак хорош, когда он в своем месте!

Г-жа Боб, Сибирякова и родственники собираются вокруг Сыромолотного.

Б о б. Это злоумышление! Нет спасения!

2-й родственник. Теперь нет сомнения... он подложный... иначе он бы не засыпал ему глаз...

В с е. Да, да! он!

1-й родственник. Что медлить, матушка, прикажите сейчас связать его и отправить куда следует...

В с е. Да, да! В часть!..

Г - ж а Б о б. Нет! нет! оставьте его... он, бедный, болен... мне его жаль!

1-й родственник. Хорошо, матушка... делайте с ним, что заблагорассудите... а нам уж позвольте...

Родственники раскланиваются и уходят; г-жа Боб, Кротов и Сибирякова уводят Сыромолотного в глубину; Боб остается один.

Г - ж а Б о б. Надо ему глаза промыть...

Я В Л Е Н И Е Х V

Б о б, потом К а т е р и н а.

Б о б. Я остался теперь один... Не понимаю, что со мной делается... а что-то кровавое. Нет примера тому ни в какой истории, ни в какой географии! Что сделалось с моей рыбочкой! Кто этот злодей... презренный элемент похищения... Какой ужасный состав влил он в несчастную жену мою, чтоб до такой степени уничтожить ее нравственный элемент! А, он чем-нибудь опоил ее... нет, он не только что похититель... нет, он... химик! Жена моя! Аннушка! которую я называл своею рыбочкою, которая называла меня своим теленочком! Теперь мы оба ни то, ни се, ни рыба, ни теленок! Не может быть... я с своей стороны всё тот же... только она... Коварная!

Приятные мечтания
Я в сердце заключал,
День бракосочетания
Я лучшим почитал...

Вдруг мне судьба повесила
Беду на шею вновь:
Жена закуролесила.
И как ведь? стынет кровь!

Не знал я прежде ревности,
Сей гибельной чумы,
От коей гибли в древности
Великие умы,—
Теперь я как помешанный.
Мне нужен мщенья лавр,
Понятен мне ты, бешеный
Венецианский мавр!

Но как мстить? как доказать свои права? Они уверяют меня, что я не Боб... Да кто же я?.. Чем более думаю, тем более уверяюсь, что я должен быть я! Или я не в свои сани сел на последней станции и попал не в тот город... Почему знать, может быть, тут вырос другой Боб?.. но тогда бы и этого табачника тут не было, а я очень хорошо помню его нос... Или передо мной разыгрывается фантазмагория, и я просто сплю, так сказать, «на лоне мирных наслаждений»? Какие к чорту тут наслаждения! я совсем не храплю... Или я в самом деле не Боб?.. может быть, я забыл, заснул в дороге свою фамилию?.. может быть, меня подменили?.. Нет, что я! Как же я не заметил?.. Не может быть... А если... ведь читал же я где-то... не могу понять. Вот жаль, что я потерял портфель, я бы посмотрел в подорожной, как меня зовут... и всё бы узнал... А теперь как решить?.. в жизни бывают разные случаи... С чего же бы им уверять, что я анти-Боб. (*С горестью.*) Неужели я точно не Боб... а только воображал себе, что я знаменитый человек в литературе, теленочек в супружестве?.. А?.. неужели?.. это ужасно! (*Подбегает к зеркалу и пристально в себя всматривается.*)

Нет, нет! я точно истый Боб!
Узнал себя я во мгновение.
Всё, всё мое: высокий лоб,
В глазах отваги выраженье!
Лицом ведь точно я красив,
Мои движенья так же чинны...
Мой рот, как прежде, так же крив,
И так же точно уши длинны!

Теперь я уверен... Пусть они что хотят, я-таки Боб... все элементы мои... Ах, что ж, однако, мне делать?..

Бывают минуты, будь я не Боб, бывают... когда у меня в голове нет ни одной мысли... пусто... хоть шаром покати... И вдруг их семьдесят пять сталкиваются, как в люминисценцию франты на Елагином... ах! (*Задумавшись, садится к столу.*)

К а т е р и н а (*выходя из глубины, задумавшись, подходит к левой стороне, Боб на правой*). Что здесь происходит?.. Я ничего не понимаю... а надо бы узнать... они были отчего-то так странны и... все шепчутся...

Б о б (*особо*). Она болтает сама с собой! Как ты счастлива, беспечная невинность!

К а т е р и н а. Они говорили, чтоб Феоклест Онуфрич показывался как можно реже, чтоб он тщательно скрывал свое имя...

Б о б (*особо*). Что она говорит?

К а т е р и н а (*про себя*). Иначе, если он выйдет, то подвергнется большой опасности!

Б о б (*то же*). Большой опасности! Боже мой! и мне этого не говорили!

К а т е р и н а (*то же*). Чтоб он не встретил измены...

Б о б (*то же*). Легко сказать!

К а т е р и н а. Тут что-нибудь да есть... надо узнать... (*Увидя Боба.*) Ах! я об нем и забыла! Он, однакоже, смешон! Ха, ха, ха! Он помешан... Уйти, а то привяжется! (*Уходит налево.*)

Б о б (*звлет ее*). Пойдите! .

Катерина остапавливается.

Я вас прошу... и приказываю, как глава семейства!

Она быстро уходит.

Мне надо расспросить... Ей смешно! Она себе счастлива... А я, чем более думаю, тем больше нахожу элементов страдания!.. Уж не в уголовное ли дело они меня запутали?.. Я подвергаюсь опасности, если выйду... ну так я не выйду, будь я не Боб, не выйду... останусь у себя... Мне надо также скрывать имя?! (*С тоской.*) Да как же? ведь оно не деньги... в карман не спрячешь... О, я бы отдал чорт знает что, только бы узнать основной элемент этой кровавой истории...

Я В Л Е Н И Е Х V I

Б о б и с л у г а (у которого сверх платья надет крестьянский армяк).

С л у г а (*с таинственным видом, который сохраняет в продолжение всей сцены*). Господин Боб!

Б о б. Я... (*Спохватившись.*) То есть, положим, что я... что тебе надо?..

С л у г а. Мне велено вывести вас из затруднительного положения...

Б о б. Ну, так я самый.

С л у г а. Да полно, вы ли?.. Мне говорили: молодой.

Б о б. Я, будь я не Боб, я!

С л у г а. Ну, так наденьте этот армяк...

Б о б (*машинально позволяя надеть на себя армяк*). Этот армяк...

С л у г а. Нельзя терять ни минуты!

Б о б. Ни минуты... ах, да!

С л у г а. Скорей, скорей!..

Б о б. Я бы хотел знать...

С л у г а. Тсс!..

Б о б. А!

С л у г а. Там всё идет хорошо...

Б о б. Я очень рад... потому что здесь всё идет дурно...

С л у г а. Тсс!

Б о б. Что?

С л у г а. Начинают подозревать, что вы здесь...

Б о б. В самом деле?.. начинают уж... чорт возьми!..

С л у г а. Говорят, что вы именно совершили похищение...

Б о б. Похищение?

С л у г а. Торопитесь...

Боб вместо рукава попадает в карман.

Это карман...

Б о б (*со страхом*). Карман? ты говоришь — карман? говори, говори всё!..

С л у г а. Вас ждет лошадь и ваш друг за городом на большой дороге.

Б о б. На большой дороге! А нельзя ли будет мне за-снуть? я ужасно расслаб... позволь, мой друг...

С л у г а (*идет*). Мы поговорим дорогой... каждая

потерянная минута увеличивает опасность... пойдете, дело идет о вашем будущем!

Б о б (*живо останавливая его*). В самом деле!

С л у г а. Я вам говорю... торопитесь... Вы сами на себя навлекаете гибель...

Б о б. Каким образом? (*В сторону.*) Ай, ай!

С л у г а. Скорее! я получил приказание только про- вести вас... как должно...

Б о б (*скидывая армяк и бросая на слугу*). Меня про- вести?.. о, ужас!.. А! теперь вспомнил... Как! ты гово- ришь, что меня ждут друзья на большой дороге с лошадьёю? Я знаю, какие друзья ждут на большой дороге... они хотят привязать меня к лошадиному хвосту... А! И ты думаешь, что тебе удастся поддеть меня?.. Нет, разбой- ник... не па того начал... я не господин Боб...

С л у г а. Как!

Б о б. Ну, так просто... не Боб, да и только!

С л у г а. Пойдете же, сударь!

Б о б (*с гневом*). Оставь мсня! Я, кажется, ясно до- казал тебе, что я не тот, которого тебе велено схватить... Ступай, бездельник!

С л у г а. Ну, как угодно! (*Уходит.*)

Б о б. Как он было меня поддел!

Я В Л Е Н И Е Х V I I

Б о б, С ы р о м о л о т н ы й и К р о т о в.

С ы р о м о л о т н ы й. Я, ни с того, ни с другого, рас- скажу ему причину... (*Бобу.*) Любезнейший Боб!

Б о б. Я не Боб! Убирайтесь! Оставьте меня в покое!

С ы р о м о л о т н ы й (*остолбенев*). А! Ба! ни с того, ни с другого.

К р о т о в. Узнайте всю правду, милостивый государь, и простите меня!

С ы р о м о л о т н ы й. А вот и портфель твой, ко- торый я отыскал... ни с того, ни с другого...

Б о б. Мой портфель!.. Он, это он!

К р о т о в. Возвращаю вам ваше имя... Меня по ошибке преследуют, и потому мне необходимо нужно было скрываться, и, благодаря вам, я теперь близок к спасению...

Б о б. Что? А! (*Перелистывая свой портфель.*) Всё тут... И мой билет... А! теперь уж нельзя отнимать моего имени... нельзя...

С ы р о м о л о т н ы й. Нет!

К р о т о в. Возвращаю вам его и благодарю. (*Идет.*)

Б о б. Пойдите, пойдите!.. я начинаю понимать... Вы говорите, что вас преследуют...

К р о т о в. По ошибке.

Б о б. Всё равно! И вы для того взяли мое имя... а? И вы думаете, что вам всё с рук сойдет? Вы во мне чуть не остановили кровообращение... Теперь моя очередь... я пойду... я вас упеку в уголовную!

С ы р о м о л о т н ы й. Боб!

К р о т о в (*удерживая его*). Что вы делаете? Я теперь, наконец, надеюсь... уехать... вдруг вы хотите привести в отчаянье: меня, друзей, будущую жену мою...

Б о б. А вы разве блаженством опоили жену мою? Нет, вы меня допекли... теперь я вас... Похищение имени и звания... о, за это накажут! (*Идет.*)

К р о т о в. Пойдите! Вы не уйдете! (*Про себя.*) У меня только несколько минут... Что делать?.. Софья... она ждет! Напугаю его!.. (*Вслух.*) Вы поплатитесь всем, что только вам дорого, если пойдете...

Б о б. Чем? женой, друзьями?

С ы р о м о л о т н ы й (*в страхе*). И мной также?

Б о б. Что вы хотите делать?

К р о т о в. Я всех вас разобью на тысячу кусков!

С ы р о м о л о т н ы й. О!

К р о т о в (*дойдя до двери, оборачивается и кричит ужасным голосом*). Вы погибли, если тронетесь с своего места... (*Уходит.*)

Я В Л Е Н И Е Х V I I I

Т е ж е, кроме Кротова.

Б о б (*остановясь налево на втором плане*). Гм!

С ы р о м о л о т н ы й (*как бы прикованный к земле*).
Ох!

Б о б. Что?

С ы р о м о л о т н ы й. Ох!

Б о б. Я этого не ожидал! Он смеет со мной ругаться... полемически разговаривать в моем же доме... Непости-

жимо дерзко! Вот какова благодарность за мое гостеприимство!.. делай после этого одоления! Что вы на это скажете?

Сыромолотный. Ох!

Боб. Что вы?.. струсили?.. успокойтесь... Вы можете выходить... действуйте... Да что вы стоите, как соломенное чучело!

Сыромолотный (*вынимая табакерку*). Однакож я, ни с того, ни с другого, создан не чучелом...

Боб (*взяв его за руку и стараясь всячески расшевелить, кричит*). Дядюшка!

Сыромолотный. Что ты кричишь так?.. Понюхать, что ли, хочешь?.. Так бы и сказал. (*Потчует.*) Смесь костромского с бобковым...

Боб. Не хочу... (*Особо.*) Вот бог дал роденьку!

Сыромолотный. Жаль, давеча... ни с того, ни с другого... просыпали...

Боб. До того ли теперь! У меня блеснула мысль!

Сыромолотный. Очень хорошо...

Боб (*садится, пишет*). Я напишу городничему, а вы отнесете... слышите?

Сыромолотный. Хорошо.

Боб. Я напишу, чтоб схватили этого злодея... который всё у меня отнял и который грозит еще нас разбить...

Сыромолотный. Как он обещал, на сколько кусков?..

Боб. На тысячу!

Сыромолотный. А! Число безмерное!

Боб (*складывая и запечатывая письмо*). Ступайте и возвращайтесь скорее!

Сыромолотный. На тысячу... ровно... лечу! лечу! (*Уходит.*)

ЯВЛЕНИЕ XIX

Боб, потом Кротов.

Боб. Теперь я вздохнул свободнее... Его посадят в тюрьму! Ага! Коварный друг! ты думал уехать... нет! Ха, ха!

Кротов (*тихо входит из левой двери; задумавшись, про себя*). Еще полчаса — и всё потеряно!

Б о б. Вот он! Притворюсь спокойным, чтобы дать дяде время всё обделать! (*Прогуливается с спокойным видом.*)

К р о т о в. А я всё еще не знаю, что будет... Что, если я не дождусь помощи моего друга... если ему нельзя?.. Беда!.. Скоро будет уже всё поздно... Что мне делать?.. А! Он произведен... он чиновник... значит, может быть за меня порукою... счастливая мысль!

Б о б (*прогуливаясь, напевает*).

Хоть шиворот, навыворот
Я правила прошел,
Не выведут за шиворот!

К р о т о в. Господин Боб!

Б о б. К вашим услугам... что угодно?

К р о т о в. Вы, кажется, на меня сердитесь...

Б о б. Я? О, нет! Я напеваю свой любимый романс... значит, я не сержусь... И за что я буду сердиться на вас? Ступайте, делайте свое дело!

К р о т о в. О, я уж всё кончил! Мне хочется лучше поговорить с вами!

Б о б. С удовольствием...

К р о т о в (*особо*). Он, кажется, в хорошем расположении... (*Вслух.*) Знаете ли что, господин Боб?.. вы меня худо поняли; я совсем не злой человек.

Б о б. Я никогда этого и не думал... Вы что-то веселы... то есть не то что шут, а так просто весельчак.

К р о т о в. Начнемте о деле...

Б о б. Начинайте.

К р о т о в. Я думаю, что вы желаете моего отъезда с таким же нетерпением, как и я...

Б о б (*живо*). О! да, чорт возьми! Да...

К р о т о в. Итак, любезнейший господин Боб, я уезжаю... (*Ходит за ним и наблюдает.*)

Б о б (*особо*). Ага! Ты хочешь, что называется, удрать? Надо продолжить хитрость до возвращения моего дяди. (*Вслух, с комическим участием.*) Как! вы хотите нас оставить?

К р о т о в. Но сперва надо исполнить одну форму... мне нужна подпись известного лица, чтоб выехать из города... кроме вас, никого я не знаю...

Б о б. Что, что такое?

К р о т о в. Напишите мне поскорее пропуск; поручитесь за меня...

Б о б (*особо*). Пропуск! тут какая-то загадка!

К р о т о в. Я не желаю более пользоваться вашим великодушным гостеприимством.

Б о б (*живо*). Не желаете!.. но я вам опять его предлагаю, со всеми его приятностями... Оставайтесь, друг мой... (*Особо*.) А дяди всё еще нет... Чудовище, нюхает в каком-нибудь углу табак!

К р о т о в. Напишите, пожалуйста! минуты дороги.

Б о б (*идя к столу и взяв перо*). Хорошо... хорошо... Ах, да! Отчего же это мое поручительство так...

К р о т о в. Какое вам дело!

Б о б. Однако позвольте...

К р о т о в. Оно мне необходимо...

Б о б. А если бы я изъявил элемент несогласия... если бы вам отказал в нем? (*Располагается подписывать.*)

К р о т о в. Тогда я буду в опасности...

Б о б (*бросив перо и подходя к нему скоро*). Точно ли вы в этом уверены, любезнейший друг?

К р о т о в. Ничего нет справедливее.

Б о б (*с радостью*). Слава богу! (*Прогуливается торжественно, испуская радостные крики.*)

К р о т о в. Станный вы человек! Хотите, чтоб я скорее уехал, а сами между тем меня задерживаете и подвергаете опасности быть остановленным...

Б о б (*прогуливаясь*). Это-то меня и восхищает! Это-то и украшает жизнь мою в эту минуту, облагораживает мое существование... возвышает меня в собственных глазах!

К р о т о в. Как! Что ж вы хотите делать?

Б о б. Так, особенного ничего... хочу задержать вас... Я думаю, что тем еще не вполне отмщу вам за поругание моей личности...

Да кто ж бы вас не задержал
Там, где коснулось дело чести?
Когда бы вам я пропуск дал,
Я пропустил бы случай к мести...
Какой, посмотришь, молодец:
Жене он другом был от скуки,
А как попался, наконец,
Так к мужу лезет на поруки...

К р о т о в (*подходя к нему, грозным тоном*). Несчастный! Перестаньте шутить! Дело может принять другой оборот.

Б о б (*смеясь иронически*). Другой оборот?.. Ах! Чорт возьми... вы, верно, за себя постоите!

К р о т о в (*глядя на часы*). Божэ мой! Только несколько минут! (*С силою сажает его на стул.*) Ты мне напишешь пропуск.

Б о б (*взбесившись, бьет кулаком по столу*). Я проглотчу лучше перо, чернила и чернилицу... вот что!

К р о т о в (*весьма громко*). Всё равно... добровольно или силою будешь принужден!..

Б о б (*крича*). Добровольно!.. Разучись я писать... отсохни рука по локоть — не напишу! (*Бьет по столу.*)

К р о т о в (*схватив его за голову и наклонив к столу*). Так я заставлю силою!..

Б о б (*поднимая голову и крича*). Нет! ни каракульки!

К р о т о в (*крича*). Подписывай!.. (*Нагибает голову Боба к столу.*)

Б о б (*крича*). Нет, нет, нет! Ай, мне больно!

К р о т о в (*тоже*). Уступишь, я ведь не чухонец! (*Отпускает его.*)

Б о б (*так же и, взяв машинально чернилицу, ставит ее пред собою*). И я также не мордовского происхождения... не уступлю!..

К р о т о в (*крича и наклоня голову Боба на стол так, что нос его попадает в чернилицу*). Подписывай... или я тебя изломаю... расшибу.

Б о б (*в такой же позиции*). Вы употребляете во зло вашу силу... это недобросовестно... заставлять писать силою... Таких вещей и в литературном мире не случается! Ну, нет же... нет, не подпишу...

К р о т о в (*всё держит и кричит*). Так ты хочешь, чтоб я убил тебя!

Б о б. Именно... я этого требую... Пролейте благородную кровь Боба... убейте меня... и вас схватят... (*Поднимает голову.*) Только нельзя ли не совсем до смерти, чтоб я мог видеть, как буду отмщен!

К р о т о в (*оставляя его*). Что мне делать? Как! Вы вздумали меня останавливать!

Б о б (*вставая, нос его в чернилах*). Да!.. Ну, теперь я отдохну. (*Вытирает нос.*) Самы трусили. А! теперь вы

в западне. Я предупредил начальство чрез моего дядю... и жду приличного награждения... Вас схватят!

К р о т о в.

О, ужас! он послал известье...
Она всё ждет, она грустит...
Но мне не быть в ее поместье...
Меня в тюрьму он поместит...

Б о б.

Мы очень ясно написали...
Сейчас придут вас захватить;
Вы, верно, этого не ждали,
Так честь имею известить!

Я В Л Е Н И Е Х Х

Б о б, С ы р о м о л о т н ы й, К р о т о в, п о т о м К а т е р и н а.

С ы р о м о л о т н ы й (*входя из глубины*). Где пожар?.. А?.. давно ли горит?..

Б о б (*с радостью, идя к нему*). Дядя! Вот он! Браво!

К р о т о в. Боже!

Б о б (*живо*). Ну что? Отдали ли его?

С ы р о м о л о т н ы й. Кого?

Б о б (*так же*). А боже мой! да говорите скорей...

С ы р о м о л о т н ы й. Да что?.. я сам не знаю! ни с того, ни с другого... Я пропащий человек...

Б о б. Что? разве какое несчастье?

С ы р о м о л о т н ы й. Я совсем потерялся... Теперь вы можете считать, что у вас нет дяди... О!

Б о б. Да говорите... разве встретилось препятствие?

С ы р о м о л о т н ы й. Я затерял мою табакерку... не видали ли вы?

Б о б (*особо*). Ах, табачная бочка! (*Ему.*) Ну, а письмо?

С ы р о м о л о т н ы й. Да ведь надо же, я думаю, сперва табакерку найти, а...

Б о б (*ослабев*). Ах! Так вы не выходили?

С ы р о м о л о т н ы й. Разумеется!

К р о т о в. О, счастье!

Б о б. Ах!

С ы р о м о л о т н ы й. Что с вами?

Б о б (*взбесясь и крича*). Отдайте мне письмо!

С ы р о м о л о т н ы й. У меня его нет!

Б о б (*Кротову*). Как!

С ы р о м о л о т н ы й. Я отдал его Катерине... и она понесла...

Б о б (*торжествуя*). А!

К р о т о в (*убитый*). Нет!.. видно, мне не выпутаться!..

К а т е р и н а (*быстро входя из глубины*). Что здесь за шум?

В с е т р о е. Катерина!!!

Каждый делает по шагу к ней.

Б о б (*быстро и с любопытством*). Ну, что?

С ы р о м о л о т н ы й (*так же*). Отвечай!..

К р о т о в. Да, да...

К а т е р и н а. Что?

Б о б. Вы отослали?

С ы р о м о л о т н ы й. Что он сказал?

К р о т о в. Говорите!

К а т е р и н а. Кто?

Б о б. Городничий!

К а т е р и н а. Да я еще не отсылала...

Б о б (*как бы прикованный к земле*). Черепаха!

К р о т о в (*с радостью*). Я отдыхаю!

С ы р о м о л о т н ы й. Отчего, почему?

К а т е р и н а. Потому что письмо этого господина внушило мне подозрение...

Б о б (*особо*). Как она назвала меня?

К а т е р и н а. И я отдала его Анне Петровне!

В с е. Боже!

К а т е р и н а. Она читала его вместе с своей подругой. Надо было видеть, как наша Анна Петровна заскакала!

Б о б (*живо*). Ба!

К а т е р и н а (*тихо Кротову*). Зиновия Андреевна велела вас просить к себе... она имеет надежду.

К р о т о в. Небо услышало ее молитвы! (*Уходит.*)

Б о б. Жена моя скакала! Для чего ж она в мое отсутствие упражнялась подбной гимнастикой?

К а т е р и н а. Я этого не знаю.

С ы р о м о л о т н ы й. Может, ни с того, ни с другого, она нашла мою табакерку?

Б о б. Скакала... зачем? почему?

Вот уж какой каприз нашел...
Скакать изволила... и только...
И вот каков прекрасный пол,
Теперь постичь его изволь-ка!
Что он? Забывчив или зол?
Прощаясь с мужем, он так плачет,
А мужа нет, так этот пол
Под потолок в восторге скачет.

К а т е р и н а. Она сказала, чтобы вы ее ждали здесь...
Что вы теперь спасены... и что вам теперь всё объяснится.
(Уходит.)

Б о б. Объяснится? Пора бы уж, кажется... А этот
злодей всё еще дышит свежим воздухом... Всё дядюшка,
дядюшка... не будь его, этот проклятый анти-Боб получил
бы теперь приличное награждение... Чорт угораздил
дядюшку потерять табакерку!

Не стоит он гнилого пня
С своим табачным корнем вместе!

С ы р о м о л о т н ы й (который вдали, наклонясь,
ищет свою табакерку).

Ого! как кажется, меня
Мой зять честит — не много чести!

Б о б.

Он без пути смешон и прост...

С ы р о м о л о т н ы й.

Вот что? Ну, этого не знал я!

Б о б.

И просто глуп во весь он рост.

С ы р о м о л о т н ы й.

Спасибо, что хоть ростом мал я!

Б о б. О, он способен на всякую глупость! Этот че-
ловек развратился при посредстве табачного элемента...
или нет, воля ваша, это не человек, это просто размале-
ванный мешок табаку... (Слышит кашель Сыромолотного
и оглядывается.) Дядюшка! Вы здесь!

Сыромолотный (*подходя*). Ты, ни с того, ни с другого, должно быть, выпил?

Боб. Выпил? Да, я выпил чашу бедствий... я осушил ее до дна по вашей милости...

Сыромолотный. Но позволь тебе сказать, что ни с того, ни с другого...

Боб. Нечего, нечего... Вы хотите сказать, что вы дали мне приданое... навязали ветряную мельницу... Знаю, знаю... спасибо... Теперь не до того... Я еще не теряю надежды отомстить грабителю моего семейного счастья, оскорбителю моего личного дворянства...

Сыромолотный. А я — найти мою табакерку!

Боб.

Всё надежду я имею...
Всемогущая судьба!
Как отомстить ему, злодею, —
Научи меня, Боба!
Буду с радостью могучей,
Позабуду всю беду,
Если мстить удобный случай
Похитителю найду!

Сыромолотный.

Всё надежду я имею...
Всемогущая судьба!
Как мне быть с бедой моею —
Научи меня, раба!
Буду с радостью могучей,
Позабуду всю беду,
Если... о, счастливый случай!
Табакерку вдруг найду!

} *Вместе*

ЯВЛЕНИЕ XXI и ПОСЛЕДНЕЕ

Те же; г-жа Боб, Сибирякова (выходят из глубины и разговаривают).

Сибирякова. Благодарю, благодарю, милая Анета!

Г-жа Боб. Благодарю судьбу и моего мужа.

Боб (*увидя жену*). Моя жена! моя золотая рыбка! (*Хочет кинуться к ней, но вдруг останавливается; про себя.*) Нет, чорт возьми! (*Строго.*) Госпожа Боб! Прошу вас объяснить мне основной элемент вашего чертовски неприятного для меня поведения!

Г-жа Боб. Ах, мой друг! Всему виной было несчастное положение этого молодого человека; но теперь, когда он уехал...

Боб. Уехал!

Г-жа Боб. Да; опасность, к счастью, сама собой миновала: тот, за кого его принимали, нашелся...

Боб. А, он пропал! Он нашелся! Он уехал! И вы, вы отпустили его, сударыня!

Сибирякова. Извините нас, сударь.

Г-жа Боб (*нежно; подходя к нему*). Да, извини, мой друг. Когда-нибудь на досуге я тебе всё расскажу...

Боб (*быстро затыкая ухо*). Только, пожалуйста, не на ухо!

Г-жа Боб. И ты, верно, не будешь меня осуждать. А теперь я пришла сообщить тебе приятную новость...

Боб и Сыромолотный. Новость? Приятную?

Г-жа Боб. Поздравляю тебя: ты получил место в нашем уезде.

Боб (*с радостью и изумлением*). Место... ты говоришь место... штатное, хорошее место, теплое... с дровами, квартирой, освещением...

Г-жа Боб. Да, вот уведомление.

Боб (*взглянув*). Я получил место... и не знал... всё равно... Жена! ты первая была вестницей моего благополучия... всё прощаю! Хоть бы ты вдвое накутила — прощаю; втрое, вчетверо — прощаю!

Сыромолотный. Ну! ты опять, ни с того, ни с другого, пришел в восхищение!

Боб. Дядя-табачник, ты меня бесишь этим словом! молчи!

ФИНАЛ

В заключение два слова
Я желал бы вам сказать...

Сыромолотный (*так же*).

Ни с того и ни с другого,
Я и сам хочу начать!

Боб.

Автор знать желает снсва,
Какова его судьба?

Сыромолотный.

Ни с того и ни с другого,
Он состряпал вам Ёба.

Б о б.

У него еще готово,
Будьте лишь добры к нему...

Сыромолотный.

Ни с того и ни с другого,
Лишь похлопайте ему.

Б о б.

Хоть для вас ничто не ново,
Но вы ласковы подчас...

Сыромолотный (*бьет по табакерке*).

Ни с того и ни с другого,
Приласкайте уж и нас!..

А К Т Е Р

Шутка-водсвилъ в одном действии

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Кочергин, саратовский помещик.

Лидия, дочь его.

Сухожиров, чиповник, жених Лидии.

Стружкин, актер.

Слуга.

Действие происходит в С.-Петербурге.

Театр представляет комнату в квартире Кочергина. Три двери: направо в бильярдную, налево в комнату Лидии; на середине выходная.

Я В Л Е Н И Е I

С у х о ж и л о в и К о ч е р г и н, с кием выходит из бильярдной.

К о ч е р г и н. Ха! ха! ха! Как я вас славно обыграл! Удивительная партия... И как мне задалось — что удар, то либо в среднюю блузу, либо дублет в угольную... Я надеюсь, вы не сердитесь, что я вам задал сухую партию... что не дал ни одного очка сделать?..

С у х о ж и л о в. О, помилуйте, за что сердиться... на то игра; нельзя обоим вдруг выиграть.

К о ч е р г и н. Истинная правда... вот я уж тридцать лет играю на бильярде, а никогда не замечал, чтоб вдруг оба выиграли... Так уж странно как-то сочинены игры... Так вы не сердитесь за сухую партию?

С у х о ж и л о в. Нет; мне остается только удивляться вашему искусству.

К о ч е р г и н. Да, от этой сухой партии у меня и теперь лоб мокрый... Вот посмотрели бы вы меня в прежние годы, как я играл на бильярде!

Когда мне было двадцать лет —
Играл тогда я бойко, славно!
Со мной, бывало, сладу нет:
Всех обыграю преисправно!
Хоть на три тысячи изволь —
Вовек не праздновал я трусу:
Я славно делал карамболь
И попадал отлично в блузу!

Теперь совсем не то... меня узнать нельзя... я стал и стар, и слеп, и слаб.

ЯВЛЕНИЕ II

Те же и Лидия.

Лидия. Ах! Валерьян Андреич!

Сухожиллов. Лидия Степановна! Здравствуйте! Кажется, целый век не видал... позвольте поцеловать вашу ручку!

Лидия. Здоровы ли вы?

Сухожиллов. Здоров; но сердце у меня страдает... матушка, кажется, на целый век замедлила нашу свадьбу... однакож, наконец...

Кочергин. Ну, что наконец?

Сухожиллов. Она уж едет... вот письмо прислала... что это за добродетельная женщина! Вы ее узнаете и с ней не расстанетесь... Она наперед дала свое согласие на брак мой с вашей дочерью... Как она на меня надеется... как любит меня! Послушайте, вот конец ее письма; волосы дыбом поднимаются! *(Вынимает письмо и читает.)* «Прощай, бесценный Валеринька», — бесценный! — «Я скоро буду... прощай, сердце мое; береги свое здоровье, одевайся потеплей и будь добродетелен!» Будь добродетелен!.. Такое выражение может изобресть только материнская нежность.

Кочергин. Вот, сударь мой, скоро матушка ваша будет... Так, значит, во ожидании всерадостного приезда, чтоб незаметнее время прошло — мы теперь и сыграем еще партийку...

Сухожиллов. Некогда... я заехал только повидаться с Лидией Степановной. Вы и то меня задержали...

Кочергин. Эх! А я было только кий подпилил... так бы и срезал желтого в среднюю... Ведь вы берете у меня дочь, последнее мое утешение... можно бы, кажется, за это партию-другую сыграть... мне ведь будет скучно...

Сухожиллов. Скучно, позвольте! Вы говорите, что вам будет скучно? Мы найдем вам развлечение... Ах, позвольте... у меня есть чудесный знакомый, который, верно, умеет играть на биллиарде...

Кочергин. Ну... так что же?

Сухожиллов. Я приведу к вам славного малого... он насмешит вас и обыграет...

Кочергин. Обыграет? А кто он такой?

Сухожиллов. Актер.

Кочергин. Ха, ха, ха! Актер. Слышишь, Лидия, к нам хотят привести актера...

Сухожилов. Лихая голова!.. только успевай смеяться: врет, как трещотка!

Кочергин. Всё это хорошю, но... *(Берет его за руку.)* Хотите, вперед дам двадцать очков?

Сухожилов. Прощайте, иду за Стружкиным... сейчас же приведу... Он говорил, что куда-то отозван; ну, да не велик барин, в другой раз туда сходит.

Кочергин. Я очень рад буду!.. Люблю посмеяться... ха, ха! и поиграть на бильярде! Актер... помнишь, Лидия, когда мы жили в Саратове и зазвали какого-то заезжего штукаря... такие коленцы выкидывал, что чудо!.. А это столичный: должно быть, еще лучше... ха, ха!

Сухожилов. Прощайте же. *(Подает ему руку.)*

Кочергин. Ах, киек-то хорош! Двадцать пять вперед дам, сыграем; и выставку дам!

Сухожилов. Прощайте, Лидия Степановна... мы скоро увидимся.

Кочергин *(вслед уходящему Сухожилову)*. Валерьян Андреич! Двадцать пять — и все ваши промахи не в счет! Время терпит: сыграем.

Сухожилов уходит.

Я В Л Е Н И Е ІІІ

Т е ж е, кроме Сухожилова.

Кочергин. Экой торопыга! А мочи нет, хочется кий попробовать... Ну, да бог с ним, зато он приведет нам Стружкина... Посмешит нас!

Лидия. Отчего вы думаете, папенька, что он должен быть непременно смешон?

Кочергин. Ха, ха, ха! Ведь это его занятие.

Лидия. В театре, а не в гостях.

Кочергин. Всё равно... Еще бы он стал серьезные рожи корчить... Да тогда бы его никто в дом-то не пустил... Ну, об нем после, а теперь скажи-ка мне откровенно, довольна ли ты женихом, которого я тебе приискал?

Лидия. Очень довольна; лучше этой партии я не желала.

Кочергин. Постой, постой... Вишь, ты очень

тороплива. Пятьдесят девять еще не партия! Вот как вас обвенчают, да на другой день поздравят с добрым утром, вот тогда ты партию-то с ним с удару кончишь. Жаль, умерла моя покойница; она бы научила тебя, как жить с мужем. Я не могу дать тебе наставлений; а, пожалуйста, расскажу, как со мной жила моя жена; может быть, тебе понравится и ты последуешь ее примеру:

Два месяца мы жили очень мирно,
На третий вдруг вздурилася жена,
Вскочивши, я скомапдовал ей «*смирно!*»
Тарелкой в лоб пустила мне она.
И с той поры не становилась тише;
Всё на меня сердилась почь и день,
И уж к себе не подпускала ближе,
Как на одну печатную сажень.
Мне это страх как было нездорово,
День ото дня ставало тяжелей,—
И, наконец, чтоб сблизиться с ней снова,
Был принужден я покориться ей.
Так шли дела; в два месяца, не дальше,
Покорным быть я ей во всем привык...
Она себе жить стала генеральшей,
А я у ней был, точно как денщик!

Я В Л Е Н И Е I V

Т е ж е, С у х о ж и л о в и С т р у ж к и н.

К о ч е р г и н. А! а! Шум! Видно, приехали... ну, слава богу... теперь мы не умрем со скуки...

С у х о ж и л о в. Вот, рекомендую вам моего приятеля, Ореста Петровича Стружкина.

К о ч е р г и н. Очень приятно... очень приятно...

С т р у ж к и н. Валерьян сказал мне, что вы хотели со мной познакомиться: благодарю вас за честь.

К о ч е р г и н. И я благодарю, чудесно! (*В сторону.*) Сейчас видно сокола по полету!

С у х о ж и л о в (*Стружкину*). А вот, рекомендую тебе мою невесту... Лидия Степановна...

С т р у ж к и н. Очень рад, сударыня, за моего приятеля: бог наделяет его прекрасной женой.

Л и д и я. Вы мне льстите...

С т р у ж к и н. А скоро будет свадьба?

К о ч е р г и н. А вам на что? Ха, ха, ха! Сострить?

С у х о ж и л о в. Да вот, как скоро приедет матушка;

ты знаешь, что она скоро обещала быть... однако я иду... надо оканчивать дела.

Л и д и я. Пойдемте, я покажу вам мою работу...

Сухожилов и Лилия уходят.

Я В Л Е Н И Е V

Стружкин и Кочергин.

Стружкин. Вы, я думаю, с нетерпением ожидаете матушки Сухожилова, чтоб кончить дело. Хорошая она женщина?..

Кочергин. А кто ее знает. Я ее сроду не видал... должно быть, хорошая. Ну, да что о таких пустяках толковать; лучше бы что-нибудь повеселее...

Стружкин. А, вы любитель веселого... веселое нынче в свете очень редко; всё избилось, истаскалось; что было прежде гениально — теперь только что сносно; что было забавно — теперь никуда не годится... легче достать птичьего молока, чем настоящего, неподдельного веселья, если его нет в самом характере человека...

Кочергин. Ха, ха, ха! Как вы сказали, почтеннейший?.. Птичьего молока! Славно, ха, ха!

Стружкин. Что вы говорите?

Кочергин. Чем вы занимаетесь теперь; то есть, что подделываете?

Стружкин. Мои занятия, я думаю, вам известны... поутру роли, потом репетиции, потом спектакль, а потом опять роли и опять репетиции и опять спектакль...

Кочергин (*в сторону*). Ха, ха, ха! Вот уж начал, начал; так у него и выливается!..

Стружкин (*в сторону*). Что он всё смеется и смотрит на меня, как на зверя!

Кочергин. Как это вы попали, любезнейший, в такую должность?

Стружкин. Любовь к театру заставила меня посвятить себя благородному званию артиста.

Кочергин. Ха, ха, ха! Да с вами не умрешь со скуки. Ха, ха!

Стружкин. Что такое?

Кочергин. Ну, любезнейший, благородному званию..

Стружкин. Я горячо полюбил театр и стал ревностно изучать образцы.

Кочергин (смеется). Оно так и надо, конечно, всякий молодец на свой образец!

Стружкин (особо). Он не перестает смеяться; что бы это значило... уж нет ли тут чего?

Кочергин. И надо признаться, что вы собаку съели в своем ремесле!

Стружкин. Искусстве, а не ремесле!

Кочергин. Ха, ха! Всё равно... искусстве... славно, славно... Как вы вошли, я чуть-чуть не фыркнул...

Стружкин (вскакивая). Что такое?

Кочергин. Ха, ха, ха! Какую вы серьезную рожу скорчили... браво! ха, ха!

Стружкин. Что... чуть не фыркнул?.. Так я вас насмешил?..

Кочергин. Да как же, любезнейший; вы и теперь смешите, ха, ха, ха! Да полноте притворяться! Право, другой подумает, что вы в самом деле рассердились!

Стружкин. Вы ошибаетесь... я вовсе не думал вас смешить... я не шут, государь мой, артист... это такая разница, как небо и земля!.. Шутом может быть всякий дурак... а артистом только человек с дарованием...

Кочергин. Ха, ха, ха! Ну, недаром же мне Валерьян Андреич сказал, что вы меня распотешите... ха, ха!

Стружкин. Как? Так это вам сказал Валерьян Андреич? Он для того меня познакомил?

Кочергин. Ха, ха, ха!

Стружкин. Сделайте одолжение, перестаньте смеяться!

Кочергин. Нечего сказать; я этого не ожидал... Вы мастер своего дела... благодарю, благодарю... навещайте нас, пожалуйста, почаще... люблю посмеяться! ха, ха!

Стружкин. Теперь я всё понимаю! Так вы меня затем пригласили, чтоб я смешил, потешал вас... И это сделал человек, которого я считал другом! Вы приняли меня за уличного паяццо, за фигляра?

И вот как у нас понимают искусство!
Вот как на жрецов его люди глядят:
Ты тратишь и силы, и душу, и чувства, —
За то тебя именем шута клеймят!

Талант твой считают за ложь и обманы;
Понять его — выше их сил и ума.
Им нет в нем святыни; для них шарлатаны
И Гаррик, и Кип, и Лекенъ, и Тальма!

Кочергин. Очень хорошо!.. Удивительно! Вот у нас каждый день шарманщик останавливается... собачки у него пляшут в фартуках... и сам, каналья, танцует... да нет! Всё не то! Я еще никогда так не смеялся, как сегодня... Как на вас взгляну... ха, ха, ха, ха!

Стружкин. Нет, это выше сил! Говорят вам, я не затем явился сюда. Этот Валерьян, этот повеса, солгал вам. Я же его проучу... я покажу ему, что значит актер... я отплачу ему за его похвальную рекомендацию...
(Уходя.) Мое почтение.

Я В Л Е Н И Е VI

Кочергин. Куда же вы... вот бы мы партийку сыграли... Ну, молодец!.. Да что он, вправду, что ли, рассердился? Ха! ха! ха! Как бы то ни было, а потешил... жаль, если он не придет опять... у него и голос две капли воды на шарманку походит. А если еще он может усовершенствоваться, — так надо ожидать, что под потолок будет подсакивать... только странно, за что он рассердился? Не находит ли на него дурь? Спрошу уже у Валерьяна Андреича... а теперь... эх, скучно стало! Так славно удалось кий подпилить, можно бы с удару партию кончить...

Я В Л Е Н И Е VII

Кочергин и госпожа Сухожилова.

Сухожилова. Эко неопрятство какое, господи боже мой: в прихожей ни одного холопа нет... Чай, все по заведениям разбежались...

Кочергин. А? Откуда вы! Вам кого-нибудь угодно?

Сухожилова. Вестимо, недаром пришла... ах!.. дай бог память, фамилия, эдак... на помело либо на ухват похожа...

Кочергин. Что такое?

Сухожилова. Да, да, вспомнила... кочерга... Где мне найти господина Кочергина?

Кочергин. Ха, ха! Да чего спрашиваете, ведь я-то и есть Кочергин; а вы-то уж не Аксинья ли Дмитриевна Сухожилова?

Сухожилова. Статочное дело, сударик...

Кочергин. Ах, так вы-то и есть... ха, ха! Здравствуйте, матушка Аксинья Дмитриевна... уж как мы вас ждали-то... позвольте поздороваться. *(Целует ее руку.)*

Сухожилова. Ждали... что же мне, сломя голову скакать прикажете... растрясти стариковские кости... Я же, отец мой, люблю экономию, не по-вашему... велела в домашнюю колымагу запречь в корень пеганку, а сивку на пристяжку, — да и в Питер; вот оттого и долго... Что это у тебя за палка в руке? Дворню, что ли, муштруешь?.. неловко, неловко... вот у меня плетка сделана... так уж больно сподручно.

Кочергин. Нет, это кий, матушка, для игранья на биллиарде...

Сухожилова. В первый раз слышу... однако, некогда толковать о белендрях; ты мне лучше скажи, как вы тут сынишку-то моего просватали?..

Кочергин. Всё после узнаете, матушка Аксинья Дмитриевна; а теперь не угодно ли сперва закусить, да отдохнуть с дороги.

Сухожилова. Что? Отдохнуть... вишь, выдумщик какой. Уж не умыслы ли какие?.. Нет, не дамся в обман... проучили меня, батюшка, уж довольной!.. Чтоб я стала закусывать... когда мое детище обманывают; нет, закуской меня не купишь... кусок в горло не пойдет.

Кочергин *(в сторону)*. Ну, с ней, кажется, придется язык закусить! *(Ей.)* Помилуйте, чего вы сердитесь...

Сухожилова. Нечего, батюшка, подлачиваться-то... нечего бобы разводить... говори, что ты даешь за своей дочкой-то?.. коли хорошо — ладно; а нет — так ведь у меня не долго... и простимся как раз...

Кочергин *(в сторону)*. Эге! какая задорная!

Сухожилова. Давай же расписание-то.

Кочергин. Еще не готово, а что поважнее, то я так скажу, если вам хочется.

Сухожилова. Ну, говори; да не криви душой: узнаю всю подноготную... от венца оторву, если надуешь...

Кочергин. Помилуйте... во-первых, я даю за

дочерью двадцать пять душ, не заложенных, мужеска пола, в Саратовской губернии...

Сухожилова. Что? Двадцать пять душ! Только! Ах, ты, голь саратовская... чтоб я позволила моему сыну... нет, голубчик! он у меня один, как порох в глазе... вишь, вы его околдовали тут! Опоздай я — вы бы погубили... Двадцать пять душ моему сыну... да есть ли в тебе душа-то!

Кочергин. Позвольте, позвольте, сударыня; вы прежде выслушайте всё...

Сухожилова. Да что слушать... уж, видно, обмануть хотели... ну, говори, что еще?

Кочергин. Сорок три души в Олонецкой губернии...

Сухожилова. А! ну, нешто!

Кочергин. По силе духовной, немедленно после переселения моего в жизнь вечную...

Сухожилова. Что? После переселения... Прошу прислушать... эдак он морочит меня, вдову беспомощную. Да господь знает, когда ты с душенькой своей расстанешься... может, и нивесь сколько проживешь... Хитер! больно хитер!.. Вишь ты, какой бочонок, разве что параличом хватит, а то... Ну, нашел мой сынишка сокровище!.. Да нет; не видать тебе моего сына; сейчас же выкинь дурь из головы и скажи своей дочке... не бывать ей за моим сыном...

ЯВЛЕНИЕ VIII

Те же и Лидия.

Лидия (*заглядывая в дверь*). Что здесь за шум?

Кочергин. Что вы кричите... Уймись! сорок пять и никого!

Сухожилова. Не уймись... буду кричать... А! это что за неженка... не она-то ли и невеста... хороша, больно хороша... больно красива... тонконожка, белоручка, поджарая... Слышишь, голубушка! Выкинь вздор-то из головы, не бывать тебе за Виктошинькой... ищи другого.

Лидия. Что такое?

Кочергин. Чем же вам моя дочь не нравится...

Она скромна, заботлива,
Послушна, хороша,
Любезна и расчетлива,
В ней добрая душа.
С такой красоткой ангельской
Женитьба — просто честь!

С у х о ж и л о в а.

У нас, сударь, в Архангельской
Почище этой есть.

Вишь, расхвастался своим добром... разбойник... с ума спятил... да еще тараторит... Знайте же, что сыну моему не бывать мужем вашей дочки; не быть, не быть и не быть! Не будь я — не быть! Не видать вам его, как ушей своих, обманщики! (*Уходит.*)

Я В Л Е Н И Е IX

К о ч е р г и н и Л и д и я.

К о ч е р г и н. Правду говорят: не узнаешь, где найдешь, где потеряешь. И меня привел господь на своем веку настоящего чорта увидеть, а я уж думал, что хуже моей покойницы и быть не может, куда! Она и в подметки этой не годится! Уж покричи она еще... я бы просто кием такой карамболь сочинил!.. Да жаль кия-то... об этакую колдунью и железный лом переломишь... Нет, слуга покорный породниться с таким дьяволом! И так на душе грехов много, а тогда уж прямо в ад ступай... а она и дорогу покажет!

Л и д и я. Помилуйте, не сердитесь, папенька... может быть, вы ее сами рассердили...

К о ч е р г и н. Вот те на... двадцать один и никого!.. Я рассердил! Ну на что чорта сердить... в нем и так злости-то в сороковую бочку не вольешь. Хорош Валерьян Андреич! И ничего мне не сказал!

Л и д и я. Простите его, папенька!

К о ч е р г и н. Ну, полно, нечего тут хныкать... простите! Ступай в свою комнату да выкинь дурь из головы... Свадьбе не бывать, эта партия кончилась промахом! А эта старая чертовка пусть навек отправится к чорту или навсегда в Архангельскую губернию!

Лидия уходит.

Я В Л Е Н И Е X

Кочергин и татарин, с тюком товаров.

Татарин (*заглядывая в дверь*). Халаты, шали, платки бухарские, материя отличная, хорошей доброты, знатной, самой лучшей доброты; не угодно ли купить, барын? Товар хорош... купы, купы!

Кочергин. Ба! Это что за физиономия! Ах, татарин! Зачем чорт принес... правду пословица говорит: не в пору гость хуже татарина, а уж татарин не во-время должен быть хуже самого чорта!

Татарин. Что, судыр?.. Напрасно обижаете — татарин такой же человек... честный человек... бывает и русский человек, а поступает по-татарски...

Кочергин. Как ты сюда попал? Кто тебя звал, любезный?..

Татарин. Сам пришол, барын; сам пришол; должность наша такая... кому звать...

Во все дома вхожу свободно,
С вопросом: что купить угодно?
Я всё сейчас продать готов:
Халатов много и платков,
Матерья есть хорош бухарска!
Натура уж такой татарска:
Ужасно хочется продать
Да за товар побольше взять!

Кочергин. Вишь какой! ха, ха, ха! Побольше взять! Даром что татарин, а у тебя губа-то не дура: любишь денежки!

Татарин. Колы не любит, судыр, деньги вещь хорошая... всё хорошее любить можно... мы такие же люди, судар...

Кочергин. Вот что! Ну, а что ты больше-то всего любишь?

Татарин. Ну, а что вы больше всего любите? Что весь свет больше всего любит?..

Кочергин. Разумеется, у всякого свой вкус...

Татарин. Ан, нет, судыр... я вам лучше скажу... весь свет вместе и кажда человек поодиначке больше всего любит деньга...

Кочергин. Ха, ха, ха! Так и ты, значит, больше всего любишь деньги?

Татарин. Вестимо, судыр. Кто деньга любит,

тот, значит, всё хорошее любит, потому что на деньга можно достать что есть наилучшего в свете, судыр.

Кочергин. Вот что! Умно рассудил, даром что татарин.

Татарин. Не занимать стать у вас ума, судыр... Эх! кабы у меня деньга были... не ходыл бы я с утра до темной зоры, не нудил бы себя... а то вот теперь и возишься с товаром, бегаешь, как угорелый, с утра до ночи, чужие дела обделываешь... ох, деньга, деньга! Ходишь по улицам да думаешь, как бы рублик или полтину зашибить, судыр, право, вот-те аллах, право!

Родом я не знатный барин;
Всё, что есть — с собой пошу...
Просто, судыр, я татарин,
Господам большим служу...
Знают все меня в столице;
Я хожу во все дома;
Дамы, судыр, и девицы
От меня все без ума.
Все товар мой выхваляют,
Смотрят шали и платки,
Не торгуясь покупают; —
А мне это и с руки!
Малый, судыр, я не промах,
Знаем, где стоять, где сесть,
Как вести себя в хоромах,
Как в прихожей дружбу свесть;
Мы товар других не хуже
Продавать научены:
Для жены — тайком от мужа,
Мужу — тайно от жены;
Про невест наводим справки,
Как стакнемся с женихом,
От булавки до булавки
Всё приданое сочтем.
Если в барыню влюбиться
Вздумал судыр до ушей,
Да не знает, как открыться —
Мы пойдем дорогу к ней.
Всё откроем на отчистку
И подарок ей вручим,
При подарке и записку,
Судыр, ей передадим!
Перед нами всяк спасует —
И купец, и господин;
А татарина надует
Разве, судыр, жид один!

Купы, барын... вот халат хорош на турецкой подкладка...

Кочергин. Ну, развертывай дальше, что у тебя еще есть.

Татарин. Посмотрите халат... право, останетесь довольны; будете носить да вспоминать. (*Развертывает халат.*)

Кочергин. Хорошо, хорошо; да халата мне не надо... недавно купил... показывай, что еще...

Татарин (*развертывая вещи*). Вот шали персидские... настоящие... отличной доброты...

Кочергин. Вижу, вижу.

Татарин. Которую угодно... любую возьмите... (*Откидывает одну шаль в сторону.*)

Кочергин. А это что?

Татарин. Шаль богатая, в три тысячи...

Кочергин. Что ж ты прячешь... показывай, я посмотрю... может быть, куплю...

Татарин. Нельзя, судар, уж продана... я несу ее одному молодому барыну... Валерьяну Андреичу...

Кочергин. Какому Валерьяну Андреичу?

Татарин. Господину Сухожилову.

Кочергин. Вот что! А на что ему?

Татарин. Невесте подарить... невесте...

Кочергин. А... понимаю... шаль хорошая.

Татарин. Я ему невесту сватаю... хорошая барышня... такая красивая...

Кочергин. Ты ему невесту сватаешь... что ты говоришь?

Татарин. Да, барын, невесту.

Кочергин. Да у него уже есть невеста! Сорок пять и никого!

Татарин. И полна, судыр, какая невеста... бедная... шутит он... ему надо богатая невеста.

Кочергин. Вот что!.. Ты правду говоришь?

Татарин. Да колы ж не правду, барын... он сам просыл меня...

Кочергин. А давно ли это было?

Татарин. Да вот на-днях...

Кочергин. Ай, ай, ай! Вот штука!

Татарин. Я вот и нашел ему невесту... уж такая красавица, да богатая... а это он так, шутём, где-то по-сватался.

Кочергин. Шутём!

Татарин. Ему нельзя без меня жениться...

Кочергин. Почему?

Татарин. Вот видишь, барын, он мне много должен, да и моим товарищам...

Кочергин. Много должен? За что?

Татарин. Вестимо за что, барын... дело молодое... той платочек подарить надо, той шаль, там материя на платье... красавицы любят подарки...

Кочергин *(в сторону)*. Так вот каков мой будущий зятек! Красавицы! Ай, ай, ай!

Татарин. Оно незаметно, да вот мне одному за-должал тысяч шесть.

Кочергин. Шесть тысяч!..

Татарин. Да другим нашим тысяч пяток будет.

Кочергин. Шесть да пять — одиннадцать тысяч! Уф! Двадцать один и никого!

Татарин. Так вот, барын, чтоб честно разделаться, я и ищу ему богатую невесту... Как он женится, вот первому мне и заплатит... Да что вы, судар, больно страшно на меня смотрите?

Кочергин. Нет! Я не могу более терпеть! Иди любезный; спасибо тебе... заходи в другое время, я у тебя куплю что-нибудь, теперь некогда... а! Чорт возьми! Меня так обманывать!.. Так он сам просил?

Татарин. Да, когда же не сам... вот сегодня понесу к нему шаль... Он подарит и стоворы будут... кабы поскорее!.. больно деньги нужны... только и молимся, чтоб женить его... до суда доводить дело не хочется...

Кочергин. Ну, ступай с богом... У него есть другая невеста!

Татарин уходит; за дверью слышен его голос: «Халаты разные, разные, материи бухарски, платки, шали!»

Я В Л Е Н И Е X I

Кочергин, Лидия, потом Сухожиллов.

Кочергин. Что я узнал!..

Лидия *(входя)*. Папенька, я допила свою подушку!

Кочергин. Подушку... напрасно торопишься с

подушкой; я уж сказал, что тебе не быть за этим плутом Сухожиловым...

Лидия. Вот вы опять рассердились... В чем он провинился, папенька?

Кочергин. Он негодяй!

Сухожилов (*входит*). Ну, вот, слава богу, я отделался... теперь я могу побыть с вами, с моей милой Лидией... (*Подходит к ней.*)

Кочергин. Прочь! я не позволяю...

Сухожилов. Что такое? Почему?

Кочергин. Не позволяю, да и только. Чтобы нога ваша не была в моем доме... слышите?

Сухожилов. Что это значит? Помилуйте...

Кочергин. Ступайте вон, и больше ничего... Ищите себе татарскую невесту в другом месте! Сорок пять и никого!

Сухожилов. Степан Глебыч?

Лидия. Батюшка?

Кочергин. Что, Валерьян Андреич? Что, матушка? Вишь, какую рожу скорчил... А ты что смотришь, точно голодная синица... ступай в свою комнату...

Сухожилов. Да объяснитесь...

Кочергин. Ничего... вон, вон! Или я призову людей, призову полицию! Вас вытолкают...

Сухожилов. Боже мой! Что это значит? Я был наверху блаженства и вдруг...

Кочергин. Да уйдете ли вы отсюда?.. Или... (*Схватывает кий и грозит.*) Вот бог, а вот порог!

Сухожилов. Он с ума сошел! (*Уходит.*)

Кочергин. А! выпроводил молодца... ха, ха, ха! Слава богу! Поди к своей окаянной матушке!

За кулисами слышен шум от падения бюстов.

Итальянец (*за кулисами, с гневом*). Morbleu!¹ Что вы делаете! Vous avez perdu la tête!² Вы разбили мой статуй; отдайте мне деньга... Это не карашо, синьор... Сюда?... карашо!

Кочергин. Что еще там такое?

¹ Чорт возьми! *<франц.>*.

² Вы потеряли голову! *<франц.>*.

Я В Л Е Н И Е XII

Кочергин и итальянец, у него на голове лоток со статуями, из которых некоторые разбиты.

Итальянец. Parbleu!..¹ Мой Вольтер разбил... два двугривенник... Donnez moi l'argent...² отдайте мне деньга... деньга...

Кочергин. Какие тут ржавые деньги, что ты толкуешь?..

Итальянец. За Наполеон два двугривенник... за Вольтер два с полтин... у меня бюсты корош... настоящие гипсовые... отдайте, синьор, деньга...

Кочергин. Что такое? За Наполеона два двугривенных, за Вольтера два с полтиной? я ничего не понимаю.

Итальянец. Как не понимай! Отсюда бежит молодой человек... закричал: стара дурак...

Кочергин. А! это Сухожилов... он еще ругается.

Итальянец. Я совсем не стара... совсем не дурак... он толкай меня, э... разбил мой Наполеон... мой Вольтер... нога сломай Тальони... ну, куда без ноги годится Тальони... возьмите себе... Вольтер... Деньга подай, деньга за мой бюсты!

Кочергин. Да мне-то что за дело? Зачем ты сюда пришел, чорт возьми!

Итальянец. Как на что! Деньга... он показал мне на вашу дверь... Вот мой статуй. (*Снимает и рассматривает.*) Ай, ай!

Кочергин. Да не кричи так! Семьдесят пять и никого!

Итальянец. Се n'est pas bien...³ обижать так честна итальянца... мой вам ничего не сделай...

Кочергин. Да замолчишь ли ты, дурак... говори, в чем дело, пустая голова.

Итальянец. Что... вы ругай... не карашо, синьор, ругать честна итальянец... Я не дурак! Не пуста голова.

Ма⁴ — зачем вы так брапитесь,
Я не глупа человек:

¹ Проклятие! *<франц.>*.

² Отдайте мне деньги *<франц.>*.

³ Это нехорошо *<франц.>*.

⁴ Моя *<франц.>*.

Regardez-vous¹, осмотритесь, —
Я с умом попускъ весь век.
Был я прежде лаварони,
Да на разум вдруг попал:
Продавать не макароны,
А les grands² синьора стал.
У меня карманы пусты,
Так, фортуна чтоб нажить, —
По домам носить стал бюсты,
Стал чужою слава жить.
У меня есть Шиллер, Гете...
Все, о ком известна я,
Tout ce qu'il y a³ ума на свете,
Все на голова моя!

Кочергин. Ха, ха, ха! А все-таки я ничего не понимаю...

Итальянец. Как не понимай... видит... (*Показывая на лоток.*) Il a cassé mes statues...⁴ разбил... отдай мне денъга, синьор... нехорошо обижал бедна итальянца...

Кочергин. Ну, хорошо, отдам, отдам, только не кричи... Ты, как я вижу, малый горячий.

Итальянец. Будешь горяча малый... когда обижай... что мне теперь делай с моей статуей разбитой... купите, синьор, что-нибудь.

Кочергин. Ну, сколько же тебе надо за разбитые статуйки...

Итальянец. Мой уж сказал ви... за Гете рубль сорок копейка, за Вольтер два рубли пятьдесят копейка, за Талиони три рубль...

Кочергин. Что дорого?.. Ты говори настоящую цену... я у тебя, может быть, и для себя что-нибудь куплю...

Итальянец. Нельзя дешевле, синьор, никак нельзя... уж так положено...

Наша брат такой товаром
Карашо вся цена знай,
Можно всё продай задаром,
Только денъга нам давай.
Trois⁵ рубль за Шиллер с Гете,
Много ль тут за два, синьор?
Матерьял возьми в расчете,

¹ Посмотрите *<франц.>*.

² Великих *<франц.>*.

³ Сколько есть *<франц.>*.

⁴ Он разбил мои статуи *<франц.>*.

⁵ Три *<франц.>*.

Выйдет вздор, parole d'honneur¹.
За Сенека, за Гораций,
За Сократ и за Платон
По полтина ассигнаций
Можно взять за chaque personne².
Нынче дрепняя персона
Очень дурно сходит с рук,
А вот Эльслер и Тальона
По целкова каждая штука.
За пять рубль отдам Венера
И большой Наполеон;
Два с полтиной за Вольтера,
За Руссо и Аполлон.
Меньше взять нельзя по чести
За такой большой людей,
А гуртом отдам всех вместе
За четырнадцать рублей.

Кочергин. Вот как! Отчего же это за Наполеона-то два двугривенных, а за эту, как ее...

Итальянец. Талиони...

Кочергин. Да, за эту мадам, три с полтиной? Что ей за честь такая?

Итальянец (*ставя два бюста рядом*). Вот что-с! Regardez³... эта Талиони немножко повыше; а Наполеон пониже... вот разнице...

Кочергин. Понимаю... кто больше, тот и дороже...

Итальянец. Точно так, синьор. Пожалуй же деньга мне... Всего шесть рублей без десять копейка... этот молодой персон, который выбежал отсюда из двери, как il furioso⁴, и скажи мне, что я здесь получит...

Кочергин. На вот, будет с тебя; тут пять рублей; ведь за другого плачу, только жаль тебя... ступай с богом.

Итальянец. Благодарю... А больше, синьор, ничего не купит? Rien?⁵

Кочергин. Нет, ничего не надо... ступай.

Итальянец (*уходя*). Возьмит, синьор, хоть Сократа; такой тяжелый... голова болит! Prenez...⁶

¹ Честное слово <франц.>.

² Каждого <франц.>.

³ Посмотрите <франц.>.

⁴ Одержимый <итал.>.

⁵ Ничего? <франц.>.

⁶ Возьмите <франц.>.

Кочергин. Ничего не надо, ступай... вперед не таскай таких тяжелых болванов, от которых голову ломит.

Итальянец уходит.

ЯВЛЕНИЕ XIII

Кочергин, потом Сухожилов.

Кочергин. Вот еще молодец! Затем пришел в Россию, чтобы болванами торговать; точно русские не могли бы того же делать... Впрочем, у всякого человека свое пропитание...

Входит Сухожилов.

Ба! Вы зачем пожаловали... я ведь вас просил не посещать нас больше.

Сухожилов. Знаю. Я ушел от вас с твердым намерением исполнить ваше требование; но я пораздумал и воротился к вам... по крайней мере узнать причину вашего гнева... оправдаться...

Кочергин. Оправдаться... ха, ха, ха! Поздно! поздно!

ЯВЛЕНИЕ XIV

Те же и Лидия.

Кочергин. Ты зачем?

Лидия. Ах, папенька... Я услышала голос моего Валерьяна... он почти плачет...

Кочергин. Нечего нежничать; я уж сказал, что между вами всё кончено... Сорок пять и никого!

ЯВЛЕНИЕ XV

Те же и слуга.

Слуга. Письмо от господина Стружкина. *(Отдает письмо Кочергину и уходит.)*

Кочергин берет письмо. Сухожилов украдкой подходит к Лидии, и они вместе плачут.

К о ч е р г и н. От Стружкина?.. *(Читает.)* «Милостивый государь! Валерьян Андреич нисколько не виноват в том, в чем его сегодня перед вами обвинили... потому что под видом этих обвинителей — татарина, старухи и итальянца — был я...» Что такое? «Он поступил со мною неблагородно, выдав меня перед вами за паяца, так, что я подвергнулся вашим насмешкам. Я хотел отомстить ему тем же.— Вы не узнали меня, и я достиг своей цели, но я не хочу продолжать моей мести и открываю вам всё. Валерьян любит вашу дочь; пусть он будет с нею счастлив и научится вперед пообдуманнее оценивать людей! Прилагаю при сем и ваши пять рублей, взятые мнимым итальянцем».

С у х о ж и л о в. Что я слышу? Боже мой!

К о ч е р г и н. Ха, ха, ха, ха, ха! Так это был он! И я не узнал его... Вот когда надо было смеяться, а не давеча... Точно, мы его обидели... ха, ха, ха! Молодец!..

С у х о ж и л о в. Слава богу! Наконец объяснилось... Я точно виноват перед Стружкиным и сейчас пойду просить прощения... Он благородный малый.

К о ч е р г и н. Ха, ха, ха! Вот комедия... не плачьте же... подите ко мне... ничего не бойтесь... ха, ха, ха! *(Обнимаются.)* Только, чур, пойдем играть на биллиарде: уж я и так сегодня целый день моциону не имел... Ах, как он нас обморочил! Ха, ха, ха!

Ха, ха, ха! Должно признаться,
Он нас очень насмешил,
И от смеха удержаться
Не стает уж наших сил.
(К публике.)

Но для нас всего важнее
Ваш серьезный приговор, —
Так решите поскорее,
Насмешил ли вас актер?

1844

**ПЕТЕРБУРГСКИЙ
РОСТОВЩИК**

Водевиль в одном действии.

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Лоскутков, Потап Иванович, ростовщик.

Лиза, его дочь.

Налимов, Иван Федорович, влюбленный в Лизу.

Неизвестный господин.

Издатель.

Краснохвостов.

Акулина Степановна.

Ростомахов.

Подзатыльников, приказчик без места.

Слуга.

Театр представляет комнату ростовщика, загроможденную шкафами и разною мебелью; на шкафах несколько штук столовых часов, множество подсвечников и проч.; на стульях неубранные платья, в углу ружья, на полу тюки и т. д.

Я В Л Е Н И Е I

Л о с к у т к о в и Н а л и м о в.

Н а л и м о в. Так вы решительно отказываете мне в руке вашей дочери?

Л о с к у т к о в. Я? Сохрани меня бог! Да лучшего жениха для моей дочери я никогда не желал! Только...

Н а л и м о в. Только, Потап Иванович...

Л о с к у т к о в. Только будем говорить откровенно, как благородные люди.

Н а л и м о в. Говорите.

Л о с к у т к о в. Вы хотите, чтоб я отдал за вас мою дочь? Ну, хорошо... то есть чтоб я отдал вам ее совсем, как следует, и до нее не касался, никакой от нее пользы не получал... Хорошо... Я знаю, вы человек благородный, — вам, когда пятнадцать лет пройдет, пряжку за беспорочную службу дадут... да как же вы хотите, чтоб я отдал вам ее безо всего?

Н а л и м о в. Помилуйте, если вам угодно будет дать что-нибудь в приданое... я за особенное счастье почту...

Л о с к у т к о в. Та! та! та! Вот тут-то и запятая! А я говорю, не угодно ли *вам* будет что-нибудь подарить... так... в знак родственного расположения.

Н а л и м о в *(всплеснув руками)*. Господи! В первый раз слышу такие слова от благородного человека! *(В сторону.)* Ракалия! *(Громко.)* Все отцы еще награждают приданым дочерей своих.

Л о с к у т к о в. Мне дела нет до других отцов. Пускай себе хоть всё дочерям отдадут, а сами по́миру ходят, а я вот как рассуждаю... вы теперь нанимаете кухарку... человека, что ли... ну, холостой человек — может, и другие расходы есть. Берете у меня дочь — женитесь... натурально, делаете приобретение... А? сочтите-ка, сколько у вас останется в барышах от того, от другого... Э? Можете даже кухарки не нанимать... я уж о других расходах не говорю... А мне ничего... я бедный человек... кормил, поил ее... Знаете, у ней всегда такой аппетит, фунта по четыре хлеба на день съедала... ей-богу, как благородный человек. Уж не знаю, в кого она такая уродилась... Я совсем, кроме луку и хлеба, ничего не люблю, а жена покойница даже лук роскошью называла... мало того, я даже башмаки дочери моей покупал! Чорт знает! Разорение! Никто под залог башмаков не приносит! Даже учителя хотел ей нанять. И теперь отдай я дочь ни за что!.. Ха, ха, ха!.. да выкорми я поросенка... щенка выкорми я, приличное воспитание дай — да вы же мне за него деньги бы дали!.. А ведь дочь моя не щенок... не щенок, Иван Федорович!

Н а л и м о в. Уж конечно, какой же щенок, Потап Иванович!.. Кабы щенок, стал ли бы я свататься!

Л о с к у т к о в. То-то же... Слава богу, такой же она человек, как и все... да еще я вам скажу... вы вот только через пятнадцать лет пряжку за беспорочную службу получите, а ведь она у меня... ну, понимаете... со двора ни ногой... присмотр за ней был строжайший всегда... сами можете рассудить... голубица... Петербург — не глушь какая-нибудь... Суньтесь-ка... да вы, я вам скажу, Иван Федорыч, такого кусочка ввек не видали... хе, хе, хе!.. Богачи, знаете... у них тысячи нипочем... ко мне заходили... будто денег занять... Хе, хе, хе!.. а сам бы, я думаю, тысяч пять отвалил!

Н а л и м о в. Ах, Потап Иваныч!

Л о с к у т к о в. Ну что, Потап Иваныч! Чего испугались? Я дело говорю.

Н а л и м о в. Вы за деньги готовы отца родного продать!

Л о с к у т к о в. А что?.. Да уж умер... царство ему небесное (*крестится*), в академию медицинскую можно бы... да жена тогда была еще жива... Куда! руками и ногами! А ведь сгнил же в земле.

Н а л и м о в. И все сгнием, Потап Иваныч.

Л о с к у т к о в. Сгнием, сгнием, и пеплу нашего не останется!.. Ох! грешные мы люди. (*Вздыхает.*) Вот на-днях умер художник Косточкин... недели за две до смерти пришел ко мне... ради бога, говорит, одолжите двадцать пять рублей, только на два дни... я вам в заклад картину принесу... одна рама, говорит, больше стоит... (*Показывая на картину.*) Вот эта самая... всё говорил — знаменитого художника какого-то... просил не продавать... непременно, говорит, выкуплю... Да вот и надул, шельма! Взял да и умер в самый день срока! Уж нет хуже народа, как художник, сапожник, извозчик да перевозчик — правду пословица говорит. Купите, Иван Федорыч, картину... недорого... свою цену возьму... ей-богу, свою... положите пятьдесят рубликов.

Н а л и м о в. Да на кой мне ее чорт?.. (*В сторону.*) Ах! какая мысль пришла мне в голову... Хорошо, ей-богу, хорошо. (*Подходит к картине.*) Картина удивительная в самом деле... вы дешево ее не отдавайте, она, я думаю, тысячи две или три стоит.

Л о с к у т к о в. (*с радостью*). Три тысячи!.. Благодаритель... Неужели?

Н а л и м о в. Она должна быть работы Микель-Анджело, — как бишь еще? Буэнаротти... да, Буэнаротти... или Рафаэль Сакцио... Сакцио... позабыл, ну, да всё равно... я сам у вас этой картины купить не могу, я порекомендовать могу.

Л о с к у т к о в. Благодаритель! я в ножки поклонюсь... Опубликовал уж в «Полицейской газете»: за смертью художника продается-де картина отличной немецкой работы, с изображением трех собак, двух свиней и барана и человека в черкесской шапке, — да что-то никто не является...

Н а л и м о в. Хорошо, постараюсь!.. Сегодня же, может быть, к вам придут смотреть... Ну, а уж вы насчет Лизаветы Потаповны?..

Л о с к у т к о в. С удовольствием... вы только подарочек приготовьте... так, тысячки две ассигнациями...

что вам стоит для будущего тестя похлопотать!.. да, знаете, поскорей. На-днях бы и свадьбу сыграли — вот покуда и подвенечное платье есть... вчера принесли... Женился молодчик какой-то... через недельку всё приданое проиграл... на другую уж и есть нечего... подвенечное платье по боку... ха, ха, ха! Суета сует! А Лизе оно как раз впору... коротенько немножко, ну да кто же на ноги у невесты станет смотреть.

Н а л и м о в. Грех, Потап Иванович, насчет таких подарочков толковать... ну, да уж что с вами делать... может быть, как-нибудь и достану... А покуда прощайте.

Л о с к у т к о в. Не забудьте же картину порекомендовать... А как зовут художника, который ее рисовал?.. Неравно, знаете, покупатель зайдет... хорошо этак ему запустить.

Н а л и м о в (*в дверях*). Микель-Анджело Буонаротти. (*Уходит.*)

Я В Л Е Н И Е II

Л о с к у т к о в (*один*). Буонаротти... Буонаротти... какая фамилия странная... что за Буонаротти?.. должно быть, бестия чрезвычайная был! из самой фамилии видно... Вот когда бы за картину тысячки три в самом деле взять... да с Ивана Федорыча тысячки две... вот бы оно и того... можно бы трески купить и другие лакомства позволить себе... Добрейший человек Иван Федорыч, только я дочери так ему не отдам... жирен будешь!.. Стыдитесь, говорит, — вот те раз; да чего же тут стыдиться? А опять пусть даже было бы и стыдно, а деньги все-таки следует взять... деньги великое дело, я за деньги готов на все решиться. Вот чорта так совсем в свете нет: я несколько раз призывал его — хотел душу продать, и дешево бы взял, ей-богу, за пустяки отдал бы... не является! Вот поди — верь тут ученым!.. Я и ничему не учился, да поскорей их собственным умом добрался, в чем штука-то... как сам денег-то не накопишь, так чорт тебе их не даст. Нет, она, денежка-то, мудрено достается. Много я труда положил.

Было года мне четыре,
Как отец сказал:
«Вздор, дитя мое, всё в мире,
Дело — капитал».

И совет его премудрый
Не остался так:
У родителя наутро
Я украл пятак.

С той поры к монете звонкой
Страсть вдруг получив,
Стал у всех я собачонкой,
Кто богат и чив.

Руки им из угожденья
Я лизал, как льстец,
И семи лет от рожденья
Был уж я подлец!

Вскоре свыкся понемногу
С ролею скупца
И, ложась, молился богу,
Чтоб прибрал отца.

Добрый, нежный был родитель,
Но в урочный час
Скрылся в горнюю обитель,
Навсегда угас!

Я не вынес тяжкой раны,
Я на труп упал
И, обшарив все карманы,
Горько зарыдал.

Продал всё, что было можно
Хоть за грош продать,
И деньжонки осторожно
Начал в рост пускать.

Чтоб нажиться, лез из кожи,
Лук да редьку ел,
Ни спины, ни рук, ни рожи,
Верьте, не жалел.

Всех завел, провел и вывел,
С кем сойтись пришлось,
И, пока не оплешивел,
Брал процент с волос:

По картинке новомодной
Их я отпускал
И в дырьюльно ежегодно
Косу продавал.

Вот теперь зато, под старость,
Есть немножко тут (*показывая на карман*),

Пусть приходят люди в ярость,
Говорят: он плут!

И за что ж бранить за это,
Мне отец сказал:
«Честь — фальшивая монета,
Плутни — капитал!»

И чорт знает, как нынче испортился свет! Молодые люди совсем перестали кутить; а который и кутнет, — смотри год, другой, а на третий и образумится... и уж к тебе ни ногой! Благородные разные страсти у людей были: в картишки иной мотнет — на другой день, глядишь, жена с салопом к тебе и бежит! А нынче дрянь, сушая дрянь! Преферанс копеечный! грош проиграют, да после толков на рубль... и уж из благородных людей к нашему брату — почти никого... разве отставная кухарка к тебе с Песков какая-нибудь забежит... кофейку захочет выпить... при- тащит целый ворох тряпья: посмотреть много, а за всё-то десять копеек напросится.

Звонят.

Вот опять кого-то господь дает.

Я В Л Е Н И Е П

Лоскутков и неизвестный господин.

Неизвестный господин входит и тотчас обращает внимание на картину, останавливается и несколько минут стоит, как бы пораженный. Лоскутков следит за каждым его движением.

Неизвестный (*сам с собою*). Превосходно! Восхитительно! Великий Микель-Анджело! Узнаю твою чудотворную кисть!

Лоскутков (*про себя*). Что он говорит?.. Хвалит?.. (*Потирает руки.*) Эге! Эге! ге!

Неизвестный (*одушевляясь*). Современная живопись ничего не представляет, что бы могло сравниться с этим великим произведением — по чувству, по колориту, по глубокому знанию природы и человека. Великое, гениальное произведение, которому нет сравнения, нет цены!

Лоскутков (*про себя*). Нет цены!.. Господи! За что мне такое счастье!

Неизвестный (*более и более одушевляясь*). И если б нашелся человек, который мог бы со временем

подарить искусство подобным произведением,— мильонов мало бы для вознаграждения этого необыкновенного человека, этого гения...

Л о с к у т к о в (*про себя*). Мильон! Батюшки! он меня с ног сшибет!

Н е и з в е с т н ы й (*в совершенном восторге*). На колени перед этим великим произведением искусства!.. На колени!.. О, если б я мог украсить им мою картинную галлерею... всё мое состояние, плод многолетних трудов... на колени! (*Падает на колени.*)

Л о с к у т к о в. Всё состояние?.. На колени! (*Падает на колени за неизвестным.*)

Н е и з в е с т н ы й (*оглядывается и как бы выведенный из самозабвения*). А, вы здесь?.. Вы хозяин этой картины?

Л о с к у т к о в (*притворяясь растроганным*). Пойдите, пойдите еще немного перед этим великим произведением... дайте и мне постоять... Я вот сейчас только вошел и прямо — бряк на колени... не могу выдержать: у меня уж такое чувствительное сердце.

Н е и з в е с т н ы й (*значительно*). Вы сейчас только вошли?

Л о с к у т к о в. Я всегда, когда вхожу в эту комнату,— в это святилище, можно сказать, — тотчас становлюсь на колени, и, верите ли, слезы прошибают меня, старика.

Н е и з в е с т н ы й. Стало быть, вы ничего не слышали?

Л о с к у т к о в. Ничего.

Н е и з в е с т н ы й. А я, знаете, уже с четверть часа вошел; смотрю и говорю себе: ничего особенного, картина как картина, и так, для шутки, упал на колени.

Л о с к у т к о в (*в сторону*). Ври! ври! голубчик! На дурака напал! (*Громко, с иронией.*) Да, конечно, если хотите, я и сам так только, по привычке, — а в картине в самом деле нет ничего особенного, просто можно сказать — дрянь.

Н е и з в е с т н ы й. И правда ваша — дрянь... никакого решительно достоинства.

Л о с к у т к о в (*в сторону*). Эх его! понес, нечего сказать, понес! (*Громко.*) Ни малейшего... так, для виду только; ну, знаете, всё лучше, как на стене что-нибудь висит.

Неизвестный. А что вы за нее возьмете? Я, признаться, люблю картины, даже дрянь покупаю... для меня была бы только картина.

Лоскутков (*в сторону*). Складно врет разбойник! (*Вслух*.) Я не подорожусь.

Неизвестный. А как?

Лоскутков. Да что долго-то толковать! Давайте сорок тысяч бумажками.

Неизвестный. Почтеннейший! вы с ума спятили! да она больше тысячи рублей не стоит.

Лоскутков (*вскрикивает*). Тысячу рублей! (*В сторону*.) С первого раза тысячу рублей дает! да я бы тебе, дураку, за сто рублей вчера еще продал ее! (*Вслух*.) Нет, она, верите ли богу, мне самому в пятидесяти тысячах пришлась... десять тысяч только так уж сбавлю: ну, поистерлась немножко, и то, и другое...

Неизвестный. Возьмите тысячу рублей.

Лоскутков. И не подумаю... да пусть она лучше пропадет, сгниет; да я лучше детям ее оставляю... по крайней мере благодарить будут. Дайте двадцать пять тысяч и господь с вами!

Неизвестный. Две тысячи!

Лоскутков. Нельзя, клянусь моим богом, нельзя, себе дороже стоит — посмотрите, работа отличнейшая; не русский, я думаю, делал... где русскому так ухитряться!

Неизвестный. Ну, как хотите. Прощайте! (*Идет к двери*.)

Лоскутков (*в сторону, струсив*). Батюшки! уйдет, ей-богу, уйдет! Вот тебе и две тысячи! (*Вслух*.) Послушайте, была не была — десять тысяч!

Неизвестный (*в дверях*). Четыре!

Лоскутков (*жалобным голосом*). Благодетель! не разорите! себе дороже стоит... положите хоть пять.

Неизвестный. Ну, так и быть, пять. По рукам, вот задатку пятьсот рублей; вечером приду за картиной и остальные все привезу.

Лоскутков (*прячет деньги, в сторону*). Надул! (*Громко*). Ну, по рукам.

Неизвестный (*в сторону*). Надул! (*Громко*.) Только смотрите же: картина за мной... и не подменить... не то я вас по судам затаскаю... прощайте! (*Уходит*.)

ЯВЛЕНИЕ IV

Л о с к у т к о в, потом Л и з а.

Л о с к у т к о в. Господи! Бывает же такое счастье человеку! И за что? Висела на стене картина... чорт знает какая... ни виду, ни великолепия... Вдруг приходит к тебе человек и так, ни с того, ни с сего, дает тебе пять тысяч... Подлинно рука провидения... Жаль, что я сто тысяч не запросил; он бы, может, мне и двадцать вдруг отвалил...

Входит Л и з а.

Дочь моя, обними меня! поцелуй своего родителя!.. Я счастливейший человек из смертных! Те башмаки, что не выкупила в срок Перетачкина,— так и быть, я тебе их дарю!

Л и з а. Насилу-то вы образумились... спохватились, что нельзя же дочери вашей без башмаков ходить! Очень благодарю... Ну, вот я сейчас их и надену... хочу итти к Александре Григорьевне.

Л о с к у т к о в. Ну, так я и знал! К Александре Григорьевне! Что у тебя за дружество с ней!.. и чего там, кажется, долго сидеть... пообедала, да и марш домой... Сплетни, пересуды. Она только, я думаю, и толкует: «что у вас? как? да много ли?» А ты и распустишь язык... Ах, куда бы я рад был, кабы ты даже совсем не шаталась к Александре Григорьевне.

Л и з а. Вот еще! Только одна родственница и есть, да еще бы и к той не ходить... Нет уж, как хотите, я сейчас оденусь и уйду, на весь день уйду, — мне, право, здесь с вами не очень-то весело — сухари глотать да слушать, как вы с своими гостями бранитесь...

Слышен звонок.

Вот кто-то уж и идет.... ну, я пойду собираться.

ЯВЛЕНИЕ V

Л о с к у т к о в и и з д а т е л ь.

Л о с к у т к о в. Гости! Ну, слава богу! авось удастся кого-нибудь надуть! *(Делает печальную рожу и идет отворить дверь.)* Пожалуйте... Ох! ох! ох! плохие времена!

Издатель. Мое почтение, Потап Иванович. Привезли...

Поскутков. А! привезли! Ну, доброе дело! Так, стало быть, вы согласны взять по семи копеечек под экземпляр?

Издатель. Делать нечего! Нужда! Уж если бы не крайняя нужда, богом боюсь, меньше десяти копеек за экземпляр не взял бы... Сочинение превосходнейшее... известного автора... и должно в короткое время всё разойтись... А где прикажете свалить?

Поскутков. А вот сюда... я укажу.

Издатель *(в дверях)*. Ступайте сюда.

Входят два ломовых извозчика с тюками книг.

Что за издание! бумага отличнейшая, слог единственный и шрифт очень хорош...

Поскутков. А вот я там рассмотрю... Эге, батюшка, да никак книжечки-то с виду жиденьки? А сколько тут счетом-то?

Издатель. Тысяча двести экземпляров.

Поскутков. А сколько печаталось?

Издатель. Да столько же и печаталось.

Поскутков. Ну, значит, не много ж разошлось!.. охота вам была бумагу переводить!.. Сюда... за мной... вот я их там пересчитаю да тотчас вам и денежки отвалою. *(Скрывается в дверь направо, за ним уходят и извозчики с книгами.)*

Издатель *(махнув рукой)*. Благополучного пути!.. там им и сгнить... слуга покорнейший, чтоб я стал выкупать... нет, много будет всякую дрянь выкупать! Капиталу нехватит! А ведь вот, в самом деле, я, дурак, думал, что бог знает какой капитал наживу... Беда с сочинителями связаться... первейшие плуты! Конечно, нельзя ума отнять: умеют надуть мастерски и всегда благородным манером каким-нибудь, не то, чтобы он тебя среди улицы до рубашки раздел... нет, он к тебе нечувствительным образом подъедет... на деликатной ноге... и в объятия тебе бросится, и то, и другое... а на поверку-то, глядь, ограбил разбойник, и последнюю нитку с тебя уж тащит... назавтра, глядь, у тебя уж и лавчонку заперли, и, глядишь, с Невского-то проспекта приходится переезжать в Коломну, в Литовский замок... а он всё себе ничего, бла-

городный человек, как и был, около другого уж мелким бесом увивается.

Наша книжная торговля
Так уж исстари идет:
Простачков невишних ловля —
Первый авторов доход!
В кабинете примут знатно
И сигарочку дадут,
И почтеннейшим печатно,
И умнейшим назовут;
С аккуратностью большою
Рассчитают барыши,
А издашь — махни рукою
И в подвалы положи!
Разорили и отстали —
Всякий с ним уже не тот!
Только деньги размотали —
Глядь, господь другого шлет!
С ним опять развязка та же...
Я и сам богат бывал,
Жил когда-то в бельэтаже,
Всех морочил, падувал;
Драл с живых и с мертвых шкуру,
Не боялся никого,
А попал в литературу,
И надули самого.
Здесь хватило б и для внуков,
Да сто книжек издал в год,
И теперь карман мой звуков
Никаких не издает!

Такая уж литература. Вот и я, как есть нечего будет, начну сам сочинять, отличным литератором буду... (*Входящему Лоскуткову.*) Ну что, батюшка, сосчитали?

Л о с к у т к о в. Сосчитал... Ровно тысячу сто девяносто две книжки... Теперь остается еще одно...

И з д а т е л ь. Теперь остается только денешки получить — и дело с концом... только вы уж, пожалуйста, Потап Иванович... надеюсь, ни мыш, ни какая другая гадина... Поверите ли, такое сочинение, что стоило бы за стеклом держать.

Л о с к у т к о в. Мыши! Не беспокойтесь! Чего другого, а мышей у меня и в заводе нет! Ну, так. (*Берет счеты.*) Тысячу сто девяносто две книжки... тысячу сто девяносто две копейки... раз...

Звонок.

А, видно, еще бог гостя дает. (*Отворяет дверь.*)

Я В Л Е Н И Е VI

Т е ж е и Краснохвостов.

К р а с н о х в о с т о в (*из-за двери*). Дома ли Лоскутков?

Л о с к у т к о в. Дома. (*Вводит незнакомого господина.*) Сделайте одолжение, потрудитесь несколько обождать... Я вот сию минуту... Ну, так тысячу девяносто две копейки — раз...

К р а с н о х в о с т о в (*выходит вперед и рассуждает сам с собою*). Шельма должен быть! А есть удивительно хочется. Что бы такое ему заложить?

Л о с к у т к о в (*в стороне*). Тысячу сто девяносто две копейки — три.

К р а с н о х в о с т о в. Когда заиграешься в карты, теряешь совсем аппетит... а проиграешься — тотчас захочется... глупая вещь!.. Обыграли, разбойники... а ведь наверняка... уж верно наверняка... я, правда, на руки пристально смотрел... да, видно, он какую-нибудь особенную штуку знает... дурак я... мне бы им закричать: обман... подлецы вы, мошенники! может быть, который бы оплеуху дал... ну, тут бы...

Л о с к у т к о в. Прощайте.

И з д а т е л ь. До свидания, почтеннейший!

Л о с к у т к о в. Всех благ жизни... (*Провожает его.*)

Издатель уходит.

К р а с н о х в о с т о в. Что бы такое ему заложить? (*Рассматривая фуляр.*) Хороший фуляр...

Л о с к у т к о в. Что вам угодно-с?

К р а с н о х в о с т о в (*мрачно*). Денег.

Л о с к у т к о в. Ох, деньги! деньги! Что это нынче за свет! Кого ни спроси — всякий говорит, нужно денег... а куда как денежки солоно достаются... Вот и у меня, верите ли богу, денег совсем нет.

К р а с н о х в о с т о в. Мне только закусить... так чтоб было что-нибудь закусить... я вот вчера на прекраснейшем ужине был... чорт знает, совсем есть не хотелось.

Л о с к у т к о в (*свищет*). Так-с.

К р а с н о х в о с т о в. Вот этот фуляр... французской, должно быть, работы, посмотрите, как хорошо сделан.

Лоскутков. Хорошо сделан... отлично сделан...

Краснохвостов. Ну вот, вижу, вы знаете толк в художествах. Приятно иметь дело с умным человеком, — так фуляр вам нравится? Хотите, чтоб он был ваш?

Лоскутков. То есть как? Вы хотите его мне... вечно буду благодарен вам за такой приятный подарок.

Краснохвостов. Пожалуй, если вы хотите... я вам его и подарю... Только... только, знаете, я не много ем, пустяки, крошечку — вот я уж и сыт... вы мне что-нибудь... чтобы так, знаете, можно было... немножко хоть закусить.

Лоскутков. Понимаю... отчего же? Можно и так... полтину серебра, если вам угодно.

Краснохвостов. Помилуйте... да у Леграна на полтину только зубы разлакомишь... вы бы еще два двугривенных!

Звонят. Лоскутков бежит отворить.

Мало, бестия, дает... хоть бы целковый. (*Осматривает себя с ног до головы.*) Хорошо бы шинель — и порядочные бы деньги можно взять... да холодно... чорт возьми! И в ней-то до костей пробирает! чорт знает, было всё тепло — вдруг морозы! Бывает же несчастье! подлинно, судьба всегда человеку наперекор.

ЯВЛЕНИЕ VII

Те же и Акулина Степановна.

Лоскутков (*во время монолога Краснохвостова разговаривал с ней вполголоса, отходит от нее, говоря*). Хорошо-с; ваш салоп сейчас будет-с. (*Краснохвостову.*) Ну-с?

Краснохвостов. Так вы ничего больше полтины не можете дать?

Лоскутков. Рад бы душой... да что делать... ей-ей, не могу-с! и то беру только так... на свой страх.

Краснохвостов. Ну, давайте деньги... только знаете, еще бы что-нибудь... мне совсем мало... вот если б вы... послушайте. (*Замечает, что Лоскутков старается потихоньку развязать узелок.*) Это вздор... Я так, для памяти завязал. (*Акулине Степановне.*) А холодно на дворе?

Акулина Степановна. Вестимо, не лето... Я и теперь не могу отогреться... зуб с зубом свести... уж такой мороз десять лет не запомнят. — Что, батюшка, салопчик-от уж не спровадил ли куда-нибудь?

Лоскутков. Сейчас.

Акулина Степановна. То-то же! знаю я вашу братью! умеете и в прокат отдавать... и в ломбард вкладывать.

Краснохвостов (*рассуждая сам с собою*). А будет оттепель, непременно будет... уж в Петербурге такая погода... самая непостоянная погода. (*Снимает шинель и остается в летних брюках.*) Да и брюки-то на мне летние... послушайте, почтеннейший...

Лоскутков. Не могу найти... погоди, вот уж кончу с ними... тогда отыщу.

Краснохвостов. А что вы положите под шинель?

Лоскутков (*с изумлением*). Под шинель? Вы хотите?

Краснохвостов. Что вы так на меня смотрите? у меня кровь горячая... я ведь того... огонь... просто огонь... даже в декабре месяце мороженое ем... вот я даже шкаф прошлую зиму хотел запирать — обливаться... и что шинель? Только сверху защита, а ведь и под шинель поддувает.

Лоскутков (*рассматривая шинель*). Целковых десять, пожалуй, можно дать.

Краснохвостов. Десять целковых! Мало, ей-богу, мало! Рублей хоть пятьдесят положите.

Лоскутков. Не могу-с; десять, если угодно.

Краснохвостов (*подумав*). Ну, давайте десять... мне же легче будет выкупить.

Лоскутков (*записывает что-то в большую книгу и потом отдает деньги*). Коли не выкупите через месяц... уж не прогневайтесь.

Краснохвостов. На-днях же приду (*ловко расшаркивается*), непременно приду.

Акулина Степановна. Коли не замерзнешь!

Краснохвостов. Только, знаете, вы уж, пожалуйста, никому... (*Уходит напевая.*)

А мой удел — сердечный холод
И безнадежная любовь.

Лоскутков. Очень порядочная шинель... рублей шестьдесят стоит... ай, ай, ай! да ведь подкладка-то дырявая... карман... а! (*Шарит в кармане.*) Ничего... хоть бы грош какой-нибудь был.

Акулина Степановна. Ну, полно! уж захотел у этого фуфлыжника, прости господи, что-нибудь в кармане найти! Давай же салопишко-то...

Лоскутков. Сейчас.

ЯВЛЕНИЕ VIII

Лоскутков, Акулина Степановна и Лиза.

Лиза (*входит в салоне и шляпке*). Ну, папенька, я совсем готова, иду к Александре Григорьевне.

Лоскутков. Ну, бог с тобой, матушка! Только не засиживайся, пожалуйста. Помни, что у тебя есть отец...

Акулина Степановна (*бросаясь за уходящей Лизой*). Натко! вона какой грех!.. Господи! Мать пресвятая богородица!.. Постой, плут ты, разбойник... душа бусурманская, картофельная... в чужие салопы дочку рядить... вишь, собралась гулять... и горя нет, что салоп-от чужой... мошенник! душегубец! (*Тащит салоп.*) Спимай-ка! снимай, голубушка!

Лоскутков. Не снимай! (*Старухе.*) Деньги!

Акулина Степановна. Вот тебе, разбойник, твои окаянные деньги! (*Бросает ему деньги.*) Дочь в мой салоп нарядил... дышло ты окаянное!

Лоскутков. А что же? неужто мне из-за своих денег да еще на салопы тратиться? (*Берет салоп и отдает ей.*) Уж приди когда опять... вдвое сдеру!

Акулина Степановна. Не приду! нога моя не будет у тебя; по всему околотку расславлю разбойника! механик ты этакой! (*Уходит.*)

ЯВЛЕНИЕ IX

Лоскутков и Лиза, плачущая.

Лоскутков. Вот уж подлинно баба глупая! Как будто что-нибудь делается салопу! (*Лизе.*) Ну, а ты уж вот и расхныкалась... неприлично... ей-богу, не-

прилично... Вот завтра, а может быть, и сегодня еще кто-нибудь салоп принесет... ну тогда и пойдешь к Александре Григорьевне.

Л и з а. Да я сегодня обещала притти!.. Стыдно вам! у родной вашей дочери салопишка нет... да не только салоп... платьишка даже нет!.. всё должна в чужих обносках ходить... идешь, да боишься: опять, того и гляди, случится, как в прошлом году... Привязался ко мне на улице какой-то господин... «Где ты, голубушка, этот салоп взяла? Это, говорит, салоп моей жены...» да чуть меня в полицию не потащил... Срам с вами! Вы хуже жиды, папенька; уж всякий скажет, что вы хуже жиды... Недаром она вас разбойником обругала... уж точно, настоящий разбойник! Вот я читала в одной книге про какого-то Мефистофеля, который, говорят, превращался в собаку и ел живых людей. Уж нечего сказать, вы настоящий Мефистофель!

Л о с к у т к о в. Разбойник! Мефистофель! Откуда она таких слов набралась? Дура сморозила, а ты и повторяешь: разбойник! У разбойника и руки в крови, и рожа так смотрит... да еще Мефистофеля какого-то тут приплела!

Стыдно родителя звать Мефистофелем, —
Я тебя нянчил, кормил...

Л и з а.

Тухлой салакушкой, мерзлым картофелем...

Л о с к у т к о в.

Свежей водою поил.
Можешь рядиться ты в платья блестящие
С барынь богатых, больших.

Л и з а.

Лучше б одно, да свое, настоящее,
Чем два десятка чужих!
Платья все выкупить могут решительно —
Пусто вдруг станет в шкафах,
И я останусь... подумать мучительно!
В чем же? В одних башмаках!

Л о с к у т к о в.

Что ж тут стыдиться-то? таять в истерике,
Вить из таких пустяков? —
Дикье, слышал я, ходят в Америке
Даже и без башмаков!

Ну, полно хныкать-то... хочешь непременно итти, так иди; я тебя не удерживаю.

Л и з а. Да в чем я пойду?

Л о с к у т к о в (*накидывая на нее шинель*). А вот... что тут за церемонии... некрасиво, да тепло.

Л и з а. Подите вы! еще бы вы в салоп нарядились, да по Невскому прогулялись.

Л о с к у т к о в. И наряжусь, ей-богу, наряжусь... Вот только ни одной шинели не будет... покупать не стану... Раз, помню, со мной и случилось... да не то, чтобы из каких-нибудь пустяков, шинели, или там сюртука... а то казус пренеприятный! вот я поскорей шинель в рукава... подпоясался поплотней... да так целые три недельки и выходил... даже в гостях несколько раз был... Ну, знакомый человек обедать зовет... жаль отказать... «Что, — говорит, — ты, Потап Иванович, в шинели?» — Да обет, — говорю, — дал не снимать шесть недель, — ношу вместо траура... а у меня кстати тогда только что жена умерла. — «Хорошее дело, — говорит, — обеты надобно исполнять». Вот так-то!.. век живи, век учись!.. а то расхныкалась... Чем худа шинель? (*Надевает и с важностью прохаживается.*)

Слышен звонок.

А, кого-то еще бог дает... ну, марш в свою комнату.

Я В Л Е Н И Е X

Л о с к у т к о в и Р о с т о м а х о в.

Р о с т о м а х о в. Здравствуйте, почтеннейший... читал я в газетах, у вас, говорят, продается картина с изображением трех собак, двух свиней, барана и человека в черкесской шапке, — мне, признаться, и свиньи ваши, и человек, и бараны — наплевать!.. А вот собаки меня интересуют — я собак чрезвычайно люблю; даже, могу вам сказать, уважаю. Собака — это превосходнейшее произведение природы; лучше человека... человек — туняец, свинья, с позволения сказать, разные мерзости делает, обкрадывает господ, а собака, поверите ли, почтеннейший, — я сам жалею, что не родился собакой... а? лучше бы... а? да говорите же, почтеннейший! (*Довольно сильно толкает его в плечо.*)

Лоскутков (*струсив*). Совершенная правда... я даже сам чувствовал иногда желание превратиться в собаку... собаке и платья никакого не надо, и квартиры может не напимать, и даром ее добрый человек покормит... совершенная ваша правда... бедному человеку гораздо выгоднее родиться собакой.

Ростоматов. То-то же, мой почтенный! Да будь вы собакой, я же за вас рублей бы пятьдесят, а может, и сотню дал... а теперь, по правде сказать, гроша не дам! Ха, ха, ха! Ей-богу, медного гроша не дам... Что вы так сморщились и сычом на меня смотрите... а?

Лоскутков. Ничего-с, удивляюсь вашему красноречию, глубокомыслию, так сказать...

Ростоматов. Напрасно, почтеннейший... ничего не получите... Я за такую дрянь не плачу... а вот картину, пожалуй, куплю, если собаки хорошо сделаны... Ну, что ж, продадите?

Лоскутков. К крайнему моему сожалению, не могу-с... уж продана.

Ростоматов. А, ну, продана? нечего и толковать... жаль! Я люблю картины, где этак изображают собак... у меня, я вам скажу... пропасть таких картин... даже живописца нанимаю... чуть отличится собака какая-нибудь, тотчас с нее портрет!.. десять тысяч ему в год плачу!

Лоскутков (*в сторону*). Десять тысяч!

Ростоматов. Чудесно делает, бестия, собак... просто собаку съел... у меня четыре комнаты увешаны собаками его работы... богатейшая галлерейя... слышите ли вы, чорт вас возьми! (*Хлопает его по плечу.*) Восемьсот картин — и на всех собаки одна другой лучше... даже один кобель с желтыми подпалинами так сделан, что я в натуре лучше никогда не встречал... двухсот тысяч за него не возьму!..

Лоскутков (*в сторону*). Двухсот тысяч! У! какой туз!

Ростоматов.

Уж как я, такого парня
Нет и не бывало встарь,
Весь мой дом — большая псарня,
И я сам — отличный псарь!
Широки мои владенья —

У меня с давнишних пор
Десять тысяч душ именья
И осьмнадцать тысяч свор!
Дорога моя забава —
Да зато и веселит, —
Об моей охоте слава
По губернии гремит!
Как кубарь, матерый заяц
Чистым лугом подерет
И ушами, как китаец,
Хлопать в ужасе начнет,
Тут последняя копейка
Мне не стоит пустяка,
Только б Сексл или Змейка
Подхватили русака!
Лучшим псам и стол особый,
А отличных так люблю,
Что рядком с своей особой
И с женой своей кормлю!
Уж как я, такого парня
Нет и не бывало встарь,
Весь мой дом — большая псарня,
И я сам — отличный псарь!

Слышите ли вы, чорт вас возьми! а? Вот, не хотите ли, я вам расскажу, как мы охотимся... собаки лают... гам... гам... гам... на все голоса... охотники кричат: го, го, го, го!.. трубят в рога... брррр! И вдруг заяц летит на чистое поле... Ату его, ату!.. Слышите ли вы, чорт вас возьми? ну, да, я вижу, вы — дрянь!.. совсем не имеете страсти к охоте... Прощайте! (*Идет и останавливается перед картиной.*) Эту картину вы продавали?

Л о с к у т к о в. Она самая.

Р о с т о м а х о в (*сам с собою*). Я таких собак сроду не видывал... живые, просто живые; надо их непременно в мою свору... в мою галлерею... Ха, ха, ха! (*Лоскуткову.*) Вы мне непременно должны этих собак продать.

Л о с к у т к о в. Не могу-с. Я уже имел вам счастье докладывать, что эта картина продана.

Р о с т о м а х о в. Продана! Ну, так вы мне вырежьте одних только собак, а картина останется у вас, я вам за собак хорошие деньги дам.

Л о с к у т к о в. Нельзя-с.

Р о с т о м а х о в. Можно... слышите ли вы, можно, чорт вас возьми! я без этих собак от вас не уйду!

Л о с к у т к о в. Как угодно-с... а я уж и задаток получил... Вот уж скоро за ней пришлют.

Ростоматов. А вы не отдавайте... задаток можете возвратить. Я пяти тысяч не пожалею.

Лоскутков. Пять тысяч! Да я за восемь ее продал.

Ростоматов. Ну, так я вам шестнадцать дам.

Лоскутков (*сам с собою*). Батюшки! Что я надеялся! шестнадцать тысяч! А я за пять продал!.. он меня ограбил... он меня разорил! (*Ростоматову*.) Вы, верно, изволите шутить?

Ростоматов. Убирайтесь вы к чорту с шутками!.. Я, мой почтеннейший, шутить не люблю!.. Стану я с вашей братьей шутить... вот вам и задаток тысяча пятьсот рублей ассигнациями,— остальные четырнадцать тысяч пятьсот рублей сейчас привезу и картину возьму. Ну?

Лоскутков (*в сильном волнении*). Батюшки! Что тут делать?.. не возьмешь — пять тысяч потеряешь; возьмешь — тот, чего доброго, пожалуй, в полицию тебя на старости потащит... процесс затеет с тобой... Никогда еще такой оказии со мной не случалось, деньги к тебе в руки сами идут, а взять боишься.

Ростоматов. Ну?..

Лоскутков (*сам с собой*). Если бы хоть мне прежде с тем увидаться, можно бы как-нибудь его надуть... задаток возвратить... прибавить ему что-нибудь.

Ростоматов. Ну, что же вы, чорт вас возьми... берете, что ли, деньги-то?.. а не то прощайте!

Лоскутков (*жидаясь за ним*). А! была не была! Извольте... уж нечего делать... решаюсь для вас... только вы уж пожалейте меня... ведь он может меня избить, в полицию отправить... прибавьте хоть целковичек.

Ростоматов. Ну чорт с вами! прибавлю хоть десять! вот задаток!.. Запишите мою фамилию: Савастьян Григорьев Ростоматов-Широколобов, отставной прапорщик, жительствоваю временно у Демута, № 459-й. Прощайте.

Лоскутков. Всех благ жизни.

ЯВЛЕНИЕ XI

Лоскутков (*один*). Ай да картина! батюшки-светы! вот не ожидал такого счастья!.. да я корюшки, да я икры с радости сегодня поем,— уж что себе жиденский

тот художничек ни толкуй, я картины ему не отдам... задаток назад, да и только... уж хоть и поколотит, куда ни шла!.. за такую сумму можно побои снести... Ну, я сегодня точно пьян напился... удивительную радость чувствую на душе — как будто меня вдруг в статские советники пожаловали, или этак купец Савастьянов, что заложил у меня сорок тысяч пудов сургучу, скоропостижно скончался... Вот оно, счастье-то! Не ожидал, не гадал, и вдруг, ни с того, ни с сего, шестнадцать тысяч к тебе в карман.

Звонят.

Вот опять кто-то идет,— право, даже уж не хочется сегодня и принимать!

Я В Л Е Н И Е XII

Лоскутков и Подзатыльников.

Подзатыльников. А, честная душа на костылях!

Лоскутков. А! Ермолай Иваныч! Ермолай Иваныч! (*Целует его.*) Голубчик! Сколько лет, сколько зим не видались!.. Откуда бог принес?

Подзатыльников. Ездил на побывку в свое место.

Лоскутков. В свое место? Ну, слава богу! Слава богу!.. Домашние здоровы ли?

Подзатыльников. Живут, пока мыши головы не отъели-с.

Лоскутков. Ха, ха, ха! Всё такой же шутник!

Подзатыльников. Я ведь к тебе, Потап Иваныч, за делом.

Лоскутков. Знаю, знаю, уж тебя без дела не заманишь... ведь нет, чтобы когда-нибудь зашел этак посидеть, покалякать да выпить бутылочку винца.

Подзатыльников. Так что же-с? мы от евтого и теперь непрочь.

Лоскутков. То-то вот и есть, что теперь вина-то дома нет, а посылать некого. А вот что: ты закусить не хочешь ли?

Подзатыльников. От хлеба-соли николи не отказываюсь.

Лоскутков. Вот и хорошо. Ты ведь икорку свежую любишь?

Подзатыльников. Как же-с.

Лоскутков. Ну, а сижка копченого?

Подзатыльников. Наша невестка все трескает.

Лоскутков. Так приходи на будущей неделе.

Подзатыльников. Чего-с?

Лоскутков. Приходи на будущей неделе, угощу! У меня занимает деньги рыбак из Никольского рынка, так хотел прислать на пробу и сига, и икры.

Подзатыльников (*кланяясь*). Очень много милостей, уконтентован по самую макушку-с! А что, Потап Иваныч, пил ли ты хоть чай?

Лоскутков. Чай? Эх хватился! Еще вчера утром пил; впрочем, если хочешь, пожалуй, напьемся, только мне бы не хотелось тебя разорять, ведь, я думаю, в дороге деньжонками-то поиздержался?

Подзатыльников. Да, таки нечего таить, есть тот грешок!

Лоскутков. Я знаю, что уж без этого нельзя.

Подзатыльников. За этим-то больше я и к тебе завернул: будь друг, ссуди меня бабочками.

Лоскутков. Как-с?

Подзатыльников. Дай взаймы.

Лоскутков. Взаймы. (*Оглядывает его*.) Гм!

Подзатыльников. А я, как только определюсь к хозяину, так и отдам тебе с моим почтением.

Лоскутков. Хорошо, хорошо... только ведь вот беда, денег-то у меня теперь нет.

Подзатыльников. Полно, Потап Иваныч! у кого ж и деньгам быть, коли не у тебя?

Лоскутков. Право нет! то есть они и есть, да не свои. Один приятель пускает их через меня в проценты; да такой жид, что не велел брать меньше, как капитал на капитал.

Подзатыльников (*в сторону*). Мошенник! (*Ему*.) Потап Иваныч! Побойся бога! вспомни хоть мою прежнюю хлеб-соль.

Лоскутков. Хлеб-соль ешь, а правду режь. — Да и какую же я от тебя видел хлеб-соль?

Подзатыльников. Как! Еще тебе мало? Да ты припомни только, что я в прошлом году хозяйскую-то лавку чуть-чуть не всю к тебе перетаскал.

Лоскутков. Великая важность! А зато что за товар ты приносил? Вон гроденаплю-то два куска и до сих пор с рук нейдут, а уж, кажется, как дешево, по пяти с полтиной отдаю.

Подзатыльников. Ты бы еще заломил по десяти! он и в Гостином-то по целковому продается.

Лоскутков. А! то-то же и есть! А ты с меня почему брал?

Подзатыльников. По полтора рубли!

Лоскутков. Нет, извини, голубчик! по рублю по пятидесяти по две копейки. Впрочем, об этом толковать нечего; ты в нужде, а я, как добрый христианин, обязан помогать ближнему. Говори, сколько тебе нужно?

Подзатыльников. Да мне бы покуле хошь рублей пятьдесят ассигнациями.

Лоскутков. Пятьдесят... *(Оглядывая его и не видя никакого заклада.)* Да как же, разве уж у тебя ничего и нет?

Подзатыльников. То-то, что ничего.

Лоскутков. Да... *(Подходит и рассматривает надстую на нем шубу.)* Ну, а на эту штуку нельзя дать пятидесяти рублей, потому мех-то уж повиытерся, вон назади-то какие лысинки видны.

Подзатыльников *(смотрит на него с удивлением)*. Да кто ж тебе сказал, что я прошу у тебя под шубу?

Лоскутков. А! Так у тебя есть что-нибудь другое?

Подзатыльников. Ничего у меня нет; я думал, что ты, по старой памяти, дашь без заклада.

Лоскутков *(с испугом)*. Без заклада? Господи, твоя воля! Ведь есть же этакие разбойники! хотят взять деньги в долг и без заклада, да это денной грабеж! Кровопийца! Что ты, головы моей ищешь, что ли?

Подзатыльников. Так, видно, от тебя, как от козла, ни шерсти, ни молока не дожدهшься. Прощай! Обирало Аспидыч!

Лоскутков. Прощай, прощай, голубчик!

Подзатыльников. С чортом бы тебе только и знаться! *(Уходит.)*

Лоскутков. Ну, ладно, ладно. Смотри же, чай ва тобой.

Я В Л Е Н И Е XIII

Лоскутков и неизвестный господин.

Неизвестный. Вот и я... извините, что немножко замешкался. Зато теперь мы в минуту кончим... деньги я вам сполна привез, у подъезда ждут двое моих людей, чтоб взять картину. Я сейчас позову.

Лоскутков *(делает печальную рожу и останавливает его)*. Не зовите.

Неизвестный. Что такое?

Лоскутков. Не прикажите казнить — выслушайте. Будьте отцом и благодетелем... имейте сострадание к несчастному.

Неизвестный. Что вы хотите сказать?

Лоскутков. Я бедный человек... у меня часто за обедом не только говядины, куска хлеба не бывает... Что делать — нужда! Дочь моя, прелестнейшая девушка, смею сказать, ходит в старых родительских сапогах и страдает зубной болью от мерзлого картофеля... Всё утешение наше составляла эта картина, это великое произведение искусства, как вы изволите говорить... Поверите ли? мы так привыкли к ней, что делили с ней горести, нам с ней даже весения корюшка казалась вкуснее... дочь моя часто просиживала перед ней по целым часам. Я сам, как изволите видеть, на колени перед ней становился... Вдруг чорт попутал меня, подлинно уж, видно, так судьбе было угодно... вздумалось картину продать, в надежде хоть сколько-нибудь поправить бедственное свое положение... вот и изволили вы сторговать и задатку пожаловали... как узнала дочь моя, что картину от нас возьмут, тотчас в слезы, и вот теперь она лежит уж больная, на одре страдания, может быть, умрет от печали... Сам я сначала ничего, а как подумал, что сегодня нам с картиной придется расставаться навеки, так меня, старика, за сердце и ущипнуло... благодетель, отец родной... не погубите... оставьте нам картину, наше единственное сокровище... возьмите задаток назад.

Неизвестный. Вы, почтеннейший, затеяли вздор... я картину купил у вас... Вот остальные деньги, и картину сейчас возьму. *(Идет к двери.)*

Лоскутков. Умилосердитесь! возвратите к жизни единственную дочь мою!

Неизвестный. Э! пустяки! Берите деньги!

Лоскутков. Не погубите! *(Падает на колени.)* Я вам десять лет без процентов буду в долг деньги давать... Я вам не только пятьсот рублей ваши назад отдам. Я вам еще пятьсот прибавлю своих.

Неизвестный. Э! полноте комедию-то разыгрывать... отстаньте. Вот я сейчас велю брать картину. *(Идет к двери.)*

Лоскутков *(вставая и кидаясь за ним)*. Так нет же! Я не отдам картину! не отдам... что хотите со мною делайте... убейте меня! зарежьте!.. Я картину свою вам не отдам!

Неизвестный. Что такое? Не отдадите? Да разве вы забыли, что вы ее мне уж продали и получили задаток... Это низко... знаете, как за такие поступки учат вашего брата?

Лоскутков. Что вы говорите, что? Вы мне пощечину хотите дать... Бейте!.. Тогда вы от меня не отдаетесь!.. бесчестье взыщу!

Неизвестный. Какая низость!

Лоскутков. Что ж делать? Я человек небогатый! Бедному человеку надо же каким-нибудь образом хлеб доставать.

Пощечина людей позорит,
Так думал в старину народ,
А в наши дни, — никто не спорит, —
Бывает и наоборот.
Был у меня бедняк знакомый
С почтеным выпуклым лицом,
Питался редькой и соломой
И слыл в народе подлецом,
Да вдруг стакнулся с богачом,
Затеял ссору с ним пустую,
Пощечину изволил съесть,
Сто тысяч взял на мировую.
И вдруг попал в почет и в честь,
Все, кто и ведал и не ведал,
К нему с почтением тотчас,
И даже там вчера обедал
Кой-кто, мне кажется, из вас.

И что ж? Ведь было б безрассудно
Сердиться, мщенье затевать:
Боль усмирить в щечке нетрудно, —
Сто тысяч мудрено достать,
А с ними проживешь так чудно,
Не встретишь горя целый век.
Не сто, пожалуйте пять тысяч —
Я сам, как честный человек,
Себя сейчас позволю высечь!

Неизвестный. Всё это очень хорошо, а картину-то я все-таки у вас купил и сейчас возьму.

Лоскутков. Благодетель! отступитесь! Именем дочери моей умоляю вас... отступитесь... я вам сверх задатку тысячу рублей дам.

Неизвестный. Тысячу рублей!.. Да я сейчас пять тысяч барыша получу... только стоит свезти да показать.

Лоскутков. Оставьте у меня... я вам, так и быть, две тысячи дам.

Неизвестный. Пять тысяч.

Лоскутков. Пять тысяч! Да у меня сроду столько денег не бывало.

Неизвестный. Ну, как хотите. Эй!

Лоскутков. Три тысячи дам.

Неизвестный. Четыре.

Лоскутков (*в сторону*). Что тут делать?.. четыре тысячи дам, ну, все-таки не буду в убытке. (*Громко.*) Будьте благодетелем несчастного, возьмите три тысячи с половиной.

Неизвестный. Ничего меньше!

Лоскутков. Ну, так и быть, извольте, — завтра придется с кошелем итти, да, по крайней мере, картина будет с нами, и дочь моя будет спасена... у меня уж сердце такое чувствительное: всё для дочери. (*Идет к шкафу.*)

Неизвестный (*в сторону*). Ну, что-то будет! Дело, кажется, хорошо обделалось.

Лоскутков. Вот пятьсот рублей ваши, а вот еще четыре тысячи. Сжальтесь над разоренными... дайте хоть пять рублей... выпью с горя и... пропадай мои денежки.

Неизвестный. Ну, бог с вами! вот вам десять рублей... помните же меня... Прощайте... (*Уходит.*)

Лоскутков. Всех благ жизни!

ЯВЛЕНИЕ XIV

Лоскутков и потом слуга.

Лоскутков. Слава богу! Отделался! И не так чтоб очень дорого... *(Берет счеты.)* С первого получил задатку пятьсот рублей — пятьсот, со второго тысячу пятьсот — тысяча пятьсот — две тысячи... отдал четыре — две своих приложил... значит, картина пойдет за четырнадцать тысяч рублей!.. Хорошо! очень хорошо! Ха, ха, ха! Вот дураков надул! Ха, ха, ха! *(Подходит к картине и продолжает хохотать.)* Ну, думал ли я когда, чтобы за эту дрянь дали мне четырнадцать тысяч рублей!.. и что тут хорошего? пятака бы не дал... ей-богу, не дал бы пятака... еще баран сделан туда и сюда... а уж свиньи ни на что непохожи... настоящие свиньи. А собаки-то как смотрят, собаки-то... Точно хотят сказать: «Прощайте, Потап Иваныч! подарили мы вам четырнадцать тысяч рублей!» Ха, ха, ха! Ну спасибо, спасибо, собачонки!.. вот и вас косточками покормлю! Ха, ха, ха! Служите хорошенько своему новому господину... Спасибо... Недаром я перед вами на коленях стоял...

Звонят.

Ну, вот, видно, уж и идут... *(Обращаясь к картине, иронически.)* Жалко мне расстаться с тобой, великое произведение искусства... куда как жалко... *(Отпирает дверь.)*

Слуга *(сходит с письмом.)* От помещика Сивастьяна Григорьевича Ростомахова.

Лоскутков. За картиной?

Слуга. А вот письмо-с.

Лоскутков. Больше ничего-с?

Слуга. Ничего. *(Уходит.)*

Лоскутков *(читает)*. «Милостивый Государь! нахожусь вынужденным уведомить вас, что картина, которую я у вас сторговал, оказывается мне не нужна...» Что?.. Что?.. Не нужна? Не может быть!.. А задаток-то? *(Читает.)* «И потому, милостивый государь, предоставляя данный мною задаток в вашу пользу, прошу меня за оною с остальными деньгами не ожидать. Помещик

Савастьян Григорьев, сын Ростомыхов». — Не надо? ему не надо картину? Он отказывается от задатка?.. А, я знаю, что делать!.. я утоплюсь! я повешусь!.. Вот люди! вот честь человеческая! Верь после того добродетели!.. Вережку! Вережку!

Я В Л Е Н И Е Х V

Л о с к у т к о в и Л и з а (вбегает в испуге).

Л и з а. Что с вами, папенька? Вы кричите, как сапожник, что живет против нас...

Л о с к у т к о в. Дочь моя! У тебя нет более отца!.. Я не отец тебе! Сапожник... точно сапожник... Я дурак!.. я нищий... Были у меня деньги, дочь моя... были в руках... а теперь я разорен... ограблен!.. Я сойду с ума... теперь... я глупее осла... беднее почтовой лошади... Прощай, дочь моя... я знаю, что мне делать! (*Быстро убегает.*)

Л и з а (*одна*). Что с ним сделалось? Он в самом деле ужасно встревожен... Я тут ничего не понимаю!

Я В Л Е Н И Е Х V I

Л и з а и Н а л и м о в.

Н а л и м о в. А! Лизавета Потаповна! Как вы можете? Позвольте поцеловать вашу ручку... отчего вы так встревожены?

Л и з а. Что сделалось с папенькой? Он всё кричал: я разорен, разорен! — рвал на себе волосы и теперь убежал, такой страшный!

Н а л и м о в. Ничего, не бойтесь... Это не то, чтобы к худу... Это просто к радости.

Л и з а. К радости? Что вы говорите?

Н а л и м о в. А то, что все препятствия к нашему бракосочетанию, Лизавета Потаповна, уничтожены.

Л и з а. Разве вы достали денег?

Н а л и м о в. В том-то и дело, что достал... Однакож где же ваш папенька?.. как бы он с собой не сделал чего-нибудь с отчаяния... не мудрено! (*Быстро уходит.*)

Л и з а. У папеньки пропали деньги... Иван Федорыч достал денег... Я все-таки ничего тут не понимаю... А сердцу что-то так весело... если Иван Федорыч в самом деле достал денег, папенька сейчас же согласится выдать меня за него! То-то будет весело!.. Наконец-то я уйду из этого проклятого дома, где мне было так скучно. Чудесно! чудесно! Нашью себе разных обнов, башмаков, салоц, на лисьем меху... поеду с мужем на бал...

Я В Л Е Н И Е П О С Л Е Д Н Е Е

Л и з а, Л о с к у т к о в и Н а л и м о в.

Н а л и м о в (*ведет под руку Лоскуткова, бледного и посинелого*). Ну, Лизавета Потаповна! Еще б минуточку — и быть бы вам сиротой!.. Так вот какая оказия случилась с вами, почтеннейший Потап Иваныч... и на много они вас таким образом надули, мошенники?

Л о с к у т к о в. На две тысячи... моих кровных трудовых денег отняли две тысячи!.. Ах, зачем вы помещали моему намерению?.. Я не хочу жить! Не хочу! Две тысячи!.. возвратите мне мои две тысячи, или я не хочу жить!

Н а л и м о в. Успокойтесь, почтеннейший Потап Иваныч... вас надули на две тысячи... вам всё равно с кого бы их ни взять, только бы возвратить. Согласитесь выдать за меня Лизавету Потаповну — и я вам сейчас дам две тысячи.

Л о с к у т к о в. Благодетель! Вы меня воскрешаете! Дочь моя! ты жена этого великодушного человека... давайте же две тысячи... (*Берет деньги.*)

Н а л и м о в. Соедините же нас, Потап Иванович.

Л о с к у т к о в. Сейчас, сейчас! Дайте только мне сосчитать... Так... (*Соединяет их руки.*) Будьте счастливы, дети мои... Живите мирно и не забывайте своего отца!

Л и з а и Н а л и м о в. Добрый папенька!

Л о с к у т к о в (*разнеживаясь*). Добрые дети! Иван Федорович, я не скуп, видит бог, я не скуп... Эта картина была причиной вашего счастья... возьмите ее: я от-

даю ее за Лизой в приданое... Я не так скуп, как вы думаете...

Н а л и м о в. Ну, слава богу! Теперь мы вполне счастливы.

Л о с к у т к о в. И я счастлив, дети мои... А всё же мне хотелось бы узнать мошенников, которые меня так знатно надули.

Н а л и м о в. Ну, это я, может быть, вам скажу после нашей свадьбы.

1848

ОСЕННЯЯ СКУКА

Д Е Й С Т В У Ю Щ И Е:

Л а с у к о в, помещик.

А п и с ь я, домоправительница.

М а к с и м, повар.

Е г о р, дворецкий.

М а л ь ч и к.

А н т и п, кучер.

Д м и т р и й, портной.

Т а т ь я н а, скотница.

Действие происходит в деревне Ласуковке,
в глухой осенний вечер.

Театр представляет комнату, выкрашенную синей краской. Две двери: одна прямо против зрителей, другая направо. Диван и перед ним круглый стол, на котором стоит единственная сальная свеча, сильно нагоревшая. На диване пуховая подушка в белой наволочке. На этом диване дремлет Л а с у к о в, худенький старичок лет пятидесяти, седой, со сморщенным и болезненным лицом. В передней, внутренность которой видна через полуотворенную дверь, спит, прислонив руки к столу и положив на них голову, м а л ы ч и к, в сукопном казакине с красными сердцами на груди. Со двора доносится завывание осеннего ветра и скрип ставней. Вдруг ветер завыл сильнее, громче застучал ставнями; Ласуков проснулся.

Л а с у к о в. Ну, завывает!.. А я опять уснул. Ведь вот, кажется, мудреную ли задачу задаю себе каждый день? не спать после обеда! — вот всё, чего требую от себя, как от человека, а кончу всегда тем, что засну, как скотина. А еще говорят: человек — царь творения. Ну, конечно! точно, царь, когда ему нужно объесться за обедом; а как придется не спать после обеда, так тут и поглади его!..

Молчание.

Ну, что ночью теперь буду я делать?..

Молчание.

А впрочем, желал бы я знать, кто на моем месте не заснул бы? Да я премию огромную готов тому предложить! До ближайшего города сорок верст, до ближайшего соседа семнадцать, — и дороги такие, что, говорят, третьего дня мужички мои повезли в город молоко, а привезли туда масло. Оно для молока и хорошо, а для человека, для человека каково, желал бы я знать. Пусть кто хочет, сбивает душу свою в масло, а я не хочу! Вот и приходится сидеть

дома. Ну, а дома? Не угодно ли послушать, каково завывает? Дождь, грязь, слякоть, ветер...

Молчание.

Ну, что делать весь вечер? Как ночь спать? (*Останавливает глаза на нагорелой свече.*) У, какая шапка! Должно быть, и не мало я спал!.. (*Кричит.*) Свечкин!

В ответ раздается тихое, мерное храпенье мальчика.

Храпаков!

То же храпенье.

Храповицкий!

Быстро является мальчик. Свет режет его сонные глаза, и он щурится.

М а л ь ч и к. Чего изволите?

Л а с у к о в (*иронически*). Ты не спал?

М а л ь ч и к. Нет-с.

Л а с у к о в. Ну, конечно! я так и знал. А как думаешь, который теперь час?

М а л ь ч и к. Не знаю-с.

Л а с у к о в. Не знаю. Вот новость сказал: не знаю. А ты подумай.

Мальчик думает.

Ну!

Мальчик продолжает думать.

Говори же!

М а л ь ч и к. Не знаю.

Л а с у к о в. Дурак, ничего не знаешь! Ну, пошел, посмотри!

Мальчик уходит.

Славный мальчик! расторопный, умница, молодец!

М а л ь ч и к. Шесть часов без четверти.

Л а с у к о в. Да полно, так ли?

М а л ь ч и к. Так-с.

Молчание.

Л а с у к о в. Ты ничего не видишь?

М а л ь ч и к. Ничего-с.

Л а с у к о в. Посмотри-ка хорошенько.

М а л ь ч и к (*внимательно осматривается кругом*).
Ничего, всё как следует.

Л а с у к о в. Всё как следует? Полно, всё ли?
 М а л ь ч и к (*осматривается опять*). Всё-с.
 Л а с у к о в. Ты слеп.
 М а л ь ч и к. Нет-с, вижу.
 Л а с у к о в. Что ж ты видишь?
 М а л ь ч и к. Да всё-с.
 Л а с у к о в. Всё?
 М а л ь ч и к. Всё.
 Л а с у к о в. А что? Ну, говори, что?
 М а л ь ч и к (*озираясь*). Стол, диван... стулья... свечку, гитару.
 Л а с у к о в. Больше ничего?
 М а л ь ч и к. Нет-с. Стены вижу... вас вижу... потолок вижу...
 Л а с у к о в. А еще?
 М а л ь ч и к (*осматривается с беспокойством*). Ничего.
 Л а с у к о в. И всё в порядке?
 М а л ь ч и к. Всё-с.
 Л а с у к о в. А вот не всё!
 М а л ь ч и к (*робко*). Что же-с?
 Л а с у к о в. Ну, посмотри хорошенько, так и увидишь.
 М а л ь ч и к (*в недоумении осматривается в третий раз и тоскливым голосом отвечает*). Ничего, всё как следует.
 Л а с у к о в. Решительно всё?
 М а л ь ч и к. Всё.
 Л а с у к о в. Ворона ты, ворона! Ну, посмотри еще!

Мальчик слова осматривается с мучительным беспокойством. Ласуков устремляет на него вопросительный взгляд. Мальчик молчит.

Так ничего не видишь?

М а л ь ч и к. Ничего-с.

Л а с у к о в. Поди сюда.

Мальчик подходит.

(*Приподнимается, с язвительной гримасой указывает на нагорелую свечу и говорит быстро.*) А это что такое?

М а л ь ч и к (*вскрикивает*). Ах! (*И торопливо снимает со свечи.*)

Л а с у к о в. О чем ты думаешь? где у тебя глаза? Скоро ли я добьюсь, что из тебя выйдет человек?..
(Умолкает.)

Мальчик потихоньку уходит в прихожую. Проходит несколько минут, в течение которых старичок зевает, потягивается, закрывает и открывает глаза. Ветер продолжает выть.

Как воеет, как воеет! Теперь, я думаю, даже ворона усидеть на дереве не может: как поддаст ей ветер под крылья, так поневоле летит и каркает, дура.

Молчание.

В Петербурге в Английском клубе, в Дворянском собрании теперь, я думаю, играют. И прекрасно делают. (Зевает.) Одному играть почти невозможно... да и результаты никакого не будет! А может быть, в Дворянском собрании теперь бал, музыка...

Молчание.

Козыревич!

Является мальчик.

Поддай гитару!

Мальчик, спяв со стены, подает ему гитару и останавливается у дверей. Ласуков играет и припевает апатически:

По волтинничку на пиве пропивал,
Оттого-то и на съезжей побывал...

У тебя есть ноги?

М а л ь ч и к. Есть.

Л а с у к о в. Что ж ты стоишь?

М а л ь ч и к. Ничего-с.

Л а с у к о в. Пляши. (Продолжает играть. Мальчик усемахается.) Ну!

М а л ь ч и к. Не умею-с!

Л а с у к о в. Говорят, пляши, так пляши!

Мальчик робко переминается.

(Грозно.) Ну же!

Мальчик делает несколько пеловких движений. Ласуков играет. Во время пляски у мальчика выпадает маленький ключ из кармана. Ласуков, заметив это, говорит в сторону, с радостью потирая руки.

А-та-та-та! (Мальчику.) Ну, будет, будет! Заставь дурака молиться, он и лоб готов разбить!

Мальчик уходит. Ласуков на цыпочках подкрадывается к ключу, берет его, так же тихо возвращается к дивану, ложится и кричит:

Л а с у к о в. Растеряшин!

Является м а л ь ч и к.

Подай пороху!

Мальчик уходит в сени, через минуту возвращается и начинает шарить в прихожей. Ласуков с удовольствием прислушивается к его действиям.

Пошел теперь, пошел! (*Мальчику.*) Что ж пороху?

М а л ь ч и к (*из прихожей*). Сейчас!

Слышно, как мальчик опять идет в сени, возвращается и продолжает шарить.

Л а с у к о в (*тихо*). Ищи! Ищи! (*Громко.*) Ну?

М а л ь ч и к (*сconfуженный, в дверях*). Да не знаю, сударь, ключ от шкапа куда-то затерялся. Сходить разве: не у Татьяны ли?

Л а с у к о в. Да ты разве ей отдал его?

М а л ь ч и к (*несмело*). Да... ей-с... у нее...

Л а с у к о в. Ну, конечно! сходи, сходи!

Мальчик уходит, и слышно на улице, как он бежит и шлепает по грязи.

Эк улепетывает! точно верхом поскакал! молодые ноги, горячая кровь! Эх, молодость, молодость! И мы были молоды, и в кавалерии служили, и на балах танцевали, и шпорами там побрякивали... да то ли еще дельвали?.. а теперь! эх, эх, эх! молодость прожили, силу пропили и доживаем век с Гаврюшкой да с Анисьей, да с аптечными банками, да с лечебником Энгальчева — ипохондрического пехотного полка, геморoidalного батальона, в лазаретном отделении.

Слышно возвращение мальчика.

Ключарев!

Является м а л ь ч и к, весь красный, запыхавшись; лицо его выражает беспокойство.

Что ж, ключ взял у Татьяны?

М а л ь ч и к. Да она говорит, что у нее нет.

Л а с у к о в. Ну, так где же он?

М а л ь ч и к. Не знаю, сударь!.. Он всё у меня был...

Л а с у к о в. Где?

М а л ь ч и к. Вот здесь, на поясе... как вы изволили приказывать.

Л а с у к о в. Так ты, видно, потерял его?

М а л ь ч и к. Нет-с... как можно! я его крепко привязал...

Л а с у к о в. Крепко?

М а л ь ч и к. Крепко-с... Сходить разве к матушке. Не оставил ли я его там, как передевался...

Л а с у к о в. Сходи...

Мальчик уходит, и опять слышен топот его ног, к которому Ласуков прислушивается. Топот умолкает, а через две минуты слышится снова всё ближе и ближе.

Вишь, опять побежал, точно заяц!

Молчание.

Вот, говорят, охота — самое лучшее развлечение осенью. Фу! мучишь бедное животное!

Слышен скрип двери.

Ну, принес пороху?

М а л ь ч и к (*еще более красен и запыхался и беспокоен*). Да никак, сударь, ключа не могу найти.

Л а с у к о в. Ключа не можешь найти?

М а л ь ч и к. Не могу-с.

Л а с у к о в. Я кому отдал ключ?

М а л ь ч и к. Мне-с.

Л а с у к о в. Я тебе что приказывал?

Молчание.

Ну, говори, что я тебе приказывал?

Молчание.

У тебя есть язык?

М а л ь ч и к. Есть.

Л а с у к о в. Лжешь, нет. У тебя нет языка... а?

М а л ь ч и к. Есть.

Л а с у к о в. Что ж ты молчишь?

Мальчик продолжает молчать.

Говори же! я тебе приказывал ключ от пороху носить на поясе, никому не давать и беречь пуще глаза... так?

М а л ь ч и к (*едва слышно*). Так-с.

Л а с у к о в. Ну, так куда же ты его девал?
М а л ь ч и к. Не знаю-с... я никуда его не девал...

Я...

Л а с у к о в. Никуда?
М а л ь ч и к. Никуда-с!
Л а с у к о в. Не отдавал никому?
М а л ь ч и к. Никому-с.
Л а с у к о в. И не терял?
М а л ь ч и к. Не терял-с.
Л а с у к о в. Ну, так подай пороху!

Мальчик молчит и не двигается. Холодный пот выступает у него на лбу.

Разбойник ты, разбойник! Ни стыда, ни совести в тебе нет! Хлопочи, заботься о вас, почи не спи, — а вы и ухом не ведете! Ну, теперь вдруг воры залезут, волки нападут — понадобится ружье зарядить... ну, где я возьму пороху?.. Так за тебя, разбойника, всех нас волки и разорвут.

М а л ь ч и к (*громко рыдает*). Я уж и сам не знаю, куда ключ пропал.

Л а с у к о в. Не знаешь... Ну, так ищи!

М а л ь ч и к. Да я уж искал, да не знаю, где уж его и искать...

Л а с у к о в. Не знаешь?.. а есть, а пить, а спать знаешь? а?

Мальчик продолжает рыдать.

Поди сюда. (*Мальчик подходит. Ласуков достает из кармана ключ, показывает мальчику и устремляет на него лукавый и проницательный взгляд.*) Это что такое?

М а л ь ч и к (*пораженный радостным изумлением, простодушно*). Да как же он вдруг у вас очутился!..

Л а с у к о в. Узнал? (*Он наслаждается удивлением мальчика.*)

М а л ь ч и к. Узнал-с.

Л а с у к о в. Рад?

М а л ь ч и к. Как же не радоваться! (*Лицо его просияло, и он вытирает слезы.*)

Л а с у к о в. То-то вы! Я вас пои, корми, одевай, обувай, да я же вам и нянюшкой будь... У, мерзавец! (*При этом он вернул пальцем его нос, отдавая ему ключ.*) Возьми, да потеряй у меня еще раз, так потолчешь воду целую неделю!

М а л ь ч и к. Пороху прикажете?
Л а с у к о в. Не нужно, ступай.

Мальчик, у которого лицо вытягивается от удивления, медленно отправляется в прихожую. Старичок ложится. Наступает тишина, нарушаемая только воем ветра и гулом проливного дождя. Вдруг на лице старичка является тревожное выражение. Он быстро поднимается, щупает себе живот и подложечкой, пробует свой пульс и кричит.

Подлекарь!

Является м а л ь ч и к.

Подай зеркало.

Мальчик приносит ручное зеркало.

Свети!

Мальчик светит. Ласуков, приставив зеркало, рассматривает свой язык и делает гримасы перед зеркалом, стараясь высунуть как можно больше язык.

Так, так! белый, совсем белый... точно сметаной с мелом вымазан... Белый? *(При этом он поворачивает лицо с высунутым языком к мальчику.)*

М а л ь ч и к. Белый-с.

Л а с у к о в. Как снег?

М а л ь ч и к. Как снег.

Л а с у к о в. Возьми!

Мальчик уносит зеркало.

(Ласуков в отчаянии опускается на диван, оцупывает себя и рассуждает сам с собой.) Чего бы я такого вредного съел?.. А! грибы!.. точно: в соусе были грибы... Ах, проклятый поваришка! прошу покорно: наклал в соус грибов... *(Кричит.)* Грибоедов!

Является м а л ь ч и к.

Позови Максима.

Приходит М а к с и м — человек среднего роста, лет сорока, в белой куртке и белом фартуке. Он низко кланяется и робко стоит в дверях.

Ты что такое?

Максим молчит.

У тебя есть язык?

Молчание.

Да говори же: есть у тебя язык?

Максим (*пугливо.*) Как же, сударь, как же!
Ласуков. Не верю: покажи!

Максим плотнее сжимает губы.

Ну!

Максим нерешительно переминается.

Изыков!

Является мальчик.

Скажи ему, чтоб он показал язык!

Мальчик. Ну, покажи язык!

После долгой нерешительности повар с крайней застенчивостью
пеловко высовывает язык.

Ласуков. Отчего же ты молчишь?

Максим молчит.

Молчалин! Скажи ему, чтоб он говорил.

Мальчик. Ну, говори!

Повар молчит.

Ласуков. Ты что такое?

При этом вопросе на лице повара выражается мучительное недоумение.

Ты будешь мне сегодня отвечать?

Максим издает губами неопределенный звук.

Я тебя спрашиваю! ты что такое: кузнец, плотник, слесарь?..

Максим (*поспешно и радостно.*) Повар, сударь, повар.

Мальчик уходит.

Ласуков. Чей?

Максим. Вашей милости, сударь!

Ласуков. Ты должен меня слушаться?

Максим. Как же, сударь, как же!

Ласуков. Я тебе что приказывал? Ну, говори, всё ли ты изготовил, как я тебе приказывал?

Максим (*с беспокойством.*) Всё-с.

Ласуков. Всё? Ты что сегодня готовил?

Максим. Суп, холодное... (*Запинается.*)

Ласуков. Ну?

Максим (*быстро и глухо*). Соус... (*явственнее*) жаркое, пирожное...

Ласуков. Стой, стой... зачистил!.. Соус?..

Максим. Соус.

Ласуков. С чем?

Максим молчит.

Говори!

Максим. С красной подливкой... жаркое-с...

Ласуков. Да нет, ты постой! С чем соус?

Максим. С красной подливкой.

Ласуков. А еще с чем?.. ни с чем больше?.. а?

Максим (*с радостью*). Ни с чем, сударь, ни с чем!

Ласуков. А грибов в соусе не было?

Молчание.

Не было грибов?

Максим (*издает неопределенный звук*). Не б... мм...

Ласуков. Не было? Ну, принеси его сюда!

Максим уходит.

Э-эх! (*Зевает.*) Хотя бы до девяти дотянуть... время-то ведь как ползет — еле-еле... Черепахин!

Входит мальчик.

Много ли?

Мальчик (*уходит в дверь направо и возвращается*). Без четверти семь.

Возвращается Максим с соусником.

Ласуков. Принес?

Максим подает ему соусник; мальчик уходит.

Это что такое? это не грибы?.. (*Пробует.*) Конечно, грибы, еще бы не грибы. (*Ест.*) Прошу покорно, отравлять меня вздумал! Это не грибы! Не грибы (*ест*), не грибы! что же это такое, как не грибы?.. пробка, что ли? (*Ест.*) Нет, нет, какая пробка! (*К повару.*) Так ты не клал в соус грибов?

Максим. Немножко, сударь... так... только для духу!

Л а с у к о в. Я тебе что приказывал?

Молчание.

Говори: приказывал я тебе класть в кушанье грибы?

М а к с и м. Нет, сударь...

Л а с у к о в. Зачем же ты положил их?

Максим молчит.

Ну, говори: зачем?

М а к с и м. Да я так... немножко... я думал только...

Л а с у к о в. Стой! что ты думал?

Максим молчит.

Что ты думал?

Максим продолжает молчать.

Ты будешь мне сегодня отвечать?

М а к с и м. Да я, сударь, думал, что оно... вкуснее... будет...

Л а с у к о в. Вкуснее! Ах ты, чумичка, чумичка!.. Вкуснее будет!.. Ему и дела нет, что барин нездоров... Он рад мухоморами накормить... валит грибы очертя голу, а тут хоть умирай... Знаешь, что ты наделал?

М а к с и м. Не могу знать-с.

Л а с у к о в. Мухоморов!

Является мальчик.

Л а с у к о в. Подведи его сюда!

Мальчик подводит повара к столу.

Видишь? (*Показывает повару язык.*)

М а к с и м. Вижу-с!

Л а с у к о в. Белый?

М а к с и м. Белый-с.

Л а с у к о в. Как снег?

М а к с и м. Как снег.

Л а с у к о в. Кто его выбелил, а? что молчишь? В маляры вместо поваров, в маляры — никуда больше не годен. Потолки белить, крыши красить. Вот упадешь с крыши, расшибешься — туда тебе и дорога. Что мне с тобой сделать?

Молчание.

А?

М а к с и м. Не знаю, сударь!

Л а с у к о в. Как думаешь?
М а к с и м. Не знаю-с.

Долгое молчание.

Л а с у к о в. Пошел, садись под окошком и пой петухом! да положи у меня еще раз грибов!!

Максим поспешно уходит, с глубоким и свободным вздохом.

Петухов!

Входит мальчик.

Который час?

М а л ь ч и к. Половина восьмого.

Л а с у к о в. Ух! *(С отчаянием опускает голову на подушку. Тишина. Через минуту он снова начинает себя ощупывать, повторяя.)* Отравил! совсем отравил, разбойник! И желудок тяжел, и подложечкой колет... уж не принять ли пилюль?.. не поставить ли мушку?.. *(Кричит.)* Тифусевич!

Является мальчик.

Энгальчева подай!

Мальчик приносит несколько старых книг в серо-синей обертке.

Очки!

Мальчик приносит очки.

(Надев их, Ласуков читает. По мере чтения лицо его делается беспокойнее. Наконец в волнении он начинает читать вслух.) «Приощущении тяжести в животе, урчании...» *(Он прислушивается к своему животу, с ужасом.)* Урчит! урчит! *(Продолжает читать.)* «...боли подложечкой, нечистоте языка, позыву к отрыжке...» К отрыжке? *(Насильственно рыгает.)* Так, и отрыжка есть! *(Читает.)* «...нервической зевоте...» Что, зевота? Ну, зевота страшная целый вечер! *(С наслаждением зевает несколько раз, приговаривая беспокойным голосом.)* Вот и еще! вот еще! *(Читает.)* «...жару в голове, биении в висках...» *(Пробует себе голову.)* Так и есть: горяча! Ну, биения в висках, кажется, нет. *(Пробует виски.)* Или есть?.. Да, есть! точно есть!.. Прошу покорно... начинается тифус, чистейший тифус... Ай да грибки! Угостил!.. Не поставить ли хрену к вискам? или к ногам горчицы?.. а не то прямо приплюснуть мушку на живот?.. *(Кричит.)* Горчишников!

Является мальчик.

Скажи повару... нет, поди! ничего не надо!

Мальчик уходит.

Лучше подожду, пока начнется... вот и Энгальчев пишет: не принимать решительных средств, пока болезнь совершенно не определится! *(Он закрывает глаза и ждет. Проходит несколько минут.)* Начинается... или нет? *(Он приподнимается, и вся фигура его превращается в вопросительный знак; он прислушивается к всему живому, пробует себе лоб, виски, живот.)* А, вот началась! началась! *(Эти слова кричит он так громко, что мальчик в прихожей вздрагивает, просыпается и осматривается безумными глазами.)* Нет ничего!.. Лучше я чем-нибудь займусь, так она тем временем и начнется... определится... тогда и меры приму... А чем бы заняться?.. А!.. Энгальчев!

Является мальчик.

Холодно?

М а л ь ч и к. Холодно-с.

Л а с у к о в. Очень?

М а л ь ч и к. Очень.

Л а с у к о в. Не будет ли завтра морозу? Спроси-ка, где моя шуба, да вели принести сюда!

Мальчик уходит в дверь направо.

Посмотрим, посмотрим, что теперь будет. Уж давно я ждал...

Является А н и с ь я, женщина лет тридцати, очень полная, с белой болезненной пухлостью в лице. На плечи ее накинута пунцовая кацавейка, не закрывающая, впрочем, спереди платья, которое висит мешком на ее огромной груди. Голова Анисьи довольно растрепана; в ушах ее огромные серьги, а на висках косички, закрученные к бровям и заколотые шпильками, от которых тянутся цепочки с бронзовыми шариками, дрожащие при малейшем движении. На ее белой и толстой шее два ряда янтарных бус, которые тоже трясутся и дребезжат. Она останавливается у стола в небрежной позе и спрашивает протяжным голосом, с некоторым беспокойством.

А н и с ь я. Вы спрашиваете шубу, Сергей Сергееч?

Л а с у к о в *(нежно)*. Да, моя милая, шубу. Хочу посмотреть. Я ее с прошлой зимы не надевал. Может, переделать понадобится... Где она у вас сохраняется?

А н и с ь я *(протяжно)*. Да где?.. *(Останавливает-*

ся с разинутым ртом и думает.) Да в шкапу лежит... больше ей негде лежать...

Л а с у к о в. И табаком переложена?

А н и с ь я. Переложена.

Л а с у к о в. Ну, так пускай принесут.

Прозвенов своими цепочками и булавками, Анисья медленно и в раздумьи уходит. Скоро во всем доме слышится глухая тревога: бегодня, отрывистые голоса, отодвиганье ящиков, щелканье замков.

Л а с у к о в (*прислушиваясь к общей тревоге и потирая руки*). Ну, теперь пошли щелкать дверьми, отодвигать ящики, ключами греметь... засуетились, забегали... (*Заслышав тяжелые шаги Анисьи, он спешит принять спокойное выражение.*)

Входит А н и с ь я.

А н и с ь я. Да на что вам вдруг таперича шуба понадобилась?

Л а с у к о в. Посмотреть хочу. Холодно становится... Может, завтра мороз будет...

А н и с ь я. Да не будет завтра морозу.

Л а с у к о в. А как будет?

А н и с ь я. Ну, так завтра и посмотрите.

Л а с у к о в. Завтра? Надо ее прежде выколотить... починить... Да ведь она у тебя в шкапу лежит и табаком пересыпана,— прикажи достать — вот и дело с концом! (*Он лукаво смотрит на нее. Анисья потупляет глаза.*)

А н и с ь я. Ах, вы! (*Качает головой, отчего ее цепочки и шарики приходят в страшное движение.*) Уж всегда такой... как что вздумаете... Вот вздумал, право! (*Уходит.*)

Снова во всем доме начинается бегодня и тревога, гораздо сильнее прежней. На потолке и стенах появляются светлые пятна, показывающие, что по двору ходят с фонарями. Со двора долетают голоса, хлопанье и скрипенье дверей. Лицо старика опять озаряется лукавой и довольной усмешкой.

Л а с у к о в. Отлично! отлично! ну, задам же я им работу! Ищите, друзья мои, ищите! ха, ха, ха! Прежде, небось, никто не подумал... только бы есть да лежать... а вот теперь и побегайте... Дармоедов!

Входит м а л ь ч и к.

Что же шуба?

М а л ь ч и к. Не знаю, сударь! Ищут...

Л а с у к о в (с видом величайшего изумления). Как ищут? да разве она не в шкапу лежит?

М а л ь ч и к. Не знаю-с.

Л а с у к о в. Поди скажи, чтоб давали!

Является А н и с ь я с шубой на руке.

А н и с ь я. Вот ваша шуба.

Л а с у к о в. Покажи-ка!

А н и с ь я. Нет, вот у ней крючок оторван, так я велю пришить... *(Она хочет итти.)*

Л а с у к о в. Нет, не надо! не надо! Давай ее так! Я хочу другие, серебряные крючки поставить...

А н и с ь я. Ну, так где они у вас? дайте я пришью.

Л а с у к о в. Нет, шубу-то покажи!

А н и с ь я *(медленно подвигается вперед, причем шарки и цепочки звенят, и показывает издали шубу Ласукову)*. Да вот же она! Ну, чего не видали?.. Вот у ней маненечко воротник моль тронула, так я хотела...

Л а с у к о в. Моль тронула! Не может быть! Ведь она у вас в шкапу лежала?

Анисья молчит.

Табаком была переложена?

Анисья в смущении потупляет голову и молчит.

Не может быть! Ну, покажи!

А н и с ь я *(стоит неподвижно, с потупленной головой, и тяжело и громко дышит)*. Право, охота вам таперича шубой заниматься... Ведь сегодня гулять не пойдете... читали бы в книжку, право...

Л а с у к о в. Читаю, читаю, да вот и вычитал, что и по вечерам иногда полезно прогуливаться...

А н и с ь я *(громко и решительно)*. Да нельзя же вам в ней прогуливаться! Вот ее забыли в горенке... а таперича вот ее всю моль поел! *(Проговорив это одним духом и без обычной протяжности, Анисья испускает глубокий вздох, причем грудь ее сильно колеблется и цепочки на висках дрожат сильнее обыкновенного.)*

Л а с у к о в *(с притворным ужасом)*. Всю моль поел! *(Вскакивает и хватает шубу из рук Анисьи.)* Ай! ай! ай! *(Встряхивает шубу, отчего в воздухе образуется туча пуху и пыли, а пол покрывается клочками полусгнив-*

шего меха.) Это что такое? (*Указывает на огромные плешины и дыры, выеденные молью.*)

Анисья молчит.

Что это такое?

Анисья (*с досадой*). Да я же вам говорила, что ее моль поел!

Ласуков. Моль поел!.. А где она лежала?

Анисья. Да в горенке... на чердаке...

Ласуков. В горенке... А кто ее положил в горенку? а?

Анисья. А я почему знаю...

Ласуков. Ты не знаешь... Не знаешь! хороша до-моправительница! Кто же знает? (*Кричит.*) Мехоедов!

Является мальчик.

Ты не знаешь, кто бросил шубу на чердак?

Мальчик. Не знаю-с.

Ласуков. Кто же знает?

Мальчик. Не знаю-с... разве Татьяна...

Ласуков. Позови Татьяну.

Мальчик уходит.

(*Ласуков, покачивая головой, укорительно смотрит на Анисью.*) И не стыдно тебе?

Анисья. А ничаво не стыдно!

Приходит Татьяна, старуха лет 70, в платке и огромных котках, надетых на толстые шерстяные чулки.

Ласуков. Поди сюда!

Старуха подходит, стуча котами.

Это что такое?

Татьяна. Шуба, ба-ба-тюшка!

Ласуков. Хороша?

Татьяна. Хороша, батюшка!

Ласуков. Посмотри хорошенько!

Старуха пагибается и осматривает шубу.

Очень хороша?

Татьяна. Очень, батюшка!

Ласуков. Ты носила шубу на чердак?

Татьяна. Нет, батюшка!

Л а с у к о в. Кто же?

Т а т ь я н а. Не знаю-с, бабушка!

Л а с у к о в. Ты ходишь на чердак?

Т а т ь я н а. Как же, бабушка, случается...

Л а с у к о в. Отчего же ты не посмотрела да не
прибрала ее?

Т а т ь я н а. Да невдомек, бабушка!.. Не я одна
хожу...

Л а с у к о в. Не ты одна! Кто же еще?

Т а т ь я н а. Кто? все ходят, бабушка! Кому пона-
добится, тот и прет... И Антип ходит, и Егор Харитоныч
ходит...

Л а с у к о в. Пучеглазов!

Является мальчик.

Позови Егора.

Приходит Е г о р — старый человек, пизенький, с красным лицом,
плешистый.

Л а с у к о в. Ты сыт?

Е г о р. Сыт-с.

Л а с у к о в. Одет?

Е г о р. Одет.

Л а с у к о в. Обут?

Е г о р. Обут.

Л а с у к о в. Пригрет?

Е г о р. Пригрет.

Л а с у к о в. Жена твоя сыта?

Е г о р. Сыта.

Л а с у к о в. Одета?

Е г о р. Одета.

Л а с у к о в. Обута?

Е г о р. Обута.

Л а с у к о в. Пригрета?

Е г о р. Пригрета.

Л а с у к о в. Дети твои по́миру не ходят?

Е г о р. Не ходят.

Л а с у к о в. Сыты?

Е г о р. Сыты.

Л а с у к о в. Одеты?

Е г о р. Одеты.

Л а с у к о в. Обуты?

Е г о р. Обуты.

Л а с у к о в. Пригреты?
Е г о р. Пригреты-с.
Л а с у к о в. Подойди сюда.

Егор подходит.

Смотри. (*Тряхнув шубу, он пускает на Егора тучи пыли и пуху.*) Хороша?

Е г о р (*глубокомысленно*). Да никак ее моль поел!

Л а с у к о в. Моль поел! Ты ходишь на чердак?

Е г о р. Случается.

Л а с у к о в. Отчего же ты не посмотрел да не сказал, что вот-де шуба валяется...

Е г о р. Да не мое дело.

Л а с у к о в. Не твое дело? а есть, а спать, а пить — твое дело?..

Е г о р. Когда спать! овса выдай, хлеб мерой прими, подводы наряди... А вот Антип всё лежит...

Л а с у к о в (*кричит*). Мериносов!

Является мальчик.

Позови Антипа.

А н и с ь я (*протяжно*). Вот, право, таперича чем вздумали заниматься.

Л а с у к о в. Э, что? уж лучше молчи!

Приходит А н т и п, высокий и плотный человек средних лет, в полушубке.

Ты всё лежишь?

А н т и п. Как можно-с! досуг ли лежать... лошадям корму задай, собакам замеси, дров наруби...

Л а с у к о в. Ну, пошел! Поди сюда!

Антип подходит.

Полюбуйся. (*К Анисье, ядовитым голосом, указывая на шубу.*) Полюбуйся и ты...

Наступает глубокое молчание. Анисья, Егор, старуха Татьяна, Антип и мальчик в разных положениях стоят кругом остатков шубы, в облаке пыли и пуху. Свеча горит тускло. Ласуков сидит на краю дивана, с поникшей головой. Со двора доносится вой ветра и гул дождя.

Л а с у к о в. Дармоеды! лежебоки! Только есть, пить, спать; а там про них хоть трава не расти... Какую шубу

сгноили!.. Нет чтобы подумать: где-то баринова шуба? возьму-ка ее выколочу да переложу табаком... Куда! ни одному и в голову не пришло... Я так и знал!.. Что вы думаете, что я всё лежу да книгу читаю, так уж ничего и не вижу? всё вижу, всё! Я как снял весной шубу, тогда же подумал: вот только не прикажи я спрятать — сгноят, непременно сгноят... Не на мое вышло?.. а? *(Останавливается с вопросительным выражением.)*

А н и с ь я *(среди общего молчания)*. Так зачем же вы тогда же не сказали? А вот таперича сами сердитесь!

Л а с у к о в. Не сказал... зачем не сказал? Хороша и ты, голубушка! заботлива, нечего сказать! Семь месяцев гниет шуба, а ей и в голову не придет!.. ходит себе, точно ступа.

А н и с ь я *(зарыдав вдруг и утирая рукавом глаза)*. Уж коли вы таперича зачали таким манером со мной обращаться, так уж я и не знаю... *(Уходит с гневом.)*

Л а с у к о в *(сердито обращаясь к остальным)*. У вас ног нет?

Е г о р. Прикажете итти?

Л а с у к о в. Итти. Поесть, напитокъ и лечь спать под тулупом. Что же вам больше делать?

Они молча уходят.

А ведь правду сказать, так и точно им больше делать нечего. Я один, а их у меня человек двадцать. Счастливые люди... спится им. *(Зевает.)* Овчинников!

Является мальчик.

Поет?

М а л ь ч и к. Поет-с.

Л а с у к о в. Что ж не слышать?..

М а л ь ч и к. Да за ветром... А, вот слышно!..

Л а с у к о в *(прислушивается)*. Поди скажи ему, чтоб перестал горло-то драть да спать бы ложился; а готовить завтра ничего не надо: я болен.

Мальчик уходит.

(Ласуков закрывает глаза. Тишина.) Да, я болен, решительно болен. Только какая же у меня болезнь?.. до сей поры не определилась... я просто весь болен: и голова, и

ноги, и желудок. Вот, поди, и выбирай лекарство! Тут и сам Энгальчев станет втупик... *(Кричит.)* Кантемир!

Является мальчик.

Который час?

Мальчик уходит и возвращается.

М а л ь ч и к . Четверть девятого.

Молчание.

Л а с у к о в . Штрипку пришили?

М а л ь ч и к . Пришили.

Л а с у к о в . Ты видел?

М а л ь ч и к . Нет-с; да я еще утром велел Митрею пришить.

Л а с у к о в . Вели-ка показать.

Через несколько минут приходит Д м и т р и й, лысый человек средних лет, малого роста, с стальным наперстком на большом пальце. В руках его панталоны со штрипками.

Пришил?

Д м и т р и й . Пришил-с.

Л а с у к о в . Покажи. *(Мальчик светит. Ласуков рассматривает штрипку.)* Хорошо. Неси!

Дмитрий идет.

Постой!

Дмитрий останавливается.

Ты зачем у меня шубу сгноил?

Д м и т р и й . Какую шубу?

Л а с у к о в . У тебя есть глаза?

Д м и т р и й . Есть-с.

Л а с у к о в . Что ж ты ничего не видишь?

Д м и т р и й . Нет, я вижу-с.

Л а с у к о в . Нет, не видишь.

Д м и т р и й . Как угодно-с.

Л а с у к о в *(кричит)*. Курослепов!

Является мальчик.

Покажи ему шубу.

Мальчик подводит портного к шубе, лежащей посреди пола. Дмитрий с удивлением и испугом осматривает ее.

Лентяй! лежебоки! Только есть!.. *(Ленивый голос плохо повинуется ему. Не докончив выговора, он умолкает.)*

Д м и т р и й. Ничего больше не изволите прика-
зать?

Л а с у к о в. Ступай.

Дмитрий уходит. Наступает тишина. Ласуков то закрывает, то открывает глаза, потягивается, зевает. Ветер продолжает выть, ставни скрипят, дождь стучит в крышу и окна.

Ветрогонов!

Является мальчик.

Ты что делаешь?

М а л ь ч и к. Ничего-с.

Л а с у к о в. Который час?

М а л ь ч и к (*уходит и возвращается*). Тридцать пять минут девятого.

Л а с у к о в. Тебе хочется спать?

М а л ь ч и к. Хочется.

Л а с у к о в. И если тебя пустить, ты вот так сей-час и заснешь?

М а л ь ч и к. Засну-с.

Л а с у к о в. Поди вон.

Мальчик уходит.

Попробую-ка и я. (*Закрывает глаза и делает усилие заснуть.*) Нет! спать, кажется, хочется, а попробуй лечь, целую ночь глаз не сомкнешь — уж я испытал! Сонуля!

Является мальчик.

Подай Удина!

Мальчик приносит книгу. Ласуков берет ее и через минуту оставляет.

Вот и Удин советует не принимать решительных мер, пока болезнь не определится... А что же делать? (*Постепенно им овладевает неестественная зевота. Он зевает с вариациями и фиоритурами, вытягивая бесконечные а-а-а-о-о-о-о-у-у-у.*) Синебоков!

Является мальчик.

Который час?

М а л ь ч и к *(уходит и возвращается.)* Сорок три
минуты девятого! *(Уходит.)*

Тишина.

Л а с у к о в. Токарев!

Является м а л ь ч и к.

Поддай станок!

Мальчик приносит небольшой токарный станок. Ласуков начинает пилить и строгать. Мальчик светит, стоя перед станком. Однообразное визжание подпилка скоро убаюкивает его. Он спит, слегка покачиваясь, натыкается животом на станок, толкает его. Ласуков дает ему щелчка и продолжает пилить. Постепенно рука его пилит слабее и слабее, наконец вовсе замирает над станком. Рука мальчика также ослабевает и раскрывается. Подсвечник с резким звоном падает на пол. Свечка гаснет. Мальчик вздрагивает и продолжает спать. Ласуков также вздрагивает, на минуту открывает глаза и, переложив голову со ставка на подушку, также продолжает спать.

Занавес опускается

НЕЗАКОНЧЕННОЕ

(К о н е ц 1840—1867 гг.)

< ДРАМАТИЧЕСКИЙ ОТРЫВОК БЕЗ ЗАГЛАВИЯ >

< I >

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Комната в доме Гребенникова — большая, загроможденная великолепною мебелью, доказывающею неизмерное богатство и отсутствие вкуса.

Я В Л Е Н И Е I

Л ю б о в ь перед зеркалом рассматривает головной убор; В а с и л и с а перед другим зеркалом, поодаль, ближе к двери; Д у н я ш а, держащая в руках бальное платье; на стульях картонки.

Л ю б о в ь (*любуюсь собой в зеркало*). Прекрасно! Когда я надену это платье, этот чудесный головной убор... Этот браслет... ах, браслет!.. Это будет восхитительно... Как вы думаете, Василиса Степановна?..

В а с и л и с а (*с досадой*). Браслет! браслет! раз-носила со своим браслетом! По-настоящему, этот браслет совсем не твой, а мой. Я и отыскала его... мне он так понравился!... Я упростила паненьку поехать с нами, посмотреть... Вдруг ты пристала: «Мне, мне, папаша! Мне!..» — в слезы, точно пятилетняя девчонка... Уж мне только не хотелось паненьку при ювелире стыдить... ссору с тобой заводить... да тут еще офицерик какой-то пришел... ах, чудо! он всё на меня смотрел...

Любовь. Ну уж на тебя! совсем и не думал...
Василиса. А то уже не быть бы у тебя этому браслету...

Любовь. Полноте, Василиса Степановна... Где вам такие браслеты носить... Ведь этот браслет сделан для княгини... Слышите ли, Василиса Степановна... для княгини!.. Вам я даже не советовала бы и на балы-то ездить... с вашим именем... Я всегда краснею за вас... Василиса... точно кухарка какая-нибудь... Еще вчера, я сижу у генеральши... разговариваю с племянницей... вдруг она как закричит: «Василиса!»... Я так вся и вспыхнула... Горничных только так называют!

Василиса. Да разве я виновата? Ведь это наш мужик-отец такое имя мне выбрал... *(Дуняше.)* А покажи-ка сюда башмаки. Жаль, что до бала осталось только два дни... А то я бы себе непременно заказала бы такой же браслет... ювелир говорит, что никак не успеет...

Любовь. Ничего! Съездишь и без браслета. *(Дуняше, которая несет к Василисе башмаки.)* А покажи сюда перчатки, что прислала мадам Перар...

Дуняша приостанавливается на минуту среди двух сестер и потом идет к Василисе, чтоб подать прежде башмаки. Любовь делает к Дуняше движение; Дуняша в испуге поворачивает назад и идет к стулу, чтоб взять перчатки.

Василиса *(кидается за Дуняшей)*. Да подай же сюда башмаки!

Любовь *(грозно)*. Перчатки!

Дуняша *(совершенно потерявшись и останавливаясь)*. Ах, сестрицы, да ведь у меня не десять рук!

Любовь *(с гневом)*. Что? Что? Ты еще грубишь... Ах ты, капризница! вот еще!.. Да ты бы теперь помиру таскалась нищая! Поят, кормят ее...

Василиса. Платье новое недавно еще папаша подарил... Белоручка!

Любовь. Колода неповоротливая!

Бросаются к ней обе; Любовь вырывает перчатки; Василиса — башмаки.

Любовь. Надобно выбрать перчатки... На прошлом балу у меня... я так сконфузилась: вдруг лопнула левая перчатка...

В а с и л и с а (*рассматривая башмаки*). Ну так и есть!.. Те были малы... у меня на другой день все ноги раздуло... а эти велики... Дуняша! Поди скажи скорей, чтоб сходили за башмачником.

Дуняша быстро уходит.

Этот папаша совсем об нас не заботится: гадкого башмачника прислал... Только возится всё с своими откупам! Ох, уж дал бы бог поскорей вырваться из этого проклятого дому!

Л ю б о в ь. Да пора... ведь уж тебе, кажется, двадцать шесть лет; еще год, другой — так и не вырвешься. Капризничала... всё думала выйти за графа... за барона... куда какая красавица... а теперь и какому-нибудь жениху была бы радехонька!

В а с и л и с а. Разве Виктор Иванович какой-нибудь жених?

Л ю б о в ь (*хохочет*). Да с чего ты взяла, что он на тебе женится?..

В а с и л и с а. Он еще вчера мне говорил, что меня обожает... и так всё на меня смотрел... ах! У него такая приятная улыбка... Как он хорошо говорит!

Л ю б о в ь. Дура! Он над тобой смеялся, а ты и поверила... Уж скорей, если на то пошло, так он в меня влюблен... да только я еще подумую...

В а с и л и с а. Рассказывай... а я так знаю свое... Он даже мне сказал вчера: «...а знаете ли что, Василиса Степановна?.. я ведь, пожалуй, — говорит, — на вас женюсь... Ну что краснеете?.. потупили глазки... а? махнем-ка?» — а сам книгу в руках вертит... Раскланивается... подает мне книгу и говорит: «Прочтите эту страничку-с, Марлинский, отличнейший сочинитель... Я взглянула, — тут целые пять строк подчеркнуты карандашом... вот ей-богу... Я прочтала и так даже покраснела... *«Я должен или обладать вами — или пистолет решит мою участь. Решите!»*

Л ю б о в ь (*в сторону*). Неужели она правду говорит? (*Громко.*) Смотрите, какую чепуху наплела... хоть бы и умной!.. ха, ха...

В а с и л и с а. А вот не чепуха! Хочешь, книгу сейчас покажу... (*Кричит.*) Дуняша! Уж нечего тут толко-

вать: он на мне женится. Вот видишь, поскорей тебя жениха нашла!

Л ю б о в ь. Поскорей! А Викентий-то Александрыч!.. Да он вот полгода за мной ухаживает.

В а с и л и с а. Штафирка-то! Рябчик, как Виктор Иванович ни скажет. *(Глупо смеется.)* ...Ах, милашка!.. Вот хорошо, как ты вдруг выйдешь за штафирку! То-то я над тобой посмеюсь!

Л ю б о в ь. Захочу, так выйду и за твоего Виктсра... *(Думает и говорит в сторону.)* Только, мне кажется, за Акентия-то Александровича будет повыгодней... даром что он штафирка! *(Громко.)* Виктор Александрыч через три, много через четыре года будет генералом. Меня будут называть «ваше превосходительство».

В а с и л и с а. Ну еще когда будет... да на лбу ведь у него и не напишут... а тут... я с моим Виктором по Невскому проспекту иду... в театр еду... мне всякий солдат честь отдает... эполеты, шпоры, султан... Да он и гораздо, гораздо моложе... и лицо у него такое приятное...

Л ю б о в ь. Ну уж, приятное! Один нос чего стоит... как слива... точно у папеньки.

В а с и л и с а. Пустяки! Со влости выдумала!.. У твоего-то нос в тысячу раз длиннее...

Л ю б о в ь. Вздор! нос самый настоящий... Как должно у благородного человека... прекрасный нос, чудесный!

В а с и л и с а. Прескверный. Вот хоть у кого хочешь спросить... Дуняша!.. *(После некоторого молчания.)* Куда запропала эта проклятая девчонка?

Входит Дуняша.

Куда тебя чорт носил?.. У кого лучше нос: у Виктора Ивановича или у Акинфия Александровича...

Дуняша молчит.

Говори же!

Л ю б о в ь. Говори!

Д у н я ш а. У... у... *(Смотрит то на ту, то на другую сестру.)* Право, я не знаю.

С е с т р ы *(одна за другой)*. Говори! Говори!

Д у н я ш а. У Виктора Ивановича!

Л ю б о в ь *(бросаясь к Дуляше)*. Так-то? а!.. Вот я сегодня в последний раз надела это платье... «подарю,

думаю, завтра Дуняше...» Так вот нет же тебе... судомойке какой-нибудь подарю!..

В а с и л и с а (*ласково*). Ничего, Дуняша... я тебе свое лиловое отдам. Я его только раз надевала.

Д у н я ш а (*скромно*). Не надо мне, сестрицы, никакого платья... у меня и так много.

Л ю б о в ь. Ты вечно балуешь эту девчонку! Вот оттого из нее толку и не выходит! Рада на шею повеситься, только бы тебе потакала. Стыдно за тебя при чужих: другой подумает, что ты ей равная.

В а с и л и с а (*спохватясь*). Совсем я не думала ее баловать... Я очень знаю, что я такое и что она, а просто так... отчего же и не подарить, когда платье мне не нравится. (*Дуняше, строго попрежнему.*) Сказала ты, чтоб послали за башмачником?

Д у н я ш а. Сказала-с.

В а с и л и с а. Да отвечай как следует, что ты через аубы-то цедишь... куда смотришь-то? ведь я с тобой говорю! Подай-ка мне посмотреть бальное платье!

Дуняша подходит с платьем.

Разважничалась с своим штафиркой! нос, как у гуся... Да что говорить! По себе выбрала... такой же красавец, ни дать ни взять, как ты.

Л ю б о в ь. Я?.. Да получше тебя... на меня летом на Петергофском гуляньи все офицеры смотрели. А в Екатерингофе, помнишь? даже один смотрел, смотрел, да и говорит: «Шарман персонь!»¹

В а с и л и с а. Это про меня он сказал.

Л ю б о в ь. Про тебя? Дождись!.. На лице красные пятна. Расплылась, как купчиха... (*Дуняше.*) Возьми перчатки!

Дуняша берет перчатки и идет, чтоб положить их, где взяла, в картон.

В а с и л и с а. Платье!

Дуняша, не успев положить перчатки, быстро возвращается к Василисе.

Л ю б о в ь. Ходит, разваливается, как ступа... Мне

¹ От франц. *charmante personne* — очаровательная особа! <Ред.>

даже стыдно с тобой гулять... Уж, верно, нас за мещанок каких-нибудь принимают! Квашня!

В а с и л и с а. Пиголица!

Л ю б о в ь. Старуха! Уж у тебя скоро усы пойдут! (Дуняше с гневом.) Да положи же перчатки на место... разве не помнишь, где взяла?

Дуняша идет к картону.

В а с и л и с а. Я квашня, я старуха... (Кидается за Дуняшей.) Да долго ли я буду ждать платья? (Щиплет Дуняшу так, что та вскрикивает и роняет перчатки.) Вот как я ее балую!.. Я квашня, я старуха, а ты пиголица, ты рябая... вот уж мне так стыдно с тобой ходить... всякий, как взглянет на тебя, такую гримасу сделает... Вот и наемдши князь Дорожинский...

Л ю б о в ь. Лжешь, лжешь. (Бросаясь к Дуняше и толкая ее.) Да подбери перчатки-то, мерзкая девчонка!.. Это как на тебя взглянут, так смеются... (Дуняше, которая хотела уйти.) Куда? Стой здесь и не смей уходить, пока тебе не прикажут.

Дуняша смиренно становится у дверей; на глазах ее видны слезы.

В а с и л и с а (Дуняше). Ступай!

Л ю б о в ь. Прощу не умничать! Будешь распорляться, как выйдешь замуж, а я у папаши, слава богу, не последняя... не прошу мне указывать...

В а с и л и с а. А меня-то папенька меньше, что ли, любит?.. Еще побольше тебя... Мне стоит только сказать... Он для меня всё сделает. Он и сам видит, ты злишься всё...

Л ю б о в ь. Да, да, всё для тебя сделает... очень любит... а меня терпеть не может... я из него ничего не могу сделать... А вот браслет... вот все-таки на балу у меня у одной будет такой браслет...

В а с и л и с а. Браслет... браслет... (Бросаясь к ней со слезами бессильной злости.) Отдай мне этот браслет... это мой браслет... ты просто у меня его украла... (Плачет от досады.)

Л ю б о в ь. Нет, не украла, а просто папенька мне его подарил...

...и ...
 ...
 ...
 ...
 ...
 ...

Насущное, completed

...
 ...
 ...
 ...

Слова

...
 ...
 ...
 ...

...
 ...
 ...

...
 ...
 ...

Драматический отрывок. Автограф Н. А. Некрасова

ЯВЛЕНИЕ II

Те же и Аграфена Степановна.

<II>

В<иктор> И<ванович>. А, Викент<ий> Алекс<андрович>! Наше вам-с. Как господь грешкам терпит?

Викент<ий> Ал<ександрович>. Каким грешкам?

В<иктор> И<ванович>. Ну, как каким? Вот уж сейчас и видно штатского — всё на политике. А у нашего брата военщины — вся душа наружу. Грешим и мы — любим кутнуть с товарищами, что скрываться. Да ведь наши грехи, что, — а если и погрешим — пуля-дура — как раз очистит. А вы — дело известное: в канцеляриях пуль не бывает — а доходы бывают.

Викент<ий> Ал<ександрович>. Позвольте — как я должен понимать ваши слова?.. признаюсь — такое с вашей стороны обращение — знаете — будучи всегда в таком кругу, где люди понимают свое достоинство — я не привык...

Викт<ор> Ив<анович>. Ну вот — ведь я знал, что рассердится. Эх вы, фрачники — всех бы вас в наш эскадрон — небось, забыли бы дуться за шутку. Там у нас тоже никто не даст наступить себе на ногу — и раз был из этого такой анекдот... *(Обращаясь ко всем с любезною улыбкою.)* Я после расскажу вам его. Но главное у нас — товарищество и чтоб всё было по чистой откровенности. А коли когда случится с кем огрызнуться — шампанск<им> чокнулись — выпили — бокалы о шпоры — и конец делу. Да что много говорить... Викент<ий> Алекс<андрович>, — по-нашему — коли я не так что сказал — по рукам да и обнимемся. *(Насильно обнимает его, а тот морщится.)* Вот так! по-братски — оно же кстати — ведь, может, и родней будем. *(Лукаво поглядывает на Любовь и Василису.)*

Викент<ий> Ал<ександрович> *(обращаясь к Степану Петровичу)*. Да, Степан Петрович! Идя с вами сюда, я заметил из некоторых ваших слов — и если мои соображения меня не обманывают... Любовь Степановна... но вы, конечно, понимаете, что я хочу сказать?

Виктор Иванович. Позвольте, я вижу, без меня дело не обойдется. Степан Петрович! Ведь как оно у вас там в купечестве в старину говаривалось: у нас есть купец, у вас есть товар... Ха! ха! ха!

Любовь Степановна (вполголоса). Вишь, всякая голь купечеством тычет, а сам — чорт его знает кто такой — много голи-то дворян...

Викентий Александрович (к Виктору Ивановичу). Милостивый государь, позвольте вам заметить — в своих делах я сам привык за себя говорить.

Звонков. А я-то разве не о себе тоже говорю? Эх вы, штатские политики! Мы, военщина, всякое дело — приступом брать, да и другим помогать. Да что вздор-то болтать? Ну-ка... <нрзб.> Степан Петрович, — позвольте рапортом отнестись — отец и командир — в вашу роту хотим — вот я и Викентий Александрович — велите-ка внести нас в списки — меня по части Василисы Степановны, а Викентия Александровича по части Любови Степановны. (Обращаясь к Василисе) с видом удальства.) Вот делишкой и отвертел! — Ну (растопыривая руки), теперь прямо на крепость. (Бросается на шею к Степану Петровичу) и обращаясь к остальным.) Повесимся на нем — ух, какой высокий — нагнитесь, голубчик — <3 слова нрзб.>

Степан Петрович. Очень рад, Виктор Иванович, но, позвольте — дело серьезное — я отец — к таким делам не так приступают...

Викентий Александрович. Именно... позвольте вам заметить — я вас вполне понимаю — брак такое священное дело, которое — так сказать — соединяет людей на всю жизнь... А жизнь прожить — не поле перейти — тут есть о чем подумать... Итак, Степан Петрович, если то, о чем я имел столько важных соображений, неоднократно мною сообщенных вам тонкими намеками...

Степан Петрович. Ваше предложение делает мне истинную честь — не знаю, как и благодарить вас за него, Викентий Александрович, я вас всегда знал за человека солидного. Любя больше всего на свете моих дочерей, я и мечтать не смел о большем счастье... Вручая вам мое сокровище, я могу остаться совершенно спокоен...

Викентий Александрович. Можете положить — вполне можете... могу сказать с гордостью...

〈СЦЕНЫ〉

Старуха (*скромно*). Скажите, почтенный, дома ли... Владимир Михайлович?.. Его превосходительство> Владимир> Михайлович> Х.—

Швейцар. Что такое? Его превосходительство? Тут никакого превосходительства> нет... Ступай-ка, откуда пришла... видно, ошиблась...

Старуха. Нет, я знаю — он тут живет.

Швейцар. Кто он? Говорят тебе, ник<акого> превосходительства> здесь нет. А если хочешь видеть нашего барина — так подымай выше.

Старуха. Ну, так его высокопревосходительство, что ли, он по-вашему?

Швейцар. И то нет... То есть оно, пожалуй, и так, — только нет. Подымай еще выше.

Старуха. Ну, так его сиятельство, что ли?

Швейцар. Вот это по-нашему... Так-с! Так вам угодно знать, дома ли его сиятельство князь Влад<имир> Михайлович> Х.—? Так, что ли?

Старуха. Так точно. (*Про себя.*) Какой громкий титул, я его просто Володькой звала и за усы щипывала...

Швейцар. Ну, так бы и говорили. У нас это строго. На-днях один какой-то барин — проситель, что ли, — принес прошение и мне отдал да еще три целковых дал — «Отдай,— говорит,— барину. Я дня через три зайду проведать». Я — ладно. Подал. Только посмотрел князь и не распечатал даже — отдал назад — и пошел в лестницу: «Не ко мне!» А на конверте написано четко: «Его

выс<око>прев<осходительству> Вл<адимиру> М<ихайловичу> Х.—». Что за оказия! Я диву дался. Экзекутор, спасибо, растолковал: «Князь,— говорит,— знал, что делал: адрес не так написан. Когда,— говорит,— генерал да еще и князь, так надо писать «сиятельству!» После проситель пришел. «Что,— говорит,— какой ответ?» — а ему пакет назад. «Возьмите,— говорю,— научитесь пра<вильно> писать адрес». Уж стыдил я его, стыдил! *(Смеется.)*

Старуха. Доложите же об нас-то, сделайте милость; мы вас благодарить будем. *(Роется в ридикюле.)*

Швейцар. Не беспокойтесь! Первое, его теперь дома нет, а второе — сегодня дома нет. Приходите в пятницу — в приемный день. Всех будет принимать и вас примет.

Старуха. О, нам нужно сегодня... Нам нельзя со всеми. У нас дело не такое... Доложи... или мы подождем.

Швейцар. Нельзя-с, никак нельзя-с. *(Старуха просит — швейцар отказывает. Она опять отправляет руку в ридикюль, он ее останавливает.)* И не просите. Мне мое место дороже. В пятницу, со всеми.

Старуха. Голубчик, пожалуйста.

Швейцар. Не просите. Да что мне с вами говорить. Ступайте. *(Затворяет дверь и скрывается.)*

Старуха *(стоит в раздумьи, потом отворяет дверь)*. Послушай, почтенный, у меня такое дело, что барин будет бранить, если не пустишь...

Швейцар *(опять в дверях)*. Что там барин скажет — это наш ответ. А вы, говорю, ступайте; нечего тут слоняться!

Старуха *(строго)*. Ой, будешь жалеть... Ты погляди... ты... ведь кабы я была одна... а то дашь ты ответ барину, — я не одна, ты вот погляди. *(Быстро поднимает вуаль со своей спутницы и показывает молодое прекрасное лицо и тотчас же опускает вуаль.)*

Швейцар *(увидев, усмежается)*. А давно бы ты сказала... А то что ему в старухе... Ступайте, подождите. Он скоро будет. *(Кричит.)* Сергей Иванович!

Является камердинер сверху.

Вот к барину... очень нужно... *(Шепчет, показывая на*

Наташу.) Просто, брат, писаная, я тебе скажу! такой давно не приводили...

Сергей. Пожалуйте... *(Вводит их в приемную и оставляет одних.)*

С Ц Е Н А I

Старая женщина и девушка под вуалью подходят к подъезду богатого дома. Швейцар им говорит: дома нет. Это уже в третий раз. Старуха горячится, швейцар не внимает — тогда старуха, потеряв надежду, шепчет дочери: «подыми вуаль» и с болезненным чувством, подавляя гордость и стыд, говорит швейцару: «Смотри, чтоб после тебе не досталось от барина — я ведь не одна — может, князь и не отказался бы видеть ее».

Эти слова произносит она с отвращением. Швейцар, взглядывая на Наташу, усмехается и тотчас переменяет тон: «Давно бы вы сказали, а то что ему в старухе». Наташа быстро опускает вуаль. Старуха подавляет гнев. Швейцар вводит их в приемную и оставляет одних.

С Ц Е Н А II

Мать и дочь. Из приемной видна анфилада богато убранных комнат. Роскошь эта удивляет и восхищает девушку. Мать резко всё критикует, причем обнаруживает вкус. В то же время можно понять из разговора, что она уже бывала в этом доме, что всё ей знакомо. Монолог ее исполнен грусти и подавленного негодования и горечи. Наташа в недоумении. (Можно даже сделать, что она ходит по комнатам; в одной из них Наташа узнает портрет своей матери (в молодости), но мать замечает это.)

С Ц Е Н А III

Является Х. Наташа бросается ему первая в глаза; он ее хвалит. Старуха слушает с жадностью, но потом, заметив, что старичишка...

КАК УБИТЬ ВЕЧЕР?

СЦЕНЫ

⟨ДЕЙСТВИЕ I⟩

Зимняя картина. Поляна, занесенная снегом, кое-где деревья и ины; впереди сплошной лес. По поляне к лесу, кто на лыжах, кто просто карабкаясь по поясу в снегу, тянется вереница загонщиков, человек сто: мужики, бабы, мальчики и девочки; каждый и каждая с дубинкой, у некоторых мужиков ружья; по одежде все вместе напоминают толпу нищих. За народом тянутся цугом пестеро обыкновенных крестьянских дровнишек, запряженных тощими лошаденками. В первых дровнях: князь Сухарев, старик лет 60-ти, одет в охотничий костюм, сверху шуба, сбоку ружья в ящиках; во вторых: Остроухов, господин неопределенных лет, скорее старый, чем молодой; в третьих: Миша Воинов, молодой человек лет 30-ти, очень толстый, с двойным подбородком; в четвертых: Сазонович, с совершенно лысой головой, круглым лицом, мягкими манерами. В остальных двух дровнях по-двое егерей-охотников. При них ящики с ружьями и корзины с съестными припасами. По приближении к лесу, где деревья становится гуще и проезд делается невозможным, народ останавливается; дровни сворачивают несколько в сторону, так что лошади уходят в снег по брюхо и остаются неподвижными; господа выходят из дровней на протоптанный след; к князю Сухотину подбегает Сазонович и подобострастно помогает ему выйти. Из толпы народа отделяются Сергей Макаров, мужик-окладчик, и молодой человек — лесничий Цуриков, устроивший охоту, — подходят к охотникам и молча кланяются.

Сухотин

Ну, всё готово? Не ушел медведь?

Сергей

Медведь в кругу.

Сухотин

А далеко до круга?

С е р г е й

Не боле сажен триста.

С у х < о т и н >

Как же мы
Дотащимся туда? на лыжах, что ли?

С е р г е й

Народ пойдет покуда передом,
Дорогу обомнут — и так пройдете,
А уж потом придется сажен сто,
До нумеров, пройти на лыжах.

С у х < о т и н >

Ну!

Веди народ, да строго накажи,
Чтоб не шумели; кто заговорит
Или смеяться станет, мелом на спине
Ты крест тому, — увидит при расчете,
Что значит горло без резону драть!
Вишь, как галдят!

Л е с н и ч и й

Покамест ничего,
А дальше мы их поведем без шуму.

Во время этого разговора Миша Воинов и Остроухов проходят вперед, к народу, который с любопытством осматривает господ.

О с т р < о у х о в >

Мне издали загонщиков толпа
Каким-то сбродом нищих показалась,
Оборванных, унылых, испитых.
А между тем, как ближе подошел,
Так даже франтов вижу: вот сибирка
Суконная, вот городской бурнус.
Не сплошь больные, сумрачные лица,
С клеймом нужды и горя. Чудеса!
Картина эта такова, что тут
Гробам бы только двигаться уместно,
И воздух этот тифом напоен;
К нему одни болезненные стоны

Идут да бред со скрежетом зубов.
И в бедности здесь спорит человек
С природой и решить не могут:
Она ли, он бедней. А между тем
И здесь не всё болезненные лица,
Довольные мы слышим голоса
И вольный смех! Я, право, удивлен.
О молодость! О сила! О здоровье!
Везде свое сумеете вы взять!

М и ш а

Отличный монолог и — несомненный.
Я это <тотчас> доказать берусь:
Когда б не этот дар неоцененный,
Давно бы обезлюдела вся Русь...

О с т р о у х о в

Ну право же — прекрасная картина!
Вон парень повалил бабенку в снег
И сам упал, барахтаются оба,
Хохочут, раскраснелись — хорошо!
А вон другой какой-то великан
Пустился к лесу без тропы-дороги,
Как лось, взрывая длинными ногами
Глубокий снег, бежит; и пыль под ним
Сверкающая облаком кружится.
Куда бежит он? *(Обращается к одной бабе.)*

Б а б а

Видишь, впереди
Краснеется рябина, уцелели
На ней от лета ягоды, так их
Сорвать задумал, видно.

О с т р о у х о в

Что же, он
Попотчевать кого желает ими?

Б а б а

Вестимо, девку.

О с т р о у х о в

Не тебя ли?

Б а б а

Вот

Постой немного, сам увидишь.

П а р е н ь возвращается с сучьями, на которых видны гроздьи рябины, опущенные снегом, и отдает их одной девке, посмазлившей других.

О с т р о у х о в

Вижу...

Полакомится мерзлою рябиной
Красавица и парня наградит
При людях полновесной колотушкой,
А там в лесу даст тайный поцелуй.

(Декламирует.)

«Как ярко поцелуй пылает на морозе,
Как дева русская свежа в пыли снегов!»

М и ш а

(хочет).

Вот кстати применил стихи поэта!
Помилуй — этот злополучный люд
Напомнил мне бежавших из больницы,
Чернорабочих бледную толпу.
Ну где нашел ты свежесть, укажи?
Нет, даже осьмиградусный мороз
На эти лица не навел румянца.
Две-три бабенки покраснели, правда, —
И то помял их друг наш Осташев.
Уж он таков: любимая забава
С крестьянками возиться; будь дурна,
Как смертный грех, да только не мужчина, —
С него довольно.

О с т а ш е в

(выводя одну женщину из толпы).

Ну, ты мой адъютант. Бери же ружья,
Неси за мной; да только не кричи,
Как выбежит медведь.

⟨Ж е н щ и н а⟩

Не бойся, барин,
Не закричу, не испугайся сам!

< С у х а р е в >
(всматривается в толпу).

Старуха, эй, старуха! Покажись
Сюда поближе. Нет, не та, другая!
Другую мне — вон ту, что унырнула
В толпу!

М у ж и к и выводят с т а р у х у.
Поди, любезная, сюда,
Поди, не бойся; как тебя зовут?

Старуха усиливается что-то говорить и вместо ответа мычит. Народ
хохочет.

Немая...

Г о л о с а в н а р о д е
Да она немая!

С у х а р е в
То-то!

Глядел я долго: шамкает губами
И рот кривит, а не выходит слов!
Немая! вы неисправимы, Душин:
Сам бог ее молчанию обрек,
А вы ее в кричане допустили!

Л е с н и ч и й

Я не заметил... Нищенка, без хлеба...

С у х < а р е в >

Вы всё одно: то соли нет, то хлеба.
Ступай, ступай, любезная, домой!
(Потирает руки.)

Н а р о д

Она мычать горазда. Замычит,
Так никакой медведь не улежит!

П о с л а н < н и к >

А зоркий глаз.

С у х < а р е в >

Уж я не прозеваю!

О с т < а ш е в >

Доволен наш директор. На войне,
Перехватив с бумагами шпиона,
Так полководец радуется.

М и ш а

В пояс

Должны мы поклониться,
Копейки по три нам он сохранил...
А немец, немец чуть не прискочил
От радости, — ведь точно... шесть копеек
Ему бы лишних заплатить пришлось
За лишнюю загонщицу...

К толпе загонщиков, запыхавшись и отдуваясь, торопливо приближается п я т ь ч е л о в е к, пришедшие той же тропой, как и прежде.

О к л а д ч и к

Уж поздно, братцы, барин приказал,
Чтоб больше никого не принимали.
Народ сосчитан.

М у ж < и к и >

Допусти, будь друг!

О к < л а д ч и к >

Не смею — строг! Вы сами попросите.
Авось, позволит.

М у ж < и к и >

Это, что ли, он?

Нас гонят, мы маленько опоздали,
Сейчас пришли — уж как бежали мы...
Вели принять нас, будь отец!
(Кланяются.)

< С у х о т и н >

Не надо!

Мы взяли, сколько нужно, и конец!

М у ж и к < и >

Да нас ведь звали. Мы, не будь охоты,
Дрова возить бы нанялись сегодня.

Б а р < и н >

Известье было с вечера дано,
Опаздывать не нужно было. Эй, лесничий!
Возьмите их...

М у ж и к и
(*почесываются*).

Эх! Э! Не ладно дело!

<Б а р и н >
Ну, ступайте!

М у ж < и к и >

Мы погорельцы, бабушка. Неделю
Тому назад сгорело; милость ваша
На бедность не пожалует ли нам?
(*Протягивают руки.*)

Б < а р и н >

Мы не затем приехали сюда,
Чтоб раздавать на бедность.
Спрячьте руки!

(*К посланнику.*)

Какой народ! Мороз невыносимый,
А он по локоть руку обнажил!
(*К товарищам.*)

Пожалуйста, Кондратьев, не давай,
А то сойдется целый околоток.
Уж было раз такое приключенье:
Чувствительный какой-то господин
На бедность подал... Что же, господа?
Как на второй загон спешили мы,
Нас целый околоток осадил
На той тропе, где надо было ждать,
И на медведя опоздали мы.

Мужики, помявшись, уходят.

О д и н и з т о л п ы
(*провозжая их глазами*).

Пошли ни с чем, сердечные, а жаль:
Они ведь точно погорели.

Д р у г о й

Только

Осталось три двора — и вся деревня
В них кое-как теперь от стужи жметяся.

Т р е т и й

Эх! это не такие господа!
Вот были третьим годом — то-то баре!
Как и сегодня — только поплелись
Загонщики к окладу, — смотрим, скачет
Без шапки мужиченко и кричит:
«Деревня Голодуха загорелась!»
Как быть? деревни этой мужики
Упали в поги господам: «Пустите!
Горит деревня наша!» Господа
Не только мужиков тех отпустили, —
А сами повернули на пожар
Со всей командой. То-то закипела
Работа! Заправляли господа,
А мужички в огонь погреться левли.
Сто человек задули, как свечу,
Пожар в одну минуту: погорела
Одна изба, всё прочее спасли.
Зато уж как довольны были бабы!
Они в ногах валялись на снегу
У тех господ, им полы целовали.
Довольны были сами господа
И погорельцу помогли по силам.
Однако не отделался и зверь.
Мы на рысях вернулись к окладу.
Уж за полдень тревога началась;
Глубок был снег — медведица не шла, —
Так мы пришли на самую берлогу
И ну ее! Почти что на хвосте
У ней сидели; как ни упиралась,
А на господ доставили!

<С у х о т и н>

Сочти народ! Да нет ли тут мальчишек?
В глубокий снег с мальчишками — беда!
Замерзнуть могут!

Эй, не хоронися
За взрослыми! Ты как сюда попал?
(*Выводит из толпы мальчика лет восьми.*)
Что это значит, господин лесничий?
Я говорил, чтобы детей не брать!

⟨Л е с н и ч и й⟩

Он уж бывал в загонах, он проворен.
У них семья — годится им на соль...

⟨С у х о т и н⟩

Напрасно вы не слушаетесь старших.
Прошу вас мелочь отобрать, и с богом —
Пускай идут домой!
(*Выводит шесть мальчиков.*)

М а л ь ч и к

Оставьте нас,
Мы не боимся холоду и снегу,
Кричать мы будем громко... Не гоните!

Б⟨а р и н⟩

Домой, домой, без вас есть крикуны!

Мальчики со слезами уходят.

Готово всё! Теперь на нумера.

Идут; впереди Г р у ш и п и о к л а д ч и к, за ними п а р о д. За народом п о с л а н н и к и С у х о т и н в сопровождении людей с ружьями; потом О с т р о у х о в и М и ш а, тоже в сопровождении к а м е р ⟨д и н е р а⟩; за ними О с т а ш е в, в сопровождении б а б ы, несущей его ружья. Шествие подвигается медленно.

М и ш а

Я, право, начинаю находить,
Что наше путешествие недурно.
Пока идет как должно всё: молчит
Суровый немец, верно, размышляя
О дикости российских мужиков
И радуясь, что наш директор важный,
Прогнав немую бабу, спас ему
Копеек шесть, и труся, между тем,
По мере приближения к медведю.
С бабенками гуторит Осташев

И водку пьет. А Сух<арев> из роли
И здесь не вышел: нами предводя.
Нет, право, хорошо!
И дикая и новая картина!

Мы взяли сто семь человек —
Что было в деревне народу;
Не приняли только калек —
Не справиться с снегом уроду.
Те двести четырнадцать ног
Пред нами дорогу умяли,
Чтоб путь был до места легок,
Чтоб как-нибудь мы не упали.
Идем, заметает метель
Звериные тропы и лапки.
Навстречу то старая ель,
То пень в горностаевой шапке.
Средь этих степей снеговых,
Шагая походкой нетвердой,
В собольих боярках своих
И в муфтах с звериною мордой,
Похожи на древних бояр
Новейшие наши бояре.
Директор наш важен и стар,
Посланник важнее и старе,
Турист Остроухов сопит,
Как будто всходя на Везувий,
Труницкий стихами смешит.

О с т р о у х < о в >

Но станет на рифме: «Везувий».

М и ш а

Да в самом деле станешь, чорт возьми!
Проклятое словечко подвернулось.

О с т р о у х < о в >

А молодец ты рифмы подбирать!

М и ш а

Как Пушкин, я сказать могу по праву,
Что рифмы запросто живут со мной... Ха! Ха!

О с т р < о у х о в >

Вот как!

М и ш а

Ты слыхивал мои стихотворенья —
«Отец Савватий», «Свадьба», «Мильгофер»?

О с т р о у х < о в >

Слышал, слышал. Вот даже и теперь,
Припомнив их, чихнуть намереваюсь.
В носу крутит, как будто табаку
Крепчайшего понохал я. Охота
Такую мерзость сочинять!

< М и ш а >

Ты, друг,
В искусстве ничего не понимаешь.
Талант — во всем талант. И Пушкин сам,
И Лермонтов немало сочинили
Таких стихов.

О с т р < о у х о в >

Да Пушкин, кроме этих пустяков,
Оставил нам «Бориса Годунова»,
«Онегина», «Полтаву». Написал
И Лермонтов «Печорина» и «Мцыри».
А без того кто б помнил их теперь?
А ты с одним «Савватием» своим
Сбираешься предстать на суд потомства.
Хорош ты будешь...

М и ш а

Что делать, я писатель не для дам.
Серьезно я за славою поэта
И не гнался. Но есть и у меня
Серьезные труды.

О с т р < о у х о в >

Не изысканья ль
О том, в каком году императрице
Екатерине прочитал Фонвизин
Великую комедию свою?

М и ш а

Ты суешься судить о том, чего
Не понимаешь.

О с т р < о у х о в >

Может быть, но я
Одно наверно знаю: ничего
Не выдет из трудов твоих серьезных
И вообще — из самого тебя...

М и ш а
(хохочет).

Министром буду!

О с т р < о у х о в >

Ну, едва ли! Впрочем,
Немудрено. Случалось видеть нам,
Что люди вовсе пошлые, пустые,
Которые таскались по балам,
Которые барковщину слагали,—
Глубокими политиками стали.

(Помолчал.)

Пустую жизнь ведете вы, друзья!
И хорошо вы делаете, впрочем:
Из вас людей не выйдет уж, хоть вы
Гражданами себя вообразили...
Не крепостник — не значит человек!
Твое несчастье моему подобно.
Мы в корне, в корне все развращены.

М и ш а

Я был всегда за крепостное право,
Против свободы я протестовал.

О с т р < о у х о в >

Тем хуже для <тебя>. А я веду,
Веду к тому, что это генеральство
Ты тоже не по праву получил.
Входя в кружок людей,
Где чествуют тебя как генерала,
Встречая на конверте титул свой,
Краснеть ты должен,— ежели случится

На деловой бумаге подписаться,
На векселе... что делаешь ты? лжешь!

<М и ш а>

Одно тут понял я,
Что ты себя считаешь человеком,
И возражу твоими же словами:
Не генерал — не значит человек!
Не ты бы говорил, не я бы слушал.

О с т р<о у х о в>

Ну, я, мой друг, отпетая статья!
Ты извини за резкие сужденья,
Такой уж час пришел: природа эта,
До беспощадности суровая, меня
Расположила к правде; человеком
Я был когда-то в юности моей,
Я дело делал, я *умел трудиться*.
О труд! ты всё; кто пренебрег трудом,
Когда-нибудь поплатится жестоко!..

Вся профессия на минуту останавливается. Миша и Остроухов, поглядев вперед, замечают, что народ разделился на две партии. Одна половина пошла направо, другая налево, в совершенном безмолвии.

С у х<а р е в>

Теперь молчанье! Мы пришли на круг,
На нумера идем. Смотрите, Душин,
Чтоб не шумел народ; кто слово скажет,
Кто кашляет, вы мелом на спине
Черкните крест, ужо увидит <он>,
Что значит без резону горло драть.

Господам подают лыжи, и они, беспрестанно соскакивая с лыж и проваливаясь в снег, поддерживаемые мужиками и лакеями, кое-как проходят сажен сто, предводительствуемые окладчиком.

О к л а д ч и к
(останавливаясь).

Здесь первый нумер.

Немец остается на указанном месте, при нем ставят его ружья и остается мужик с рогатиной. Тем же порядком ставят прочих. Люди обминают господам место. Сухареву стелят ковер и ставят складной стул. Немцу тоже. Расставив господ, окладчик уходит.

С а б < у р о в >

Теперь, барон, вы видели природу,
Вы видели народ наш?

П о с л < а н н и к >

И не мог
Не заключить, что этому народу
Пути к развитию заградил сам бог.

С а б < у р о в >

Да! Да! непобедимые условия!
И, к счастью, народ не выше их.
Невежество, бесчувственность воловь
Полезны при условиях таких.

П о с л < а н н и к >

Когда природа отвечать не может
Потребностям, которые родит,
Развитие — оно беды умножит
И только даром страсти распалит!

< С а б у р о в >

Вы угадали мысль мою: нелепо
В таких условиях просвещать народ,
На почве, где с трудом родится репа,
С развитием банан не расцветет.
Нам не указ Европа, — там избыток
Во всех дарах, по милости судеб,
А здесь один суровый черный хлеб,
Да из него же гибельный напиток.
И средства нет прибавить что-нибудь?
Болота, мхи... пески... куда ни взглянешь,
Не проведешь везде железный путь,
К путям железным весь народ не стянешь.
А здесь — вот, например, зимой —
Какие тут возможны улучшения?..
Хоть лошадям убавьте-ка мученья,
Устройте экипаж другой.

Здесь мужику, чуть вышел за ворота,
Кровавый труд, кровавая борьба,—
За крошку хлеба — капля пота,
Вот в двух словах его судьба!
Его сама природа осудила
На грубый труд, неблагодарный бой
И от отчаянья разумно оградила
Невежества спасительной броней.
Его удел — безграмотство, беспутство,
Убожество и чувством и умом;
Его узда — налоги, труд, рекрутство;
Его утеха — водка с дурманом.

П о с л а н < н и к >

Ja. ja... ¹

Другая часть леса в противоположной стороне.

Л е с н и ч и й

Так. Девять лет скитанья по лесам
Мне даром не прошли. Я одичал,
Не только не приятны, мне противны
Все эти люди, шумною ордой
Нахлынувшие в наше захолустье
Стрелять медведей наших; на денек
Они собрались к нам, а притащили
Такой обоз, что можно круглый год
В степи бесплодной кочевать безбедно.
Ну что ж? Они богаты; нужно им
Удобства, роскошь — это всё понятно,
Но отчего ж я духом возмущен?
Все эти утонченные затеи:
Кровати, умывальники, ковры,
Бутылок строй, сервизы, несессеры,
И эти трехсаженные лакеи,
И повара в дурацких колпаках,—
Вся эта роскошь нарушает нагло
Привычный ход убогой этой жизни

¹ Да, да... нем.

И бедности святыню оскорбляет.
Той бедности, которая одна
Здесь царствовать привычку вековую
Усвоила и грозных прав своих
Сопернице минутной не уступит —
Жестка царица эта! Во сто крат
Она отмстит за сутки униженья,
Когда опять останется одна
И населению бедному предстанет
В своей обычной строгой наготе...
Я знаю лес; я со скамейки школьной
Почти что прямо в лес попал; весной,
Снимая планы, составляя опись,
В такую глубь лесов я заходил,
Что иногда по месяцу случалось
Живого человека не встречать:
Так что же
Мудреного, что изучил я лес?
Я в нем провел почти две трети жизни.
Скажи, когда тебя я не видал,
Дремучий лес! Весенней ли порою
Иль в летний зной? Иль осенью сырою,
Когда ты так богато населен,
Когда твое убранство так роскошно
И так непрочно? И заводишь ты
Утрат и скорби роковую песню?
Или когда совсем уж обнажен,
Тоскливо ждешь ты зимнего покрова,
Шатаясь весь, точь-в-точь как человек,
Желающий согреться на морозе,
Или тогда, когда посеребрен,
Разубран снегом, при сиянии лунном
Стоишь ты бодро в мертвой тишине,
В той тишине морозной русской ночи,
Когда я, помню, думать был готов,
Что даже звуки замерзнуть способны.
Такой невероятной тишины
Зимой в лесу я помню впечатленье:
Стоишь — уйти не хочется, сознание
Теряется, что властен ты уйти.
В соседстве величавых, неподвижных
Дубов и сосен легкий звук, движенье

Казаться начинает святотатством.
И если вдруг, увидя страшный сон,
Взмахнет крылом проснувшаяся птица
И на другой опустится сучок,
Или береза скрипнет, как старуха,
Что кашлянет впросонках на печи —
Я вздрагивал, как будто услышав
Живые речи на глухом кладбище...
Я знаю лес, но общества не знаю.
Не знаю жизни, потому, конечно,
Мне дико поведение господ,
Приехавших сегодня на охоту.
Да, да! Я совершенно одичал.
Иной причины нет и быть не может!
А всё же странно, что они так грубо
С народом обращаются; так явно
Презрение свое, высокомерье
Показывают бедным мужикам!
С чего? пред кем? Нет, ошибаюсь я,
Тут нет высокомерья, нет презренья.
Тем хуже, если так — гораздо хуже!
Да, умысла тут никакого нет!
Им здесь народ необходим: медведя
Он им нашел, он обложил его,
Он им его в морозы караулил,
Он им к нему дорогу протоптал
И на своих голодных лошаденках
Сюда привез их — и теперь пошел
В жестокий холод, по снегам глубоким
Медведя выставлять на них, и он же
Поможет им отсюда убраться.
(Ведь надобно сознаться, что уйди
Теперь народ, так этим господам
Самим и до деревни не добраться:
Замерзнут, как подстреленные волки.)
Да, им народ здесь нужен. А меж тем
Они его трактуют так надменно
И норовят на гривну обчитать
И жмутся от него, как от собаки,
Когда она, в болоте побывав,
Желанье отряхнуться обнаружит.

⟨ДЕЙСТВИЕ II⟩

Квартира в городе Б-чах, очищенная жильцами на случай приезда охотников. Посередине роскошный лакрытый стол, за которым помещаются охотники; у стены — фортепьяно. Два дивана. Пообедав, охотники располагаются.

О с т р о у х о в
(садясь к фортепьяно, Мише).

Наш утренний горячий разговор
Напомнил мне забавные куплеты,
Которые когда-то я сложил
В минуту скуки; Глинка, наш приятель,
На музыку тогда их положил,
И часто мы от праздности их пели,
Хоть им названье «Похвала труду».
Не хочешь ли, я их тебе спою?

М и ш а

Пой, сделай одолжение.

С у х <о т и н>

Пойте, пойте!

О с т р о у х <о в>
(повт).

Кто хочет сделаться глупцом,
Тому мы предлагаем:
Пускай пренебрежет трудом
И жить начнет лентяем.

Хоть геркулесом будь рожден
И умственным атлетом,
Всё ж будет слаб как тряпка он
И жалкий трус при этом.

Нет в жизни праздника тому,
Кто не трудится в будень.
Пока есть лишний мед в дому,
Терпим пчслами трутень;

Когда ж общественной нужды
Придет крутое время,

Лентяй, негодный никуда!
Ты всем двойное бремя.

Когда придут зараза, мор,
Ты первый кайся богу,
Запрешь ворота на запор,
Но смерть найдет дорогу!..

Кому бросаются в глаза
В труде одни мозоли,
Тот глуп, не смыслит ни аза!
Страдает праздность боле.

Когда придет упадок сил,
Хандра подступит злая —
Верь, ни единый пес не выл
Тоскливее лентяя!

Итак — о славе не мечтай,
Не будь на деньги падох,
Трудись по силам и желай,
Чтоб труд был вечно сладок.

Чтоб испустить последний вздох
Не в праздности, — в работе,
Как старый пес мой, что издох
Над гаршнепом в болоте!..

М и ш а

Отличные куплеты!

С у х<о т и н>

Браво! Браво!

А что всего странней, что их сложил
Ленивейший, бездеятельный трутень,
Вот, признаюсь, никак не ожидал,
Чтоб вы избрать могли такую тему
И так серьезно выполнить ее.

О с т р<о у х о в>

Что есть у нас, мы тем не дорожим,
Того нередко мы не замечаем,

Чего в нас нет — того желаем мы,
И нам желанье ярче представляет
Предмета недоступного черты.
Вот почему, я думаю, удачно
Сложил я эту песню. Ну, теперь
Спой, Миша, нам фривольную балладу,
Которую ты давеча читал.

М и ш а

Я не умею петь.

С у х < о т и н >

Ну, так прочтите!
Серьезные стихи нам не под лета,
Да и поэтов нет теперь таких.
Но, признаюсь, скромные стихи
Без всяких умолчаний, без цензуры,
Люблю прослушать...

Миша декламирует с пафосом и с наслаждением довольно длинное стихотворение. Чтение прерывается одобрениями и хохотом.

С у х < о т и н >

У вас талант, решительный талант!
Не знал за вами я подобной прыти.
Ну, поздравляю! Нет, я не шучу!
Баллада ваша, я вас уверяю,
Переживет всю эту дребедень,
Которую теперь поэты наши
Серьезно выдают нам за стихи.

М и ш а

Благодарю, мне очень лестно слышать.
На эти вирши я употребил
Не больше часа, если б постараться...

О с т р < о у х о в >

Вот то-то: *если б!* У тебя ресурс
От праздности, от скуки, от унынья,
Какому позавидовать не грех,
А ты его забросил! Если утром
Я резко, даже дерзко говорил,
Что ты ленив, что занят пустяками,

Так, верь, меня досада подстрекала,
Что человек с таким талантом...

Входит л а к е й.

Л а к е й
(к Сухотину).

Вас

Желает видеть здешняя мещанка
Тарусина.

С у х о т и н

Любезный мой Максим,
Ужели сам не мог ты догадаться:
Я здесь не принимаю никого,
Устали мы, вставать нам завтра рано,
И нам не до того, чтоб принимать
Каких-нибудь уездных попрошаек.

(Лакей медлит.)

Ну что ж? Иди, скажи ей так...

Л а к е й

Она

На попрошайку непохожа... Этак...
Лет двадцати.

С у х < о т и н >
(поспешно).

И хороша собой?

Л а к е й

По-моему, красавица такая,
Каких я в Петербурге не видал.

С у х < о т и н >

(быстро вскакивает и подбегает к зеркалу, снимает кол-
пак и надевает парик).

Проси, проси! Постой минуту. Я
Сниму халат...

М и ш а

Ну, это будет слишком.
У вас халат — он очень к вам идет —
В таком халате можно принимать

И герцогинь, конечно, не в салоне,
Но здесь у нас скорее будуар,
Разложены походные кровати...

С у х < о т и н >

Нет, в самом деле я не безобразен
В халате?

О с т р < о у х о в >

Нет!

С у х < о т и н >

Проси же! Да смотри,
Когда ты нам уродину покажешь...

Л а к е й

Увидите!

М и ш а

Посмотрим вкус Максима!

Лакей уходит и через минуту входит с Т а р у с и н о й, показывая
ей Сухотина, к которому она и подходит.

Т а р у с и н а

*(красивая и стройная
девушка).*

Простите, если беспокою вас,
Я случай упустить не захотела,
Которого, быть может, в десять лет
Опять не будет.

С у х < о т и н >

Чем могу служить?

Прошу садиться.

Т а р < у с и н а >

Нет, не беспокойтесь,
Я слышала, вы важный господин,
У вас большая власть, вам все знакомы,
Вы можете один меня спасти...

С у х < о т и н >

Спаси... Я рад — приказывайте смело...
Что сделать я могу для вас, скажите?

М и ш а
(тихо Остр<оухову>).

Директор наш уж таять начинает.

О с т р < о у х о в >
(так же тихо).

Не то чтоб он растаял, он скорее
Раскис...

С у х < о т и н >
Что, господа?

М и ш а
(громко).

Я нахожу,
Что у Максима вкус весьма недурен...

Т а р у с < и н а >
Вы можете меня определить
К театру...

С у х < о т и н >
Не начальник я театра,
Но связи есть. А, впрочем, прежде знать
Необходимо, есть ли дарованье?

Т а р < у с и н а >
Не знаю, есть ли у меня талант,
Но страсть такая, что и сплю и вижу
Себя на сцене; дольше не сносить.

С у х < о т и н >
Призванье, страсть — хорошие залого,
Но есть еще условий очень много.
Вы здесь, в провинциальном городке,
Я думаю, актера не видали
Изрядного; имеете ли вы
Понятие об изученьи роли?
К какому амплуа вы полагаете
Себя способней?

Т а р < у с и н а >

Пробовала я
Себя во многом, но самой мне трудно
Определить, к чему способна я...

С у х < о т и н >

Однако, значит, вы же находили
Какие-нибудь средства изучать
Искусство ваше здесь?

Т а р < у с и н а >

Да, я училась...
Учусь я день и ночь.

С у х < о т и н >

Но у кого же?

Т а р < у с и н а >

У матери моей.

С у х < о т и н >

Она вас учит?

Т а р < у с и н а >

Она была актрисой, но меня
Она не учит; нет, она, напротив,
Мне это запрещает, находя,
Что это очень горькое искусство.

С у х < о т и н >

Не понимаю, как же можно вам
У ней учиться при таких условиях?

Т а р < у с и н а >

Она давно покинула театр,
Но им она и посегодня бредит.
У ней такая память, что она
Свои все роли помнит, и когда
Я лягу спать, или когда она
В прошедшее свое так погрузится,
Что ничего не помнит вокруг себя,

Она тогда всё роли повторяет
Тех героинь, которых представляла.
На цыпочках я к двери подхожу,
Дыханье притаив — и изучаю...

С у х < о т и н >

Особенная школа, признаюсь!
Я думаю, в такой мудреной школе,
В таких условиях ни один артист
Не изучал искусства.

Т а р < у с и н а >

Я, за нею

Все роли повторяя, наконец,
Их твердо заучила наизусть.
А, впрочем, есть и несколько тетрадок,
Которые успела я спасти,
Когда она однажды, проклиная
Театр, их в печь бросала и клялась,
Что дочь ее актрисой никогда
Не будет.

С у х < о т и н >

Это дикое упрямство,
Конечно, вы пытались превозмочь?

Т а р < у с и н а >

Однажды после долгих убеждений,
Которые плода не принесли,
Взволнована, лишенная надежды
И горем побежденная, в реку
Я бросилась; спасла меня старуха,
Но тут же объявила, что скорей
Меня увидит мертвой, чем на сцену
Отпустит...

С у х < о т и н >

Как же вы хотите
Ослушаться старухи?

Т а р < у с и н а >

Я пришла

Просить вас, чтобы вы поговорили

С моей старухой: может быть, она
Послушается ваших убеждений,
А если нет, я всё равно уйду.
Скажите, вы хотите мне помочь?

С у х < о т и н >

Готов, готов, но прежде, повторяю,
Я должен знать, что есть у вас талант.
Не можете ли что-нибудь сыграть
Или пропеть. Быть может, вы поете?
Всего бы лучше. Кстати есть у нас
И фортепьяно: случай нам послал
Удобную квартиру; мы уж пели
Немного сами: сносный инструмент...

Т а р < у с и н а >

Теперь не расположена я петь,
Но вы не будьте строги. Я готова
Вам песню спеть, которую певала
Я матери моей, когда еще надежда
Во мне была, что можно убедить
Упрямую несчастную старуху.

(Садится к роялю и поет.)

Отпусти меня, родная,
Отпусти не споря!
Я не травка полевая,
Я выросла у моря.

Не рыбацкий парус малой, —
Корабли мне снятся.
Скучно! в этой жизни вялой
Дни так долго длятся.

Здесь, как в клетке, заперта я,
Сон кругом глубокий,
Отпусти меня, родная,
На простор широкий.

Где сама ты грудь белой
Волны рассекала,
Где тебя я гордой, смелой,
Счастливой видала.

Ты не с песнею победной
К берегу пристала,
Но хоть час из жизни бедной
Торжество ты знала.

Пусть и я сломлюсь от горя,
Не жалея ты дочку!
Коли вырастет у моря —
Не спасись цветочку,

Всё равно! сегодня счастье,
Завтра буря грянет,
Разыграется ненастье,
Ветер с моря встанет.

В день один песку нагонит
На прибрежный цветик
И навеки похоронит!..
Отпусти, мой светик!..

С первого куплета Миша и Остроухов, игравшие в пикет, приближаются к роялю. Все слушают с напряженным вниманием и по окончании остаются несколько минут в молчании пораженные.

В с е

Отлично! бесподобно! браво! браво!

М и ш а

И чудные слова — где вы их взяли?

Т а р <у с и н а>

Понравилась мне музыка одна,
Но к ней слова не шли, по крайней мере,
Я не могла их петь, как мне хотелось,
И стала я по нотам подбирать
Слова другие, — так сложилась песня.

О с т р <о у х о в>

С огромным чувством спели вы ее.

Т а р <у с и н а>

В ней вся моя история.
Родилась я, как мать была актрисой...

ПЕРЕДЕЛКИ и ПЕРЕВОДЫ

(1841—1842)

1841

**ШИЛА В МЕШКЕ НЕ УТАИШЬ, —
ДЕВУШКИ ПОД ЗАМКОМ
НЕ УДЕРЖИШЬ**

Водсиль в двух картинах

(Сюжет взят из поэмы Пареевского)

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Руперт, ювелир.
Симон Аффенберг, доктор.
Филипп Иванович Фортункинъ.
Розина, племянница Руперта.
Анисья, служанка Руперта.
Слуга доктора.
Слуги без речей.

КАРТИНА ПЕРВАЯ

Театр представляет комнату ювелира Руперта. Три двери: направо, налево и в середине.

ЯВЛЕНИЕ I

Розина, за пяльцами, и Руперт.

Руперт (*с шляпой и письмом в руке*). Оделся совсем, а не знаю, куда идти. Есть же люди, около того... которые так неразборчиво пишут свои адреса... (*Смотрит в письмо.*) Я живу... известно, что живет... а где? ни тут, ни там, ни около того... Только и можно понять, что сиятельный: в Графском переулке живет. Постой, еще взгляну... (*Смотрит в письмо.*) Так и есть... Вот тут в конце строки поставлено Ев, а в начале другой граф, значит граф... а зачем же Ев? разве фамилия?.. А письмо само по себе прекрасное, благородное, около того. (*Читает.*) «Мне нужно бриллиантов тысяч на двадцать»... очень остро! «зная вашу опытность»... и умно-таки, около того... «Я прошу вас побывать у меня сегодня в 4 часа и надеюсь, что мы скоро сойдемся». (*Вздыхает.*) Бог еще знает, сойдемся ли: адрес так темно написал, что хоть глаз выколи, ничего не увидишь... «Я живу, я живу...» вот как будто кто подтолкнул его под руку... ничего не разберешь!.. «Я живу в доме гу-гу, гу-гу...» нет, не *гугу*... около того... (*Смотрит на часы.*) Уж четвертый! Прощай, Розина, да смотри... ни в окно, ни около того не смотри...

Розина. Да куда же вы, дядюшка?

Руперт. Как куда? К его сиятельству, графу Ев.

Розина. Да как же вы найдете его?

Руперт. Известное дело: покупилика на двадцать тысяч нескоро найдешь, около того... съезжу во все Графские переулки; спрошу, где найти его сиятельство графа Ев... такого туза, верно, все будочники знают...

Розина. Точно, дядюшка. Вы очень умно придумали.

Руперт. Э! да что с тобой вертеться около того; нужно к его сиятельству... *(Идет.)* Смирно, сударыня; на улицу ни шагу, ни в дверь, ни около того... нагуляешься, как будешь моею женою.

Розина. Женою вашею не буду, а гулять буду...

Руперт. Что, саперлот!¹ упрямство? Ну да уж поговорим фундаментально, а теперь я скоро ворочусь.

Розина. Да что вы это, дядюшка, всё дверь на замок запираете, как уходите?..

Руперт. Так, около того, для политики. Чуть было не забыл. *(Идет к двери налево.)* Эй! Анисья!

Анисья *(за сценой)*. Чего изволите?

Руперт *(отворив дверь, тихо)*. Смотри же ты у меня с черной лестницей: никого не пускай... я ведь тебе ва то жалованья прибавляю...

Анисья *(показываясь в дверях)*. Хорошо-с, не пуцую...

Руперт *(идет к средней двери)*. На двадцать тысяч! Стоит проездить пятиалтынный или... около того. *(Уходит; слышно, как он запирает снаружи дверь.)*

Я В Л Е Н И Е 2

Розина *(одна)*. Ха, ха! Как он строго за мной присматривает... да напрасно беспокоится. Я ему не жена; я уже успела присмотреть себе мужа... Запирает парадный вход, а черная лестница-то на что... Хорошо, что Анисья с нами заодно... А то беда, сиди одна в четырех стенах да считай птиц на потолке. Он меня перехитрить хочет... напрасно! не видать ему моего приданого. Я знаю, что батюшка оставил завещание; найду его и вытребую деньги... И выйду не за него... Какой он муж! Сам толстый, ноги, как у дрозда, точно каменный дом на деревянном фундаменте... А он — какая разница!

Он и ловок, и прекрасен,
И умен он, и учен,

¹ Франц. sapeur — чорт возьми! *(Ред.)*

Взгляд его так печен, ясен,
И меня так любит он.
Лучше в свете нет мужчины,
Будет мне с ним вечный мир...
Не видать тебе Розины,
Мой дражайший ювелир!
Я читала у Бальзака:
«Как-то всё идет не так
Там, где муж еще до брака
Поступил давно уж в брак!»
А у дяди уж морщины,
Он по шею заплыл в жир...
Не видать тебе Розины,
Мой дражайший ювелир!

Я В Л Е Н И Е 3

Р о з и н а и А н и с ь я.

А н и с ь я. Стучатся, сударыня, с черной лестницы... Я спрашивала... Это Филипп Иванович. Прикажете впустить?..

Р о з и н а. Ах, боже мой, разумеется! И ты еще спрашиваешь...

А н и с ь я. Признаться, я уж сама не рада, сударыня, что вошла в ваше дело... Когда мы сюда переехали, барин мне строго наказывал не пускать никого по черной лестнице, да и обещал наказать, коли пуцу... А я вот как послушалась... Ввела в дом Филиппа Ивановича, с которым вы еще на той квартире через окошко познакомились...

Р о з и н а. Что же делать? Ты видишь, как дядюшка со мной поступает; надо же принять меры, а что я одна сделаю...

А н и с ь я. А и вправду так, барышня... я и сама не люблю его, и лучше буду жить с вами, когда вы...

Р о з и н а. Ну, хорошо... отопри же скорей.

А н и с ь я. Сейчас, барышня. *(Уходит.)*

Р о з и н а. Какой милый, точно знает, когда дядюшки дома нет!

Я В Л Е Н И Е 4

Р о з и н а и Ф о р т у н к и н.

Ф о р т у н к и н *(вбегая, весело)*. Душечка, Розочка, Розеточка! целуйте меня, обнимайте меня, поздравляйте меня!

Розина. Вечно веселы, а и не подумаете, что я скучаю...

Фортункин. Вы скучаете? Э, полноте! отопритесь от своих слов, а то я сам сейчас начну скучать, хоть у меня радость большая. Позвольте же мне поцеловать вашу ручку, мой ангел; нет, больше — моя невеста; больше — моя будущая жена! (*Целует ее руку.*)

Розина. Какая же радость? говорите скорее; того гляди придет дядюшка.

Фортункин. О, не беспокойтесь! Он, верно, долго проищет Графских переулков и в них дома Чугунова, а в нем квартиры господина Ев-графа Тупеева, под № 1442, во втором этаже от крыши, окнами ни на двор, ни на улицу.

Розина (*с изумлением*). Как, вы знаете... Разве это вы писали?

Фортункин. Разумеется, я.

Розина. Бедный дядюшка!.. Но что же из этого будет?

Фортункин. А то, что я сегодня женюсь на вас, моя живая картиночка.

Розина. Уж который раз вы это говорите...

Фортункин. Ах, Розина! за всякой запятой не угонишься. То было тогда, а это теперь. Тогда я был студент; — теперь я свободен, как ветер в себе, как птица в воздухе, как инфузория в воде. Вот моя радость, большая, пергаментная радость, с гербом, с печатями... (*Вынимает бумагу и читает.*) Excellentissime, prestantissime¹.

Розина. Я все-таки ничего не понимаю...

Фортункин. Не понимаете? Дело, кажется, ясно: я кончил курс, сдал экзамен, получил аттестат...

Розина. В самом деле? Ах, как это мило!

Фортункин. Понимаете ли вы всю важность моего шага? Я свободен! Я могу ехать в Индию и вывезти оттуда несметные сокровища. Я могу пуститься в Китай и расшевелить китайскую неподвижность. Я могу ехать в Америку и сделаться каким-нибудь американским величеством; дать толчок умам диких сынов полудня и основать из них новую империю, под именем Фортункинистана. Я могу открыть шестую часть света... (*Спокойнее.*) Разумеется, что я всё это мечтаю, но кто поручится, что я не мог бы всего этого сделать? Я недаром учился!

¹ Превосходно, отлично *(итал.)*.

Скучен был я и суров
На скамейке школьной
И своих профессоров
Проклинал невольно.
Я науки вздором звал,
Сам же записался,
Я начальство осуждал, —
А повиновался!
Так я жил, терпя борьбу,
Вдруг я курс кончаю, —
И теперь свою судьбу
Я благословляю!
Мне везде открытый путь, —
Статским иль солдатом, —
Я ведь значу что-нибудь
С этим аттестатом!

Так-то, моя прелестная Розина. Теперь я могу располагать сам собою, и начну с того, что женюсь на вас сегодня же.

Р о з и н а. Ах, нет... Конечно, я свободна, но мое приданое... оно в руках дядюшки, и, кажется, он его решительно не отдаст...

Ф о р т у н к и н. Мы сами возьмем.

Р о з и н а. Едва ли. Дядюшка решительно хочет на мне жениться...

Ф о р т у н к и н. Ах он безбожник! Угораздила же его судьба родиться немцем... вот и женится на племяннице... будь он русский — ничего бы этого не было.

Р о з и н а. Разумеется, я не пойду за него, а все-таки страшно... Он говорит, что только и живет для меня, что он мне второй отец.

Ф о р т у н к и н. Ну отец и кончено, а не муж.

Р о з и н а.

Он говорит, мои расходы
Совсем замучили его,
И в благодарность за заботы
Должна я выйти за него.

Ф о р т у н к и н.

Ему ли, старому разине,
Жена такая суждена!
Нет, старичок не муж Розине,
Нет, вы разине не жена!

Р о з и н а.

Он говорит, что торг свой губит,
В долгах кругом из-за меня;
Он говорит, что страстно любит,
Что буду счастлива с ним я!

Ф о р т у н к и н.

Кто молод, кто с горячей кровью,
Любить тот искренно готов,
А старики *горят* любовью
Для *погашения* долгов!

Впрочем, если на то пошло, то мы, пожалуй, и откажемся от ваших тридцати тысяч, а он из них только и хлопочет... Мы и так будем счастливы... не правда ли?

Р о з и н а. Разумеется.

Ф о р т у н к и н. Однако зачем терять надежду... О, да мы попустому горюем, ведь я сказал, что сегодня будет всё кончено — ну и исполню.

Р о з и н а. Да как?

Ф о р т у н к и н. Не бойтесь, исполню... Я придумал чудный способ, удивительный! Когда он мне удастся, я его обнародую, под заглавием: «Самонаивернейший самоучитель, заключающий в себе наставление, как жениться на какой угодно девушке без согласия родителей, опекунов и родственников и получить законную часть приданого»...

Р о з и н а. Какой же способ?

Ф о р т у н к и н. А вот увидите... Я нарочно отправил вашего дядюшку в Графские переулки, чтоб сказать вам, что сегодня должно всё решиться... Прощайте, скоро придет ваш дядюшка. Вслед за ним явится еще человек, только чур не смеяться... Увидите, что будет... вечером будет всему конец... у меня уже всё устроено.

Р о з и н а. А мои тридцать тысяч?

Ф о р т у н к и н. В том-то и штука, что и они будут с нами.

Р о з и н а. А я все-таки поищу завещание, которое дядюшка утаить хочет.

А н и с ь я (*вбегает*). Барин, барин едет!

Р о з и н а. Ах, скорее, скорее, прощайте.

Ф о р т у н к и н. Ну, прощайте, моя голубочка. Иду, иду... Куда же?

А н и с ь я. Пожалуйте за мной, я опять проведу вас по черной лестнице.

Уходят.

Р о з и н а (*садится за пяльцы и напевает вполголоса*).

Не видать тебе Розины,
Мой дражайший ювелир!

Я В Л Е Н И Е 5

Р о з и н а и Р у п е р т . .

Р у п е р т (*входит с расстроенным лицом*). Чудеса, чудеса! Во всех Графских переулках и около того ни одного графа нет! Два двугривенных стоит!.. Был один граф, да и тот, говорят, съехал в Мещанскую... Что ты будешь делать... Чудное дело, как живут люди! совсем не понимают политики, а извозчики, каналы, очень дороги. Граф живет — в Мещанской, бедняк в Миллионной, подъячий на Невском проспекте... Я бы совсем не так распорядился... У меня бы во всем была политика. Офицер — живи в Офицерской, мещанин — в Мещанской, мастеровой — в Мастерской, шут — в Гороховой; голодных бы всех согнать в Поварской переулок — и... около того... в Хлебный... Вот тогда бы и адресов не надо... Сейчас бы нашел, а то не в свои сани садятся! А теперь же завелись сани с полостями,— без двугривенного ни на шаг.

Р о з и н а. Что вы, дядюшка, так расстроены?

Р у п е р т. Шутка! человек на двадцать тысяч купить хотел... ведь не шутка! Тут десять барыша... А вот теперь его сиятельство подождет, подождет — рассердится да и пошлет за другим... А ты и сиди да наслаждайся воображением, как другие продают крашеное тесто за бирюзу и... около того... (*Ходит большими шагами.*) Странное дело! Я уж несколько получал таких приглашений и всё не находил квартир... А прежде этого не бывало; это стало случаться именно около того, как тебе шестнадцать лет минуло!

Р о з и н а (*украдкой смеется*). Так вы не нашли графа?

Р у п е р т. Не нашел, не нашел, да еще проездил

два двугривенных на извозчике; ох, люди, люди! ох, извозчики! А всё адрес! Всё перемена квартиры... вовсе нет политики, около того!

Бегал даром зданий во сто
Я, несчастный ювелир.
В Петербурге мѹка просто
Отыскание квартир!
Не одни тут ювелиры
Присмирели, обжглись:
«Петербургские квартиры»
Многим солоно пришлось!

(Ходит по комнате и рассуждает про себя.)

Надо мне поселиться на Невском или хоть около того... в Грязной... вывеску большую заказать... да непременно... Да вот как бы свадьбу уладить прежде. Тут бы можно и товару прикупить. *(Оборачивается и видит, что Розина смотрит в окно.)* Племянница! я сказал — ни в окно, ни около того не смотреть!

Розина. Вы уж очень важничаете, дядюшка. Окно для того и сделано, чтоб в него смотреть.

Руперт. Ну так, около того! Хороша политика, угадала!

Розина. Мало того, что вы меня держите под замком, еще и в окно не взгляни... что я за монахиня такая!

Руперт. Сказать правду, племянница, хоть тебе уж, около того... двадцать лет... а ты еще куда не разумна. Вот, например, отчего ты не соглашаешься выйти за меня замуж?

Розина. Оттого, что вы не нравитесь мне, вы очень стары, дядюшка.

Руперт. Тем лучше! Я сорока двумя годами старше тебя, значит в сорок два раза умнее.

Розина. Так я, во-вашему, в сорок два раза вас глупее. Что ж вам делать с глупой женой!

Руперт. Это уж не твоя забота... мы постараемся, около того... на ум наставить!

Розина. Вы большой скряга, а я люблю щеголять, люблю делать пожертвования в пользу бедных.

Руперт. Я буду тебя останавливать, около того...

Розина. Нет, дядюшка, вы пустяки затеяли... не бывать этому!

Руперт (*с гневом*). Почему? что?.. революционные идеи!..

Розина. Скажу вам однажды навсегда, что я давно уже влюблена, и не в вас, дражайший дядюшка!

Руперт. Неблагодарная! я ли не прилагал стараний, чтобы воспитать тебя в чистоте святой невинности! Я ли не внушал тебе священных правил целомудрия, смиренномудрия, терпения, кротости и... около того. Я ли не посвящал тебя в тайны политики ювелирского делопроизводства! Дочь — недостойная, племянница — неблагодарная, женщина — злонаправная, и... около того... Ты будешь такою же женою, матерью, бабушкою и около того... если бог благословит тебя потомством.

Розина. Что ж вам за охота на мне жениться?..

Руперт. Розина! не противься! взгляни на небо... вспомни отца твоего... почтенный был он человек; честный... около того...

Припомни, как, бывало, с чашкой кофе,
Сидит себе оп с трубкою в зубах...
Он содержал харчевню в Петергофе,
Теперь душа его на облаках!
Оттоль на нас торжественно взирает,
Как гений, он с улыбкой на челе.
И в знак того, что нас благословляет,
Над нами он простер свои крыле...

Розина. Ну, это еще бог знает... Я ничего не вижу на небе, кроме серых туч.

Руперт (*в сторону*). Нет, ее нескоро запугаешь! около того. (*Ей.*) Нечувствительная душа, горячка, вертушка!.. Впрочем, знаем мы, как унимать вашего брата, и не заметишь, как проведут... около того... вокруг наляя. А если ты в самом деле не хочешь, так по мне с богом хоть на все четыре стороны и... около того... вешайся на шею кому хочешь... Провидение накажет тебя.

Розина. С радостью, дядюшка, хоть сейчас уйду, только отдайте мои деньги.

Руперт. О, о! нельзя ли потише! Экая прыть... да ничего ей не возьмешь... Я уж тебе говорил, что у меня были свои счета с твоим отцом, да и ты мне стала-таки в копейку, около того.

Розина (*с беспокойством*). Так вы решительно хотите отпереться от моих денег! Нет, вам это не удастся... я была уже не маленькая, когда умер мой отец...

Я помню день: в предсмертной, тяжкой муке
Родитель мой, страдая, изнывал,
Ко мне свои хладеющие руки
С любовью он и грустью простирал, —
И мне сказал: «всю жизнь моей заботой
Была лишь мысль об участи твоей,
Что нажил здесь я честною работой,
Всё для тебя, для дочери моей!»
И умер он. Без чувства и рассудка
Рыдала я, лишенная всех сил...
Но я была тогда уж не малютка,
Я помню всё, что он мне говорил...
И я горжусь дочерними правами,
Не откажусь легко я от того,
Что мой отец кровавыми трудами
Приобретал для счастья моего!

Батюшка сказал, что оставляет мне, кроме всего, тридцать тысяч, которые я могу считать приданым, а о счетах вам бы надо было тогда говорить.

Р у п е р т. Разве я враг своему брату, чтоб в святой час, когда он должен молиться о спасении души своей и... около того... оскорблять его счетами... он тогда рассчитывался с небом... Да притом вспомни-ка, племянница, не говорил ли отец твой: «Любезная дочь! живи у дяди даром, пей и ешь даром, учись брэнчать, пицать, разные виртуозы ногами выкидывать, около того... всё даром, Розинушка, даром!» а? Он это говорил тебе? я думаю, ты сама знаешь, чего мне стоит твое обучение. Певуны, плясуны, музыканты... около того. А щегольство... Ты-таки франтиха не последняя... купите шляпку, дядюшка — гулять не в чем итти; куните платочек — в церкви стоять стыдно, около того... а около кого? купите ботиночки — ножки промочу, нездорова буду... я вот избавлял тебя от простуды, а сам невидимо вогнал кошелек в чахотку... А чуть поупрямься: — разрюмишься, раскудахтаешься, точно турецкая султанша или голландская ключница. Сказать правду, — я предложил тебе руку по родству, хотел тебя осчастливить.

Р о з и н а. Спасибо, дядюшка; я сама позабочусь о своем счастье. Хорош вы счет сделали! точно аптекарь! можно ли, чтоб я прожила в пять лет столько денег! с вас довольно и одних процентов... Впрочем, здесь не в степи, вдесь судят по законам.

Р у п е р т (в сторону). Какова! и впрямь ее нескоро-

падуешь. (Ей.) Ба, ба! ты, кажется, начинаешь грозить, хочешь просить на меня... ступай, голубушка, ябедничай на дядю, поноси, клевети, около того, за его хлеб-соль, за его попечения, и около того... хорошо, очень хорошо! А, кто-то идет... Розина! марш в спальню!

Розина. Вот еще! мне и здесь хорошо. Вы уж очень рано ревнуете.

Я В Л Е Н И Е 6

Т е ж е и Ф о р т у н к и н, переряженный, в богатой одежде, ходит важно и говорит то слишком скоро, то с расстановкою.

Ф о р т у н к и н. Фи! устал! эта лестница высока, как мое родословное дерево... и так же извилиста... Насилу вошел, страх как ходить тяжело... набьешь еще карманы золотом... просто хоть падай... чорт поместил вас так высоко!

Р у п е р т. Помилуйте... не чорт... я сам нанял: это третий этаж... или... около того... четвертый — подвал внизу...

Ф о р т у н к и н. Так зачем же вы не наняли в подвале?

Р у п е р т. Как можно... вывески не видать... около того... вот если б я содержал мелочную лавочку, так конечно... а я ювелир...

Ф о р т у н к и н. Знаю, знаю, что вы ювелир, точно так же, как я барон... вникаете?

Р у п е р т (тихо). Розина! уйди!

Р о з и н а (громко). Что вам угодно?

Р у п е р т (в сторону). Молчать! (Ему.) Чему обязан я вашим посещением, высокопочтенный барон, — не имею чести знать имени и... около того...

Ф о р т у н к и н. Барон Генрих-Ульрих-Каспар-Христиан... как? забыл, а есть еще какое-то имя... фон-Лохенкрет... заметьте: *крет*, а не Лохен-*крот*, — то другой... мужик... из плебеев... вникаете?

Р у п е р т. Что ж вы изволите сказать? около того...

Ф о р т у н к и н. Сейчас... Я вам объясню. Надо вам сказать, что если б наше родословное дерево росло и не подсыхало... то я, как верхушка его, был бы теперь в облаках... а не у вас в магазине... вникаете?

Руперт. Около того.

Фортункин. А следовательно, я не имел бы нужды купить у вас бриллиантов на пятьдесят тысяч.

Руперт (*в сторону*). На пятьдесят тысяч! Слава богу, что он не попал в облака... около того... (*Ему.*) Всепокорнейше прошу садиться. Что же вашей милости угодно?

Фортункин. Надеюсь, что наш разговор не будет так длинен, как мое родословное дерево... вникаете? Мне сказали, что вы отличнейший ювелир в Петербурге...

Руперт. Около того... не могу сам себя хвалить... а вот на-днях было разослано при афишах и... около того... объявление. Там всё сказано... Вы, конечно... читали...

Фортункин. Объявление? С тех пор как одна из ветвей моего родословного дерева, баронесса Гертруда фон-дер Шустер-Мустер помешалась от объявления «о средствах сохранять молодость и красоту», я презираю объявления и решительно не верю им...

На объявленья ловят нас,
Кто нынче их не рассылает...
О новой книге в день пять раз
Книгопродавец объявляет...
Все деньги шлют за новизну,
Спеша прочесть ее во здравье;
А получают старину,
Где ново — только лишь заглавье;
Врачи зубные о зубах
Кричат немало и кричали;
А между тем, не дай аллах,
Чтоб мы к ним на зубы попали.
Отки вам оптик продает,
Слепцы в которых видеть стапнут,—
А кто их купит, тот поймет,
Что он оптически обманут...
Какой-нибудь мосье Гримо,
Недоучившийся повеса,
Берется с глаза снять бельмо,
А сам не смыслит ни бельмеса.
Вот объявляеья! Вот они!
Сказать не будет неприлично,
Что объявляеья в наши дни
Легчайший способ врать публично!

Вникаете?

Руперт. Оно не совсем так, а около того... Но мое объявление писано не так...

18

41

НА АЛЕКСАНДРЫНСКОМЪ ТЕАТРѢ

Въ Четвергъ 24 Апрѣля,

Россійскими Придворными Актерами представлено будетъ,

въ пользу актера Г-на Максимова 1,

въ ПЕРВЫЙ РАЗЪ:

ШИЛА ВЪ МѢШКѢ НЕ УТАИШЬ, — ДѢВУШКИ ПОДЪ ЗАМКОМЪ НЕ УДЕРЖИШЬ.

Водевиль въ двухъ картинахъ, соч. Н. А. ПЕРЕПЕЛЬСКАГО.

КАРТИНА ПЕРВАЯ:

ДЯДЮШКА И... ОКОЛО ТОГО.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Рупертъ, ювелиръ	. Г-нъ Каратыгинъ 2.
Филиппъ Ивановичъ Форпункинъ	. Г-нъ Максимовъ 1.
Розина, племянница ювелира	. Г-жа Самойлова 2.
Анисья, служанка Руперта	. Г-жа Рамазанова 2.

КАРТИНА ВТОРАЯ:

КТО ИЗЪ НИХЪ БЕЗЪ ЧУМА?

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Симонъ Аффенбергъ, докторъ	. Г-нъ Григорьевъ 1.
Филиппъ Ивановичъ Форпункинъ	. Г-нъ Максимовъ 1.
Рупертъ ювелиръ	. Г-нъ Каратыгинъ 2.
Розина, племянница ювелира	. Г-жа Самойлова 2.
Слуга доктора	. Г-нъ Филле.

*Афиша о первомъ представленіи водевилля
Н. А. Некрасова «Шила в мешке не утаишь»*

Ф о р т у н к и н. Конечно... Я и не говорю, может быть вы и не плут...

Р у п е р т. Как, помилуйте, около того... Так вы изволите покупать бриллианты...

Ф о р т у н к и н. Да, мне сказали, что вы отличнейший ювелир... А эта прелестная девушка, отросток вашего родословного дерева, дочь ваша?

Р у п е р т. Нет.

Ф о р т у н к и н. Так жена?

Р у п е р т. Нет... около того.

Ф о р т у н к и н. Так сирота... бедняжка!

Р у п е р т. Впрочем, не беспокойтесь об ее участи; эта прелестная девушка, как вы ее называете, моя племянница, а вскоре будет кое-что и поболее... около того... *(В сторону.)* Не будь здесь этой прелестной девушки... дело пошло бы скорее. *(Ему.)* Ну, сударь... Вы сказали... около того, что я отличный ювелир...

Ф о р т у н к и н. А эта прелестная девушка?

Р у п е р т. Да, боже мой! Я уж сказал: будущая жена моя... Розина! Поди, скажи Анисье, чтобы приготовила кофе... *(Идет мимо нее и шепчет.)* Да не приходи сюда, а то...

Р о з и н а *(громко)*. Что вы говорите?

Р у п е р т *(отходя от нее, громко)*. Со сливками... я говорю, со сливками. *(В сторону.)* Вишь как он ее осматривает... с головы до ног... и около того... Продолжайте, господин барон...

Я В Л Е Н И Е 7

Т е ж е, кроме Розины.

Ф о р т у н к и н. Один из сучков моего родословного дерева, дядя мой по матери барон фон Аффенберг, вздумал жениться на ветви другого дерева... Графине... фон... фон... да где мне помнить... чтоб упомнить одних моих предков, мало вечной памяти... .

Р у п е р т. Что ж этот... около того... сучок?

Ф о р т у н к и н. У всех наших предков водился обычай дарить невест... вникаете чем?

Р у п е р т. Уж если дарить, так, около того... различнее всего бриллиантами...

Фортункин. Он одних с вами мыслей и просил меня съездить к вам и... купить...

Руперт. Ну, сударь? купить...

Фортункин. Да, дядя мой поручил мне, как знатоку, купить бриллиантов ни более, ни менее, как на... пятьдесят тысяч... У вас есть на эту сумму? вникаете?

Руперт. Есть, сударь... есть... Вам, видно, не дураки на меня указали...

Фортункин. Итак, я покупаю их для моего дяди... Вникаете?

Руперт (*в сторону.*) Насилу выговорил! Точно ему жаль слова-то было! (*Ему.*) Вы можете получить у меня всё, что угодно, только предупреждаю, что я в долг не даю ни на гривенник, ни... около того...

Фортункин. Вы боитесь, что вам не заплатят... Ха, ха... Ни один из сучков нашего родословного дерева не обрывался еще на этом. Знаете ли, какие у нас поместья на острове Эзеле... миллионы бы дохода можно получать, если бы порядок... вникаете? Коротко сказать вам: одною рукою будете отдавать вещи, другою принимать деньги.

Руперт. Это всего лучше. (*В сторону.*) Наконец кончено или, по крайней мере, около того... (*Ему.*) Что же вам нужно?

Фортункин. Сейчас. Со мной есть роспись за подписью дядюшки... (*Вынимает бумагу.*) Табакерка — от пяти до десяти тысяч?

Руперт. Есть ценою около того...

Фортункин. Две пары серег самых лучших, полдюжины колец, фермуар, словом, чтобы всё не превышало пятьдесят тысяч, и было не дешевле...

Руперт. Всё есть, всё есть. Точно вам сказывал человек, который был в моих ящиках или около того...

Фортункин. Я слышал от верных людей. Вот вам записка, отыщите по ней вещи, уложите, — и вместе отправимся к барону...

Руперт. К барону? Это можно бы и тут кончить. Вы бы взяли вещи, а я получил бы, около того, деньги.

Фортункин. Э! что вы затеяли! Ни один сучок нашего родословного дерева не делал ничего опрометчиво... вникаете? Это отличительный признак нашего рода... Если б я покупал для себя, так я здесь же отдал

бы такую малость, чтоб освободить себя от излишней тяжести. А то, пожалуй, не понравится... Впрочем, если вы так тяжелы на подъем, то я легок на ногу и пожертвую собой... к другому ювелиру схожу... вникаете?

Р у п е р т. Помилуйте, я только так сказал... Извольте, извольте.— Я иду около того с вами; ваш дядюшка живет недалеко?

Ф о р т у н к и н. Близехонько! только что отсюда не видать.

Р у п е р т. Очень хорошо... тем ближе к делу... Я сейчас уложу вещи. (*Уходит.*)

Я В Л Е Н И Е 8

Ф о р т у н к и н и п о т о м Р о з и н а.

Ф о р т у н к и н. Bravo! Я с ним хорошо управился! Что-то дальше будет... Впрочем, доктор уже довольно приготовлен. Начало не дурно — а хорошо начать то же, что половину дела сделать!

Мой план и дерзок и смешон,
Но я иду паудалую,—
Авось удачей будет он,
А не удастся — потоскую.
Я в книге жизни записать
День этот должен без сознанья,
Внимаешь поздно обращать
Теперь на знаки препинанья!

Если б я не любил Розину, у меня никогда не было такой баронской важности... величия... Я бы не поднялся на такую штуку. Впрочем, что ж? Средство немного решительное, а цель очень хорошая: надо же, наконец, вырвать у старого скряги приданое Розины, если он добровольно не отдает.

Я В Л Е Н И Е 9

Ф о р т у н к и н и Р о з и н а.

Р о з и н а. Ах, что вы делаете... Я боюсь... Право, ну к чему это поведет...

Ф о р т у н к и н. А к тому, что я через полчаса ворочусь, и мы поедem венчаться. Будьте готовы.

Розина. А дядюшка?

Фортункин. С ним ничего худого не будет... Он только вылечится от своей жадности... А вы еще не нашли способа отыскать завещание?

Розина *(в смущении)*. Я не знаю, не дурно ли это будет... Я хотела... *(Останавливается.)* Я хотела, да нет, это нехорошо...

Фортункин. Говорите, говорите...

Розина. Ну, пожалуй, скажу, только я это делать не стану. Я хотела взять у него один ключик, который он всегда держит при себе, и посмотреть в его шкатулку...

Фортункин. Что ж?.. Впрочем, теперь всё равно... Он и так должен будет отдать деньги, а всё бы лучше... Посмотрите, милая Розина... ведь тут ничего нет худого...

Розина. Ну, может быть.

ЯВЛЕНИЕ 10

Те же и Руперт.

Руперт. Я готов. *(Увидев Розину.)* И она уж поспела... около того... Ступай в свою комнату... прелестная девушка... всё бы ей вертеться... или тут или около того...

Фортункин. Тут ровно на пятьдесят тысяч?

Руперт. Да-с, около того...

Фортункин. Идем, дядюшка, я думаю, ждет... Ах, чуть было не забыл об одном... об самом-то главном. А всё свадебные хлопоты! Надо вам сказать, что дядюшка мой на пятидесятом году своей юности влюбился...

Руперт *(в сторону.)* Ну, вот опять повернул около того... точно ему выйти лень... Ну, сударь, влюбился?..

Фортункин. Вникаете, в кого?

Руперт. Судя по здоровой политике, уж если влюбляться, то, так сказать, не иначе, как в прекрасную девушку или около того...

Фортункин. Нет, он просто несколько помешался на медицине. Это наша потомственная страсть... Во все времена от корня нашего дерева выходил сучок, который паскакивал на идею о медицине... вникаете? Точно так

и дядюшка под старость пристрастился к медицине, нанял десять докторов. Десять лет он учился, но ничему не выучился и только дошел почти до сумасшествия... Наконец он опомнился, прогнал докторов и бросил медицину...

Руперт. И только. Так па что же было и рассказывать...

Фортункин. Нет, не только. Медицина и до сих пор его не оставляет. На него, как и на многих знаменитых людей нашего дерева, по временам находит дурь, и он опять воображает, что он великий доктор. Тогда не только слуги, но и близкие родственники не смеют напомнить ему, что он барон...

Руперт. А мне какое дело напоминать!

Фортункин. Он тогда уверяет, что уже тридцать лет доктор, — заметьте, тридцать... И потому вы должны быть с ним осторожнее, если неравно он в таком припадке...

Руперт. Около того... ничего... найдемся. Я покуда останусь в прихожей, а вы забежите узнать, в каком он, около того... припадке сумасшествия: барон или доктор, вот я и явлюсь безопасно...

Фортункин. То-то. Смотрите, а то с ним не сладишь. Не удивляйтесь, если он будет звать себя доктором, щупать ваш пульс, говорить о медицине... вникаете?

Руперт. Что мне... Пусть говорит что хочет; мне у него не детей крестить... только бы деньги отдал! Пойдемте; мы уж и так довольно вертимся всё около того...

Фортункин. Опять около того... У этих плебеев есть свои выражения, которых нам, вельможам, не понять... Я слушал, слушал... а просто не понимаю, к чему вы говорите около того... или вы шутите?..

Руперт. Как? не понимаете, около того... Да помилуйте... тут глубочайший смысл политический... тут, так сказать, вся жизнь наша, всё... около того!

Жизнь нашу тратя па химеры,
Весь век мы все до одного
На разнородные маперы
Вертимся около того...
Чиновник, чтобы подслужиться
Там, где есть польза для него,
И повышения добиться, —

Вертится *около того*.
Тот на красавице женился
Для утешенья своего;
Вдруг знатный друг к нему явился,
Вертится *около того*!
Писатель раз умно напишет,
Так, что похвалят все его,
Да после тем же всё и дышет,
Вертится *около того*.
Жених невесту так голубит,
Ее хранит как божество;
Подумаешь — ее он любит, —
Вертится *около того*.

(*Бьет по карману.*)

Тут, впрочем, нечему дивиться,
Мудреного нет ничего:
И мир-то, кажется, вертится
Весь около того!

Вот видите, какая это политическая поговорка! Знайте же теперь, что земля вертится, во-первых, около своей оси, во-вторых, около солнца, а в-третьих, еще около того. Однакож, надеюсь, что мы теперь в последний раз повернулись около того...

Розина (*входит*). Дядюшка! вы забыли ключи. (*Подает.*)

Руперт (*с беспокойством*). Где они были? Ты их сейчас нашла?

Розина (*с замешательством*). Сейчас, дядюшка... Я их на полу подняла.

Руперт. Как это я их уронил! Идем; да, я сейчас, только отдам приказание. (*Подходит к двери налево и кричит.*) Анисья! Анисья!

Розина (*украдкой*). Я нашла завещание, только не знаю, что в нем написано...

Руперт (*в дверях вполголоса*). Смотри же... чтоб всё было попрежнему... Я ведь тебе лишние деньги даю за то, чтоб ты не пускала никого на черную лестницу и около того...

Фортункин (*Розине*). Хорошо... очень хорошо...

Анисья (*в дверях, Руперту*). Хорошо, сударь...

Руперт (*идет*). Ну, теперь совсем... только надо дверь запереть... без меня ведь продажи нет...

Фортункин. Как, неужели вы запрете вашу племянницу?

Руперт. У меня такой обычай... Я скоро ворочусь...
Фортушкин. Странно, а она, кажется, такая
смирная... Плебейзм, варваризм!

Руперт.

Она послушна и покорна,
Одна не смеет выходить;
Но я скажу вам непритворно,
Что дверь не худо притворить!

Фортушкин.

Вы говорите очень мило,
Обычай ваш весьма хорош.
Но ведь в мешке не спрячешь шила,
Замком девицы не запрешь!

Они уходят; слышно, как Руперт запирает снаружи дверь.

Розина. Ну, что-то из этого будет... Пойду прочту
завещание!

КАРТИНА ВТОРАЯ

Театр представляет комнату доктора Аффенберга. Впереди письмен-
ный стол, на котором разбросаны книги и бумаги.

ЯВЛЕНИЕ 1

Доктор (*один*). Хоть бы от одного копейка... Да
тут же еще и сердечные огорчения: тот против чаяния
вдруг выздоровел; тому стало легче; тот переменял док-
тора... Суета сует! Уж нынче и нашему брату, доктору,
нелегко жить на свете... Свет чересчур умудрился...
люди в нас плохо верят... да на беду еще теперь все водой
лечатся, а от такого леченья ни доктору, ни аптекарю
пользы нет ровно ни на алтын... А всё мы же виноваты...
всё доктора...

Доктора свои находки
Сыплют щедрою рукой:
Лечат солью от чахотки
И водой от водяной.

Прежде этими вещами
Добывали мы доход,
А теперь не рады сами,
Что пустили воду в ход.
Времена для нас плохие,
Мы теперь хоть волком вой:
Не зовут уж нас большие,
Сами лечатся водой.
И ненужных, и уродов —
Всех вода лечить взялась,
И теперь *водопроводов*
Тьма на свете завелась.
В бога здравья воду тянут,
Воду тянут, как вино,
И уж скоро в море станут
Без помехи видеть дно...
Но дождутся злого году...
Как во всех концах земли
Всю до капли выньют воду —
Сядут раком на мели!

Тогда-то нам опять будет праздник... Не дождешься, кажется, такого счастья!..

Я В Л Е Н И Е 2

Д о к т о р, Ф о р т у н к и н и с л у г а.

С л у г а. Вот г-н барон фон Лохенкрет.

Д о к т о р. Добро пожаловать. Что ваш больной?

Ф о р т у н к и н. К несчастью, ему всё хуже. Он теперь только и бредит о бриллиантах, что, впрочем, было всегда исключительным коньком помешательства в нашем роде. Кто же напомнит ему его благородную породу, скажет, что он граф Руперт, а не ювелир — он бесится еще больше... вникаете?

Д о к т о р. Странный конек помешательства! Расскажите мне еще, как это было...

Ф о р т у н к и н. Очень просто, или мудрено, если хотите... Несколько лет назад он увидел на Гороховой улице вывеску ювелира Руперта — и вдруг в голову его забралась мысль, что он не граф, а ювелир... Ни в одном из сучков нашего родословного дерева так быстро не вкопалась подобная идея... она привилась, как оспа... Это сходство фамилий показалось ему игрой рока...

вникаете?.. Он стал уверять всех, что он первый ювелир в свете; опровержения всего нашего дома не могли его образумить. Словом, если вы не возвратите ему рассудка, то вся надежда пропала...

Доктор. Кто? Я, доктор медицины и хирургии, член многих ученых обществ и благотворительных заведений, не возвращу ему рассудка?.. Надеюсь, что вы ошибаетесь...

Фортункин. Дай бог! Я привез его к вам; он в приемной... Родственники изъявили согласие отдать его к вам для излечения, и вот бумага, ими подписанная, которая дает вам право поступать с ним по своему усмотрению... вникаете? Только предупреждаю вас, что он бывает очень сердит, когда станут ему противоречить... вникаете?

Доктор. Сердит? прекрасно! я уж знаю, как мне поступать.

Фортункин. Вся родня наша через меня просит вас не думать, чтоб излечение такого лица не доставило вам славы и выгод... вникаете?

Доктор. А я с своей стороны надеюсь, что чрез неделю вы увидите графа совсем здоровым...

Фортункин. Итак, прощайте; прикажите проводить меня особым ходом: я не хочу расстраивать моих первов печальной картиной сумасшествия моего бедного дяди, да и он, увидев меня, пожалуй привяжется и от него не отделаешься... а мне нужно... есть важное дело... вникаете?

Доктор. Именно, лучше не показывайтесь. (*Звонит; входит слуга.*) Проводи господина барона задним ходом, да скажи Ивану, чтобы пришел стеречь больного... (*Фортункину.*) Не дерется ли он, когда на него находит?

Фортункин. Нет... в нашей фамилии вообще замечена благородная привычка не давать рукам воли. Впрочем, вы можете быть спокойны... В бумаге, которую я вам дал, сказано, что вы можете и связать его в случае нужды... (*В сторону.*) Оно и мне спокойнее, как его свяжут... Итак, до свидания.

Доктор. Прощайте...

Фортункин уходит с слугою.

Я В Л Е Н И Е 3

Доктор. потом слуга.

Доктор. Нынешний день не потеряю... Где бы мне удобнее поместить моего больного и по какой методе начать лечение? Пусть покуда побудет здесь; в приемной неловко... а в тех прежнее протопить надо... Пользоваться начну по совету великого Боэргава, то есть прежде всего рассержу его как можно более, а потом задам добрый прием микстуры... А чтоб она имела более действия, целый день не дам ему ни есть, ни пить, ни спать... Однакож пора и посмотреть на его сиятельство. (*Звонит; входит слуга.*)

Слуга. Не сидит, сударь, а стоит у двери...

Доктор. Проси его сюда...

Слуга уходит.

Сейчас же взбешу его... это самая спасительная мера.

Я В Л Е Н И Е 4

Доктор и Руперт.

Руперт (*смирненно становится у дверей и кланяется*). Честь имею засвидетельствовать всенижайшее почтение, преданность и... около того...

Доктор. Здравствуйте... Что ж вы остановились? Пожалуйте сюда...

Руперт. Ничего-с, помилуйте, постою и около... И так много чести, что я, простой ювелир — стою в вашем присутствии... Понравились ли вам мои бриллианты?

Доктор (*в сторону*). Ювелир, бриллианты! Начал уж, начал... Какие бриллианты, ваше сиятельство?

Руперт (*в сторону*). Тонкая насмешка! (*Ему.*) Конечно, вам угодно называть меня сиятельным, потому что я бриллианты продаю, но осмелюсь вам сказать, что я больше ничего, как простой ювелир.

Доктор. Полноте, это вам так кажется, оттого что вы больны. Я употреблю все мои медицинские познания, чтоб вас вылечить.

Руперт. Помилуйте, господин барон!

Доктор. Я не барон, я доктор.

Руперт. Доктор? понимаю. (*В сторону.*) Ну, так попал же я кстати! (*Ему.*) Так вы сегодня доктор?..

Доктор. Не сегодня, а вот уж тридцать лет...

Руперт. Тридцать, гм! около того.

Доктор. Я всеми силами постараюсь выбить из головы вашей эти несчастные бриллианты и заменить их светлыми мыслями.

Руперт. Позвольте вам заметить, что я за свои бриллианты не возьму никаких светлых мыслей, около того... если вы хотите иметь их, то пожалуйте деньги.

Доктор. Какие у вас бриллианты, ваше сиятельство; вы граф, а не ювелир.

Руперт (*в сторону*). Что он несет! (*Ему.*) Помилуйте, всем известно, что я тридцать лет ювелир, и составил себе известность на Гороховой улице и около того.

Доктор (*в сторону*). Ну, пошел городить...

Руперт. Что касается до бриллиантов, то вы нигде лучше тех не найдете, которые к вам доставлены.

Доктор. Доставлены ко мне? (*В сторону.*) Вот что выдумал! у сумасшедших воображение работает удивительно... внесу в мои записки... (*Ему.*) Так вы доставили мне бриллианты?

Руперт. Около того... И пришел получить за них деньги.

Доктор (*в сторону*). И так складно врет! (*Ему.*) Что вы толкуете, граф? Говорю вам решительно: я никаких бриллиантов не получал: денег вам ни копейки давать мне не за что.

Руперт (*в испуге*). Не получали... не отдадите? Что вы?.. вы хотите меня ограбить... я обманут... Отдайте... или я пойду... около того...

Доктор. Я вас никуда не пушу.

Руперт. Не пустите! Вы хотите меня погубить... около того. Что вы, господин доктор, господин барон... чорт знает в каком вы теперь припадке... я пожалуюсь.

Доктор. А! насилу рассердился! (*Идет.*) Пора связать, пора!

Руперт. Куда же вы, куда!.. (*Идет за ним.*) Отдайте бриллианты... отдайте!

Доктор уходит.

Силы небесные! я — разорен!

Что со мной? я весь в пожаре,
Я горю, как на огне,
Кровь кипит, как в самоваре,
Мочи нет, как жарко мне!
Сердце бьется и тоскует,
От испуга поет грудь,
Самый воздух в уши дует,
Что меня хотят надуть!

Вот тебе того, вот тебе около того! Как я сплоснал... Где я? у воров или у барона?.. Если у него, то он уже должен быть в третьем градусе сумасшествия, когда такую штуку затеял... нет, уж это не шутка! Все ушли, ни тут, ни около того ничего не слышно... может быть, меня зарезать хотят... Нет, я не могу оставаться один; что будет — только бы скорее к концу.. Эй, люди! (*Бегаёт от одной двери к другой.*) Откликайтесь, эй, эй!

Входит доктор с четырьмя слугами в скляночку в руках.

Я В Л Е Н И Е 5

Руперт, доктор и слуги.

Доктор. Не должно упускать спасительной минуты. Если он будет упрямится, то ты, Иван, и ты, Федор — поймите его и держите покрепче; ты, Давид, приподними ему голову, а ты, Сидор, этим инструментом разинь ему рот пошире; а я знаю уж, что делать... Граф, потрудитесь разинуть рот.

Руперт. Что... около того... рот разинуть?.. да зачем это... что я буду стоять рот разиня... Вы мне зуб, что ли, выдернуть хотите?.. у меня зубы не болят... с тех пор, как пристяжная лошадь какого-то франта мне, около того, коренной зуб вышибла...

Доктор. Повинуйтесь, граф... а не то хуже будет... я прикажу вас держать... *(Идет к нему.)*

Руперт. Ай, ай! у вас склянка... вы меня отравить... около того, отравить хотите. *(Бежит от него.)*

Доктор *(слугам)*. Исполняйте приказание!

Слуги бросаются на Руперта, который защищается.

Руперт *(в иступлении)*. Люди вы, черти или что-нибудь около того! Помилуйте, ай, режут! ой, отпустите душу на покаяние!

Доктор. Не отпускайте, держите, держите!

Слуги держат, Руперт старается вырваться.

Руперт. Около того... мучители... постойте! так и быть, тираньте; я сам дам отравить себя. *(Раззевает рот.)*

Доктор. Эта спасительная влага есть изобретение великого Берндта. *(Выливает ему в рот микстуру.)* Глотайте осторожнее, чтоб не пролить капельки.

Руперт. Всё кончено, около того... я отравлен... фу! как гадко... около того... *(Плюет.)* Какой вы мне горечи поддали!

Доктор. А! прекрасно! ничего еще не видя, он уж зажмурил глаза, и пена показалась на губах; это значит, что дурь мигом выходить начинается. Довольно! садитесь в кресло. Так! Что, граф, не чувствуете ли вы во рту небольшой горечи с малою солоноватостью?

Руперт. Отравил, да еще спрашивает — вкусно ли, около того. Ох, господи!

Доктор. Отравил? это уж слишком! Прощаю вам это единственно из уважения к тому, что вы сумасшедший.

Руперт *(вскакивая)*. Я сумасшедший!

Доктор. Конечно. Советую вам беспрекословно следовать моим рецептам, а не то я поступлю по силе данной мне власти... С чего вы взяли, что я барон — я просто доктор Симон Аффенберг.

Руперт. Знаю, знаю. На вас дурь нашла; вы сами себя не помните, а меня из ювелира сделали графом! Опомнитесь, ради бога, господин барон фон Аффен...

Доктор. Стойте, стойте... говорят вам, что я доктор, а не барон.

Руперт. А долго ли вы намерены пробыть доктором?

Доктор. До конца моей жизни...

Руперт. Как до конца? Так этому, значит, и конца не будет... Да образумьтесь, барон.

Доктор. Образумьтесь вы, ваше сиятельство.

Доктор и Руперт.

Образумьтесь, бога ради,
Не мелите паобум,
Сами будете вы ради,
Как найдете вы па ум!

Доктор.

Граф, вы очень уж кричите,
Вы свирепы, как вампир!

Руперт.

Вы чресчур, барон, кричите,
Вы свирепы, как вампир!

Доктор.

Не барон я, извините, —
Я врачом родился в мир.

Руперт.

Что за граф я! не мудрите, —
Я отличный ювелир!

Вместе

Повторяю вам, что вы в припадке безумия произвели меня в графы... около того...

Доктор. Повторяю вам, что вы в сумасшествии, и потому вообразили себя ювелиром, меня бароном и бредите чорт знает какими бриллиантами, которых я никогда не получал, а вы не имели и иметь не будете!

Руперт. Иметь не буду! Нет! мне, видно, покуда оставить бриллианты и кинуться в управу благочиния и... около того... Прощайте, господин барон!

Доктор. Эй, люди! будьте готовы! Не угодно ли вашему сиятельству подождать немного и выслушать, что написано в этой бумаге. *(Вынимает бумагу и читает.)* «Мы нижеподписавшиеся сумасшедшего дядю нашего графа фон Руперта отдаем для пользования в сей болезни доктору Симону Аффенбергу, с тем, что может он с оным дядею нашим поступать по своей воле; именно: связывать его

веревками, брить голову, сажать на цепь и употреблять все другие средства к укрощению порывов его бешенства». Вот и подпись ваших родственников: барон Ганс фон-дер Лохенкрет, граф Ульрих фон-дер Шустер-Мустер, баронесса Гертруда фон-дер Фосфор, графиня Кунигунда фон Гарен Лох.

Руперт. В какую родню я попал! Силы небесные! что со мной!

Доктор. Ну, что скажете, граф? Стоит только мне приказать — и вы будете посажены на цепь, связаны и вас отбреют наичистейшим образом.

Руперт. Обреют голову?

Доктор. Да.

Руперт. Начисто... около того?

Доктор. Да.

Руперт. О, господи, новый расход... заказывай парик... Силы небесные и... около того!.. что со мной? Камни мои драгоценные отняли... меня брить хотят...

Как будто в ад меня влекут;
В глазах какие-то букашки,
Сто кошек на сердце скребут,
По телу бегают мурашки.
За что я должен так страдать,
За что столь тяжкие мученья?
Хотел я камни им продать...
И встретил камень преткновенья.

Пропала моя головушка... Не понимаю, что со мной делается! Нет спасенья ни здесь, ни там, ни около того! (*Про себя.*) Попытаюсь еще, попрошу его... польщу ему... около того... Доктор, а доктор.

Доктор. Что, ваше сиятельство?

Руперт. Вы посвятили себя на пользу страждущих, болящих... и... около того; вы их спасаете, воскрешаете, оживляете, и... около того... Известно всем, что вы первейший врач, великодушнейший человек. Ужели же вы не захотите возвратить мне здоровья и... около того.

Доктор (*в сторону*). А, а! Он что-то дело заговорил! (*Ему.*) Как можно? я из того и хлопочу, ваше сиятельство. Я вот уж давеча и начал вас лечить (*смотрит на часы*), а теперь скоро другой прием приближается.

Руперт. Нет, нет, помилуйте... *(В сторону.)* Вот надоумил! *(Ему.)* Я болен... но не телом, а душою и... около того... Возвратите мне бриллианты, и я буду здоров, как нельзя более.

Доктор *(в сторону)*. Ну, опять понес! *(Ему.)* Я не могу вам вернуть того, чего не брал...

Руперт. Не брали... не брали... Полноте, доктор... Не вы ли получили их от вашего племянника, которому я отдал их для показания вам.

Доктор. Что за племянник? новая чушь...

Руперт. Не чушь, право не чушь... около того... настоящая правда... Я вот как теперь помню, как я уложил бриллианты, вот по этому реестру, около того... мы приехали к вам, и я отдал ему коробочку, для показаний вам.

Доктор. Складно, очень складно; только племянника у меня никакого нет, невесты тоже, бриллиантов покупать мне не для чего... А покажите-ка, что у вас за бумага в руках.

Руперт. Реестр... около того... за вашим подписанием.

Доктор *(рассматривая бумагу, с изумлением)*. Свидетельствуюсь всеми больными, которых, может быть, уж нет на свете, но все-таки свидетельствуюсь, что тут нет ни одной буквы моего почерка... Что это значит?

Руперт. Что, нет? Не вы писали... около того... не вы? А! я начинаю понимать!.. Он не ваш племянник? Послушайте, барон, скажите, пожалуйста, правду — находит ли на вас иногда такая медицинская дурь, около того... что вы воображаете себя медиком?

Доктор. Я и без того медик... Скажите лучше, не находит ли на вас дурь, что вы воображаете себя ювелиром?

Руперт. Я и так ювелир... И могу доказать... спросите в Гороховой и около того... Так на вас дурь не находит?

Доктор. И на вас?

Руперт. Ей-богу, нет...

Доктор. Ну, так нас одурачили. Подпись подложная... бриллианты ваши похищены.

Руперт. Что... украдены... Кем?.. около того... Мои драгоценные камни, мои бриллианты и... около того — украдены... Вы ничего об них не знаете?

Д о к т о р. Нет!

Р у п е р т. Так их украл ваш племянник?

Д о к т о р. Какой мой племянник, этот молодой человек сказал мне, что он ваш племянник.

Р у п е р т. Какой он мне племянник... выходит, он просто, около того... мошенник.

Д о к т о р. Да, теперь это, кажется, ясно.

Р у п е р т. Это ни на что не похоже... около того... это меня в гроб сведет...

Я мирно камни продавал
И капитал себе упрочил;
Вдруг чорт меня околдовал
И шут какой-то обморочил.
Наш мир в искусстве надувать
Достиг такого совершенства,
Что и на камнях основать
Нельзя уж прочного блаженства!

Делайте что хотите... а я просто с ума сошел... около того...
Как это люди не имеют совести!

Д о к т о р. Утешьтесь... Что делать!

Наш мир театр. На сцене света
Играть нам роли суждено,
В репертуаре жизни этой
Пьесы те же уж давно:
Любовь — ошканивая драма,
Честь — историческая бль,
Приязнь — на век наш эпитафия,
И *Совесть* — шутка-водевиль.
Мы в жизни бенфицианты;
Вся трудность в том, что надо знать,
Чтоб показать свои таланты,
Какую пьесу разыграть:
В *Любви* и *Дружбе* мало смеху,
От *Чести* выгодой не льстись,
А *Совесть* дай толпе в потеху, —
Так схватишь славный бенефис!

Надеюсь, что эта неутешительная истина должна вас несколько утешить... лучше этого рецепта теперь я не могу вам прописать...

Р у п е р т (*плачет*). Где-то мои бриллиантики гуляют теперь; я их уложил, укутал... около того... (*Всхлипывает.*) Еще в Графском переулке давеча какое-то предчувствие было... около того... сбылось... сбылось...

Д о к т о р. Чем отчаиваться, лучше подумать о средствах возвратить...

Р у п е р т. Возвратить... около того... нет! Силы небесные, около того! Силы мои не в силах этого вынести!

Я В Л Е Н И Е 6

Т е ж е, Ф о р т у н к и н и п о т о м Р о з и н а.

Ф о р т у н к и н. Извините, что без доклада. (*Осматривается.*)

Д о к т о р. Вам, конечно, есть до меня нужда?

Р у п е р т. Пришел кто-то... кто? Молодой человек! скажите... не видали ли вы моих бриллиантов... около того...

Д о к т о р. Извините его, сударь... он в припадке сильной горести.

Ф о р т у н к и н. Мне именно с ним нужно поговорить и с вами, доктор.

Д о к т о р. Так вы его знаете?

Ф о р т у н к и н. Очень коротко.

Р у п е р т. О, помогите, помогите мне... около того... спасите... меня обокрали... ограбили и... около того... одурачили... Конец мой настал... около того...

Р о з и н а (*вбегают*). Дядюшка, дядюшка! Что с вами?

Р у п е р т. Розина! племянница... и... около того... О! Ты пришла на помощь к твоему ограбленному дяде и... около того... ты знаешь, где бриллианты... о! добрая душа... ты спасешь меня... друг мой, около того... жена моя!

Ф о р т у н к и н. Пойдите... Жена — только не ваша!

Р у п е р т. Чья же?

Ф о р т у н к и н. Моя!

Р у п е р т. В самом деле?... Что я вижу... да это тот самый студент... Она ваша жена? не может быть... ведь я ее запер, около того...

Ф о р т у н к и н. Я прошел с черной лестницы.

Д о к т о р (*про себя*). Не понимаю, что за история!

Р у п е р т. Неужели она уж, около того... ваша жена...

Фортункин. Я не шутя говорю...

Руперт. Дочь непослушная, своевольная и около того... ты вышла замуж без позволения дяди... Бог знает за кого... ты будешь достойно наказана. Ты не получишь приданого ни копейки... слышишь ли... около того... ни копейки не получишь! (*В сторону.*) Слава богу! хоть тридцать тысяч остались... около того...

Розина. Не беспокойтесь, дядюшка, я уж получила все тридцать тысяч!

Руперт. Как получила? что ты говоришь? около того...

Доктор (*Фортункину*). Объяснитесь, пожалуйста... что всё это значит?

Фортункин. Успокойтесь на минуту, господин Руперт... выслушайте меня.

Руперт. Успокоюсь, потому что я уже и не могу говорить... около того...

Фортункин. Во-первых, вам, доктор, и вам, господин Руперт, нужно знать, что я тот самый человек, который известен вам под именем барона Лохенкрета.

Доктор. Как, так это не ваша фамилия?

Фортункин. Нет, настоящая моя фамилия Фортункин, а звание не барон.

Руперт. Так это вы взяли мои бриллианты... вы... Отдайте, отдайте их, сударь... или, около того... в управу...

Фортункин. Погодите немного... Вы сейчас их получите на одном условии. Вот видите, в чем дело... Я давно был влюблен в племянницу господина Руперта... Но он сам хотел жениться на ней, потому что у нее тридцать тысяч приданого...

Руперт (*про себя*). Разумеется, потому.

Фортункин. Он скрыл завещание ее покойного отца и никак не хотел отдать денег.

Руперт (*в сторону*). Какой же сумасшедший сделал бы это!

Фортункин. Я решился взять приданое силою и употребил средство, которое вам, я думаю, теперь ясно.

Доктор. Конечно.

Руперт. И всё это наделала эта недостойная женщина... около того...

Ф о р т у н к и н. Вы ее браните... а она еще об вас беспокоилась... Если бы не она, то вы бы еще долго пробыли в недоумении; потому что я бы никогда не решился в самый день свадьбы делать с моею женою визиты, особенно холостым людям.

Р у п е р т. Что вы около того-то вертитесь... отдайте скорей бриллианты...

Ф о р т у н к и н. Потихе, господин Руперт. Вы получите бриллианты не прежде, как исполнив завещание отца Розины, то есть отдавши ее приданое... для того я и взял их у вас.

Р у п е р т. Какое завещание? Кто вам сказал, около того?.. его нет... хотите так взять Розину, так с богом, а нет, так я еще жаловаться пойду... около того.

Ф о р т у н к и н. Ничего этим не возьмете... к счастью, и завещание уже у нас.

Р у п е р т *(в испуге)*. Как, у вас?

Ф о р т у н к и н. Розина нашла его в вашей шкатулке... Стоит только предъявить его... так вы сейчас будете принуждены выдать деньги.

Р у п е р т. Вот тебе и тридцать тысяч! Вот тебе и жена... около того... *(С горестью.)* Да неужели же уж вы успели жениться на ней?

Ф о р т у н к и н. Да, успел... Долго ли это... сейчас же взял да и женился.

Р у п е р т. Вот тебе и черная лестница, вот тебе и замок с пружинами... около того...

Р о з и н а. Простите же нас, дядюшка, мы будем вас любить, будем вам хорошими детьми.

Р у п е р т. Дети... около того... очень хорошие дети! около того... отца провели...

Ф о р т у н к и н. Простите нас, господин Руперт... теперь уж всё кончено... мы обвенчаны... и я, право, буду хороший муж Розине. Ведь я и сам много страдал для нее.

Я к пей горячею любовью
Еще на лекциях пылал,
Готов был жертвовать я кровью
За мой прекрасный идеал.
Мне, как в лесу, встречались сучья,
Насилу пристань я нашел...
Да, я на верх благополучья
По черной лестнице взошел!

Р о з и н а.

И я давно его любила,
Он мне являлся день и ночь,
И от меня не отходила
Мечта о нем ни шагу прочь!

Р о з и н а и Ф о р т у н к и н.

Давно друг друга мы любили,
И наш вполне счастливый брак,
Как небеса благословили,
Благословить вас просим так!

Р у п е р т. Да уж больше и делать ничего не остается... около того... Вы так хорошо сделали, что и не поправишь; видно, правда, что шила в мешке не утаить, а девушки под замком не удержать... Как скажете и вы, доктор, около того?

Д о к т о р. Да, я скажу — и около того, и около этого, и около другого, как ни поверни, всё так...

Р у п е р т.

Мы похитрели чрезвычайно,
И похитрел ужасно мир...
«Вот бриллиант необычайный», —
Наш брат толкует ювелир...
Оно и точно что блестящий,
А ближе взглянешь на него, —
Не то, чтоб вовсе настоящий,
А только — около того...

Ф о р т у н к и н.

Иной профессор уверяет,
Что он всю мудрость разжевал
И языков так много знает,
Что сам в *язычки* попал.
Он точно малый премудренный,
А ближе взглянешь на него, —
Не то, чтоб вовсе он ученый,
А только — около того...

Д о к т о р.

Иной и медик, и философ
Большим всем уши прокричал,
Что все болезни верный способ
Лечить давно он отыскал...
То правда — способ беспримерный,

А ближе взглянешь на него,—
Не то, чтоб вовсе очень верный,
А только — около того!

Р о з и н а (*к публике*).

Так точно вы воображали,
Что водевиль наш будет нов,
И нам беда, когда узнали,
Что он и стар и бестолков...
Когда ж вы им довольны были,
Так просим только одного,—
Не то, чтоб вы нас похвалили,
А хоть бы — около того!

**ВОТ ЧТО ЗНАЧИТ
ВЛЮБИТЬСЯ В АКТРИСУ!**

*Комедия-водевиль в одном действии,
переделанная с французского Н. Перепельским*

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Г-жа Д ю м е п и л ь, знаменитая французская актриса.

Д ю р в а л ь, адвокат.

А д р и а н, сын его.

Л у и з а, крестница г-жи Дюмениль.

Театр представляет комнату; дверь в середине, и другая с левой стороны от зрителей; с правой стороны окно; недалеко от окна туалет; на креслах брошено несколько платьев.

Я В Л Е Н И Е 1

Луиза (*одна с узлом в руках*). Это несносно! так поздно принести платье, когда мамзель Дюмениль должна сегодня в первый раз играть роль Федры! (*Кладет узел на стол.*) Уж не умысли ли какие на мою крестную маменьку? За что бы, кажется? она такая добрая... А как она хорошо играет... даже меня, такую хохотунью, невольно заставляет плакать... Как подумаешь, давно ли моя крестная маменька была такая же, как и я, бедная девушка, а теперь вот она уж и богата, и в славе; то королева, то принцесса, то герцогиня, каждый вечер... А я... нет, во что бы то ни стало, буду непременно актрисой, хоть маменька и говорит, что трудно... но зато как приятно!

Ах, как мило! ах, как чудно —
Быть актрисой, всех пленять,
Над толною многолюдной
Каждый день торжествовать!..
Чуть на сцену — все лорнеты
На тебя устремлены,
Генералы и корнеты —
Все тобой поражены!
Тот стишки тебе скропает,
Тот срисует твой портрет,
Тот с любовью предлагает
На придачу фунт конфет.
Не играешь — балагуришь,
Будь дурна хоть выше мер...
Глазки сделаешь, прищуришь,
И захлопает партер!

Ах, как бы стала я играть... как бы я любила моего обожателя... за которым, кажется, у меня дело не станет... Этот молодой человек, который так часто ходит мимо окон наших... о, верно не даром... и какой он милый! совсем не похож на тех великолепных маркизов, которых маменька каждый день выпроваживает за дверь, несмотря на то, что они льнут к ней, как мухи к меду... Они такие несносные! Всячески стараются прокрасться к ней... подкинуть записку... в будуар... в карету, даже в платье... *(Встряхивает платье, из него вылетает несколько записок.)* Вот и еще!.. просто дождь из записок, и всё к ней... а *мой*, видно, не смеет ко мне писать... Надо об нем сказать крестной маменьке... Как она долго спит... вчерашнее приключение ее очень расстроило... я и сама еще не могу успокоиться... Но вот и она! Ах, боже мой! какой у нее печальный вид... уж не больна ли она?..

Я В Л Е Н И Е 2

Луиза и г-жа Дюмениль.

Дюмениль *(входит, декламируя стихи из трагедии)*.

Постой, Энопа, здесь, о, скорбь! о, дни унылы!
Изнемогаю я: мои слабеют силы!

Луиза. Вот кресла, что с вами?..

Дюмениль *(продолжая)*.

Болезненным очам свет тягостен дневной,
И подгибаются коена подо мной!
Увы!

(Падает в кресла.)

Луиза. Ах, как вы расстроены, боже мой! вот понюхайте спирту...

Дюмениль. Так, кажется, будет хорошо...

Луиза. Что такое?

Дюмениль. Мой выход.

Луиза. Так это ваша роль?

Дюмениль. Да.

Луиза. А я думала, что вы в самом деле при смерти.

Дюмениль. Прекрасно! стало быть, верно, хорошо!.. Ах, через несколько часов мне предстоит опять новый, трудный опыт... Боже мой! помоги мне в этот вечер.

Луиза. Я помолюсь за вас, милая маменька.

Д ю м е н и л ь. Добрая Луиза! Но отчего ты так расстроена!.. Понимаю... тебе хочется быть актрисою. Каждый вечер, после спектакля, ты по целым часам передразниваешь героинь разных трагедий...

Л у и з а. Да, я нахожу в этом удовольствие... только недостает любовника, который бы говорил мне предречия... впрочем, и за ним дело не станет.

Д ю м е н и л ь. Ребенок!.. ты хочешь заставить говорить Корнеля, Расина, а не умеешь сама порядочно выражать своих мыслей.

Л у и з а. Но вы сами, маменька...

Д ю м е н и л ь. Ах, Луиза! на всё нужно время... любовь, изучение, талант... Я еще совсем не знала театра, а уже ум мой одушевлялся прекрасными стихами, постепенно пробуждалось во мне вдохновение...

Л у и з а. И во мне тоже.

Д ю м е н и л ь. Ах! это чувство дано не всякому; само небо его ниспосылает нам; я ценю его высоко, Луиза; я благоговею перед ним, хотя сама не могу дать себе в нем отчета. Когда я на сцене, я забываюсь... волшебная мечта создает вокруг меня новый мир, другую природу; я обитаю в мраморных чертогах; небесный свод раскрывается надо мною; я дышу воздухом Рима и Греции; я живу новою жизнью, более сильною и пламенною. Ах! не завидуй мне, милая Луиза, потому что на другой день, придя в себя, усталая, изнеможенная, мысленно переношусь я на мою родину, на берег моря, где провела я младенчество и где, отказавшись от шума света, так приятно бы было жить; делиться избытком чувств с одним человеком, который бы понимал, любил меня... если бы нашелся такой человек...

Л у и з а. Да, может быть...

Д ю м е н и л ь. Но оставим это. Что мой костюм?

Л у и з а. Ах, он очень хорош! посмотрите!.. А вот еще какие-то бумаги к вам.

Д ю м е н и л ь. Опять рукописи... какая скука! В этой куче плохих сочинений, которыми нас заваливают, только одно меня поразило... Какая прекрасная роль, какие возвышенные чувства... О, я с удовольствием разила бы их...

Л у и з а (*подавая записки*). Наконец, вот еще... порядочно... фунта полтора на вес будет... Три... четыре... шесть писем... вы даже не смотрите на них.

Д ю м е н и л ь. Все они похожи одно на другое... эти поддельные нежности до того надоели мне, что я почти решилась выйти замуж за доброго старичка Мальво... По крайней мере он точно предан мне... Он пишет мне каждое утро по три листа советов и каждый вечер бывает в театре, где изъясняется мне в любви пантомимой. (*Хлопает в ладоши.*) Я очень хорошо его понимаю... сегодня я ему обещала решительный ответ... А это всё брось в огонь... Постой, тут должно быть послание в стихах... отложи его...

Л у и з а. Послание в стихах?

Д ю м е н и л ь. Да!

Л у и з а. Вот, кажется, оно.

Д ю м е н и л ь. Посмотрим. Прочти сама, чтоб я могла судить о твоих успехах...

Л у и з а (*читая дурно*). «Милостивая государыня, извините меня, если я преследую вас слишком настоятельно, но... в мои лета, вы сами согласитесь, нельзя терять времени...»

Д ю м е н и л ь. Как? это, по-твоему, стихи?

Л у и з а. Кажется, так написано...

Д ю м е н и л ь. Это проза господина Мальво...

Л у и з а. Ха, ха, ха! так он недаром торопится, бедняжка...

Д ю м е н и л ь (*ищет в бумагах, которые держала Луиза*). Ах, вот чего я искала... как хорошо!.. Эти стихи должны непременно доходить до сердца.

Л у и з а (*с живостью*). Вот точно так же и он говорит.

Д ю м е н и л ь. Кто?

Л у и з а. Ах, маменька крестная, он...

Д ю м е н и л ь. Объяснись.

Л у и з а. Но вы будете бранить меня...

Д ю м е н и л ь. Нет, говори...

Л у и з а. Это тот молодой человек... вы знаете... вы его видели несколько раз... он всегда около нас, когда мы садимся в карету или выходим из нее... Вы всегда так закутаны... он не вас замечает, я уверена.

Д ю м е н и л ь. Стало быть...

Л у и з а. Не сердитесь, маменька. Недавно он приступил ко мне, когда вы сходили с лестницы; я была назади, и он мне сказал: «Ах, сударыня!» а потом: «Вы в услужении у г-жи Дюмениль?» — «Я ее крестница, сударь». — «Ах,

сударыня, — сказал он, вы позвали меня, и тут я ушла. На другой день он опять сказал мне, проходя: «Ах, сударыня!» и ушел, заметя вас.

Д ю м е н и л ь. Я, право, не знаю, о ком ты говоришь... я не обращаю никакого внимания на...

Л у и з а. Вы видите одну публику.

Д ю м е н и л ь. Но я хотела бы узнать того, который вчера оказал мне большую услугу. Лошади маркизы чуть не опрокинули моего экипажа... я готова была выскочить из кареты с опасностью жизни... как вдруг подбежал молодой человек, ловко удержал лошадей маркизы... и в минуту исчез! Мы не успели ни рассмотреть, ни поблагодарить нашего избавителя...

Л у и з а. И вы ничего об нем не узнали?

Д ю м е н и л ь. Я просила господина Мальво узнать... Но что за шум?.. Я, кажется, слышу мужской голос в передней...

Л у и з а. В самом деле.

Д ю м е н и л ь. Я запретила принимать.

Л у и з а. Видно, кто-то хочет ворваться насильно... Слышите, как Роберт его удерживает...

Г о л о с (за дверью). Пустите меня! я хочу с нею говорить. Чорт возьми!

Д ю м е н и л ь. Да кто это?

Л у и з а (со страхом). Ах, маменька!

Я В Л Е Н И Е 3

Т е ж е и Д ю р в а л ь.

Д ю р в а л ь. Чорт возьми! мне непременно надо говорить с этой прекрасной женщиной. (*Берет стул и садится.*) Я не тронусь с места, у меня такая натура... А, да вот и она!

Л у и з а. Ах, боже мой! этот человек ужасает меня!

Д ю м е н и л ь. Государь мой!

Д ю р в а л ь (*придвигаясь*). Здравствуйте, мое почтение, сударыня.

Д ю м е н и л ь. Как вы осмелились!

Д ю р в а л ь. Ничего нет странного... у меня такая натура... я привык по должности врывать к людям силой... привычка вторая натура! Вы сами согласитесь.

Д ю м е н и л ь. Что ж вам угодно?

Д ю р в а л ь. Я проехал пятьдесят три льё, чтобы с вами говорить...

Д ю м е н и л ь. Говорите!

Д ю р в а л ь. Я дожидаюсь, чтобы ушла эта малютка... у меня уж такая натура!

Л у и з а. Как? оставить вас, маменька, с этим...

Д ю р в а л ь. Грубияном, хотите вы сказать? А чтоб вам понравиться, вероятно, надо льстить... но я этого не умею. У меня не такая натура!

Д ю м е н и л ь. Я хочу доказать вам противное.

Д ю р в а л ь. Как это?

Д ю м е н и л ь. Я позволяю вам остаться... Луиза, оставь нас.

Л у и з а. Какое ему до нее дело? (*Берет костюм и платья и уходит.*)

Я В Л Е Н И Е 4

Д ю м е н и л ь и Д ю р в а л ь.

Д ю м е н и л ь. Я не прошу вас садиться.

Д ю р в а л ь. Без церемонии, прошу вас, не беспокойтесь...

Д ю м е н и л ь (*садится*). Предупреждаю вас, что мне некогда.

Д ю р в а л ь. Хорошо, хорошо... я прямо приступлю к делу... у меня уж такая натура... прежде всего вам надобно знать, что я называюсь Дюрваль, Пьер-Антуан Дюрваль, 25 лет я занимаю должность стряпчего в нашем городе. Во-вторых, надобно вам знать, что у меня есть сын, единственный сын... я не лгу... спросите у кого хотите... отличный человек, прекрасный малый, которого я очень люблю... у меня уж такая натура... я воспитал его на моих глазах, я сам научил его римскому праву и французским законам... я не лгу... спросите...

Д ю м е н и л ь. Верю, верю... что ж далее?

Д ю р в а л ь. Я хотел сделать из него адвоката, сударыня... я поддерживал бы его советами... Оно, знаете, ум хорошо, а два лучше...

Д ю м е н и л ь. Но я не вижу, сударь, что же мешает вам и вашему сыну...

Д ю р в а л ь. Как что мешает? То, что надобно было

послать его в Париж для усовершенствования в законо-
ведении, а вот уж восемь дней, как он здесь, и до сей
поры и нога его еще не была в палате: вместо того он всякий
вечер бывает в комедии. Надобно вам знать, сударыня, что
он обворожен какою-то актрисою, дамою или девицею... бог
знает, ведь их трудно различить... одним словом он по-
гибает.

На жизнь не безрассудную
Он послап был отцом,
В столицу многолюдную.
Он должен был с трудом
Во Франции введенные
Законы изучать,
А начал беззаконные
Здесь пули отливать!
Шатается в комедию,
Влюбляется, как хам,
Того гляди, трагедию
Напишет сдуру сам!
Теперь, вместо прибыли,
Он тратится, как мот:
Уж близок он к гибели,
Он будет щипим в год!
А мог бы и четверкою
Кататься, как барон,
Когда бы не актеркою
Был в сети завлечен...
С чем он теперь воротится
В родной наш город Ман?
Уж за него поплотится,
Наверно, мой карман!
Кутит он без зазрения,
Льет пули, может быть,
А мне от огорчения
Придется слезы лить!

Короче сказать, он обворожен каким-то олицетворенным
дьяволом, потому что комедиантка...

Д ю м е н и л ь. Ну, сударь...

Д ю р в а л ь. Да, мне пишут, что он пристрастился
к трагедии: не пьет, не ест, не занимается адвокатскими
делами, а грезит только одною Дюмениль.

Д ю м е н и л ь (*вскочив*). Как, мною? что вы говорите?

Д ю р в а л ь. Хорошо, хорошо!.. притворяйтесь, по-
казывайте вид удивления, будто ничего не знаете...

Д ю м е н и л ь. В первый раз слышу...

Д ю р в а л ь. Не может быть, не может быть...

Д ю м е н и л ь. А каков собою ваш сын?..

Д ю р в а л ь. Чорт возьми! славный малый, очень похож на меня.

Д ю м е н и л ь. Ах, в самом деле?

Д ю р в а л ь. И потому вы не можете запереться, что получаете от него письма.

Д ю м е н и л ь. Я? Никогда!

Д ю р в а л ь (*увидев письмо, которое Дюмениль держит в руках*). Никогда! да вот, вот его почерк... прекрасная рука!.. Несчастный! чем занимается... он погиб, решительно погиб... (*Взяв письмо.*) Посмотрите, что это такое? (*Читает, не останавливаясь на конце стихов.*)

Сливаюсь я душою с каждым звуком,
Который произносишь ты,—
Когда являешься ты, преданная мукам,
Мрачна, бледна, как гений красоты,
О! как тогда душа моя мятется:
Я весь горю, волнением томим,
И слинаково с твоим
Тогда мое младое сердце бьется!

Д ю м е н и л ь. Как, так это его стихи?

Д ю р в а л ь. Стихи?

Д ю м е н и л ь (*берет стихи*). Ну да, конечно.

Д ю р в а л ь. Стихи! сын мой пишет стихи! Несчастный! этого только не доставало.

Д ю м е н и л ь. Как, эти возвышенные чувства, этот восторг, эта поэзия — всё это его, вашего сына? Вы говорите, что он влюблен в меня, сударь?

Д ю р в а л ь. Да... вы видите... он чудесный малый!.. Неужели вы не сжалитесь над ним... я нарочно приехал, чтоб вы возвратили мне моего сына: скажите, скажите, пожалуйста, где он?

Д ю м е н и л ь. Повторяю вам, что я не знаю...

Д ю р в а л ь. Да он следует за вами всюду.

Д ю м е н и л ь. Кроме моего дома, в котором он, конечно, никогда и не будет, если вы сами не научили его силою врываться в двери.

Д ю р в а л ь. Да, я, может быть, был немножко крут, немножко вспылчив... у меня такая натура... Скажите же мне, будьте великодушны, видели вы его?

Д ю м е н и л ь. Никогда, и очень жалею, если, как вы говорите, он похож на своего отца.

Д ю р в а л ь. Это очень любезно с вашей стороны... Я начинаю верить... Но вы могли узнать из его писем...

Д ю м е н и л ь. Он их не подписывает.

Д ю р в а л ь. Неужели?

Д ю м е н и л ь. Посмотрите.

Д ю р в а л ь. Правда... (*В сторону.*) Она точно не виновата... (*Громко.*) В таком случае очень ясно, что... я напрасно жаловался... Но что мне делать... Бедный Адриан! Он пропадает от любви... в полном смысле пропадает! — Он пренебрегает выгодной должностью... он, пожалуй, откажется от женитьбы на дочери сборщика податей! всё расстроится... Теперь я вас видел, и нахожу, что комедиантка тоже может быть порядочным человеком, то есть женщиной... Но вы знаете, всякому должно держаться своего звания.

Д ю м е н и л ь. О, конечно, звание стряпчего...

Д ю р в а л ь. От этого звания зависит вся его будущность...

Д ю м е н и л ь (*с участием*). Его будущность, его счастье... О, сударь, в таком случае надобно постараться его исцелить.

Д ю р в а л ь. Исцелить? Да, да, конечно... но как?

Д ю м е н и л ь. Это довольно мудро; я подумаю. Приходите завтра.

Д ю р в а л ь. Завтра? вы говорите завтра?

Д ю м е н и л ь. Я очень занята... я играю сегодня новую роль.

Д ю р в а л ь. Вы играете сегодня... Ах, боже мой! не играйте, пожалуйста.

Д ю м е н и л ь. Почему?

Д ю р в а л ь. Он еще раз увидит вас... и более воспламенится: тогда уж его не вылечишь... умоляю вас, пойдите с ним сегодня же. Посмотрите (*подходит к окну*), вот стоит карета... я ее найму... и через четверть часа... Ах, боже мой! посмотрите-ка... видите ли вы там, внизу, против окна... этого неподвижного человека...

Д ю м е н и л ь. Кто же это? кто он?

Д ю р в а л ь. Он, ей-богу, он... голова открыта и нос кверху... ах, несчастный! он не чувствует дурной погоды... он простудится.

Д ю м е н и л ь. Да, в самом деле он очень недурен...

Д ю р в а л ь. Ну вот, я вам говорил...

Д ю м е н и л ь. Знает ли он, что вы здесь?

Д ю р в а л ь. Нет еще.

Д ю м е н и л ь (*отводя его от окна*). Так не показывайтесь же.

Д ю р в а л ь. Но...

Д ю м е н и л ь. Не мешайте же мне, я его вылечу, обещаю вам.

Д ю р в а л ь. Вы обещаете?

Д ю м е н и л ь (*подавая ему руку*). Честное слово.

Д ю р в а л ь. Ах, вы удивительно добры! (*В сторону.*) Она, того гляди, и меня обворочит, чорт возьми!

Я В Л Е Н И Е 5

Т е ж е и Л у и з а.

Д ю м е н и л ь. Луиза, ты видишь этого молодого человека, там, против наших окон?

Л у и з а. Этого молодого человека? Ах, боже мой!.. это...

Д ю р в а л ь. Чорт возьми, это мой сын, Адриан.

Л у и з а. Ваш сын, ваш... ну уж трудно угадать.

Д ю р в а л ь. Что такое?

Л у и з а. Извините, сударь... если б я знала... конечно бы...

Д ю м е н и л ь (*Луизе*). Скажи Роберту, чтоб он пригласил его сюда.

Д ю р в а л ь. А мне уйти?

Д ю м е н и л ь (*показывая на дверь с левой стороны*). По этой потаенной лестнице.

Л у и з а (*в сторону*). Что всё это значит?

Д ю р в а л ь. Отделайте его хорошенько, я буду обязан вам вечно...

Д ю м е н и л ь. Хорошо, хорошо... я постараюсь. (*Дюмениль и Дюрваль уходят налево.*)

Я В Л Е Н И Е 6

Л у и з а (одна).

Л у и з а. Отец его здесь, собственно своею особою!.. Он не хотел говорить при мне... а теперь маменька посылает за его сыном... это ясно!.. (*Подходя к окну.*) Вот он

еще дожидается, хочет уйти... я лучше позову его сюда. (*К окну.*) Эй! послушайте, государь мой, пожалуйста сюда... Идет... ах, как он доволен, как доволен... однакож он поступает, как его отец... растолкал весь народ... бежит...

ЯВЛЕНИЕ 7

Луиза и Адриан.

Адриан (*останавливаясь в дверях*). Сюда ли?

Луиза. Пожалуйста, господин Адриан.

Адриан. Ах, сударыня! возможно ли! меня ли вы хотели позвать?

Луиза. Разумеется, вас... да войдите же.

Адриан (*входя*). Я не смею верить... такому счастью! это мечта!

Луиза (*таинственно*). Нет, сударь; здесь есть дама, которая хочет с вами говорить.

Адриан. Она удостаивает меня принять!.. Она — госпожа Дюмениль...

Луиза. Да, моя крестная маменька... она хочет вам сказать что-то очень интересное.

Адриан. Мне?.. Ах, я не могу привыкнуть к этой мысли...

Луиза. Да что с вами?

Адриан. Темно в глазах...

Луиза. Ах, боже мой!.. Бедный молодой человек! что с ним делается? Садитесь, сударь, — вот стул.

Адриан. Мне здесь садиться? нет... о, нет!

Луиза. Вы недолго будете дожидаться: крестная маменька сейчас придет.

Адриан. Сейчас придет... Ах, как я взволнован!..

Луиза (*подойдя ближе*). Что вы говорите, сударь?

Адриан. Ничего... подите, сударыня, подите... мне надобно собраться с духом.

Луиза (*в сторону*). Он очень недурен! (*Громко.*) Прошайте, господин Адриан, смелее, господин Адриан. (*Уходит налево.*)

ЯВЛЕНИЕ 8

Адриан (один).

Адриан. А! так вот этот чертог, где пролетали дни ее вдохновенные!.. Ах, боже мой! да не мечта ли это?.. ужели я увижу ее?.. Как заговорить с ней?.. как открыть свое сердце той, которая заставляет биться столько сердец?.. о, нет! я никогда не осмелюсь!.. я буду говорить разве на коленях... Ах! в моих поэтических снах я уже видел ее; да, это была она; для нее трудился я с такою любовью над созданием, в котором собрал все сокровища моей души, чтоб изобразить свой идеал... Но что стихи, стихи, которые всякий может к ней адресовать... Ах, как много мои стихи ниже ее гения, ее красоты, которая так могущественно завладела мною... Стихи, которые я сочинил сейчас под ее окошками, мне кажутся лучше всех... но я так расстроен, что не соберу их в моей памяти... однако попробую... Ах! я уверен даже, что самая поэзия покинет меня в тот миг, как я ее увижу. *(Остается в размышлении.)*

ЯВЛЕНИЕ 9

Адриан и Дюмениль с вычурно убранною головою, в платье с большими разводами, несколько нахмуренная.

Дюмениль *(в сторону)*. Я обещала... и должна сдержать свое слово... Вот он... о чем он задумался?
Адриан *(сочиняя)*.

Твое высокое чело
Сияет гением и славой,
Твоя краса...

Дюмениль. Здравствуйте, судары!..

Адриан. Кто это?.. извините, сударыня... я здесь ожидал госпожу Дюмениль...

Дюмениль. С глазу на глаз с вашею музою?

Адриан. С моею музою!.. да, она со мной... и кто ж другой может меня одушевить? не всё ли здесь говорит об ней? О, боже! какая удивительная женщина! какая великая актриса!.. Ах, сударыня, как вы должны гордиться; она, верно, вам родня... я замечаю большое сходство... позвольте засвидетельствовать вам мое почтение.

Д ю м е н и л ь *(смеясь)*. Ха, ха, ха!

А д р и а н. Вы смеетесь?

Д ю м е н и л ь. Bravo, мой друг, bravo!.. продолжайте... Вот лучшая похвала, какую вы можете сделать моему таланту.

А д р и а н. Вашему таланту?

Д ю м е н и л ь. Ну да, ведь это я, я сама!

А д р и а н *(удивленный)*. Кто?

Д ю м е н и л ь *(передразнивая его)*. Кто... Дюмениль, Дюменильша, как меня попросту называют.

А д р и а н *(собравшись с духом)*. Вы?

Д ю м е н и л ь. Да, Мельпомена в чепчике и в кофте. А! театр нас немножко переменяет, не правда ли?

А д р и а н *(в сторону)*. Ах, как она переменяется!

Д ю м е н и л ь. Бьюсь об заклад, что вы из провинции... провинциалы все одинаковы. Ну что же вы стали, подойдите же, чего вы боитесь?

А д р и а н *(затрудняясь)*. О, нет, сударыня... после того, как вы сказали, я признаю все ваши достоинства... конечно... *(В сторону, рассматривая ее.)* Когда рассмотрю ее хорошенько... в минуту одушевления ее глаз... все-таки нельзя не подумать: вот великая актриса.

Д ю м е н и л ь. Мне сказали, что вы искали случая меня видеть.

А д р и а н. Да, вы угадали...

Я всюду вас одну слежу глазами,
Хоть оскорбить вас этим и боюсь;
За вами я и сердцем и мечтами
Всегда, как раб, боязненно стремлюсь!
Моей душой давно я с вами дружен,
Всегда бегу безумно вам вослед...

Д ю м е н и л ь.

Билет вам, что ли, в креслы нужен?

А д р и а н.

Возможно ли!.. о боже мой! билет!..

Такой ли ждал услышать я ответ!

Д ю м е н и л ь. Хорошо, хорошо, мы дадим вам билет; но зато вы мне послужите хорошенько *(хлопает в ладоши)*, поддержите меня... чур не жалеть ладоней.

А д р и а н. Ах, сударыня, нужно ли это? я с восторгом

приветствую вас каждый вечер! Вас — Клитемнестру, Елизавету, Клеопатру, я всех видел и всем удивлялся... Патетические места так верны! чувствительность так глубока! слезы, неподдельные слезы текут по вашим щекам... Да, вы плачете первая... ощущения проходят через вашу душу прежде, чем произносятся словами.

Д ю м е н и л ь (*сидя, рассматривает его*). Та, та, та!.. вы так думаете?

А д р и а н. Что такое?

Д ю м е н и л ь. Боже мой! как он мил с этими неподдельными слезами! сейчас видно, что недавно из провинции! Жаль мне вас, бедный молодой человек, надобно просветить вас! Присядьте-ка — да ну, садитесь же. Да, друг мой, всё, что видите вы на театре, есть не что иное, как одна наружность... притворство, мечта и ничего существенного, всё поддельно, поверьте мне. У нас небо из полотна, солнечные лучи от свечей, с которых снимают почаще, чтоб оживить природу, а природа из размалеванной холстины... Даже у нас самих, у кумиров ваших, — восторги, слезы, восклицания, тяжкие вздохи, рыдания, — всё рассчитано по нотам, всё запасено в должной пропорции; они в деле, покуда роль того требует, но занавес опустился, и в тот же миг всё кончено; вся наша чувствительность пропадает с румянами и белилами.

А д р и а н (*удивленный*). Как, возможно ли?..

Д ю м е н и л ь. А вы воображали, что мы всё это чувствуем в самом деле... Помилуйте, буду я себя мучить каждый вечер, да тут никакого здоровья не станет. (*Смеется.*) Ха, ха, ха! мы точно такие же женщины, как и другие; за нами можно волочиться, не боясь кинжалов... всякая из нас имеет толпу обожателей; слава богу и на мою долю их понаберется десятка два.

А д р и а н. Два десятка!

Д ю м е н и л ь. А вы как думали? прелюбезные люди... они шутят, любезничают, злословят, рассказывают анекдоты про наших товарищей, а это нам куда по сердцу. Не знаете ли вы каких анекдотцев? расскажите-ка: я до смерти их люблю! это гораздо занимательнее всех ваших мадригалов, примите-ка всё это к сведению... (*Открывая табакерку.*) Не прикажете ли?

А д р и а н (*вставая*). Как, сударыня?

Д ю м е н и л ь (*нюхая табак*). Вы не нюхаете? на-

прасно, это очень здорово: освежает мозг, особенно когда учишь роль.

А д р и а н. Ах! с какой высоты я упал!

Д ю м е н и л ь *(в сторону)*. Мне в самом деле жаль его... *(Громко.)* Но что с вами? вы что-то расстроены, побледнели... может быть, еще не завтракали?.. бедняжка! Досадно, час моего завтрака прошел, а я веду жизнь самую регулярную, самую умеренную, не делаю лишних издержек... ведь надобно же себе что-нибудь запасти на старость... я себе на уме. Все деньги я отдаю в проценты... меня не проведешь... я получаю десять тысяч франков жалованья, играю сто раз в год, по сту франков за каждое представление... Коротко и ясно... О, я знаю хорошо свой доход! я вам верно могу расчесть по пальцам, что приносит каждый стих, который я скажу на сцене; например, вы знаете эту знаменитую тираду Клитемнестры?

А д р и а н. Ах, она превосходна!

Д ю м е н и л ь *(декламирует)*.

А я, пришедшая, торжественна, блаженна,
В Милены возвращусь одна и сокрушенна!

Тут на полфранка.

Невесты горестной пойду я по следам,
Узрю цветы к ее набросанны стопам,
Нет, я не с тем пришла, чтоб дочь видеть мертву,—
Иль принесете вы двойную грекам жертву?
Безжалостный отец, свирепейший супруг!
Ты должен вырвать дочь из сих кровавых рук.

А д р и а н *(в восхищении)*. Ах! вот опять...

Д ю м е н и л ь. Ну да, вот опять на три франка с половиной.

А д р и а н *(пораженный, падает в кресла)*. Ах!

Д ю м е н и л ь *(в сторону)*. Бедный молодой человек, какая жалость!.. *(Громко, ударив его по плечу.)* А вы, мой друг, что делаете?.. какого вы звания? каковы ваши доходцы? надобно ж, чтоб молодой человек чем-нибудь занимался.

А д р и а н *(печально)*. Я приехал в Париж... чтоб... сделаться адвокатом.

Д ю м е н и л ь. То есть приказным... тоже род актеров... только прескучные роли... бог с ними... Да, вы

тоже обязаны заучить свою роль. «Придите сюда, осиротелые дети! Почтенные слушатели! взгляните на их горькие слезы!» И адвокат плачет от всей души за своих клиентов.

Адриан (*в сторону, вставая*). Ах, она смеется надо мной.

Дюмениль. Адвокат! постоите-ка, постоите, хорошо, что вспомнила: ведь у меня есть тяжба, я вам объясню ее.

Адриан. Мне?.. извините, сударыня...

Дюмениль (*взяв его за руку*). Судьи не поняли ее. Но всё равно... я скорей позволю отрубить себе руку по локоть, чем уступлю хоть на волос, не будь я французская актриса Дюмениль... ах, ох! уж у меня такой нрав!

Адриан (*в сторону*). Уж не сплю ли я?

Дюмениль (*держит его за руку*). Вот в чем дело: раз у меня как-то вышли все румяна, а давали «Андромаху», и мне нужно было подкрасить щеки Гермионы; мне рекомендовали торговку, которая делает разные румяна, прекрасные, блестящие, яркие — загляденье. Вы ведь видели, каков у меня цвет лица на театре: это ее работы.

Адриан (*желая освободить руку*). Извините, сударыня... но...

Дюмениль. Слушайте же. Я письменно условилась с этою торговкою покупать у нее румяна по самой дорогой цене, правда, с условием, чтобы этих румян она не продавала больше никому во всем Париже... понимаете? Вы согласитесь, что приятно сохранить такой секрет для одной себя. Как вдруг в один вечер на сцене я вижу мамзель Дюбуа; она прегадкая, а тут показалась мне почти красавицей; я сейчас же сказала себе: это, верно, от моих румян? Что ж вы думаете? так и вышло... зато как я рассердилась: я подала просьбу на мою торговку-злодейку.

Адриан. Вы затеяли дело?

Дюмениль. Я подала просьбу о взыскании моих денег... и пошла она из инстанции в инстанцию, выше и выше, и главный судья объявил, что румяна...

Адриан. Извините меня, я вас покорнейше прошу... я...

Дюмениль. Я подала на апелляцию...

А д р и а н. Честь имею вам кланяться...

Д ю м е н и л ь. Как, вы хотите меня оставить?.. ах!.. молодой человек! У нас в Париже молодые люди гораздо учтивее. Оставайтесь же, вы еще ничего не сказали мне; ведь вы искали случая меня видеть, вы так настойчиво преследовали меня, вы, может быть, имели какие-нибудь виды (*жестанясь, и играя веером*). Ну что ж, я слушаю, что вы хотели мне сказать?

А д р и а н. Но я не знаю... да, кстати... ах, я было и забыл... я пришел узнать об моей трагедии.

Д ю м е н и л ь. Трагедия? провинциальная?

А д р и а н. Об трагедии, которую я написал во время учения, тайно от моего отца.

Д ю м е н и л ь. А как она называется?

А д р и а н. «Тиридат».

Д ю м е н и л ь. «Тиридат»!

А д р и а н. Это герой, который освобождает свою любовницу, или, лучше сказать, это царица, которая была в плену у римлян...

Д ю м е н и л ь. Как, вы автор этой трагедии? вы?

А д р и а н. Могу ли я узнать?

Д ю м е н и л ь (*в сторону*). Эта прекрасная роль, которую я учила с таким восхищением, — создана им! (*Громко*.) Ах, сударь!

А д р и а н. Как вы ее находите?

Д ю м е н и л ь (*в сторону*). Ах, боже мой! мое обещание его отцу. (*Громко*.) Плохо, мой друг, очень плохо! Римляне, вечно римляне! надоели, до смерти надоели. Мне жаль, но я должна вам сказать правду: в вашей трагедии нет поэзии, нет огня!.. Займитесь вашими тяжбами, вашими приказными делами, только, ради бога, не пишите стихов никогда!

А д р и а н. Ах, это последний удар!

Повязка спала с глаз моих,
Что я увидел, что я услышал?
Ужель предмет всех дум святых
Ко мне в чепце и в кофте вышел?
Он о процессах говорит,
Он закупает одобренье...
Я уничтожен, я убит,
А к ней — я чувствую презренье!..

(*Уходит.*)

ЯВЛЕНИЕ 10

Д ю м с н и л ь (одна, спихает с себя прическу и капот и падает в кресла).

Д ю м е н и л ь. Теперь он совсем разочарован, бежит. Кто ж после этого не сознается, что я умею играть комедии; ни одна роль моя не имела такого успеха... я сдержала слово... но, я не знаю отчего, я не довольна собою... я думала пошутить над ветреником, — а это истинный поэт... и у меня достало духа растерзать его сердце? Бедный молодой человек! как он был жалок! как простодушен в своем восхищении, в своей любви!.. Я поступила дурно!.. очень дурно! я зашла далее, чем думала, во сто раз далее, нежели было нужно... я показалась ему бесчувственной, скупою, злою... это ужасно, ужасно!

ЯВЛЕНИЕ 11

Д ю м е н и л ь и Л у и з а.

Л у и з а. Ах, боже мой, боже мой! маменька, что вы сделали этому молодому человеку, он в совершенном отчаянии...

Д ю м е н и л ь. В самом деле? что с ним сделалось?

Л у и з а. Он мне сказал: «ах, сударыня» и ушел в ужасном расстройстве... он так мил, так скромен, он не заслужил дурного приема.

Д ю м е н и л ь. О, нет!

Л у и з а. Так почему же?

Д ю м е н и л ь. Оставь меня! боже мой! оставь меня! разве ты не видишь, что мне некогда; скоро уж два часа...

Л у и з а. Да что с вами?

Д ю м е н и л ь. А мой костюм... всё ли готово?.. Придворные дамы так взыскательны!.. Я совсем об этом не заботилась... забыла...

Л у и з а. И я тоже... мне не до того было...

Д ю м е н и л ь. А что же тебя занимало?

Л у и з а. Маркиза де Верьер, которая вчера сломала ваш экипаж, прислала сегодня человека.

Д ю м е н и л ь. Чтоб извиниться передо мною?

Л у и з а. Напротив, требует, чтоб вы извинились перед ней.

Д ю м е н и л ь. Ах!

Л у и з а. Молодой человек, который помог нам в этом случае, рассердясь, прибил кучера маркизы за неосторожность... Маркиза хочет знать, кто этот молодой человек; она говорит, что вы его знаете...

Д ю м е н и л ь. Я?

Л у и з а. Потому что во время суматохи он обронил маленький бумажник, где ваше имя подписано под портретом каждой вашей роли, посмотрите.

Д ю м е н и л ь (*открыв портфель*). Ах!

Л у и з а. Что такое?

Д ю м е н и л ь (*вставая*). Опять он!

Л у и з а. Кто?

Д ю м е н и л ь. Он, я говорю тебе — Адриан!

Л у и з а. Господин Адриан!

Д ю м е н и л ь. Это он спас меня. И я не знала, не поблагодарила его... он так скромен, что даже ничего мне не сказал... а я... как я с ним поступила! где он теперь?

Л у и з а. Ах, боже мой! я не знаю.

Д ю м е н и л ь. Я непременно хочу его видеть, хочу с ним говорить.

Л у и з а (*идет в глубину сцены*). Кто-то пришел, маменька.

Д ю м е н и л ь. Я не принимаю.

Л у и з а. Ах, это старик, который был сегодня.

Д ю м е н и л ь. Его отец! пусть войдет, пусть войдет! поди, Луиза...

Л у и з а. Но... маменька...

Д ю м е н и л ь. Оставьте нас!

Я В Л Е Н И Е 12

Д ю м е н и л ь и Д ю р в а л ь.

Д ю р в а л ь. Ах, сударыня! что вы наделали!

Д ю м е н и л ь. Что такое?

Д ю р в а л ь. Ах, несчастный! теперь еще хуже!

Д ю м е н и л ь. Что сделалось?

Д ю р в а л ь. То, сударыня, что он с ума сошел... он хочет застрелиться!

Д ю м е н и л ь. Застрелиться?

Д ю р в а л ь. Да, да... застрелиться! он способен на это... у него такая натура... рука не дрогнет, и вы будете всему виноваты.

Д ю м е н и л ь. Он всё еще меня любит?

Д ю р в а л ь. Э! нет! он вас теперь ненавидит... Он впал в другую крайность: он презирает вас! он взбешен, уничтожен, все идеи его опрокинуты, говорит он, все мечты разрушены!

Д ю м е н и л ь. Боже мой!

Д ю р в а л ь. Он находит, что у вас нет ни ума, ни сердца, ни души... кричит, что всё ложь, всё обман!.. Я хотел его урезонить... говорю, что найдем дело... куда! Он мне отвечал глупостями, угрозами и проклятиями...

Д ю м е н и л ь. Ах, боже мой! на что ж вы решились?

Д ю р в а л ь. На самую благоразумную меру: запер его как сумасшедшего... и пришел к вам, просить вашего совета.

Д ю м е н и л ь. Ах! вы видите, что я не способна...

Д ю р в а л ь. О, напротив, вы уж чересчур способны! Лекарство было слишком сильно, даже вредно... право лучше бы было, если бы он еще любил вас. Несчастный! он глупец, ветреник, но у меня нет другого... ах, умоляю вас, отдайте мне, отдайте моего сына! спасите...

Д ю м е н и л ь. Полноте, полноте... я готова на всё... но что делать? приведите его сюда!..

Д ю р в а л ь. Он скорей пойдет на край света.

Д ю м е н и л ь. Но, боже мой! какое же средство? Ах! постойте, постойте, мне пришла мысль...

Д ю р в а л ь. В самом деле?

Д ю м е н и л ь. Да, да, его трагедия! напомните ему о «Тиридате».

Д ю р в а л ь. О ком?

Д ю м е н и л ь. О «Тиридате».

Д ю р в а л ь. Что это такое, человек, что ли, или...

Д ю м е н и л ь. Это его трагедия.

Д ю р в а л ь. Его трагедия?

Д ю м е н и л ь. Да, он сочинил ее тайно от вас. (*Идет к столу.*) Погодите!.. вот я напишу несколько слов; отдайте ему.

Д ю р в а л ь. Вот еще новость, например: вместо того чтоб заниматься делами, он сочиняет «Тиридата»! (*Хочет идти.*) Уж проучу же я его!

Д ю м е н и л ь. Куда вы?

Д ю р в а л ь. Он попал в сочинители!.. я взбешен! уж это последнее дело!.. я отступаюсь от моего сына, я предоставляю его собственной судьбе...

Д ю м е н и л ь. Нет, нет, вы этого не сделаете... подумайте о его отчаянии; ведь вы его любите, спасите же, спасите его!

Д ю р в а л ь. Ах, милая госпожа Дюмениль! точно, точно — надо спасти!

Д ю м е н и л ь. Подите поскорее... успокойте его, при ведите сюда... тогда, тогда я поверю, что вы его любите...

Д ю р в а л ь. Конечно, его глупость велика, но правда и то, что ума в нем чертовски много! Ну! ну! так и быть, чорт возьми этого Тиридата... только бы сын мой излечился... (*Уходит налево.*)

Я В Л Е Н И Е 13

Д ю м е н и л ь, потом Л у и з а.

Д ю м е н и л ь. Странно! я еще никогда не была так растрогана. Но чего же бояться мне? кажется, это средство хорошо, он, верно, придет!..

Л у и з а (*входя*). Он придет? вы думаете?

Д ю м е н и л ь. Да, да.

Л у и з а. Ах, как вы добры! и он женится на мне?

Д ю м е н и л ь. Что такое? ты с ума сошла! что за вздор ты говоришь мне; чего ты от меня хочешь?

Л у и з а. Извините, маменька крестная... я... скороход господина Мальво здесь уже целый час: он ожидает ответа...

Д ю м е н и л ь. Что? какой ответ? кому?

Л у и з а. Этому старому советнику, который хочет быть вашим мужем.

Д ю м е н и л ь. Ему быть моим мужем? человек холодный, без чувства, без души, без сердца... ах, пусть он оставит меня в покое... завтра... послезавтра...

Л у и з а (*в сторону*). Что с нею делается? еще в первый раз!..

Д ю м е н и л ь (*взволнованная*). Какая любовь, какая страсть! как, от того, что я не похожа на идеал, созданный его воображением, он хочет лишиться себя жизни?

Луиза. Как, да что ж это значит?

Дюмениль. Ах, боже мой! а театр!.. пора ехать, надобно примерить костюм... они идут... останься здесь... прими их... нет... я и позабыла.. я сама поговорю с ним, пойдем, Луиза...пойдем... ты мне нужна теперь. (*Уходит.*)

Луиза. Как! неужели это она? нет... но я, может быть, сама неправа... он дурно изъяснился, вот и он... Я не смею с ним говорить, но уж не оставлю крестной маменьки... когда она с ним будет... (*Уходит туда же за нею.*)

ЯВЛЕНИЕ 14

Дюрваль и Адриан.

Дюрваль. Да войди, братец... говорят тебе, войди... дело идет о твоей трагедии... я ведь знаю всё и не сержусь... Ну, полно конфузиться, господин Тиридат!

Адриан (*садится*). Ах, я не хотел сюда итти, меня здесь всё ужасает... расстраивает... здесь видел я ее... женщину, еще недавно столь очаровательную... идол, созданный мною, свергнутый с своего пьедестала... О! существенность, существенность! стоишь ли того, что мы берем на себя труд жить!

Дюрваль. Что он за ахинею несет!.. Твоя трагедия, мой друг... твоя трагедия... диво!

Адриан. Ах! это последнее звено, которое привязывает меня к жизни. Она пишет, батюшка, что она ошиблась, смешала мое сочинение с другим... что комитет Французской комедии одобрил ее.

Дюрваль. Чорт возьми! отчего же нет. (*В сторону.*) Надобно польстить его страсти. (*Громко.*) Тебе пришла в голову прекрасная мысль, и ты это придумал так... вдруг?

Адриан. Вдруг.

Дюрваль. Во время учения?

Адриан. Да, когда вас тут не было.

Дюрваль (*в сторону*). Дурак! (*Громко.*) Хорошо, братец, хорошо.. должно быть, твои стихи превосходны.

Адриан. В самом деле?

Дюрваль (*в сторону*). Я уверен, что какая-нибудь глупость... (*Громко.*) У тебя гений, что об том и говорить!

Адриан. По крайней мере, я имею душу... но всё кончено... удар, поразивший мое сердце, разбил мою лиру навсегда!..

Д ю р в а л ь. Право? ну, коли разбил, так тебе надобно обратиться к изучению прав и законов... я тебя представлю моим клиентам, ты заслужишь их доверенность, будешь руководствоваться рассудком, будешь судить...

А д р и а н. Никогда, батюшка!

Д ю р в а л ь. Что?

А д р и а н. Никогда!

Д ю р в а л ь. Но, несчастный! ведь на этом только условии может состояться твой брак с дочерью сборщика податей.

А д р и а н. Ах, не говорите мне об этой женитьбе!

Д ю р в а л ь. Но я обещал...

А д р и а н. А я отказываюсь.

Д ю р в а л ь. Что? что?

А д р и а н. Никогда, другая женщина... нет, сударь, я буду жить один... совершенно один... здесь, в Париже...

Д ю р в а л ь. А! ты опять начал... хорошо же! ты сумасшедший, в полном смысле сумасшедший... слушай же: всею силою родительской власти я тебе приказываю сегодня же сесть в карету, которая отправится в Бордо... Прошу повиноваться.

А д р и а н *(с усилием)*. Вы хотите погубить меня, вы не чувствуете к вашему сыну ни малейшего сострадания? О, я опять должен предаться отчаянию!

Д ю р в а л ь. Как? что?

А д р и а н. Да, я дойду до последней крайности!

Д ю р в а л ь. Ах, боже мой!

А д р и а н. Я убью себя!

Д ю р в а л ь. Несчастный!

Я В Л Е Н И Е 15

Т е ж е и г-жа Д ю м е н и л ь, в полном трагическом костюме, входит в среднюю дверь, потом Л у и з а.

Д ю м е н и л ь *(делает повелительный знак рукою)*.

Остановитесь!

А д р и а н. Боже, что я вижу?

Д ю р в а л ь. Это она!

Д ю м е н и л ь.

Я волю царскую пришла вам объявить... Венец слагаю я, но, в доле несчастливой, Сердцами властвовать попрежнему хочу. Та власть всегда со мной...

А д р и а н. Ах, эти стихи...

Д ю м е н и л ь (*Адриану*). Они ваши...

Д ю р в а л ь. Его? они, кажется, довольно звучны...

А д р и а н. Как, сударыня?

Д ю м е н и л ь. Да, Адриан, я скрывала от вас... но эта роль так хороша, так поэтически обрисована. Я поняла, я разгадала душу, которая создала ее... я обдумывала, я искала звуков для выражения чувств царицы, пленницы римлян, которые ненавидят ее народ, отечество и богов... царицы, которая с таким благородством возвышается над предрассудками... Особенно та сцена, где она в присутствии раздраженного консула и молодой римлянки, соперницы ее, прощается с своим любезным, — поразительна...

А д р и а н. Теперь я опять ее слышу!

Д ю м е н и л ь (*Дюрвалю*). Вот положения лиц... Вы, сударь, вы консул... разгневанный отец...

Д ю р в а л ь. Кто, я?

Д ю м е н и л ь. Вы хотите проклинать его, я вас оставлю...

Д ю р в а л ь. Но я...

А д р и а н. Батюшка, ради бога молчите!

Д ю м е н и л ь (*Луизе*). Ты — молодая римлянка.

Л у и з а. Я так огорчена!

Д ю м е н и л ь. Ты в смущении внимаешь его словам и следуешь за его взглядами...

Л у и з а (*в сторону*). Что она мне приказывает?

Д ю м е н и л ь. А я отношусь к моему Тиверию.

Ах! тщетно я скрывать стараюсь грусть мою,

Хоть, слабость победив, с тобою я прощаюсь,

Но сердцу тяжело... неволью слезы лью...

Я всё тебя люблю... люблю и удаляюсь...

Д ю р в а л ь. Ах, какая жалость, какая жалость!.. такая женщина, как вы...

А д р и а н. Тс! батюшка!

Д ю м е н и л ь (*Луизе*). -

А ты, счастливая соперница моя,

Ужель ты думаешь, я сердца не имею,

И не могу любить, страдать и плакать я,

И умереть от горя не умю?

Л у и з а. Нет, нет! маменька... я не хочу, чтоб вы умерли с печали... и если б я имела право...

Д ю м е н и л ь. Перестань, ты сбиваешь меня...

Д ю р в а л ь. Умилительно, чрезвычайно умилительно.

А д р и а н. Не правда ли? (*Дюмениль.*) Ах, сделайте милость, продолжайте. (*Суфлюрует.*)

А ты бесчувственно глядишь...

Д ю м е н и л ь (*обращаясь к Дюрвалю*).

А ты бесчувственно глядишь на наше горе;
Но близок страшный час... под бременем седин,
С раскаяньем в душе, с отчаяньем во взоре,
Посмотришь ты кругом... Но где твой бедный сын?
Увы, уж гроб сокрыл бездомного скитальца,
Он рано отжил век, страдая и любя!
Ты спросишь: кто виной гибели страдальца?
И совесть назовет убийцею — тебя!

Д ю р в а л ь. Что ты хотел сказать тут, сын мой...
ведь дело-то идет не на шутку.

А д р и а н (*переходя на сторону отца и подавая реплику*).

Предупреди скорей ужасное мгновение,
Покуда время есть — остаться ей вели!

Д ю м е н и л ь.

Не унижайся, друг: напрасны все моления!

А д р и а н.

Но ты молчишь, так нет мне счастья на земле!
Смерть славная прервет мои страдания
И за меня тебе достойно отомстит!

(*Г-же Дюмениль.*)

Прости, прости! (*Идет.*)

Д ю р в а л ь (*со слезами, удерживая его*). Да по-
стой, стой! Сегодня уж в третий раз...

А д р и а н. Как, вы плачете?

Д ю р в а л ь. Не могу не плакать... крепился, кре-
пился, но никак не могу... я так тронут...

Л у и з а. И я также. (*Плачет.*)

А д р и а н. И это от моих стихов! Ах! боже мой! бо-
же мой! эти звуки, звуки, которые так возвысили мои
стихи, которые придали им столько прелести... ах! дайте
мне их еще услышать, волшебница! Да, эта царица — вы;
любownik — я!.. И на коленях ожидаю вашего ответа...

Д ю м е н и л ь. Моего ответа? Но ведь вы же мне его
подсказываете...

Ты должен жить... жить должен потому,
Что я люблю тебя любовью беспредельной;
Ты дорог мне, ты мил мне по всему;
Ты из опасности исторг меня смертельной!
Теперь тебе должна я возвратить
Твой талисман, потерянный тобою,
Тебе, мой друг, он лорог, может быть...
Возьми...

(Подает ему портфель.)

Адриан. Мой портфель?

Дюрваль. Его портфель? Как, и это в трагедии?
Ну теперь я решительно не понимаю, что в правду, что так говорили...

Адриан *(з-же Дюмениль)*. И это всё правда?

Дюмениль. Всё правда, кроме роли, которую я на себя взяла, чтоб не понравиться вам... Ах! и что она мне стоила! *(Дюрвалю.)* Ну, сударь, обезоружены ли вы?

Дюрваль. Совершенно... он заставил плакать своего отца... да еще и стряпчего, — ведь это событие! А вы-то, вы! Так вот что значит актриса... я теперь только узнал...

Луиза. Я также, крестная маменька.

Дюмениль *(целует ее)*. Великодушная соперница. Ты показала большие способности и потому через несколько дней...

Луиза. Буду дебютировать?

Дюмениль. Нет, поедешь на свою родину в Булонь.

Луиза. Ах, для чего?

Дюмениль. Я скоро последую за тобой... только сперва увенчаю успехом Адриана... скоро, может быть, настанет день, когда Дюмениль сложит с себя корону театральной царицы и переменит свое имя...

Дюрваль. Для чего?

Адриан. Чтоб принять мое; не правда ли?

Дюмениль. Уже четыре часа... поедемте в театр.

Адриан. Ах! она меня любит!

(Бросается перед ней на колени; занавес опускается.)

ДЕДУШКИНЫ ПОПУГАИ

Водевиль в одном действии

ДЕЙСТВУЮЩИЕ:

Маркиз Дортеваль.

Анатолий, его сын.

Стукату.

Жером.

М-м Гро-Гро, содержательница пансиона.

Графиня Агнеса Поль } пансионерки.

Агата

Еще несколько пансионеров.

Действие происходит во французской провинции, в доме маркиза
Дортеваль.

Театр представляет роскошный сад, обнесенный степною, прямо против зрителей калитка запертая; вдали на правой стороне виден богатый дом; с другой стороны беседка, оранжерея; направо, ближе к зрителям, между прочим, стоит большая клетка, великолепно отделанная, которая залернута занавескою.

ЯВЛЕНИЕ 1

Анатоль и Стукату выходят из замка.

Анатоль. Итак, вы говорите, любезный дедушка, что нам уже недолго осталось жить здесь?

Стукату. Да, я получил письмо, в котором твой отец уведомляет меня о скором своем приезде, а с его приездом должно многое перемениться.

Анатоль. Ах, какое счастье! наконец я увижу свет, вырвусь из этой тюрьмы!

Стукату. Что, друг мой, тюрьмы? Стыдись! Как можно называть тюрьмою прекрасный замок господина маркиза!

Анатоль. Но ведь я здесь всегда почти один... Я не вижу никого, кроме Жерома, нашего старого слуги Франца, вас, дедушка, и моих попугаев.

Стукату. Гм! Кроме меня и попугаев! А чего же бы еще хотелось тебе?

Анатоль. Мне бы хотелось, дедушка... Жером говорил, что он однажды видел...

Стукату. Что видел?..

Анатоль. Там, чрез щель, которую вы тогда же велели замазать, таких же людей, как мы... мне бы хотелось к ним...

Стукату. Фи! друг мой! В первый раз еще я замечаю в тебе такие богопротивные мысли, удаляйся их, друг мой!

ЯВЛЕНИЕ 2

Т е ж е и Ж е р о м, показываясь с другой стороны сада.

Ж е р о м. Анатоль! Анатоль!

А н а т о л ь. Что?

Ж е р о м. Поди сюда скорее! я покажу тебе птичку, какой мы еще не видали... она прилетела через стену и села на нашем дереве.

А н а т о л ь. Иду... Вот, дедушка, и мне бы хотелось побывать за стеною, как эта птичка! *(Пропадают в отдалении.)*

ЯВЛЕНИЕ 3

С т у к а т у *(один)*. Побывать за стеною? Смотри, старый дуралей Стукату, как бы тебе не лишиться награды, которую обещал тебе маркиз за воспитание сына. Слава богу, что он, наконец, решился кончить испытание и показать ему свет. Может, он приедет сегодня же... эта радостная весть заставила меня выпить сегодня лишний стакан малаги... да уж и пора, пора всё кончить... а то беда! с некоторого времени я замечаю в нем небывалые порывы, а сегодня он просто лезет на стену... Однакож я могу похвастать... Анатоль воспитан совершенно по желанию маркиза. Он не видел ни одной женщины даже... даже в щель... не имеет об них никакого понятия и чист, как белая голубица... Зато чего мне это стоило! только целый день и дела, что замазывай щели в заборе да придумывай, как растолковать какое-нибудь женское имя, встречающееся в истории... однакож потороплюсь, нужно кой-что приготовить к приезду маркиза. *(Уходит в среднюю дверь и забывает запереть ее.)*

ЯВЛЕНИЕ 4

А н а т о л ь и Ж е р о м *(вбегая)*.

А н а т о л ь. Улетела!

Ж е р о м. Улетела!

А н а т о л ь. Как она счастлива! Может летать куда хочет!

Ж е р о м. Да, она очень счастлива! не то, что мы; мы не умеем летать!

А н а т о л ь. Но мы умеем бегать...

Ж е р о м. Да, мы бы могли убежать, если бы дедушка не запирает дверь...

А н а т о л ь. Да, он всегда ее запирает...

Ж е р о м. Это немножко странно... как ты думаешь?..

А н а т о л ь. Очень странно... И много еще для меня очень, очень странного... отчего он никого к нам не пускает?..

Ж е р о м. Да, отчего?

А н а т о л ь. Всегда ходит за нами...

Ж е р о м. Отчего?..

А н а т о л ь. Нет, это ни на что не похоже...

Ж е р о м. Точно, ни на что не похоже!.. Мне что-то очень скучно.

А н а т о л ь. И мне тоже... Видел литы, как этим птичкам, что летают у нас в саду, весело?.. Они все попарно... так ласкают друг друга, точно обнимаются... им весело...

Ж е р о м. Так что же, и нас двое... будем и мы обниматься... может, и нам будет весело...

А н а т о л ь. Хорошо... обними же меня...

Ж е р о м. А ты меня...

А н а т о л ь (*обнимаясь*). Весело тебе?..

Ж е р о м. А тебе?

А н а т о л ь. Нет!

Ж е р о м. И мне нет!

А н а т о л ь. Отчего же нам не весело, как этим птичкам?

Ж е р о м. А вот спросим у дедушки Стукату...

А н а т о л ь. Нет, он не скажет; я замечаю, что он много от нас скрывает... мне снилось во сне...

Ж е р о м. Что снилось?

А н а т о л ь. Что эти птички любят друг друга, оттого им и весело, когда они обнимаются...

Ж е р о м. Разве ты меня не любишь?

А н а т о л ь. Люблю.

Ж е р о м. Так отчего же нам не весело?

А н а т о л ь. Не знаю.

Ж е р о м. И я не знаю.

А н а т о л ь. Тут что-нибудь да скрывается.

Когда на птичек погляжу,
Я им завидую певольно,
Я весь горю, я весь дрожу!
Им жить так весело, так вольно!

Но отчего же, милый мой,
Не веселимся мы, как птички,
Когда обнимемся с тобой?

Жером.

Должно быть, это не с привычки...

Анатоль.

Иль нет ли между птиц отлички?

Жером. Попробуем еще обняться... может быть, привыкнем.

Анатоль. Пожалуй. *(Обнимаются.)*

Жером. Что?

Анатоль. Ничего...

Жером. Однакож, когда в последний раз был твой папенька и обнял дедушку Стукату, то, я помню, ему было очень весело.

Анатоль. Когда бы хоть скорей приехал папенька да взял бы нас отсюда... может быть, узнали бы...

Жером. Папенька! А что это такое папенька?

Анатоль. Дедушка Стукату сказывал, что его должно любить, потому что он даровал мне жизнь...

Жером. Да как же это?

Анатоль. Ну так просто дал...

Жером. Да где же он ее взял?

Анатоль. Вот уж этого-то я не знаю...

Жером. И я не знаю... Просто нас, кажется, обманывают.

И В Л Е Н И Е 5

Те же, Агнеса, Агата и несколько папсционерок (с шумом вбегают в калитку, которую забыл запереть Стукату).

Хор папсционерок.

Зелен луг, как серебро,
Блещут лоском воды.
Нет, adieu¹, мадам Гро-Гро,
Мы хотим свободы.
Мы теперь уж к вам придем
Через две недели,
Мы грамматику пойдем
В зимние метели.
Подождет и до зимы
Паш язык немецкий,

¹ Прощайте *<франц.>*.

В бой вступаем с вами мы,
Как султан турецкий.
Зелен луг, как серебро,
Блещут лоском воды,
Нет, adieu, мадам Гро-Гро,
Мы хотим свободы.

Анатоль (*изумленный*). Что это такое, Жером?
Жером. Не знаю.

Агнеса. Ах, куда мы попали? Какой прекрасный сад!.. Здесь нескоро найдет нас мадам Гро-Гро... повеселимся же мы!..

Агата. Ах, какие чудесные цветы, деревья... у нас нет таких... просто прелесть...

Агнеса. А вон там замок... чей-то он?..

Жером. Как хороши! Что бы это было такое?

Анатоль. Должно быть, какие-нибудь птицы...

Агнеса. Будем же играть... нарвем цветов, сделаем букетов...

Агата. И подарим мадам Гро-Гро.

Жером. Да они говорят точно так же, как мы...

Анатоль. Лучше нас, особенно та, что впереди...

Агнеса. Идемте дальше!.. вот в эту аллею... Видите там оранжереи... (*Идет впереди и наталкивается на Анатоля, который еще более смущается.*) Ах!

Анатоль. Ах!

Агата (*увидя Жерома*). Ах, мы не одни...

Жером. Какая прекрасная птичка!..

Агнеса. Это, может быть, хозяин замка... Какой хорошенький!.. (*Подходит к Анатолю.*) Извините, сударь, что мы вошли в ваш сад без позволения... Ха, ха, ха, ха!.. Мы ушли от мадам Гро-Гро.

Анатоль. Мадам Гро-Гро! Это, вероятно, также птица?..

Агнеса. Птица? Вы шутите... Мадам Гро-Гро... это содержательница пансиона, к которой отдали нас учиться наши папеньки и маменьки...

Анатоль. Маменьки? Разве у вас есть еще и маменьки?

Агнеса. А как же?.. У кого есть папенька, у того есть и маменька...

Анатоль. Слышишь, Жером? (*Агнесе.*) А что это такое маменька?

А г н е с а. Особа, которая иногда целует нас, кормит конфетами, а иногда бранит, и которую мы очень любим...

А н а т о л ь. У меня вот нет мамешки...

А г н е с а. Очень жаль, сударь, что вы имели несчастье ее лишиться.

А н а т о л ь. Лишиться? Я не имел ее.

А г н е с а. Ха, ха! Вы шутите!.. Нам говорили в пансионе, что это невозможно...

А н а т о л ь. Дедушка Стукату нам об этом не говорил.

А г н е с а. Он, видно, так же зол, как наша мадам Гро-Гро... вообразите себе: она не пускает нас гулять и говорит, что девушки наших лет должны только учиться...

А н а т о л ь. Девушки? А что это такое девушки?

А г н е с а. Неужели вы не знаете?.. Мы, сударь, мы и есть девушки... неужели вы приняли нас за мальчиков?

А н а т о л ь. Нет, но я в первый раз слышу...

А г н е с а. Неужели вы, сударь, никогда не видели жещин?

А н а т о л ь. А что это такое женщины?

А г н е с а. Так вы ничего не знаете? Вот, видите, мы-то и есть женщины... а вы мужчины.

А н а т о л ь. Дедушка Стукату мне ничего этого не сказывал!

А г н е с а. Какой же он странный!

А н а т о л ь. Я думал, что вы птицы. Извините меня, я вырос в этом замке и никогда не был за этой стеною; никого не видал, кроме моего учителя и слуги.

Здесь скучали не напрасно
Мы, как будто бы в аду:
Нас обманывал ужасно
Наш почтенный Стукату.
Толковал он про растенья,
Про животных нам твердил,
А про лучший цвет творенья —
Про девиц — не говорил.
Чем рассказывать о птицах,
Насекомых разлагать,
Что б ему нам о девицах
Просто лекции читать.
Мы тогда б и спать не стали,
А всё слушали б тишком,
Что б узнали — записали
И поверили потом.

А г н е с а. Бедненький! Как вас обманывали!.. Мне вас очень жаль!.. Так и быть, я расскажу вам, что знаю... *(Проходят в глубину сада; Жером и Агата подходят ближе; прочие пансионерки гуляют в разных местах сада и разговаривают между собою.)*

Ж е р о м. Так вот что!.. А мы ничего не знали, отомщу же я этому дедушке Стукату! Я бы хотел поблагодарить вас за то, что вы просветили мой разум, но я не знаю, как благодарить женщин...

А г а т а. Кланяются, а иногда целуют руку, иногда же...

Ж е р о м. Что?

А г а т а. Если родственники, целуют и в щеку, губы...

Ж е р о м. Что же мне сделать?.. чтобы не ошибиться, выбирая... я лучше исполню все три изъявления благодарности. *(Склоняется, целует руку.)* Ах, как приятно! *(Хочет поцеловать.)*

А г а т а. Перестаньте...

Ж е р о м. Но вы сами сказали... *(Обнимает и целует ее.)* Ах, как хорошо! как хорошо!

Агата отбегает, Анатолий и Агнеса подходят.

А н а т о л ь. Теперь я всё понял!

Ж е р о м. Нет, не всё. *(Ему на ухо.)* Обними, так поймешь и то, почему птичкам весело. *(Уходит за Агатою.)*

А г н е с а. Отчего вы вдруг так задумались?

А н а т о л ь. После того, что мне объяснилось... благодарю вас, вы так много меня научили.

А г н е с а. О, я сама еще так мало знаю, могу ли я научить...

А н а т о л ь. Позвольте мне обнять вас...

А г н е с а. Как можно! Это может только муж.

А н а т о л ь. А что такое муж?

А г н е с а. Человек, который женится на какой-нибудь девушке, получив на то согласие родителей и полюбив ее.

А н а т о л ь. Я люблю вас.

А г н е с а. В самом деле?.. так скоро... нет... вы говорите слишком опрометчиво... даже нам, пансионеркам, так судить не пристало.

У нас в пансионе обычай давнишний

Влюбляться в наставников наших в ходу.

Все милы, всех любят; тут был бы не лишний

И даже ваш старый урод Стукату.

Будь гадок учитель и пуст, как статуя,
На час полюбить нам его нипочем.
Но этой любовью себя практикуя,
Мы сердце и душу, как дар, бережем.
На всё мы решиться готовы из шутки,
Но помним, что сердцем не должно шутить,
Влюбляться возможно и десять раз в сутки,
Но раз только в жизни возможно любить.

Потому не должно так торопиться... нужно сперва подумать... о, я очень знаю...

А н а т о л ь. Я люблю вас!...

Ж е р о м (*бежит от дверей*). Дедушка Стукату идет, дедушка Стукату... Ай, что нам делать!

А н а т о л ь. Если он увидит!

А г н е с а. Надо спрятаться.

Ж е р о м. И не один дедушка! Кто-то еще... Ах, твой папенька... беда!.. беда!..

П а н с и о н е р к и (*сбегаешь*). Что такое, что?

А н а т о л ь. Что нам делать?

Ж е р о м. Спрячьтесь, спрячьтесь!

П а н с и о н е р к и. Куда?

Ж е р о м (*сбегаю*). А вот! сюда... в этот садок... на минутку...

А н а т о л ь. Он пустой... мы высадили своих попугаев в маленькие клетки и повесили на деревья... подите сюда...

П а н с и о н е р к и. Хорошо! хорошо!

Бегут все к садку и входят в него; Апатоль и Жером задерживают занавеску, входят Стукату и маркиз.

Я В Л Е Н И Е 6

А н а т о л ь, Ж е р о м (в отдалении), С т у к а т у и м а р к и з Д о р т е в а л ь.

С т у к а т у. Сейчас я буду иметь честь представить вам, господин маркиз, вашего сына.

М а р к и з. Очень рад.

А н а т о л ь (*подбегая*). Папенька, папенька!

М а р к и з (*обнимая его*). Здравствуй, мой сын, здравствуй, Жером! (*Сыну.*) Чем ты, мой друг, теперь занимаешься?

А н а т о л ь. Учусь, папенька, гуляю, играю с моими попугаями...

М а р к и з. И не чувствуешь скуки?

С т у к а т у (*быстро*). Как можно!

А н а т о л ь. Нет, папенька.

М а р к и з. Но не препятствуют ли тебе, что жить весело, например, какие-нибудь догадки, неясные желанья, не имеешь ли ты в чем недостатка?

А н а т о л ь. О, нет, папенька, я совершенно доволен.

С т у к а т у (*тихо*). Доволен, как невинность, знакомая со страстями и светом...

М а р к и з. Ну, а ты, Жером?

Ж е р о м. Я также очень счастлив!

С т у к а т у (*перебивая*). Своею невинностью.

Ж е р о м. Особенно сегодня.

М а р к и з. Подите покуда, гуляйте, друзья мои; мне нужно поговорить с вашим дедушкой.

Анатоль и Жером убегают в глубину сада.

Я В Л Е Н И Е 7

С т у к а т у и м а р к и з.

С т у к а т у (*глядя им вслед*). Видите, господин маркиз... согласитесь сами, что этак прыгать может только совершенная невинность, которой образцом может служить ваш сын.

М а р к и з. Хорошо. Но главное-то, главное, о чем я вас просил, что было первою причиною такого странного воспитания?

С т у к а т у. Понимаю... вы говорите о женщинах...

М а р к и з. Я много претерпел от женщин, от любви и желал бы, чтоб мой сын избегнул подобных испытаний... Вы знаете, у меня уже давно назначена ему невеста, дочь старинного моего друга... она первая, которую он увидит, если план нашего воспитания...

С т у к а т у. О, помилуйте, исполнен в точности... смею уверить вас, что Анатолий никогда не видел женщины даже... даже в замочную скважину и не имеет об них даже поверхностного понятия, никакой идеи... Признаться, мне это много стоило... Молодые люди с такими прекрасными

способностями часто о многом догадываются... Притом эти исторические женщины... каждая из них в состоянии раз-вратить человека, занимающегося историей.

Чтоб о женщинах понятия
Сын ваш как не разгадал,
Я всех женщин без изъятия
Из истории прогнал...
Клеопатру, Феодору,
Катерину Медичи —
Всех без счету, без разбору
В шкаф я запер на ключи,
Сам об них молчал как рыба,
Но и тут брала тоска,
Благо, в нем еще, спасибо,
Кровь не слишком-то жарка.
Есть такие забияки,
Что запри их хоть замком,
Словно голицы собаки,
Слышат женщину чутьем!

Несмотря на все таковые затруднения, смею уверить, что сын ваш чист, как белая голубица, и никогда не видал женщин.

М а р к и з. О, если б так...

А н а т о л ь и Ж е р о м подходят.

Поди сюда, сын мой... я тобой очень доволен и тобой, Жером, если только собственные глаза мои и слова вашего почтенного наставника меня не обманывают...

С т у к а т у. Что касается до моих слов, то Эдуард-Фридрих-Максим Стукату, член разных академий, бывший профессор словесных наук, в подлинности их удостоверяет своею честью... Всё время пребывания здесь сын ваш провел в занятиях самых невинных... поутру он был предан наукам; вот беседа, в которой мы с ним сживали после обеда; вот деревья, которые он сам сажал, там дальше пруд, вот оранжереи, в которых он сам работал...Согласитесь, господин маркиз, что всё это такие вещи, которые не могут подать понятия о женщинах... и старый Стукату смеет надеяться, что он хорошо исполнил свое поручение... о, надобно было иметь мой глаз и мою проницательность, чтоб уберечь его от взора женщин...

М а р к и з. Благодарю... Оранжереи прекрасные, бе-

седка снаружи великолепша... всё ласкает взгляд. (*Подходя к клетке.*) А это что? для чего?

Стукату. Так-с... ничего... тут живут певинные товарищи уединения Анатоля, с которыми он иногда забавляется... попугай... он их очень любит, и я не мог отказать ему... (*Открывая клетку.*) Прекрасная коллекция! (*Он отдергивает занавеску клетки, из нее с шумом и хохотом выбегают пансионеры; Стукату в ужасе пошатнулся назад; маркиз побледнел и обратился к нему с вопрошающим взором; общее смятение.*)

Маркиз. Что это значит, господин Стукату?..

Стукату. Я... я, право, я... да нет, не я... никто... тут вмешался дьявол... да... да... это хуже овидиевых превращений...

Маркиз. Так-то вы оправдали мою доверенность?

Агнеса. Ах, какой он страшный!

Анатоль (*подходя к ней*). Не бойтесь, милая Агнеса.

Агата. Нам так хорошо было в клетке... а здесь... убежим...

Жером (*подходя к ней*). Ничего, ничего, не бойтесь!

Маркиз.

Так вот каких чудесных попугаев
Достали вы для сына моего?
Но я учить умею краснобаев,
Не потерплю обид ни от кого!
Я вверил вам единственное благо,
Которым жил на старости годов,
А вы... в руках моих трепещет шпага...

Стукату.

Разите! я принять удар готов!

Что делать, господин маркиз! Когда ваша шпага не поднимается на мою седую голову, то я сам готов бы перерезать себе горло перочинным ножичком, если б он был у меня под рукою и если б от того могла произойти польза вашему сыну... но я решительно не понимаю.

Маркиз (*считая пансионеров*). Шесть, семь, восемь, девять... Чорт возьми, девять. (*Отводя сына от Агнесы.*) Несчастный!

Анатоль. Что вы, паненька! Не разлучайте нас, мы любим друг друга.

М а р к и з. Несчастный!

Ж е р о м. И мы тоже!

С т у к а т у (*бегая*). А, это ужасно!.. проклятая малага... вкусная калитка... в первый раз в жизни... прощайте, господин маркиз...

М а р к и з. Что? Куда?

Стукату идет и сталкивается с мадам Гро-Гро.

Я В Л Е Н И Е П О С Л Е Д Н Е Е

Т е ж е и м а д а м Г р о - Г р о .

Г р о - Г р о. Нет ли их здесь?.. А! Наконец я нашла...

А г н е с а и д р у г и е п а н с и о н е р к и. Ай, ай! Мадам Гро-Гро! убежим...

Г р о - Г р о. Нет, уж поздно!

М а р к и з. Объяснитесь!

Г р о - Г р о. Представьте себе, сударь... я соержу пансион вот уж двадцать лет... никогда такого чуда не случилось... мои пансионерки ушли и пропали... я была в отчаянии... насилу нашла... А всё затеяла эта шалунья графиня Агнеса Поль!

М а р к и з. Агнеса Поль!

Г р о - Г р о (*взяв Агнесу за руку*). Пойдемте в класс... вы будете примерно наказаны...

А н а т о л ь. Не уходите... я умру... папенька, не велите уходить Агнесе, я умру...

М а р к и з. Скажите, пожалуйста, эту молодую девушку зовут Агнесой Поль?

Г р о - Г р о. Да, сударь, она дочь графа Поль, который живет в нашем околотке... прекрасный человек, исправно платит деньги...

М а р к и з. Дочь графа Поля! Благодарите судьбу, господин Стукату... эта девушка та самая, которую я назначил в супруги моему сыну, с согласия ее отца...

А н а т о л ь. Боже мой! Как я счастлив!

Ж е р о м. А я несчастлив! Моя Агата от меня уходит.

А н а т о л ь. Не бойся, Жером, я постараюсь за тебя.

М а р к и з. И я! мне стоит только увидеться с графом, чтоб кончить дело.

С т у к а т у. Слава богу! Всё поправилось... А вы, госпожа Гро-Гро, вперед не извольте выпускать своих пансио-

нерок, потому что это противно здоровой нравственности и может служить к нарушению благоденствия народов и развращению нравов сограждан, что при некоторых случаях...

Маркиз (*отходя от него и не слушая*). Ну, что его слушать... он всегда имеет привычку читать мораль, когда в ней никто не нуждается.

Стукату продолжает ораторствовать. Все отходят от него, не слушая.

Все, кроме Стукату (*к публике*).

У нас сошло всё с рук благополучно,
Теперь как раз начнется пир горой,
Но, может быть, вам счастье наше скучно,
Иль, может, вы торопитесь домой.
Уйдем и мы, но вас спросить желаем:
Хотите вы опять нас посмотреть,
Иль навсегда уж нашим попугаем
Велите вы со сцены улететь.

К о н е ц

1842

**ПОХОЖДЕНИЯ ПЕТРА СТЕПАНОВА,
СЫНА СТОЛБИКОВА**

*Комедия в четырех картинах,
с куплетами*

КАРТИНА ПЕРВАЯ

ПРИМЕРНЫЕ ОТЧЕТЫ

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Макар Тимофеевич Жиломотов, опекун Столбикова, 40 лет.

Петя Столбиков, сирота и богатый наследник, 16 лет.

Поверенный опекуна.

Михайло Федорович Петигорошкин, член из опеки, 45 лет.

Игнатъич, поверенный, преданный Петру Столбикову.

Фомич, дядька Петра Столбикова.

Кузьминишна, няня Петра Столбикова.

Кирило, слуга Жиломотова.

Несколько дворовых людей.

Действие в имени Петра Столбикова в XVIII веке.

Театр представляет довольно большую гостиную, с старинною мебелью, покрытою чехлами. Большой диван, стол и стулья, в середине и по сторонам несколько дверей. Окно.

Я В Л Е Н И Е 1

К у з ь м и н и ш н а (стоит у окна и печально посматривает).
Ф о м и ч (входит).

К у з ь м и н и ш н а. Вот, бегаёт себе, бедняжечка, о дворовыми мальчишками и не чувствует своей горькой, сиротской участи... (Увидя Фомича.) Что ты, Фомич? Достал ли Петрушеньке хоть чего-нибудь покушать?

Ф о м и ч. Нет, Кузьминишна; Кирюшка говорит, что Макар-де Тимофеич велел всё запереть, ничего барину не давать, пока сам его благородие не приедет из опеки. Ваш, говорит, глупый барчонок совсем разоряет опекуна. Каково?

К у з ь м и н и ш н а. Мати божия! разоряет! вот мы нынче до чего дожили! да кто ж обобрал сироту кругом, как не Макар Тимофеич? Ведь шутка, все три имения он теперь забрал в свои руки! помнишь ли, как они налетели сюда после смерти барыни? Мы сперва думали, что это все родственники, а как рассмотрели, так это весь суд нагрязнул! Сирота испугался и прибежал ко мне; я дала ему покушать, а сама начала плакать да приговаривать: бедный Петя! что с тобою будет? теперь-то начнут *опекать* тебя!.. и точно, такое тогда пошло бражничанье, что и конца не было! Пили, ели, пошли гурьбою в кладовые, погреба, конюшни и по всем барским заведениям, а на бедного сироту и не обращали внимания; целых две недели ходили, ездили и переписывали всё по заводам. А как уж стали

убираться по домам, так Макар Тимофеич на прощаньи за каждым гостем отправлял целыми возами, то с хлебом, то с домашними птицами, — за иным повели барских лошадей, за другим — коров, за третьим — погнали телят, баранов, гусей... и господи! страшно вспомнить, чего тогда не было.

Ф о м и ч. Да, да, Кузьминишна... и кабы не вступилась за бедного Петра Степаныча сестрица покойной барыни, так он и самого наследника выгнал бы из имения.

К у з ь м и н и ш н а. Да, спасибо, добрая барыня! нарочно приезжала из Рязанской губернии навестить разоренного племянника; пожалела, поплакала об его участи, потом разбранила опекуна, поехала жаловаться предводителю и подала уж, говорят, в суд несколько жалоб.

Ф о м и ч. Ох! дай-то бог, чтоб ее послушались да сменили поскорей Макара Тимофеича. Вряд ли: он теперь сам в городе, хлопочет затушить все доносы.

За дверьми слышен голос Петра Столбикова.

С т о л б и к о в. Няня! няня! где ты? Кузьминишна!..

Д В Л Е Н И Е 2

Т е ж е и П е т р С т о л б и к о в.

К у з ь м и н и ш н а. *(ласково)*. Я здесь, голубчик мой...

С т о л б и к о в *(вбегают в рубашке и в жёлтых китайчатых брюках, одно колено разорвано, волосы длинные, в беспорядке)*. Няня! посмотри... я начал бороться с нашими мальчишками, а они все схватили меня, повалили на дворе, Афонька и оцарапал мне нос... *(Громко плачет.)*

К у з ь м и н и ш н а. Покажи-ка, покажи, мой батюшка... в самом деле! ах, они разбойники!..

С т о л б и к о в. А что? кровь нейдет?

К у з ь м и н и ш н а. Нет, кажется...

С т о л б и к о в *(спокойно)*. Ну, так ничего, пройдет! да я уж оплачу Афоньке! Знаешь, Фомич, я пойду помирюсь с ним, начну нарочно играть, да после и скажу: Афонька, давай играть в лошадки! потом, как запрягу троих мальчишек в мою тележку, а Афоньку-то на при-

стяжку, они меня повезут, а я его сзади кнутом и отвалю! ха! ха! ха!

Кузьминишна. Нет, барин, лучше с ними не связывайся, а учись грамоте.

Столбиков. Как же! пойдет мне учење на ум, когда я голоднѣхонек... (Фомичу.) Ты ведь обещал накормить меня чем-нибудь, что ж ты?

Фомич. Ох, барин! я просил, да Кирюшка всё запер и говорит, что Макар Тимофеич не велел без себя ни кусочка давать вам.

Столбиков. Да как же, коли мне есть хочется? (Плачет.) Я уж и сам бегал просить у Кирюшки. Что ж ты, говорю я, Кирило, меня не накормишь? а он, развалившись на кровати, как крикнет на меня: «А ты что за цаца? молчи, говорит, и пошел отсюда!..» Вот, я взял замолчал, да пошел опять бегать по двору.

Кузьминишна (целуя его в голову). Бедный Петя! Что с тобою будет? Это тебе, батюшка, еще цветочки; после будут и ягодки.

Столбиков. Да мне бы хоть хлебца дали кусочек!..

Кузьминишна. Погоди, батюшка... вот, авось, опять приедет твоя тетушка Настасья Николавна, там она и опекуна, и всех за тебя в дугу согнет.

Столбиков. Ах, кабы она опять приехала! Я помню, как она меня ласкала, целовала и вспоминала о маменьке, она так на нее похожа.

Фомич. Нет, голубчик барин, она ничего тебе не сделает! за твоего опекуна, говорят, все крепко тянут.

Столбиков (протяжно). Ах, как есть хочется!.. (Влезает с ногами на диван.)

Я В Л Е Н И Е 3

Те же и Игнатъич (поверенный тетки Столбикова).

Кузьминишна (увидя его). А! Игнатъич, из города! что доброго привез?

Игнатъич (кланяясь весело). Здравствуйте, здравствуйте... славные вести! спешил скорей опередить нашего злодея, чтоб обрадовать и барина, и вас...

Кузьминишна и Фомич. Что же такое, родимый?

Игнатъич. А то, что, наконец, мы доехали Макара Тимофеича! Новая жалоба барыни Настасьи Николавны, кажись-таки, подействовала! где было прописано, что она приезжала сюда, видела и ужаснулась, что наследник такого большого имения содержится в самом ужасном виде, что хоть недавно и разбирали отчеты опекуна, но не в точности, и по сие время он не обращает никакого внимания, а что закон и бог запрещают обижать всякого, а кольми паче сироту и прочее. Она уехала в деревню и оставила меня ожидать решения, теперь и назначили нового члена рассмотреть отчеты, ревизовать опекуна, да какого члена! самого строгого! Жиломотов начал было его умасливать, куда! ни с той, ни с другой стороны и приступу нет.

Фомич. А кто такой этот ревизор-то?

Игнатъич. Его благородие, Михайло Федорыч Петигорошкин.

Кузьминишна. Ну, дай-то бог! слышите, Петр Степаыч?

Столбиков. Да дайте мне поесть чего-нибудь!

Игнатъич. А он голоден? ах, бедный барин! Я и забыл нынче привезти вам гостинцев-то... у самого только вот кусок сайки осталось.

Столбиков (*вскочив*). Голубчик! дай мне хоть кусочек!..

Игнатъич. Бедняжка! Кушайте на здоровье всю. Однако прощайте! Как Макара Тимофеич меня увидит здесь, так убьет до смерти! Прощайте, барин.

Столбиков (*набивая рот*). Прощай! Спасибо за сайку.

Фомич и Кузьминишна. Прощай, прощай, Игнатъич.

Игнатъич уходит.

Я В Л Е Н И Е 4

Те же и поверенный опекуна (сталкивается в дверях с Игнатъичем).

Поверенный. А! ты опять здесь, лисица? зачем пришел? а?

Игнатъич. Сказать тебе по-дружески, что ты воровская петля! (*Убегает.*)

П о в е р е н н ы й. Хорошо! Хорошо! я тебе докажу дружбу!.. (*Строго Фомичу и Кузьминичине.*) А вы зачем его пустили сюда? а? ведь вы знаете, что Макар Тимофеич его выгнал за плутни?

К у з ь м и н и ш н а. Да он, батюшка, пришел навестить барина.

П о в е р е н н ы й. Хорошо, хорошо, я вот пожалуюсь Макару Тимофеичу! он вам даст так баловать ребенка.

С т о л б и к о в. Да! голодный-то много не набалуует.

С л у г а (*вбегает*). Кузьма Иваныч! барин Макар Тимофеич приехал из города! ищет вас...

Ф о м и ч и К у з ь м и н и ш н а. Приехал! ну, беда наша! (*Суетятся в страхе.*)

П о в е р е н н ы й (*слуге*). Скажи, что я здесь.

С т о л б и к о в (*вскочив с дивана*). Ай! ай! няня! я убегу к тебе! Кузьма Иваныч! не говорите, что я ел сайку. (*Убегает направо.*)

Няня и Фомич тоже уходят за Столбиковым.

Я В Л Е Н И Е 5

П о в е р е н н ы й и Ж и л о м о т о в (в мундире XVIII века, лицо сердитое, волосы на голове и бровях торчат, как петина).

Ж и л о м о т о в (*громко*). Кузьма Иваныч! беда! совсем беда! уф! что будет, не знаю!..

П о в е р е н н ы й. Что ж такое, батюшка? неужто вы ее не победили?

Ж и л о м о т о в. Это-то и больно, братец!

Убит тоской, кручиною!
Ох! злость меня грызет!
Уж баба над мужчиною
Вдруг нынче верх берет!..
Ведь стыдно, что теперича
Молва о мне пошла:
Макара Тимофеича
Бабенка провела!
Ведь это просто бедствие!
Предписано опять:
Производить все следствия,
Отчеты разобрать;
Но этот случай бедственный
Меня не угнетет;
Меня — не только следственный,
Сам чорт не разберет!!

П о в е р е н н ы й. Да кто ж наряжен разбирать отчеты? неужто уж вы не могли его?..

Ж и л о м о т о в. У! чорт чортом! ни с которой стороны подступить нельзя! грозит ужасно!

П о в е р е н н ы й. В самом деле? да кто ж такой?

Ж и л о м о т о в. Михайло Федорыч Петигорошкин! вот так и жду, что нагрянет! вели поскорей у смотрителей и ключников переписать счета и реестры, выдай всем новые платя, вели сейчас по деревне раздать бедным мужикам больше хлеба, даже денег кому нужно...

П о в е р е н н ы й *(идет)*. Хорошо, хорошо, бегу!

Ж и л о м о т о в. Постой! вели сейчас вынуть из кладовых лучшее серебро, столовое белье, фарфор, хрусталь.

П о в е р е н н ы й. Сию минуту... *(Хочет идти.)*

Ж и л о м о т о в *(нетерпеливо)*. погоди, братец! еще не всё! в надлежащем ли порядке у тебя опекунские книги?

П о в е р е н н ы й. Так, как вы приказали, так и изготовлены.

Ж и л о м о т о в. Хорошо! а чадо наше где?

П о в е р е н н ы й. Побежал к няньке.

Ж и л о м о т о в. Не сломил себе головы без меня?

П о в е р е н н ы й. Да уж, признаюсь, не жаль бы было! надоел нам всем своими шалостями.

Ж и л о м о т о в *(сквозь зубы)*. О, пропадай его голова! только вот хлопоты да забота от него... ступай и скажи Кириле, чтоб велел приготовить сейчас самый лучший завтрак; живо! живо! *(Ходит по комнате. Потом садится и опять вскакивает.)* Да пусть приведет ко мне Петра.

П о в е р е н н ы й. Разом. *(Убегает.)*

Я В Л Е П И Е 6

Ж и л о м о т о в, один, потом слуги.

Ж и л о м о т о в. Боюсь не на шутку.. О, ехидная бабенка! будешь ты меня помнить!.. я тебя отважу вступаться за этого негодного мальчишку... *(Кричит.)* Эй! люди! дурачье! скорей сюда!.. *(Входят трое слуг.)* Сейчас убрать все комнаты! снимите долой чехлы со всей мебели! живо!.. *(Сам с собой.)* Видишь ты: зачем он не

учится!.. да! стоит учить и тратиться на эдакого болвана!.. Ну, учила бы на свою шею, да и тратилась... Что ж он нейдет? Васька! принести мне закусь.

Я В Л Е Н И Е 7

Жиломотов и Столбиков (входит с робостью); потом вскоре Кирилла (с подносом, на котором разные сладости и крендели).

Жиломотов (*увидя Столбикова*). А! пожалуйста сюда...

Столбиков (*про себя*). Ой! страшно!.. жилки дрожат!..

Жиломотов (*очень ласково*). Поди, поди сюда, Петрушенька... что ты так редко со мной видишься?

Столбиков (*ласково*). Я-с?.. да я... Макар Тимофеич... извините... я, ей-богу, не виноват...

Жиломотов. Полно... полно трусить... подойди, сядь со мною... я очень рад, что тебя вижу... я ведь очень люблю тебя...

Столбиков. Я знаю-с, покорию благодарю-с!

Входит Кирилла и ставит поднос подле Жиломотова.

Жиломотов (*Столбикову*). Что ты? завтракал ли сегодня? а?

Столбиков. Да, давеча... съел кусочек чужой сайки.

Жиломотов (*лаская его*). Чужой?.. Кирилла! что это значит?

Кирилла (*равнодушно*). Да ничего, сударь...

Жиломотов. Ведь, кажется, я тебе строго приказал...

Кирилла (*равнодушно*). Да я строго и исполняю ваши приказания.

Жиломотов. То-то же! Хочешь, Петруша, вреньяца?

Столбиков. Хе, хе, еще бы не хотеть! (*Особо.*) Нет, не даст.

Жиломотов (*отдавая ему тарелку с ложкой*). На же, на, полакомься, мой друг.

Столбиков (*в радости*). Ах ты, господи!

Жиломотов. Кирилла! ты вовсе не смотришь за Петрушей; посмотри, на что он похож?

К и р и л а. Помилуйте, Макар Тимофеич! да кто сладит с этим шалуном...

Ж и л о м о т о в (*грозя ему пальцем*). Ш-ш-ш!.. не говори так на господское дитя!

С т о л б и к о в (*Кириле*). Слышишь ты? (*Опекуну*.) А он вечно по-вашему ругает меня щенком, сорви-головой, все ваши ласки повторяет.

Ж и л о м о т о в. Ничего! это шутки... на, вот еще... кушай на здоровье...

С т о л б и к о в. Благодарствуйте-с! экое мне счастье сегодня!.. А я думал, что вы сами нынче съедите меня... (*Кириле*.) Ну, что ты зубы-то скалишь? жалко небойсь?.. (*Опекуну*.) Макар Тимофеич, скажи мне, пожалуйста...

Ж и л о м о т о в. Что? что такое, мой дружок?

С т о л б и к о в. Отчего это вся дворня надо мной тешится? Как они смеют, если я барское дитя? верно, оттого, что мне некому пожаловаться?..

Ж и л о м о т о в. Это так, Петруша... не огорчайся... помни лишь, что я твой второй отец.

С т о л б и к о в. Я это помню... а все-таки зачем же?..

Смеется всякий и дурачит;
Зачем же здесь наедине
Со мною тетенька всё плачет
И сожалеет обо мне?..
Да и еще, скажите кстати:
Когда я назвал вас отцом,
С тех пор из барского дитяти,
Прослыл дворовым я щенком?

Ж и л о м о т о в. Это ничего... что ж тут мудреного? мало ли что говорится! забудь всё это и скажи: ведь тебе со мною не скучно? а?

С т о л б и к о в (*улыбаясь*). Да вот, как вы меня прикормили, так очень стало весело!..

Ж и л о м о т о в. Так приходи почаще, Петенька, я всегда буду тебя сладким кормить. Ведь ты ни к кому не хочешь переехать? всё у меня желаешь жить?

С т о л б и к о в. Желал бы... да и к тетеньке...

Ж и л о м о т о в (*очень сердито*). Сохрани тебя бог! не смей и вспоминать об ней! слышишь? уморю с голоду!.. (*Вырывает тарелку*.)

С т о л б и к о в (*струсив*). Слышу, слышу... не... не... не буду.

Жиломотов (*ласково*). То-то же, а когда ко мне часто будешь приходиться, так я всего буду давать.

Столбиков. Часто; и завтра приду, и послезавтра приду, и после-после-завтра приду!

Жиломотов. Кирила! ты виноват, что Петрушенька так обносилась... сейчас поди и надень ему самое новое платьице. Умой его, голубчика, мыльцем, причеши волоски, надень новые сапоги, накорми пирожками... слышишь?

Столбиков (*строго Кириле*). Слышишь, Кирюшка?

Кирила. Слышу. (*Махнув рукой.*)

Жиломотов. Ну, ступайте, ступайте, да поскорее...

Столбиков. Ах ты, господи! я еще ни разу после маменьки не надевал нового платья! как это будет весело! благодарствуйте, Макар Тимофеич! (*Хочет поцеловать руку.*)

Жиломотов. Полно, полно... Кирила! положи ему во все карманы пряничков, крендельков, слышишь?

Столбиков. Слышишь, Кирюшка? х! х!

Кирила (*грубо*). Слышу.

Жиломотов. Смотри же, Петенька: если тебя начнут здесь спрашивать, доволен ли ты мною, скажи — *всем* доволен! Скажи, что я тебя люблю, всегда забочусь о тебе и вот как ласкаю!.. (*Нежно целует его в голову.*)

Столбиков (*весело*). Хорошо, хорошо! Кирюшка! побежим скорей... (*Убегает в восторге, Кирила уходит за ним.*)

Я В Л Е Н И Е 8

Жиломотов, один, потом поверенный.

Жиломотов. Эдакого болвана бог создал! того и жду, что наживу с ним греха... Эй! поверенного скорей! а уж этого плута Игнатича я доеду же! я ему дам подавать жалобы... он у меня носу не покажет в городе... я уверен, что он скрыл от меня подлинную опись имения покойницы... это ему так не пройдет...

Поверенный входит.

Ну, Кузьма Иваныч, всё там по дому в порядке?

Поверенный. Разом всё повернули! вся дворня чистится, одевается и удивляется.

Ж и л о м о т о в (*ударив себя по лбу*). Ах! чуть было не забыл! я обещал *одолжить* одного члена на время... сейчас послать с нарочным две тысячи рублей; адрес его у меня в кабинете на столе. А это письмо вели с другим нарочным послать к протоколисту и чтоб при этом довели к нему хорошую корову.

П о в е р е н н ы й. Очень хорошо, сейчас. (*Убегает.*)

Ж и л о м о т о в (*один*). Господи! сколько расходов, душевных огорчений... и всё это из-за какого-нибудь глупого барчонка, из-за какой-нибудь злой и корыстолюбивой бабенки... а я было всё так благородно и умно устроил к общему благу...

Прибрал к рукам все три имения,
Всё так умно распорядил,
Что все получше заведенья
В свое именье поместил;
Как подобает человеку,
К жене все вещи переслал,
Всё взял себе я от опеки...
Хоть бы спасибо кто сказал!

Такой нынче неблагодарный народ, что, право, не стоит быть честным человеком.

С л у г а (*убегает*). Едет! едет!

Ж и л о м о т о в (*очень струсив*). Ну, беда моя! (*Суетится.*) Господи! прости грешника! раскаюсь! ей-богу, раскаюсь... близко он?

С л у г а. Сейчас въезжает в ворота. Сперва остановился около деревни, что-то приказывал мужикам, потом и покати сюда.

Ж и л о м о т о в. Новая гибель! сейчас подать завтрак! приведите молодого барина его благородие Петра Степановича! велеть ниже кланяться приезшему!

Слуга убегает.

Господи! сколько лет ты был милостив к своей твари! вразуми и помилуй меня, многогрешного!.. Я ли один позабыл премудрые заповеди? у меня ли одного совесть с изъянчиком? у меня ли одного душа с пятнышком? ох! сам не знаю, что говорю! надо сохранить спокойный дух...

ЯВЛЕНИЕ 9

Жиломотов и Столбиков (вбегают одетый в гусарскую курточку с откидными манжетами и ест конфеты).

Жиломотов. А! милый Петрушенька! как хорошо в этом платьице! Пойдем, пойдем встречать приезжего господина.

Столбиков. Хорошо, пойдемте... я теперь сытехонек.

Жиломотов. Ведь ты меня любишь?

Столбиков. Хе! еще бы нет!

Жиломотов целует Столбикова очень нежно.

ЯВЛЕНИЕ 10

Те же, Петигорошкин и поверенный (Петигорошкин с шакалкой в руках, на голове колпак и сверх колпака картуз).

Поверенный (*выбегав, встревоженный*). Идет! Идет!..

Петигорошкин (*нежным голосом*). А! здравствуйте, добрые люди!..

Жиломотов (*кланяясь, шаркает, представляя Петра*). Михайло Федорыч... вот, сам наследник имеет честь встретить вас в своем доме...

Петигорошкин. А разве дом у него еще цел? (*Глядя по голове Петра.*) Раста велик, голубчик, да вступай в свои права. А пока я пособиру все твои растасканные крохи, чтобы... (*Смотрит на Жиломотова.*)

Жиломотов (*униженно кланяясь*). Михайло Федорович... позвольте со всею душевною преданностью спросить, где вам будет угодно расположиться?.. вот, если будете так обязательны, в мой кабинет... (*Показывает на боковую дверь.*)

Петигорошкин. Как? туда? в ваши подозрительные апартаменты? Нет, сударик, я с вами хлебосольства не намерен вести; я здесь останусь, со мною есть всё, и мне вашего, то есть сиротского, не надо. Я знаю закон, имею совесть, боюсь бога, — дорожу мнением моих собратий и не допущу на себя ни малейшего нареkania...

Жиломотов (*особо*). Ой, ой, ой...

Столбиков (*особо*). Ага, Макар Тимофеич трясется! ага! есть-таки человек, кого и он боится!..

Петигорошкин (*осматривая комнату*). Ого! в комнатке-то довольно пустынько... изрядно обнажена ото всех уборов... Гм! странно, что в таком богатом имении дом древней дворянской фамилии голехонек! куда бы всё это подевалось? ась?

Жиломотов (*в замешательстве*). Как ненужные вещи... чтоб нарочно не портились... так спрятаны...

Петигорошкин. А! понимаю... спрятаны в надлежащее место... (*Снимая перчатки и шейную повязку.*) Ох, батюшка, Макар Тимофеич!.. знаю, сударик, всё! я ведь не то, что прежние... Я помню свою обязанность...

Вносят чай на богатом подносе и подают ему.

Защищать угнетенных сирот и оберегать их имущества от разорения... надо помнить совесть, батюшка!.. (*Пьет чай с кренделями.*) Чтоб и маленькая сиротская крошка без нужды не тратилась... (*Кладет в рот большой кусок кренделя.*) И всё попечение... надо больше... обращать на сироту... чтоб они в чем не терпел нужды... (*Берет сухари, крендели и кладет еще себе в чашку.*)

В ком совесть есть, душа и бог,
Тот не возьмет сиротских крох,
Кто понимает сиротство,
Тому не нужно ничего!..

(*Берет сухарь и кладет в чашку.*)

А кто сиротское берет,
Тот в ад крошечный попадет!..

(*Пьет и ест вместе.*)

Кто ж объедает сироту, —
Уподобляется скоту!

(*Слуге.*) Подай мне еще чашку, да с ромом... (*Жиломотову.*) Да, сударик, грех смертельный, когда мы о них не заботимся. (*Грозит.*)

Жиломотов. Помилуйте, кажется, я...

Петигорошкин. Всё, батенька, знаю!.. мне все беспорядки, все ваши злоупотребления открыли... пожалуй-ка, сударик, отчеты; я все книги сам пересмотрю... знаю, батенька, как вы содержите и малолетнего наследника; всё знаю! ему теперь шестнадцать лет, а чему и где он учился? а? я его сам проэкзаменую.

Тут Жиломотов машет рукой, чтоб все вышли, и когда Столбиков тоже хочет уйти, Петигорошкин оборачивается.

Ж и л о м о т о в (*особо*). Ну, этого не доставало! (*Тихо Столбикову.*) Спрячься от него...

П е т и г о р о ш к и н. А? куда это, сударик, ты его выпроваживаешь? это что? останься, душенька, останься, мы побеседуем...

Поверенный кладет подле Петигорошкина книги и бумаги.

Ж и л о м о т о в. Но вы бы отдохнули с дороги... не угодно ли вам прилечь?

П е т и г о р о ш к и н. Отдохну, батюшка, когда кончу дело. Все ли тут книги и описи?

Ж и л о м о т о в. Все до последнего, и в них весь приход и расход вписан по сей день. (*Кланяется и подходит ближе.*)

П е т и г о р о ш к и н. То-то, батенька, я все отчеты поверю сам, наедине... а завтра произведу наистрожайшее следствие.

Ж и л о м о т о в (*тихо ему*). Батюшка! Михайло Федорыч!.. позвольте с глазу на глаз со всею откровенностью предложить вам...

П е т и г о р о ш к и н (*сердито и громко*). Это что значит? а? я вам, батенька, одно говорю: отчеты ваши по листочку разберу, а что в них найду, так и дело поведу. Я на правду чорт! задобривать меня не думайте и не смейте!.. дайте мне подушку помягче, я после работы отдохну на этом диване... прощайте!

Поверенный приносит подушку и перемигивается с Жиломотовым.

Ж и л о м о т о в. Извините... до приятного свидания... Ох! желаю вам успокоиться во здравие!.. (*Особо.*) Ох! что-то будет?.. (*Столбикову.*) Не мешай, Петрушенька, уйди пока... (*Поверенному, тихо.*) Пойдем!

Оба уходят, а Столбиков прячется за диван.

Я В Л Е Н И Е 11

П е т и г о р о ш к и н (у стола), С т о л б и к о в (за диваном). (Петигорошкин, осмотревшись, идет к средней двери и запирает на ключ.)

П е т и г о р о ш к и н. О, черная, подозрительная душа! он думает, что я так прост, как другие, которых он умел пустяками задобривать и отклонять от должной обязан-

ности... эдакой грабитель!.. можно ли было такого человека утвердить единственным опекуном над большим именем?.. *(Берет одну из книг.)* Посмотрим... Что тут есть?.. *(Открывает переплет книги.)* Кой чорт... много написано... а нет ничего!.. *(Берет другую и открывает также.)* А что тут... также ничего!.. *(Берет третью.)* И вдесь нет!.. *(Швырнув все книги под стол.)* А! постой же, бессовестная душа! Хорошо! будешь ты помнить меня!.. Не я буду, чтобы я тебя не доехал!.. *(Садится на диван.)* Уж я же тебя, грабитель!.. фу! а я устал-таки... от дороги... прилягу... О! плохо ему будет от меня!.. *(Ложится на подушку, показывая, что ему неловко лежать на ней.)* Обнаружу все его умыслы... со света сживу... разбойник! не дал мне даже мягкой подушки... а я еще предупредил нарочно... *(Вертит головой на подушке.)* Смерть жестко... экой ведь аспид! *(Вскакивает в досаде.)* На этом нельзя просто приклонить головы... *(Схватывает подушку разрезом книзу, и из нее высыпаются на пол длинные свертки с шумом, даже из некоторых вываливается несколько целковиков.)* А!.. понимаю!.. вот оно что!.. *(Бросается и подбирает с пола, а Петр Столбиков в эту минуту высовывается во весь рост из-за дивана и наблюдает за ним.)* Догадался-таки хитрый человек... раз, два, три, четыре, пять, шесть, семь, восемь, девять, десять...

Весь счет Столбиков повторяет за ним тихо, потом говорит про себя.

Столбиков. Что это за колбасы?

Петигорошкин *(взяв свертки в руки)*. Дважды пять десять!.. *(Идет к столу и кладет в свою шкатулку.)*

Столбиков *(повторяя за ним)*. Дважды пять — десять. А! Это из арихметики... *(Прячется опять.)*

Петигорошкин. Ишь ты, как он награл сиротского... постой! да не ошибся ли я тут? *(Берет с полу книги и каждую, обернув, вытряхает, из них сыплется ассигнации.)* А! слава богу!

Столбиков *(высунувшись вдруг)*. Еще колбасы!.. нет... Это опекуна отчеты... Э! да какие все маленькие... разные... вон красный отчет, вон белый!.. вон и синий... а белых больше всего...

Петигорошкин *(вытряхая, кладет в шкатулку)*.

Ишь, как он ловко поступает!

Столбиков (*наблюдая за ним*).

Ишь, как прилежно вытряхает!..

Петигорошкин.

Меня, знать, в тошность понимает.

Столбиков.

Как он отчеты разбирает...

Петигорошкин.

Теперь и он меня поймет...

Столбиков.

Куда ж отчеты он кладет?

Петигорошкин (*запирая шкатулку*).

Теперь всё скроем мы опять...

Столбиков.

И запер наши дважды пять.

(*Прячется опять.*)

Петигорошкин (*вздыхая громко*). О, господи! прости меня грешного!.. отчеты все так верны, что нельзя не подписать. (*Подписывает книги одну за другою.*)

ЯВЛЕНИЕ 12

Те же и Жиломотов (входит робко из боковых дверей).

Жиломотов (*сам с собой*). А! кажется, нашел... и взял... подписывает книги... Хоть я ему и жестко постлал, а мягко было...

Столбиков (*сам с собой*). Дважды пять — десять колбасов...

Жиломотов. Батюшка! Михайло Федорыч... как-то изволили отдохнуть?

Петигорошкин (*подписывая*). Благодарю вас за всё ваше беспокойство обо мне... Отдохнул преприятно... благодарю вас...

Столбиков (*про себя*). Что же это за колбасы?..

Жиломотов. Помилуйте, это безделица...

Столбиков незаметно выходит из засады.

Петигорошкин. Ну, батенька, я разобрал все ваши отчеты и вижу, что всё верно и исправно, точность примерная!.. Я надеюсь, что вы получите благодарность за похвальное управление имением, которое до вас было крайне расстроено, кажется?

Жиломотов. Чертовски расстроено! и потому боюсь, чтоб меня не обвинили за долги...

Петигорошкин. За что ж тут вишнить? не вы их наделали, а сами владельцы задолжали.

Жиломотов. Мне более всего ужасны эти глупые заведения: сколько лошадей, овец, рогатого скота... поверите ли, что на них идет весь экономический доход!

Петигорошкин. Что ж вы смотрите? представьте о невыгоде содержать эти заводы, а я выхлопочу разрешение — продать их.

Столбиков (*сам с собою, стоя в углу*). Ага! видно, тяжело ему управляться со скотами.

Петигорошкин. Но постойте: где же наш наследник? я его что-то не заметил.

Жиломотов (*увидя Столбикова*). А вот он! Петрушенька! подойди...

Столбиков подходит смело.

Петигорошкин. Ого! какой молодец! ну, сударик, учишься ли чему?

Столбиков (*вздыхая*). У... учусь.

Петигорошкин. Чему же ты учишься? бегать, бороться, лазить по плетням? а?

Столбиков. Нет, тетенька отдала меня учиться к отцу Филиппу... и я учусь читать, писать и арифметике...

Петигорошкин. А многому ли выучился? ну, скажи мне: сколько семью семь?

Столбиков (*запинаясь*). Семью семь... (*Особо.*) Вот выдумал, что спросить! ммм... (*Громко.*) Как бы это сказать-то?.. нет, спросите другое, поменьше.

Петигорошкин. Ну шестью шесть сколько?

Столбиков. Нет, всё много спрашиваете... а вот сейчас я выучил у вас и видел, как вы положили туда дважды пять — десять в шкатулку.

Петигорошкин, сконфузясь, вскакивает и отходит к Жиломотову.

Петигорошкин. Как?.. Что?

Столбиков. Я знаю, что дважды пять выходит десять отчетов!

Жиломотов. Скажите! до чего нынче мальчишка доходит!..

Петигорошкин. А! так вот ты чему учишься, сударик! так эдак-то ты благодарен своему опекуну за все его заботы и попечения о тебе?.. *(Жиломотову.)* Он преопасный мальчишка! *(Столбикову.)* Тетка твоя жаловалась, что ты находишься в безобразном положении, а между тем ты одет как нельзя лучше, молодцом...

-Жиломотов. Всегда молодцом одет, батюшка! разорил меня своим франтовством!

Петигорошкин. Верю, верю. Знаешь ли что, батенька? вот мой совет: спровадь его в военную службу, да и квит!

Жиломотов. Как! в военную? помилуйте, да из чего?.. ведь расходы...

Петигорошкин *(тихо ему)*. Эх! не видишь своих выгод! послушай... *(Шепчется, рассказывая по комнате.)*

Столбиков *(про себя наблюдая за ними, плачет)*. Меня в военную? за... за... за что! чем же я виноват? разве я выдумал дважды пять десять?.. *(Подходит к шкатулке.)*

Петигорошкин *(Жиломотову)*. Его примут в армию, хоть сверхкомплектным, а тут и распоряжай, да и пиши расходы вчетверо...

Жиломотов. Понимаю, понимаю, покорнейше вам благодарен за совет!.. ужасно опасен! вредные понятия... а в армии его выправят.

Петигорошкин. То-то же! ну, прощайте, батенька, мне пора... *(Идет к столу, где шкатулка стояла.)* Всё хлопочу по разным тяжбам...

Столбиков *(взяв неприметно шкатулку, отходит)*. Ишь, как крепко заперто...

Петигорошкин *(ищет глазами шкатулку)*. А где же моя шкатулочка?

Столбиков *(на другой стороне театра)*. У меня, батенька! я хочу до службы полакомиться колбасами...

Жиломотов и Петигорошкин. Ах, ты, плут! *(Идут к нему, но он от них бежит и кричит громко.)*

Столбиков. Да я голоден, а отчеты-то, верно, наши, маменькины...

Жиломотов и Петигорошкин. Ах, ты, воришка, воришка!.. *(Ловят его на середине театра. Петигорошкин взял у него шкатулку.)*

Петигорошкин. Похищать чужую собственность? отымать благоприобретенное?

Жиломотов *(строго)*. Утаивать не принадлежащее? хорошо!

Столбиков. Да это ведь наше, кажется...

Жиломотов *(схватив его за ухо)*. Ах, ты, разбойник!

Петигорошкин. Хорошенько его! экой плут! прощайте, батенька! Прощайте!.. *(Уходит.)*

Столбиков *(вслед уходящему Петигорошкину)*. У! у! стыдно! унес наши колбасы!

В это время Жиломотов продолжает его драть за ухо.

Ай! ай! больно! пойду в службу! пойду! простите!.. ай! ай!..

Жиломотов. Не плутуй! не воруй, а учись у нас!.. перенимай у старших!..

Столбиков. Ай! ай! хорошо! буду!.. ай! ай!

Занавес упадет.

Конец 1-й картины.

КАРТИНА ВТОРАЯ

НЕОБЫКНОВЕННЫЙ ОБЕД

После первой картины проходит пять лет антракта.

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Правитель губернии XVIII века.

Жена его.

Поручик правителя губернии.

Губернский предводитель.

1-й председатель.

2-й председатель.

Совестный судья.

Председатель верхнего земского суда.

Молодой заседатель.

Губернский прокурор.

Советник палаты.

Директор экономии.

1-й ассессор.

2-й ассессор.

Секретарь правителя.

Стряпчий.

Губернский почтмейстер.

Петр Столбиков (состоящий на службе у правителя губернии, 25 лет).

Душечка, комнатная девица у правителя губернии.

Игнатъич, поверенный Столбикова.

Действие в квартире правителя губернии в XVIII века.

Театр представляет приемную в доме правителя губернии в XVIII веке; в середине отворенная дверь, через которую виден накрытый к обеду стол. По сторонам тоже двери.

Я В Л Е Н И Е 1

Секретарь правителя (входит с бумагами), за ним Игнатъич.

Игнатъич. Так это правда, батюшка, что Петр Степанович господин Столбиков вышел из военной службы и находится теперь при его превосходительстве?

Секретарь. Правда.

Игнатъич. А открыл ли он его превосходительству свое дело?

Секретарь. Какое?

Игнатъич. С опекуном Жиломотовым?

Секретарь. Не могу вам сказать... Знаете, от Петра Степановича трудно что-нибудь выведать. Он с нашим братом и говорить не хочет... Он любимец его превосходительства!..

Игнатъич. Любимец!.. неужто?

Секретарь. Петр Степанович служит у него по секретной части!

Игнатъич (*всплеснув руками*). По секретной части!

Секретарь. Да. Он находится неотлучно при особе его превосходительства. Занимается вместе в его кабинете... через его руки проходят все важные дела, все распоряжения... Он, так сказать, правая рука его превосходительства...

Игнатъич (*удивленный до крайности*). Правая рука! Что вы, батюшка!.. не с левой ли ноги вы встали с постели сегодня, что так говорите... Не может быть! Петр Степанович *по секретной части!* Петр Степанович *правая рука* правителя губернии! Нет, нет! вы, верно, шутите...

Секретарь. Нисколько, уверяю вас.

Игнатъич. Скажите, пожалуйста! Давно ли он стал так умен, что может занимать такую важную должность. Вот уж не ожидал! Столбиков, по секретной части! Не верится что-то! объясните, пожалуйста!

Секретарь. Спешу с докладом к его превосходительству... а то бы с удовольствием... после... Извините...

(Идет; в это время показывается Столбиков.) Да вот сам Петр Степанович идет из кабинета его превосходительства... от него вы всё вернее узнаете. (Уходит.)

Я В Л Е Н И Е 2

И г н а т ь и ч, потом С т о л б и к о в (в дворянском мундире или во фраке).

И г н а т ь и ч (Столбикову). Петр Степанович, батюшка! Наконец-то я встретил вас после долгих поисков, дай налюбоваться! Дайте обнять себя!

Столбиков с озабоченным лицом впопыхах спешит к среднему выходу, отстраняя Игнатъича движением руки с важностью.

С т о л б и к о в. Погоди, погоди, погоди! (Уходит.)

И г н а т ь и ч (один в изумлении). Скажите, пожалуйста! В самом деле, как переменялся! Откуда что взялось! не узнаешь! В эти пять лет он стал совершенно другим человеком! Подлинно правда, что иногда способности у человека вдруг открываются! Ай да Петр Степанович! Видно, военная служба и важная должность при правителе губернии просветлили его рассудок!.. Кто бы мог подумать. По секретной части! Слава богу, слава богу! Теперь и дельце его пойдет на лад! сам за него примется! (Показывается Столбиков, Игнатъич, бросаясь к нему.) Петр Степанович, батюшка, узнаете ли вы меня?

С т о л б и к о в. Теперь узнал, узнал, братец. (Обнимает его и целует.) Здравствуй, здравствуй, Игнатъич!

И г н а т ь и ч. Здорово, здорово, голубчик, Петр Степанович, как вы живете?

С т о л б и к о в. А как ты, Игнатъич, попал сюда; не слышал ли чего нового о моем деле?

И г н а т ь и ч. Давно уж ничего не знаю. Начал было хлопотать, да злодей-то наш Жиломотов не допустил, узнав, что я крепко стою за вас и подал на него по вашему делу донос и жалобу, он, душегубец! как раз нашел средство удалить меня... Стакнулся с чиновниками... меня замяли, затерли, не хотели слушать... да и выслали из города! будто я человек беспокойный.

С т о л б и к о в. Ах, они, бессовестные!

И г н а т ь и ч. С горя я принялся хлопотать по другим делам и вчера приехал сюда из Москвы по делу одного помещика и здесь-то узнал, как вас злодей Жиломотов

очернил перед судом... И чего-то он на вас не взвалил! страшно припомнить.

С т о л б и к о в. Дело прошлое... Хотя много накуролесил я в эти пять лет, особенно в полку, а всё опекун чертовски много, по красноречию своему, прибавил лишнего.

И г н а т ь и ч. Ну, и хорошо ли вам было в полку-то... в военной-то?

С т о л б и к о в. Бр! в военной? хорошо! счастливо... только уж что и потерпел я!

Дворянскую амбицию
Считая вничем,
С солдата амуницию
Падели с тесаком!
Всего переиначили,
Я думал всё снести,
Потом как школить начали,
Так господи прости!..
«Ногами не разваливай,
Ни с кем не говори,
Всю грудь вперед выпаливай,
А брюхо подбери!
Смотри смиренной девою,
Команду всю слушай!
И непременно левою
Ногою выступи!»
Начальник мой печалился,
Я всех смешил собой,
Да наконец он сжалился,
Махнул себе рукой,
Сказав лишь сожалительно,
Взглянувши на меня:
«Не быть пути решительно
От такого пши!»

Но этим еще не кончилось... Ко мне подошел солдат и начал снова выправлять мне ноги, голову, плечи, руки и талию... всего более хотелось им, чтоб у меня была талия... Да нет-таки, я поставил на своем! как ни уминали мое брюшко — мундир не сошелся! Потом начали меня учить, как стоять, поворачиваться, маршировать, мушкетом разные артикулы выкидывать... Беда моя и только! Дали мне ружье, да еще и со штыком... Уф! а капитан приставил ко мне самого доку учить артикулу... Натерпелся же и я от него и он от меня! Держишь этот мушкет у ног... стоишь, вытянувшись как струнка, не ворохнешься и во все глаза

глядишь на учителя, а он как крикнет, да таким страшным голосом: «на пчо! хватай мушкет по темпам! раз, два, три», — «мушкет на караул!» Вот и начнешь... Ой уж мне эти темпы... наплакался я! И чего ведь хотят! Чтоб хватка была ловкая, пчо не западало,— локти вывороти вперед, носки врозь, пятки вместе, сам не шевелись,— просто наказание! От ноги какхватишь на пчо, так едва на ногах устоишь, а тяжелый штык так тебя и перевешивает. А как скомандует к ноге — вот была беда моя! Делай руками, а корпусом не тряхни, глаз не своди с учителя, да как пустишь мушкет со всего размаха, ты его к ноге, а он тебя по ноге... да так хватит, что свет в глазах потемнеет, слезы брызнут ручьем! А они хохочут да кричат себе: «Начинай снова, сам виноват!» Какой сам виноват! раз десять повторишь к ноге и каждый разхватишь себя по ноге... Вот каково! Сам себя отколотишь да других насмешишь!

И г н а т ь и ч. Вестимо, Петр Степанович, вестимо!

С т о л б и к о в. Наконец кое-как применился я к артикулу... Еще хуже... принялись учить меня стрельбе... И когда я дергал эту, как ее? шавку... болонку... собаку... собачку... да, собачку! и ружье вдруг выстреливало... искры так из него и брызнут, так и обдаст дымищем... свету божьего не видишь... упадешь на колени и думаешь... Вот богу душу отдал, господи, прссти мои согрешения!

И г н а т ь и ч. Подлинно страшно, батюшка Петр Степанович. Ну, как же вы уж, наконец, с ружьем-то справились ли?

С т о л б и к о в. Как же! справился! прежде падал, как выстрелю, а потом так обстрелялся, что только пошатаюсь, да и ничего! К чему не привыкнешь! Вот и служил я, служил долго... Полковник на меня сердился... и чину мне не давал, да приехал генерал-аншеф... я ему и подслужись по одному делу, совсем неожиданно, а он меня и произвел из жалости в прапорщики, не в пример другим... По полку я считался сверхкомплектным и мог ничего не делать. Наконец, уж как надоел всем, полковник рассердился, да и сказал, что по ненадобности во мне отпускает меня в домовый отпуск на двадцать девять дней жить сколько угодно; а после будто бы *для пользы службы* выхлопочет мне отставку. Я обрадовался и поехал в одну из своих деревень... Мужички от меня пришли в восхи-

щенье... с торжеством ввели меня в дом, прогнали плута управителя. Вот я и живу... день, два. Начал было уж и хозяйничать... Нанял было плстников построить голубятню... Вдруг явился опекун и ну выдумывать на меня... будто бы, видишь, я бежал из полка, вооружил мужиков, хотел зарезать его управляющего, обольстил какую-то невинность, чорт знает что!.. Я и давай бог ноги... удрал. А он и написал на меня всё это и подал в суд!

И г н а т ь и ч. Ах, он безбожник! так вот из чего вышло... всё дело. Жаль мне вас, Петр Степанович! Ну, а как же вы попали на службу к правителю губернии?

С т о л б и к о в. Так, по рекомендации одного родственника. Сначала я был квартальным... на дежурстве понравился его превосходительству... и он меня оставил при себе.

И г н а т ь и ч. Вот как! Слава богу! А рассказали вы ему при этом удобном случае свое дело?..

С т о л б и к о в. Рассказал всё... правитель губернии еще и прежде имел многие донесения... Он обещал разобрать дело и заступиться за меня... Отличный, редкий начальник! За то его почти никто не любит. Даже поговаривают иные о его отставке.

И г н а т ь и ч. По какой же секретной части вы теперь служите?

С т о л б и к о в. Его превосходительство заметил во мне усердие и честность, приказал мне неотлучно находиться в его кабинете. Там его превосходительство изволил распечатывать пакеты и читает про себя секретные бумаги; а я подбираю брошенные им пустые конверты и складываю в один угол... так мы занимаемся по целому дню... Но это еще ничего, а вот что главное: его превосходительство на опыте убедился, что я мастерски по руке ему чиню перья; за это мастерство я вошел в такую милость, что зачастую обедаю *вместе* за одним столом с начальником.

И г н а т ь и ч. А! так вот что, значит — по секретной части! понимаю!

С т о л б и к о в. Тут имел я счастье заслужить милостивый смех ее превосходительства... она всегда изволил отчего-то хохотать, глядя, как я уписываю разные соусы... и всегда подкладывает мне, чтобы побольше посмеяться... А я, знай, уписываю.

И г н а т ь и ч. И только в том вся ваша служба?

Столбиков. А что же еще?.. Ведь правитель губернии пишет много... иногда придется перьев пять вдруг очинить... да и конвертов в иной день бывает чертовски много.

Игнатьич. Конечно... Вы, батюшка, Петр Степанович, нисколько не переменились против прежнего, как были, так и есть. Куда же вы, однако, спешили давеча из кабинета?.. Видно, с каким-нибудь важным поручением?

Столбиков. Да, да... я отдал сторожку перочинный ножичек наточить... после некогда будет... Нынче у его превосходительства будет большой обед... ждут почты... надо быть готовым на разные посылки... кроме того, я торопился молвить пламенное словечко Дунечке.

Игнатьич. Как так, вы уж не того ли, Петр Степанович?.. Кто эта Дунечка?

Столбиков. Ангел! предмет моей любви... она живет здесь... Я ей дал клятву; обуреваемый страстью, я отдался ей в вечное и потомственное владение... Однажды я ел за столом его превосходительства... Соус был отличнейший... индейчи котлеты, и кругом изюм, чернослив, всё, всё... такая сладость, что этакой я и сроду не пробовал. Вдруг вошла Дунечка... что твой изюм, что твоя малина!.. Ай! вот идет его превосходительство... после доскажу... уйди, Игнатьич... у нас много будет работы.

Игнатьич. Прощайте пока! (*Уходит.*)

Я В Л Е Н И Е 3

Правитель губернии (входит с бумагою и двумя пакетами) и Столбиков.

Правитель губернии. Ну, Столбиков! Ты чист и прав во всем! ты даже не бежал из полка. Вот твоя отставка, сегодня присланная из Военной коллегии. Ты чрезвычайно богат, но разорен ужасно; на тебя взведены такие беды, за которые ты мог бы пострадать. Они ложны, но низкий опекун твой представил столько мошеннических доказательств, что для опровержения его клеветы требуются сильные противодействия. Поспеши сыскать себе надежного поверенного... я берусь тебе даже помогать.

Столбиков. Как возблагодарю, ваше превосходительство, за столь лестные обещания? Поверьте, отныне буду стараться, буду служить еще с большим усердием... А поверенный у меня уже есть... он с самого начала хлопотал по моему делу. Я сейчас с ним виделся. Честнейший человек, любит меня — он здесь.

Правитель губернии. А! ну прекрасно, прекрасно... позови-ка его сюда!

Столбиков уходит.

Я В Л Е Н И Е 4

Правитель губернии и вскоре Столбиков и Игнатъич.

Правитель губернии (*один распечатывает пакеты и читает про себя*). А! Вот, наконец, это важное донесение! Как я рад, что пока мне одному известно настоящее желание наместника!

Между тем Столбиков тихо, на цыпочках распорядится позвать Игнатъича, входит, шенчается.

Столбиков (*вслух Игнатъичу*). Открой же всё его превосходительству. Вот он явился, ваше превосходительство.

Правитель губернии. А! ты был поверенным по делам Столбикова?

Игнатъич. Был, но, по неимению законной доверенности, меня оттерли от дела... и я принужден был оставить всё, к моему прискорбию...

Правитель губернии. Теперь тебе дастся от него полная доверенность... На необходимые же расходы я дам денег.

Столбиков (*про себя*). О! великодушный начальник!

Правитель губернии. Ясно, что опекун ограбил его самым безбожным образом... Нет также сомнения, что все взведенные на него преступления — подлая ложь! ну кто, увидя его и поговоря с ним, поверит, чтоб он мог произвести всё то, что взвел на него опекун?

Столбиков (*с чувством*). Униженно благодарю, ваше превосходительство, за столь лестное обо мне мнение.

Правитель губернии (*улыбаясь*). Ничего, ничего... (*Игнатьичу*.) И я полагаю, что для опровержения обвинения самое лучшее средство — явиться ему самому перед судьями... Для этого ты поедешь с ним в Москву!

Столбиков (*про себя*). В Москву! Дунечка! вкусные соусы! всё, всё погибло!

Правитель губернии. Теперь мне некогда, приди уже и поговорим подробно.

Игнатьич. Слушаю, ваше превосходительство. (*Уходит.*)

Я В Л Е Н И Е 5

Правитель губернии и Столбиков.

Правитель губернии. Ну, Столбиков, всех ли, кого я велел, пригласил ты к обеду?

Столбиков (*вытягиваясь, рапортует*). Честь имею донести вашему превосходительству, что, по приказанию вашему, приглашены мною все, коих вы изволили назначить... Также передан мною почтмейстеру приказ вашего превосходительства об ожидаемой почте.

Правитель губернии. Хорошо... Благодарю тебя за исправность.

Я В Л Е Н И Е 6

Правитель губернии, жена его и Столбиков
(на вытяжку у дверей).

Жена правителя. Помилуй, мой друг! Ты поставил меня в странное положение! Приказал созвать на обед всех служащих, а повар готовит только на восемь персон. Что это за расчет?

Правитель губернии. Не беспокойся, мой друг. Так как многие из сослуживцев не очень довольны мною, то, верно, не все и явятся к обеду.

Жена правителя. Не все! Напротив, все до единого, во всем наместничестве любят тебя искренно.

Я знаю наверно... и удивляются и вместе досадают, каким образом разнеслась молва о твоей отставке.

П р а в и т е л ь г у б е р н и и. Если и досадают, то потому, что видят еще меня на месте, а только получи я отставку, что легко может случиться, так увидишь сама, как начнут обращаться со мною и что начнут про меня говорить мне в глаза.

С т о л б и к о в (*униженно и робко*). Нет, ваше превосходительство, с истинным усердием скажу, что вся Европа удивляется управлению вашего превосходительства!

П р а в и т е л ь г у б е р н и и. Лжешь, Петруша! И соседние губернии еще не знают обо мне, а ты уж и в Европу заехал!

С т о л б и к о в. Ну, как угодно-с... Извините, ваше превосходительство. (*Отходит.*)

Я В Л Е Н И Е 7

Т е ж е и п о ч т м е й с т е р .

П о ч т м е й с т е р (*подавая письмо*). Сейчас получено с эстафетой из столичного города Санкт-Петербурга, ваше превосходительство!..

Правитель губернии, прочитав письмо, изменяется в лице, трет лоб.

П р а в и т е л ь г у б е р н и и (*почтмейстеру*). Благодарю вас за исправность! (*Ходит задумчиво по комнате, говорит про себя.*) Да! хоть я и не ожидал этого, но так и быть! сделанное мною распоряжение не должно теперь казаться странным... Столбиков! поди сейчас и дай знать, чтоб непременно *все* господа служащие явились по моему приказанию, непременно *все*... слышишь?

С т о л б и к о в. Слушаю, ваше превосходительство. (*Уходит.*)

П р а в и т е л ь г у б е р н и и. Господин почтмейстер! Вы слышали, что все будут у меня обедать, так пришедшую почту не рассылайте по домам, а доставьте господам служащим прямо сюда.

П о ч т м е й с т е р. Слушаюсь. (*В сторону.*) Что это он еще затевает! Странно! очень странно! (*Уходит.*)

ЯВЛЕНИЕ 8

Правитель губернии и жена его.

Жена правителя (*про себя*). Что с ним сделалось! (*Ему.*) Ты, мой друг, что-то встревожен... неужели это письмо... Скажи мне... скажи...

Правитель губернии (*ходит по комнате, про себя*). Да, я всеми силами старался прежде всего узнать всех моих подчиненных... старался вникнуть в их способности и недостатки... и если придет время сказать мое мнение о каждом, тогда с спокойным духом и чистым сердцем скажу святую правду! Этим сделаю я пользу и службе губернии! Врагов не иметь невозможно! по крайней мере, нужно постараться, чтоб они действовали скорей открыто противу меня, чем против обязанностей службы.

ЯВЛЕНИЕ 9

Те же и Столбиков.

Столбиков. Честь имею донести вашему превосходительству, что приказание вашего превосходительства, явиться всем чиновникам на обед, передано мною в точности, и уже некоторые начали являться.

Правитель губернии. А! проси в гостиную тех, которые пожаловали... Я сейчас выйду... Пойдем, душенька, в мой кабинет. (*Уходит с женой.*)

ЯВЛЕНИЕ 10

Столбиков, потом чиновники (которых число постепенно прибывает).

Столбиков (*один*). Что это как вдруг опечалился правитель губернии! Уж в самом деле не отрешили ли его против воли, по клевете советника палаты?.. Ой, уж этот советник! он давно на него зубы вострит, и хвастает, что я-де ссажу его! Беда моя, если так! мое дело останется без движения, и я буду спать скитаться по свету горемыкой, бедняжка! Ох, ох! как на тарелке видно, что моего покровителя отрешат, иначе чего бы ему тосковать. Теперь, видно, он хочет на прощанье угостить всех в последний раз и

уехать в деревню... и он оставит меня... увезет с собою мою Дунечку, дорогой предмет сердечного влечения... ох, ох! разве я покорю себя бушевающей страсти!

Снова горемыкою
По свету пойду,
Где тоску размыкаю,
Где любовь найду?
Жаль мою хорошеньку!
На край света с ней,
Кабы знал дороженьку,
Скрылся б от людей!
Распахал бы пашенку,
Посадил бобы
И любил Дуняшеньку,
Не боясь судьбы.
Пусть беднялся, бился бы,
Не ел бы, не пил...
Да зато любился бы.
Сколько стало б сил!

Поручик правителя губернии (*входит*). Слышал? а?

Директор экономии. Да... да... отставлен, что ли... а?

Поручик правителя губернии. А вот узнаем. Вот самый ближайший его чиновник. (*Подходит, смеясь, к Столбикову.*) Гм!.. позвольте узнать, какую ленту получил его превосходительство?

Столбиков. Не знаю-с!

Директор экономии. Какой чин дали его превосходительству — военный или статский?

Столбиков. Не могу знать-с! (*В сторону.*) Вот давно ли кланялись, а теперь начинают подсмеиваться! Ну... видно, всё кончено!

Поручик правителя губернии. Ха, ха! гм... гм... понимаем.

Директор экономии. Очевидно, очевидно... Во время этого разговора входят на цыпочках: советник палаты, губернский прокурор, два ассессора и совестный судья. Все между собою шепчутся, иные подсмеиваются.

Губернский прокурор. Отставлен? неужели?

1-й ассессор. Да как вы узнали! Еще господь знает! Впрочем, вероятно.

2-й ассессор. Очень, очень вероятно!

Советник палаты. Нет никакого сомнения. Дело ясно!

Совестный судья. Очень, очень жаль!

Советник палаты. Слава богу! Я знал, что этим кончится... Я знал... ха, ха!

Директор экономии. Да, Иван Иванович! Ты-таки поставил на своем.

Ассессоры (оба). Вам, Иван Иванович! Вам честь и слава.

Столбиков (про себя). Ах, они злодеи... Вот, подумаешь, радуются чужому горю!

Советник палаты. Ну, уж если я принялся... так что-нибудь одно... помните, я говорил... «Кто-нибудь из нас падет, — или я, или он!» ха, ха!

Входят:

Губернский предводитель и два председателя (говоря). Господа! неужели правда... кто бы мог подумать!

Советник палаты. Да примечайте... (Указывая на Столбикова.) Вон, им взысканный чиновник... посмотрите, как печален... он всё знает... он у него по секретной части.

Губернский прокурор. Да, да... и говорят, что этот Столбиков такая голова, что, как ни подъезжай, словечка не выможжишь.

Ассессоры. Да, голова, голова!

Губернский прокурор и директор экономии подходят к Столбикову, жмут ему руку, тихо говоря и показывая на кабинет его превосходительства. Столбиков, показывая знаками, как будто ему приказано молчать. Пантомима должна быть комическая.

Губернский прокурор (отходит от него с негодованием). Как будто пень какой! ничего от него не выведает!

Поручик правителя губернии (также подходит и отходит). Точно у него языка нет! Точно он глух!.. и не понимает, что вокруг него делается!

Ассессоры (тоже). Необыкновенная скромность.

Советник палаты. Напрасно хлопочете... уж я его знаю, господа... я всячески пробовал... ничего не

говорит или несет такую чушь, точно сам не знает, что делает. (*Смотрит на Столбикова.*) А! Голова! Знал, кого выбрать по секретной части!

Директор экономии. Попробую я еще... (*Подходит к Столбикову.*) Да, скажите, пожалуйста... например... ведь правитель губернии отставлен?

Столбиков (*с досадою*). Не знаю-с! не могу знать!

Директор экономии (*отходя*). Гм!.. не знает... Знаем мы тебя!

Поручик правителя губернии (*советнику палаты*). А точно голова! стоило бы приобрести такого чиновника... понимаете... на случай, если...

Советник палаты (*ему*). Да, конечно... а вот мы сейчас поговорим с ним откровенно... (*Подходит к Столбикову вместе с поручиком правителя губернии. Взяв Столбикова за руку.*) Послушайте... ваша роль кончена... вы долго хлопотали о его пользах, с примерным усердием... теперь вам пора подумать о себе... куда вы денетесь... Вам надо заслужить у нового...

Поручик правителя губернии (*хватая Столбикова за руку*). С моей стороны... я готов вам дать место. Скажите, скажите, пожалуйста... ведь оно так? Его турнули?

Советник палаты. Турнули, а? Турнули? не правда ли?

Столбиков (*громко и решительно*). Не могу знать! (*В сторону.*) Вот, в самом деле, пристали... как будто мне известно что-нибудь.

Советник палаты (*отходя с досадою*). Аспид!

Поручик правителя губернии (*тоже*). Дерево, а не чиновник! (*Про себя.*) А не худо бы мне сманить его по секретной части... Если, того, на случай я на его место.

Являются председатель и молодой заседатель и остальные.

Директор экономии (*встречая их*). Ну, господа! Напрасно торопились к обеду! гроза прошла стороной!

Заседатель и председатель. Неужели в самом деле? Мы никак не ожидали! (*Обращаясь к совестному судье.*) Что вы об этом думаете?

С о в е с т н ы й с у д ь я. Крайне сожалею, господа, если это правда!

С о в е т н и к п а л а т ы (*подойдя к новопришедшим*). Каков, господа! Чуфарится! обеды дает... Да вот почта привезет решительное!

Д и р е к т о р э к о н о м и и (*поручику правителя губернии*). Только помешали нашему предположению! Ведь на какие стерляди-то звал нас откупщик... животрепецующие!

П о р у ч и к п р а в и т е л я г у б е р н и и. Ну, что ж делать! против воли и чувства... надобно *пока* поклоняться.

Д и р е к т о р э к о н о м и и. Да, *пока*, конечно пока!

С о в е т н и к п а л а т ы. Не долго, не долго, господа! Сегодня же его не будет.

Г у б е р н с к и й п р о к у р о р, д и р е к т о р э к о н о м и и и а с е с с о р ы. И поделом, и поделом!

С о в е т н и к п а л а т ы. Не зазнавайся! Не обижай нас за плохую память, за короткий ум, за длинный язык... Есть ли человек, которого бы он не обидел своим языком! Всякого, верно всякого!

1-й а с е с с о р. Эх, вот еще на последнем обеде придрался ко мне; когда начали хвалить за столом портер, он вдруг ни с того, ни с другого ко мне: «У вас должно спросить, хорош ли портер, вы его любите». Слова пустые, а ведь как того... честь самую задел... Портер! А! и откуда всё проведает! Портер! будто бы уж нельзя взять ни с кого дюжины портера. (*Показывая на Столбикова.*) Верно, этот гусь донес ему по секрету.

С о в е т н и к п а л а т ы. У него, сударь, есть наушники... Я знаю... Вот, когда недавно я был послан осматривать главные дороги в наместничестве... он стороной и вели примечать за мной... Да меня не проведешь... ничего не заметил, не заметил, ничего не узнал, а уж хотелось поддеть меня!

П о р у ч и к п р а в и т е л я г у б е р н и и (*тихо ему*). А что, эдак ведь, я думаю, воротился не с пустым?

С о в е т н и к п а л а т ы (*тихо ему*). Как же! чудесная пожива была! (*Громко.*) Да вот не узнал же... ха, ха, ха! Где ему меня провести!

Чиновники продолжают шептаться и пожимают руку советнику палаты.

Столбиков (*про себя*). Смотря на них, я вспомнил о замысловатой картине у нашего городничего: из людей в различных косых и кривых положениях составлены литеры, а из литер-то сведены слова и выходит надпись: *таков ныне свет!* у меня так щемит сердце, что я сейчас хотел бы из них (*указывая на присутствующих*) составить такую надпись!

ЯВЛЕНИЕ 11

Те же и правитель губернии (во фраке, выходит скромно и важно, чиновники кланяются, некоторые подходят и говорят приветствия).

Два председателя, совестный судья, губернский предводитель и молодой заседатель. Свидетельствуем почтение вашему превосходительству... Здоровы ли вы?

Правитель губернии. Благодарю вас, господа. Здоров!

Советник палаты (*иронически*). Да, в самом деле, как драгоценное здоровье вашего превосходительства?

Директор экономии. Не расстроены ли вы? Спешу осведомиться!

Правитель губернии. Ничего, слава богу... (*Советнику палаты.*) А вы как? благополучно ли возвратились из командировки?.. Не беспокоило ли вам было в пути и не *тяготило* ли вас что при возвращении?

Советник палаты смущается. Между чиновниками ропот негодования.

1-й асессор (*соседу*). Каково! просто честь задевает.

Губернский прокурор. Да, да! (*Между собой.*) Обида! личная обида!

Директор экономии. Прошу покорно!

Поручик правителя губернии. Это уж ни на что не похоже! какая обида!

Столбиков (*радостно, стоя у дверей*). Ага! отпустил словцо! молодец! срезал! (*Ухмыляется весело.*) Когда буду правителем губернии — всё так буду срезывать!

Советник палаты (*оправившись от смущения*). Ничуть, ваше превосходительство! Я не тяготился этим поручением и с большим удовольствием воротился.

Правитель губернии. Но вы проехали губернию еще только по одной стороне, а если б кончили осмотр везде, конечно, вдвое больше удовольствия получили.

Поручик правителя губернии, директор экономии, губернский прокурор и ассессоры (*между собою*). Каково! Бессовестный! Ехидная душа! Злодей!

Советник палаты (*дерзко*). Другую сторону я осматриваю, когда буду провожать из губернии кого поважней...

Правитель губернии. К чему такое беспокойство? (*Отходит и говорит с губернским предводителем.*)

Поручик правителя губернии (*жмет советнику палаты руку*). Bravo!

Директор экономии, оба ассессора делают то же.

Советник палаты. Я не в вас, господа! не дам обижать себя! ха, ха, ха!

Директор экономии. Да и мы... вот только узнаем наверно.

Ассессоры. Да, да! только узнаем... мы его.

ЯВЛЕНИЕ 12

Те же и почтмейстер (с бумагами).

Почтмейстер. По приказанию вашего превосходительства честь имею... (*Подает пакет.*)

Правитель губернии (*с усмешкою распечатывает и читает про себя, все со вниманием на него смотрят; в лице его незаметно никакой перемены*). Вот и почта. Не будет ли каких новостей? (*Прочтя, говорит.*) Ну, господа! наконец, должно вам объявить, что я уже у вас не правитель губернии.

Всеобщее смятение. Иные печалются, большая часть радуется, иные не могут удержаться от невольного смеха; советник палаты целкает пальцем от восторга.

Директор экономии. Я еще сам себе не верю!

Поручик правителя губернии. Не слышался ли?

Совестный судья. Очень жаль!

Столбиков (невольно восклицает). Вот тебе и раз!
(Утирает слезы.)

Все молчат. Правитель губернии стоит посреди общества и молча поглядывает на всех.

Правитель губернии. Меня так поразило это, что я прошу позволения оставить вас на короткое время. (Уходит.)

Советник палаты (вслед за ним). Сделайте милость! без церемонии.

По выходе правителя губернии раздается невольный взрыв радостного смеха, только очень немногие стоят печальны, потупив головы.

Советник палаты. Не говорил я, господа? а? Каково? Мне спасибо должны вы сказать... это я ссадил его, я... ха, ха! Вы мне должны воздвигнуть монумент за избавление от такого притеснителя.

Поручик правителя губернии. Уж подлинно благодарим! ха, ха, ха!

1-й ассессор (подходя к советнику). В сердцах наших с сих пор воздвигнут уже незабвенный памятник вашему подвигу...

Чинювники (большая часть). Честь и слава, Иван Иванович! Честь и слава вам!

Советник палаты. Теперь не он меня, а я прижму его и потребую, чтобы он сегодня же очистил казенный дом. Ха, ха, ха!

Директор эконорми. Точно, точно! Дом должно очистить... вы вправе потребовать... подседали голубчика!

1-й ассессор. Вот ему портер!

Советник палаты. Вот ему и тягостное мое возвращение! Не легко и самому теперь! (Подходя к Столбикову.) Ну, что вы выиграли через свое молчание? что вы скажете?

Столбиков (плача). Ничего не скажу! оставьте меня! (Про себя.) Лучше бы меня кто прибил, только бы не отставляли такого начальника... Он бы их вышколил!
(Плачет.)

Поручик правителя губернии (*подходя к нему*). Послушайте, идите-ка ко мне... хотите? я дам хорошее жалованье!..

Столбиков. Не надо мне!

Поручик правителя губернии. Да уж должность ваша кончилась, какая у него теперь секретная часть! ха, ха, ха! теперь у него уж нет секретов! уж мы знаем, что его столкнули. (*Взяв за руку директора экономии.*) К чему унижаться, роль отыграна! поедемте к откупщику обедать!

Член экономии. Да! у него стерляди поважнее отставного правителя.

Советник палаты. Идем же, идем, господа?

Ассессоры. Да куда же?

Директор экономии. Куда? разумеется, где можно отобедать посвободнее! (*Многие идут к выходу.*)

Совестный судья. Прилично ли, господа? Ведь вы званы?

Поручик правителя губернии. Так что же! неужели нам оставаться и слушать его заунывные песни!

Ассессоры. Прошло идолопоклонство!

1-й председатель. Господа! у него всегда были обеды славные, остановитесь хоть потому... Живое оставляете, а мертвого ищете!

Директор экономии. Здравствующий откупщик лучше всякого отставного!

Советник палаты. Теперь ему не из чего угощать нас, сам пойдет скоро помиру... ха, ха, ха! Идемте к откупщику.

Столбиков. А чтобы вам подавиться у откупщика!

Поручик правителя губернии. Идем... хоть не накормил, а аппетиту придал!

Хор (*уходящих*).

Идем, идем к откупщику!
Теперь для нас он поважнее!
Чем здесь испытывать тоску —
Там лучше жить и есть дружнее...

(*Обращаясь к Столбикову.*)

А наш правитель отставной
Пусть пообедаст с тобой.

(*Уходят.*)

Я В Л Е Н И Е 13

Губернский предводитель, два председателя, советник, молодой заседатель и Столбиков (все стоят, печально потуя головы, не говоря ни слова. Столбиков у дверей печальнее всех). Потом правитель губернии.

1-й председатель (*печально*). Жаль, господа, такого деятельного и справедливого начальника. Он так хорошо знал свое дело, так ревностно заботился о благе губернии... Благотетельные следствия его попечений уж начали было показываться, и что же?.. его отставили!

С о в е с т н ы й с у д ь я. Да, не дали ему искоренить зла, водворить порядок в нашей губернии! Жаль, очень жаль!

М о л о д о й з а с е д а т е л ь. Я бы лучше желал лишиться своего места, только бы его оставили...

С т о л б и к о в. А уж мне-то как жаль! Вот я читал в прописях, что добро никогда не остается без награждения, а зло без наказания. Вышло навыворот! Стало быть, и в печатном ошибки есть!

П р а в и т е л ь г у б е р н и и (*входит в полном мундире, шитые у него на мундире — генерал-поруческое. Он осматривает кругом и не может удержаться от невольного смеха*). Ах, как я отгадал!

Г у б е р н с к и й п р е д в о д и т е л ь (*подойдя к нему*). Поверьте, ваше превосходительство, что мы все вполне чувствуем, как много добра желали вы нашей губернии, и глубоко сожалеем, что губерния лишается такого начальника.

П р а в и т е л ь г у б е р н и и (*обнимая его*). Погодите, погодите! Вы увидите неожиданную развязку.

1-й п р е д с е д а т е л ь (*подходя*). Ваше превосходительство... извините, что многие чиновники не дождались вашего возвращения... они все...

П р а в и т е л ь г у б е р н и и. Знаю, знаю... Это урок для вас... Не забывайте никогда этого их поступка... (*Обращаясь ко второму председателю*). Простите меня... Я предполагал, что вы будете в числе их... Мы всегда не сходились с вами... я думал...

2-й п р е д с е д а т е л ь. Я спорил с вашим превосходительством для того, чтоб более воспользоваться вашими советами.

Правитель губернии (*жмет ему руку; обращаясь к совестному судье*). И совесть меня не оставила!

Совестный судья. Совесть является и без призыву... я вижу, что и вы, не боясь упреков совести, надели на себя лишнее шитье, и сгораю от нетерпения знать скорее развязку?

Губернский предводитель. Ваше превосходительство так веселы, что трудно поверить нашему несчастью... конечно, вы объявили, что более не правитель наш, но не больше ли вы для нас?

Правитель губернии. Так точно, друзья мои; служба моя удостоена монаршего внимания. Я генерал-поручик. Мне повелено в этой области быть правящим должностью наместника!

Крик радостного изумления вылетает из уст чиновников; они бросаются к правителю губернии и обнимают его.

Чиновники (*все*). Ах, возможно ли? так вот в чем дело! Позвольте от души поздравить!..

Столбиков в сильном волнении и радости восклицает: «А!»
Подбегает к начальнику и целует его руки.

Столбиков. А, ваше высокопревосходительство... Так вот оно... ха, ха, ха!

Правитель губернии (*обнимая его*). Спасибо, брат, за усердие. Я заметил твои искренние слезы!

Столбиков (*в восхищении*). Обнял сам! Его высокопревосходительство меня! ха, ха, ха! Так вот оно что!.. Попляшут же теперь эти господа, которые ушли... Порадуются, да уж на другой манер!

Правитель губернии. Да, пора уж вывести их из недоумения. Они все по приказанию моему остановлены, и вы увидите новую картину... Столбиков! Сойди вниз и объяви ушедшим, чтоб воротились выслушать меня, но не говори ни слова о том, что здесь было.

Столбиков. Слушаю, ваше высокопревосходительство. (*Уходит.*)

Правитель губернии. Вы, господа, верно догадываетесь, с какой целию я так поступил... Теперь мне остается объявить награды по заслугам...

За дверьми слышны голоса ушедших, и они входят в сопровождении
Столбикова.

Поручик правителя губернии (*входя*).
Идите, господа! что за чудеса с нами делают!

Чиновники (*вошедшие*). Странно, странно!

Правитель губернии. Мне очень жаль, господа, что вы отказались доставить мне удовольствие провести день с вами...

Чиновники (*вошедшие*). Что же делать! у всякого свои обязанности.

Правитель губернии. Я должен был объявить вам волю высшего начальства, а вы ушли прежде времени. (*Первому председателю.*) Господин председатель, ваша ревностная служба награждена: управлению вашему вверяется эта губерния. Вы будете иметь хорошего помощника: вам назначен в советники этот господин. (*Подводит к нему молодого заседателя.*) А он определен на место советника (*указывая на советника палаты*), который за злоупотребления, известные правительству, за клевету, рассеваемую им на начальствующие лица, отрешается от должности.

Советник бледнеет и отходит в глубину.

Столбиков (*радно*). Ага! Коцей! допекли! хорошенько!

Правитель губернии. Прочим господам чиновникам, о коих я ходатайствовал, кроме вас, господа... повелено объявить следующие чины. Приятнее всего для меня то, что я не расстаюсь с вами, и как ваш наместник...

Чиновники (*вошедшие, с притворною радостью*). Как! Вы наш наместник? Как мы счастливы! Истинное желание наше исполнилось! Достойному достойное! Ваша отличная справедливость... отменное великодушие... поздравляем, поздравляем! от всего сердца!

Правитель губернии (*удерживаясь от улыбки*). Я еще поутру узнал о всех этих наградах и поручил пригласить вас, чтоб вместе разделить общую радость... но вы не дождались! До свидания. Предоставьте нам воспользоваться обедом, от которого вы отказались. Завтра я вступлю в должность. Кому прежде советовал

подать в отставку, теперь требую... Желаю вам хорошего аппетита.

Чиновники (уволенные). Не подумайте чего-нибудь, ваше высокопревосходительство... так... недоразумение. (*Приступают к уволенному советнику палаты.*)

Поручик правителя губернии. Это вы, вы, Иван Иванович, меня отвели: я располагал непременно здесь обедать!

Директор экономики. Предостойный начальник! жаль, что мои злодеи поселили во мне такое дурное об нем мнение! Это всё вы, Иван Иванович!

Чиновники (уволенные) (советнику). Всё вы, всё вы!

Советник палаты. Да помилуйте, господа, не сами ли вы... я надеюсь...

Чиновники (уволенные). Нечего миловать! нечего надеяться! Достойному достойное... Вы всегда шли против его превосходительства и вооружали нас... Поделом вам! (*К правителю губернии.*) Простите, ваше превосходительство. (*Идут к выходу, наступая на советника.*)

Поверьте, мы к вам глубочайшее
Почтенье питали всегда,
И счастье для нас величайшее,
Что вас миновала беда!
Приносим мы вам поздравление,
От сердца желаем всех благ!
Глубокое к вам уважение
Вовек не угаснет в сердцах!

(*Уходят.*)

Правитель губернии (вслед им). Прощайте, господа, желаю вам хорошего аппетита.

Я В Л Е Н И Е 14

Правитель губернии, чиновники (оставшиеся к обеду), Столбиков и Игнатъич.

Правитель губернии. Идемте, господа, обедать...

Входит Игнатъич.

А! вот еще нужно кончить с ними. Столбиков, подите сюда, и ты.

И г н а т ь и ч (*подходя к нему*). Что прикажете, ваше превосходительство?

С т о л б и к о в (*шепчет Игнатьичу*). Ваше высокопревосходительство... разве не знаешь?..

П р а в и т е л ь г у б е р н и и (*Игнатьичу*). Вот письма... (*Дает письма и деньги.*) Они тебе помогут... Важные лица, которым они писаны, заступятся и поддержат тебя... пообедавши, немедленно отправляйтесь в Москву... Столбиков мне не пужен. Для себя он уже в приличном чине, далее которого не пойдет, да и служба от него не потеряет ровно ничего...

С т о л б и к о в. Когда буду правителем губернии, непременно буду так говорить.

П р а в и т е л ь г у б е р н и и. Конечно, одним почерком пера можно было всё в этом деле поправить; но ему для опыта дается законный ход и форменный порядок до самого окончания. По новости наместничеств они могут показать, не существует ли недостатков в узаконениях... Столбиков же от этого ничего не потеряет. А действия твои я скоро увижу.

И г н а т ь и ч. Помилуйте... Все силы употреблю... я и сплю и вижу, чтоб обличить этого злодея Жиломотова... возвратить отнятое Петру Степановичу.

П р а в и т е л ь г у б е р н и и (*к гостям*). Идемте... (*Игнатьичу.*) Поди за мной... я тебе выдам деньги.

Уходят все, кроме Столбикова.

Я В Л Е Н И Е 15

С т о л б и к о в (*один*). В Москву! мне ехать в Москву, когда сердце мое не может выехать ни на шаг из здешней губернии, в которой живет она, моя Дунечка... когда в нем кипят бушевающие страсти! когда мы с нею втихомолку поклялись любить и пламенеть до гробовой доски!.. Ах! да что же это... она даже нейдет со мною проститься... Я дал ей клятву, что только выиграю хоть одну процессию, сейчас сыграть с ней свадьбу, связать наши сердца бракосочетательным узлом навеки нерушимо... Ах, вот она! (*Оглянувшись в столовую.*) А там уж, кажись, и супец кушают!

Я В Л Е Н И Е 16

Столбиков, Дунечка, потом Игнатич.
Столбиков, увидя входящую Дунечку, тотчас падает на оба колена.

Столбиков. Дунечка! Разлука нам грозит. Но вы все-таки будьте уверены...

Скорей согласен умереть,
Чем вас слезящу вечно зреть!

(*Целует с жаром обе ее руки.*) Ах! как хорошо... забористо!

Дунечка (*рыдая*). Ах, Петр Степанович... Я верю вашим клятвам. Но всё думаю, что вы меня забудете!

Столбиков. Ох, Дунечка!..

Скорей я нить и есть забуду,
Умру... но верен вам пребуду!

Игнатич (*показываясь в дверях столовой*). Петр Степанович! Его высокопревосходительство приказал вам сказать, что сейчас подадут ваш любимый соус.

Столбиков. Ах, соус! ах, Дунечка! разлука! боже всемогущий! (*Целует ее.*) Тут в горести ждет она! Там ждет славный соус...

Ах, как кипит ужасно кровь!
Да хоть кого в озноб тут кинет.
Здесь разгорается любовь,
А там любимый соус стынет.

Прощайте, прощайте, сердце души моей... весь мой пламень здесь... Ах, боюсь... съедят...

Дуняша!.. соус... Вот борьба!
Не измените ж только слову-с...
А мне идти велит судьба. (*Идет.*)
Прости, Дуняша (*подходит к столовой*),
Здравствуй, соус!

К о н е ц 2 - и к а р т и н ы .

КАРТИНА ТРЕТЬЯ

ЛОВУШКА ОПЕКУНА

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Макар Тимофеевич Жиломотов, городничий.

Фекла Петровна, жена его.

Малаша, их дочь.

Петр Степанович Столбиков.

Ивановна, нянька Малаши.

Петигорошкин, поверенный Жиломотова.

Я В Л Е Н И Е 1

Фекла Петровна и Малаша (входят вместе).

Фекла Петровна. Да, дочь моя, мы теперь в большой опасности; нужно всеми силами стараться отворотить несчастье, ты обязана, как наше любимое рождение, помогать нам в деле... Отец твой говорит, что поправить дело нельзя иначе, как нужно примерно помириться с Столбиковым... А как помириться... нужно, чтоб он непременно влюбился в тебя... Ты, как наше любимое рождение, должна будешь, когда придет нареченный женишок Петр Степанович, ты должна ему *непрерывно* поправиться, то есть пронзить сердце его насквозь!

Малаша. Да как же это, маменька, я пронжу его сердце насквозь? Ведь я этого не умею.

Фекла Петровна. Стыдись, Малашенька! В твои лета спрашивать об этом... на то у тебя глаза...

Малаша. Да ведь прежде сами вы брали меня, когда я старалась нравиться другим женихам.

Фекла Петровна. Другие нам не годились; а Петр Степаныч может погубить нас, если ты ему не приглянешься, пожалуйста же, как увидишь его, то вздохни понежнее, да и прихлопни глазами.

Малаша улыбается и делает гримасы глазами.

Малаша. Вот так?

Фекла Петровна. Нет, ты не так... Неужто прихлопнуть-то не умеешь?

Малаша. Ну, да как же, маменька?

Фекла Петровна. А вот как, когда на солнце поглядишь... вдруг прищуришься... (*Показывает на сени.*) То есть мигни, да и открой, и опять погляди нежно... А потом губки вот так сожми покрасивее и позаманчивей...

Малаша. Да как это? право, я не знаю...

Фекла Петровна. Ну, да вот как, когда покушаешь приятного варенья... понимаешь?

Малаша. А! вот так, маменька? (*Делает гримасы.*)

Фекла Петровна. Ну так... хорошо... да говори-то с ним понежней и всё смотри прямо в глаза ему. Пусть себе влюбляется, как дурень какой... Он ведь хоть глуп, а богат страшно!

Малаша. А! вот что!

Фекла Петровна. А когда он ручку возьмет поцеловать, а ты и ущипни себя в которую-нибудь щечку, так чтоб он не видал, да и покрасней вся... вздохни и скажи: «Ах, Петр Степаныч!» и глаза опусти, понимаешь?

Малаша. Понимаю, маменька. Да что же из того будет?

Фекла Петровна. Как что! Ведь я ж тебе говорю: отец твой поссорился с Петром Степанычем за опекунство, а теперь всем нам плохо приходится... Если же Столбиков влюбится в тебя да на тебе женится, то сделает тебя богатейшей госпожой, а с отцом навсегда помирится... постарайся же, душенька... тут наша общая польза... обморочь его, глупенького, хорошенько.

Малаша. Хорошо, маменька, я постараюсь угодить тятеньке...

Фекла Петровна. Ах! как я тобой довольна... ты, точно, дочь наша! (*Целует ее.*) А как уж мы навсегда завладеем его именем, тогда-то заживем припеваючи!

ЯВЛЕНИЕ 2

Те же и Жиломотов (входит напуганный с бумагою).

Жиломотов (*громко восклицает*). О, правосудие! Феклуша! спаси! укрой грешную голову от правосудия!

Фекла Петровна. Что такое? что еще за несчастье?

Жиломотов. Грабят опекуна! разоряют! Представь себе, получен указ, который повелевает: дабы все три имения Петра Столбикова, находящиеся у меня под опекой, были все непременно в целости сданы законному совершеннолетнему наследнику оных, Петру Степановичу Столбикову!.. А?.. ему, дураку, молокососу — такое имение! А если кто купил — отобрать сполна, а тому отыскивать своего на опекуне Макаре Жиломотове за незаконную продажу! Мало того: меня как опекуна, действовавшего лично в похищении имения, объявить пред всем дворянством во время выборов, удалить из собрания и предать суду!.. Каково?

Фекла Петровна (*подняв руки*). Ах! смерть моя!

Жиломотов (*бросаясь в кресло*). Ох! доехали!

М а л а ш а. Ах! бедный тятенька!

Ф е к л а П е т р о в н а. Дожили и мы, видно, до черного денька, прогневали господя! И неужли уж всё покончено?.. а? говори! известно ли всем про этот указ? дорезывай, голубчик, Макар Тимофеич!

Ж и л о м о т о в. Нет еще... Он только пришел... пока еще никто не знает о решении.

Ф е к л а П е т р о в н а. А! Ну, так еще дело, кажись, поправное... не надобно только зевать... надо приняться теперь хлопотать поосторожнее... Только бы нам поймать поскорей Петра Степановича и, волей или неволей, затащить сюда...

Ж и л о м о т о в. Ох! Я уж принял все меры. Столбикова стерегут на всех заставах... во всех соседних городках и, как только он покажется, разом привезут его к нам.

Ф е к л а П е т р о в н а. А где он теперь, дурень, проживает? в Москве или у родственников?

Ж и л о м о т о в. Из Москвы мне писали, что он, по совету поверенного, не дождавшись решения дела, уехал к своей проклятой тетке без копейки денег... Бьется, говорят, как калашник... а вчера меня уведомил один стряпчий, что якобы Столбиков от тетки тоже давно выехал и скитается по разным местам, жил будто бы у многих помещиков в должности управителя.

Ф е к л а П е т р о в н а. А дошло ли до него хоть одно письмо, что ты писал насчет мировой?..

Ж и л о м о т о в. Не знаю! стряпчий не пишет... Теперь, говорят, он будто сюда едет к какому-то своему дяде... вот я и велел Петигорошкину перехватить его.

Ф е к л а П е т р о в н а. Дай-то бог! Михайло Федорыч Петигорошкин не прозевает... Надо только стараться, чтоб по приезде сюда Столбиков ни от кого не узнал, что дело его выиграно... Потом женить его поскорей на Малаше, если он только уж не женился, да и концы в воду...

Ж и л о м о т о в. Вестимо, тогда и концы в воду, а теперь он у меня вот где сидит! вся у меня надежда на Петигорошкина... он такой проныра, что за деньги в огонь пойдет. Надо бы с ним расплатиться, да жаль мне расставаться с казною.. он же, я чай, считает на мне куда много! Впрочем, я отделаюсь одними посулами. Ах! да никак это он!

Я В Л Е Н И Е 3

Т е ж е и П е т и г о р о ш к и н (одет по-дорожному).

П е т и г о р о ш к и н. Радуйтесь, радуйтесь, Макар Тимофеич! по вашему приказу я отыскал Петра Степаныча!

Ж и л о м о т о в и Ф е к л а П е т р о в н а. Отыскал! Слава богу! где, как, у кого?

П е т и г о р о ш к и н. Уф! на последней станции под городом и в самом горестном виде... Он задолжал за постой и не мог расплатиться... денег у него ни гроша... я как узнал его, так и к нему на шею! обласкал его, заплатил долг, накормил, а потом вручил письмо ваше насчет мировой... Несчастный крайне обрадовался вашему предложению... плакал, рассказывая мне свои похождения в Москве и потом проживание у разных помещиков... а я, не будь плох, как раз нанял ему лихую тройку да и отправил его к вам, Макар Тимофеевич... Сам же, знаете, поскакал вперед, чтоб этак обрадовать и приготовить вас к приличному принятию вышереченного гуся.

Ж и л о м о т о в. Благодарю, благодарю вас, благодетель мой, у меня вот так и отлегло от сердца, уф! я готов расцеловать вас, как родного отца! (*Целует и обнимает.*)

Ф е к л а П е т р о в н а. Ах, и я не знаю, как изъяснить свою радость и благодарность!.. вы истинно благородный человек! Сколько вы для нас сделали!

П е т и г о р о ш к и н (*холодно принимая их ласку*). Да-с!.. таки довольно! если б сосчитать всё, так оно бы порядочно набралось... Пора бы уже, Макар Тимофеевич, подумать о должном мне вознаграждении. В последнее же время было множество непредвиденных расходов, кои я всеижайше прошу вас ныне мне возратить... (*Вынимая бумагу.*) Вот подробнейшее изложение моих трудов и расходов...

Ж и л о м о т о в. После, после, батюшка, Михайло Федорович... Теперь, знаете, еще не время...

П е т и г о р о ш к и н. После! Не время! Да помилуйте!.. когда же? Нет, воля ваша, за мои кровавые, за мои пеусыпные труды, бог видит, не грех взять!.. Да притом еще, знаете, я шел против сироты, прости, господи, мое прегрешение! тут казус такой... что его нужно окончить

поскорее... Я же теперь хлопочу по разным тяжбам, завожу процессы с помещиками, вы знаете, это моя пища, мое существование; пожалуйста, разочтентесь...

Фекла Петровна. Полноте, полноте! Вот как устроится мировая и женится этот дурень на дочери нашей, тогда ничего не пожалеем...

Жиломотов. Конечно, конечно... Тогда что хочешь требуй... за долг, за долг почту себе... А теперь, право слово, и денег-то нет...

Петигорошкин. Батенька! Не сули ты журавля в небе, а дай синицу в руки. Ведь я тебя давно знаю, Макар Тимофеевич!

Жиломотов. Тем лучше; чего ж ты сомневаешься?

Петигорошкин. А как придет указ о решении дела? так ты мне, пожалуйста, и двери укажешь! Я ведь тебя знаю, Макар Тимофеевич!

Жиломотов (*прерывал его*). Полноте, полноте... мы, кажется, такие друзья...

Петигорошкин. Знаю, батенька; дружба — дружбой, а служба — службой. Смотрите же, не забудьте моих услуг, я приду сегодня... Прощайте...

Жиломотов. Прощайте, мой любезнейший, почтеннейший!..

Петигорошкин. Ладно, ладно, мой дражайший, приготовьте, что следует. (*Уходит.*)

Жиломотов. Ну, слава богу! отделались от скареда!.. теперь кабы только Столбиков поскорее приехал... уж вы постарайтесь тут, настройте Малашу; а я побегу приготовить ему комнату, да велю позвать, на случай, портного. (*Уходит.*)

Я В Л Е Н И Е 4

Фекла Петровна и Малаша.

Фекла Петровна (*суетясь*). Малашенька! идет!.. идет... что бы это такое сказать ему? А?

Малаша. А что бы такое, маменька? а?

Фекла Петровна. Побольше изъясляй ему чувствительного. Я так же поступала, когда поражала сердце Макара Тимофеевича.

Малаша. А как ему ничего во мне не понравится?

Фекла Петровна. А в ось, бог милостив! у меня хоть умри, а понравься ему всенепременно! слышишь?

Малаша. Слышу, маменька...

Фекла Петровна. При каждом его слове делай нежную книксу. Слышишь ли?

Малаша. Ах, боже мой, слышу, маменька...

Фекла Петровна. Ведь, коли он на тебе не женится, мы погубли! понимаешь ли?

Малаша. Понимаю, маменька... да хорош ли он собой-то?

Фекла Петровна. А я-то почем знаю! слышала, муж говорит, что он глуп очень, это прекрасно!

Ты не заботься о пустом:
Жить с умным мужем несподручно,
А с богатейшим дураком
Век проживешь благополучно!
Теперь грозит несчастье нам,
А женим дурня, — всё забудем;
Ведь пынче счастье дуракам,
А в ось, и мы счастливы будем!

Я В Л Е Н И Е 5

Те же, Ивановна, потом Столбиков.

Ивановна (*торопливо*). Фекла Петровна! барыня! приехал жданный гость! на тележке прикатил!

Фекла Петровна и Малаша. Неужто он?

Ивановна. Он, он, родная. Я, говорит, дворянин, отставной! Петр Степаныч, говорит, по армии Столбиков!

Фекла Петровна. Слава богу! проси скорее...

Ивановна идет к дверям.

Малаша. Ах, маменька, как у меня сердце дрожит...

Фекла Петровна. Ну, добрый знак! Это, говорят, предчувствие такое...

Ивановна (*в дверях*). Милости просим, ненаглядный, пожалуйте...

Столбиков входит, одетый бедно, с чемоданчиком подмышкой.

Фекла Петровна (*громогласно*). Здравствуйте, батюшка, Петр Степаныч! в кои-то годы привел мне бог увидеться и познакомиться с вами!.. (*Хочет его обнять.*)

Ивановна. Да, да, в кои-то годы, ваше благородие!.. (*Осмотрев его, уходит.*)

Столбиков (*серьезно отстраняя ее объятия*).
Позвольте-с... начнемте, как подобает... (*Целует руку, потом, не выпуская ее руки, смотрит в глаза и говорит.*)
Позвольте узнать: с кем имею честь... в первый раз родясь видеться?

Фекла Петровна. Как же, мой батюшка, ведь я Фекла Петровна!..

Столбиков. Ах, это очень приятно...

Фекла Петровна. Ведь я жена Макара-то Тимофеича! вашего доброго опекуна. Матушка ваша, покойница, была со мною очень дружна и, предчувствуя свою близкую кончину... дай бог ей царство небесное! всегда меня просила взять вас на свои руки; мы так и сделали, исполнили долг свой... а как это случилось, что мы с вами никогда не видались,— право, не знаю! хоть умереть, не знаю!..

Столбиков (*особо*). Какой лестный прием! что бы им сказать на это? (*Ей.*) Это оттого, что... я не имел чести быть вам знаком... оттого, что я получал образование, приличное моим летам, в деревне у отца Филиппа... а потому я не имел чести быть с вами знаком... да и матушка, покойница, тоже не имела чести быть с вами знакома... оттого-то я и не имею чести вас помнить...

Фекла Петровна. Куда же вам и помнить! вы были еще махоньким, когда она изволила *преставиться*... я в тот год родила Малашу... вот дочь моя, батюшка Петр Степаныч! (*Малаше.*) Малаша! сделай книксу Петру Степанычу! и познакомься... (*Ему.*) Прошу вас, батюшка, полюбить ее равно как и нас...

Столбиков (*увидя ее, вздрагивает и говорит про себя*). Ах! что это! какая единственная наружность! заманчивее Дунечки... как полна и благообразна! а глазки, хоть и махонькие, но канальские! (*С неловкостью подходит к руке Малаши.*) Позвольте-с... иметь столь неожиданное удовольствие... (*Поцеловав, про себя.*) Усладительное чувство! (*Обращаясь к Фекле.*) После столь долгих несчастий, позвольте, Фекла Петровна, еще учинить нежное лобзанье!

Фекла Петровна. Помилуйте, родной мой, с удовольствием.

Столбиков (*целуя руки Малаши, говорит ей*). Какой особенный вкус в этом прикосновении!.. какие

вы добрые, должно быть, Маланья Макаровна... *(Отходит с разными ужасками и поклонами.)*

Фекла Петровна. О, что до доброты души, так уж, батюшка, другой подобной не найдете... *(Ей.)* Малаша, не конфузья, сделай еще книксу Петру Степанычу... *(Малаша исполняет.)* Зато уж я и люблю ее, голубушку... нечего сказать, она и заслуживает любовь.

Столбиков с намерением, глядя на Малашу, кашляет.

А уж воспитала я ее, отец мой, сколько возможно деликатнее...

Столбиков. Ах! я это с первого взгляда заметил, как они ловки...

Фекла Петровна. Да, батюшка, ни в каком городе появиться с нею не стыдно будет, если бог, по милости своей, пошлет хорошего женишка...

Столбиков *(снова вздохнув, кашлянул)*. Ах, совершенная правда-с!

Фекла Петровна. Конечно, загадывать не смею, но если выйдет судьба хорошая, уж я приданого не пожалею. Садитесь, батюшка, садитесь... Другим детям даст отец, это его воля, но Малаше я назначаю всю мою собственность: жемчуги, брильянты, золотые и серебряные вещи и деревню, всё, всё ей!..

Столбиков. Ах, какие вы добрые, Фекла Петровна!..

Фекла Петровна. Да как же иначе, мой батюшка? стоит ли нам, старикам, беречь что-нибудь, когда любимая дочка невестой глядит.

Столбиков. Да-с, конечно-с... *(Особо, бросив взгляд на Малашу.)* Да и глядит-то как усладительно!

Фекла Петровна. Эх, родной, всё рада отдать, лишь бы господь сочел святыми узами с хорошим человеком. Не так ли?

Столбиков. Ах! ваша правда-с! *(Особо.)* Что это! Малашенька, глядя на меня, улыбнулась?..

Фекла Петровна. Мы вот, родной, всегда принимали в вас полное участие, как в родном детище... позвольте старухе обнять и поцеловать вас... боже милостивый! Экой молодец, подумаешь!.. глядя на вас, у меня так слезки и льются... вот, кабы бог наградил меня таким сыночком! *(Целует его в голову.)* Не правда ли, батюшка?

Столбиков (*глядя на Малашу*). Конечно-с... хорошо бы было такое... божие милосердие... но Макар Тимофеич со мною в тяжбе и человек он очень строптивой натуры...

Фекла Петровна (*перебив его*). Что вы! Макар-от Тимофеич? да это предобрейшая душа! да он рад всё отдать, лишь бы помириться; да вы бескорыстнее человека не найдете...

Столбиков. Неужли-с? да как же я-то до сих пор испытывал все ужасные бедствия?

Фекла Петровна. Не знаю, батюшка, только Макарушка мой тут, право, не причиной. (*Встает.*) Да что он нейдет? верно, хлопчет по должности или готовит вам хорошее помещение... сейчас уверитесь, батюшка, в его чистосердечии. Малашенька! скорей приготовь позавтракать Петру Степанычу, да и угости сама, будь хозяйкой!..

Малаша. Извольте, маменька, с удовольствием!.. (*Подходя к Столбикову, делает ему еще книксу.*) Сейчас, Петр Степаныч! (*Уходит.*)

Столбиков (*особо*). Ах! что за милая кникса!..

Фекла Петровна (*ему*). Каково образована, батюшка?

Столбиков. Ах! не спрашивайте! единственно!

Фекла Петровна. Да уж грешно похаять. Сейчас побегу и я за Макарушкой, он лично уверит вас в своем отеческом расположении. (*Особо.*) Попался, голубчик! (*Уходит.*)

ЯВЛЕНИЕ 6

Столбиков (*один*). Скажите, какая добрейшая душа эта Фекла Петровна! неужто и мой злодей, Макар Тимофеич, таков же стал? ах, как бы это хорошо было! впрочем, коли он в письме предлагает сам помириться, так, верно, совсем переродился в эти семь лет... верно, ему жаль меня стало, дай-то бог! а какая у них Малашенька-то! почище моей Дунечки, которую я бросил так безжалостно. Та была заманчива, а эта привлекательна... бровки черные, густые, сросшиеся. Шейка толстенная, коротенькая, унизанная жемчугами... славная барышня! она с первого раза как-то пришлась мне по вкусу... ах, кабы помириться!.. предался бы опять обуреваемой страсти!.. а какие

у этой Малаши ручки! просто, две — четырех стоят! а уж губки как привлекательны! пухленькие, словно подушечки... так вот и сулят блаженство тому, кого она осчастливит поцелуем... ах, кабы помириться с Жиломотовым, да получить хоть одну часть из моего имения, ей-богу бы женился! да как только приступить к этому?

Неужли, о судьба! не поможешь мне ты?
Неужли мне нельзя избежать нищеты?
Для того ль я на свет родился богачом,
Чтобы слезы всегда утирать кулаком?
И зачем здесь теперь я узрел красоту?
Не полюбит она без гроша сироту!
Он ограблен людьми, — что же есть у него?
Яко-наг, яко-благ, яко-нет ничего!

(Садится и задумывается.)

Я В Л Е Н И Е 7

Столбиков и Ивановна (вносит завтрак).

Ивановна *(ставит на стол поднос)*. Милости просим, батюшка, дорогой гость, кушай во здравие, ваше благородие... просим любить да жаловать слуг своих... Барышня велела сказать, что она сама всё приготовила, а мне пока приказала просить вас... пожалуйста, подкрепитесь с дороги.

Столбиков. Спасибо, старушка, как тебя зовут?

Ивановна. Ивановна, голубчик, полюбите старуху; я на своих руках вынянчила Маланью Макаровну. Пожалуйста...

Столбиков. Спасибо, Ивановна, что-то аппетит у меня пропал... *(Опять задумывается.)*

Ивановна. Вот! Э, да отчего так, ваше благородие, смутен и не весел? али что не нравится?

Столбиков. Так-с... ничего-с... может быть, нельзя сказать-с.

Ивановна. Ах, батюшки-светы! да уж не зазнабла ли какая у вашего благородия?

Столбиков *(посмотрев на нее и громко вздохнув, произносит)*. Влюблен-с!..

Ивановна. Ну, доброе дело! я сразу угадала! хе! хе! хе! да уж не Маланья ли Макаровна сокрушила ваше благородие?

Столбиков (*с жаром*). Ах! да кто ж другой может сделать меня несчастным, как не эта богиня!

Ивановна (*особо*). А! да он и точно выходит мякушка! услужу же я барышне и барыне, благо сами дозволили! (*Ему.*) И, ваше благородие! это, по-нашему, плевое дело! Что и думать! я вас научу, так девка к вечеру наша будет!

Столбиков (*вскочив*). Неужто? Ивановна! Матушка! Что ты говоришь? научи ради бога! вечно буду благодарен! расцелую тебя, как мать родную!

Ивановна. Извольте, ваше благородие, извольте... только впрямь ли она зазнобила ваше ретивое?

Столбиков. Ах! не спрашивай! просто вот в самую глубину сердца вся так сразу и прошла!

Ивановна. Ну, так теперь вот как следует сотворить дельце: постарайся-ка ты, голубчик барин, поймать Маланью-то Макаровну с глазу на глаз и, не говоря доброго слова, чмок ее в руку, покамече, так, чтоб у нее жилки задрожали!..

Столбиков. Да уж я при матушке раза три чмокнул преизрядно.

Ивановна. При матушке — особ-статья, а с глазу на глаз выйдет, ваше благородие, свое, другое... как облобызаешь, она и спросит тебя: «нешто вы любите меня?» а ты тут и рассыпья медовыми речами, какие чувства питаешь, да зови и ее полюбить себя. Вот она и скажет: «я, ваше благородие, любиться готова, но только честно и благовидно, не иначе, как через законный брак». А ты тут и моли ей: не на что ж и я иду, как на этакой путь! Вот тогда и к родителям за благословением, да по рукам, да и за свадебку!

Столбиков (*в восторге*). Голубушка! нянюшка ты моя!.. (*Хватив ее за голову обеими руками.*) Ивановна! Красавица! Ты мне голову к плечам приставила! дай расцелую твою седую головку!

Ивановна. То-то же! уж я, грешная, знаю, как дела-то делаются. (*Увидя Малашу, которая вдали подслушала их.*) А! да вот никак и барышня... Ну, ваше благородие, пока родители не мешают, с богом! авось и на вашей улице будет праздник!.. (*Особо.*) Расскажу всё барину и барыне, вот обрадуются! да, чай, и скажут: ай

да Ивановна! сваха ты, братец, знатная сваха! (*Уходит, указывая Малаше на Столбикова, который, увидя ее, конфузится и не смеет подойти.*)

Я В Л Е Н И Е 8

Столбиков и Малаша (оба, далеко друг от друга, поглядывают украдкой, он покашливает и вздыхает громко, она перебирает пальцами передник).

Столбиков (*после некоторого молчания, про себя*). Ох! сердце так и прыгает, точно рыба на горячей сковороде... Что бы ей сказать?.. Ума не приложу, как взглянул на нее, мою пулярдочку, так вся наука Ивановны из головы вылетела!.. (*Увидя, что Малаша к нему приближается.*) А! подходит! подходит! (*Снова вздыхает.*) Ох! голубушка моя! еще приблизилась!

Малаша (*с робостью*). Отдохнули ли вы, Петр Степаныч?

Столбиков (*в сторону*). А! заводит! сама заводит! (*Ей.*) Отличным образом отдохнул, Маланья Макаровна! хотел было прилечь и соснуть, да не решился... побоялся обеспокоить-с...

Маланья. Отчего же-с? ведь вы, чай, устали?

Столбиков. Да совестно-с!.. я, извольте видеть, слишком чувствительно храплю во сне... (*В сторону.*) Что бы у нее спросить, этак, поинтереснее?.. (*Ей.*) Апропо!¹ вы не пугаетесь, когда кто-нибудь близко храпит?..

Малаша. О, нет-с! нисколько!.. (*Помолчав и поглядывая на него.*) Я и сама иногда даже няню разбужаю!..

Столбиков. Скажите!.. (*В восторге, про себя.*) Что за любезная девица! Конечно! она должна быть моею!

Малаша. А что ж вы это ничего не покушаете?.. Пожалуйста-с, будьте как дома... я сама приготавлила закуску!

Столбиков (*смело*). Вы сами... позвольте, позвольте... что ж вы изволили для меня приготовить?.. (*Идет к столу.*)

Малаша. Вот-с, пирожки, ватрушки-с, цыплёнок-с, уточка-с...

Столбиков. И это всё вы сами?

¹ Кстати! *<франц.>*.

М а л а ш а. Сама-с!

С т о л б и к о в. Редкая хозяйка-с!.. Скажите, и барашка этого вы же сделали из масла?

М а л а ш а. Я-с!

С т о л б и к о в. С отличительным искусством! какая мордочка, рожки, жаль тронуть!..

М а л а ш а. Помилуйте, чего ж жалеть! я сделаю другого!

С т о л б и к о в. О, я знаю, вам это ничего не значит-с!.. позвольте же, вон, я ватрушки... но что ж вы сами?.. сделайте одолжение, будьте так великодушны, присоединитесь со мной!

М а л а ш а (*садясь*). Ах, если вам не противно, я с удовольствием!

С т о л б и к о в (*в сторону*). Села! у! так и охватило нежным жаром!

М а л а ш а. Вам нравятся мои ватрушки-с?

С т о л б и к о в (*нежно*). Зачем вам? не скажу-с... после узнаете!

М а л а ш а. Отчего-с?

С т о л б и к о в. А оттого-с!.. (*В сторону.*) Что за пухленькие щечки! Даже глаза из-за них чуть видны.

М а л а ш а (*скатая шарик из хлеба*). А что бы вы сделали с этим шариком?

С т о л б и к о в (*в сторону*). А! понимаю, в чем дело... надо подняться на нежности... (*Ей.*) С этим шариком?.. я выкинул бы его за окно.

М а л а ш а. Это я-с!

С т о л б и к о в. Ах, неправда-с!

М а л а ш а. Право-с, я на себя задумала... так вы бы меня за окно?

С т о л б и к о в. О, нет-с, как можно думать... да я бы вас не только за окно... но поставил бы под стеклышко и любовался бы раз по сту в минуту... я думал, что вы загадали на маменьку, или на няню... а загадайте теперь на себя, так увидите, что я скажу.

М а л а ш а (*скатая другой шарик*). Ну, что бы вы сделали с этим шариком?

С т о л б и к о в (*в сторону*). Брякну без обиняков! (*Ей.*) Поцеловал бы!

М а л а ш а (*сконфузясь*). Ах, это я-с!

С т о л б и к о в. Вы! Что вы говорите! это вы!.. как

же я угадал!.. Маланья Макаровна, скажите, и вы не сердились бы, если я взаправду... вы молчите?

М а л а ш а (*стыдливо*). Ах, кто молчит, тот... может быть, лучше делает, нежели говорит!

С т о л б и к о в (*в восторге продолжает есть*). Маланья Макаровна!.. Что я вижу! вы покраснели, как маковка!.. Скажите, неужли я в самом деле так счастлив? неужли я после стольких несчастий обрету, наконец, такое счастье подле вас... неужли?.. (*В сторону.*) Дурацкая ватрушка засела в горле!.. (*Ей.*) Маланья Макаровна!.. гм!.. Маланья Макаровна! неужли вы будете до того милостивы, что решитесь, что позволите!.. Маланья Макаровна! я не в силах больше молчать!

Я в вас влюблен, без всякой шутки,
Влюблен, что только силы есть...

М а л а ш а.

Покушайте же этой утки...

С т о л б и к о в.

Я вас самих хотел бы съесть!

М а л а ш а.

Хоть выпейте наливки кружку...

С т о л б и к о в.

Ах, дайте ручку мне скорей!

М а л а ш а.

Да съешьте прежде хоть ватрушку.

С т о л б и к о в.

Вы всех ватрушек мне милей!

Вы быть должны навек моею!

Не то ведь я на всё решусь...

Я петлю навяжу на шею,

Ватрушкой этой задавлюсь!

} *Вместе.*

М а л а ш а.

О, нет-с, я красотой своею,

Поверьте, мало так горжусь,

Что даже отвечать не смею!..

Мужчинам верить я боюсь!

С т о л б и к о в. Не сомневайтесь, Маланья Макаровна. Клянусь, как честный столбовой дворянин!..

М а л а ш а. А о шарике вы и забыли?

С т о л б и к о в. Ах! как забыть! помню, по гроб буду

помнить, Маланья Макаровна! ручку, с вашего позволения, ручку! (*Целует руку.*) Ммм... Маланья Макаровна! О, счастье! Что это мы делаем такое?

М а л а ш а. Ах, какой стыд!

С т о л б и к о в. Но не подумайте, мой ангельчик, чего-нибудь... я не иначе, как через законный брак, желаю обладать вами...

М а л а ш а. А как же, душенька; иначе я ни за какие деньги не полюбила бы вас...

С т о л б и к о в. Ах! как я блажен!.. Пойду сейчас же к вашим родителям, упаду к ногам...

М а л а ш а. Нет, мой дружок, не падайте, не торопитесь... вы их испугаете... ведь я у них одна. Конечно, у маменьки всё уже для меня приготовлено, даже подвенечное платье...

С т о л б и к о в. Так уж не откладывайте!.. позвольте мне кончить всё разом! или жизнь, или смерть произнесите!

М а л а ш а. Т-с! вот тятенька и маменька!

Я В Л Е Н И Е 9

Т е ж е, Ж и л о м о т о в и Ф е к л а П е т р о в п а (которые к концу сцены подсматривали за ними).

Ж и л о м о т о в (*бросаясь в объятия Столбикова*). А! Петр Степаныч! драгоценный мой, Петр Степаныч! сколько лет, сколько зим мы с вами не видались! не грех ли это забыть своего искреннего друга! Да знаете ли, сколько я искал вас, чтоб кончить наши пустые делишки и заключить мировую! а вы!.. нехорошо, Петр Степаныч, право, нехорошо! я думал, что вы оцените мою привязанность, увидите мое бескорыстие и наградите меня, как доброго опекуна... жаль, батюшка, что я так жестоко ошибся... стало, я трудился понапрасну...

С т о л б и к о в (*в замешательстве*). Помилуйте, Макаар Тимофеич!.. я совсем другое... я думал... я видел, что вы сами, напротив того... впрочем, если я действительно ошибся, виноват... прошу прощения!..

Ж и л о м о т о в. Ага! теперь другое заговорили! Ну, слава богу, наконец, вы образумились!.. вы меня худо понимали, Петр Степаныч! я человек добрый, незлопамят-

ный!.. Ну, давайте руку, поцелуемтесь! мир! Феклуша, Малаша, радуйтесь и поздравляйте нас! Мир навеки нерушимый!

Фекла Петровна. Поздравляю! поздравляю, мои голубчики!

Малаша. Ах, и я тоже!

Жиломотов (*почти со слезами*). Наконец я дождался радости! наконец я свалил с себя тяжелую ношу! ведь гнев ваш, Петр Степаныч, как камень лежал у меня на сердце!

Столбиков (*рыдая*). Макар Тимофеич!..

Жиломотов (*также*). Петр Степаныч! ведь вы не знаете, как я вас люблю! Да можно ли так любить и сына родного!

Столбиков (*также*). Макар Тимофеич!

Жиломотов. Петр Степаныч! мир ненарушимый! пропадай все тягбы и распри людские! дружба дороже всех благ земных!

Столбиков (*еще громче*). Макар Тимофеич!.. нет, вы не человек!..

Жиломотов. Петр Степаныч! Помилуйте, такой же смертный!

Столбиков. Нет, клянусь честью, вы не человек!.. вы что-то другое... вы меня совершенно оживили!.. я не могу еще поверить... неужли это вы, неужли я перестану бедствовать?

Жиломотов. Ну, полноте, полноте!.. теперь всё счастье зависит от вас самих! я ничего не хочу! всё готов вам возвратить! лишь бы только помог бог умереть спокойно!

Фекла Петровна. Да, родной, нам ничего вашего не нужно! в могилу не возьмем с собою неправоприобретенного.

Жиломотов. Ведь человек, батюшка... как бы сказать?.. прах! Из праха родился, прахом и будет! не так ли, батюшка?

Столбиков. Да-с, конечно... если рассудить...

Жиломотов. Стало, из чего же мы и бьемся на этом свете?

Всё суета сует, поверьте,
Чины, богатство, слава — дым!
Что сконим в жизни, то по смерти
Ни за копейку отдадим!

Для денег мы кривим дуною,
Друг друга рады задушить,
А появися смерть с косою,—
Готов все дунни заложить,
И даже с собственной душою,
Чтоб только душеньке пожить!

Стоит ли после этого какое-нибудь приобретение или именьишко того, чтоб обидеть своего ближнего?

Столбиков. Да-с, конечно, не стоит!

Фекла Петровна (*почти плачет*). Ведь за всё будешь отвечать на том свете!.. Как подумаешь, родной, так всё бросишь!

Столбиков. Да-с, как подумаешь, так в самом деле...

Жиломотов. И! не приведи господь дожить до этого ни одному честному человеку... Ну-с, как вы поживали во всё это время, Петр Степаныч? В каких краях изволили обитать? хорошо ли вам было по службе, батюшка?

Столбиков. Нет-с, крайне нехорошо! везде неудачи, и этакие, знаете, соблазнительные происшествия!

Жиломотов. Скажите, пожалуйста! А где же ваш поверенный Игнатьич? ведь он-то, заноза, нас и поссорил с вами.

Столбиков. Он хлопотал за меня в Москве; а перед моим отъездом, кажется, и сам тоже отправился в здешнюю сторону.

Жиломотов. Вот что! О, этот Игнатьич страшный сутяга! кабы не он, мы никогда бы с вами не расстались!

Фекла Петровна. Никогда! никогда!

Малаша. Да-с, никогда!

Столбиков. Да-с, конечно!

Жиломотов. Ну-с, я слышал также, что, по выходе в отставку из военной, вы и при правителе губернии долго находились?

Столбиков. Да-с, находился... так, знаете... особо... по секретной части!

Жиломотов. Вот что-с! (*Жене.*) Слышите, душенька, по секретной части! Каков наш Петр Степаныч-то! недаром я всегда говорил, что голова будет, голова!.. (*Ему.*) А по какой же это секретной части, батюшка, вы находились?

Столбиков. Не могу сказать-с!.. Беспремерный

начальник! Он-то за меня и вступился да с Игнатъичем и в Москву-то отправил!

Жиломотов. Вот что-с! *(Тихо жгне.)* Слышишь? *(Столбикову с ласкою.)* Ну, слава богу, Петр Степаныч! так вот как-с!.. а теперь вы что же? как намереваетесь расположиться жизнью?

Столбиков. Как вам сказать-с... изволите видеть... это... это будет зависеть от вас... от вашего соизволения-с будет зависеть...

Фекла Петровна. О, мы, родной, па всё для вас готовы, жизни нашей не пожалеем... лишь бы вы были счастливы.

Жиломотов. Всем пожертвую, всем! только скажите, что можем мы для вас сделать?

Столбиков. Если так... изволите видеть-с... *(В сторону.)* Что откладывать в дальний ящик... уж решился, так скажу... что будет, то будет! *(Вслух.)* Макаар Тимофеич! Фекла Петровна! ведь я... ведь я хочу жениться.

Фекла Петровна. Что ж? доброе дело!

Жиломотов. Умнейшее намерение! с богом! Ведь вы уж дурной жены не выберете!

Столбиков. Ах, это просто-с такая, знаете, богиня, какой на свете нет...

Жиломотов. Так за чем же дело стало?

Столбиков. Не знаю-с... что-то робеется... боюсь, согласятся ли родители?

Фекла Петровна. Помилуйте, да я всякую бы минуту благодарила бога, если б он послал моей Малаше такого жениха.

Столбиков *(в сторону).* Конечно! *(Вслух.)* Макаар Тимофеич! Фекла Петровна! ведь это они сами и есть!

Жиломотов и Фекла Петровна. Малаша?

Столбиков. Да-с!

Фекла Петровна. Согласна! согласна!

Жиломотов. Ну, если уж такая ее судьба, да благословит ее бог!

Столбиков. Неужели! Маланья Макааровна! Маланья Макааровна! Скажите, а вы согласны ли быть моей женою?

Малаша. Отчего же-с... коли угодно тятеньке и маменьке!

Столбиков. Что вы говорите!

Жиломотов. Да, да, с нашей стороны нет никакого препятствия! Стало и делу конец!

Фекла Петровна (*Малаше*). Ах, ты, моя радость! ах, ты, мое сокровище!.. вот как нечаянно бог послал тебе женишка! недаром же он тебе всё снился!

Столбиков. Неужли-с?

Малаша. Право-с!

Столбиков. И никогда меня не выдавши?

Фекла Петровна. То-то и удивительно! видно, суженого конем не объедешь!

Жиломотов. Да! Судьба человеческая! Так что ж нам долго думать? У меня ведь по-военному! честным пирком да и за свадебку! пожалуй, хоть завтра... приданое есть...

Фекла Петровна. Всё есть, и даже подвенечное платье у меня давно приготовлено для нее... Извините, мы ведь чем богаты, тем и рады... большого дать не можем!

Столбиков. Помилуйте, Фекла Петровна, мне ничего не надо, кроме Маланьи Макаровны!

Жиломотов. О, я уверен, что Петр Степаныч берет нашу Малашу за одну любовь...

Столбиков. Истинно за одну любовь! всё готов сделать для Маланьи Макаровны!

Фекла Петровна. Я сама в этом уверена!.. Да, мне кажется, скажи она только, чтоб Петр Степаныч укрепил за нею хоть здешние триста душ, так он сейчас!

Столбиков. Помилуйте! да в ту же минуту!

Жиломотов (*жест*). Мало того, я уверен, что он для нее готов актом утвердить всё, что я доныне сделал по опекунству!

Столбиков. Помилуйте, как же не быть готовым!

Жиломотов. И даже рад утвердить меня *на-всегда* своим опекуном.

Фекла Петровна. Да и кого ж ему лучше выбрать, как не своего тестя? Кто ж ему и порадеет, как не свой человек?..

Столбиков. Справедливо, как нельзя лучше!

Жиломотов. А что ж, в самом деле! Петр Степаныч, ведь мы все смертные, не знаем, когда бог пошлет по душу!.. а умри вы, чего боже сохрани, наша Малаша останется почти без куска хлеба!.. Что бы вам взаправду

укрепить за нею здешнее имение... ведь нам не делить статью... всё будет общее...

Столбиков. Помилуйте! готов хоть сейчас! Да я для такой богини готов хоть себя укрепить!

Жиломотов. Добрейший, редчайший человек!

Фекла Петровна. Ну уж, Малаша, вымолила ты себе сокровище!

Жиломотов. Зато и береги у меня его как зеницу ока! служи ему весь век, как раба!

Малаша. Хорошо-с, тятенька.

Фекла Петровна. О, уж она у меня такая разумная, такая добрая, что Петр Степаныч как в раю будет жить с нею... Ведь она уж и теперь души в нем не слышит! Не так ли, Малаша? Ведь ты и теперь уж души в нем не слышишь?

Малаша. Да-с, маменька!

Столбиков. Ах! Маланья Макаровна! что я слышу! что за счастье, ей-богу!

Жиломотов. Поцелуйтесь же, жених и невеста!..

Столбиков и Малаша целуются.

Вот так! раз, два, три!.. Поздравляю, поздравляю!..

Общее целование.

Фекла Петровна. Поздравляю! поздравляю! *(Тихо Малаше.)* Заплачь, дурочка!.. *(Вслух.)* Ну, полно плакать!.. Извините, Петр Степаныч! дело девичье!

Жиломотов. От радости плачет, Петр Степаныч, от радости!.. Однакож мы еще успеем наговориться!.. мы и забыли, что Петр Степаныч с дороги, надо соснуть... оно же перед обедом и здорово! Пойдемте-ка, в самом деле, вот ваша комната... а я меж тем приготовлю бумажонки к подписанию.

Фекла Петровна. А я пойду потороплю стряпуху! те-то у нас будет веселый обед!

Жиломотов. Да мы цымлянского выпьем!

Фекла Петровна. Своими руками сладких пирожков наделаю!

Малаша. Маменька, и я вам пособлю!..

Жиломотов. Ну, ну, скорее!.. *(Показывая на дверь подле кабинета.)* Милости же просим, дорогой будущий

сынок!.. тут для вас всё приготовлено... До свиданья!..
(Уходя с женой, особо ей.) Попался дурачина!..

М а л а ш а (делая книксен). Прощайте, мой друг!..
желаю вам видеть хороший сон...

С т о л б и к о в. Вас желаю видеть, одних вас!.. (Целует у нее руку.) Прощайте, моя богиня! прикажите разбудить меня, если засплюсь!

М а л а ш а. О, конечно! не то я соскучусь! (Уходит.)

Я В Л Е Н И Е 10

С т о л б и к о в (один, вслед Малаше). До свиданья, персик мой душистый!.. яблочко мое наливное! Шарик мой драгоценный!.. Скажите, пожалуйста! Да мне до сих пор и в голову не приходило, чтоб я был так глуп!.. Ну, как же мне не назвать себя дураком? Я их считал врагами, грабителями, а они все предобрейшие, пречестнейшие люди! любят меня, как родного дитю... А Малаша-то! Малаша-то! Королева персидская, да и только! что за поступь! что за полнота! что за белизна! красавица! решительно богиня... нет, Дунечка была хороша, нечего сказать, но перед моей Малашей пас! хоть та и нравилась мне и получила мою клятву, хоть я и отвечивал обуреваемую страстью, но уж теперь пардон!.. Голубушка ты моя!.. Пойду скорее, попробую соснуть!.. а там прифранчусь, и пошла потеха!.. (Идет к двери.) Ах ты, лебедь моя белошейная!..

Я В Л Е Н И Е 11

С т о л б и к о в и П е т и г о р о ш к и н (вбегая в среднюю дверь и удерживая Столбикова).

П е т и г о р о ш к и н. Петр Степанович! Петр Степанович! ваше благородие! вас ли я вижу, мой любезнейший Петр Степаныч! Наконец вы приехали!

С т о л б и к о в (посмотрев на него). А! это вы, господин Петигорошкин! Позвольте! ваша личность мне что-то такое напоминает... давеча, на станции, я не успел порасспросить вас, вы меня так заторопили...

П е т и г о р о ш к и н. Давеча, батенька, такой был казус, что некогда было растабарывать, а теперь другое дело: я могу вам дать некое объяснение насчет моей особы... Что? ваш драгоценный опекунчик, кажись, в кабинете?

С т о л б и к о в. Да-с, пошел писать бумаги...

П е т и г о р о ш к и н. Хорошо-с. А супруга его с дочкой где, ваше благородие?

С т о л б и к о в. Они тоже ушли к себе.

П е т и г о р о ш к и н. Хорошо-с. Гм! я, Петр Степаныч, человек давно вам знакомый, сиречь Михайло Федорыч Петигорошкин, который, помните, приезжал к вам ревизовать господина Жиломотова.

С т о л б и к о в. А! вспомнил! Так это вы тогда увезли в своей шкатулке денежные колбасы?

П е т и г о р о ш к и н. Я, я, батенька; за то вскоре пострадал на службе и потом, раскаявшись в проступках, полюбил вас от чистого сердца.

С т о л б и к о в. Ну, благодарю вас! Я уж теперь всё забыл.

П е т и г о р о ш к и н *(поминутно оглядываясь)*. Добрая вы душа, Петр Степаныч! но позвольте, что же у вас произошло доброго с Жиломотовым?

С т о л б и к о в. Всё чудесно! Я, наконец, совсем помирился с опекуном, прекращаю процесс и даже женюсь на его дочери Маланье Макаровне! Каково?

П е т и г о р о ш к и н. Помирились! *(Всплеснув руками.)* Что вы! что вы! Позвольте... *(Бежит и запирает на ключ кабинет Жиломотова.)* Как! женитесь на его дочери Маланье? позвольте... *(Бежит и запирает на ключ ту комнату, куда ушли Фекла и Малаша.)* Что? прекращаете процесс? позвольте...

С т о л б и к о в. Что это? Что вы делаете?

П е т и г о р о ш к и н. Запираю, батюшка, ваших душегубцев, чтоб открыть ваши отуманенные очи...

С т о л б и к о в. Что такое?

П е т и г о р о ш к и н. Батенька, уйдемте отсюда. я вам всю подноготную открою...

С т о л б и к о в. Нет! я уж отсюда шагу не сделаю! Говорите здесь.

П е т и г о р о ш к и н. Так и быть. Слушайте же, батенька мой, пока есть еще время спастись от гибели. Знай-

те же, что сей человек так вмешался в судьбу вашу, что преследует вас почти с самого сиротства вашего! Знаете ли вы все сатанинские его умыслы? ведь он, по кончине матушки вашей, *сам* как будто от нее написал письмо к себе, в коем якобы она поручает всё имение и вас его управлению. Сие подложное письмо он представил в суд, где, без всякой поверки с почерком покойницы, и засвидетельствовали оное яко *подлинное*. Оттого-то он и остался единственным опекуном вашим. Потом оный злодей значительными кушами из вашего имения замаял и уничтожил все жалобы вашей тетушки, кою и устранили от всякого вмешательства. Потом он стал действовать неограниченно, подавал отчеты, какие хотел; ему позволили продать, как негодную ветошь, все драгоценные вещи матушки вашей. Но это еще не всё: заводы — конный, овечий и рогатого скота — оный же злодей перевел к себе, якобы во избежание больших лишних издержек. Мало этого: сей душегубец, отправив вас в полк, показал, что наделал огромных долгов, посылая вам туда большие суммы денег; за что описали вашу деревню в пятьсот душ и назначили в продажу, а оные деньги на уплату, ась?

С т о л б и к о в. Как! возможно ли! да, бывши в полку, я от него копейки не видал.

П е т и г о р о ш к и н (*оглядываясь*). Знаем, знаем, батенька, но дослушайте, что за сим будет в заключение. Он, сделавшись городничим, подал новое прошение, где описал вас мотом и от природы слабоумным, надеется, что начальство утвердит его *навсегда* опекуном вашим. Но, боясь неудачи и тревожась от справедливых преследований наместника, оный варвар выписал сюда жену и дочь, начал вас отыскивать, чтоб до решения дела отуманить ваши очи, взять с вас законный, оборонительный акт по опекунству, да еще и женить вас на этой дура Малаше.

С т о л б и к о в (*вспльщиво*). Постойте! постойте! что вы сказали? как! разве она дура?

П е т и г о р о ш к и н. Петая, набитая дура, батенька! ей приказано вязаться вам на шею против воли...

С т о л б и к о в. Шшш! постойте! да знаете ли вы, что уж я снова предался обуревающей страсти и что уж полюбил эту богиню?

Петигорошкин. Помилуйте вы меня, Петр Степаныч! да этакие ли на Руси богини бывают? да вы себе найдете, коли я постараюсь...

Столбиков. Постойте! я нашел в ней всякие прелести и хочу достигнуть счастья обладать ею.

Петигорошкин. Ах, голубчик, это говорит неопытность! В ней, кроме сильной полноты, ничего нет прелестного. Она даже и безобразна, да и старше вас пятью годами, а коли говорить правду, так она вас даже и не любит!

Столбиков *(вскрикнув)*. Возможно ли!!

Петигорошкин. Батенька, она плутовка, она давно уж влюблена в протоколиста нижней расправы.

Столбиков. Что? в протоколиста нижней расправы?.. Постойте... Вы меня зарезали!..

Петигорошкин. Из уважения к вам, батенька, на всё готов! бросьте эту плутовку и спасайтесь, пока вас не поддели навеки. Ваше дело правое, и по всему видно, *должно* выиграться скоро. Правосудие не дремлет. Тогда мы доедем опекуна и возвратим вам всё до ниточки.

Столбиков *(ходя, в досаде вскрикивает)*. Протоколист нижней расправы!! *(Почти со слезами.)* Нет! вы меня обманываете, господин Петигорошкин!.. Меня от самой природы все и всё обманывают!.. Я знаю, что опекун почти все дела производил по вашему наставлению.

Петигорошкин. Это всё правда, батенька. Я уж человек такого сложения. Я истый стряпчий, делом производством достаю семейству хлеб насущный и действую за того, кто мне благодарен и больше платит. А сей Жиломотов всегда меня обчитывал! Заедал мои кровные, трудовые копейки! Теперь же и вовсе хочет удалиться от себя.

Столбиков. Послушайте, так неужели я таки точно с носом? и точно, моя Малаша влюблена... в нижнюю расправу?

Петигорошкин. Преточно, точно! спасайтесь, пока есть удобная минута. Я на случай припас вам славную тройку, она вас ждет на том конце улицы.

Столбиков. Опять путешествие! *(Со слезами.)* Да куда ж я поеду? когда и где решится моя горькая участь?

П е т и г о р о ш к и н. Скачите в деревню вашего дядюшки Лаврентия Степаныча Столбикова, он в тридцати верстах отсюда, славный человек, философ и кум мой, он богат невестами, там мы выберем вам любую.

С т о л б и к о в (*обрадовавшись*). Неужели? благодарю вас за хлопоты! (*Целует его.*) Когда же мы увидимся?

П е т и г о р о ш к и н. Да уж я там прежде вас буду, только вот побываю в суде. Дядюшка сам звал меня по какому-то важному делу и просит моей помощи. Поспешайте той же дорогой, как сюда ехали.

С т о л б и к о в. Благодарю вас! дайте еще поцеловать вас, господин Петигорошкин! (*Целует его.*)

П е т и г о р о ш к и н. После, после, не мешкайте.

За кулисами от Малаши слышен стук в двери и слова ее.

М а л а ш а. Петр Степаныч! Этоя! Отоприте, душенька!..

С т о л б и к о в. Ах! какой голос!..

П е т и г о р о ш к и н. Предательский, батенька, скорее!

М а л а ш а. Отоприте же!..

С т о л б и к о в (*схватив свой чемодан*). Нет, погодите, Малашенька, я тороплюсь.

М а л а ш а. Куда вы это? Куда?

С т о л б и к о в (*подходя к ее двери, с досадою*). Куда, душенька, куда? (*Громко.*) В пижнюю расправу!! (*Убегает.*)

М а л а ш а. Ах, маменька! тятенька!

Петигорошкин бежит к обеим дверям, вынимает оба ключа и прячет их.

П е т и г о р о ш к и н. А! обирать сироту? обсчитывать Петигорошкина?.. отпираться от честного слова? Нет, душегубцы! (*Убегает.*)

З а к у л и с а м и г о л о с а

Жиломотова }
Малаши } *говорят вместе*
Феклы }

Эй! отоприте! Петр Степаныч! зять дорогой! эй, Петр Степаныч! Ивановна! Отоприте! (*Стучат в обе двери.*)

Конец 3-й картины

КАРТИНА ЧЕТВЕРТАЯ

НЕ ИЩИ ЖЕНЫ, САМА НАЙДЕТСЯ

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Лаврентий Степанович Столбиков, богатый помещик.

Василиса Марковна, жена его.

Катенька, 17 лет

Фенюша, 10 лет

Матреша, 8 лет

Тимоша

Трое малолетних

} детки Лаврентия Столбикова.

Авдотья Марковна, вдова, родная сестра Василисы Марковны, тридцати пяти лет.

Михайло Федорович Петигорошкин, помещик и ходатай по делам.

Петр Степанович Столбиков, родственник Лаврентия Столбикова.

Игнатъич, поверенный его.

Слуга.

Действие происходит в имении Лаврентия Столбикова, в саду, подле дома.

Театр представляет большой сад с различными беседками и фруктовыми деревьями. Направо со сцены в углублении большой господский дом с разными неправильными углами и пристройками, со множеством окошек и ставень.

Я В Л Е Н И Е 1

Лаврентий Столбиков и Петигорошкин (выходят, разговаривая, из-за дома и осматривают его). Лаврентий одет по-летнему, на голове вязаный колпак с большой кистью.

Лаврентий Столбиков. Вот, вот, батюшка, Михайло Федорыч... вот посмотрите... вот из-за этого угла у меня всё дело началось! Я его прилепил к дому по необходимости: не родился у меня сын Тимоша, — этого бы угла и не существовало на белом свете, — а то мала оказалась детская, батенька... видите, у меня, что ни родится, я сейчас и привалию уголок к дому! оттого-то он и изображает такую египетскую архитектуру... Так вот, я этак, приваливая уголки по необходимости, при рождении Тимоши и нашел тоже пустопорожнее местечко, лет десять считаю его своим, а теперь вдруг сосед и вступишь, да в суд на меня, а там и пошли, что: я-де *умышленно* захватил у соседа полсажени чужой земли! Засудили меня в пух!

Петигорошкин (*протирая руки*). Хорошо-с, хорошо-с... доброе дело!..

Лаврентий Столбиков. Как доброе дело? меня обвиняют!..

Петигорошкин. Ничего, батенька, ничего, пусть вас судят, пусть вас допекают, вы будете в барышах.

Лаврентий Столбиков. Да в каких барышах? ведь меня так прижали за этот угол, что я, по незнанию *отписываться*, призвал вас на помощь и рад хоть как-нибудь кончить это дело!

Петигорошкин. Э! боже вас помилуй чинить *какую-нибудь* свое оправдание! пропадете, как курица! вам надо оправдаться фундаментально, то есть обвинить соседа, втравить во вся тяжкая, да еще и сбрызнуть с него посылно место!

Лаврентий Столбиков. Да это невозможно! потому что суд уж делал следствие и предписал сломать этот угол.

Петигорошкин (*обрадуясь*). Что? предписал сломать? прекрасно! допустите, пусть ваш сосед ломает! не спорьте, не ломайтесь, вы будете в барышах!

Лаврентий Столбиков. Э! помилуйте! вы дичь несете!

Петигорошкин. Помилуйте, пусть сломают, пусть сделают такое покушение! из-за этого угла выйдет такая важная штука, что вам сосед за целый дом заплатит!

Лаврентий Столбиков (*разгорячась*). Э, да что это вы тут еще городите? объясните вразумительнее.

Петигорошкин (*качая головой*). То-то и есть, батенька! хоть вы и слывете у нас за философа по образу жизни своей, а не знаете, где извлечь существенную выгоду для семейства. Слушайте же: коли хотите, чтоб я вас оправдал перед судом, так плюньте на этот угол, не жалейте его, пусть сосед сломает вашу детскую, не мешайте, пусть сломают...

Лаврентий Столбиков (*пробивая его*). Да Тимошке спать негде будет...

Петигорошкин. Ничего, пусть он как себе хочет, пусть подождет... но зато, как только сосед прикоснется к вашему уголку, а мы и бряк жалобу в суд, да и пропишем как водится: что оный злодей, имея разрешение суда сломать только один уголок, в азартности своей повредил и разорил *весь ваш дом*, до того, что оный дом поколебался в самом основании и осел на левую сторону! причем две главные балки не выдержали, обрушили потолок и придавили до полусмерти двух дворовых девок!.. (*Потирая руки от удовольствия.*) У! да ведь это, просто сказать, сущий клад! только приступи, так после сам не отстанешь! да и как весело, когда займешься такою приятною тяжбою... как примешься писать исковую, явочное прошение, апелляционную просьбу,— откуда слова берутся? материя так и льется, как французская водочка в чашку чаю! указы все в голове один другого опережает вырваться на бумагу. Вступило на тебя возражение, — новое удовольствие писать опровержение! да уж тут-то в тонкость разбираешь противниче всяко слово, буквы, запятую, и рад-рад, как за что уцепишься! а уж и малиной не корми, как что найдешь в укоризну себе: тут и пошла писать! тут и обида тяжкая, тут-де и обещан

и почти изувечен.. требую удовлетворения по законам да и только!

Лаврентий Столбиков (*удивленный*). Ого! да вы, соседка, себе на уме!.. мне бы никогда и в голову не вошло так действовать. Нет, я если служить, так люблю служить так, чтоб: есть, пить, спать и, как водится, ничего не делать!

Петигорошкин. А я так, батенька, совсем особенной природы человек:

Хоть плохое мне веселье,
Я, как рыба об лед, быюсь!
Но от дел и от безделья
То и дело суечусь;
Жаль, что старость одолела,
Рад бы все дела схватить!
Было б тяжбное дело,
Как же прибыли не быть?
Все дела любя душевно,
На бумагах, на словах,
Я присутствую вседневно
Во присутственных местах.

Я за всё умею взяться,
Я делец, сударь, вполне:
Рад хоть с чортом потягаться,
Хоть настряпать сатане!
Так чего же мне страшиться?
Страшно то лишь может быть:
Если мир угомонится
И начнут все мирно жить.

О, тогда конец ужасный!
Иски, тяжбы, всё прощай!
А уж я-то, я, несчастный,
В гроб ложись и умирай!.. (*Подумав.*)
Впрочем... нет, не оробею!
Чтобы вспомнили добром,
Я и при смерти затею
Злой процесс — с гробовщиком!

Лаврентий Столбиков. Ну, так теперь я вижу, что мое дело *будет* выиграно.

Петигорошкин. Да уж будем в барышах! Однако Петр Степаныч всё еще не является... уж не заплутался ли он второпях? не нагнал ли его Жиломотов?..

Лаврентий Столбиков. Да какой это, вы говорите, еще Столбиков? я его отродясь не видывал.

П е т и г о р о ш к и н. Э, батенька, Лаврентий Степаныч, вы так твердо, кажется, знаете вашу родословную, все происходящие и преходящие колена, а этого молодца забыли! Это будущий богатейший наследник после матушки, которого опекун Жиломотов обобрал до копейки. Вот, батенька, знаменитая тяжба-то! я в ней много участвовал и помогал Жиломотову елико возможно... теперь же, когда прозрел, что Столбиков уже должен выиграть, то всей душой и прилепился к его пользам! я открыл ему все козны опекуна, спас от насильной женитьбы и надеюсь за хлопоты получить малую толику.

Л а в р е н т и й С т о л б и к о в. Да где он прежде служил-то?

П е т и г о р о ш к и н. У, странствовал везде, ожидая решения дела. Его похождения многотрудны! Прости бог прегрешение! по моему совету опекун-то его и в армию было упрятал, да молодец, будучи не воинственной натуры, там помаялся немного и, чувствуя свое дворянское достоинство, выскочил в чистую.

Л а в р е н т и й С т о л б и к о в. А! стало, точь-в-точь как я же поступил. Мне тоже когда-то показалось, что я рожден храбрецом... вот я и бух в военную, да под конец кое-как по нездоровью уволился, отставлен из прапорщиков к статским делам и причислен к герольдии не у дел, где вот уж тридцать лет тяну службу без всякой награды. Благодарю себя: не уронил *репюме*¹ фамилии нашей; продолжаю службу честно, беспорочно и без всяких неприятностей.

П е т и г о р о ш к и н. Философически рассуждать извольте!

Я В Л Е Н И Е 2

Т е ж е, слуга, потом П е т р С т о л б и к о в.

С л у г а. Приехали сейчас какой-то господин и спрашивает, дома ли Лаврентий Степаныч?

П е т и г о р о ш к и н. А! верно, это ваш милый родственничек!

Л а в р е н т и й С т о л б и к о в. Очень рад! проси сюда без церемоний. В комнате нынче больно жарко.

¹ Честь <франц.>.

Петр Столбиков входит с чемоданом.

Лаврентий Столбиков. Позвольте спросить, кого я вижу у себя?

Петигорошкин. Ну, он и есть! слава богу! спаслись от беды!

Петр Столбиков (*наклоняясь, говорит ясно*). Отставной из армии, дворянин по рождению Петр Степанов сын Столбиков, по совету господина Петигорошкина, долгом поставил явиться под защиту, полагая, что имею честь быть родственником...

Лаврентий Столбиков. Чей сын? чей? я не расслушал...

Петр Столбиков. Степанов!

Лаврентий Столбиков. Из здешнего местничества?

Петр Столбиков. Так точно. Из здешнего и еще из двух прочих.

Лаврентий Столбиков. Ну, теперь вспоминаю! так и есть! не только *полагай*, но и считай меня *ближайшим* родственником. Вот я тебе *экспликацию*¹: Марко Семеныч, первый приобретший здесь поместья, имел трех сыновей: Карпа, Ивана и Семена. Семен, правда, холостяком умер, а у Карпа было зато пять сыновей, кроме дочерей: Степан, Петр, Карп, Макар и Тимофей. Я знаю и Ивановых потомков, но о них после расскажу. Садитесь... Так вот, от них у Карпа было три... нет, пять сыновей... не помню всех, только третьего звали Кондратий. У Кондратия из шести сыновей был Дорофей, а у Дорофея Степан — сам-четверт. От Степана родился я с братом Козьмою, близнецы, — вот наше колено. Теперь у Тимофея, брата Карпова, твоего родоначальника, от двух жен было восемь сыновей, — наш род как-то многоплоден. Из них у Кондратия сын Семен, сам-пят; у Семена от трех жен — только три сына; жены умирали все первыми родами, так тем и скуден был детьми. Из них Тимофей имел сына Петра, сам-шестя; у Петра — Степан, сам-сём, и это был любезнейший родитель твой. Так вот немудрено рассчитать, как мы близки с тобою: ты мне, если не больше, так пятиуродный племянник! твоего

¹ От франц. *expliquer* — объяснять.

Батюшку я знал и с ним дружен был... обними же и ты меня! (*Целуются.*)

Петр Столбиков (*встав*). Очень бы было приятно со всеми вышесказанными предками свести приятное знакомство... гм!.. позвольте благодарить за ласки... в моем горестном положении ничего не услаждает, как родственные ласкательства... на которые потщусь отвечать излиянием и своими ласками. (*Отвесив поклон, садится опять.*)

Лаврентий Столбиков. Очень рад, очень рад!

Петигорошкин (*тихо Петру*). Вот у него-то, батенька, какие невесты доморощенные! сразу влюбишься по маковку!

Петр Столбиков (*тихо ему*). Неужто? да нет, воздержусь, я очень злосчастен.

Петигорошкин (*тихо ему*). Пустое! увидишь и не выстоишь!

Петр Столбиков (*тихо ему*). Неужто? впрочем, все мои страсти как-то очень слепы. (*Лаврентию.*) Гм! Лаврентий Степаныч!.. позвольте... а вы... эдак, владеете значительным семейством?..

Лаврентий Столбиков. Как же, голубчик, как же!.. Такая семья присыпала, что на поди!

Петигорошкин. Так вот не мешало бы вам познакомиться с детками приезжего гостя в ожидании будущих благ.

Лаврентий Столбиков. Почему же и не так? Охотно! (*Кричит.*) Эй! жена! дети! вся саранча сюда! гость приехал! (*Петру.*) Сейчас высыпают, погодите... ах! да уж, благо кстати, о саранче. Знаете ли, господа, ведь нам беда грозит? ведь на мой хлеб палетела недавно настоящая саранча! Всё пожирает. Присоветуйте, как бы мне поумнее от нее избавиться?

Петигорошкин. О! упаси, владыко, если она пожрет и мой скудный хлебишко!..

Петр Столбиков. Позвольте... на этот счет... я полагаю мысль из опыта...

Петигорошкин (*перебив его*). И я в этой беде буду действовать по опытам. По-моему, господа, вот спасительное средство: надо стеречь, и если саранча да пожалует ко мне с соседнего поля, то я сейчас затею тяжбу!

Лаврентий Столбиков. Как! с саранчою?

Петигорошкин. Нет, нет, это, по несчастью, никак невозможно... зато я явлюсь в суд, где буду доказывать ясно, законно, что злой сосед, желая лишить всего мое семейство, уморить меня с голоду, умышленно перегнал саранчу на мое поле, за что и прошу взыскать законное удовлетворение и проч., и проч., и проч.

Лаврентий Столбиков. Нет, нет, это хлопотно, я ищу другого, ближайшего средства к спасению.

Петр Столбиков. Так вот мое вам самое вернейшее...

Лаврентий Столбиков. Ну, ну, батенька, помогите горю, помогите... Что такое?

Петр Столбиков (*кашлянув*). В младости моей я был на руках мамушек и как-то раз, имея детский желудок, крайне неосторожно обкушался и совсем было умер; но домашнее медицинское пособие спасло меня, как видите. Так вот, я и полагаю: что ваша саранча, будучи менее дитяти и желудком слабее, чем у человеческого ребенка, пусть для общей пользы эта саранча жрет хлеб и поле сколько душе угодно, а зато, обожравшись и не получив никакого медицинского пособия, сама пропадет без наших трудов.

Лаврентий Столбиков. Гм! конечно, средство очень новое... точно, саранча хоть и обожрется, да ведь нам-то есть нечего будет!.. Нет, батенька, это неловко; надо придумать что-нибудь иное... а пока вот вам высыпает другая, домашняя!.. (*Встает.*)

Петигорошкин (*тихо Петру*). Обратите ваши взоры на Катеньку.

Я В Л Е Н И Е 3

Те же и Василиса Марковна с детьми: Катю, Фенюшей, Магрешей, Тимошей и тремя малолетними (выходят из разных дверей).

Лаврентий Столбиков. Василиса Марковна! дети! целуйте и обнимайте дорогого гостя! без церемоний!

Дети все бросаются целовать Столбикова.

Ребятишки! это ваш братец! жена, это племянничек! Петр Степаныч!

К а т я, Ф е н ю ш а, Т и м о ш а и п р о ч и е.
Милый братец! Здравствуйте! Обнимите нас!.. Здоровы ли вы? (*Отводят его к стороне и сажают около себя, целуя и обнимая его беспрестанно.*)

Л а в р е н т и й С т о л б и к о в. Ха! ха! что, батенька? попались!

В а с и л и с а М а р к о в н а (*Петру Столбикову*). Мы очень всегда рады... (*Мужу.*) Скажи-ка мне, Лавруша, а что это за племянник твой и как он тебе близок?

Л а в р е н т и й С т о л б и к о в. Да видишь, душка, у Кондратия из шести сыновей был Дорофей, у Дорофея Степан, сам-четверт, от Степана родился я с братом Козьмою...

В а с и л и с а М а р к о в н а. Ах, Лавруша, знаю я, что ты родился от Степана; да он-то от какого же Степана?

Л а в р е н т и й С т о л б и к о в. Это уж от другого; от Петра, сам-шеста, был сын Степан, сам-сём! так он нам пятиуродный.

П е т и г о р о ш к и н (*тихо Василисе*). И женишок отличный! скоро обогатится!

В а с и л и с а М а р к о в н а (*посматривая на Петра*). А! вот что! почему же, мы люди добрые, Петр Степаныч... (*Ласково кланяется.*)

П е т р С т о л б и к о в. Я это замечаю-с...

Л а в р е н т и й С т о л б и к о в. Ну, что ж, вы, саранча? попотчуйте приезжего брата!

В а с и л и с а М а р к о в н а. Да, да, подите, дочки, принесите гостю яблоков, простокваши, медового варенья, домашнего балыка, орешков и еще чего-нибудь...

Многие из дочерей бросаются в дом, скоро вносят на тарелках разные кушавья и сами кормят Петра из своих рук. Он же, тихо разговаривая с ними, очень часто делуется и обнимается.

Л а в р е н т и й С т о л б и к о в. Да, после обеда не худо подкрепиться... я уже раза три закусывал с Михайлом Федоровичем... всё обозревали вон тот угол.

В а с и л и с а М а р к о в н а. А слышал ли, Лавруша, что мне теперь шепнул Михайло Федорыч?

Л а в р е н т и й С т о л б и к о в. А что бы такое?

П е т и г о р о ш к и н. Да так, батенька, насчет будущности вашего семейства закинул я дружеский крючочек...

Лаврентий Столбиков. А! то есть верно насчет нашей Фенюши? или Катюши?

Петигорошкин. Именно. Малый будет богатый, а прост, как младенец!

Василиса Марковна. Катюша-то наша такова же... так, как ты думаешь?

Лаврентий Столбиков. Да что тут мне попусту думать? пусть поест, так лучше я спрошу тогда, как он сам мыслит про это. Я не люблю ни интриг, ни вычур! спросил да и баста!

Петигорошкин. И! это будет презнаменито! вы скажите свое, а он на ваше ответит свое, а там как раз и резолюцию подмахнем.

Василиса Марковна (*мужу*). Только ты не высказывай ему своей философии, можешь всё дело испортить. Лучше обожди хоть сестры.

Лаврентий Столбиков. Душка! моя философия никого еще калекой не сделала! что бы я ни сказал, о том не сокрушаюсь; каков в колыбельку, таков пойду и в могилку. Отойди, не мешай нам... Гм! Петр Степаныч! *Экуте*¹, на дружеское слово...

Петр Столбиков (*освобождаясь от детей*). Что же делать, Лаврентий Степаныч... разные эти удовольствия и мои тесные обстоятельства... как вы тут хотите, но я, по доброте души, не смею отказаться...

Лаврентий Столбиков. Не в том смысле, батюшка... пожалуйста-ка сюда.

Василиса Марковна (*подходя к детям*). Детушки, бросьте пока братца-то!..

Петр Столбиков. Извините, Катерина Лаврентьевна. (*Подходя к Лаврентию*.) Что вам угодно?

Лаврентий Столбиков. Да вот, сударь, замечаешь ли ты, что мы не женируемся², вот моя жена, как сам видишь, — ни рожи, ни кожи, умом — середка наполовине и так далее. Детей хоть вволю, но живем припеваючи: еда и питье добрые, постели мягкие, комнаты теплые, ставни плотные, спим себе вволю... а? как ты думаешь?

Петр Столбиков. Да-с... единственная жизнь у вас!

¹ Послушайте *<франц.>*.

² От франц. *gêner* — беспокоить, стеснять. *<Ред.>*

Лаврентий Столбиков. Ага! завидно!.. что ж долго думать, перенимай у нашего брата.

Петигорошкин. И разумеется. Грешно ведь вам маяться без пользы человечеству.

Петр Столбиков. Конечно-с... но...

Лаврентий Столбиков. Впрочем, как себе хочешь. *Не ищи жены, она сама найдетя.* Ты богат, так не дадут быть холостяком. Не разбирай, — умна ли, скромна или постоянна; гляди, лишь бы богата была. Пока она в невестах, так *подай*, господи! а стала женой — *избави* господи! Глупая и умная — одинаково надоедает: от таких прячься в кабинет и спи себе в креслах! Но с бедною женой — беда! Нет никакой *консоляции*¹. Окружат если дети? не тужи, было бы где поместить да накормить. Не хлопочи определять их в знаменитые училища; чем громче учитель, тем дороже берет. Девчонок не учи грамоте далее молитвенника. Наука, брат, везде наука, и у последнего пономаря буки-аз-ба, все-таки ба! никак не иначе. Следуй же моим правилам, поддержишь *реноме*, проживешь век свой счастливо; пойдуй обзреть саранчу... адь! (*Уходит в глубину сада.*)

ЯВЛЕНИЕ 4

Те же, кроме Лаврентия.

Василиса Марковна (*Петигорошкину*). Эж, опять-таки нанес своей ахиной!.. даже Петр Степаныч и голову повесил. Что скажете, Михайло Федорыч? Ведь этак ничего не будет.

Петигорошкин. А знаете что, кумушка? вашему сожителю с своей философией не обрести царства небесного.

Василиса Марковна. Ох, уж я и сама так думаю. Но послушайте: мне бы крепко хотелось сбыть с рук Катюшу-то... поговорите-ка вы за мужа.

Петигорошкин. С удовольствием! а вы ее самое, знаете, тоже вразумите, да, не мешкая, пошлите к нам, так авось дельце-то и выйдет как раз на законном основании. Такого молодца надо ловить на лету.

¹ От франц. *consolation* — утешение. <Ред.>

В а с и л и с а М а р к о в н а. Хорошо, хорошо, ба-
тюшка. А вот приедет еще моя умница сестра Авдотья
Марковна, так авось и совсем поладит.

П е т и г о р о ш к и н. Бесподобно! лучше пошлите за
ней, дело-то будет фундаментальнее и скорее.

В а с и л и с а М а р к о в н а. Добро, добро. (*Стол-
бикову.*) Что так призадумались, Петр Степаныч? пожа-
луйста, не женируйтесь с нами. (*Уходит с детьми.*)

Я В Л Е Н И Е 5

Петр Столбиков и Петигорошкин.

П е т и г о р о ш к и н. Ну, батенька... какова родень-
ка-то? Что скажете?

С т о л б и к о в (*про себя*). Дяденька гласит: не ищи
жены — сама найдется!.. (*Оглядывается.*) Ведь это, ка-
жется, преумное изречение? Ведь не мудрено, что и най-
дется? (*Опять оглядывается, думая увидеть кого-то.*)

П е т и г о р о ш к и н. Преглупое изречение, батень-
ка! писание говорит напротив: ищите и обрящете!

С т о л б и к о в. В самом деле, ведь много ли нужно для
прочного счастья в жизни? постели мягкие и ставни плот-
ные...

П е т и г о р о ш к и н. Да главное: еще и супругу доб-
рую. А ведь Катерина-то Лаврентьевна чудесная для вас
штучка? а?

С т о л б и к о в. Да... хоть и потоньше опекунской
Малашки... но при покойной жизни... настоящая будет
реноме, а что лучше-то всего, так простота ее мне по
сердцу приходится...

П е т и г о р о ш к и н. О! этим уж она взяла перед все-
ми! Точь-в-точь вы, батенька!.. а нравится ли вам сам-то
пятигородный дядюшка?

С т о л б и к о в. Опытный, мудрый старец! так рассуж-
дает в рассуждении философии, что можно бы многому
научиться.

П е т и г о р о ш к и н. А что вы, батенька, рассужда-
ли, сидя с Катенькой?

С т о л б и к о в. Ах, о многих приятных вещах.
С большим чувством призналась она, сколько нынче насо-

лила грибов, как мастерски выражала о приготовлении простокваши!

Петигорошкин. Единственная девушка! к будущему вашему хозяйству она необходима; вы будете с нею жить также припеваючи! а по вступлении в брак и в наследие ваше, конечно, и нас грешных не забудете? а? я вас так полюбил, что забыл всё прошедшее и всеми силами готов устроить ваше счастье!

Столбиков (*целуя его*). Почтенный вы человек, господин Петигорошкин! Положим, хоть вы некогда и пользовались сиротскими наследственными колбасами, но теперешнее ваше усердие все беды заглаживает.

Петигорошкин. И слава богу! не зевайте же и не пропускайте вашего счастья! (*Увидя выходящую из дому Катю.*) Да вот она и сама, голубушка... Я знаю, что при ней вы забудете всех прежних изменниц!.. А придет сестрица ее матушки, так и всё дело покончит без проволочки.

Я В Л Е Н И Е 6

Т е ж е и К а т я (вдали гуляет).

Столбиков (*посматривая на Катю*). Странные, право, у меня чувства! только увижу приятную девицу, так вот и предаюсь симпатии...

Петигорошкин (*Кате*). Пожалуйте к нам, Катерина Лаврентьевна... одолжите ласковым словом... (*Петру.*) То есть вся по вас!

Столбиков. Неужто?

Петигорошкин. Я побегу к матушке и объясню о вашем к ней расположении. Начинайте. (*Тихо Кате.*) Вы его так и разите своими взорами! (*Уходит в дом.*)

Столбиков (*особо*). Как это приятно, что она не из бойких, это важное обстоятельство, особливо при женитьбе.

Катя стоит спокойно и не смигнет, глядит ему прямо в глаза.

Видите: глядит прямехонько и не смигнет ни на кого... значит, душой чиста. Попробую, закину словечко о ее чувствах... (*Подходит и кланяется неловко.*) Гм! чем вы занимаетесь, Катенька, кроме работы?

К а т я (*наивно.*) Чего-с?

Столбиков. То есть... что вы поддельваете, когда уж вам... этак нечего делать?

Катя (*холодно*). Когда гуляю, а иногда — книжку читаю.

Столбиков. А какие книжки вы больше любите читать?

Катя. У нас одна только книжка, маркиза Глаголь, *вторая* часть, да какая жалкая!

Столбиков. Неужели-с? а *первой* части вы не читали?

Катя. Нет, у нас ее не было. Да коли и первая такая же жалкая, так хорошо, что и не читала; я и то всё плачу, когда эту перечитываю.

Столбиков. Бедненькие! А разве вы не один раз читали вторую часть?

Катя. О нет; прочту всю, да и опять начну, и опять плачу.

Столбиков. И опять начнете? и опять плачете? (*Особо.*) Как она натуральна! (*С чувством.*) Если женюсь, так подарю ей *Деревенского эконома*, пусть для разнообразия перечитывает. (*Ей.*) Ну-с, а еще что вы иногда изволите делать?

Катя. Иногда тоже играю на клавесине...

Столбиков. И на клавесине изволите?.. ах! хорошо бы послушать!.. а какие вы штучки играете?

Катя. Всякие, разные: «*Ехал казак за Дунай*»; «*Приди в чертог ко мне золотой*»...

Столбиков. А... не играете ли вы эту модную песенку?.. Как, бишь, голос-то? (*Поет нежно.*)

Ах, что б это за причина,
Что всех краше Катерина?

Катя. Нет, этой штучки я не знаю.

Столбиков (*особо*). Ах, какая скромность-то! ведь и не чувствует, что на ее счет я закинул штучку... (*Ей.*) Стало быть, вы за клавесином и ни на какие вариации еще не подымались?

Катя (*спокойно*). Нет-с, не подымалась.

Столбиков (*особо*). Какое чистосердечие! вот именно такая жена мне надобна!.. (*Нежно ей.*) Катерина Лаврентьевна! пожалуйста мне вашу ручку...

Катя (*равнодушно*). Извольте.

Столбиков целует три раза, с большим одушевлением.

Столбиков. Душа моя! Ангел вы непорочный! видно, уж так судьбе угодно, чтобы я исполнил желание господина Петигорошкина... он предсказал заранее, что я только узрю, то и врежусь в вас, по самое темечко!..

Катя (*так же*). Разве вы влюблены в меня?

Столбиков. Ох, всенепременно!

Да так влюбился я, что... ах!
Вот, чуть держуся на ногах!..
Когда бы можно, мой дружок,
Готов хоть вечно — чмок, да чмок!
Мадамой Столбиковой быть
Всё лучше, чем грибы солить;
А там, авось-либо к зиме
Нам бог пошлет и *реноме!*

А? пойдете ли вы за меня?

Катя. Пожалуй, пойду.

Столбиков (*восхищенный*). Экой ведь прямодушный ответец-то произнесла! вот как будто сказала: я спать хочу.

Катя. Да и матушка говорила, что лучшего жениха мне и не надо. Хоть вы, говорит, и простоваты, и смешной наружности, но, говорит, богаты. А это, говорит, нужнее всего в жизни. И притом, говорит, мы во всем сходны промежду собою, и нас, говорит, будет пара.

Столбиков. Ах! прекрасно! мило! ах, единственно! вы будете беспримерная жена... хоть и колко, и грубо, но по крайности вы сказали, что было на душе. Поцелуйте же меня...

Катя. Извольте!

Столбиков целует ее нежно.

Только не говорите матушке, что вы меня целовали так нежно.

Столбиков. А почему же?

Катя. Матушка не любит, когда я с мужчинами целуюсь.

Столбиков (*испугавшись*). А вы... разве целовались... с кем?

Катя. О, сколько раз! наедут разные гости, да где увидят, и тот — поцелуй, и другой — поцелуй!

Столбиков. Так, так... вот что-с!..

К а т я. А матушка за это раз и отделала меня.

С т о л б и к о в. Неужели-с? (*Особо.*) Впрочем... ведь и это не совсем худо. Она будет со мной откровенна. Но знаете, Катенька, когда мы обвенчаемся, так уж ни с тем, ни с другим нельзя целоваться.

К а т я. Нельзя? отчего же?

С т о л б и к о в. Да уж оттого, что и те, и другие, знаете, будут лишние.

К а т я. Вот что!

С т о л б и к о в. А если кто по старой памяти и осмелится, так уж я, знаете, того по затылку!

К а т я. Как же это так?

С т о л б и к о в (*показывая, как бьют*). Да вот этак-с! понимаете?

К а т я. Понимаю.

С т о л б и к о в. Знаете, это уж у добрых людей так водится, когда кто не за свое берется. Слышите?

К а т я. Слышу.

С т о л б и к о в. Блаженный характер! именно: не ищи жены, сама найдется! Какая будущность ожидает меня за все прежние несчастья. Ах! вот, кажется, и матушка ваша идет сюда!..

К а т я. И тетушка Авдотья Марковна приехала!

С т о л б и к о в. Так я им во всем признаюсь?

К а т я. Признайтесь.

Я В Л Е Н И Е 7

Т е ж е, Василиса Марковна и Авдотья Марковна.

В а с и л и с а М а р к о в н а. А! вот они где, душенька сестрица!.. Петр Степаныч, не женируйтесь с нами... рекомендую вам мою сестрицу Авдотью Марковну... Сестрица, прошу полюбить Петра Степаныча, который неожиданно делает честь моей Катюше, нимало не женируясь...

С т о л б и к о в. Как! вы уж всё знаете? вы согласны?

В а с и л и с а М а р к о в н а. Да уж Михайло Федорыч Петигорошкин прибежал и в подробности мне рассказал всё.

А в д о т ь я М а р к о в н а (*смотря пристально на него*). Гм! это очень приятно... я уж очень много слы-

шала о достоинствах Петра Степаныча... и пахожу... что для женщины с умом Петр Степаныч не муж, а клад.

Столбиков. Ах, за что же такая мне честь?.. помилуйте...

Авдотья Марковна. Сделайте милость, не скромничайте.. Здравствуй, Катюша! поздравляю, друг мой! я так рада, если буду в состоянии ускорить ваше общее счастье. Петр Степаныч, как я от многих слышала, очень известен своим здравым умом, своею добротой, имеет три богатых поместья, не связан никакими *сбещаниями*, чего же лучше? Если бог благословит, с удовольствием, сестрица, хоть сегодня под венец.

Василиса Марковна. Слышите, Петр Степаныч? сестрица у меня шутить не любит. Как вы ее находите? Не женируйтесь, пожалуйста.

Столбиков (*в замешательстве*). Право... я не знаю... они дама с таким большим умом и сердцем... право, заслуживают...

Василиса Марковна. О, уж что до ума, батюшка, так всех нас перецеголяла! и то сказать, кто бывал в высоких обществах, грешно бы и не просветиться. Она, батюшка, с некоторых пор всех нас глупых уму-разуму учит; уж что бы ни захотела сделать по-своему, мы и пикнуть не смеем.

Авдотья Марковна. Ах, сестрица, вы меня в краску приводите... пожалуйста, не обращайтесь внимания на мои маленькие достоинства. Подите к своему хозяйству, велите Катюше попрежнему заниматься своим делом, а что касается до будущего зятя, то я постараюсь, как могу, занять его. (*Тихо Василисе.*) Катюша так проста, что ей не следует беспрестанно быть на глазах у мужчин; пожалуй, он может подумать, что ты ее навязываешь, а это нигде не водится.

Василиса Марковна. Правда, правда твоя, сестрица... благо он сам делает нам предложение, так теперь и точно надо поддержать, как говорит Лавруша, наше *репоне*.

Авдотья Марковна. Разумеется. Я еще хочу узнать его в подробности, а вы, ожидая благополучной развязки, не обращайтесь на нас никакого особенного внимания.

В а с и л и с а М а р к о в н а. Хорошо, хорошо, милая, только, пожалуйста, постарайся почаще выхвалять ему мою Катюшу.

А в д о т ь я М а р к о в н а. Да уж за этим дело не станет. Ступайте...

С т о л б и к о в (*особо*). Сейчас видно умную особу! на каждое слово свою предиду¹ читает. Я рад, что она приехала, скорей обвенчаюсь с Катей.

В а с и л и с а М а р к о в н а (*Столбикову*). Ну, батюшка, Петр Степаныч, будьте как у себя дома, не женируйтесь с нами, мы уверены, что Авдотья Марковна скоро всё устроит так, как вам и нам желательно.

С т о л б и к о в. Очень буду благодарен... и надеюсь, что в самом наискорейшем времени заслужу... внимательное расположение... такой дамы...

В а с и л и с а М а р к о в н а. Ну, ну, полно, пожалуйста, не женируйтесь с нами... Катюша, пойдем-ка со мной. (*Уходит с Катей.*)

С т о л б и к о в (*особо*). Эх! чмокнул бы еще Катюшечку, да при всех совестно.

Авдотья провожает сестру до дому.

Я В Л Е Н И Е 8

Петр Столбиков и Авдотья Марковна.

С т о л б и к о в. Слава богу, что прикатила во-время эта Авдотья Марковна! попрошу ее повернуть поскорее делом. Говорят, что женщинам с таким высоким умом не надо противуречить, хотя она и крепко старообразна.

А в д о т ь я М а р к о в н а (*подходя к нему*). Ну-с... очень, очень рада, Петр Степаныч, что нахожу, наконец, случай узнать вас покороче... хотя имею уже некоторые сведения на ваш счет. (*Особо.*) Как он изменился...

С т о л б и к о в. Как она замысловато улыбается... верно, хочет хвалить мою Катюшу. (*Ей.*) Авдотья Марковна... если вы намерены...

А в д о т ь я М а р к о в н а. Точно так. Я намерена теперь спросить прямо: думаете ли вы быть счастливым с Катенькой?

¹ От немецк. Predigt — проповедь. <Ред.>

Столбиков. Гм! ду-ма-ю-с.

Авдотья Марковна. Думаете, а не уверены. Узнали ли вы ее так хорошо, как следует будущую свою жену?

Столбиков. Мм... кажется-с.

Авдотья Марковна. Кажется, а всё же не уверены. *(С жаром схватив его за руку.)* Петр Степаныч, с первой встречи, с первого знакомства нашего я приняла в вас большое участие! как я вас разумею и ценю, вы должны будете догадаться; не принимайте только за лесть моей искренности. Я хочу открыть вам такие тайны, которых, верно, вы не ожидаете. Катя, эта пустая девчонка, мне давно известна. По характеру своему она не может и не будет никого любить! скажите ей, что вы ее оставляете, она ответит вам — *хорошо*. Если даже под венцом мать скажет ей: «Оставь Петра Степаныча, а иди за другого», — и она прехладнокровно ответит: слушаю-с!.. спросите ее о чем угодно — и она всё разболтает, как бы и няне своей.

Столбиков. Конечно-с... Да это-то мне и нравится в Катюше. *(С важностью.)* Я из нее могу сделать всё! она будет жить совершенно по моей воле.

Авдотья Марковна. Неужели? Удивляюсь, как вы, с таким умом, опытностью, с такой проницательностью, не умеете дать себе цены! Послушайте: я вас давно знаю: вы по своему состоянию должны занимать в свете место видное и блестящее. Жаль, что злой опекун заглушил ваши природные способности с самого детства.

Он не дал вам совсем образования,
Опо теперь для вас нужней всего...

Столбиков.

Нет, главное, — он не дал состоянья,
Опо пужней для блага моего;
Я не в уме хочу иметь излишек,
От света я стремлюся вот к чему:
Иметь жену, штук восемь ребятишек,
И ставши плотные в дому.

Авдотья Марковна. Кто же так рассуждает? ах, вижу я, что и военная служба не могла помочь вам. Ваши странные приемы, неловкость и всё такое... подают об вас очень невыгодное заключение...

Столбиков. Может ли это быть-с?.. Позвольте-с... Михайло Федорыч Петигорошкин уверяет честным словом,

что будто я имею весьма отличительные достоинства...

А в д о т ь я М а р к о в н а. О, знаю я и господина Петигорошкина! Этот пройдоха еще не уйдет от меня.

С т о л б и к о в. Позвольте... Я с вами согласен, что он пройдоха, однако он хочет устроить мое счастье на законном основании.

А в д о т ь я М а р к о в н а. Нет, нет, прежде надо собственно *вами* прилежно заняться и узнать так, как я вас знаю.

С т о л б и к о в. А позвольте, по каким же обстоятельствам вы меня так знаете?

А в д о т ь я М а р к о в н а. Ах, ради бога, не спрашивайте! дайте мне прежде высказать то, что я начала. Вы должны скорей заняться службою, выйти из этого фатального чинишка, должны выставить свои достоинства в настоящем виде, — но для этого нужна вам жена поопытнее, постарше вас, одним словом — женщина с здравым умом, проницательностью, тонкостью, с даром слова...

С т о л б и к о в (*особо*). Постой, я и сам сумею, не подумавши, вернуть кудреватую речь... (*Ей.*) Одним словом, мне нужна женщина с такими достоинствами, как вы... (*Особо посмотрев на нее.*) Ага! смутилась, не находит и ответа.

А в д о т ь я М а р к о в н а (*с притворным замешательством*). Конечно... предложение такого разборчивого ума и человека таких правил... очень лестно... хоть отношения мои к родным... но они извинят меня... если, наконец, вы вспомнили прежнее... так и быть, мой друг! я согласна! (*Обнимает его.*)

С т о л б и к о в (*пораженный смотрит на нее*). Как! что-с? позвольте.

А в д о т ь я М а р к о в н а. Согласна! согласна! я вижу, мой друг, что ты не забыл меня, что ты вспомнил свои клятвы... ах, как я счастлива! я твоя навек!

С т о л б и к о в. Как! позвольте-с... какие клятвы-с?

А в д о т ь я М а р к о в н а. Жестокий! зачем ты хочешь потревожить прежние раны?

С т о л б и к о в. Позвольте-с... да когда же я и чем ранил вас?

А в д о т ь я М а р к о в н а. Как! а помнишь ли ты наше страстное прощание у правителя губернии? Как

плакала с тобой твоя Дунечка... ах, с тех пор я много перенесла горестей.

Столбиков (*вскакивая*). Как! господи! неужто это вы? (*Особо.*) Вот попался-то!

Авдотья Марковна. Я, я, мой друг! Дождясь твоего возвращения, с горести я вышла замуж за варвара, злодея, наконец, слава богу, овдовела и начала везде искать тебя, мой друг! узнала твои печальные похождения, и вот, бог услышал мои чувства!

Столбиков (*особо*). Боже милостивый! за что ж меня-то так караешь? (*Ей.*) Да позвольте... как хотите, это не вы! а если это и вы... так поверьте, что я совсем не узнаю... чтоб это были... вы.

Авдотья Марковна. Не верю, не верю, мой ангел! твои глаза говорят ясно...

Столбиков (*особо*). Этские ведь у меня дурацкие глаза. (*Ей.*) Однако позвольте, что же скажут...

Авдотья Марковна (*перебивая его*). Мои родные? ах, конечно, ты прав, мой Петаша... твое положение теперь критическое, а мое еще щекотливее, но я вступаю в роль свою, и увидишь, как стану действовать.

Я В Л Е Н И Е 9

Те же и Петягорошкин (вышел и подслушивает).

Авдотья Марковна. Только старайся, мой друг, подтверждать все мои слова, да пока скрывай свою привязанность ко мне; пусть пока думают, что ты хочешь жениться на глупой Катюше, это для меня не опасно.

Столбиков (*растерявшись*). Вы думаете?.. по позвольте... вы уж были замужем...

Авдотья Марковна. Ах, не вспоминай этого времени! покойник мой был чудовище, не умел понимать моего сердца, а ты знаешь давно, каково у меня сердце.

Столбиков (*так же*). То есть... я знал ваше сердце... но вы уж овдовели...

Авдотья Марковна. Да всё это сделано для тебя, мой ангел! ты, верно, сам это чувствуешь? не правда ли?

Столбиков. Конечно... однако я думаю...

А в д о т ь я М а р к о в н а. Как лучше отделаться от моих родных? ничего, твоя чистая любовь научит меня, как действовать; твое постоянство заставит поторопиться нашим бракосочетанием,— только не ревнуй меня, пожалуйста, и будь повеселее.

С т о л б и к о в. Я с вами согласен... но вы меня так изумительно поразили, что...

А в д о т ь я М а р к о в н а. Что ты сейчас бы хотел обвенчаться? ну, что за нетерпение, поспеешь... Ах, боже мой, как я счастлива! вот ведь как судьба-то непостижима! не правда ли, мой друг?

С т о л б и к о в. Я с вами согласен... но...

Но мне ужасно что-то грустно...

А в д о т ь я М а р к о в н а.

Не притворяйся, мой дружок;
Плутиска! как ведь ты искусно
Меня умом своим завлек!

(Треплет его ласково по щеке.)

С т о л б и к о в.

Неужели?.. *(Особо.)* Ах, я дурачина!

А в д о т ь я М а р к о в н а.

Знать, пебо к браку нас вело:
Ты молодец, и я картина...

С т о л б и к о в *(особо.)* ~

Да, размалевана zelo!

А в д о т ь я М а р к о в н а. Впрочем, если уж ты так нетерпеливо хочешь ускорить свое и мое счастье, то я обязана исполнить твое желание. *(Особо.)* Надо заставить молчать Петигорошкина, он может всё испортить. *(Ему.)* Побудь здесь, мой ангел, я пойду взглянуть, что делает сестра, а между тем распорядюсь, как следует, всем к общему благу. О, мой милый плутиска! как ты умеешь заставить себе повиноваться! *(Убегает в дом, не видя Петигорошкина.)*

С т о л б и к о в *(сам себе)*. Боже милостивый! я, видите, ее заставляю, я умный плутиска!.. да я теперь сам не знаю, что такое? и как я буду?.. и на каком основании я должен жениться на Авдотье Марковне? И для чего я прежде завлек ее в сильные любовные страсти? ведь она

хоть и стара, а справедлива... хоть и вдова, а помнит мои клятвы, хоть и того... а ведь делать нечего.

Петигорошкин (*входит при последних словах*). Что? что? что такое, батенька? так вот как вы цените мое старание!

Столбиков. Ах, Михайло Федорыч, вы еще чего от меня хотите?

Петигорошкин. Я хочу, батенька, вашего счастья; хочу, чтоб вы поддерживали ваше *реюме* и мою незапятнанную репутацию! Что вы это делаете? я вас сватаю на Катерине Лаврентьевне, а вы цепляетесь за Авдотью Марковну? что это за катавасия? я вас очень люблю и уважаю, но после этого должен сказать, что вы подвергаетесь огромной ответственности перед богом, законом и совестью!

Столбиков. Но если совесть и обстоятельства велят мне исполнить прежнее?

Петигорошкин. А! вы так полагаете? так позвольте заметить, по какой же причине вы ранее не очистили вашу совесть? ась?

ЯВЛЕНИЕ 10

Те же и Авдотья Марковна (*выходит и, отослав с письмом своего слугу, подслушивает их*).

Петигорошкин (*продолжая*). Знаете ли вы, батенька, чему вы теперь подвергаете себя, меня и благородное семейство назначенной вам девицы? Знаете ли вы, что отказаться теперь от Катерины Лаврентьевны — значит нанести неизгладимый позор целому семейству, коего по закону никаким достоянием загладить невозможно? Что вы затеваете теперь такой процесс, в коем я необходимо должен буду законом доказывать ваше преступное покушение на честь беспорочной девицы.

Начинает смеркаться.

Столбиков (*с досадою*). Да что ж мне делать? чорт побери!..

Петигорошкин. Позвольте, удержитесь от дерзостей и внемлите гласу преданного слуги, который ищет вашего блага: ваше положение таково, что еще возможно пособить ему... жениться вы должны на Катеньке потому, что она молода, хороша, проста, — словом, вам

пара, а отказать же Авдотье Марковне потому, что она уже старая, и потому более, что, не сохранив к вам прежней любви своей, допустила себя до вдовствующего состояния. Если же она, как я заметил, решилась принудить вас к столь курьезному с собою браку, то я советую вам, не теряя времени, бежать к Катерине Лаврентьевне и в такой беде отважить ее на решительное средство! то есть, имея уже согласие матушки, посадить девицу в тетушкину колымагу и обвенчаться сим же часом в соседней церкви.

Столбиков. Ах, в самом деле! благодарю вас, господин Петигорошкин! вы меня спасаете! но если Авдотья Марковна?..

Петигорошкин. Она останется в сильном подозрении под моим присмотром, причем я постараюсь фундаментально доказать ей противузаконные ее посягательства на вашу свободу, а в то же время приготовлю вашего тестя и тещу к оправданию вашего поступка.

Столбиков. Прекрасно! так и быть, хоть и совестно нарушить прежние клятвы, но Авдотья Марковна сама же виновата! зачем она выходила замуж, зачем овдовела и постарела!.. Начинает смеркаться... побегу уговорить Катеньку... *(Убегает в дом.)*

Петигорошкин. С богом! а я спешу приготовить колымагу... хе! хе! хе!..

ЯВЛЕНИЕ 11

Петигорошкин и Авдотья Марковна *(быстро подходит и заступив ему дорогу)*.

Авдотья Марковна *(удерживая его)*. Погодите, господин Петигорошкин.

Петигорошкин *(особо)*. Ах, злодейка! неужели подслушала?..

Авдотья Марковна. Очень рада, что вы так хорошо распорядились судьбою Петра Степаныча... благодарю вас!

Петигорошкин. Мой долг и честь побудили меня к этому! Между тем, как другие...

Авдотья Марковна. Другие, разумеется, не в состоянии так решительно действовать, я это вижу...

Петигорошкин *(особо)*. Она думает меня оконфузить... мудрено-с!

А в д о т ь я М а р к о в н а .

Вы мастерски дела ведете!

П е т и г о р о ш к и н (*протирая руки*).

Да! Слава богу, дело есть...

А в д о т ь я М а р к о в н а .

А много ль вы за *честь* берете?

П е т и г о р о ш к и н .

Берем, что можно приобрести;

А в д о т ь я М а р к о в н а .

А сколько, если бы велели

Вам дело иначе повестъ?

Скажите, сколько б вы хотели?..

П е т и г о р о ш к и н (*посмотрев на нее спокойно*).

А сколько *тысяч* с вами есть?

Авдотья Марковна показывает ему денежный документ.

П е т и г о р о ш к и н (*посмотрев на него*). А! законный документ в три тысячи! (*Ей, ласково.*) Очень хорошо-с... но позвольте...

Авдотья Марковна... за что же?

А в д о т ь я М а р к о в н а .

За то, чтоб *мне* в карету сесть.

П е т и г о р о ш к и н .

Мне *честь* всего была дороже,

Но я сие приму за *честь*...

(*Берет документы.*)

А в д о т ь я М а р к о в н а (*грозит пальцем*). Так смотрите же! что взято...

П е т и г о р о ш к и н (*прячет бумагу в карман*). То и свято! Значит, дельце-то берем на апелляцию... Поверьте чести, что я хоть и ошибался, а всегда отдавал вам должную справедливость...

А в д о т ь я М а р к о в н а . Я сама слышала и благодарю вас... что же касается до Кати, то ей ведь, право, еще рано.

П е т и г о р о ш к и н . Разумеется, я сам видел, что она еще слишком молода и неопытна.

Авдотья Марковна. Даже, по-моему, просто еще дурочка...

Петигорошкин. Дура, сударыня, с головы до ног!

Авдотья Марковна. Не имеет никакого истинного чувства...

Петигорошкин. Просто деревянная!

Авдотья Марковна. И несколько не хороша собой.

Петигорошкин. Смотреть не на что! и куда и, кажется, рябовата и весновата.

Авдотья Марковна. Ая...

Петигорошкин. Помилуйте! какая разница! ум, опытность, душа, полнота, ловкость, да вы, так сказать — фундаментальное произведение.

Авдотья Марковна (*про себя*). А! попался, старый плут!

Петигорошкин (*про себя*). Царапнул малую толику.

Авдотья Марковна. Стало быть, мы оба равно желаем счастья Петру Степанычу? я уж устроила всё, что только необходимо в этом случае.

Петигорошкин. Как вам будет угодно.

Авдотья Марковна. Смотрите же! если он решился, так не надо терять времени... меня ожидают... (*Увидя Лаврентия.*) Ах, вот беда! Лаврентий Степаныч помешает нам...

Петигорошкин. Ахти! чего доброго, ведь он философ...

ЯВЛЕНИЕ 12

Те же и Лаврентий Столбиков (обмахивая себя платком).

Лаврентий Столбиков. Фу, ты, проклятая саранча! беда да и только... (*Кричит.*) Эй! жена! дети! несите отцу чаю!

Авдотья Марковна (*тихо Петигорошкину.*) Так и есть. (*Лаврентию вслух.*) А! Лаврентий Степаныч! здравствуйте! откуда вы?

Лаврентий Столбиков (*садится у стола*). Да вот, Авдотья Марковна, саранча одолевает! Хотим

хоть как-нибудь избавиться, куда! так и обседа, проклятая! садитесь, матушка... (*Кричит.*) Жена! чаю! (*Увидя Петигорошкина.*) А! Михайло Федорыч! садитесь, вот вместе попьем с ромцом да подумаем, как бы...

Петигорошкин. Да пойдете в хату, там и Петр Степаныч кстати. (*Тихо ей.*) Его надо отсель спровадить.

Авдотья Марковна. В самом деле, пойдете все в комнаты, уж темно становится...

Лаврентий Столбиков. Нет, друзья, меня теперь рычагом не сдвинете! садитесь, садитесь все... здесь прохладно... так вот, Авдотья Марковна, саранча-то такие беды творит, что надо подумать...

Авдотья Марковна. Да мы теперь и сами думаем, только здесь очень что-то неловко, прохладно чересчур. (*Смотрит на дом.*)

Лаврентий Столбиков. Так спросите надеть что-нибудь.

Авдотья Марковна (*тихо Петигорошкину.*) А вот и он! я пока скроюсь... не плошайте. (*Уходит.*)

ЯВЛЕНИЕ 13

Те же и Петр Столбиков (бежит к Петигорошкину, не видя Лаврентия).

Петр Столбиков. Михайло Федорыч! Она согласна! согласна!

Петигорошкин (*тихо ему*). Тс!.. (*Показывая на Лаврентия.*)

Петр Столбиков. Ай! ай!..

Лаврентий Столбиков. А! Петр Степаныч! садитесь! вы из дому?

Петр Столбиков (*в замешательстве*). Точно так-с...

Лаврентий Столбиков. Ну, что ж они там копаются? уж время бы, кажется, и того... понимаете?

Петр Столбиков (*не догадываясь*). Как! так и вы тоже хотите? Слава богу!

Петигорошкин (*дергая его за полу*). Тс! не то! не то!

Лаврентий Столбиков. Как же, батенька, пора бы и чайку с ромцом.

Петр Столбиков. А! вот что! да-с, ваша правда... (Тихо Петигорошкину.) Чуть было я не проврался! Ну, Катя согласна и выйдет в сад сию минуту.

Петигорошкин (тихо ему). Дело! а маменька догадалась?

Петр Столбиков. Ни настолько! а где Авдотья Марковна?

Петигорошкин (тихо ему). Ушла! гуляет во садочке.

Петр Столбиков. И не догадывается?

Петигорошкин. Ни настолько.

Петр Столбиков. Хорошо, что так; а то бы я не знал, что мне и делать.

Петигорошкин. Так ступайте же к колымаге, а я уж тут спроважу к вам кого следует.

Петр Столбиков. Нет, я пойду и сам выманю ее из дому тихонько... (Отходит к дому и зовет Катю пантомимой.)

Петигорошкин. Нет, нет, погодите, не нужно... (Хочет помешать.)

Лаврентий Столбиков (Петигорошкину). Михайло Федорыч! да что вы тут шушукаетесь?.. садитесь, братец! Эй! дети! чаю нам!.. да садитесь же! (Сажает Петигорошкина насильно.)

Петигорошкин (оглядываясь). Да позвольте... вы, верно, опять намерены, батенька, насчет своей саранчи?..

Лаврентий Столбиков. Именно, из ума не выходит!.. А! да вот, несут и прохладительное.

Я В Л Е Н И Е 14

Те же, Катя и Авдотья Марковна (Катя входит с чайным подносом, одетая в летнем салопе. Авдотья Марковна показывается в саду и наблюдает за всем).

Петигорошкин. В самом деле... (Особо.) Э! да уж она как раз и салопчик накинула! напрасно...

Лаврентий Столбиков. Ну, Катюша, спасибо! спасибо, что хоть ты догадалась... люблю за это! давно бы пора...

Катя (не понимая его). Да я, ей-богу, папенька, не сама это выдумала, меня Петр Степаныч уговорил...

В это время Петр Столбиков показывает, что она не проговорилась, и зовет к себе.

Л а в р е н т и й С т о л б и к о в. А! спасибо ему за это! ну, ступай себе... ты, я вижу, погулять собралась.

Катя отходит к Петру Столбикову.

П е т и г о р о ш к и н (*берет чай и говорит про себя*). Ну, философ наш, кажется, всё дело испортит!

Л а в р е н т и й С т о л б и к о в. А где же Петр Степаныч? Эй! плямничек! где ты?

П е т р С т о л б и к о в (*собравшись уйти с Катюшей, вдруг останавливается*). Я здесь, дядюшка... мы собрались было вместе погулять с Катериной Лаврентьевной.

Л а в р е н т и й С т о л б и к о в. Нет, пожалуйста-ка к нам, еще успеете... садитесь, вот ваша чашка, пожалуйста.

П е т и г о р о ш к и н (*особо*). Вот кстати помешал, спасибо!

П е т р С т о л б и к о в (*подходя*). Да мне, право, не хочется-с. (*Оглядываясь на Катю.*)

Л а в р е н т и й С т о л б и к о в. Э! вздор, вздор, не женируйтесь с нами, садитесь...

П е т р С т о л б и к о в (*садясь*). Ах, дядюшка, да мне теперь время дорого... может быть, после не удастся... (*Берет чашку, особо говорит.*) Поскорей бы уехать, пока нет Авдотьи Марковны.

П е т и г о р о ш к и н. Полноте, Петр Степаныч... в самом деле успеете... ваше время не уйдет... тут ведь дело-то серьезное, казусное... (*Особо.*) Как бы Катю домой прогнать?..

В это время Авдотья Марковна подходит к Кате, говорит с ней тихо, потом снимает с нее салоп, надевает на себя, а ей приказывает скрыться за деревьями. Катя уходит. Авдотья Марковна остается в глубине, полужакрытая салопом.

Л а в р е н т и й С т о л б и к о в. Да, да, надо как-нибудь вместе нам пообдумать... дайте-ка, я вам прохладительного подбавлю...

П е т р С т о л б и к о в. Помилуйте... я теперь и без того... нахожусь в таких странных, мучительных чувствах... что по всему телу... какая-то особенная дрожь

распространяется... то есть сам не знаю, что такое чрезвычайное чувствую...

Петигорошкин (*заметив знаки Авдотьи Марковны*). А! так вот, в чем штука-то! понимаю! Катя ушла! ну, что будет, то будет! (*Столбикову вслух.*) Впрочем, если вы, Петр Степаныч, не хотите заставить ждать Екатерину Лаврентьевну, так не женируйтесь с дяденькой, подите, пройдитеесь... (*Тихо ему.*) Смотрите, она уйдет домой; скорей в колымагу, пока не помешала злодейка, а там уж что бог даст.

Петр Столбиков оставляет чашку, встает.

Петр Столбиков. Благодарю покорно-с... позвольте-с... не мешайте мне...

Лаврентий Столбиков. Ну, ну, пожалуй, я не удерживаю... вы ведь, я чай, скоро и назад.

Петр Столбиков. Постараюсь, елико возможно.

Петигорошкин. Да, да, чему быть — того не миновать! Поспешайте!.. (*Тихо Петру Столбикову.*) Да, чур, дорогой ни гугу! А то время потеряете...

Петр Столбиков (*тихо ему*). Хорошо.

Петигорошкин (*тихо, показав на Авдотью Марковну*). Смотрите, Катюша-то ждет не дождется... ну, скорей...

Петр Столбиков. Ах! женюсь! женюсь! какое неожиданное счастье! (*Бросается к Авдотье Марковне, не рассмотрев, схватывает ее под руку и убегает.*)

Петигорошкин (*с чувством*). Ну! теперь уж ее забота! да будет над ними мое благословение! благо он ей попался, уж она дельце обрабатает; а если и нет — сама будет виновата. Теперь надо перед кумушкой очистить себя.

ЯВЛЕНИЕ 15

Те же и Василиса Марковна (вносит свечу и подходит к Петигорошкину).

Василиса Марковна. Ну, вот и я к вам... всем ли чайку подали?.. а? я велела готовить ужин... (*Петигорошкину тихо.*) Что, Михайло Федорыч? идет ли дело на лад?

П е т и г о р о ш к и н (*тихо ей*). То есть единственно! так влюбился он в вашу Катеньку, что убежал с нею гулять куда-то.

В а с и л и с а М а р к о в н а. Неужто? Спасибо вам, батюшка!

П е т и г о р о ш к и н. Не за что, матушка. Дело будет кончено без проволочки.

Л а в р е н т и й С т о л б и к о в (*пьет чай*). А что ж, братцы, как бы о саранче-то?.. а?

П е т и г о р о ш к и н (*вслух*). Да мы об ней-то и толкуем, не мешайте.

В а с и л и с а М а р к о в н а (*тихо Петигорошкину*). Ну, а что моя добрая Авдотья Марковна? чай, тоже тут помогла вам?

П е т и г о р о ш к и н. Как же! я имел честь получить от нее значительное вспоможение.

В а с и л и с а М а р к о в н а. Бесподобно! так завтра, пожалуй, мы их обручим, а послезавтра хоть и под венец.

П е т и г о р о ш к и н. Нет, кумушка, мы скорей повернули дело.

В это время Катя выходит из-за кустов и неприметно приближается к Василисе Марковне.

В а с и л и с а М а р к о в н а. Спасибо вам! Стало, он без ума от Катюши?

П е т и г о р о ш к и н. Мало этого: они оба без ума и без души!

В а с и л и с а М а р к о в н а. Слава богу!

П е т и г о р о ш к и н (*особо*). Гм! как бы заранее оправдать себя? (*Ей*.) Да уж неча греха таить! открою вам все его штуки! Знаете ли что? Ведь Авдотья-то Марковна оказалась его старинная знакомка; посему, боясь ее старых притязаний, Петр-от Степаных, имея ваше уже согласие на решительное дело, взял да схватил Катеньку, да, чтоб сдержать слово, кажись, и удрал с нею в здешнюю церковь венчаться.

В а с и л и с а М а р к о в н а. Что вы! да как же это? не сказав, не приготовясь, не получа нашего благословения...

П е т и г о р о ш к и н. До того ли ему, когда малый-то врезался по уши! да вы же сами не велели ему жениро-

ваться, вот он и уговорил: ну, давай жениться, коли не велят женироваться.

В а с и л и с а М а р к о в н а. Всё так, да вы хотя бы мне-то сказали, я бы урезонила сестру, она бы не стала мешать...

П е т и г о р о ш к и н. Эх, кумушка, не до того было! да мало ли чего не случается в житейском мире. Видно, уж такая судьба вашей Катеньки. Впрочем, *реноме* ваше тут не обижено.

В а с и л и с а М а р к о в н а. Скажите, какая неожиданность!.. ай! ай! ай! Ну, делать нечего... да будет надною мое заочное благословение. Однако надо же сказать и Лавруше. *(Оборачивается к мужу и, видя перед собой Катю, восклицает от изумления.)* Мати божия, да Катюша-то здесь!

П е т и г о р о ш к и н *(особо)*. Ахти! а я думал, что уж она спать легла.

В а с и л и с а М а р к о в н а *(ему)*. Что ж вы мне тут наговорили про нее? ась?

П е т и г о р о ш к и н *(притворно)*. Ба! Что бы это значило? Катерина Лаврентьевна! зачем же вы не поехали с Петром Степанычем? ась?

К а т я *(простодушно)*. Не знаю-с.

П е т и г о р о ш к и н. Полноте притворяться. Ведь он вас любит, и вы сами хотели отправиться?

К а т я. Да меня Авдотья Марковна не пустила: говорит, это нехорошо, стыдно, рано, да взяла мой салоп и сама с ним поехала венчаться.

П е т и г о р о ш к и н. Неужто?

В а с и л и с а М а р к о в н а *(всплеснув руками)*. Ахти! вот какие штуки! Михайло Федорыч?.. Так этак-то вы?

П е т и г о р о ш к и н *(подражая ей)*. Скажите, пожалуйста! да на что ж это похоже? я трудился для вашего счастья, думал, что и Авдотья Марковна того же хочет, а она, злодейка, нас всех насмех подымает? Какова? Ну, кумушка, уж я в этом казусе чист, как агнец божий! Она твоя роденька, вас одна матушка на свет родила, я же тут, ей-богу, не грешен ни душой, ни телом! Понимаю! вы, видно, оба насмеялись надо мною... Спасибо, кумушка! не ожидал я от вас! не ожидал такого курьеза. *(Показывает, будто досадует.)*

В а с и л и с а М а р к о в н а (*с сердцем*). Да вы с ума сошли, батюшка! да я-то тут что такое?

П е т и г о р о ш к и н. Помилуйте, вы родительница, вы должны были всё видеть, да не зевать, а то на! занялись стряпней и бросили любимейшую дочку на произвол хитрой сестрицы! я же чем тут виноват? я старался для вас, а вдова, скучая горьким одиночеством, видимо, что не станет зевать, когда может себя пристроить. Нет, вы во всем, во всем виноваты!

Лаврентий, уже оставив пить чай, подпершись обеими руками, давно слушает говорящих.

Л а в р е н т и й С т о л б и к о в. Да что у вас за история? а?

П е т и г о р о ш к и н (*ей*).

Да, все беды вы сами учинили!
Вы видите, он знал ее сперва,
Зачем же к нам ее вы пригласили?
Вы знаете ль, что значит тут вдова?
В таких делах вдова на всё готова:
От девушки избавишься скорей,
А как вдова подцепит молодого,
Хоть тут умри, а уж женись на ней!

В а с и л и с а М а р к о в н а. Что же мы будем делать? ах, она злодейка! а еще сестра. (*Мужу.*) Лавруша! Слышал, что твой Петр Степаныч выдумал?

Л а в р е н т и й С т о л б и к о в. Э! еще давеча слышал! мне самому его выдумка не понравилась. Видишь, пусть, говорит, саранча жрет хлеб сколько душе угодно, а не получа, говорит, медицинского пособия, сама пропадет, как обожрется.

В а с и л и с а М а р к о в н а. Он свое несет! да я говорю тебе, что он заодно с Авдотьей Марковной, что он вздумал венчаться...

Л а в р е н т и й С т о л б и к о в. Доброе дело! ему давно пора, малый он хороший, только глуп немножко, впрочем, ему опасно быть умником.

В а с и л и с а М а р к о в н а. Толкуй с тобой! он глуп, а нас всех одурачил.

П е т и г о р о ш к и н. Да, да, особливо меня, грешного, совершенно отуманил!

Я В Л Е Н И Е 16

Т е ж е, И г н а т ь и ч и Ж и л о м о т о в.

И г н а т ь и ч (*увидя Петигорошкина*). Слава богу! кажись, попали на след? Здравствуйте, Михайло Федорыч! наше глубочайшее почтение, господа.

П е т и г о р о ш к и н. А! Игнатъич! какими судьбами? с какими вестями?

И г н а т ь и ч. Из города, родной! наша взяла! где мой голубчик, Петр Степаныч? Пришел указ о решении дела! Честь и слава благому правосудию! наша взяла! вот и злодей наш с повинною головой явился; где Петр Степаныч? скажите, ради бога!

П е т и г о р о ш к и н. Здесь! здесь! спасибо за добрые вести. (*Жиломотову*.) А! что, батенька? доехали-таки ваше благородие? Слава богу! вот мы вам теперь припомним себя! порастрясем вашу злодейскую кубышку! вспомните вы друга Петигорошкина!

Ж и л о м о т о в. Бог с тобой, Михайло Федорыч! на том свете и ты не спрячешься от совести!

И г н а т ь и ч. Где же мой страдалец-то? ведь ему следует сейчас ехать в город, суд ждет, чтобы ввести его с торжеством в свои владения. Где он?

В а с и л и с а М а р к о в н а. Уехал, батюшка, венчаться с моей злодейкой сестрицей!

И г н а т ь и ч. Неужто? Что это он затеял!

П е т и г о р о ш к и н. Что делать! влюбился по уши во вдовушку, да еще похитил ее и удрал в церковь.

И г н а т ь и ч. Ах, он глупенький! да куда уехал? давно ли?

П е т и г о р о ш к и н. Вот здесь, близехонько. Можно еще, я думаю, помешать, расстроить...

И г н а т ь и ч. Именно. Это будет самое доброе дело.

П е т и г о р о ш к и н. С удовольствием готов на доброе дело! он теперь может найти невесту помоложе, получше Авдотьи Марковны.

Ж и л о м о т о в. Именно! он хотел жениться на моей Малаше.

В а с и л и с а М а р к о в н а. Нет, сударь, на моей Катюше...

Петигорошкин. После, после выберем, кого следует... *(Особо.)* Я его теперь женю на моей Матреше... *(Вслух.)* Едемте.

Игнатъич. Скорей, скорей, помешаем, спасем от глупости.

Все идут.

Лаврентий Столбиков. Что за дьявольщина! *(Встает.)*

ЯВЛЕНИЕ 17

Те же и Авдотья Марковна *(влопыхах спешит им на встречу)*, потом Петр Столбиков.

Авдотья Марковна *(весело)*. Вообразите, какое происшествие!

Все. Неужто опоздали?

Авдотья Марковна. Ну, не могла никак отговориться! завлек, совсем завлек! уж какой нежный! этим-то он и склонил меня на необыкновенный поступок. Начал убеждать, уговаривать, упал на колени да и кричит: умру, говорит, без вас, Авдотья Марковна! и я, признаюсь, растерялась, тут же случились как-то нечаянно свидетели, я совсем не знала, что делать, а как опомнилась — смотрю, уж мы под венцом!

Все *(громко)*. Ах, он глупенький!..

Авдотья Марковна *(Василисе)*. Не сердитесь, сестрица, видно, уж судьбе так угодно! Нежность его меня обезоружила. Поздравьте нас с будущим счастьем...

Лаврентий Столбиков. Так и есть. Я говорил: не ищи жены, сама найдется.

Петигорошкин. Ваша правда, он и не искал, сама нашлась.

Авдотья Марковна *(увидя мужа)*. Вот, вот он! посмотрите, как доволен и счастлив.

Петр Столбиков входит, рыдая и закрыв лицо обеими руками.

Игнатъич. Петр Степаныч! Что это вы напроказили? Хоть бы подождали, ведь дело-то ваше выиграно! ра-

дуйтесь, вот и злодей ваш приехал молить о пощаде. Наша взяла!

Петр Столбиков (*осмотрев угрюмо окружающих, потом, обернувшись и увидя подле себя Авдотью Марковну, рыдая, произносит*). Да... наша взяла!!! о! о! о!

Авдотья Марковна (*лаская его, обращаясь ко всем*). Видите, не может говорить от удовольствия...

Все. Видим, видим, матушка!

Авдотья Марковна. Уж какой ведь проказник! всё устроил, чтобы завлечь меня в свои сети.

Василиса Марковна. Действительно так! всех нас провел неожиданно. Ай да Петр Степаныч!

Петр Столбиков плачет, говорит, как бы развеселясь.

Петр Столбиков. Да, да, ай да я!.. (*Взглянувши опять на жену, снова начинает рыдать*.) О! о! о!

Петигорошкин. Впрочем, видно ваша судьба такая! теперь есть, чем жить, так авось будете счастливы.

Все. Да, авось! авось!

Петр Столбиков. Да. (*Часто поглядывая на жену, обращается к другим*.) Да... авось... авось... авось буду счастлив?

Авдотья Марковна. Да, да! (*Прочим*.) Теперь я полная госпожа его имений, завтра же едем в город, и я приму всё в свои руки. (*Жиломотову*.) С вами же, господин опекун, поможет мне рассчитаться господин Петигорошкин.

Жиломотов. Матушка! да ведь он меня съест...

Петигорошкин. За честь поставлю вступиться за сиротское достояние!

Петр Столбиков (*глубоко вздыхая*). Ох! тяжело! ох, куда мне деваться от блаженства?

Авдотья Марковна.

Ах, как весело мне!
Будем счастливы вполне!
Всё, что было,
Я забыла;

(*Мужу*.) Будь же весел при жене.

Петр Столбиков (*сам с собой*).

Ах, как скучно-то мне,
Скучно, горестно вполне;
Всё не мило,
Всё постыло

При такой лихой жене. (*Публике.*)

Чтоб утешиться мне,
Вы на зло моей жене
Не браните,
А простите
Наших авторов вполне!

(*Все повторяют последние три стиха.*)

К о н е ц

**МАТЕРИНСКОЕ БЛАГОСЛОВЕНИЕ,
ИЛИ
БЕДНОСТЬ И ЧЕСТЬ**

Драма с куплетами в пяти действиях

Перевод с французского Н. А. Перепельского

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Антоин Бернард.
Магдалина, жена его.
Мария, дочь их.
Командор де Буафлери.
Маркиза де Сиври.
Маркиз де Сиври, под именем Андре.
Пьерро.
Эрбо, пастор.
Жако }
Шарло } савояры.
Ларок, управляющий командора.
Лафлер.
Лаура де Бреван.
Кавалер.
Фаншета.
Слуга.
Дамы, кавалеры и савояры.

Первое и пятое действие происходят в савойской деревне, а остальные в Париже.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

СТАРЫЙ ВОЛОКИТА

Внутренность бедной хижинки. В стороне, противоположной зрителям, открытый вид на живописную долину и горы Савои. Тут же дверь, ведущая в хижину.

ЯВЛЕНИЕ 1

Магдалина, Пьерро.

При поднятии занавеса Магдалина сидит на скамейке и прядет близ стола, на котором горит лампа.

Пьерро (*входит*). Как! уж вы за работой, тетушка Магдалина?

Магдалина. А как же быть, дитя мое, нужно трудиться.

Пьерро. Да не нужно слишком утомлять себя.

Магдалина. О! я не боюсь работы... Во мне еще довольно сил и здоровья.

Пьерро. Ну, вы не то, что Мария!.. Об ней нельзя сказать этого! С виду она похожа больше на горожанку, чем на савоярку!.. Да где она? ее что-то не видать сегодня.

Магдалина (*тихо*). Спит еще!.. она молода... ей нужен сон!.. ну, а я за нее поработаю.

Пьерро (*нежно*). Вот, по чести, добрая мать!.. Она напоминает мне мою!.. Милая матушка Питу!

Она меня так горячо любила,
Трудилась век для счастья моего,
Мне, гладивши головку, говорила:
«Дитя мое! не делай ничего!» (*Плача.*)

Мать умерла! — Но я с любовью нежной
Совет ее храню важней всего,
И видит бог, как свято и прилежно
Стараюсь не делать ничего!

Вот все наши идут в Париж за пропитанием, а я не пойду! —
А ваша Мария тоже не уедет сегодня вместе с другими?

Магдалина. Нет, нет, я не расстанусь с моей милой
Марией! Бог милостив! У меня и отца ее есть руки! мы
станем работать, как можно больше, станем просиживать
целые ночи, если нужно... И она не будет нуждаться в
насушном хлебе!.. Ей не нужно будет просить милостину
в Париже.

Пьерро (*живо*). Ах! как я вас люблю за это!..
Вот я, например, ни больше ни меньше, как пастух... и
что ж? поверите ли, я соглашусь лучше есть один черный
хлеб здесь, чем самые лучшие кушанья в Париже... У меня
нет ничего, но я все-таки не расстанусь с родной стороной!

ЯВЛЕНИЕ 2

Магдалина, Бернард, Пьерро.

Бернард (*входит и кладет на скамейку, поставлен-
ную на левую сторону двери, свою шапку*). Славный успех!
Завидный успех!

Пьерро (*поворотившись*). А! вы здесь, Бернард!

Бернард (*мрачный в продолжение всего действия*).
Умереть в бедности там или здесь!.. разве не всё равно?
в Париже, по крайней мере, есть надежда устроить свое
счастье! А здесь бедность! всё одна бедность!.. кредиторы...
запрещения!.. Сам черт!.. то есть господин Ларок.

Пьерро. Управитель маркизы? Знаю... у него та-
кая собачья физиономия... он всегда делает глупую рожу,
когда хочет казаться умным, и кислую, когда вздумает
любезничать!

Магдалина. Так ты его видел, Антони?

Бернард. Я только что сейчас от него.

Магдалина (*с заботливостью*). Ну, что ж! неужели
мы непременно сегодня должны заплатить за нашу фер-
му — за этот скудный клочок земли, принадлежащий к
замку де Сиври.

Бернард. Да, сегодня.

Магдалина. И нет надежды на отсрочку?

Бернард. Никакой!

Магдалина. Боже мой!.. (*Работает с большим жаром.*)

Бернард (*с усилием*). Я просил, умолял его, как бога!.. Он не хотел ничего слышать.

Пьерро. Разбойник! плут! жестокосердый! (*После небольшого размышления.*) Подлый человек! собака!

Магдалина (*мужу*). Если бы ты сходил в замок и поговорил с маркизой, она, быть может...

Бернард. Напрасный труд!.. соискателей слишком много: Жан Леблан, Томас Лавинь, Жак Руан... и другие, богачи хотят нашей фермы!.. они могут дать верные залоги! и ферма останется за ними!.. кроме того за три месяца мы должны Лароку.

Магдалина. Но господин Эрбо, наш пастор, обещал поговорить за нас.

Бернард. Его ходатайство не принесет никакой пользы... Ларок объявил, что сегодня же продаст нашу бедную лачужку!

Магдалина (*встает и роняет веретено*). Продать хижину, где мы праздновали нашу свадьбу!.. где умерла моя мать!.. родилась наша милая Мария! Боже! возможно ли это? Куда мы денемся, Антони, куда мы денемся?

Бернард (*со вздохом*). Пусть будет, что угодно небу и... нашему притеснителю.

Магдалина. Тише! Мария!

ЯВЛЕНИЕ 3

Те же и Мария.

Входит в дверь на правой стороне и ставит корзинку на небольшой шкаф, поставленный у двери.

Мария.

Как соловей
Поет по воле —
В тени ветвей
И в чистом поле...
Едва встаю,
Чуть день начнется —
Так я пою,
Пока поется...

Бегу гулять
Так шибко, шибко...
Глаза глядят
На всё с улыбкой,
А грудь моя
Так сладко бьется!..
И рада я,
Что мне поется!

Пьерро. Соловей не поет так, как она...

Мария. Здравствуйте, батюшка!

Бернард (*сурово*). Здравствуй! (*Он целует ее в лоб.*)

Мария. Здравствуй, Пьерро.

Пьерро (*весело*). Здравствуйте, Мария! (*В сторону.*)
Как она мила сегодня.

Мария. Прежде чем обниму тебя, матушка, мне нужно с тобой побраниться... Ты никогда меня не разбудишь, а я так крепко сплю... и работаешь одна, вот и вчера и сегодня... Это нехорошо. (*Обнимает ее.*)

Пьерро. Что у нее за сердце!

Бернард. В самом деле, ты слишком балуешь ее, как будто она получает несколько тысяч годового дохода! как будто она готовится выйти за маркиза или герцога... Впрочем, кто знает, какую будущность готовит ей бог.

Мария. О! я прошу только у него, чтоб он дал мне средства никогда не разлучаться с вами, батюшка, и моей доброй матушкой!

Магдалина. И он исполнит твою просьбу, Мария, милое дитя мое. (*Обнимает ее.*)

Пьерро. На вот!.. кого это я видел там внизу?.. Нет, я не ошибаюсь... Это он!..

Мария. Кто?

Пьерро. Господин Ларок.

Бернард. Так скоро!

Пьерро. С каким-то барином, которого я никогда не видывал... они идут сюда.

Бернард. Без сомнения, затем, чтоб нас выгнать из нашего жилища!.. Ну что ж! пускай придут!.. Я готов на всё!..

Мария (*пораженная*). Нас выгнать?.. (*Смотрит на мать, которая рыдает*). Матушка!.. что это значит?.. о чем ты плачешь?..

Магдалина. Ты скоро узнаешь причину моих слез, бедное дитя мое!.. Молись богу,— теперь он единственная наша надежда!

Ларок показывается в дверях и делает знак командору, что он может войти.

Я В Л Е Н И Е 4

Прежнис, Ларок, командор.

Мария ставит стол в сторону и уносит веретено и лампу в комнату направо. Все почтительно кланяются.

Пьерро (*в сторону, рассматривая Ларока*). Много бы я дал за удовольствие переломать ему ребра.

Командор (*в дверях*). Ты говоришь, Ларок, что эта миленькая девочка, которую мы встретили, убежала в эту хижину?

Ларок (*тихо командору*). Точно так, сударь,— отец и мать ее перед вами! (*Он с почтением отходит к дверям.*)

Командор (*в сторону*). Ах, чорт возьми!.. будем красноречивы и величественны... (*Подходя к сцене.*) Добрые люди... гм!.. добрые люди! Здравствуйте, добрые люди!..

Бернард (*кланяясь*). Здравствуйте, сударь!

Командор. Кто из вас называется Антони Бернард?

Бернард. Я, сударь!

Командор. Послушай, старичок, не твоя ли это дочь, легкая и резвая как бабочка, носит иногда работникам завтрак?

Мария выходит.

Бернард. Точно так, сударь... вот она... Подойди сюда, Мария... эти господа тебя спрашивают.

Мария (*дрожит*). Меня, батюшка? Я ничего не понимаю... (*Узнает его.*) Ах! боже мой!

Командор (*тихо, Лароку*). Ты не обманул меня, Ларок, они очень бедны!

Ларок (*тихо, командору*). Теперь она в наших руках, сударь. (*Они тихо разговаривают между собою.*)

Магдалина (*споря с мужем*). Я тебе говорю, что я хочу этого...

Б е р н а р д (*тихо жене*). А я говорю, что не хочу!
К о м а н д о р (*приметя их спор*). О чем вы спорите, добрые люди?

М а г д а л и н а. Вот видите, сударь, в чем дело... мы содержали ферму, принадлежащую госпоже маркизе!.. Наша Мария ее крестница!

К о м а н д о р. А! крестница?

М а г д а л и н а (*живо*). Точно так, сударь! Маркиза в доказательство, что принимала Марию от купели... дала нам в управление эту ферму.

К о м а н д о р. Это достойный подарок такой хорошенькой крестнице.

М а г д а л и н а. И вообразите, не ужасно ли это!.. За то, что мы задолжали за три месяца... у нас отняли всё до последней нитки.

П ь е р р о. Даже корову... сударь... отняли у их дочери!

М а г д а л и н а. И завтра, если мы не заплатим, завтра эта хижина!.. в которой родилась Мария, будет продана. (*Возвышая голос.*) И всё это потому... потому, что этого хочет господин Ларок!

П ь е р р о (*приближаясь*). Точно, всё это потому, что он этого хочет! Я свидетель!

К о м а н д о р (*с принужденной строгостью*). Что я слышу?.. как! Ларок!..

Л а р о к. Но, сударь, ведь вы сами приказали...

К о м а н д о р (*прерывая его*). Молчать!.. ты дурак!..

П ь е р р о. Прекрасно сказано!

К о м а н д о р (*в сторону*). Это животное никогда не понимает моих импровизованных планов! (*Громко.*) Успокойтесь, добрые люди! он не сделает вам никакого зла... Я пришел сказать вам, что сестра моя, маркиза, принимает в вас большое участие и сильно, очень сильно интересуется вашей дочерью.

М а р и я (*в сторону*). Как!.. она никогда меня не видала!..

М а г д а л и н а (*с радостью*). Слышишь ли, Антони?

К о м а н д о р. Маркиза хочет устроить ее будущую судьбу.

М а р и я. Возможно ли?

К о м а н д о р. Что касается до фермы... Я поговорю с сестрой... она, верно, не знает всех этих подробностей!..

но без сомнения она уважит мое ходатайство, и ферма останется за вами.

Пьерро и Магдалина. Какое счастье!

Командор. В приданое милой Марии.

Магдалина. Ну что ж! Мария, поблагодари господина командора за все его милости!

Мария кланяется ему.

Командор (*в сторону, подходя к авансцене*). Не совсем-то ловка!.. Зато какая милашка!.. теперь нужно только побольше хитрости — и победа за мной. (*Громко*.) Ларок, я надеюсь, что всё это исполнится, иначе я прогону тебя к чорту!

Ларок. В минуту всё исполнится, сударь!

Пьерро (*кричит над ухом командора, который оборотился к нему спиной*). Да здравствует командор!

Командор (*отскакивает направо, зажимая уши*). Кто этот крикун?

Ларок. Это, сударь, Пьерро — горный пастух.

Командор. Он кажется столько же прост, сколько и беден... Поди за мной в замок, мой друг.

Пьерро (*в сторону*). В замок... чем он хочет сделать меня... может быть, дворецким?.. не дурно!.. очень не дурно! (*Потирает руки*.)

Командор (*тоном покровителя*). Прощайте, добрые люди, прощайте... не бойтесь... я всё, всё устрою.

Пьерро (*кричит, кидая свою шапку*). Да здравствует командор!

Командор, Ларок и Пьерро уходят.

ЯВЛЕНИЕ 5

Бернард, Магдалина, Мария.

Магдалина (*с радостью обнимает Марию*). Ну, что! не говорила ли я тебе, Антони, что она спасет нас?.. Милая моя Мария!.. Она была всегда счастлива!.. Она всех нас сделает счастливыми!

Бернард. Дай-то бог! — Ну, Магдалина, пойдем же завтракать. (*Уходит направо*.)

Магдалина (*идя за своим мужем*). А ты что, Мария?

М а р и я (*запинаясь*). Нет, матушка; я так недавно встала, что мне совсем еще не хочется есть. Мне нужно сходить к моим козочкам, и я позавтракаю в горах... (*в сторону*) с Андре!

Б е р н а р д (*за кулисами*). Жена!

М а г д а л и н а. Ну что? чего ты хочешь... сейчас, сейчас. (*Уходит.*)

Я В Л Е Н И Е 6

М а р и я.

М а р и я. Бедный Андре! он небольшой господин, он не может помочь нам!.. Но я больше люблю его, чем этого скверного командора, который так испугал меня, когда я встретила с ним сегодня около ручья... Но Андре так же, как и я, беден. Он говорил мне, что всё его имение состоит в сильных и здоровых руках, которыми он достает хлеб! И он не позволил мне рассказывать о наших свиданиях никому, даже нашему почтенному пастору, от которого никто ни в чем не скрывается, даже матушке... Он принужден на некоторое время скрываться в наших горах... Это тайна, о которой он также никому не велел говорить.

Я прежде никогда не лгала
Пред доброй матерью моей,
Ей все секреты открывала,
Во всем советовалась с ней...
И вдруг теперь я всё скрываю!..
Ах! боже мой! как я грешу!
Как безрассудно поступаю!..
Пойду и всё ей расскажу!..

(*Идет к двери направо и возвращается, говоря.*)

А что, если она рассердится? если матушка запретит мне с ним видеться?.. Нет, лучше буду покуда молчать.

Меня она ведь не неволит,
Пойду к нему сперва спрошу...
И если он сказать позволит,
Тогда ей всё перескажу! —

Он ждет меня, в этом я уверена... Он придет, как и всегда, попросить молока.. сядет подле меня... мы вместе позавтракаем... потом так весело поболтаем... и день пройдет очень скоро!.. Он, я думаю, уж сердится на меня! Побегу скорей!.. (*Она хочет идти, но перед ней является Эрбо,— в сторону со страхом.*) Кого я вижу? Господин Эрбо!

Я В Л Е Н И Е 7

Э р б о и М а р и я.

Э р б о. Куда ты идешь, дитя мое?..

Молчание.

Ты не отвечаешь, Мария, краснеешь!.. я пришел сказать тебе...

М а р и я (*с ужасом*). Ах! Господин Эрбо!

Э р б о. Ты сегодня в горах встретила мужчину.

М а р и я (*тихо, с опущенными глазами*). Да, это правда.

Э р б о. Он говорил тебе, что ты прекрасна.

М а р и я. Правда, говорил.

Э р б о. Он был сегодня здесь...

М а р и я (*с живостью*). Ах! что касается до этого...

Э р б о (*строго*). Мария... я знаю, ты никогда не лгала!.. Он был!.. я это знаю... говорил с твоими родителями... обещал им покровительство сестры своей маркизы.

М а р и я (*в сторону*). Боже мой!.. а я думала, что он говорит мне об Андре!

Э р б о. Он обнадёжил вас, что ферма останется за вами... и что уже подписаны условия.

М а р и я. Неужли! Ах, какое счастье!

Э р б о. Скажи лучше несчастье.

М а р и я. Но я вас не понимаю!..

Э р б о. Мария, твое сердце еще чисто; ты добра, проста, неопытна; не знаешь ни света, ни этих придворных господ... Если они одолжают кого-нибудь, так думают получить за это более, чем они дали... вот и этот знатный барин... я его понял. Если он сделал добро для твоих родителей, то знай, что взамен куска хлеба, который он им дал, ему хочется погубить и обесславить их единственное дитя.

М а р и я (*живо*). Ах! Господин пастор, не думайте, чтоб я...

Э р б о. Я знаю, что Мария, в сердце которой я старался вкоренить все добродетели, не забудет никогда советов своего старого друга и устоит против всех обольщений... Но тебя преследует человек низкий и коварный; он будет грозить вам разорением, отнимет эту бедную ферму, ваше единственное богатство!.. Он поставит тебя между бедностью и бесчестьем, и ты сделаешься тогда его жертвою,

или невольно причиною нищеты, а, может быть, и смерти твоих родителей.

М а р и я. Великий боже!

Э р б о. Ты видишь, у него рассчитано всё; со всех сторон угрожает тебе опасность.

М а р и я. Но, мой боже! что же мне делать?

Э р б о (*с живостью, тихо*). Бежать!

М а р и я. Бежать?..

Э р б о. Сегодня же!.. через час наши горцы оставляют деревню и уезжают в Париж искать средств для пропитания, в которых им отказывает наша бедная бесплодная земля. Нужно и тебе отправиться с ними.

М а р и я. Отправиться с ними! Боже мой! покинуть матушку!

Э р б о. Непременно, дитя мое, это единственное средство избавиться от гнусных замыслов старого негодяя. Здесь всё трепещет перед ним!.. Ты не можешь ему противиться... Даже я, увы! я не могу защищать тебя от его могущества. В Париже твоя неизвестность спасет тебя, а он, не видя более тебя здесь, забудет...

М а р и я (*плача*). Хорошо, я убегу, господин пастор... Но моя матушка! моя матушка!

Э р б о. Нужно решиться. От этой разлуки зависит твоя честь...

В соседней комнате слышен голос Магдалины: «Антони, кажется, господин пастор пришел?»

А вот и мать твоя; от нее нужно скрывать твою печаль. Оботри твои глазки, чтоб на них не было и следа этих глупых слез.

М а р и я. Извольте!

Э р б о. Хорошо, дитя мое!

Мария поспешно отирает слезы и силится улыбнуться отцу.

Я В Л Е Н И Е 8

Т е ж е, М а г д а л и н а, Б е р н а р д.

М а г д а л и н а (*с радостью*). Знаете ли, господин пастор... Мария, верно, вам сказала... нашей хижины не продадут!.. Ах! какой добрый барин!.. Небо послало его к нам!.. Кроме того, он нас обнадежил, что и ферма останется за нами, и контракт будет возобновлен.

Э р б о. Он мог обещать вам это, Магдалина, потому, что я знаю, контракт еще вчера был приготовлен и подписан.

Общее изумление.

Б е р н а р д. Был приготовлен!.. подписан!.. что вы хотите сказать этим?

Э р б о. А то, слепые родители, что все эти угрозы, запрещения, эта милость, высказанная с такою ласкою, все эти благодеяния, так скоро обещанные, есть не что иное, как бесчестный заговор, который затеяли эти низкие люди для погибели вашей дочери!..

М а г д а л и н а (*подбегая к ней*). Марии!..

Б е р н а р д. Я не могу поверить.

М а г д а л и н а. Нет, это невозможно!.. Такое бесчестное дело!..

Э р б о. Тебя удивляет оно, бедная мать... Но знатные господа смотрят на бедных девушек, как на игрушку своей прихоти, на развлечение в праздной жизни... Командор думает только о твоей дочери... он ищет средств сблизиться с ней и погубить ее.

Б е р н а р д (*в продолжение некоторого времени казался размышляющим, с живостью прерывает его*). Да, господин пастор говорит правду; теперь-то я понимаю все сегодняшние его ласкательства,— и эту блестящую будущность, которую он обещал нашей дочери. Да, да, они хотели обольстить ее, развратить!.. И всё это потому, что мы бедные люди!

Я В Л Е Н И Е 9

Т е ж е и П ь е р р о.

П ь е р р о (*прибегает запыхавшись*). Вот он! Вот он!.. Я несу откуп фермы, укрепленный на шесть лет!.. в приданое Марии, а я произведен в лесничие!

Б е р н а р д (*берет от него бумагу и останавливается перед ним*). Замолчи, дурак! (*Подает бумагу пастору.*)

П ь е р р о (*в сторону*). Дурак! Вот благодарность за мое известие!.. Дурр... Нет, лучше притворюсь, будто не понимаю.

М а г д а л и н а. Ну, что, господин пастор?

Э р б о. Всё, что я сказал, здесь подтверждается!

М а р и я. О небо!

Магдалина (*заботливо*). Что там, в этой бумаге?
Эрбо. Контракт, подписанный маркизою, и дальше...

Магдалина. Что дальше?

Эрбо. Марии дают место садовницы в замке.

Бернард (*посматривая на жену*). В замке!

Магдалина печально смотрит на Марию и прижимает ее к сердцу.

Пьерро. В замке! Какое счастье! Мы будем вместе!
и тогда, может быть, я осмелюсь...

Бернард (*с гневом*). Замолчишь ли ты, животное.

Пьерро (*в сторону*). Животное!.. опять!.. И что с ним сделалось?.. Притворюсь, будто опять не понимаю!

Пастор делает ему знак, чтоб он замолчал, и садится налево; Пьерро стоит перед ним и делает знак, что он повинуется его приказанию.

Бернард (*с решимостью, подходя к жене*). Нужно от всего отказаться!

Пьерро (*оборачиваясь*). Что?

Магдалина. А бедность?

Бернард. Ну, что ж? мы пойдем в поденщину, будем обрабатывать землю у других... я еще довольно силен для того, чтоб прокормить нас обоих... что касается до Марии...

Магдалина (*с заботливостью*). Мария...

Бернард. Она уедет!..

Магдалина. Уедет!.. Великий боже!

Бернард. Я решил! (*Жене.*)

Теперь не бедны мы опять,
Жена, вот наше состоянье,
Но должно за него отдать
Дочь нашу, дочь — на поруганье!
Нет, клад такой нам не к добру,
Позора ввек я не забуду...
Я лучше с голода умру,
Но жить бесчестьем не буду! (*Разрывает контракт.*)

Магдалина. Что ты сделал?

Бернард. То, что внушил мне мой долг!

Магдалина. Мы погибли!..

Бернард (*с усилием*). Зато спасена Мария!

Магдалина (*подходя к господину Эрбо, который своим молчанием, повидимому, ободряет Бернарда*). Как, господин Эрбо, вы ничего не говорите!.. и вы также, и вы хотите отъезда моей дочери?.. Но если она уедет, знаете ли вы, что я умру от печали!

Э р б о (*вставая, говорит ей с ласкою*). Магдалина! если ты плачешь так потому, что добродетель разлучает тебя с твоей дочерью, — что же бы ты стала делать, если б порок отнял ее у тебя?.. Когда-нибудь бог возвратит ее тебе, а покуда в Париже она не будет одна, и без помощи. Я написал письмо к одному старому моему другу, — он будет ее покровителем, поможет ей советами.

Ма г д а л и н а (*заглушаемая рыданиями*). Нет! нет!.. Не требуйте от меня этого!.. я не могу... Никогда!.. никогда!..

Ма р и я (*подбегая к ней*). Матушка, не плачь! я возвращусь!

Ма г д а л и н а. И ты тоже!.. Ты хочешь оставить меня!.. ты!.. неблагодарная!.. (*Слезы заглушают ее голос.*)

Ма р и я. О! не говори этого, моя милая матушка; не ослабляй мою твердость! (*В сторону.*) Я и так нуждаюсь в ней!

В отдалении слышно пение савояров, которое постепенно приближается... Оркестр играет пиано.

Э р б о. Настает минута отъезда! они готовы!

Ма г д а л и н а (*вставая*). Ах! они хотят отнять у меня Марию!

Б е р н а р д (*с решимостью*). Не плачь, Мария... Обними твою мать!.. я пойду приготовить всё нужное к твоему путешествию... (*Уходит.*)

Ма г д а л и н а (*шатаясь, идет за ним*). Бернард!.. Бернард!.. погоди!.. О! я несчастная, бедная мать!.. (*Она также уходит.*)

Ма р и я (*плача*). Я потеряла всю мою твердость!

Э р б о. Мария, ты не то мне обещала

Ма р и я. Я не видала тогда слез моей матери.

Я В Л Е Н И Е 10

П ь е р р о, Ма р и я (*поддерживаемая г. Э р б о*), Ж а к о, ма-
ленькие савояры и савоярки с их отцами.

Х о р.

Прощайте, друзья, до свиданья!	}	назад,
Вернитесь скорее		
Вернемся мы скоро	}	путь без страданья
Пусть будет ваш		
Пусть будет наш		
И радостен, счастлив возврат!		

В продолжение хора Эрбо дает советы Марии и отдает ей письмо, которое она прячет за корсет.

Ж а к о. Вот и мы, господин Эрбо, совершенно готовы к отъезду. Теперь нам осталось только проститься с вами!..

Э р б о. Благодарю, друзья мои... но вы мне должны оказать одну услугу. *(Он говорит с ними, показывая на Марию.)*

П ь е р р о *(рыдая)*. Ах, боже мой! так она точно едет!..

М а р и я *(плача)*. Да, Пьерро, нужно ехать... я должна, ты узнаешь причину. Ты будешь утешать матушку, не правда ли, Пьерро?

П ь е р р о *(рыдая)*. Разумеется, я буду утешать ее!

М а р и я. Пожалуйста, чаще ходи к ней!

П ь е р р о *(рыдая)*. Всякой день!.. больше, два раза в день!.. три раза, четыре, пять!..

М а р и я. Завтра уж я не увижу ее! она не будет ласкать меня! О! боже мой! *(Падает на руки Эрбо.)*

П ь е р р о. Ах! это раздирает мое сердце!

ЯВЛЕНИЕ 11

П ь е р р о, Магдалина, Бернард, Мария, Эрбо, Жако.

Б е р н а р д *(входит с маленькой палкой в руке и узлом в другой; он поддерживает свою жену)*. Да полно, Магдалина, будь потверже! Что за чорт! не то я тебя брошу... У меня тоже не меньше горя. Притом Мария не навсегда же оставляет нас!.. Мы будем получать об ней известия от друга господина Эрбо. *(Он кладет Магдалину бесчувственную на кресло.)*

М а р и я *(приметя ее, бросается к ногам ее)*. Матушка!

Все савояры уходят с Жако. Через двери видно, как они прощаются с своими отцами и удаляются в горы направо. Некоторые, вместе с Жако, остаются ждать Марию. Музыка тихо играет.

Б е р н а р д *(Марии)*. Пойдем, дочь моя! *(Делает ей знак, чтоб она обняла мать.)*

М а р и я. Матушка, я еду!..

М а г д а л и н а *(поднимаясь)*. О! минуту! Антони, сжался! подожди одну минуту!.. Мать не отталкивают, когда она прощается с своей дочерью!..

Б е р н а р д (*нежно*). Ну обними ее еще раз; я про-
вожу ее! (*Делает знак Жако, чтоб тот уходил.*)

М а р и я. Матушка, благословите дочь свою, свою
Марию.

М а г д а л и н а. О! да, да! милое дитя мое! благосло-
вление, которым некогда благословила меня мать моя...
Оно всегда охраняло меня от несчастий!.. а мое охранит
тебя, Мария!.. когда голос мой не будет достигать твоего
слуха... носи в своем сердце эту песню, которую передала
мне мать моя!.. Дочь моя, говорила мне она... (*Магда-
лина кладет свои руки на голову Марии.*)

Ты начинаешь новый путь...
Твоя судьба от нас сокрыта,
Что будет!.. страшно заглянуть...
Одишь лишь бог твоя защита! —

(*Здесь Магдалина, ослабевшая от горя, садится. Мария
падает к ногам ее. Магдалина продолжает.*)

Работай больше и честней...
Молись... с молитвой грусть забудешь...

(*Малу-помалу голос Магдалины заглушается слезами.*)

И думай иногда о матери твоей,
За это... счастлива ты будешь...
Иди, дитя мое, иди!..
Бог да спасет тебя... прости...
Прости! Бог да...

(*Голос ее прерывается.*)

М а р и я. Матушка! Матушка! (*Уходит с Бернардом.*)

Я В Л Е Н И Е 12

Т е ж е, кроме Бернарда и Марии.

М а г д а л и н а (*приходя в себя*). Мария! Мария! где
она? (*Она смотрит вокруг себя, потом встает и, шатаясь,
идет по сцене, говоря.*) Ах! Они отняли у меня мою дочь!
(*В эту минуту послышался голос Марии, которая по-
вторяет в отдалении прощальную песню матери.— Маг-
далина, поддерживаемая Пьерро, жадно слушает.— За-
навес опускается.*)

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

МОЛОДОЙ ЛЮБОВНИК

Театр представляет комнату на чердаке. В глубине дверь; налево от двери кровать с занавесами. В стороне на втором плане дверь в кабинет. Направо главной двери — камин. На той же стороне, на втором плане окно, выходящее на улицу, близ окна образ мадонны и перед ним маленький геридон, у стены лютия и проч.

ЯВЛЕНИЕ 1

М а р и я и П ь е р р о .

При поднятии занавеса они сидят за столом, поставленным посреди театра, и обедают.

Вместе.

Говоря о прежней доле,
Забываю поневоле,
Что живу я с давних пор
Далеко от наших гор.—

М а р и я. Ну что? не болен ли батюшка? а матушка, что матушка? — Расскажи мне скорее об них, Пьерро...

П ь е р р о. Они здоровы как нельзя лучше и меня просили благословить вас за них... подождите же, я вас благословлю... (*Протягивает руки.*) Ну, теперь конец концов! Я насилу отыскал вас... Этот Париж совсем сбил меня с толку... Гораздо больше нашей деревни! Я просто перепутался, увидевши такую огромную штуку.

Засовался словно кошка,
Перетрусил словно мышь,
Как являться понемножку
Стал мне издали Париж...
А пришел... развесил уши
Среди улицы, как шут!..
Вот уж здесь так бьют баклуши!..
Не по-нашему живут!
Есть чему тут удивляться,
Всё тут очень мудрено,
Но всего хитрей, признаться,
Показалось мне одно:
На бульварах очень сходно
Фрак иль брюки продают...
Жаль, одно лишь непригодно —
Что примерить не дадут!

М а р и я. Так и ты, бедный Пьерро, покинул деревню!

П ь е р р о (*кладет свою шапку на стул*). Что вы станете делать?.. Я не мог там больше оставаться, вас там не было! Конец концов! Как всё здесь хорошо! не так, как в наших горах!.. Ах! чорт возьми!.. У нас после вашего отъезда всё пошло вверх дном! — Что ж, чорт возьми, подумал я, буду здесь делать? Я продал свой участок земли, который достался мне в наследство после дядюшки Петра, — купил лютню и пошел в Париж повидаться с вами, и теперь я уж музыкант, известный на всех парижских улицах! так же, как вы... Я потому-то и нашел вас так скоро: ведь вас во всем квартале зовут Савойской жемчужиной! вы в большой славе!

М а р и я. Ну да, мой добрый Пьерро, то есть я в большой моде.

П ь е р р о. И я буду в моде.

М а р и я. Я заработала в продолжение шести месяцев столько, что могла завестись всей этой мебелью, которую ты видишь.

П ь е р р о. И еще послали несколько денег своей матушке, этого вы не говорите.

М а р и я. Ах! этого не стоит говорить... Приехавши сюда, я имела подпору, надежду!.. Но скоро старый друг господина Эрбо умер, и я осталась совершенно одна среди этого огромного Парижа.

П ь е р р о. Мамзель Мария, вы умная и честная девушка, я напишу о том в деревню!..

М а р и я (*с живостью*). Ах, да... ты умеешь писать... и я также, Пьерро, скоро буду...

П ь е р р о. Как?..

М а р и я (*в сторону*). Что я сказала! (*Громко.*) Я скоро... буду учиться!

П ь е р р о. А покамест я ваш письмоводитель... Ну, как вы здесь поживаете?

М а р и я. Совершенно одна!

П ь е р р о. Как? и никого не принимаете?

М а р и я (*запинаясь и опустя глаза*). Никого!..

П ь е р р о (*с радостью*). Ах, как это мило! Никто не ходит сюда?.. как это лестно!.. Знаете, что это меня чертовски радует; потому что сейчас на лестнице я встретил...

М а р и я. Кого?

П ь е р р о. Камердинера, который, указывая мне в
шу квартиру, говорил что-то о маркизе.

М а р и я (*в сторону*). Я отдыхаю!.. Это не он!

П ь е р р о. Это так и ущипнуло мое сердце!

М а р и я (*в сторону*). Но он хотел прийти! Что, если он
теперь придет...

В это время за дверью слышны три удара в ладоши.

Это он!..

П ь е р р о. Навот! Это что такое?

М а р и я. Это...

Снова хлопают.

П ь е р р о. Вам подают сигнал!

М а р и я. Это учитель...

П ь е р р о. Учитель чистописания!.. я уйду, уйду!..
Мое почтение, я скоро ворочусь! (*Берет лютню.*)

М а р и я. Прощай, прощай, Пьерро! не забывай
меня!..

Пьерро уходит.

Я В Л Е Н И Е 2

М а р и я.

М а р и я. Бедный Пьерро!.. Не подозревает ли он че-
го-нибудь!.. Ах, нет... Это невозможно!.. Я худо делаю,
что скрываюсь от моих друзей!.. боюсь признаться им!..
Однако Андре так добр, так мил! и притом живет со мной
на одной лестнице; могла ли я отказаться от свиданий?..
Я была знакома с ним целые шесть месяцев в горах, уе-
хала оттуда, не простившись с ним. Это очень худо!.. и
вдруг эта чудная встреча, в двухстах лье от нашей дере-
вни, на лестнице, в одном доме, в том же этаже!.. не было
ли это позволением неба видеться с ним? не оно ли посла-
ло мне его покровителем? Да, Андре мой друг! моя защита!
покровитель мой!.. и кто что ни говори, а я вовсе не
худо сделала, позволяя ему ходить ко мне... Но он ждет...
Нужно подать ему сигнал, как, бывало, я подавала ему
в горах...

Уж наступает вечер темный,
Невольно голос мой нескромный
Зовет тебя, о милый мой!
Спеши увидеться со мной!
Услышь знакомое призванье
На наше тайное свиданье:
То голос, голос, голос той —
С кем ты любил в горах встречаться.

(Она слушает: Андре повторяет снаружи последний стих.)

Спешి скорей, лети стрелой
С твоей Марией повидаться!

А н д р е (являясь).

Рад на призывный голос твой
Я в день хоть по сту раз являться.

Я В Л Е Н И Е 3

А н д р е, М а р и я.

А н д р е. Какое счастье!.. Я не думал застать тебя дома!

М а р и я. В воскресенье всегда! — в другие дни большая разница... я работаю для поддержания жизни. Воскресенье посвящаю богу и...

А н д р е. Кому?..

М а р и я (опуская глаза). Матушке.

А н д р е. А мне, Мария, мне?

М а р и я. Вам! вы мой друг, мой благодетель, который учит меня, простую, глупую савоярку...

А н д р е. Это-то счастливое введение, Мария, эта восхитительная простота и нравится мне в тебе.

М а р и я. Ах! я ничего не знаю, совершенно ничего!.. Это меня печалит... сокрушает... несмотря на ваши прекрасные уроки, я не успеваю...

А н д р е. Ты слишком строга к себе, милая Мария... Ты сделала большие успехи и читаешь совсем не так дурно, как тебе кажется... Сегодня мы прочтем эту бумагу.

М а р и я. Но это писано, а я едва читаю печатное.

А н д р е. Ничего... Это также легко... И я надеюсь, что ты можешь... (В сторону.) Да, небо помогло мне... она

может прочесть признание в пламенной страсти, которую я не смею высказать ей!.. Что-то из того будет!..

М а р и я (*подбегая к нему*). Начнем же скорей... Да извольте быть поосторожнее...

А н д р е (*важно*). Ты увидишь, я буду даже слишком строг...

М а р и я. Тут нет ничего смешного... Ну, будем читать. (*Они садятся посреди театра. — Складывая.*) «Несмотря на то, что мое сердце поняло вас» — (*говоря*). Так ли?

А н д р е. Совершенно так.

М а р и я. «С... тех пор... как я вас узнал...»

А н д р е. Очень хорошо.

М а р и я. «Со дня... как я вас увидел (*складывая*) встре... встретил в горах» — (*говоря*). Что! видите, как я бегло читаю... (*В радости она припрыгивает на креслах и бьет в ладоши.*)

А н д р е. Как ангел!

М а р и я (*читая*). «Ваш божественный образ...» (*Говоря с удивлением.*) Отчего у вас так дрожит рука?..

А н д р е (*слабым голосом*). Но... я не знаю...

М а р и я. Держите хорошенько бумагу. (*Читая.*) «Ваш божественный образ не покидал меня ни на минуту... Я с ним вместе засыпаю! с ним про... про... пробуждаюсь... (*Говоря.*) Ах, как это мило!.. к кому же оно писано?..»

А н д р е (*с живостью*). Продолжайте, продолжайте, и вы тотчас узнаете.

М а р и я (*читая*). «Потому, что это вы, Мария!» (*Говоря.*) Ах! боже мой! (*Она встает и прислушивается.*)

А н д р е. Что с вами?..

М а р и я (*прислушиваясь, показывая на дверь*). Слушайте!.. идут по лестнице...

А н д р е (*в сторону*). Чорт их несет!

М а р и я. Верно, это Пьерро!

А н д р е. Пьерро?.. кто он такой?..

М а р и я (*с замешательством*). Пьерро!.. это крестьянин!.. он ничего не знает... я ему сказала только об учителе, что ж, я не обманула, вы точно мой учитель, но все-таки лучше, чтоб он вас не видал!.. спрячьтесь, спрячьтесь!..

А н д р е. Куда же?

М а р и я (*показывает налево в кабинет*). Там!.. в кабинет!..

А н д р е (*в сторону*). Что делать, нужно уступить свое место Пьерро. (*Уходит в кабинет.*)

М а р и я (*говоря ему*). Минутку, одну минутку, мой друг!.. я его скоро выпровожу... (*Бежит отворить главную дверь и тихо вскрикивает.*) Ах!.. это не Пьерро!

Я В Л Е Н И Е 4

М а р и я, м а р к и з а, п о т о м к о м а н д о р.

М а р к и з а. Вас ли зовут Марией?

М а р и я (*робко*). Точно так, сударыня.

М а р к и з а. Вы играете на лютне савойские песни на наших бульварах.

М а р и я. Точно так, сударыня.

М а р к и з а (*в сторону*). Это она!

М а р и я. Что вам угодно, сударыня?

М а р к и з а (*с холодностью*). Вы узнаете. (*Она идет к дверям, говорит с слугою, тот удалется и возвращается с командором; маркиза снова дает слуге приказание при первых словах командора.*)

М а р и я. Какой надменный вид! повелительный тон! чего хочет от меня эта дама?

К о м а н д о р. Чорт бы побрал всех этих маленьких людей, которые забираются в свои жилища по таким высоким лестницам! По чести я совсем разбился ногами... (*Приметя Марию.*) Но я не ошибся!..

М а р и я (*в сторону*). Командор!

М а р к и з а (*входя на сцену*). Что у них происходит?

К о м а н д о р. Это она! (*В сторону.*) Всё так же хороша!

М а р к и з а. Вы знаете ее?

К о м а н д о р (*в сторону*). Ай! ай! (*Громко.*) То есть я знал ее... не зная... Вы также знаете ее, маркиза. Э!.. Боже мой! ведь это дочь одного из ваших фермеров Савон!.. молодая Бернард... (*Подает кресло маркизе.*)

М а р к и з а (*сядась*). Не правда ли, моя милая, и ты нас знаешь?

М а р и я. Точно так, сударыня. Если не ошибаюсь, я имею честь принимать у себя маркизу де Сиври.

Маркиза (*в сторону*). Это подтверждает мои подозрения. (*Громко.*) Скажи мне, зачем ты одна уехала в Париж?

Командор. Ах, да!.. зачем?.. А ну... зачем?..

Мария (*не слушая его, отвечает маркизе*). У нас, бедных жителей гор, у всех одна причина, которая заставляет покидать родину,— это бедность!

Командор (*в сторону*). Она как будто не узнает меня! очень, очень хитро!

Маркиза. Но, сколько я помню, этой фермы, которую я вам отдала по просьбе моего брата, было бы достаточно для прокормления вашего семейства, значит другая причина побудила тебя удалиться?

Мария. Так точно, сударыня, и я вам скажу ее (*посматривая на командора*), потому что я не умею лгать.

Командор (*в сторону*). Неужели она будет так глуха, что всё расскажет сестре?.. Право, это из рук вон!

Мария. Почтенный наш пастор сказал, что мне угрожала большая опасность!..

Командор (*в сторону*). А! ей пастор сказал!.. Я с ним справлюсь!

Мария. Один сильный... (*посматривая на командора*) и неотвязчивый старик преследовал меня своим волокитством...

Командор (*в сторону*). Старик! Сестра не подумает на меня.

Мария (*продолжая*). Я должна была бежать, чтоб избавиться от его замыслов.

Маркиза (*вставая*). Я понимаю, кто же был этот старик?

Командор (*в сторону*). Неужели она скажет?.. Я стою как будто на горячих углях.

Мария (*с достоинством, не смотря на командора*). Я забыла его имя!

Командор (*в сторону*). Ах, плутовка! это очень хорошо, хоть бы и не для старика, как она меня называет... Шутит, плутовка шутит!

Маркиза. Но с тех пор, как ты живешь в Париже, кто помогает тебе в твоих нуждах?.. (*Говоря это, показывает на мебель.*)

М а р и я (*простосердечно*). Бог, сударыня.

М а р к и з а (*улыбаясь*). Бог!

М а р и я (*с гордостью*). И мой труд.

М а р к и з а. Как! Твоя лютня, твои песни?

М а р и я. Да, сударыня.

М а р к и з а (*в сторону*). Ее ответы удивляют меня; но может быть эта наивность не больше как маска, чтоб отклонить мои подозрения?

К о м а н д о р. Маркиза, мне пришла в голову идея!.. богатая, глубокая идея!.. завтра у вас большое собрание?

М а р к и з а (*наблюдая за Мариєю, значительно*). Да... по случаю представления моим друзьям Лауры де Бреван, невесты моего сына, маркиза Артура де Сиври.

Мария слушает равнодушно.

Никакой перемены!..

К о м а н д о р. Так видите: эта савоярка теперь в большой моде; она пела при королевской фамилии; нужно пригласить ее после обеда, перед отъездом на придворный бал: для дам это будет обольстительная новость! (*Проходя мимо Марии, тихо.*) И большое счастье для моего сердца, ах! (*Громко.*) Что вы скажете на это, маркиза?

М а р к и з а (*с явною радостью*). Я скажу, командор, что ваша мысль превосходна.

К о м а н д о р (*в сторону*). Теперь дела мои пойдут чудесно! Ай да я!

М а р к и з а (*в сторону*). Да... таким образом, я открою истину. (*Громко Марии.*) Ну что ж! согласна ли ты завтра дать нам понятие о твоём таланте?

М а р и я. Не смею противиться вашим приказаниям!

М а р к и з а. Очень хорошо!

В эту минуту Андре, не вытерпев, отворяет дверь; но, увидев маркизу, он быстро затворяет ее, говоря: «Боже мой». Шум заставляет маркизу обернуться.

М а р к и з а. Что такое?

М а р и я (*в сторону*). Боже!

К о м а н д о р (*в сторону*). Э! э! э!.. значит, я опоздал!.. Но утешусь... лучше поздно, чем никогда!

М а р к и з а (*в сторону*). Если он там? (*Громко.*)

Посмотрите, командор, с каким вкусом и изящностью расположено всё в этой маленькой комнате.

Командор *(в сторону)*. Какой-нибудь прокурорский писарь разоряется на нее.

Маркиза *(идя к кабинету)*. И здесь еще комната, я думаю.

Командор. Будуар, без сомнения.

Маркиза. Посмотрим!

Мария *(подбегая и становясь перед нею)*. Сударыня!

Маркиза *(отворивши дверь в кабинет — в сторону)*. Никого!.. я ошиблась.

Командор входит на минуту в кабинет, напевая: «Ах, как пахнет розой здесь!»

Мария *(в сторону)*. Боже мой! как я испугалась... *(Отдыхая.)* Он, верно, вылез на кровлю.

Маркиза. Ты напрасно боялась, моя милая, всё, что я здесь вижу, очаровывает меня; я очень довольна.

Командор *(выходя)*. И я тоже.

Маркиза. Завтра мы увидимся. Я пришлю за тобою. Прощай! *(Уходят.)*

ЯВЛЕНИЕ 5

Мария.

Мария. Боже мой! как я испугалась, когда они отворили эту дверь! Как я рада, что он успел скрыться! Да, я буду у вас, госпожа маркиза, но не пойду к вам одна... нет, Пьерро будет моим товарищем: потому что вы сестра человека, который хотел погубить меня. Но теперь я не боюсь ничего, у меня есть сильные защитники, у которых я буду просить помощи, если б он захотел обмануть меня... А! соседка уж легла спать, видно очень поздно! лягу и я, завтра нужно пораньше встать. *(Она раздевается.)* Господин пастор хорошо сделал, что выпроводил меня из деревни! Вот каково служить в замке и слушать любезности придворных господ, они ищут того, чтоб обмануть нас! А после плачь, красней из-за них!.. Их терпеть не могу... Это не то, что Андре, — он никогда не обманет бедной девушки!.. Нет, он слишком добр и честен!.. Как досадно, что нам помешали!.. Я дочитала

бы письмо до конца, а начало было так мило!.. попробую припомнить... (*Припоминает.*) «Ваш божественный образ»!..— точно так (*припоминает*) «я с ним пробуждаюсь... с ним засыпаю!»— (*На соседней колокольне бьет 10 часов.*) Ах! боже мой! уж 10 часов! а я не сплю еще... как идет время!.. я, пожалуй, завтра просплю... Помолюсь. (*Становится на колени перед образом и поет.*)

О, мать моя, не вижу я с тобою!
Но день и ночь
За жизнь твою, с надеждой и тоскою,
Молюсь как дочь!..
Я здесь одна... повсюду искушенье,
Защиты нет!
Храни ж, храни, благое провиденье,
Меня от бед!

(*Встает.*) Теперь погашу свечу. (*Гасит и идет к постели.*)
Сегодня не холодно.

Дверь из кабинета тихо отворяется, и Андре выходит; он осторожно идет через сцену.

Я В Л Е Н И Е 6

А н д р е, М а р и я.

М а р и я (*у кровати*). Что такое? я слышу порох.
(*Молчание.*) Кто там?..

А н д р е (*среди театра*). Я!

М а р и я (*быстро скрывается за занавесом*). Как, вы еще здесь?

А н д р е. Я не виноват... рискуя сломать себе шею, я хотел перебраться в свою комнату по крыше!

М а р и я. Куда как рассудительно!..

А н д р е (*с живостью*). Для того, чтобы не обесславить тебя!.. Но меня увидели... сочли за вора... и в эту минуту, верно, ищут.

М а р и я. В самом деле?

А н д р е (*с живостью*). Ах! Мария, милая Мария, спрячь меня!

М а р и я. Но... как...

А н д р е. Боже мой! чу! я их слышу, Мария!

М а р и я (*удаляясь в угол комнаты к двери кабинета*). Ну что ж делать!.. останьтесь, подождите немного... нет другого средства.

А н д р е (*подходя в ту сторону, где Мария*). Ах! Мария, как ты добра!..

М а р и я (*с ужасом*). Что вы!.. что вы!.. куда вы идете?

А н д р е. К тебе.

М а р и я (*с живостью*). Незачем... незачем... останьтесь там!.. не трогайтесь и идите от меня...

А н д р е (*улыбаясь*). Это довольно трудно!

М а р и я (*подвигаясь немного*). Слышите ли?

А н д р е. Да, Мария... но ведь так темно... я не могу найти двери... Она должна быть в той стороне. (*Подходит к кабинету и берет стоящую тут Марию за руки*.) А! вот она!

М а р и я (*испуская крик*). Нет, это я!

А н д р е. Милая Мария!

М а р и я (*дрожит и едва может говорить*). Вы меня испугали!.. Люди, которые вас видели... опасность...

А н д р е (*наклонившись к ней, тихо*). Опасность — теперь я забыл о ней!.. близ тебя, Мария! моя милая Мария!.. О! как я люблю тебя!.. я бы хотел бежать, но твой божественный образ везде преследует меня... с ним я за-сыпаю, с ним пробуждаюсь... им только дышу!..

М а р и я. Боже мой! письмо!

А н д р е. Оно было к тебе, Мария.

М а р и я. Кто мне?

А н д р е. Да, к тебе, — я не смел сказать тебе тайны моего сердца; я люблю тебя!.. люблю до безумия!..

М а р и я (*дрожжа, с удовольствием*). Ох! боже мой! и вы не обманываете!

А н д р е. Клянусь тебе всем священным для меня, что не обманываю!

М а р и я. Нет! этот голос так мил, так нежен!.. он никогда меня не обманет!

А н д р е. Клянусь здесь... у ног твоих; я твой! твой на всю жизнь!.. (*Он сжимает ее в объятиях*.)

М а р и я (*слабо защищаясь*). Оставьте меня, Андре!

А н д р е. Чтоб я оставил тебя!.. тебя... тебя, мое счастье!.. жизнь мою!..

М а р и я (*тихо*). О! пустите меня, пустите!

В эту минуту под окном слышно пение на голос прощальной песни Магдалины. — Мария с силою вырывается из рук Андре.

М а р и я. Слышите!.. слышите ли вы эту песню?.. это голос моей матери!.. матери, которая говорит мне: Мария, ты хочешь моей смерти!.. *(Обращаясь к нему.)* О! я знаю, вы не хотите, Андре, вы не хотите смерти моей матери... моей смерти!.. сжальтесь надо мной!.. над моими слезами! над моим отчаянием! *(Становится перед ним на колени.)*

А н д р е *(тронутый ее отчаянием).* Великий боже!

М а р и я. О! уйдите!.. уйдите скорее!.. если вы любите меня!.. в благодарность я буду любить вас вечно!.. вечно буду благословлять вас!..

А н д р е. Мария!.. *(Молчание.)* Ты видишь, как я люблю тебя!.. Прощай! *(Уходит.)*

М а р и я *(в восторге благодарности).* О! милый, милый Андре! *(Она запирает дверь. В ту минуту голос снаружи зовет ее; Мария подбегает к окну.)*

П ь е р р о *(на улице).* Это я, Мария, Пьерро!.. Я хотел пожелать вам доброго вечера.

М а р и я. Добрый вечер, мой добрый Пьерро. *(Она затворяет окно, потом падает на колени среди театра.)* Тебя, мать моя, тебя благодарю я! ты спасла меня!

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

САВОЙСКИЕ ПЕСНИ

Великолепный зал в доме маркизы де Сиври. В глубине дверь, налево от актера близ двери окно. На авансцене дверь, направо дверь на 1-м плане и вторая на 4-м. Столы, богатые кресла; направо, близ авансцены, диван.

ЯВЛЕНИЕ 1

К о м а н д о р, м а р к и з а.

М а р к и з а. Я вам повторяю, братец, что Лаура де Бреван из знатной и древней фамилии; при дворе она пользуется уважением почти равным нашему дому; Лаура единственная наследница имений всех своих род-

ственников. Если наш дом соединится с ними, то будет самым могущественным во Франции!

К о м а н д о р. Так, так, сестрица; но я еще не думаю жениться... Нужно хорошенько воспользоваться молодостью.

М а р к и з а. Кто ж говорит про вас? Это относится к маркизу, моему сыну.

К о м а н д о р. А, это большая разница, и я согласен...

М а р к и з а. У меня сегодня будет собрание, на которое приглашена и Лаура; здесь молодые люди должны познакомиться.

К о м а н д о р. Да, и по случаю праздника вы пригласили красавицу Марию.

М а р к и з а. Кого? Марию де Верпиньян?.. насмешницу! болтуницу! резвушку!..

К о м а н д о р. Нет, я вам говорю о Савойской жемчужине.

М а р к и з а. По чести, вы только и мечтаете об этой савоярке. Она всем вскружит здесь головы!.. (*В сторону.*) Но сегодня все мои подозрения должны объясниться, я буду следить за их движениями, взорами; и если меня не обманули!.. если правда, что мой сын... О, я уничтожу ее!

К о м а н д о р. А вот и наш молодой жених, сам своей персоной. (*В сторону.*) Какой важный вид! какая осанка! Но я думаю, что я ничуть не хуже его!

Я В Л Е Н И Е 2

Т е ж е, А р т у р.

М а р к и з. Мне сказали, что вы меня спрашиваете, и я поспешил явиться.

М а р к и з а. Да, мой сын, нам нужно поговорить о делах важных и серьезных.

К о м а н д о р. Я не хочу мешать вашей беседе. (*Хочет уйти.*)

М а р к и з а. Кузен.

К о м а н д о р (*возвращаясь*). Что вам угодно, маркиза?

Маркиза. Вы можете остаться: ваше родство с нами дает вам на это право.

Командор. Но...

Маркиза. Подвиньте кресла.

Командор (*ставя кресла среди театра*). Кресла. (*В сторону.*) Вот попался!

Маркиза. Да... садитесь!

Командор (*в сторону*). Благодарю! у меня есть лучшие занятия. (*Они садятся.*)

Маркиза. Вы знаете, мой сын, я вызвала вас из нашего савойского поместья в Париж для того, что задумала женить вас, нашла приличную партию.

Маркиз. Тысячу раз благодарю вас за ваши старания, но, к сожалению, должен объявить, что предположенный вами брак невозможен!

Маркиза. Невозможен!

Командор. Он сказал невозможен!..

Маркиз. Та, которую вы назначаете в подруги моей жизни, кто бы ни была она, не может составить моего счастья.

Маркиза. Но почему?.. вы еще не знаете ее?

Маркиз (*с замешательством*). Потому... что я люблю другую!..

Маркиза (*в сторону*). Так,— это правда!

Командор. Ах, кухня! это очень достаточная причина! (*В сторону.*) Влюбился без позволения матери! Да чего? даже меня не спросил... каков племянничек!..

Маркиза. Вы еще потакаете ему?..

Командор. Да, нет... нет, это недостаточная причина, маркиз.

Маркиз. Будьте уверены, во всяком другом случае мое к вам уважение и нежность беспредельны, но теперь...

Маркиза. Теперь...

Маркиз. Теперь дело идет о счастье всей моей жизни, и я должен сказать вам с сожалением, что мое решение непреклонно.

Маркиза. Что ж делать! мы уступим вашей твердой воле, мой сын, но по крайней мере объявите нам, как зовут предмет вашей романтической страсти.

Маркиз. Маркиза!..

Маркиза. Назовите ее без страха! Пускай она не так знаменита, как та, которую я вам назначила, пускай она не так богата, — но где дело идет о счастье моего сына, там мое сердце забывает расчеты гордости и честолюбия... и я вам обещаю дать согласие на брак, которым исполнятся все ваши желания.

Командор. Как вы красноречивы, кузина! вы привели меня в восторг... слезы... право, слезы вот так и хотят выступить у меня на глазах... Ну, что ж, мой друг, назови... назови нам эту молодую маркизу.

Маркиза. Она не маркиза!

Командор. А! она графиня!.. Ну что ж такое! назови нам молодую графиню!.. А?.. или она баронесса? нет?.. Но что же наконец? должна ж чем-нибудь быть моя племянница... не курица же она? не обезьяна, не мещанка!..

Маркиза. Вы говорите справедливо, командор; я не думаю, чтобы мой сын, маркиз Артур де Сиври, унизился до любви к мещанке.

Маркиз (*с почтительною твердостью*). Из какого бы она ни была состояния, но я буду любить ее вечно!

Командор. Эге-ге, и я знал одну мещаночку, которая была очень недурна!

Маркиза (*вставая*). Довольно! (*Командор ставит кресла на место.*) Страсть, в которой не хотят без стыда признаться, от которой краснеют перед своею матерью, — страсть безрассудная!.. кровь Сиври никогда еще не смешивалась с мещанскою!

Командор. Славно сказано! Вы созданы, сестрица, чтоб быть государственным мужем.

Маркиза (*холодно*). Маркиз, вы знаете о собрании, которое будет у нас сегодня вечером, пред придворным балом; я уверена, что вы будете. Проводите меня на мою половину.

Маркиз подает руку своей матери, и они уходят во вторую дверь направо от актера.

Я В Л Е Н И Е 3

Командор (*один*). Наконец я свободен!.. и еще шаг к исполнению моих желаний; Мария скоро будет здесь... все уедут на бал, и тогда, тогда... Ах! я плутишка!

плутишка! я ечастливчик!.. Я не разучился еще обольщать и нравиться, я злодей!

Позабить я не могу,
Как, не думайте, что лгу,—
В продолжение трех лет
Одержал шестьсот побед.
Да зато уж все шестьсот

(показывая на голову)

Здесь поставлены на счет...
Впрочем, дамам и теперь
Я весьма опасный зверь...
И хорошепский народ
Не клади мне пальца в рот!
А забудешься — положишь,
Так ничем уж не поможешь.
Сколько было баронесс,
И графинь, и виконтесс,
И служаночек простых,
И гризеток молодых —
Поживился, чем хотел,
Да к другим и улетел.
Уж издавна я таков,
Разом кончу всё без слов!
Нет, хорошепский народ,
Не клади мне пальца в рот,
А забудешься — положишь,
Так ничем уж не поможешь.

Нужно призвать на помощь Купидона и Бахуса!.. под формою двух бутылок шампанского! и тогда я или обворожу, или усыплю, и Мария будет в моих руках! А! вот, кажется, собираются гости! (*Крича за кулисы.*) Эй! Лафлер! кто-нибудь! доложите маркизе, что собрались гости.

Я В Л Е Н И Е 4

Командор, дамы и кавалеры придворные, Лаура де Бреван и ее родные.

Х о р м а с о к.

Спешите, спешите, спешите! уж скоро порал
Невольное в сердце волнение!
Скорее, скорей! в маскараде двора
Большое нас ждет наслаждение.

ЯВЛЕНИЕ 5

Те же, маркиза де Сиври (входит и раскланивается).

Маркиза (*подходя к Лауре*). Вы уже здесь, милая! (*Она целует ее в лоб и, взявши за руку, говорит.*) Командор, рекомендую вам мадемуазель Лауру де Бреван, вашу будущую племянницу. (*Лаура раскланивается. Маркиза Лауре.*) Рекомендую вам моего брата, командора.

Командор (*с гордостью*). Геркулес — Ахилл — Гектор — Цесарь де Буафлери. (*Он ловко раскланивается.*)

Маркиза (*командору*). Как вы ее находите?

Командор (*тихо маркизе*). Она очарует Артура.

Маркиза. Я думаю. (*Стук кареты; слуга подает знак командору.*)

Командор (*в сторону*). Карета! Это она! (*Громко.*) Ах! да! знаете ли, прелестные дамы, что маркиза приготовила нам маленький сюрприз! чудесный дивертисман!¹

Кавалер. Какой же, командор?

Командор (*смотря в окно*). Здесь будет петь известная молодая певица! Савоярка, прозванная в Париже Савойской жемчужиной.

Все. Прекрасно! чудесно! мы слышали об ней.

ЯВЛЕНИЕ 6

Те же, Мария, Пьерро.

При виде блестящего собрания в изумлении они стаповаются друг против друга и, не смея войти, остаются в дверях.

Мария (*стоя в дверях, в то время как дамы говорят между собою*). Как здесь хорошо!

Пьерро (*тихо Марии*). Меня даже отуманило, мамзель Мария, как же мы здесь пойдем?.. Большая шаль разостлана под нашими ногами.

Мария (*тихо*). Тс... это ковры!

Пьерро (*тихо*). Ковры!.. а у меня такие большие гвозди в башмаках! не снять ли их?

Маркиза (*приметя Марию и Пьерро, которые всё еще не смеют идти*). Подойди, миленькая, подойди. (*Она садится с Лаурою на диван и дает знак слугам, которые ставят кресла в полукруг.*)

¹ Развлечение *(франц.)*.

Пьерро. Вот и мы, госпожа... *(Тихо Марии.)*
Как ее?..

Мария *(тихо)*. Маркиза.

Пьерро. Вот и мы, госпожа марк... марк... марке-
киза!

Слуги затворяют средние двери.

Командор. Но зачем, молодая пастушка гор,
ты привела с собой товарища *(показывая на Пьерро)*.

Пьерро *(грубо)*. Что такое?.. *(Марии.)* А! это
тот старый плут!

Мария *(ласково)*. Замолчи! *(Громко.)* Мы вместе
с ним поем песни нашей родины.

Пьерро. То есть родные песни, вы понимаете?..

Командор. Понимаю, понимаю! ты пришел для
того, чтоб аккомпанировать ей... пабросить на картину
тень. *(В сторону.)* Погоди, мужик! я тебя упрячу в доб-
рое место! *(Громко.)* Но пора начать.

Маркиза. Да, начните.

Все дамы садятся, а командор и кавалеры стоят подле дам.

Мария. Мы пропоем «Приданое савойской невесты».

Все. Хорошо! хорошо!

Мария и Пьерро.

За моей женой три су,
А за мной всего четыре,
Чтоб нам жить хозяйством в мире,
Что нам делать на семь су?

Мария.

Семь су?

Пьерро *(печально Марии)*.

Семь су?

Как, жена, хозяйством в мире
Будем жить мы на семь су?

Мария *(взявши его за руку)*.

Вот как: стол забудем молный,
Купим хлеба, соли, круп
И из миски прямо суп
Будем пить поочередно!

(Вместе.)

И из миски прямо суп
Будем пить поочередно.
За моей женой.. *(и проч.)*

Пьерро (*говорит*). Ну, ну, жена, покажи свой ум! что дальше?

М а р и я.

Вместе воду привезем
На себе без прекословья
И друг другу на здоровье
По стакану разоьем!

(*Вместе.*)

И друг другу на здоровье
По стакану разоьем.

Пьерро (*говорит*). По чести, жена, ты большая умница!

За моей женой... (и проч.)

М а р и я.

Если вырастим на свет
Дочерей, две, три, четыре,
Пусть живут в любви и в мире
Мы им скажем в двадцать лет...

Пьерро (*говорит*). Что же мы им скажем, жена?

М а р и я (*с важностью*).

Вот вам, девушки, семь су,
Если много — дайте сдачу;
Мало — вот вам на придачу
Ващу юность и красу.

(*Вместе.*)

Семь су! семь су!
На хозяйство, хлеб и кров
Семь су! Семь су!

Пьерро (*топая ногой*).

Находите женихов.

По окончании песни все аплодируют и благодарят савояров, которые кланяются.

К о м а н д о р. Чудесно! Восхитительно! Я, право, от этой красотки потеряю голову! (*Он идет благодарить и толкает Пьерро.*)

Пьерро (*в сторону*). Небольшая будет потеря!

К о м а н д о р (*в сторону*). Нужно скорее удалить этого болвана. (*Он тихо говорит со слугою, который несет поднос.*) Понимаешь?

С л у г а (*тихо*). Всё будет исполнено.

К о м а н д о р (*громко, показывая на Пьерро*). Лафлер!.. отведи этого молодца в буфет.

П ь е р р о. Меня! Чтоб я оставил Марию?.. Никогда!

М а р и я. Нет, нет! не покидай меня, Пьерро!

К о м а н д о р. Но ведь это на одну минуту, тебе нужно освежиться.

П ь е р р о. А! освежиться!.. Это другое дело! нельзя от этого отказаться, у меня ужасно пересохло в горле!.. Я сейчас приду.

К о м а н д о р. Ступай, любезный, ступай. (*Тихо, слуге, который уходит.*) Смотри, чтоб он не возвратился сюда.

М а р к и з а (*в сторону, с гневом*). А Артура до сих пор нет! (*Громко Марии.*) Не устала ли ты, моя милая? Отдохни!

К о м а н д о р. Я думаю, что ее прелестный голос принес бы нам больше удовольствия без кваканья этого глупого Пьерро.

М а р и я (*кланяясь*). Я употреблю все усилия, чтоб принести удовольствие маркизе и блестящему собранию, которое удостоило меня своим вниманием.

В с е. Bravo! bravo!

Молчание, все слушают снова.

Номер по выбору или танец, который прерывается следующим явлением.

Я В Л Е Н И Е 7

Те же, маркиз и слуга у двери.

С л у г а. Маркиз Артур де Сиври!

М а р и я (*увидя Артура*). Боже великий! что я вижу!..

М а р к и з (*в сторону*). Мария!

К о м а н д о р. Ну, что ж, милая. Продолжай!

М а р и я. Но я не могу... не знаю... я забыла...

М а р к и з а. Хорошо! (*Взявши за руку своего сына.*) Нужно вас представить Лауре... (*Подводя.*) Мой сын, маркиз Артур де Сиври!.. (*Она смотрит на Марию.*) Это был он!..

Маркиз, представленный матерью, раскланивается с Лаурой, которую рекомендует ему командор.

М а р и я (*в сторону*). Он!.. мой Андре — маркиз? Но, может быть, я обманываюсь.

Маркиза. Теперь начинай, моя милая!

Мария (*силится запеть, беспрестанно смотря на маркиза*)..

Уж наступает вечер темный,
Невольный голос мой пескомный
Зовет тебя...

(*Но голос изменяет ей; слезы катятся из глаз, устремленных на маркиза; наконец она не может выдержать душевного волнения, подбегает к нему и кричит.*) Да, это он!.. он!.. Андре!.. Андре!.. неужели ты не узнал меня?..

Все. Андре!

Общее изумление.

Мария. Скажи мне, что я обманываюсь!.. Что это одна мечта!

Маркиз (*тихо*). Мария!.. милая Мария!..

Мария. О! это он!.. (*Падает без чувств на диван.*)

Слуга (*входя*). Кареты поданы!

Маркиза (*в сторону*). Какой стыд! Какой срам! (*Командору*.) Братец, я прошу вас, останьтесь здесь и дайте ей почувствовать всю гнусность ее поведения.

Командор (*в сторону*). Bravo! (*Громко*.) Положитесь на меня, сестрица! Я дам ей почувствовать всё, что нужно.

Маркиза подходит к Лауре.

Маркиз (*тихо*). Дядюшка, спасите ее!

Командор (*с восторгом*). О! ложись на меня, мой милый!

Маркиза. Господин маркиз! вашу руку. (*Обществу*.) Господа, нас ожидают при дворе.

Все уходят.

Я В Л Е Н И Е 8

Командор, Мария (*в обмороке*). Около нее хлопчут две горничные.

Командор (*горничным*). Она начинает приходить в себя,— оставьте ее... (*Горничные уходят*.) Как она хороша теперь!.. Какой лоб!.. какие убийственные глазки, хоть они и закрыты!.. Я думаю, ей бы лучше всех

спиртов и притираний помог от обморока поцелуй... один сладкий поцелуй!.. поцелуй Амура и Психеи! Вот Психея, а я Амур и...

В то время как он хочет обнять ее, в это время Пьерро влезает в окно и грубо соскакивает на пол.

Командор *(в испуге)*. Ах! это что?..

Пьерро *(шатаясь)*. Тихонько! Это не чорт, а я!

Командор. Пьерро?..

Пьерро. Что ты делаешь? а?.. Ах, ты, разбойник! ты зарезал нашу бедную Марию! Она умерла!.. умерла!..

Командор. Молчи, дурак! Ты ее перепугаешь, она в обмороке!

Пьерро. В обмороке... Нет, меня не обморочишь... Ты ее задушил... Вот я вас всех!.. *(Хватает стул.)*

Командор *(стучит в ладоши)*. Эй, люди!.. *(Слуги вбегают.)* Возьмите его!

Пьерро. Только сунься хоть один!..

Командор. Боже мой! ее перепугают!.. Оставьте, оставьте его!

Пьерро. А, а!.. струсили... *(Садится на тот стул и смотрит на Марию.)* Бедняжечка!

Командор. Я приказал дать ему в вине сонный порошок. А вы, канальи, просто напоили его пьяным.

Лафлер. Помилуйте, госпедин командор, мы дали ему того вина, которое вы сами готовите на всякий случай.

Командор. Готов ли загородный экипаж?

Лафлер. Всё готово!

Командор. По знаку моему будьте здесь!.. Она, кажется, приходит в себя. *(Слугам.)* Уйдите!

Слуги уходят.

Пьерро. В самом деле, душенька, она шевелится...

Мария. Не сон ли это?.. Пьерро!.. где я?..

Пьерро. У разбойников!

Командор. Болван! ты ее перепугаешь...

Пьерро *(встает и поднимает на него стул)*. Да, Мария, мы здесь просто в пещере разбойников!

Мария. Боже мой!

Пьерро. Просто у бандитов, у контрабандистов!

Командор. Ты дурак!..

Пьерро. *(Та же игра. Командор отходит.)* Я узнал, что все эти господа злодеи, и мужчины и дамы разбойники! Они хотели меня убить!

Мария. Убить? для чего же?

Пьерро. А я почему знаю. Сначала начали меня поить чудесным вином... я уж и подумал: это недаром... После начали кормить разными лакомствами... и это недаром, подумал я... всё ел да пил... да только хотел уйти к тебе, а они меня — цап! — и потащили! Я кричу, рвуся... не тут-то было! Заперли меня в какую-то каморку. Но только услышал я, что дело идет о похищении девушки... сейчас догадался, что это тебя хотят похитить... раз, два, три... в слуховое окно... потом на террасу и сюда!

Мария. Меня похитить!..

Командор *(подходя)*. Не верь ему, прелестная Мария...

Пьерро *(вскакивая и поднимая стул, на котором сидел)*. Прочь, старый разбойник!.. Вот он главный!.. Это всё его штуки!

Мария *(вскакивая)*. Уйдем, Пьерро, уйдем.— А вы, сударь, другой раз причиной моего несчастья! Вы лишили меня родителей... Вы преследуете меня и теперь... хотите отнять моего Андре!..

Командор. Успокойся, милочка, твой Андре, или лучше скавать мой племянник маркиз, сам просил меня проводить тебя в его загородный домик... если ты хочешь, мы сейчас отправимся, только прогони этого дурака.

Мария. С вами?.. Нет, нет!.. Мой Андре сам найдет меня... а вам я не верю.

Пьерро *(почти засыпая на стуле)*. Не верь, не верь ему... он разбойник!.. и я сам еле жив по его милости... *(Зевает.)*

Командор *(в сторону, обрадовавшись)*. Наконец вино мое, кажется, действует... он засыпает... Эй! *(Стучит три раза руками.)* Слуги!

Мария *(подходя к Пьерро)*. Пьерро, Пьерро!.. что с тобою?

Пьерро *(зевает)*. А!

Командор *(слугам)*. Возьмите эту девушку — и везите!

Мария. Не подходите! не подходите! Боже мой!

что вы со мной хотите делать? Это бесчестно! Пьерро!
Пьерро! (*Трясет его.*) Спаси меня!

К о м а н д о р (*смеясь*). Не беспокойтесь... Мое ви-
но усыпило его. (*Слугам.*) Возьмите же!

М а р и я. Пьерро! ради бога! спаси меня!

П ь е р р о (*хочет схватить стул и падает тут же
на месте*). Я вас, разбой... (*Засыпает, слуги хватают
Марию.*)

К о м а н д о р. Сделайте так, как я приказал. В мой
загородный домик — и в галоп!.. (*Другим.*) А вы уберите
этого мужика.

Слуги схватывают Марию. Она призывает Пьерро и Андре на
помощь. Командор смеется. Занавес опускается.

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

БЕЗУМНАЯ

Направо от антресов дверь, ведущая в соседние комнаты, налево —
дверь входа; в глубине против публики большое окно, выходящее
на улицу. Между окном и правой дверью потаенная дверь. Над ней
висит портрет Артура в мундире. На той же стороне у авансены
богатый туалет, кресла и проч.

ЯВЛЕНИЕ I

К о м а н д о р и с л у г а.

К о м а н д о р (*слуге, отдавая кошелек*). Вот тебе
за твое молчание; получишь еще столько же, если нам
удастся наша затея! Понимаешь?

С л у г а. Понимаю, господин командор!

К о м а н д о р. Сегодня вечером в 9 часов ты будешь у
садовой калитки с двумя человеками... ты должен уда-
лить всех, а этот ключ откроет мне дорогу сюда. Да, прав-
да ли, что племянник не ходит уж чрез потайную дверь?..

С л у г а. Давно уж...

К о м а н д о р. То-то же, чтобы нам не столкнуться.
Теперь мне еще раз надо переговорить с ней. Где она?

С л у г а. В саду.

К о м а н д о р. Ступай же и помни.

Слуга уходит.

Командор. Наконец я могу завладеть моей добычей!.. А! мой любезнейший племянничек! ты считаешь за ничто мои любовные историйки. — А! ты подкладываешь камни под колеса моей кареты в ту минуту, когда я похищаю предмет моей страсти! А! ты становишься на дороге, удерживаешь моих лошадей, чтоб сделаться благородным защитником невинности; ты вырвал ее из моей кареты и запер в этом маленьком доме... Но я старый волокита; в любви для меня всё возможно!.. Притом я тоже добрый дядя... я пришел сюда, как Юпитер к Данае... посредством золотого дождя... И хочу сегодня же похитить твою любезную, потому что завтра ты женишься, сделаешься добрым мужем, и тебе уж некогда будет думать о твоей Марии. Бедная девушка! я должен позаботиться о ее участи!

Слуга (*показываясь в дверях*). Господин командор, я слышу голос моего барина, если он вас увидит здесь, я погиб!.. и вы тоже!.. спрячьтесь поскорее!

Командор. Как! болван!.. чтоб я стал прятаться!.. я!.. Командор!.. чтоб я стал прятаться!..

Слуга. Он поклялся выбросить вас в окно, если когда-нибудь застанет здесь.

Командор. Ах! чорт возьми! ведь это во втором этаже... нужно смириться... (*С гордостью.*) Но я не спрячусь... нет, никогда!.. и к чему прятаться.

Слышен голос маркиза.

Ах!.. (*Он идет в потаенную дверь, оборачивается и говорит.*) В девять часов, а я еще буду здесь ранее.

Я В Л Е Н И Е 2

Маркиз, за ним другой слуга с ящиком.

Маркиз (*отдавая свою шляпу первому слуге, который кладет ее на кресла*). Поставь здесь ящик! (*Второй слуга ставит ящик на туалет.*) Оставьте меня. (*Слуга уходит налево.*) Я не знаю, что делать. Нет возможности долее скрываться. Бедная Мария!— Сколько обмана, лжи и хитрости должен был употребить я, чтоб заставить тебя жить в этом отеле после преступного покушения ко-

мандора... и эти учителя, которых я пригласил для тебя... Чтоб заставить тебя согласиться на их посещения, я сказал, что они присланы моей матерью, которая не хотела дать согласия на наш брак... которая искала случая погубить тебя! Бедная Мария! Ты спокойна! ты ничего не знаешь, а между тем громовая туча готова разразиться над твоею головою! Твое жилище, в котором я скрывал тебя три месяца, — открыто! Я должен покинуть тебя. И если я не соглашусь на этот ненавистный брак, если я сегодня же не обвенчаюсь, тебя вырвут из моих рук навсегда и заключат в монастырь... Нет! лучше я умру! Скорей соглашусь пожертвовать собою расчетам моей матери!

Я В Л Е Н И Е 3

М а р и я, м а р к и з (в задумчивости).

М а р и я (*выходя из комнат с правой стороны, с радостью*). Артур!

М а р к и з (*трепеща*). Мария!

М а р и я. О! как давно я не видала тебя!.. Но, наконец, ты здесь... Скажи мне что-нибудь о наших надеждах... о твоей матери... Когда я увижу ее?

М а р к и з (*с замешательством*). Мою мать?..

М а р и я. Ты говорил с ней — не правда ли, о моих ежедневных успехах? Ты сказал ей, с каким жаром я изучаю в продолжение трех месяцев все эти книги, которые мне приносят от нее! с каким рвением я стараюсь быть достойною того блестящего круга, где живет она и где некогда назовет меня своею дочерью.

М а р к и з. Да, Мария, я говорил ей о твоей твердости, о любви твоей нежной и благородной... и твоих успехах, которым я удивляюсь.

М а р и я. И что ж она?.. что она говорит?..

М а р к и з (*тихим голосом, подходя к туалету*). Вот... она тебе прислала нарядов.

М а р и я (*печально*). Наряды... всегда наряды... Но я бы хотела поскорее видеть ее и также мою мать, с которой я так давно разлучилась! Мне скучно, я бы хотела увидеть мою родину, наши горы... Каждый день я об них думаю.

М а р к и з. Потерпи еще немного.

Музыка из водевиля: «Приключение на искусственных водах»: «Пусть все мужчины злодеи ужасные, но только кроме его».

М а р и я.

В хижину бедную, богом хранимую,
Скоро ль опять возвращусь,
Скоро ли мать расцелую любимую,
С добрым отцом обнимусь!
Бледная, страшная в грезах являлася
Мать моя часто ко мне.
И горячо я с мечтой обнималася,
Будто с родимой, во сне!
Сколько, я думаю, к горю привычная,
Мать моя слез пролила...
Если б отсюда она, горемычная,
Речь мою слышать могла,
Я б закричала ей: пусть не пугается,
Жизнь для меня не страшна.
«Матушка! дочь твоя с горем не знается,
Замуж выходит она!»

М а р к и з (*в сторону*). Замуж! А может быть, сегодня другая... Нет, скорее умру!..

М а р и я (*умоляющим голосом*). Милый Артур!.. ты запретил мне писать к матушке... позволь хоть одну строчку... «Я счастлива»— и больше ни слова.

М а р к и з (*с замешательством*). Погоди немного, милая Мария. Маркиза просила, чтоб всё покрыто было тайною, до нашего брака... чтоб никто не подозревал, что ты живешь в этом доме; от этого зависит наше счастье... а сегодня, ради бога, не выходи на балкон, не показывайся даже у окна.

М а р и я. Как! ты подозреваешь?

М а р к и з. Да, командор злится на неудачу всех своих происков и тайно ищет тебя... Сохрани бог, если он узнает, где живешь ты!

М а р и я. Я повинуюсь, мой друг!.. Я останусь здесь думать о тебе! любоваться твоим портретом!.. чего ж мне больше?.. Ты!.. всегда, везде один ты!.. Разве это не счастье?

М а р к и з. Милая Мария!

М а р и я. Твоя воля разве не закон для меня?.. Но между тем я хочу просить у тебя...

М а р к и з. Чего?

М а р и я. Мимо окон наших так часто ходят бедные; ты отсылаешь их от себя, а я хотела бы помогать им!

особенно моим землякам... Мне их так жаль! Я бы желала даже кого-нибудь из них позвать, расспросить.

М а р к и в. Но...

М а р и я. О! не бойся, они меня не узнают! любовь и твои советы так переменяли мои манеры, мой язык... Кто узнает под этим блестящим нарядом бедную савоярку?.. И если когда-нибудь, при виде горца, слеза выкатится из глаз моих, в то же время милостыня упадет ему на руку... для него это будет слеза сострадания, а для моего сердца счастливое воспоминание.

М а р к и в (*ласково*). Ну что с тобой делать, я согласен... У меня никогда не достаёт твердости отказать тебе в чем-нибудь.

М а р и я. О! как ты добр!

М а р к и в (*с замешательством*). Милая Мария, прощай! до скорого свидания! (*Он идет взять свою шляпу.*)

М а р и я.

Прощай, мой друг! счастливый путь,
Всем сердцем ждать тебя я буду.

М а р к и в.

Прощай, мой друг! и не забудь (*показывая на окно*),
Что я ревнив!

М а р и я.

О, не забуду!
Ты вносишь, счастье мое —
Согласно действовать с тобою.

М а р к и в (*в сторону*).

Решусь на всё! но от нее
Я тайну гибельную скрою. (*Уходит.*)

Я В Л Е Н И Е 4

М а р и я, потом к о м а н д о р.

М а р и я. Милый Артур, как я люблю его!.. с каждым днем более!.. но я не признаюсь ему в том... потому, что боюсь не устоять против его нежных слов!.. они так заманчивы! (*Садится в мечтании к столу; в это время чрез потайную дверь является командор.*)

К о м а н д о р (*в сторону*). Племянник ускакал! (*Подходя и облакачиваясь сзади ее кресел.*) Прелестная Мария!..

М а р и я (*вскрикивая*). Ах! — послушайте, господин командор! как же вы здесь очутились и какое вы имеете право, после всех ваших поступков, явиться ко мне?..

К о м а н д о р. Купидон, Купидон снабдил меня крыльями; вот я и прилетел!

М а р и я. Оставьте ваши шутки... извольте выйти вон... я позову людей!..

К о м а н д о р. О! о! какой тон! — Не горячитесь, миленькая... Я пришел объясниться с вами, может быть, в последний раз. Племянник мой не может так постоянно разоряться на вас; даже самая связь ваша с ним прекратится сегодня... И для чего он отбил вас у меня... я век останусь холостяком... денег всегда я имею больше его — и мы заживем с вами припеваючи.

М а р и я (*гордо*). Замолчите! Вы могли обижать во мне простую савоярку, бедную, необразованную девочку... Но теперь вы обязаны уважать невесту маркиза де Сиври.

К о м а н д о р (*смеясь*). Что? невесту маркиза? ха! ха! ха! Извините, извините... Не могу удержаться от смеха!..

М а р и я. Я не понимаю вас...

К о м а н д о р. Ах! Какой плут племянник! Это он вас уверил в подобных химерах? ха! ха! ха! Это ложь! он никогда на вас не женится, и не может жениться!..

М а р и я. Но сама маркиза согласна...

К о м а н д о р. Она вам это говорила? вы ее видели?

М а р и я. Нет!.. но всё, что вы здесь видите, всё это подарено ею... она сама хочет на-днях ко мне приехать...

К о м а н д о р. Полноте, полноте, душенька... всё это ложь. Сегодня мой племянник должен жениться на Лауре де Бреван, и здесь поблизости совершится свадебный обряд.

М а р и я (*трепеща*). Боже мой! Что вы говорите?.. Нет! нет! я не верю вам! нет, я сейчас напишу к моему Артуру... (*Бежит к столу.*)

К о м а н д о р. А если я докажу вам, что это правда; бросьте племянника... полюбите меня... Я век останусь холостым.

Мария показывает знаки терпения.

Хорошо! хорошо!.. я удалюсь, моя прелестная... через час, много два, вы уверитесь в измене моего племянника... а в девять часов я явлюсь к вам. (*Пока она пишет, он скрывается за потайной дверью.*)

ЯВЛЕНИЕ 5

М а р и я, потом Б е р н а р д.

М а р и я (*принимаясь писать*). Да, нужно, чтоб он оправдался предо мной сейчас же, или я оставлю этот дом.

С л у г а (*входя из двери налево*). Сударыня!

М а р и я. Что нужно?

С л у г а. Господин маркиз приказал докладывать вам о бедных, которые приходят просить подавания, теперь пришел один из них.

М а р и я. Несчастный! На, отдай ему!.. (*Опускает руку в кошелек.*)

С л у г а. Извините, сударыня, я узнал, что он из Савои...

М а р и я. Из Савои? отдай ему весь кошелек.

С л у г а. Ему не нужна милостина. Он говорит, что пришел спросить у маркиза или у вас об одной молодой девушке, которую он давно отыскивает.

М а р и я (*живо*). Пьерро? Это, должно быть, Пьерро! Пускай войдет скорее...

Слуга уходит.

Мой добрый Пьерро!.. он отнесет мое письмо. Поможет мне убежать из этого дома, если Артур... Идут! Я слышу его шаги. (*Она бросается к дверям и встречается лицом к лицу с своим отцом, который кланяется, держа в руке шляпу; в сторону.*) О небо! Мой отец!.. (*Падает в кресла.*) Я не смею ничего сказать и никогда не скажу ему.

Б е р н а р д (*тихо*). Простите бедному старику, прекрасная дама! Слуга сжалился над моими слезами и сказал мне у маркизы, что я здесь найду ее сына... Я прошу извинения, что беспокоил вас.

М а р и я (*в сторону*). Мой отец! как он слаб! Как он, должно быть, страдает! Боже мой! быть может, бедность!..

Б е р н а р д. Вы, без сомнения, его супруга! Вы попросите его за меня, не правда ли? и бог наградит вас!

М а р и я (*робко*). А чего ты хочешь просить у маркиза?

Б е р н а р д. Его протекции и помощи, чтоб найти мою дочь. Я в Париже совершенно один и очень беден!

М а р и я. Беден!.. Ах! (*Она отдает ему свой кошелек.*) Возьми!

Б е р н а р д. Да, золото! оно нужно, чтоб прожить в Париже... А я так давно ищущу моей дочери (*утирает глаза платком*), моей бедной Марии, о которой я не получал никакого известия в продолжение трех месяцев! Да, да! Только для этого я принимаю милостину. (*Целует ее руку.*) Потому что, знаете ли, что сказали о ней в нашей стороне... (*Одушевляясь.*) Сказали, что она обесчещена, что она любовница какого-то знатного господина!

М а р и я (*в сторону*). Боже мой!

Б е р н а р д (*одушевляясь*). Я должен ее возвратить в мой дом столь же добродетельною, как она вышла оттуда... Видите, как я уверен, что она не потеряла своей чести! Я хочу привести ее в наши горы в том же бедном платье...

М а р и я (*смотря на туалет*). Боже мой! боже мой!

Б е р н а р д. Чтоб доказать, что золото, которое она нам присылала, не было плодом ее бесчестья.

М а р и я (*живо*). О нет, нет!

Б е р н а р д. Чтоб доказать, что мы, не краснея, могли пользоваться ее золотом, которое она доставала честным трудом для поддержания жизни своей больной матери...

М а р и я (*в сторону*). Больной!

Б е р н а р д. Наконец я должен возвратить ее на родину для того, чтоб она была утешением моей бедной жены... если еще не поздно... или чтоб она оплакала ее, если мы уже не застанем ее живою... (*Плачет.*)

М а р и я (*забываясь*). Что я слышу!

Б е р н а р д. Вот уже восемь дней, как она при последнем издыхании...

М а р и я. Она при последнем издыхании! Мать моя!

Б е р н а р д (*поднимая голову*). О небо! этот голос! Эти черты!..

М а р и я (*на коленях*). Да, это я, батюшка! Это Мария!.. ваша дочь, которую вы ищете!

Б е р н а р д (*которого голос усиливается*). Мария в этом доме! одетая так великолепно!.. Мария!..

Молчание.

Неправда! Вы лжете! Вы не Мария, вы не дочь моя!

М а р и я. Батюшка! выслушайте меня! я невинна!

Берн ар д (*громовым голосом*). Вы лжете, я вам говорю! Та, которую я ищу здесь, девушка бедная, но благородная и непорочная. Вы не дочь моя... Моя дочь не может жить в отеле этого маркиза... моя дочь не может иметь слуг и карету... моя дочь не может подавать милостину своему отцу... (*Бросает кошелек.*)

Ма р и я. О! простите, простите! но я...

Берн ар д. Вы?.. Я вам скажу, кто вы... Вы не больше, как любовница знатного господина... Вы — убийца вашей матери! Потому что, когда я возвращусь один, без нашей дочери, и когда жена спросит меня: «Где Мария?» — я должен буду отвечать ей: «Мария умерла!» — Это убьет ее... слышите ли вы, это убьет ее!

Ма р и я. Батюшка!

Берн ар д. Нет! нет! ты не дочь моя... у меня нет больше дочери!.. (*Он отталкивает Марию и быстро уходит.*)

Я В Л Е Н И Е 6

Ма р и я (*одна лежит на полу. Музыка играет ригурнель*).

Всё, всё мне в жизни изменило!
Изменой всё отравлено...
Как сердце пламенно любило
И разлюбить теперь должно.
Хоть я была от вас далеко,
Не изменилась я душой.
За что ж, отец мой, так жестоко
Ты поругался надо мной,
Над беззащитной сиротой!

Я В Л Е Н И Е 7

Ма р и я и П ь е р р о.

П ь е р р о. Марию... мне нужно видеть Марию и сейчас же говорить с нею. — Мария! Вам должно сегодня же оставить этот дом и следовать за мною.

Ма р и я (*сидящая в положении глубокого отчаяния*).
Никогда! мой отец нашел меня здесь и назвал преступною... но Артур поклялся жениться на мне, и я пойду отсюда только в церковь. Когда я сделаюсь его женой, мой отец поверит мне, и я буду оправдана.

П ь е р р о (*с твердостью*). Но если вас обманул этот маркиз?

М а р и я *(холодно)*. Обманул?.. он?.. Артур?.. Нет, это невозможно!

П ь е р р о. Послушайте... сегодня в полдень должен был совершиться какой-то брак... не знаю, почему его замедлили, но и теперь еще множество знатных господ ожидают в церкви жениха и невесты.

М а р и я *(холодно)*. Ну что ж?

П ь е р р о. А вот что! Брак, который должен был совершиться утром, совершится вечером в приходе св. Лаврентия.

М а р и я *(холодно)*. Потом?

П ь е р р о. Мы принадлежим к тому же приходу... церковь можно увидеть отсюда, если открыть это окошко.

М а р и я *(припрыгивая и начиная приходить в себя)*. Это окошко? *(Идет.)* А! я понимаю! он запретил мне смотреть в него! *(Слышит звон колоколов.)* А! эти колокола...

П ь е р р о. Эти колокола, Мария, возвещают о браке девицы Лауры де Бреван с маркизом Артуром де Сиври.

М а р и я. Артур! Артур женится?.. Нет, нет! Этого не может быть! *(Подбегает к окну и открывает его.)* Кареты... народ... при слабом свете факелов я различаю... да, цветы... везде цветы... А! невеста!.. потом... молодой человек... он подает ей руку.. оборачивает голову... смотрит в эту сторону... Ах!.. *(Мария выпускает пронзительный крик и с ужасом отскакивает от окна, во взоре ее заметны признаки безумия.)*

П ь е р р о. Ну что, Мария?.. Правду ли я вам сказал?.. Ваш Артур ...

М а р и я. Артур! *(Она дико блуждает глазами, потом, приметя портрет, приближается к нему.)* Он не оставил меня... *(Показывая на портрет.)* Смотрите! вот он!..

П ь е р р о. Что она говорит? Как она смотрит на меня! Боже! не помешалась ли она?.. Чу! какой-то шорох, шум... *(Подбегает к окну, выходящему в сад.)* Господи! что я вижу? у стены сада три человека тихо разговаривают между собою! Не новое ли покушение? не новый ли бесчестный замысел?

В продолжение этого времени Мария переходит на правую сторону. Мария! они идут! слышите ли вы?.. *(Затворяет окно.)*

М а р и я. Да, он идет за мной... он хочет представить меня своей матери.

П ь е р р о. Ах! она помешалась!.. Мария! ради бога! убежим!

М а р и я (*улыбаясь*). Чудесный бал!.. (*Кланяется*.) Да зачем же здесь нет Артура?.. без него мне страшно! (*С радостью*.)

Вот, наконец, он... один его взгляд
В сердце вливает мне море отград!
Милый, что долго так не приходил?
Ты меня, бедную, чуть не убил!..
Рядом с пим дама... прекрасна, стройна...
Как я в сравнении с нею бледна!..
Кто ж она, кто?.. Мне один ее взгляд
В сердце вливает мертвительный яд!

(*Говорит*.) О небо! он берет ее руку... он тихо говорит с нею... (*Быстро идет по сцене*.) Артур! Ведь это я... что он сказал?.. «завтра».

Завтра... Да, завтра... умру я с тоски...
Злые придут за мной завтра враги...

Пьерро приближается.

Прочь!.. не пойду! не пойду! не пойду!
Здесь близ него я всю жизнь проведу!

(*Она падает на кресла, которые находятся близ окна направо*.)

П ь е р р о. Я слышу их разговор... голос командора... Что, если они воспользуются ее безумием? Нет никакого средства увести ее отсюда?.. Мария! Мария!

Мария машинально напевает на голос прощальной песни Магдалины: «Тра-ла-ла, тра-ла-ла!»

П ь е р р о. А! это вдохновение самого неба!.. Да, да, попробую! (*Быстро убегая*.)

М а р и я (*к портрету*). Ах!.. опять ты!.. Всегда со мной!.. Не правда ли, Артур? (*Слышны звуки лютни, наигрывающей на голос прощальной песни Магдалины. Мария слушает, улыбаясь, потом, когда звуки слышатся ближе, хочет идти и говорит с восторгом*.) О, не удаляйся! не удаляйся!.. Со мной... с ним... О!.. останься! останься! В эту минуту слышен снова звон колоколов, лютня также продолжает играть.

Опять колокола!.. А, я понимаю! Это предсмертные стенания моей матери!.. (*К портрету.*) Артур! Артур! мать моя умирает!.. Мать моя ждет меня!.. (*Она быстро уходит.*)

ЯВЛЕНИЕ 8

Командор (*тайно входит из потаенной двери*). На этот раз, моя милая, ты не уйдешь от меня... Племянник предупредил меня... Ничего!.. лучше поздно, чем никогда!

Занавес опускается

ДЕЙСТВИЕ ПЯТОЕ

РАЗВЯЗКА

Театр представляет обширный деревенский сарай, уставленный столами, лавками и скамейками. Он совершенно открыт в середине, через которую видно долина Шамуни. Холм в двух направлениях идет слева направо и справа налево. На первом плане налево дверь, ведущая во внутренность хижины Бернарда.

ЯВЛЕНИЕ 1

Жако, Шарло, Эрбо, Фаншета, Бернард (последний сидит наперед сцены. Савояры вокруг столов).

Хор савояров.

Вот мы на родине!— Вот и опять
Бог нам деревню привел увидеть!
Ах! как приятно вернуться домой
После прогулки далекой такой!

Эрбо. Ну, что ж, дети мои, довольны ли вы? Бог благословил ваши труды... вот вы снова здесь.

Савояры. Да, мы очень счастливы.

Жако. Нам сказали, что мы найдем вас у дедушки Бернарда.— Вот мы и пришли сюда сказать вам наше первое «здравствуйте» и первую рюмку вина выпить за ваше здоровье.

Все (*пьют*). За ваше здоровье!

Эрбо. Благодарю вас, дети мои! каково-то вы работали в Париже? Сколько ты выработал, Жако?

Ж а к о. Сто ефимков.

Э р б о. Так много!.. каким образом?

Ж а к о. Видите... Я скоро смекнул, в чем дело... бывало, в Париже назовешь кого-нибудь полковником, если он на это не обратит внимания, я запищу ему: господин командор, генерал, маршал... О, мне это ничего не стоило!.. Однажды какой-то толстяк дал мне пять франков за то, что я сказал ему: «Ваша светлость»!

Э р б о. А кто он был в самом деле?

Ж а к о. Он?.. свечной фабрикант!

Э р б о (*смеясь*). Лъстец! А ты, Фаншета?

Ф а н ш е т а. Я выработала только сто тридцать франков... я ошиблась и выбрала очень невыгодное занятие.

Э р б о. Какое?

Ж а к о. Она была разносчицей. И бог знает о чем беспрестанно плакала, в Париже терпеть не могут плаксивых рож.

Э р б о. А ты, Шарло?

Ш а р л о. Я зашиб четыреста франков.

Э р б о. Четыреста франков! в такое короткое время! ведь ты, кажется, уехал после всех?

Ж а к о.. Так, да у него было знатное ремесло!

Э р б о. Какое же?

Ж а к о. У него был беленький кролик, которого он научил драться... в Париже такие штуки в ходу.

Э р б о. Я счастлив вашим счастьем, друзья мои, жаль только, что вы не все еще возвратились!.. (*Подходит к Бернарду.*) А что наша милая Мария?.. Вы сказали Магдалине, что она скоро возвратится.

Б е р н а р д (*вставая с мрачным видом*). Она никогда не возвратится!

Э р б о. Что вы говорите?

Б е р н а р д. Я должен был подать хоть какую-нибудь надежду Магдалине; я бы убил ее, если б сказал правду.

Э р б о. Как? что такое!

Б е р н а р д. Я бы убил ее словами: «У нас нет более дочери!» Мария погибла, она обесславлена!

Э р б о. Мария!

Б е р н а р д. Тише!.. Магдалина!.. (*Он подходит к ней. Все савояры встают.*)

Я В Л Е Н И Е 2

Т е ж е, М а г д а л и н а (которая вышла из хижны с левой стороны).

Б е р н а р д (*поддерживая, ведет Магдалину*). Зачем ты встала, Магдалина? Это тебе может повредить!

М а г д а л и н а. Ничего. Мне легче... Я предполагала, что сегодня возвратятся наши савояры, и с радостью вспомнила, что скоро приедет и Мария... Я еще не увижу ее, но по крайней мере прикоснусь к рукам тех, которые касались ее руки... Я не увижу ее, но услышу рассказы о ней...

Э р б о (*в сторону*). Бедная мать!

Б е р н а р д (*в сторону, отирая слезы*). Она не знает еще о нашем несчастье.

М а г д а л и н а (*подзывает знаками к себе Жако*). Жако, ты видел ее, не правда ли?

Ж а к о (*приближаясь*). Кого?

М а г д а л и н а. Мою милую Марию.

Ж а к о. Марию... я?.. (*Бернард делает ему знак с замешательством*.) Да... нет...

Б е р н а р д (*в сторону*). Дурак! (*Громко и с живостью*.) Ты ведь знаешь, Магдалина, что Мария не жила с ними... У нее была своя особая квартира.

М а г д а л и н а. Знаю, знаю... Она для того это сделала, чтоб не иметь перед глазами дурных примеров.

Б е р н а р д (*в сторону*). Да, именно для того! она прекрасно воспользовалась своею предусмотрительностью!

М а г д а л и н а (*подходя к Фаншете*). Ну, а ты, Фаншета... ты часто ее видела?

Ф а н ш е т а (*смотря на Эрбо и Бернарда*). Я?.. очень часто.

М а г д а л и н а. Ну что ж она — весела, счастлива?

Ф а н ш е т а. Да, она счастлива тем, что могла послать что-нибудь в деревню. Она всегда была довольна собой в тот день, когда после трудов могла сказать самой себе: «вот еще немного денег, которые я могу послать матушке».

М а г д а л и н а (*отирая слезы*). Она так говорила!

(Обнимая Фаншету.) Ты добрая девушка, Фаншета; я люблю тебя! ты будешь часто ходить ко мне, не правда ли?

Фаншета. С удовольствием.

Эрбо (которому Бернард делает знаки). Вам пора успокоиться, Магдалина.

Бернард. Да, пооди, Магдалина. Тебе нужно спокойствие.

Магдалина. Но мне бы хотелось знать все новости о моей милой Марии. (Она уходит вместе с Бернардом и Эрбо.)

Жако. И нам пора. (Повторяют первый хор и уходят.)

Я В Л Е Н И Е 3

М а р и я и П ь е р р о .

Сцена на минуту остается пустою; потом показывается Пьерро с левой стороны, на высоте горы; сходит печально до второго поворота, смотрит в сторону, откуда пришел, идет ли за ним Мария, и выражает паптомимою, что видит ее остановившеюся вдаль. Он берет свою лютню и паиграет арию на голос прощальной песни Магдалины. Мария показывается, она приближается неровными шагами с поникшей головой, по звукам арии, она сходит с горы. Когда Мария входит на авансцену, Пьерро перестает играть. Мария утомленная падает на скамейку.

Пьерро (сидя на левую сторону). Наконец мы прошли двести лье! каждое утро, когда мы должны были идти вперед, глаза ее невольно возвращались назад, к Парижу. Я спешил поразить ее слух теми звуками, которые она в своем безумии называет голосом своей матери... И она шла за мной. Путешественники время от времени давали хлеба бедной безумной, с каждым днем трудности увеличивались, каждый день я говорил себе: «Не унывай, мой бедный Пьерро, на небе есть бог, который смотрит на тебя, а на земле мать, которая ждет тебя...» Ее мать!.. (Отчаянно.) Она там! О, боже мой! боже мой! Как ей сказать об этом несчастье.

Мария (машинально). Я с ним засыпаю и с ним пробуждаюсь, им дышу.

Пьерро. Что она говорит? Мария, бедная Мария!
Мария. Кто зовет меня?

Пьерро. Я, Пьерро, твой друг.

ЯВЛЕНИЕ 4

Те же, Бернард.

Б е р н а р д. Да, оставим ей хоть небольшую надежду, которой я уже совершенно не имею. (*Оборачиваясь и увидя Пьерро.*) Кого я вижу?.. Пьерро!.. И с ним... О! боже мой, лицо ее бледно! глаза ее безумны...

П ь е р р о. Вы не ошиблись, Бернард; это бедная безумная, которую я к вам привел.

Б е р н а р д. Безумная! безумная за то, что была преступна!

П ь е р р о (*с усилием*). Преступна! что он сказал? Преступна! Это неправда, слышите ли вы, это неправда!

Б е р н а р д. Что ты говоришь?

П ь е р р о (*так же*). Если б Мария была преступна, она не возвратилась бы из Парижа на родину, я не прошел бы с ней двести лье, чтоб привести к умирающей матери больную дочь! слышите ли вы, Бернард, вы оклеветали родную дочь! (*Плачет.*)

Б е р н а р д (*с радостью*). Возможно ли? честь моей Марии, моей бедной дочери, не посрамлена! Мария достойна нас!.. Но расскажи нам, мой друг Пьерро...

П ь е р р о (*грубо*). Сперва нужно позаботиться о ней... после вы всё узнаете. (*Он подходит к Марии.*)

Б е р н а р д. А ее мать... великий боже!.. ее мать!.. если она увидит ее в таком положении. Если б я попробовал поговорить с нею.

П ь е р р о. Нет, погодите... Сперва я... Мария!

М а р и я. Мария!

П ь е р р о. Это я — Пьерро!.. Вы знаете Пьерро?

М а р и я. Пьерро! Ах! итти, снова итти! (*Она встает и опять садится, почти упавая.*) О, как я много страдаю!

Б е р н а р д. Бедная дочь моя!

П ь е р р о. Нет, Мария, нет! Нам не нужно больше итти... мы уже пришли.

М а р и я. Пришли?

П ь е р р о. Да, посмотрите: вот деревня... Вы узнаете эту деревню?

М а р и я (*смотря вокруг себя, поднимается и идет в глубину театра*). Деревня! Ах, да, да! деревня! как здесь хорошо!

Б е р н а р д. Есть надежда!

М а р и я. Деревня, хижина!.. нужно ехать... итти туда, в Париж.

Б е р н а р д. Опять!

М а р и я. Да, мне нужно итти. Прощайте, прощайте. *(Она делает несколько шагов и останавливается.)* Но мне нужно, нужно, чтоб кто-нибудь меня предостерегал... чтоб я не верила, когда мне скажет он: «Я люблю тебя!»— чтоб оттолкнуть его, когда он будет лежать у ног моих.

Играют арию.

Это талисман, талисман, которым благословила меня мать... *(С радостью.)* Да, да... это он!.. *(Бросаясь на колени, она поет.)*

Работай больше и чествей,
Молись... с молитвой грусть забудешь.
И думай ипогда о...

(Она припоминает.)

И думай... и думай...

(Останавливается и опускает голову. Бернард и Пьерро в отчаянии.)

Я В Л Е Н И Е 5

Т е ж е, М а г д а л и н а, Э р б о.

Они являются на пороге двери в то время, когда Мария поет. Эрбо старается удержать Магдалину, но она дрожащими шагами приближается к Марии, стоящей на коленях, кладет ей руки на голову и продолжает петь.

М а г д а л и н а.

И думай ипогда о матери твоей!
За это счастлива ты будешь...

Ее голос поражает Марию, она мало-помалу поднимается, смотрит на Магдалину, хочет говорить, но из груди ее вырываются только крики, задушаемые рыданиями. Она протягивает руки к Магдалине.

М а р и я. Матушка! матушка! *(Она падает почти без чувств на грудь матери.)*

П ь е р р о и Б е р н а р д. Спасена! спасена!

М а г д а л и н а *(с радостью)*. Ах! она меня узнала!.. О, вы не знаете, какое влияние может иметь мать на свою дочь!

Мария приходит в себя, все окружают ее.

Э р б о. Погодите!

П ь е р р о. Она открывает глаза!

М а р и я. Матушка!.. она жива... жива!.. так это был сон?

В с е. Да, да, Мария! это был сон!

М а р и я (*смотря в лицо своему отцу*). А!.. батюшка! батюшка! И ты жив!.. (*Улыбаясь.*) О, как ты страшен был в этом сне!

Б е р н а р д (*в сторону*). Боже мой! благодарю тебя! дочь моя не отталкивает меня!

М а р и я. И Пьерро... и господин Эрбо... Вы все здесь... А он... Арт... (*С ужасом.*) Нет, не Артур... Андре!.. Андре!..

В с е. Андре!

М а р и я. Я его тоже увижу, когда пойду в горы... Не правда ли?

В с е. Что она говорит?

М а р к и з (*снаружи*). Мария!.. милая Мария!

М а р и я. Этот голос... оставьте меня!.. это он!.. он! я вам говорю... Я увижу его... Андре!

Б е р н а р д. Всё погибло!

Я В Л Е Н И Е 6

Те же, командор, маркиз де Сиври.

К о м а н д о р (*выходя с левой стороны*). Здесь, здесь!

М а р к и з. Мария! Мария!

М а р и я. Андре!.. (*Увидя его богатый наряд, она отходит и говорит с отчаянием.*) Артур!.. О, так это не сон! (*Скрывает свое лицо на груди матери.*)

М а р к и з. Да, Мария! Это Артур!.. но Артур навсегда свободный! твой на всю жизнь!.. Этот ненавистный брак не состоялся!.. И теперь, когда матушка моя умерла, я, наконец, твой... О, прости меня за твои слезы и страдания... Будь моей женой, Мария! моей женой!

В с е. Его женой!

М а р и я. Артур! Артур!.. Это он... а я... невеста его... О, как я счастлива!.. Боже мой! как я счастлива! (*Бросается в объятия Артура.*)

К о м а н д о р. И меня простите, прелестная Мария... Я хоть и волокита, но добрый дядя моего племянника... ведь я расстроил его свадьбу и сам женюсь на его невесте!

**КОЛЬЦО МАРКИЗЫ,
ИЛИ
НОЧЬ В ХЛОПОТАХ**

Водевиль в одном действии

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Маркиз де Люси.

Маркиза Гортензия, его жена.

Мариетта, горничная маркизы.

Виконт Альфред, кавалерийский офицер.

Руже, садовник.

Пикар, слуга.

Действие происходит в Фонтенбло, на даче маркиза.

Театр представляет зал времен Людовика XV. Слева комнаты маркизы, направо комнаты маркиза и дверь в комнату Мариетты. Открытое окно, выходящее в сад; в окно видна верхняя часть приставленной к нему лестницы.

Я В Л Е Н И Е 1

П и к а р, потом М а р и е т т а.

При поднятии занавеса на сцене пусто и темно. П и к а р приносит два подсвечника с восковыми свечами и ставит их на столик под зеркалом.

М а р и е т т а (*в комнате налево*). Это ты, Пикар?

П и к а р. Да, я принес огня.

М а р и е т т а. Барыня еще в саду?

П и к а р (*подходя к окну*). Да... она прогуливается со своим кузеном.

М а р и е т т а. А!

П и к а р (*смотря за окном*). Ба! что ты там делаешь? разве можно подрезывать деревья в девять часов, при свете луны?

Р у ж е (*из сада*). Делаю, что нужно... и не прошу мне указывать.

П и к а р. По крайней мере, отодвинь лестницу. Что ты прислонил ее к самому окошку?

Р у ж е. Отодвину, когда будет нужно.

П и к а р. Какой сердитый человек!

М а р и е т т а. Кто? Руже?.. не правда ли?.. О, переменится, когда будет моим мужем!

Пикар. Едва ли!.. Вы ничего мне не прикажете?

Мариетта. Нет... я сама жду приказаний барыни.

Пикар. Она еще и не думает одеваться. А уж пора! В Фонтенбло беспрестанно приезжают кареты с знатными господами, все они разодеты так пышно... там сегодня придворный бал.

Мариетта. Маркиза не поедет туда; ей не с кем ехать, маркиз в Париже.

Пикар. Я думал, что она поедет с виконтом.

Мариетта. О! Маркиза не ездит на балы ни с кем, кроме мужа!

Пикар. Стало быть, во мне надобности не будет?

Мариетта. Да.

Пикар. Поужинаю и лягу спать! Добрый вечер!

Мариетта. Прощай!

Пикар уходит.

ЯВЛЕНИЕ 2

Мариетта (*одна рассматривает свою работу*).
Надеюсь, что Руже будет доволен... галстук прелестный... и я сама его шила!.. (*Вздыхая.*) Мой жених не так хорош собой... но в муже, говорят, недостаток красоты ничего не значит... Притом маркиза хочет, чтоб я вышла замуж, и обещала устроить нашу будущность... она так добра ко мне... Да кончится ли у них сегодня эта прогулка? (*Она подходит к окну.*) Опять вместе!.. гм!.. Эти продолжительные прогулки, томные взоры, полуслова... О, я понимаю, что они значат... нехотя понимаю... такие вещи девушки чрезвычайно хорошо понимают... хоть никто их не учит. (*Отходит от окна.*)

Не долго нас незнанье мучит;
Чуть закипит огонь в крови,
Сейчас же сердце нас научит
Всем тайнам языка любви.
Не верьте, если уверяем,
Что не понять нам слов иных,
А сами взоры потупляем,
Краснеем при намеках злых.
Притворство явно и безбожно!
Зачем бы взоры потуплять?
Того стыдиться невозможно,
Что невозможно понимать!

Нам всё понятно чрезвычайно,
И существует под луной
В шестнадцать лет одна лишь тайна...
А иногда — и ни одной!..

Ах! зачем Руже не так хорош, как виконт Альфред?.. или зачем я не маркиза? Тогда, может быть, я вышла бы за хорошенького офицера.

Я В Л Е Н И Е 3

Руже и Мариетта.

Руже (*на лестнице*). Славно!.. очень хорошо!.. братец с сестрицей не расстаются!.. Я чрезвычайно доволен... А! Господин маркиз, вы говорите, что я дурен собой, рыж, как старая крыса... Вы говорите, что, когда я жепюсь, то буду иметь неприятности, как внутренние, так и внешние... Тем лучше, участь моя будет одинакова с вашею, — а ведь вы, маркиз, богач, брюнет!.. У вас волосы, как у вороной лошади! всё пойдет как по маслу.

Мариетта (*услыша последние слова*). Что такое, Руже?.. что пойдет по маслу?.. а? да отвечай же!..

Руже. Ничего... ничего... дело касается собственно до меня.

Мариетта. Верно, еще какие-нибудь проказы. Правду ли говорят, что ты зол, как...

Руже (*прыгает через окно в комнату*). Ну, ну!.. зол, как... скажи... я не рассержусь... О! никакое твое слово, никакое ругательство не рассердит меня! Назови меня свиньей, кротом, бараном, каким хочешь скотом назови, я всё снесу от тебя, моя невеста, моя жена! Да, жена! завтра наша свадьба! (*С жаром.*) Мариетта... завтра наша свадьба! и...

Мариетта. Завтра?.. боже мой!.. зачем так спешить?

Руже. Зачем спешить?.. Она еще спрашивает! прошу покорно! Я спешу по двум причинам... во-первых, потому...

Мариетта. Руже... (*Опускает глазки.*)

Руже. Краснеть и опускать глазки тут не для чего... я не скажу ничего неприятного... Притом в наших обстоятельствах можно позволить себе...

Мариетта (*ударяя его по рукам*). Ничего нельзя позволить!

Р у ж е. Во-вторых... Маркиз уж два месяца как уехал и, вероятно, скоро воротится, а мне хочется сыграть нашу свадьбу до его приезда.

М а р и е т т а. Почему?

Р у ж е. Он, пожалуй, расстроит нашу свадьбу... из сострадания ко мне... ха! ха! ха! В глазах его будет такой печальный пример... *(Он подходит к окну.)* Какая умиленная картина... я в восхищении!.. Чем предсказывать другим подобные вещи, вам, господин маркиз, лучше было бы подумать о себе... А вы понадеялись на свои черные волосы... Ха! ха! ха! Вот вам, черные волосы!..

М а р и е т т а *(в сторону)*. Что он говорит? Неужели он во мне сомневается?

Р у ж е *(отходя от окна)*. Ах, да! я забыл самое главное. *(Шарит в кармане.)*

М а р и е т т а. Что такое?

Р у ж е. Вот первое звено наших супружеских уз... кольцо... в подарок моей милой невесте, моей Мариетте.

М а р и е т т а *(рассматривая кольцо)*. Руже... Мариетта...

Р у ж е. И два пылающие сердца...

М а р и е т т а. Прелесть!

Р у ж е. Кто? я прелесть?

М а р и е т т а. Нет, кольцо.

Р у ж е. Кольцо!.. Я думаю! его не стыдно носить хоть какой знатной госпоже; такое точно есть у маркизы.

М а р и е т т а *(надевая кольцо на палец)*. Ах! как чудесно!.. *(Взяв и показывая галстук.)* Я тоже готовлю тебе подарок.

Р у ж е. Мне?.. ты?.. галстук! О, я задохнусь от восхищения!

М а р и е т т а. Завтра он будет готов...

Р у ж е. Тише!..

М а р и е т т а. Что такое?

Р у ж е *(показывая на сердце)*. Приложи твое ушко сюда.

М а р и е т т а *(наклоняясь)*. Ну что ж?

Р у ж е. Слышишь? сердце бьется, как подстреленный воробей... *(Он обнимает ее.)* Вот какое восхитительное биение произвела ты во мне, Мариетта... А мне предсказывал маркиз, что ты меня бить будешь!.. неужели это правда?..

Мариетта (*с живостью*). Тише!.. Маркиза! (*Она переходит сцену.*)

Я В Л Е Н И Е 4

Те же, Гортензия и Альфред.

Гортензия. Нет, Альфред, вы напрасно тратите ваши убеждения.

Руже (*в сторону*). Он, кажется, об чем-то просит ее!

Гортензия. То, чего вы требуете от меня — невозможно!

Руже (*в сторону*). О! если только невозможно!

Гортензия (*увидя Мариетту*). А! Мариетта... ты здесь... нет ли писем из Парижа?

Мариетта. Нет, сударыня.

Гортензия (*печально*). Ах! (*Мариетте.*) Оставьте нас.

Мариетта уходит и за нею уходит Руже.

Я В Л Е Н И Е 5

Гортензия и Альфред.

Гортензия. В восемь дней не написать ни одной строчки!

Альфред. Такая невнимательность непростительна, но она не удивляет меня... Маркиз — человек неблагодарный.

Гортензия. Я не могу... не хочу этому верить.

Альфред. Право, милая кузина, я не понимаю вас... как можно отказаться от такого невинного удовольствия!

Гортензия. Я отказываюсь!

Альфред. Бал будет блестящий.

Гортензия. Знаю.

Альфред. При дворе давно не было такого бала.

Гортензия. Не раздражайте моего любопытства! Я не могу быть сегодня на бале, каков бы он ни был!

Альфред. Отчего? Я не вижу никакой причины!.. Позовите вашу горничную и велите подать одеться... я покуда схожу домой и через четверть часа буду ожидать вас у двери парка со своей каретой.

Гортензия. Нет... нет и нет!

Альфред. Вы меня убиваете!

Гортензия. А мой муж... Что он скажет? Он такой ревнивец! что он скажет, если узнает, что в его отсутствие, без его позволения...

Альфред. Он сам виноват: обещал быть с вами на сегодняшнем бале... зачем же не сдержал слова? за это стоит его наказать.

Гортензия. Да, конечно... Но я уверена, что маркиз замешкался в Париже по делам своего полка, иначе он был бы теперь непременно здесь.

Альфред. Вы так думаете?

Гортензия. Нет никакого повода сомневаться.

Нам узы брачные не скучны.
Маркиз внимателен и мил.
Когда мы были неразлучны,
Всё о любви мне говорил.
Теперь, с тех пор как мы не вместе,
Он то же в письмах говорит.
И — я ручаюсь — по приезде
На деле то же подтвердит!

Альфред. Счастливая уверенность! Мечта обманчивая, но утешительная!

Гортензия (*с беспокойством*). Мечта? Что вы хотите сказать?

Альфред. О! ничего... Вы мне не поверите.

Гортензия. Вы мучаете меня своими намеками... Разве нельзя сказать прямо?.. Ну! говорите, что вы знаете?

Альфред. Я получил письмо...

Гортензия. Письмо?

Альфред. От Октавия, моего приятеля, офицера, живущего в Париже.

Гортензия. Что ж он пишет вам?

Альфред. Глупости!

Гортензия. Говорите же!

Альфред. Он пишет, что дела полковника не так важны, как он говорил... и что в то время, как вы умираете от скуки в Фонтенбло, ваш любезный маркиз...

Гортензия (*в сторону*). Он меня обманывает? О... Так вам очень хочется, чтоб я была на бале?.. Ну что ж! а вы покажете мне письмо?

А л ь ф р е д. А вы поедете?

Г о р т е н з и я. Может быть!

А л ь ф р е д. Но...

Г о р т е н з и я. Письмо, сударь, письмо...

А л ь ф р е д. Вот оно... вы видите? из Парижа!

Г о р т е н з и я (*задумчиво*). Из Парижа!

А л ь ф р е д (*в сторону*). Мой камердинер третьего дня подал его на почту.

Г о р т е н з и я. Боже мой!.. я вся дрожу!..

А л ь ф р е д. Бросьте, милая кузина, не читайте!

Г о р т е н з и я. О! неизвестность теперь для меня гораздо мучительнее. (*Читая*.) «Мой любезный Альфред»...

А л ь ф р е д. Подальше... внизу страницы...

Г о р т е н з и я (*читая*). «Восемь дней назад я писал тебе, что твой почтенный кузен, полковник де Люси...» А, так ваш друг писал вам и прежде?..

А л ь ф р е д. Несколько раз. Но я не говорил вам...

Г о р т е н з и я (*продолжая читать*). «...де Люси, наконец, покорился победоносным взорам прелестной баронессы... Она, гордая своей победой, везде является со своим пленником, прикованным к торжественной колеснице... Вчера еще на бале, в опере...» (*Движение ревности*.) А!..

А л ь ф р е д (*взявши от нее письмо*). Довольно... довольно, кузина.

Г о р т е н з и я (*сама с собой*). Так вот в чем заключается множество дел, которыми он занят! Так вот за какой работой он просиживает целые ночи! И я ему верила!.. (*Звонит*.)

А л ь ф р е д (*в сторону*.) Я торжествую!

Г о р т е н з и я.

Он жизнь ведет в пирах, неблагодарный!

А я одна здесь плачу и грущу!

Но дорог вам постунок ваш коварный,

Его, маркиз, вовек я не прошу!

В такую он придется вам монету,

Какой ничем потом не искупить.

А л ь ф р е д (*в сторону*).

О, боже мой! я отдал бы полсвета,

Чтоб эту мне монету получить!..

Она звонит довольно долго, с нетерпением.

Я В Л Е Н И Е 6

Т е ж е, М а р и е т т а, п о т о м Р у ж е.

М а р и е т т а (*вбегая*). Что вам угодно, сударыня?

Г о р т е н з и я. Скорей, Мариетта, приготовь мне домино и приходи в мою комнату одеть меня.

М а р и е т т а. Вы изволите ехать на бал?

Г о р т е н з и я. Да.

М а р и е т т а. С маркизом?

Г о р т е н з и я. Да иди же.

М а р и е т т а (*в сторону*). На бал... с Альфредом!
(*Она уходит налево.*)

Г о р т е н з и я (*Альфреду*). Ваша тетушка и сестрица поедут с нами?

А л ь ф р е д. Без сомнения!.. Теперь вы восхитительны!.. (*Он целует ей руку.*)

Р у ж е (*появляясь наверху лестницы*). А!..

А л ь ф р е д. Что?

Р у ж е. Маркиза звонить изволила?

А л ь ф р е д (*оборачиваясь*). Что такое?

Г о р т е н з и я. Ты зачем?.. Что ты там делаешь?

Р у ж е. Я хотел отставить лестницу и вдруг услышал колокольчик... деринь-динь-динь-деринь... Звонили так шибко... я думал, что-нибудь очень нужно... вот и пришел поскорее.

Г о р т е н з и я. Хорошо... ступай, ты мне не нужен.
(*Альфреду.*) Не заставляйте ждать себя.

А л ь ф р е д. Я явлюсь сюда через десять минут.

Р у ж е (*хочет сойти*). А! свидание!

Г о р т е н з и я.

А л ь ф р е д. Не замешкайтесь напрасно,
 Возвратитесь в пять минут!
 Маскарад и бал прекрасный
 При дворе нас нынче ждут.

 Не замешкаюсь напрасно,
 Возвращуся в пять минут!
 Маскарад и бал прекрасный,
 При дворе нас нынче ждут!

} *Вместе.*

Гортензия уходит в свои комнаты налево.

А л ь ф р е д (*сам с собою*). Победа!.. она моя!.. А! мой милый кузен... вы воспользовались моим пребыванием

в армии и похитили у меня ту, которую я любил!.. теперь моя очередь воспользоваться вашим отсутствием. (*Уходит.*)

Я В Л Е Н И Е 7

Руже (одип, вскакивает через окно в комнату).

Руже. Через десять минут... они спешат по-курьерски!.. А! господин маркиз, как-то вы будете теперь посмеиваться надо мной! как-то будете говорить: «Не женись, рыжий дурак! ты дурен собой; жена тебе приставит рога!» Ха! ха! ха! Маркиза через десять минут назначила свидание... каково, господин умный маркиз с черными волосами?..

В комнате Гортензии слышен колокольчик.

Я В Л Е Н И Е 8

Руже, Мариетта (несет домино и маленький ящичек с бриллиантами).

Руже (*останавливая Мариетту*). Это что такое? Мариетта (*тихо, с таинственностью*). Маркиза едет на бал.

Руже. На бал!

Мариетта. Да, с Альфредом.

Руже. Славно, славно!.. и свидание через десять минут... Bravo!

Мариетта. Не задерживай меня... я тороплюсь.

Руже. Ах! подожди!.. право, как я увижу тебя, забываю всё на свете.

Мариетта. А что у тебя в руках?

Руже. Письмо к маркизе.

Мариетта. От маркиза?

Руже. Сегодня получено... Но не нужно теперь отдавать. Не то она, пожалуй, прочтет и не поедет на бал.

Мариетта. Тем лучше... Она идет!

Я В Л Е Н И Е 9

Те же и Гортензия.

Гортензия. Иди же, Мариетта, что ты там делаешь?

М а р и е т т а. Письмо... из Парижа, сударыня.

Г о р т е н з и я (*с живостью*). От маркиза!.. где оно?

М а р и е т т а (*Руже*). Подай!

Р у ж е (*подавая письмо*). Извольте, сударыня. (*В сторону.*) Жаль, раненько я проговорился.

М а р и е т т а (*в сторону*). Если б письмо переменяло ее намерение... (*Она кладет домино и ящичек на кресла.*)

Г о р т е н з и я (*читает*). «Наконец, мой друг, дела мои кончены; я надеюсь сегодня выехать из Парижа и скоро буду подле моей Гортензии... разлука с тобой измучила меня!»

Р у ж е (*тихо Мариетте*). Мне хотелось бы знать, что там написано.

М а р и е т т а (*Руже*). Молчи!

Г о р т е н з и я (*размышляя*). «Разлука с тобой измучила меня!..» А то, что сказал мне Альфред... письмо, которое он показал мне...

Р у ж е. Эге! Она не слишком обрадовалась.

М а р и е т т а (*зажимая ему рот рукою*). Да замолчишь ли ты?

Г о р т е н з и я. В самом деле! он, может быть, раскался... что оставил здесь меня одну... О! боже мой! чему верить?.. что делать?.. Отправлюсь на бал!

Нет, нет! мне лучше погодить:
Для мести срок еще так длинен!..
Что, как начну теперь же мстить,
А муж окажется невинен?
Чем назовут поступок мой?
Я от стыда сгорю в минуту.
Тогда не муж передо мной,
Я перед ним преступна буду!

(*Громко.*) Мариетта!

М а р и е т т а (*подходя*). Что вам угодно, сударыня?

Г о р т е н з и я. Я не буду одеваться.

М а р и е т т а. Как? а бал?..

Г о р т е н з и я. Я не поеду!

Р у ж е (*в отдалении*). Ну, так и есть, маркиз запретил ей... как она вдруг стала печальна!.. если б... Альфред пришел утешить ее...

Г о р т е н з и я. Руже!

Р у ж е (*подходя*). Что угодно, сударыня?

Г о р т е н з и я. Дождись Альфреда у ворот парка...

и, когда он придет, скажи ему... что я нездорова... что у меня мигрень... словом, скажи, что я не могу его видеть.

Руже (*в сторону*). Не могу, не могу!.. Зачем так значительно сказала она: не могу! Что-то двусмысленно!

Гортензия. Ступай, Руже, ступай, мой друг!

Руже (*в сторону*). Друг?.. Я ей друг! Она мне льстит, ласкает меня, чтоб получше надуть! напрасный труд! она не может с ним видаться!.. Гм!.. как не поверить... Ах! бедненький маркиз!.. бедный маркиз! (*Проходя мимо Мариетты.*) Спокойной ночи. (*Уходя.*) Подумай обо мне, Мариетта!.. чудесные сны увидишь!

Я В Л Е Н И Е 10

. Мариетта, Гортензия.

Гортензия (*перечитывая письмо*). Как долго тянется ночь!.. (*Мариетте.*) Который час?

Мариетта. Скоро одиннадцать, сударыня.

Гортензия. Как рано! (*Она идет и, увидя домино, останавливается.*) Этот наряд... я не надела его... я раздумала... А он, в то время как я обрекла себя на скуку одиночества, может быть, веселится в Париже... Но зачем я тревожу себя такими печальными мыслями?.. Чтоб отогнать от себя невольные подозрения, пойду перечитывать его письмо. (*Она отворяет свою дверь.*)

Мариетта. Вам не нужно меня, сударыня?

Гортензия. Нет. Мариетта... спи спокойно, дитя мое... Я хочу быть одна. (*Она уходит.*)

Я В Л Е Н И Е 11

Мариетта (одна).

Мариетта (*одна*). Письмо маркиза переменяло ее намерения; тем лучше!.. Альфреду откажут — еще лучше!.. (*Прислушиваясь.*) А! Руже запирает решетку... он уж, верно, объяснился с Альфредом!.. Воображаю, как будет досадно обманутому волоките... Я уверена, со злости он убежит на бал, на который ему не удалось заманить маркизу. Прекрасно! Я очень рада!.. Однако пора всё это

убрать... *(Она рассматривает ящик с брильянтами.)*
Какие прекрасные брильянты!.. Завтра будут подписывать
наш брачный контракт! если б я могла в них нарядиться!..
(Она идет посмотреть налево.) Маркиза в своих комна-
тах... я одна... никто не увидит... *(Надевает ожерелье.)*
О! как мило!.. Сразу придает вид знатной дамы!.. *(Берет*
серьги.) Во всё время, как я здесь... мне только приходится
смотреть на эти прекрасные вещи... смотреть и только!
(Вдевает серьги и смотрит.) Боже мой! как я теперь хо-
роша! Жаль, что я не могу ехать на бал вместо маркизы...
Я бы очаровала всех!.. Ах! наша участь печальна! для нас
не существует никаких удовольствий! мы бедны! *(Наде-*
вает домино, которое в продолжение предыдущих слов рас-
сматривала.) Как будто оно для меня сделано! *(Закры-*
вается капюшоном.) Удивительно хорошо!..

Когда б Руже мой милый
Был, как маркиз, богат,
Я вечно б так ходила...
Плешительный паряд!
Под маской только трудно,
Я думаю, дышать!

(Надевает маску, смотрит в зеркало, в испуге отскаки-
вает, снимает маску и оглядывается вокруг себя.)

Ах, что за призрак чудный,
Куда мне убежать! *(Смеется.)*

Вот смех! я испугалась
Ошибки препустой:
Маркизой показалась
Я вдруг себе самой!
Скажите, неужели
Я так мила, стройна,
Что с модной в самом деле
Маркивою сходна?

Ах! как бы я веселилась на сегодняшнем бале!.. я бы
кокетничала с Альфредом... *(Снова надевает маску.)* Здрав-
ствуй, veau masque!..¹ Нехорошо, очень нехорошо: поль-
зуясь отсутствием маркиза, вы строите куры его жене...
Нет... он бы узнал меня!.. А может быть... не узнал бы...
как знать... *(Повторение последних четырех стихов куп-*

¹ Прекрасная маска <франц.>.

лета. Она останавливается и слушает.) Под окном кто-то шевелится... должно быть, Руже... Верно, свет в этой комнате показался ему подозрительным... Он так любопытен... Всё хочет видеть, всё знать... хорошо же, я прекрасно обману его.

Ночь.

Я В Л Е Н И Е 12

М а р и е т т а, А л ь ф р е д.

А л ь ф р е д. Это она!

Мариетта гасит свечу.

Она погасила свечу!

М а р и е т т а. Что? кто там?..

А л ь ф р е д (*влезая в окно*). Она хочет уйти от меня.

М а р и е т т а. Это Альфред!

А л ь ф р е д. Гортензия... милая Гортензия!

М а р и е т т а (*в сторону*). Он принимает меня за маркизу... Попроверусь поскорее в свою комнату. (*Сталкивается с Альфредом.*) Ну, теперь я попалась!

А л ь ф р е д. Зачем бежать от меня?

М а р и е т т а (*в сторону*). Что мне сказать?

А л ь ф р е д. Ваш нечаянный отказ... мигрень... насмешливый вид Руже — всё это показалось мне странным; и я, вопреки вашему приказанию, пробрался в сад...

М а р и е т т а (*в сторону*). Как он дерзок!

А л ь ф р е д. Я подошел к окну и увидел тень, которую тотчас узнало мое сердце...

М а р и е т т а (*в сторону*). Узнало, да не совсем!

А л ь ф р е д. И теперь я пришел спросить о причине вашего отказа. Скажите, ради бога, что заставило вас переменить ваше намерение?

М а р и е т т а (*в сторону*). Как бы мне убежать от него!

А л ь ф р е д (*в сторону*). Ее голос дрожит... она в испуге... нужно пользоваться такими обстоятельствами!.. (*Громко.*) Милая кузина!

М а р и е т т а (*в сторону, со страхом*). Ах! боже мой!

А л ь ф р е д. Я не могу долее скрывать от вас моих чувств... Я люблю вас, люблю всеми силами души моей.

М а р и е т т а (*в сторону*). А! так он не говорил еще этого маркизе!

А л ь ф р е д. Я надеялся, что ваше сердце сочувствует моим страданиям, я думал, что вы сжалитесь надо мной...

М а р и е т т а (*немного отходя*). У него голос гораздо лучше, чем у Руже.

А л ь ф р е д (*приближаясь*). Я не многого прошу от вас...

М а р и е т т а (*в сторону*). Чего ж он просит?

А л ь ф р е д. Поедемте на бал!

М а р и е т т а (*в сторону*). Вот что!

А л ь ф р е д. Чего вы боитесь?.. под маскою все женщины похожи одна на другую, не думаю, чтоб кто-нибудь мог узнать вас.

М а р и е т т а (*в сторону, улыбаясь*). Даже и сам он не узнает!

А л ь ф р е д. Среди толпы я буду только вас видеть, об вас только думать... О, какое блаженство! Я прижму к своему сердцу вашу обольстительную ручку, я обхвачу рукой вашу чудную талию.

М а р и е т т а (*еще отодвигаясь*). Я думаю, и самой маркизе было бы приятно слышать такие нежности!

А л ь ф р е д.

Согласитесь! там отрадно
Будет сердцу и душе!

М а р и е т т а (*в сторону*).

Быть на бале мне приятно,
Но что скажет мой Руже?

Вместе.

Бал хорош невероятно,
Что ж не ехать $\frac{\text{вам}}{\text{мне}}$ на бал?
Всякий быть на нем, наверно,
За блаженство бы считал!

А л ь ф р е д (*приближаясь к ней*).

Если б смел я до отъезда...

М а р и е т т а (*отскакивая в сторону*).

Что он хочет — ой! ой! ой!
Я ведь, кажется, невеста,
И не он жених ведь мой!

(Говорит.) Альфред!

А л ь ф р е д (*обнимает ее, несмотря на сопротивление*).

Ах! обнять вас так отрадно,
Сладко сердцу и душе!

М а р и е т т а (*в сторону*).

Это мне самой приятно,
Но приятно ли Руже?

(*Повторение общего куплета.*)

Р у ж е (*за кулисами*). Извольте держаться за перила, господин маркиз, на лестнице темновато.

М а р и е т т а (*в сторону*). Боже!

А л ь ф р е д. Ах! чорт возьми!

М а р и е т т а (*в сторону*). Голос Руже!

А л ь ф р е д (*сам с собой*). Руже говорит с маркизом... Вот во-время чорт их принес!

М а р и е т т а (*в сторону*). Что-то будет! Я дрожу от страха!

А л ь ф р е д (*подходит к окну*). Лестница отнята... бежать невозможно!.. А!.. вот дверь!.. (*Уходя к Мариетте и таща ее за руку.*) Идите в свои комнаты, Гортензия; но на память дайте мне кольцо с вашей божественной ручки, оно будет напоминать мне о лучшей минуте моей жизни. (*Обнимает ее.*)

М а р и е т т а (*в сторону*). Он меня обнимает! Ах! кольцо!.. (*Громко.*) Но, Альфред...

А л ь ф р е д. Прости!.. прости!.. (*Бросается в комнату изпразо и затворяет дверь.*)

М а р и е т т а. Как! он ушел в комнаты маркиза!.. Ах! мне нужно спастись самой. (*Уходит в свою комнату.*)

А л ь ф р е д (*снова являясь*). Я забыл шляпу. (*Берет свою шляпу, потом уходит, в то время является Ружэ и видит, как Альфред затворяет дверь.*)

Я В Л Е Н И Е 13

М а р к и з, Р у ж е.

Р у ж е (*сам с собою*). А! он там!

М а р к и з (*входя*). Что ты говоришь?

Р у ж е (*потирая ногу*). Ничего! Я говорю: ой! ой! ой! ушиб ногу!

Маркиз. Не кричи, болван, разбудишь маркизу!

Руже (*с насмешкой*). О! я уверен, что маркиза еще не спит!

Маркиз. Ну вот, рассказывай тут! уж двенадцать часов.

Руже (*в сторону*). Все двери заперты на крючок... Я в пору отнял лестницу!.. он не уйдет!

Маркиз (*снимая плащ*). Вот я и дома... А ты отчего до сих пор не лег спать?

Руже. Я исполнял свою должность: стерег сад.

Маркиз. Стерег сад! Ты бы поберег свои способности по этой части на будущее время: тебе надоест еще стеречь жену, когда ты женишься!

Руже. О, не опасайтесь, сударь!.. Я мастер своего дела. (*С злобным видом поглядывая вправо.*) Я всё вижу, что здесь делается.

Маркиз. Впрочем, едва ли ты найдешь себе невесту... С твоей наружностью...

Руже (*в сторону*). Вот уж опять начал подтрунивать. (*Громко.*) Однакож дело о моей свадьбе завтра кончится, господин маркиз.

Маркиз. Как? ты женишься?

Руже. На Мариетте!..

Маркиз. Она, наконец, согласилась?.. Ах, бедный Руже! ты женишься! для чего?.. ха! ха! ха!..

Руже (*в сторону*). Да, да... смейтесь себе, смейтесь!..

Маркиз (*приближаясь*). Почему ж мне не смеяться?

Руже. Что вам угодно?

Маркиз. Что ты сказал?

Руже (*со страхом*). А?.. А!.. да... я сказал, что тот довольно подозрительный человек, кто приходит в полночь...

Маркиз. Ты не ожидал меня... а?

Руже. Правда, что... вас не ждали!

Маркиз. Я хотел поскорее удивить маркизу.

Руже. Прекрасная мысль!

Маркиз. Измучил лошадей, чтобы поспеть вовремя.

Руже. Да, в добрый час и поспели...

Маркиз. Но, к несчастью, опоздал!

Руже. Да, немножко... (*Отворачивается и смеется*).

Маркиз. Бедная Гортензия!.. я обещал ехать с ней

сегодня на бал... и если б не сломалась карета в четырех
лье отсюда...

Руже. О! с мужьями всегда случаются такие обстоя-
тельства!

Маркиз. Я больше часа прождал, пока ее починили...
устал и умираю от голода.

Руже (*в сторону*). Все удовольствия зараз. (*Громко.*)
Не угодно ли вам лечь спать, маркиз?

Маркиз. Ты с ума сошел, я хочу есть.

Руже. Прикажете подать ужин на вашу поло-
вину?

Маркиз. Мне и здесь хорошо... Принеси чего-
нибудь...

Руже. Слушаюсь... сейчас принесу на вашу поло-
вину, сударь.

Маркиз. Да иди скорей!

Руже. Вам было бы спокойней на вашей половине.

Маркиз (*сам с собою*). В самом деле, почему ж я не
ужинаю на своей половине?

ЯВЛЕНИЕ 14

Те же, Мариетта.

Мариетта. Что там такое, Руже?.. Не звонила ли
маркиза?

Руже. Нет; маркиз приехал.

Мариетта (*притворяясь удивленной*). Господин
маркиз воротился!.. какое счастье!..

Маркиз. Здравствуй, Мариетта.

Мариетта. Как маркиза будет вам рада, сударь!..
я думаю, вы не останетесь в этой зале?

Маркиз (*удивленный*). Что! как? и она тоже?..

Руже. Вам, сударь, там будет гораздо спокойнее.

Мариетта. Вы пойдете к барыне.

Руже. У маркизы мигрень... ей нужно спокойствие!

Мариетта. Совсем нет; маркиза здорова, она будет
бранить меня, если я не скажу о вашем приезде.

Руже. Не слушайте ее, сударь... идите в свои ком-
наты.

Мариетта. Не обращайтесь внимания на его слова...
идите к маркизе.

М а р к и з (*в сторону*). Странно!.. один хочет, чтоб я шел направо, а другая посылает меня налево; тут кроется какая-нибудь тайна. (*Громко, наблюдая за Руже и Мариеттой.*) Да, я пойду справиться о здоровье маркизы.

М а р и е т т а (*в сторону*). Ну, слава богу!

М а р к и з. А потом пойду на свою половину.

Р у ж е (*в сторону*). Чудесно!.. молодчик-то не уйдет.

М а р к и з (*в сторону*). Так и есть... у них какая-то тайна... (*Громко.*) Ну, Руже, ужин!..

Р у ж е. Сейчас, сударь.

Руже уходит. Мариетта также хочет уйти, маркиз останавливает ее.

М а р и е т т а. Я пойду уведомить барыню.

Я В Л Е Н И Е 15

М а р и е т т а, м а р к и з, п о т о м Р у ж е.

М а р к и з (*строго*). Останься; я тебе приказываю.

М а р и е т т а (*в сторону*). Ах, боже мой!

М а р к и з. Ты знаешь, что я люблю откровенность, скажи мне, что здесь происходило без меня.

М а р и е т т а (*в ужасе*). Но, господин маркиз... здесь ничего не было, я ничего не знаю. (*В сторону.*) О, боже мой!

М а р к и з. Меня не легко обмануть; всё прочел на ваших лицах... Ты и Руже...

М а р и е т т а (*забываясь*). Руже? так и он тоже старается скрыть?

М а р к и з. Прекрасно! ты еще не привыкла лгать; правда с первым словом сорвалась у тебя с языка... Не бойся, говори смело... что вы стараетесь скрыть?

М а р и е т т а (*в ужасе*). О! нет! клянусь вам, господин маркиз, я не виновата... хоть все признаки говорят против меня... Сам виконт может сказать вам...

М а р к и з (*содрогаясь*). Виконт?.. Кузен Гортензии!.. так он...

М а р и е т т а. Тише!.. он там. (*Показывает направо.*)

М а р к и з (*приходя в себя*). Он!.. (*В сторону.*) О, какая тайна открывается передо мною!

Р у ж е (*входя с подносом в руках*). Ужин готов, сударь. (*Ставит поднос на стол.*)

М а р к и з. Убирайся к чорту со своим ужином!

Р у ж е (*с удивлением*). Вам не угодно ужинать?

М а р к и з. Нет, я говорю тебе... ступай вон... я задыхаюсь... (*Ходит по сцене.*) Как бы разъяснить дело? неужели маркиза?.. гром и молния!

Р у ж е (*тихо Мариетте*). Что такое?

М а р и е т т а. Не знаю!

Р у ж е (*в сторону*). Appetit отбило! видно, начал догадываться!

М а р к и з (*сам с собою*). Нет... нет... сперва нужно всё узнать. (*Ружье.*) Ты здесь еще!

Р у ж е (*в сторону*). Как расходился! Задаст же он Альфреду!

М а р к и з (*в сторону*).

Ужель она мне изменила?
Я на ногах едва стою!
Ужель другому подарила
Любовь жена моя свою?

Р у ж е (*в сторону*).

Ему маркиза изменила!
Теперь я будто б как в раю!
Она мне случай подарила
Смеяться в очередь свою.

М а р и е т т а (*в сторону*).

Ах! это я всё накутила,
Я на ногах едва стою!
Пришлось за то, что пошутила,
Мне плакать в очередь свою!

} *Вместе.*

Ружье хочет уйти, но перемешает намерение и скрывается в комнате направо.

Д В Л Е Н И Е 16

М а р к и з, М а р и е т т а.

М а р к и з (*с гневом*). Мариетта! Я требую, чтоб ты сказала мне всю правду!

М а р и е т т а (*в сторону*). Что мне делать? Если я солгу — беда маркизе! если я скажу правду — беда мне! Меня, пожалуй, выгонят!

М а р к и з (*подходя к ней*). Что ж скажешь ты? Каким образом виконт попал сюда... в мои комнаты... в полночь?..

М а р и е т т а. Умоляю вас, сударь, не сердитесь!..

М а р к и з (*возвышая голос*). К кому он пришел?

М а р и е т т а. Тише, ради бога, тише! если кто-нибудь услышит...

М а р к и з. Какая мне нужда!

М а р и е т т а (*в сторону*). А! какая мысль! Прекрасно!

М а р к и з. Ну что ж? долго ли мне ждать?

М а р и е т т а (*с замешательством*). Вы так благородны... так добры... вы не захотите погубить бедную девушку!

М а р к и з (*удивленный*). Что?.. что ты говоришь?.. погубить тебя!..

М а р и е т т а. Да, сударь, да!.. Потому что, если услышит Руже...

М а р к и з. Руже?

М а р и е т т а. Завтра подписывают наш свадебный контракт...

М а р к и з. Но какое отношение может иметь виконт...

М а р и е т т а. Очень большое. Вот уже пятнадцать дней, как он меня везде преследует... Я сначала не слушала его... но он так упрям, начал грозить мне... я боялась за Руже... и чтоб не раздражить виконта... сегодня вечером... когда барыня пошла на свою половину перечитывать ваши письма и думать об вас...

М а р к и з. Она невинна!

М а р и е т т а. О! да, сударь. (*В сторону.*) Он верит, слава богу! (*Громко.*) Я начала мечтать о завтрашней церемонии, как вдруг... окно отворяется... и передо мной...

М а р к и з. Кто?.. Руже?..

М а р и е т т а (*опуская глаза*). Ах, нет! Другой!

М а р к и з (*улыбаясь*). А! да...

М а р и е т т а. Я так испугалась!

М а р к и з. Ты бы позвала кого-нибудь, чтоб его вывели силой.

М а р и е т т а. Я так испугалась, что не могла сказать ни одного слова. Притом я боялась разбудить маркизу, боялась, чтоб не пришел Руже... Он, пожалуй, подумал бы что-нибудь и раздумал жениться на мне... Такой ревнивец! Я стала умолять виконта, чтоб он скорее ушел, и вдруг услышала голос Руже и ваш... Виконт едва успел

спрятаться на вашей половине... А я убежала в свою комнату. (*В сторону.*) Уф!..

Маркиз (*улыбаясь*). Так Альфред к тебе приходил?

Мариятта. Да, господин маркиз.

Маркиз. Путешествие через окно в полночь — оно было совершено для тебя?

Мариятта. Да, господин маркиз.

Маркиз (*хохоча*). Ха! ха! ха! бедный Руже! он сейчас называл себя мастером своего дела... вечером стерег сад, чтобы не забрались воры... ха! ха! ха! Я давно ему предсказывал такую участь! ха! ха! ха! Бедный Руже!

Мариятта (*в сторону*). Чем-то всё это кончится?

ЯВЛЕНИЕ 17

Те же и Гортензия.

Гортензия. Друг мой!

Маркиз. Милая Гортензия! (*Обнимает.*) Ты ждала меня?

Гортензия. Я думала, что ты приедешь утром, для сокращения времени я стала перечитывать твои письма; как вдруг услышала твой голос... побежала... Но чему ты так смеялся?

Маркиз. О! так, ничему... маленький анекдот, правда, очень забавный!

Гортензия. Расскажи же мне его.

Маркиз. Сейчас... но я едва держусь на ногах от усталости, и как ты еще не спишь, так я без церемонии прошу тебя ужинать со мной... но не иначе, как на твоей половине, если ты позволишь...

Гортензия. О, да, конечно... у тебя, верно, есть много кой-чего рассказать.

Маркиз. А ты мне что-нибудь расскажешь?

Гортензия. Мне почти нечего рассказывать... кроме того, что я чуть не умерла со скуки без тебя и хотела уж ехать к тебе в Париж.

Маркиз (*целуя ее руку*). Милая! (*В сторону.*) И я мог подумать, что она меня не любит!

Гортензия (*в сторону*). И я смела сомневаться в любви его!

М а р к и з (*показывая на поднос*). Марриетта, снеси его на половину маркизы.

М а р и е т т а. Слушаю, сударь. (*Тихо маркизу.*) Вы ничего не скажете?

М а р к и з (*тихо.*) Будь спокойна... я выдумаю что-нибудь другое.

М а р и е т т а (*в сторону*). Так же, как я.

М а р к и з (*Гортензии*). Кстати... что твой кузен?

Г о р т е н з и я. Альфред?.. Я часто с ним виделась.

М а р к и з (*улыбаясь*). А! он часто ходил сюда?

Г о р т е н з и я. Почти всякий день, с тетушкой, или с сестрой... в твоё отсутствие я не принимала никого, кроме их.

Гортензия уходит.

М а р к и з (*Марриетте*). Где ключ от двери в парк?

М а р и е т т а. В комнате маркизы на камине.

М а р к и з. Я принесу тебе его; а ты выпусти Альфреда. (*Уходит.*)

Я В Л Е Н И Е 18

М а р и е т т а, Р у ж е (*выходя справа, задыхается от смеха*).

М а р и е т т а (*не видя Руже*). Слава богу! и я, и маркиза вышли из воды сухи! (*Увидя Руже.*) Руже!

Р у ж е. Ха! ха! ха! Как она добра... Только женщины могут быть так изобретательны.

М а р и е т т а. Где ты был?

Р у ж е. Я слышал всё... жертвовать собою для своей покровительницы... Это великодушно.

М а р и е т т а. Да замолчи!.. (*В сторону.*) Он всё знает.

М а р к и з является и останавливается слушать.

Р у ж е. А! так для тебя господин виконт совершил путешествие через окно, для тебя он оставил этот букет! Ха! ха! ха!

М а р и е т т а (*в сторону*). Какая неосторожность!

Р у ж е. Так ты хотела с ним ехать сегодня в маскарад... так для тебя приготовлено домино, ты хотела надеть маску?.. ха! ха! ха!

М а р и е т т а (*в сторону*). Да, я всё надевала.

Р у ж е. Хитра, голубушка! всё свернула на себя!.. с больной головы да на здоровую... Нечего сказать, славно надула маркиза! уф!.. (*Падает в кресла.*) Право, я лопну от смеха... ха! ха! ха!

Маркиз производит шум за кулисами.

М а р и е т т а (*испугавшись*). Тише! замолчи!

Руже очень серьезно встанет при виде маркиза.

Я В Л Е Н И Е 19

Т е ж е и м а р к и з .

М а р к и з . Можете уйти... вы здесь не нужны.

М а р и е т т а (*тихо маркизу*). А Альфред?

М а р к и з . Я сам его выпровожу. Ну что ж? слышите или нет?.. Вон, я вам говорю!

М а р и е т т а (*уходя*). Боже, новая беда!

Я В Л Е Н И Е 20

М а р к и з , потом Г о р т е н з и я .

М а р к и з (*вне себя*). Меня обмануть!.. О! Гортензия! ты дорого заплатишься за свой коварный обман... Но сперва нужно разделаться с виконтом. (*Хочет идти направо.*)

Г о р т е н з и я . Что же, мой друг, ты оставил меня?

М а р к и з (*в сторону, держась за ручку двери*). Сколько спокойствия и хладнокровия!.. Как ужасно, она меня обманывает.

Г о р т е н з и я (*подходя к нему*). Но ты не слышишь меня... что с тобой?..

М а р к и з . Вы еще смеете спрашивать?

Г о р т е н з и я . Ах! боже мой!.. ты меня пугаешь!

М а р к и з . Да! вам есть чего бояться, сударыня!.. Я убью его!.. он бесчестный человек... а что касается до вас...

Г о р т е н з и я . Но, друг мой... что с тобой?.. зачем эти угрозы?.. отвечай!..

М а р к и з . Вы должны мне отвечать, а не я вам, сударыня!.. Где вы хотели провести эту ночь?

Гортензия (*смешавшись*). Эту ночь?..

Маркиз. Да, пожалуйста, не придумывайте обмана... он будет бесполезен.

Гортензия (*с живостью*). Обман!.. вы не знаете меня, сударь... Я не умею обманывать! Вы меня спрашиваете, где я хотела провести эту ночь?

Маркиз. Да, сударыня, где и с кем?

Гортензия. На бале, с кузеном.

Маркиз. А! Вы сознаетесь!

Гортензия. Зачем же мне заператься?.. Его тетка и сестра хотели со мной ехать... и если я раздумала, так именно потому, что получила ваше письмо. В ваших глазах это преступление?

Маркиз. Но зачем же Альфред спрятался, услышав мой голос?

Гортензия. Альфред!.. спрятался!.. он ушел от меня в половине одиннадцатого...

Маркиз. Да, а потом возвратился через окно.

Гортензия. Ах! боже мой!

Маркиз. Кажется, этого довольно, сударыня?

Гортензия. Здесь есть какая-то тайна, которой я решительно не понимаю. Во всяком случае сомнения ваши неуместны.

Я вам клялась быть верной до могилы,
Вас горячо и пламенно любить,
И у меня, поверьте, станет силы
Святой обет мой свято сохранить!
Стыдитесь!.. как? такие подозренья!
Не изолью из сердца моего
На них, маркиз, я даже и презренья,
Они смешны — и больше ничего.

Маркиз. Однакож он там... в моих комнатах.

Гортензия. Там?.. пускай выйдет оттуда!.. пускай явится сюда... и я в вашем присутствии потребую от него объяснения... или нет... вы этому не поверите, я хочу оправдания, которое бы не оставило в вас никакого сомнения.

Маркиз (*с удивлением*). Сколько уверенности!

Гортензия (*показывая налево*). Идите туда, сударь; там никто не заметит вас, и он, полагая, что вы ушли, скажет мне всё откровенно... Замечайте наши взоры, наши жесты...

Маркиз. Но...

Гортензия. Я требую от вас этого!.. наше спокойствие, счастье всей жизни зависит, может быть, от этого объяснения. *(Она ведет его к двери.)*

Маркиз. Вы непременно хотите... хорошо, я согласен. *(Он входит налево и оставляет дверь полуотворенною.)* Что-то я узнаю?

ЯВЛЕНИЕ 21

Маркиз (скрытый), Гортензия, потом Альфред.

Гортензия *(подходит к двери направо и открывает ее)*. Подите сюда!.. *(Слушает; маркиз смотрит.)* Я была в этом уверена... Это одна ошибка... *(Маркиз хочет выйти на сцену, Гортензия останавливает его рукою и делает знак, чтоб он ушел.)* Тише!.. я слышу шаги!.. *(Она опять слушает. Альфред показывается.)* Он! *(Она невольно отступает.)*

Альфред *(тихим голосом, осматривается вокруг себя)*. Одна... наконец вы удалили его!

Гортензия *(удивленная)*. Удалила?.. я!..

Альфред. Я ушел в его комнаты, но дрожал за вас; сколько упреков посыпалось бы на вас, если б он узнал, что я там!

Гортензия. Уверяю вас, что я была очень спокойна.

Альфред. Счастье ваше, что, когда я входил сюда, вы загасили свечу.

Гортензия *(в сторону)*. Я загасила свечу?

Альфред. Иначе проклятый огонь сгубил бы нас.

Гортензия *(в сторону)*. Что он говорит? неужели всё это было!.. *(Громко.)* Но, сударь...

Альфред. О, успокойтесь, я сейчас уйду... я счастлив, что, наконец, сказал вам тайну моего сердца... я чувствовал, как ваша рука дрожала в моей...

Гортензия. Замолчите, сударь... вы хорошо знаете, что этого ничего не было! боже мой! вам это приснилось! Альфред, скажите, ведь это шутка?

Движение удивленного Альфреда.

Ради бога, не шутите так ужасно!..

А л ь ф р е д. О! божественная кузина!.. вы хотите отнять у меня даже воспоминание об этой сладкой минуте!.. Но пусть будет по-вашему... я замолчу... и сейчас уйду... но, по крайней мере, унесу с собой этот драгоценный залог...

Г о р т е н з и я. Что вы хотите сказать еще?..

А л ь ф р е д. Это кольцо, которое вы подарили мне... оно будет улаживать разлуку с вами.

М а р к и з (*выходя*). Нет! чорт возьми! это уж слишком.

А л ь ф р е д. Маркиз!

М а р к и з.

Трепещу я от волнения!
Честь моя посрамлена!
Не спесу я оскорбления,
Кровь омыть его должна!

А л ь ф р е д.

Успокойтесь от волнения,
Литься кровь здесь не должна!
Ваша честь — без оскорбления,
Ваше имя — без пятна.

Г о р т е н з и я.

Сердце бьется от волнения,
Грудь тоскою стеснена,
Из пустого подозренья
Кровь пролиться здесь должна!

} *Вместе.*

Я В Л Е Н И Е 22

Т е ж е, Р у ж е, потом М а р и е т т а.

Р у ж е (*вошел во время пения и, стоя у двери, потирает руки, — в сторону*). Гром разразился!.. славно... славно...

М а р к и з (*Альфреду, с гневом*). Вы понимаете, милостивый государь, что не можете долго носить кольцо маркизы... отдайте мне его... сейчас... сию минуту...

А л ь ф р е д (*скидая кольцо и показывая ему*). Вот оно!..

Г о р т е н з и я (*показывая свое*). Вы ошибаетесь, сударь, вот оно!

М а р к и з и А л ь ф р е д. Что это значит?

Руже (*в сторону*). Как, у обеих одинаковые кольца?
Альфред. Но от кого ж я получил?

Мариетта (*выходя из своей комнаты с маскою и до-
милло маркизы*). От меня, господин виконт!

Все оборачиваются.

Руже (*в сторону*). Вот тебе раз,— что за история!

Мариетта. Когда барыня не думала с вами ехать
на бал, я шутя примеряла на себя ее наряд...

Альфред (*в сторону*). Какой я болван!

Руже (*в сторону, смеясь*). Ба! она опять надуть его
хочет! Что за плутовка моя невеста!

Маркиз (*нерешительно*). Не знаю, что и думать!..
чему верить?..

Мариетта. Если господин маркиз потрудится рас-
смотреть мое кольцо, то сейчас увидит, что я говорю
правду.

Руже (*пораженный*). Как?.. что?..

Мариетта (*показывая кольцо*). Видите — выче-
канено: Руже, Мариетта.

Маркиз (*взявши кольцо*). И два пылающие сердца.

Руже. Ай! ай! ай! это мое кольцо! я узнал его!

Маркиз (*смеясь*). Ха! Ха!.. так это была Мариетта!..
бедный Руже!

Гортензия (*смотря на Альфреда*). Моя горнич-
ная!

Альфред (*в сторону*). О! как я смешон!

Руже (*падая на кресло*). Опять смеется! О, я готов
с ума сойти.

Маркиз (*тихо Альфреду*). А все-таки ведь вы не для
Мариетты пришли сюда... ха! ха! ха!

Альфред. Но, мой кузен... я...

Маркиз. О! я буду великодушен... вы и так довольно
наказаны.

Альфред (*в сторону*). Гм!.. если б я знал, что это
Мариетта!..

Руже (*встает и подходит к Мариетте*). Недостой-
ная!.. обманщица! фи! мамзель, фи!

Мариетта. Ты знаешь всю правду, Руже!

Руже (*опуская голову*). Всю правду!.. легко сказать—
приятная правда! Это платье... кольцо... право, господин
маркиз, уж не правду ли вы говорили, что мне не надо

жениться?.. Что, если... ей-богу, не знаю, на что решиться...

Гортензия. Если б я была на твоём месте...

Руже. Что бы вы сделали, госпожа маркиза... что бы вы сделали?

Гортензия. Спроси у маркиза... он тебе скажет...

Маркиз (*взявши руку Гортензии*). Я бы махнул рукой и с уверенностью закрыл глаза; для счастья это необходимо!..

Руже (*закрывая глаза*). Ну и я закрою глаза. (*Берет за руку Мариетту.*)

Маркиз. И прекрасно! Руже, посвети господину виконту!

Руже (*взявши подсвечник*). С удовольствием, господин маркиз, с большим удовольствием... (*Тихо маркизу.*)

И если прикажете, так, пожалуй, сломя ему и шею.

Маркиз. Тише!

Виконт кланяется и уходит к средней двери, бросает последний взгляд на Мариетту и грозит пальцем Руже.

Хор.

Конец сомненьям и бедам,
Исчезли наши все печали.

Маркиза (*к публике*).

Но веселей бы было нам,
Когда б вдобавок вы сказали,
Что, нашим критикам на зло,
«Кольцо» на сцене обжилос!
У нас изрядно с рук сошло
И всем вам на руку пришлось!

Конец

**ВОЛШЕБНОЕ КОКОРИКУ,
ИЛИ
БАБУШКИНА КУРОЧКА**

Удивительное происшествие, случившееся в начале XVIII столетия, ровно за сто лет до наших времен, в 5-ти действиях и 5-ти картинах, с куплетами, хорами и танцами, извлеченное из устных преданий старожилов, сделанное для театра несколькими французскими писателями, переведено на русский язык г. П-ским и Н. Ш.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

КАРТИНА ПЕРВАЯ

ОНА УЛЕТЕЛА!

ДЕЙСТВУЮЩИЕ:

Бабушка, 85 лет.

Клара, ее внучка, 18 лет.

Коррику, молодой крестьянин.

Курочка, неговорящее лицо.

Действие в нормандской деревне, в доме бабушки.

Театр представляет бедную деревенскую комнату, на задней занавеси, в середине, дверь для общего входа; около этой двери направо, не слишком высоко, окно с маленькими стеклами, выходящее в поле; на средней же занавеси, налево от средней двери — дверь в комнату. Налево на первом плане стол, около него большое кресло и прядильное колесо, направо на первом плане большой сундук (ларь), ближе к задней занавеси плетеная ивовая корзина, под которой сидит белая курочка.

Я В Л Е Н Н Е 1

Б а б у ш к а, в п у ч к а.

При поднятии занавеса б а б у ш к а сидит в креслах и вертит колесо; в п у ч к а сидит у ней на левой стороне, на низенькой скамейке и слушает, опершись руками на колени бабушки.

Б а б у ш к а. Да, моя Кларочка... с тех самых пор ты стала сиротой... желание всё знать и видеть ввело покойную твою мать в жалостное несчастье, а неблагоприятие совсем погубило ее, бедную, и свело в могилу. И вот

Была прекрасна, молода,
Встречала ж всё неблагодарных
И жертвою была всегда
Мужчин любезных, но коварных;
Ее в пример должна ты взять,
Мужчин старайся удаляться, —
У них есть сила соблазнять,
У вас есть слабость соблазняться!

К л а р а. Бедная матушка!.. Я осталась после нее восьми лет и едва ее помню... Ах! если бы у меня не было доброй, милой бабушки, то ваша бедная Кларочка давно бы умерла от голоду и бедности... ведь у меня, кроме вас,

никого нет родных... а люди, как вы часто говорите, так коварны, так опасны для молодой девушки.

Б а б у ш к а. Говорю и теперь скажу, что свет очень опасен, особенно для таких молоденьких, как ты, и таких любопытных, как ты... ты — вылитая мать... такая ж добрая и такая же охотница до вопросов.

В н у ч к а. Ах, бабушка, да я, кажется, пичего не делаю без вашей воли, а вопрос не порок.

Б а б у ш к а. Не порок? вот как молодежь рассуждает нынче...

Послушай моего совета,
Сама я молода быча —
Вопрос опаснее ответа,
В вопросе корень всего зла!

К л а р а.

Когда ж я, бабушка, узнаю
Всё то, чего не знаю я?

Б а б у ш к а (сердито).

Когда узнаешь, я не знаю,
Но жду беды я от тебя!

Ты готова ежеминутно спрашивать... ну просто птица какая-нибудь пролетит — и ты сейчас ко мне с вопросом... ведь только и слышишь от тебя: «Бабушка, что это?.. Бабушка, для чего это?.. Бабушка сюда... Бабушка туда...» С тобой век бы не кончить, если отвечать на все твои вопросы. Вот что очень худо!

В н у ч к а. Худо... почему ж худо?.. я и то знаю меньше всех своих подруг... часто они скажут что-нибудь, а я и не знаю, что они сказали... так вся и вспыхну... просто я совсем дурочка... вы меня никуда не пускаете. В воскресенье все молодые девушки выходят танцевать на луг, а я не смей и проситься...

Б а б у ш к а. Это всё делается для твоей же пользы... ты без танцев проживешь, а обувь и всё прочее будет целее.

К л а р а.

Но мне бы, бабушка, хотелось
С другими вместе танцевать,
Я б как Сузона повертелась,
Как Лиза стала б приседать. (*Встает.*)
Корсет бы, юбку переменяла.
На ножку новый бамшачок,

Глаза бы в землю опустила
И легкий сделала б скачок.

(Танцует.)

Тра, ля, ля, ля, ля, ля!
Я ловка,
Я легка!

Бабушка *(говорит)*. Перестань, Клара!
Клара *(танцует)*.

Тра, ля, ля,
Ля, ля, ля!
Я как ветер пошусь,
Улететь я боюсь!
Тра, ля, ля, ля, ля, ля!

(Танцует под музыку.)

Бабушка *(встает)*. Перестанешь ли ты, Клара?.. посмотри, какую пыль подняла и какой вздор несешь... видите, танцовать захотелось!.. глупая ты!.. да в самых этих попрыгушках беда-то и сидит...

Внучка *(быстро)*. Как же это, бабушка?

Бабушка *(стараясь поправиться)*. Да так же... танцуя, немудрено как-нибудь неловко прыгнуть... трр! и кончено! смотришь, — либо нога, либо рука переломлена, вот что!

Внучка. Отчего ж, бабушка, у нас в деревне ни одна молодая девушка не хромает... а из всех мужчин — только у одного одна нога короче другой? А ведь они танцуют каждое воскресенье.

Бабушка. Ну вот, ты опять со своими глупыми вопросами?.. ах, Клара, я, право, и ума не приложу, что мне с тобою делать... сядь-ка лучше за колесо, или ступай бить масло... авось это тебя немного рассеет...

Внучка. Бить масло!.. я и то каждый день этим занимаюсь, разговаривая с вами, когда вы не дремлете, а вы дремлете ежеминутно... куда как весело!..

Бабушка. Клара!..

Внучка. Я знаю, что в ваши лета это очень полезно и почти необходимо... я и молчу всегда, потому что для меня всего дороже спокойствие моей милой, доброй бабушки!

Бабушка *(ласково)*. О!.. ты лжешь, плутовка!

Внучка. Ей-богу, не лгу, бабушка!.. только одно скучно — мне не с кем слова сказать... дверь всегда за-

перта, окна в поле... только и видишь вашу курочку Белянку, ну да с ней много не разговоришься... во-первых, она всегда сидит в корзине, а во-вторых, ничего не понимает, потому что она воспитана в одних со мною правилах.

Б а б у ш к а. И всё это я делаю для вашего же счастья. Вот когда меня не станет, тогда вы оцените всю мою заботливость и не раз обо мне вспомните.

К л а р а (*утирая слезы*). А! а! а! не говорите этого, бабушка! Вы знаете, что я всегда заплачу от таких слов! если вы умрете, то и я умру, чтоб не разлучаться с вами! (*Стук в среднюю дверь.*)

Б а б у ш к а. Кто там стучит?.. ведь знают, что я гостей не люблю! и никогда не принимаю...

К л а р а (*быстро*). Я отопру, бабушка?.. (*Идет.*)

Б а б у ш к а (*удерживая*). Не ваше дело, сударыня! вас никто не просит...

К л а р а. Но, может быть, это посланный от судьи принес вам письмо, а ведь вы нетерпеливо ждете его. (*Идет, бабушка удерживает.*) Иль, может быть, это пришла ко мне старушка нищая, я ей каждую субботу подаю кусочек хлеба. (*Та же игра.*) А может быть, это...

Б а б у ш к а. Может быть! может быть! вернее всего, что это до вас не касается! извольте-ка идти в свою комнату.

К л а р а (*умоляя*). Бабушка! милая, добрая бабушка! позвольте мне остаться... я не скажу ни слова и только разочек взгляну — кто это!.. бабушка!..

Б а б у ш к а. Нет, нет и нет!.. я до тех пор не отопру, покуда ты не уйдешь... и я не запру за тобою дверь... слышишь, Клара! (*Идет к двери ее комнаты и отворяет дверь.*)

К л а р а (*нехотя идет и несколько раз оборачивается*). Бабушка!..

Бабушка трясет головой и, наконец, почти отталкивает ее в дверь и запирает.

Я В Л Е Н И Е 2

Б а б у ш к а, К о к о р и к у.

Б а б у ш к а (*идет к средней двери*). Кто бы это был?.. кто там?

К о к о р и к у (*за дверью перемениет голос*). Это я, дядя Реми... письмо вам принес...

Бабушка. А!.. Милости просим!.. Клара правду сказала, он, верно, мне пишет об нашей проклятой тяжбе... (*Отворяет дверь.*) Милости просим.

Кокорику (*быстро вбегая*). Здравствуйте, бабушка!..

Бабушка (*поражена*). Кокорику!

Кокорику. Да, Кокорику!.. (*Осматриваясь, в сторону.*) Ее нет здесь...

Бабушка. Как! это ты!.. Ах, ты, сорванец эдакой!

Кокорику. Бабушка, не сердитесь, — я за делом пришел... ведь я письмо вам принес... сейчас только прислали из Кодбека от судьи.

Бабушка. Но я, кажется, тебе сказала, чтоб твоя нога не была в моем доме... а?..

Кокорику. Я помню это... но дядя Реми вчера упал с лошади и переломил ногу... так и занял у меня вместо одной — две, чтоб поскорее доставить вам письмо.

Бабушка. Рассказывай тут басни-то! знаю я вас, голубчиков кротких, а не досмотри,— так что твои ястреба... только перья полетят... ты не письмо принес, а хочешь внести гибель и соблазн в мое тихое семейство.

Кокорику. Бабушка! умирать надо, — не грешил!..

Бабушка. Ты пришел, чтоб увидеть Кларау... меня-то ты не обманешь... я не знаю, откуда ты явился в нашу деревню, но знаю хорошо, что ты ежедневно таскаешься около моего дома... и чтоб обратить на себя внимание Клары... кричишь «Кокорику!»... Экой выдумщик... ни дать, ни взять — петух моей соседки... тот тоже каждый день вскочит на мое окно — да и ну драть горло... Но моя Белянка умница и внимания не обращает на его глупый крик; да и я, слава богу, не дура какая — и ни петуху, ни мальчишке не дам себя провесть, и ты, как ни стараешься, а она ровно ничего не понимает... не знает... что ты за птица!

Кокорику (*в сторону*). Вот это-то и худо! (*Ей.*) Ох, бабушка, бабушка!.. да это-то и опасно, что она ничего не понимает и не знает...

Бабушка. Ну, уж, пожалуйста, замолчи!.. и если ты опять осмелишься прийти сюда, то я дам тебе знать... я просто жалобу подам... слышишь!.. да!

К о к о р и к у. Но что ж вам будет за прибыль?..
А я все-таки скажу, что

Незнание в девушке опасно,
Случиться может вдруг беда...
Да и с летами несогласно—
Одной быть дома навсегда.
И как ее вы ни храните,
Но девушка свое возьмет.
И рано ль, поздно ль, посмотрите, —
В чужие руки попадет.

Б а б у ш к а (*говорит*). Перестань, Кокорику!.. или худо будет!..

К о к о р и к у (*продолжает*).

И курочку совсем не должно
Подобно Кларе укрывать,
Ведь запретить вам невозможно
Всем петухам здесь распевать!
И как ее вы ни храните,
Но курочка свое возьмет.
И рано ль, поздно ль, посмотрите, —
Белянка с петушком уйдет.

Б а б у ш к а. Убирайся вон!.. слышишь!.. я хочу остаться одна, чтоб прочитать письмо. (*Толкая его вон.*)

К о к о р и к у. Да как же вы станете читать?.. ведь у вас, бабушка, слабое зрение...

Б а б у ш к а. Не беспокойся, прочту!.. уж это не твое дело!.. (*Ищет в карманах.*) Не разберу сама, так у меня Клара всё что хочешь разбирает!..

К о к о р и к у (*в сторону*). Ну, вряд ли!.. я так написал, что сам чорт не разберет!.. Ах, если бы моя хитрость удалась... постой!.. (*Видит на столе очки.*) Счастливая мысль! (*Берет очки и, как ни в чем не бывало, подходит к корзине, где курочка.*) Здравствуй, Белянка!.. здравствуй!.. Ах, бабушка, какая у вас курочка, — просто чудо, а не курица!..

Б а б у ш к а (*продолжая шарить в карманах*). Куда это я очки засунула?.. тьфу ты, пропасть!.. хоть убей, не помню. (*Распечатывает письмо и старается прочитать.*) Ну, так это от нотариуса Галифе, у которого находятся наши наследственные деньги... я по крючкам вижу, что от него... но что это с ним сделалось... он прежде, кажется, получше писал... нет, ничего не разберу!.. (*Идет*

к столу.) Кажется, я их положила на стол...
(Ищет.)

К о к о р и к у (в сторону). Ищи, ищи пустого места!
Б а б у ш к а. Это просто колдовство какое-то!.. Кокорику!

К о к о р и к у. Я Кокорику!

Б а б у ш к а. Не видал ты моих очков?

К о к о р и к у. Нет, бабушка, не видал.

Б а б у ш к а. Куда ж им деваться... сейчас я их надевала.

К о к о р и к у. Сейчас надевала, а сию минуту пропали,— это очень странно. (К курочке.) Беляночка, не видала ли ты бабушкиных очков?

Б а б у ш к а (стараясь прочитать). Нет!.. ровно ничего не вижу!.. экая досада!

К о к о р и к у (сзади нее, надел очки, смеется над ней).. И я также ничего не вижу!

Б а б у ш к а. Заставить прочитать Клару опасно... может быть, здесь написано что-нибудь такое... житейское, чего ей не должно знать... Кокорику!

К о к о р и к у (быстро прячет очки). Что вы?

Б а б у ш к а. Умеешь читать?.. прочитай мне письмо.

К о к о р и к у. Извольте, бабушка!.. (В сторону.) Наизусть, пожалуй, прочту! (Берет письмо и читает.) «Почтеннейшая и милостивая государыня! по отпуске сего письма я жив и здоров и спешу известить вас, моя милостивая государыня, что дело ваше о наследстве идет больно плохо...»

Б а б у ш к а. Ну, вот тебе и раз!.. ах, боже мой...

К о к о р и к у (читая). «...И деньги, назначенные вашей прелестной внучке...» (Ей.) А нотариус-то, видно, себя на уме!

Б а б у ш к а. Читай!.. читай!..

К о к о р и к у (читая). «...Едва ли попадут к ней в ручки; дальний ее родственник... молодой человек с порядочным состоянием, подал просьбу об этом же наследстве с разными сильными убедительными доказательствами, на которые, по обыкновению, все судьи кинулись, как голодные собаки, и чуть не подрались, из этого можете заключить, в какую сторону пошло дело...» (Ей.) Нетрудно догадаться... ведь золото тяжеле простой бумаги, и, верно, сторона этого родственника перетянет.

Бабушка. Что дальше он пишет?..

Кокорику (*читая*). «Впрочем, есть еще надежда; но для этого вы сами, моя милостивая государыня, должны немедленно приехать в Кодбек, минуты терять не должно... для вашей пользы прошу вас поторопиться. Ваш покорный слуга нотариус Карл Галифе».

Бабушка (*берет письмо*). Поторопиться... а на чем я поеду?

Кокорику. Как на чем? да сегодня отправляется туда ваша соседка...

Бабушка (*берет письмо*). Ах, как это неприятно!.. ну, Кокорику, спасибо! теперь — ступай!..

Кокорику. Да, я, пожалуй, уйду... а вы смотрите, не продумайте здесь наследства... он пишет, что минуты терять не должно.

Бабушка. Хорошо! хорошо! уж это мое дело!.. убирайся сам-то! теперь ты мне не нужен! прощай!

Кокорику. Иду! иду! бабушка! вы только не сердитесь. (*В сторону.*) Дурака нашла! (*Вслух.*) Я отправлюсь теперь к дяде Реми отдать ему четыре су за доставленные письма... впрочем, я, пожалуй, завтра зайду за ними, если теперь у вас нет...

Бабушка. Нет, уж на что же! я сейчас отдам тебе... и ты, пожалуйста, не трудись возвращаться. (*Она идет к столу взять деньги, а Кокорику открывает ларь, вскакивает в него и закрывается.*) Вот на — возьми. (*Осматривается.*) А! ушел!.. тем лучше... И сама отдам Реми, когда увижу. (*Запирает среднюю дверь.*) Однако лучше запереть... уж теперь Кокорику не обманет меня. Ах, боже мой... что делать, ей-ей, не придумаю!..

Кокорику (*приподнимая крышку*). Еще здесь! о, старая!.. скоро ли ты уберешься отсюда! (*Скрывается.*)

Бабушка. Бедная Клара!.. это наследство всё ее богатство... я ей ничего не могу дать... потому что сама ничего не имею... Если ее запереть здесь... худо!.. а взять с собой еще хуже... она такая любопытная... долго ль до беды... что делать, на что решиться?.. надо из двух зол выбрать меньшее. (*Отпирая дверь Клары.*) Клара!.. а Клара! тебе хотелось у меня в комнате остаться, ну, поди сюда... я тебе позволяю!

Я В Л Е Н И Е 3

Бабушка, Клара, Кокорику (всё спрятавшись).

Клара (*вбегая, осматривается*). Никого!.. кто же приходил, бабушка? Реми? Мельник Жак? мызник Пьер... или сын соседки Жако... а, бабушка? кто?

Бабушка. Кто? да приходил Реми!..

Клара. Реми!.. Ах, боже мой! да ведь у Реми голос такой толстый, хриповатый, а здесь кто-то говорил тоненьким голосом...

Кокорику (*приподнимая крышку*). А! тоненьким голоском... услышала, плутовка!..

Бабушка. Ах! Клара! какая ты любопытная!.. ну, он оттого так говорил, что простудился...

Кокорику. Он простудился. А бабушка горячку порет!..

Клара. А! простудился!

Бабушка. Да, простудился, но полно толковать об таких пустяках... вот что, ведь он мне принес письмо... в котором пишут ко мне, что дела в Кодбеке 'идут очень дурно... нашелся какой-то родственник и хочет завладеть твоим наследством.

Клара. Ах! господи! да что ж я ему сделала?.. экой злой!..

Бабушка. И мне непременно надо самой туда ехать.

Клара. Ах, какое счастье, вы ведь меня возьмете с собою... как я разоденусь! надену новую красную юбочку... белое покрывало... чудо-прелесть... наконец, я увижу город... дома... улицы... колокола... всё, всё увижу! Ах, бабушка, дружок мой, как я рада!

Бабушка. Нет, Клара! ты этого ничего не увидишь. Я слишком тебя люблю и не захочу потерять в один день плод восемнадцатилетних моих забот и попечений.

Клара. Да, я очень хорошо знаю, бабушка, что вы меня любите... но отчего же я этого не увижу?

Бабушка. Оттого, что ты останешься здесь... слышишь?

Клара (*печально*). Здесь?.. слушаюсь, бабушка.

Бабушка. Ты должна запереться на всё время моего отсутствия...

Клара. Слушаюсь, бабушка.

Б а б у ш к а. И кто бы ни стучался — никому не отпирать...

К л а р а. Слушаюсь, бабушка.

Б а б у ш к а (*указывая на ларь*). Вон там лежит всё для тебя — и хлеб, плоды, молоко... с тебя будет довольно, больше двух дней моя отлучка не продолжится.

К л а р а. Слушаюсь, бабушка. Будьте покойны, я всё сделаю так, как вы приказали... запру дверь теперь за вами и до вашего возвращения не отопру ее, и уж никто не войдет.

К о к о р и к у (*там же*). К счастью — что уж все вошли!

Б а б у ш к а. Ну, поди же сыщи мне мантилью, она в комодке... а я, между тем, посмотрю — довольно ли хлеба.

К о к о р и к у (*там же*). Хлеба!.. беда! хлеб-то лежит здесь! она увидит меня!.. (*Тихо выходит из ларя и на цыпочках ходит за бабушкой так, чтоб она не заметила.*)

Клара идет, она ее останавливает. Кокорику приседает за бабушку.

Б а б у ш к а. Клара! не забудь также Белянки... давай побольше зерен, чтоб она не голодала без меня... слышишь? но никак не выпускай ее из корзинки... смотри же, не забудь этого, Клара!..

К л а р а. Будьте покойны, бабушка! я за нее вам отвечаю! (*Уходит в свою комнату.*)

Я В Л Е Н И Е 4

Б а б у ш к а, К о к о р и к у.

Б а б у ш к а (*смотря в ларь*). О! да ей на целую неделю будет пищи.. Ну, теперь я спокойна!.. и могу уехать без опасений. (*Собирает необходимые вещи и связывает их в узел.*) К счастью, Клара на этот раз была не слишком любопытной... и поняла всё дело как нельзя лучше...

К о к о р и к у (*продолжая ходить за нею*). И я также понимаю свое дело как нельзя лучше!.. Теперь, чтоб заставить Клару прогуляться, дам свободу Белянке. (*Подкрадывается к корзине, берет оттуда курицу и выпускает ее в окно.*) Нет, затворница! себя покажи и других посмотри! теперь кончено! (*Тихо вылезает в окно и скрывается.*)

ЯВЛЕНИЕ 5

Бабушка, Клара.

Клара (*входя*). Вот извольте мантилью... перчатки и трость.

Бабушка (*к Кларе, которая надевает на нее мантилью*). Ты обо всем вспомнила; спасибо, мой дружочек... не забывай же обо мне и без меня... слышишь?..

Клара. Ах, бабушка! да разве я могу вас забыть хоть на одну минуту! (*Целует ей руки.*)

Пути счастливого желаю!
Прощайте, бабушка, мой друг!..
Ах, я бояться начинаю...

Бабушка (*указывая на корзину*).

Чего ж бояться? ты сам-друг!

Кокорик (*выглядывая в окно с осторожностью*). Да, точно, бабушка, сам-друг. (*Скрывается.*)

Клара.

Вы поскорее приезжайте!
Я вас с Белянкой буду ждать!
Надолго нас не оставляйте,
Без вас мы будем горевать.

Бабушка.

Белянка! Кларочка! прощайте!
Вас не заставлю долго ждать,
Покрепче двери запирайте!
Да не забудь ей корму дать!

} *вместе*

(*Уходя.*) Прощай, дитя мое, не забудь, что я тебе приказывала... да запри дверь хорошенько! прощай!

Клара провожает.

ЯВЛЕНИЕ 6

Клара (*одна, запирает дверь*). Ну, вот я и заперта!.. одна. (*Садится в кресла.*) Совершенно одна... мне скучно и что-то страшно!.. впрочем, со мной осталась Беляночка... (*Встает.*) Ей надо дать покушать... сейчас, моя милая курочка... сейчас я покормлю тебя... Ах, боже мой!.. да где же она? корзина пуста! она улетела!.. Узнала, что бабушки нет, и улетела... что ж мне теперь делать?..

Бабушка так строго запретила мне выходить из комнаты... но ведь надо же поймать ее любимую курочку... она где-нибудь около дома... Ах, господи, какое несчастье!.. *(Отворяет среднюю дверь и смотрит вдаль направо.)* Так и есть! вон она... на дороге... Дай позову... может быть, и придет... Белянка! Белянка!.. цып! цып! цып! нет, и внимания на меня не обращает!.. попробую еще!..

Музыка этого номера должна быть, сколько можно, оригинальная.

Цып! цып! цып!

Моя Белянка!

Цып! цып! цып! *(Будто хватает.)*

Ушла буянка!

Ах! что ж мне делать? как поймать?

За ней придется мне бежать!

(Хочет идти, вдруг останавливается.)

Но бабушка не приказала

Мне за порог переступать!..

Пауза.

Но ведь Белянка убежала,

И я должна ее поймать! *(Идет в дверь.)*

Цып! цып! цып!

Моя Белянка!

Цып! цып! цып!

Моя буянка!

Музыка этого куплета несколько раз повторяется в продолжение пьесы, потому требуется, чтоб она была покурьезнее.

(Как будто хочет ее поймать, но курочка уходит.) Убежала опять!.. о! постой!.. к счастью, я знаю ее слабую сторону... она очень жадна. *(Берет пригоршни зерен в ларе.)* Против этого она, верно, не устоит!.. поймаю ее и запрячь опять. *(Выходит в среднюю дверь и зовет.)* Цып! цып! цып! *(Бросая перед собой зерны.)*

Оркестр тихо повторял бы музыку предыдущего куплета; когда Клара идет к дверям, говоря: «цып!», в окно осторожно влезает Кокорик и тихими шагами идет за Klarой, с хитрой миной.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

КАРТИНА ВТОРАЯ

ВОЛШЕБНИК

ДЕЙСТВУЮЩИЕ:

Бутондор, сержант.
Колибри }
Лявенет } солдаты.
Клара.
Кокорикку.
Паяц.
Курочка.
Куццы.
Комедианты.
Крестьяне.

Действие там же, недалеко от деревни, где живет бабушка.

Театр представляет открытое деревенское место, направо от зрителей, на первом плане, забор с дверью на задний двор, которого главная часть выходит на большую дорогу; на втором плане вход в овин; в глубине, на той же стороне, ярмарочный балаган с балконом; налево от зрителей — вход в трактир.

Я В Л Е Н И Е 1

Бу тон дор, Ко ли бри, Ля венет, кушцы, по кушатели, крестьяне.

Ярмарка в полном разгаре, на балконе стоят комедианты, в разных костюмах, и паяц. До открытия занавеса на балконе начинается музыка.

Об щ и й х о р.

Вот праздник — истинно на чудо!
Друзья, скорее в балаган!
Оттуда же в трактир не худо
Для куражу забраться нам.

Па я ц.

Скорей, скорей! Уж начинают!
Здесь слон танцует менуэт,
Здесь волки песни распевают,
И уж чего-чего здесь нет!
Скорей, скорей! уж начинают! (*Уходит во внутренность балагана со всеми комедиантами.*)

Об щ и й х о р.

Вот праздник — истинно на чудо!
Друзья
и проч...

Большая часть хора входит в балаган; Бу тон дор, Ля венет и Ко ли бри во время хора толкаются в числе любопытных около балкона; по окончании отделяются от толпы, и Бу тон дор подводит Ля венета и Ко ли бри на авансцену.

Бу тон дор. Смирно!.. и внимательно слушать вашего сержанта... он старый воробей — был и в огне, и в воде... ну, слушайте ж!

Ля венет, Ко ли бри. Слушаем!

Бу тон дор. После тяжких трудов для общественного спокойствия не мешало бы перекусить... у меня в желудке ужасная тревога! Ко ли бри! Что у нас есть?

Ко ли бри. Кроме собачьего аппетита, ничего не имеется.

Ля венет. И у меня тоже, сержант!

Б у т о н д о р. Отчего же вы ничем не запаслись? ведь я приказывал это...

К о л и б р и. И рад бы, да нельзя — наш хозяин стал всё запирает на замок. А с тех пор, как Лявенет нечаянно зажарил его двух петухов — он даже и кур на двор не выпускает...

Б у т о н д о р. Да как же он осмелился! мы не спим день и ночь... стараемся, чтоб здесь, на ярмарке, всё было тихо, покойно, — а он, невежа, хочет уморить нас голодной смертью?.. Не дает честию — возьмем силой!..

Л я в е н е т. Нет, сержант, силой ничего не возьмешь... он на то хотел итти жаловаться.

Б у т о н д о р. Жаловаться?.. экая каналья!.. Впрочем, ведь я старый воробей... был в воде и огне... и жалобы не испугаюсь... А ты, Лявенет, ужасная скотина — поймал куриц и начал их щипать при всех... за это ты стоишь доброй потасовки... такие вещи делать можно, да только втихомолку, чтоб не нарушить общественного спокойствия!.. Болван пустоголовый... а тебе б всё волочиться, а не службой заниматься! слышишь, я знать ничего не хочу, а мне чтоб было жаркое!.. не то смотри — ведь я старый воробей, был в воде и огне, и тебе жарко будет.

Сейчас чтоб было мне жаркое!

Л я в е н е т.

Я к вечеру похлопочу.

Б у т о н д о р.

Не к вечеру — теперь хочу!

Л я в е н е т.

Да что ж зажарю вам такое?

Б у т о н д о р.

Спроси еще — поколочу!
Ты забываешь дисциплину!
Ведь я, брат, старый воробей!
За грубость славно вздую спину, —
Я сам скотина для свищей!

К л а р а (*за кулисами слева, зовет*). Белянка!.. Белянка!.. цып! цып! цып!

(Оркестр играет под *sourdine*¹ тот куплет которым окончился первый акт.)

¹ Тихо, приглушенно *<франц.>*.

Л я в е н е т (*смотря налево*). Кто там кур скликает?.. А!.. какая кралечка!.. (*Идет.*)

Б у т о н д о р (*ему*). Смирно! руки по швам и глаза непременно направо!.. (*Лявенет становится.*) Так ты слушаешься своего начальника? не сейчас ли я заметил, что ты только и занимаешься волокитством и тем нарушаешь общественное спокойствие? А ты опять за свое?.. а?

Л я в е н е т. Да ведь слышите, сержант, там кур скликают, а вы требуете жаркого, я для вас же хотел...

Б у т о н д о р. Молчи — смирно!.. меня не надуешь, я старый воробей... и никак не позволю нарушать общественное спокойствие!.. и для того отправляйся налево и чтоб всё было там тихо и цело, слышишь? ну, марш!..

Лявенет нехотя идет в противоположную сторону той, где раздался голос Клары. Колибри во всё это время смотрит в ту сторону, и всё ближе подходит к той кулисе.

К о л и б р и. В самом деле,— чудо, а не девочка!.. желательно знать, с каким она товаром здесь на ярмарке... уж купил бы на последние деньги.

Б у т о н д о р. А ты что там глазеешь?.. чего не видал? Ах, Колибри!.. ты уж, кажется, человек немолодой и неглупый, а занимаешься какими пустяками!.. ну, где же нравственность? Ступай-ка лучше в балаган и старайся там водворить общественное спокойствие. (*Сам в это время смотрит в кулису. В сторону.*) Ух! какие глазенки, чорт возьми, словно пуговицы на разводе — так и горят!.. Колибри! что ж ты нейдешь к своему посту!..

Я В Л Е Н И Е 2

Т е ж е, К л а р а (чрезвычайно занятая отыскиванием курочки. Почти вбегает на сцену, смотря вниз, и прямо сталкивается с Бутондором).

К л а р а. Цып! цып! цып!.. Ах! господи!.. Солдат. (*Опускает глаза.*)

Б у т о н д о р. Что ж тут страшного, мой ангелочек? Солдат в такой же человеческой амуниции, как и все... позвольте узнать, кого вы отыскиваете... ее? (*Одной рукой подпирается, другой крутит ус, искоса смотрит на Клару.*)

К о л и б р и (*возвращаясь и становясь около нее на другой стороне в такой же позиции*). В самом деле, красавица, кого вы ищете? а?..

К л а р а (*опуская глаза, переходя на другую сторону*).
Ах! два солдата!..

Б у т о н д о р (*подходя к ней, любезничая*). Зачем же вы от нас бежите? для общественного спокойствия я должен вас задержать.

Л я в е н е т (*выходя из кулис, к ней*). Ах!.. какая красотка! позволь поцеловать!..

К л а р а (*отбегая в сторону, с ужасом*). Господи! три солдата!

Б у т о н д о р. Лявенет! Колибри! смирно! не бойтесь нас, красота—родная сестра славе... вы, без сомнения, слышали о сержанте Бутондоре,—это я, ваш покорнейший слуга...

К л а р а. Я, ей-богу, не вас искала... а бабушкину курочку.

В с е т р о е. Ха! ха! ха!.. Бабушкину курочку!

К л а р а. Да... что ж тут смешного?.. Ах, господи, да где я?..

Б у т о н д о р. Вы на ярмарке... но разве этого не знал прекрасный цветочек наших полей? (*С самодовольствием взглядывает на товарищей.*)

К л а р а. На ярмарке? Ах, ты, проклятая Белянка, куда ты меня завела! ну, если бабушка узнает!.. Ах, создатель мой. (*Плачет.*)

Б у т о н д о р. Я глубоко тронут вашей печалью... но утешьтесь!.. это поправная беда!.. курочка — не иголка, отыщем. (*Отводя ее.*) Вы дайте мне свой адрес... когда я отыщу вашу курочку, то с большим удовольствием принесу ее к вам, нынче же, знаете... этак... в сумерки... понимаете? Для общественного спокойствия.

К л а р а. Нет, покорно вас благодарю... я сама найду... (*Быстро убегает от него и скрывается в толпе крестьян, которые, обнявшись, входят на сцену.*)

Я В Л Е Н И Е 3

Т е ж е, к р е с т ь я н с ы в ы х о д я т и з б а л а г а н а .

Х о р к р е с т ь я н .

Ах, чудо! чудо! загляденье!
Теперь в трактир пойдем, друзья!
Там ждет другое наслажденье —
Бутылок дружная семья!

(Крестьяне входят в трактир налево.)

Бутондор (*в сторону*). Улетела!.. да не беда,— ведь я старый воробей, был в огне и воде,— от меня не уйдешь!.. (*Громко.*) Лявенет, Колибри! — смирно! удовольствия в сторону, когда служба призывает, марш к своим постам!.. должно всем жертвовать для общественного спокойствия...

Лявенет и Колибри уходят в разные стороны.

А я пойду отыскивать курочку... найду, и красотку за вербуую!.. Го! ведь я старый воробей... (*Уходя налево.*) Был в огне и в воде!.. кто не знает сержанта Бутондора!..

Я В Л Е Н И Е 4

К л а р а (*одна*). Ушли!.. я одна, наконец... но куда ж теперь я пойду? Уж начинает темнеть (*осматривается*), место совсем мне незнакомо, да и не мудрено — меня бабушка никуда не пускала... И кто мог ожидать, чтоб Белянка меня так далеко от дома... Если бы я знала это, ни за что бы не вышла из комнаты!..

Входит К о к о р и к у с корзиной в руках и становится под балконом.

А если бы и решилась, то надела бы новую юбочку и башмаки. (*Смотрит в дверь трактира.*) Ах, как там весело... танцуют... Господи! как хорошо!..

Я В Л Е Н И Е 5

К л а р а и К о к о р и к у (выходит, будто не замечая Клары).

К о к о р и к у (*ставит корзину у дверей овина*).

В одной деревне мальчик жил
И вздумал в девочку влюбиться,
У ней под окнами ходил,
Но с ней не мог он объясниться.

К л а р а (*оборачивается и слушает с осторожностью*).
Ах! какая смешная песня!..

К о к о р и к у.

Она всё с бабушкой жила,
Старухой злой и кропотливой, —
И запертою дверь была
Для страсти сильной, но стыдливой.

К л а р а (*в сторону*). Бабушка... запертая дверь... да это точно как у нас...

К о к о р и к у.

Прийти и дверь ту разломать
Он старой бабушки боялся,
И стал он думать да гадать,
Да вдруг на хитрость и поднялся.

К л а р а (*так же*). Что!.. что!..

К о к о р и к у.

Ну, где ж старушке устеречь
Девицу-прелесть молодую?
Товар такой не уберечь:
Ее найдут и запертую!

К л а р а (*подходя*). Скажите, пожалуйста, кто вас выучил эту песню... всё, что вы сейчас пели, чрезвычайно похоже на ме... (*Останавливается*.) На одно происшествие, которое мне рассказывали...

К о к о р и к у. А!.. похоже?.. немудрено, у меня есть бабушка-колдунья, ей всё известно, что делается на этом свете, она и рассказала мне это происшествие, а я, мамзель Клара, из него сложил песенку... (*В сторону*.) Я был уверен, что она поймет!..

К л а р а (*про себя*). Он знает мое имя, о, да, верно, он и сам волшебник!

К о к о р и к у. Хотите выслушать окончание?

К л а р а (*опустя глаза*). Хочу.

К о к о р и к у.

Старушка внучку оставляет
И едет в город по делам,
А мальчик тут уж не зевает, —
И к девочке явился сам.

К л а р а (*про себя*). Как? неужели он приходил?

К о к о р и к у.

Без шума к курочке подходит,
Ее бросает за окно...

К л а р а. Как! Так это вы?

К о к о р и к у.

А девочка за ней уходит,
Того-то он и ждал давно.

К л а р а. Как! так это вы?.. Оставьте меня, сударь!.. я видеть вас не могу!..

К о к о р и к у.

Тут, Клара, не за что сердиться:
Я вас заставил убежать,
Не для того, чтобы пройтись,
Но для того, чтоб вас поймать.

К л а р а. Он еще признается! Вам стыдно, сударь!

К о к о р и к у (*кончая*). Чего же стыдиться... Полноте, Клара, не сердитесь и согласитесь сами,—

Ну, где ж старушке устеречь, —
Как вы, девицу молодую?..
Товар такой не уберечь,
Пролезут в дверь и запертую.

К л а р а. А знаете ли, сударь, ваши поступки ужасны!

К о к о р и к у. Неправда! Это маленькая хитрость, и больше ничего.

К л а р а. А что я вам сделала, что вы со мной употребляете хитрость?

К о к о р и к у. Что? какой вопрос!.. разумеется, ничего; всё это сделано потому, что я вас люблю, а люблю-то я вас потому, что вы чрезвычайно милы...

К л а р а. Мила... да разве я виновата в этом?

К о к о р и к у. Да разве вас кто и винит? вас любят и не обвиняют... а как любят!

К л а р а. Ах, оставьте меня... ради бога, оставьте!.. или нет, постойте, ведь вы всё знаете... вы волшебник, так скажите мне, пожалуйста, где теперь Белянка, бабушкина курочка? тогда, хоть я вас совсем не знаю, а скажу: и покорно вас благодарю!.. и буду вечно благодарна.

К о к о р и к у. Как, вы меня не знаете?.. не знаете Кокорику?

К л а р а. Не знаю, сударь!

К о к о р и к у. Не знаете?.. ну, по крайней мере, вы, верно, слышали по утрам у окна вашей комнаты крики «Кокорику! Кокорику!» — а, слышали?

К л а р а. И с каждым разом ко мне в окно бросали букет цветов!.. как же, почти каждое утро это делается!— и я прозвала это: Волшебное кокорикку!

К о к о р и к у. И это «волшебное кокорикку» не произвело на вас никакого впечатления?

К л а р а. Да какое же впечатление? я всегда возьму цветы, скажу спасибо и, не посмотря, кто бросил, закрою окно.

К о к о р и к у. Но ведь ваше «волшебное кокорикку» был я сам, я, Кокорикку!..

К л а р а. Вы?..

К о к о р и к у. Я, моя прелесть, я. Один раз я увидел вас в окно и с тех пор везде вас видел... ваши глазки, словно два горячих угля, так и жгли меня... мое мученье было нестерпимо, и я решился объяснить с вашей бабушкой...

К л а р а (*строго*). С моей бабушкой?.. да как же вы смели?.. (*Ласково*.) Что ж она вам сказала?.. верно, указала дверь — и прекрасно сделала!

К о к о р и к у. Прекрасно, но напрасно!— мне указали дверь, а я не послушался ее, влез в окно!.. и неужели вы оправдываете ее отказ?.. покорнейше благодарю! я думал, что недаром хлопочу... а вы вот как поговариваете!.. для чего ж я нынче прошел добрых полмили, следуя за вами?

К л а р а. Советую вам воротиться, — и тогда будет ровно целая миля...

К о к о р и к у. Смейтесь! смейтесь!.. мамзель Клара... бог с вами, я, кажется, вам ничего худого не делал... Любовь не порок... а если я вас заставлю немножко пройтиться, так это единственно для того, чтоб повидаться с вами и поговорить, — вы сами знаете, как бабушка ваша за вами смотрела, держала вас как затворницу и решительно никуда не пускала.

К л а р а. Всё это так, но по вашей милости я потеряла курочку, — вот в чем вы виноваты. (*Слева выходит Бутондор*.)

К о к о р и к у. О! на этот счет будьте спокойны — следуя за вами, я и курочку вашу не терял из виду, вон она там, в корзине.

К л а р а. В самом деле!.. Ах, отдайте ж мне ее. (*Бежит к корзине*.)

К о к о р и к у (*удерживая ее за руку*). Позвольте! сперва нам должно объясниться.

К л а р а (*сердито*). Объясниться с вами, это что еще за новости, сударь!

К о к о р и к у. Ну, вот за что вы рассердились! разумеется, нам должно объясниться, потому что вы еще не знаете, кто я.

К л а р а. Вы дурной, злой человек, вот кто вы!

Б у т о н д о р быстро подбегает к корзине, не быв замечен, вынимает из нее курочку и, поставив корзину на прежнее место, уходит в овин.

К о к о р и к у. Да, с первого взгляду я похож на это; но в самом-то деле я право, добрый малый и люблю вас до безумия,— вот мое сердечное состояние; что ж касается до карманного состояния, то, разбирая его, вы нашли бы один мрак и пустоту... у меня нет ни отца, ни матери, но я единственный наследник моего крестного батюшки, который три недели назад указал мне двери с добрым толчком, приговаривая: «убирайся вон!» и этот родственный поступок сделал меня совершенно без пристанища, — вот вам вся моя история! (*В сторону.*) Если и после этого она меня полюбит, то можно жениться.

К л а р а. Верно, ваш крестный батюшка вас выгнал за дурное поведение.

К о к о р и к у. Уж это его дело знать; я и не сержусь на него, с того самого дня я сплю под открытым небом в маленькой рощице, что прямо против окна вашей комнаты; слышу, как вы каждый вечер говорите бабушке: «прощай!», но, к несчастью, вы имеете дурную привычку закрывать окно сторою, и я вижу только свет... потом темноту, но мое пылкое воображение дополняет остальное, и я счастлив!

К л а р а. Вот всё, что вы хотели мне объяснить? признаюсь, было зачем заставить меня так далеко идти.

К о к о р и к у. Я вас нарочно привел сюда, потому что сегодня здесь ярмарка, танцы, у каждого молодого танцора будет своя дама, и я не хотел отстать от других.

К л а р а. Как, вы хотите, чтоб я пошла с вами танцевать? вот уж этого-то и не будет, сударь!

К о к о р и к у. Как хотите! но если вы не пойдете со мной танцевать, то не получите курочки.

Танцы.

К л а р а. Вы ужасный человек, я ненавижу вас! *(Подает ему руку, вдали слышна музыка галлопада.)*

К о к о р и к у *(берет)*. Ненависть — сестра любви! слышите, там уже танцы начались... пора и нам!..

К л а р а *(вырывает руку)*. Нет, нет!.. я не пойду танцевать... мне бабушка запретила.

К о к о р и к у. Стало, вам не нужна Белянка? А без того я ни за что ее не отдам.

К л а р а. Ну, а если я пойду танцевать, вы отдадите мне ее?

К о к о р и к у. Честное слово!.. *(Смотря в кулису направо.)* У! как там весело!.. посмотрите, просто летают... ну, дайте ж скорей руку — и марш!

К л а р а *(тихо подает руку. В сторону)*. Господи! как трудно ловить курочек!

Через сцену пробегают несколько пар, танцую галлопад; Кокорику и Клара начинают танцевать, припевая после каждого куплета; они, танцуя, уходят за кулису, и оркестр один играет несколько танцев; потом они опять возвращаются на сцену.

Куплет 1-й.

К о к о р и к у *(на музыку танцев)*.

Смелее! крепче обопритесь!
И попрямее вы держитесь!
Не бойтесь: на всем скаку
Удержит вас Кокорику.

К л а р а.

Куплет 2-й.

Хоть стыдно мне, но признаюсь,
Как птичка с вами я пошусь,
Земли не слышу под собой.
Ах, как приятно! боже мой!

Куплет 3-й

(вместе).

Ах, танцы — жизни наслаждение,
В них счастье, радость, утешенье.
Еще пойдёмте танцевать,
Чтоб от других не отставать!..

Скрываются и вместе с другими кружатся на авансцене. Несколько танцующих делают круги на сцене и скрываются за кулисы.

К о к о р и к у. Ну, видите ли, Клара, от того не умирают.

К л а р а. Мы еще не будем?

К о к о р и к у. Это от вас зависит,— я готов! ля! ля! ля! *(Берет ее за руку и начинает танцевать.)*

К л а р а *(останавливаясь)*. Нет! довольно! мне давно пора домой, дайте ж мне курочку, и я пойду.

К о к о р и к у *(подходя к корзине)*. Я дал слово и сдержу его!.. *(Берет корзину и, не отдавая ей.)* Вот вам, мамзель Клара, Белянка! Белянка! поговори в ларе за меня; скажи, что Кокорику добрый какой и любит ее, как душу.

К л а р а. Нет, она не скажет этого.

К о к о р и к у. Да, потому только, что не может говорить, ну, а вы, мамзель Клара?— и вы тоже не скажете этого?

К л а р а *(опуская глаза)*. И я тоже не скажу!

К о к о р и к у. Скажите!..

К л а р а. Нет!..

К о к о р и к у. Нет?.. *(Повертывая корзиной.)* Ну, если бы я знал это прежде...

К л а р а. Ах! что вы делаете!.. вы убьете Белянку!

К о к о р и к у. В самом деле, она не виновата, что сердце мамзель Клары крепче двери ее бабушки.

К л а р а. Отдайте мне ее,— посмотрите, как темно стало!..

К о к о р и к у *(открывая корзину)*. Извольте и будьте уверены, что Кокорику умеет держать свое слово... *(Открыв, смотрит в недоумении, трясет корзину.)* Что ж это значит? Нету?.. Курочки-то нет!..

К л а р а. Как нет?

К о к о р и к у. Ведь, должно быть, ее украл кто-нибудь...

К л а р а. Нет, не украл, а это всё ваши штуки, чтоб меня обмануть; теперь я от вас всего ожидаю!..

К о к о р и к у. Позвольте, Клара! может быть, она воспользовалась нашим разговором и ушла вон на этот двор,— я знаю, там много кур и петухов, уж верно там!.. и вот что значит инстинкт молодости... подождите, мамзель Клара, я вам обещал возвратить курочку и сдержу слово, если же нет, то пусть не зовут меня Кокорику! *(Входит в калитку; из овина выходит Бутондор, знаком*

зовет из калитки Лявнета и передает ему курочку; Лявнет уходит.)

К л а р а (*про себя*). Ну, если он не найдет ее, что тогда будет делать?..

С этой минуты оркестр под сурдиной играет последний куплет 1-го акта до самого занавеса.

Я В Л Е Н И Е 6

К л а р а, Б у т о н д о р.

Б у т о н д о р (*не будучи замечен, запирает калитку. В сторону*). Теперь и курочка, и хозяйка в наших руках... так и быть должно для общественного спокойствия!

К л а р а. Его еще нет!

Б у т о н д о р. Позвольте вам сказать несколько слов, прелестная знакомая незнакомка!

К л а р а (*в сторону*). Опять солдат!

Б у т о н д о р. Предмет ваших поисков есть не что иное, как белая курочка?

К л а р а. Вы видели ее?

Б у т о н д о р. От меня ничто не скроется, я был и в воде, и в огне... и курочку вашу я видел в руках двух моих камрадов, которые собирались ее щипать для общественного спокойствия...

К л а р а. Как! неужели?

Б у т о н д о р. И если вы не отправитесь сию минуту со мною к ней на помощь, то ее положат в воду и поставят на огонь, — уж это известно, я сам был в воде и огне.

К л а р а. Но что ж я должна делать?

Б у т о н д о р. Бежать туда, куда я вас поведу, теперь каждая минута дорога, и жизнь ее на волоске.

К л а р а. Ах, господи! подождите ж, я скажу одному человеку, который сейчас пошел вот на этот двор. (*Идет к калитке.*)

Б у т о н д о р (*удерживая ее*). Невозможно! я уж слышу запах жаркого!

К л а р а. О, так пойдете ж скорей!.. Ах, бедная Беланка!

Б у т о н д о р. Дайте мне вашу ручку... вот так!
(*В сторону.*) Это необходимо для общественного спокойствия!.. Bravo, Бутондор!.. (*Почти тащит Клару.*)

К л а р а (*уходя*). Господи, что со мною? за минуту я была с Кокорику, а теперь с солдатом! (*Уходят.*)

Я В Л Е Н И Е 7

К о к о р и к у (*влезая на забор*). Какой чорт запер калитку! Ах, батюшки!.. что я вижу?.. Клара с солдатом!.. что это значит?.. (*Спешит слезть на землю.*) Мамзель Клара!.. Господин служивый... подождите!.. куда вы?.. (*Падает с забора на землю, вскакивает и, прихрамывая, бежит за ними крича.*) Караул! караул!..

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

КАРТИНА ТРЕТЬЯ

УЖАСНОЕ СУДИЛИЩЕ

ДЕЙСТВУЮЩИЕ:

Судья.

Бутондор.

Кокорикю.

Писарь.

Клара

Лявепет.

Колибри.

6 полевых сторожей.

Действие в судейской.

Театр представляет большую комнату; в середине дверь для общего входа; от этой двери направо и налево идут на целый плап вперед балюстрады с дверью для входа; эти балюстрады устроены для зрителей; на первом плане — направо и налево — большие окна с железной решеткой; около окон стоит кресло; на правой стороне — большой стол, покрытый черным сукном, на нем всё нужное для письма; около стола — большое кресло; на другой стороне — стул; на левой стороне против стола — деревенская скамья для судящихся. На сцене ночь.

Я В Л Е Н И Е 1

Бу тон д о р и с у дья (вместе входят, разговаривая).

С у дья. Я, пожалуй, жизнь моя, непрочь, — но что-то страшно... ну, если это узнается... беда!

Б у т о н д о р. Э! полно, дружище!.. если бы из этого могло выйти что-нибудь важное, то я и сам не затеял бы этой шутки; будь уверен — это просто ничего! так, ради смеха... ведь я сам старый воробей — был в воде и в огне — стало быть, тут нечего и опасаться.

С у дья. Всё это так, жизнь моя... но всё что-то страшно...

Б у т о н д о р. Э! да какой ты трусишка, как я посмстрю, — важное кушанье девчонка с курочкой, — да для общественного спокойствия ты не должен в это дело мешаться... ну, по рукам! Прибавлю еще бутылку, — кстати, после вместе и разопьем.

С у дья. Бу тон д о р!.. друг мой!.. ты искуситель, жизнь моя! так и быть, решаюсь... пойдем ко мне, — здесь неловко, — там я дам тебе свою мантию и очки... но, пожалуйста, будь повоздержнее и недолго продолжай суд... я дам тебе своего писаря, — он тебя будет останавливать, — когда, неравно, ты забудешься... ну, псйдем! *(Идут. Судья у дверей останавливается.)* Бу тон д о р! жизнь моя!.. мне что-то страшно!..

Б у т о н д о р. Экой трус!.. ну, еще бутылку жертвую, идем.

С у дья. Бу тон д о р! ты искуситель, жизнь моя! так и быть, решаюсь!

Отворяют средние двери и уходят направо; в это же время с левой стороны К о к о р и к у почти насильно втаскивает писаря.

ЯВЛЕНИЕ 2

Кокорикку и писарь.

Писарь (*упирается ногами. Кокорикку толкает его в шею*). Позвольте!.. позвольте!.. Можете себе представить, — у меня до спины дотронуться нельзя, а вы толкаете!.. Объясните по пунктам: кто вы, в чем дело и чего требуете? А то, можете себе представить, — я ровно ничего не понимаю!.. Я уж начал предаваться успокоению после дневных трудов, как вдруг меня сталкивают с моего ложа и тащут в судейскую... можете себе представить!.. Что вам угодно?.. Государь мой! объяснитесь по пунктам!..

Кокорикку. Изволь!.. Пункт первый: вот тебе кошелек; он не похож на твою голову и достаточно наполнен. Пункт второй: я еще столько же дам тебе, если согласишься помочь мне. Пункт третий: отдай мне свое платье на несколько часов, а сам останься дома. Ну, согласен?

Писарь. Отец и благодетель! Не только платье мое, но и родную шкуру мою отдаю тебе в вечное владение!.. Можете себе представить... такая щедрость!.. Ох! боюсь, как бы не сойти с ума!..

Кокорикку. Ну, этого не бойся! — Такой беды с тобою не случится... Идут!.. уйдем скорей!.. (*Убегают.*)

Оркестр играет под сурдиной унылый марш.

ЯВЛЕНИЕ 3

На сцену выходят двое полевых сторожей с факелами и становятся по сторожам. За ними входят несколько крестьян — мужчин и женщин. Сторожа отворяют двери балюстрада, и крестьяне входят в балюстрад.

Хор крестьян (*под марш*).

Вот час суда!..
О страх ужасный!..
Какой сюда
Попал несчастный?..
Тише, тише!.. Не шумите!
Не толкайтесь и входите!
Место будет всем для нас...
Ах! наступает страшный час!..
Вот час суда

и проч.

ЯВЛЕНИЕ 4

Бутондор, в платье судьи, важно выступает и садится за стол; сторож с факелом становится у окна, чтоб осветить стол. За ним идет Кокорик в платье писаря и садится по правую сторону Бутондора. Когда все усаживаются, музыка умолкает.

Кокорик *(в сторону)*. А! это ты, проклятый сержант! Ты хочешь засудить мою Клару, да не удастся!

Бутондор *(изменяя голос)*. Ввести преступников.

Сторож, который стоял у дверей, уходит и возвращается. За ним входят Клара, Лявенет и Колибри; они садятся на скамью; Клара становится посередине.

ЯВЛЕНИЕ 5

Те же, Клара, Лявенет и Колибри.

Бутондор. Писарь! скажи, чтобы воцарилось молчание.

Кокорик *(изменяя голос)*. Молчите!.. Смирно!..

Бутондор *(Кларе)*. Приблизьтесь и объясните, в чем дело?

Клара *(робко)*. Ах, господин судья! Заступитесь за меня!..

Бутондор *(улыбаясь)*. Успокойтесь, малютка! за вас заступятся. *(В сторону.)* Теперь уж не уйдешь!..

Кокорик *(ему на ухо громко)*. Молчите!.. Смирно!..

Бутондор *(в сторону)*. Странное обыкновение у этих писарей! Кричать на ухо... А! верно, судья-то глух... Понимаю!.. *(Ей.)* Ну-с!

Кокорик *(перебивая его, также на ухо)*. Тише!.. Смирно!..

Бутондор *(в сторону)*. Ах, черт возьми! Этот рыжий парик совсем сбил меня с толку!.. *(Ей.)* Говорите вашу жалобу.

Клара. Я, господин судья, ищу бабушкину курочку.

Общий хохот.

Кокорик. Молчать!..

К л а р а. Со мной встретился солдат, сказал, что знает, где курочка, повел меня прямо в лес...

Общий хохот.

К о к о р и к у. Молчать!.. Смирно!..

К л а р а. Я, увидевши, что он меня обманул, стала кричать; ко мне явились на помощь двое крестьян — и вместо солдата схватили меня...

Общий хохот.

К о к о р и к у. Молчать!..

К л а р а. Когда я им рассказала, в чем дело, солдата уже не было, и они повели меня в суд за нарушение спокойствия на дороге. Попались нам двое солдат: один пьяный, другой нет. У пьяного была в руках моя курочка. Я закричала — и сторожа взяли этих солдат; вот они! Ах, господин судья, защитите меня!..

Б у т о н д о р (*улыбаясь, берет ее за подбородок*). Успокойся, малютка! тебя защитят...

К о к о р и к у (*громко на ухо*). Молчать!..

Б у т о н д о р (*вздрагивает*). Фу, чорт возьми! Сам ты молчать!.. (*Ей.*) Чего же вы требуете?

К л а р а. Прикажите отдать мою курочку и отпустить меня домой.

Б у т о н д о р. У кого курочка?

К о л и б р и (*будит Лявенета, который задремал*). Лявенет!.. Лявенет!.. Экая скотина! Проснись!.. Вставай!.. (*Насильно подымает его.*)

Л я в е н е т (*просыпаясь, громко*). Здравия желаю! В окрестностях всё исправно, пьяных нет и воровства не оказалось!..

Общий хохот.

К о к о р и к у. Молчать!.. Смирно!..

Б у т о н д о р. Где теперь находится курочка?

1-й сторож (*который стоял у стола*). Курочка в прихожей дожидается решения.

К о к о р и к у (*в сторону*). Как же! в прихожей!.. Нет, уж она далеко!..

Б у т о н д о р. Хорошо. (*К Колибри.*) А ты?..

К о л и б р и (*говорит бодро*). Я ничего не видал, ничего не слышал и свидетелем быть не намерен.

Бутондор. Хорошо. Писарь! пиши приговор: «Так как всей нынешней тревоги и соблазнительных сцен была виной одна вышереченная курочка, то осуждаем ее за таковое преступление лишить жизни и оставить в суде впредь до решения».

Клара. Лишить жизни!.. Но ведь это несправедливо... Ах, господин судья! Сжальтесь надо мною!..

Бутондор. Успокойтесь!.. Я всё для вас готов сделать, моя милочка!

Кокорику *(на ухо)*. Молчать!..

Бутондор *(покосившись на него, в сторону)*. Судья прислал ко мне скота, вместо писаря. Писарь! пиши далее: «Солдату, пойманному с курочкой, сделать строгий выговор и отпустить, а юную челобитчицу задержать в судейской, как поруку, тоже впредь до решения дела». Суду конец! *(Встает и все также.)*

Клара. Меня задержать!.. Помилуйте, господин судья! да за что же?

Бутондор. Таков порядок!

Кокорику *(в сторону)*. Каков гусь! Не случись здесь я, Кларочка бы моя погибла!.. О, хитрый сержант! Сарданапал, берегись!..

Клара. Сжальтесь, умоляю вас, господин судья!..

Бутондор. Успокойтесь, моя прелесты! всё, всё сделаю...

Кокорику *(на ухо ему)*. Молчать!..

Бутондор. Да уж теперь, кажется, суд кончился!.. Ты мне ужасно надоел!.. *(К сторожам, которые приготовились идти вперед.)* Вы слышали? Курицу — в кухню, а челобитчицу оставить в судейской! Писарь! Ты отвечаешь мне за нее своим париком, понимаешь?.. *(В сторону.)* У! какие глазенки воровские!.. Ну, Бутондор! теперь она твоя!.. *(Идет в средние двери, за ним все, кроме Клары и Кокорику, которые остаются около судейского стола.)*

Общий хор.

Окончен суд. Все по домам,
Друзья, скорее разойдемся!
Здесь не велят смеяться нам,
Так мы дорогой посмеемся!..

Все уходят. Музыка умолкает.

Я В Л Е Н И Е 6

К л а р а и К о к о р и к у .

Кокорику, когда все уходят, осматривает зало.

К л а р а (*в отчаянии бросается в кресло*). Это бесчеловечно!.. Осудить Белянку на жаркое!.. А меня оставить в судейской!.. Господи! Какая несправедливость!.. Вот, после этого и полагайся на судей!.. верь этим добрым старичкам, которые берут тебя за подбородок и ласково говорят: успокойся, малютка! тебя защитят.

К о к о р и к у (*подходя*). Да, это правда! Все эти старички просто разбойники!

К л а р а (*в сторону*). Он бранит стариков, а сам как будто молоденький!.. (*Ему.*) А молодые-то разве лучше их?.. Всё зло и сделал молодой!..

К о к о р и к у. Молодой? И, верно, премилый, прелюбезный молодой человек?

К л а р а. Кто? Кокорику-то любезный молодой человек? что вы? да это такой сорванец, что я и не видывала!..

К о к о р и к у (*говоря своим голосом*). Покорно вас благодарю, мамзель Клара, за рекомендацию — она прекрасна!

К л а р а (*удивляясь*). Как! Неужели это вы?

К о к о р и к у (*снимая очки*). Да, это я — ваш Кокорику! Неужели вы думали, что я вас оставлю в минуту опасности?

К л а р а. О, теперь я уж уверена, что вы волшебник!

К о к о р и к у. Не я, а вы — волшебница! Вы околдовали меня и приворожили к себе, и я вас спасу.

К л а р а. А Белянку со всем колдовством вы уж не спасете, — она теперь в кухне.

К о к о р и к у. Нет, не в кухне, а спрятана мною в другое место. О ней не беспокойтесь! Прежде надо вывести вас отсюда, а там и курочку получите. Как всё благоприятствует!.. Теперь ночь; дверь не заперта. Возьмите скорее мои очки и наденьте это платье. В этом костюме вас никто не узнает, и сторож отопрет ворота. (*Снимая парик, очки и мантию.*) Наденьте же скорее... дайте ручку... я вам подам... ну, скорее!..

Б у т о н д о р (*за кулисами*). Сюда, сюда! да осторожнее, не разбейте чего!..

Кокорику (*бросив в угол платье и парик*). Поздно!.. идут!..

Клара. Ах, господи! Что же теперь делать?

Кокорику. Молчите!.. Не бойтесь, я всё сделаю. Закройте меня! (*Становится на колени сзади Клара; она закрывает его юбкой.*)

Я В Л Е Н И Е 7

Кокорику (*спрятанный*). Клара и Бутондор (*всё еще в платье судьи*). У Бутондора в руках свеча; за ним идут два сторожа и несут стол с кушаньем, накрытый на две персоны. Посредине две бутылки вина и жареная курица.

Бутондор (*сторожам*). Поставьте здесь!.. Так, хорошо!.. Теперь пойдите вон и не смейте входить, — мне надо заняться делом. (*Сторожа кланяются и уходят. Он следует за ними до дверей.*)

Кокорику (*в сторону*). Вот я тебе задам дело!..

Клара (*ему*). Да замолчите!..

Бутондор (*слыша ее слова*). А? Что вы сказали?..

Клара. Ничего, господин судья!

Бутондор. Странно... мне послышалось... А где же писарь? Я, кажется, ему строго приказал остаться с вами.

Клара (*живо*). У него заболела голова, и он ушел спать.

Бутондор. И хорошо сделал.

Кокорику. О, старая ворона!

Бутондор (*идя к креслу налево*). Что вы?..

Клара. Я молчу...

Бутондор. Странно! Мне послышалось!.. (*Ставит кресло около стола, идет за другим, которое у балюстрада направо.*)

Кокорику, чтоб не быть заметным, переползает вперед и также скрывается за Клару.

Вот и другое! Это для вас, моя прелесть!.. Прошу покорно!..

Кокорику опять скрывается.

Клара (*быстро вставая*). Как! вы хотите...

К о к о р и к у (*удерживая ее за юбку*). Что вы, мамзель Клара! ведь он увидит меня.

Б у т о н д о р. А?.. Что вы говорите?..

К л а р а (*опять садится*). Я... молчу...

Б у т о н д о р. Удивительно! Что это мне всё слышится!.. (*В сторону.*) Однако надо взять все предосторожности для общественного спокойствия. (*Идет к двери, запирает ее и кладет ключ в карман.*)

К л а р а. Создатель мой! я погибла!..

К о к о р и к у. Ничего, надейтесь на меня.

К л а р а. Да я не знаю, что мне делать, что говорить!..

К о к о р и к у. Не бойтесь, я вам подскажу.

Б у т о н д о р (*подходя к Кларе, берет ее за обе руки*). Ну, пойдем же к столу, моя кралячка! (*Ведет ее до стола. Кокорику идет за нею нагнувшись. Бутондор сажает ее на первое кресло, сам садится на другое. Кокорику приседает у стула Клары.*) Сделайте милость, попробуйте жаркого и винца, а винцо чудесное! (*В сторону.*) С одной капли заснешь, как мертвая!

К о к о р и к у (*Кларе*). Не пейте и ничего не ешьте!..

К л а р а (*Бутондору*). Покорно благодарю! Я не хочу ни есть, ни пить... отпустите меня домой... (*Встает.*) Откройте дверь... или я закричу — и ко мне придут на помощь.

Б у т о н д о р (*также встает и обходит впереди стола, а Кокорику в это время прокрадывается по другой стороне стола к креслам, где сидел Бутондор.*) У! Какая ты капризная!.. Полно, ангелочек мой, успокойся! Здесь никто тебя не обидит... я готов тебя выпустить, но прежде ты должна меня поцеловать!..

К л а р а (*отходя*). Это с чего вы взяли?..

Б у т о н д о р. Не даешь волей, возьмем силой!

К о к о р и к у (*задув свечу, в сторону*). Возьми ж теперь!

Совершенная темнота.

Б у т о н д о р. У! Какая тьма кромешная!.. Отчего это свечка погасла?

К л а р а. Это ветром... в окно...

Б у т о н д о р. Ну что ж? Тем лучше! Сама судьба нам помогает!.. Свечу должно было погасить для общественного спокойствия!.. Нам света не нужно... нас двое — и

друг друга сыщем... *(Идет к Кларе, протянув вперед руки.)*

Кокорику отводит Клару и становится между нею и Бутондором.

К о к о р и к у *(в сторону)*. Да, двое, не считая меня.

Б у т о н д о р *(продолжая размахивать руками, переступая вперед. Кокорику с Кларой идут от него)*. Ты, плутовка, не уйдешь от меня, нет! я старый воробей! *(В сторону.)* О, чорт возьми! Сердце так и хочет выпрыгнуть!.. Каков я-то?.. Ведь красотка-то, просто, ахти-мне!.. Bravo, Бутондор! *(Идет и натывается на кресло, хватаясь за ногу.)* Ох, чорт возьми! проклятое кресло!.. Послушайте, ангел мой! Сжался надо мной! Дай ручку мне свою!..

Кокорику подает ему свою правую руку, а левую держит Клару.

О, какое блаженство!.. Какая пухленькая, миленькая ручка! *(Целует ее.)*

К о к о р и к у *(тихо Кларе)*. Скажи ему: довольно!

К л а р а. Довольно, господин сержант!.. Пустите меня!..

Кокорику отнимает руку и, с Кларой переходя на другую сторону, щиплет Бутондора.

Б у т о н д о р. Ой!.. Ой!.. Ах, злодейка!.. ведь больно!.. За это ты должна непременно меня поцеловать!.. *(Идет в противоположную сторону. Клара смеется.)* А! ты там... *(Подходит к ним.)* Ну, поцелуй же меня!

К л а р а. Нет, уж это слишком!.. вы забываетесь, господин судья!

Б у т о н д о р. Не даешь волей, возьмем силой!.. В штыки, чорт возьми!.. да нет! Ты не можешь отказать в такой безделице... для общественного спокойствия ты должна меня поцеловать!..

К л а р а *(которой подсказывает Кокорику)*. Хорошо, я согласна. Но прежде вы должны дать, чего я у вас попрошу. Дайте мне ключ от двери — и я поцелую вас.

Б у т о н д о р. Не обманешь? Изволь, мой жизненочек! Вот вам ключ! Видите, как я благороден. *(Отдает ключ в руку Кокорику, тот передает Кларе. В то же время Бутондор обнимает Кокорику.)*

Бутондор.

О, сколько наслажденья
Девицу целовать!
Я нем от восхищенья!..
Не знаю, что сказать!..

Кокорику (*в сторону*).

О, сколько наслажденья
Его так падувать!..
И я от восхищенья
Готов хоть танцевать!..

} Вместе.

В конце ансамбля Кокорику дает знак Клара, чтоб она уходила.

Клара (*тихо Кокорику*). Прощай, Кокорику!
(*Отпирает дверь и убегает.*)

Бутондор (*удерживая Кокорику*). У! чорт возьми! да какая ты сильная!.. душа моя! позволь еще поцелуй... один только!..

Кокорику отпихивает его и бьет ногами по ногам Бутондора.

А! ты не хочешь волей — так возьмем силой!..

Кокорику схватывает с него парик и бросает на пол.

Бутондор. Какая дерзость!.. О, я отомщу... я старый воробей!..

Кокорику (*кричит*). Нет, ты старая ворона... самозванец!..

Бутондор. Что я слышу?.. Да это не женский голос!.. Здесь воры!.. убийцы!.. Караул! Помогите! режут! Караул!..

Кокорику (*дает ему толчок убегая*). Теперь давай бог ноги! (*Бежит к средним дверям; навстречу ему вбегают сторожа с палками и факелами и схватывают его за руку.*)

ЯВЛЕНИЕ 8

На сцене светло.

Бутондор без парика, мантия свалилась, и видно платье сержанта, Кокорику и сторожа.

Бутондор. Она убежала!.. Держите его!.. Держи-

те крепче!.. он заплатит мне и за нее, и за себя!.. Как ты сюда попал, разбойник? а?

1-й сторож (*ему же*). А ты как сюда попал, служивый, а?

Бутондор (*спохватясь*). Ах, я дурак! (*К ним.*) Ну, что же, господа! я пришел сюда затем... так знаете... ради общественного спокойствия... но он?.. О, это ужасный разбойник, вор... он всё, что вам угодно!..

1-й сторож. А как же на тебя попало платье нашего судьи, а? А это еще что такое? (*Поднимает платье писаря.*) Парик и мантия нашего писаря!.. Что это значит?.. Э! да вы, господа, с позволения сказать, мошенники!.. Хорошо! Ребята! свяжите их и до рассвета посадите в арестантскую!.. (*Приступают вязать.*)

Бутондор (*не даваясь*). Нет!.. Я не позволю!.. Вы не знаете, с кем имеете дело!.. Прочь!.. Прочь от меня, или я изрублю!..

1-й сторож. А! да ты еще и буянишь!.. Ребята! не вяжите того, тот, кажется, малый смирный, давайте сюда веревки! Вот этого сокола надо крепче скрутить!..

(Все сторожа бросаются на Бутондора и вяжут его.)

Х о р с т о р о ж е й.

Ребята! Примемся дружнее!
Его веревкой обовьем,
Скорее скрутим посильнее —
И в арестантскую сведем!..

Кокорику этим временем убегает.

1-й сторож: А другой-то где?.. Лови, лови его!.. (*Бросают связанного Бутондора и убегают.*)

Бутондор (*лежа кричит*). Скоты!.. Разбойники!.. Изрублю!.. Эх, где вы?.. Изрублю!..

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

КАРТИНА ЧЕТВЕРТАЯ

БУРЯ И КРОВОПРОЛИТНОЕ СРАЖЕНИЕ

ДЕЙСТВУЮЩИЕ:

Кокорикку.

Клара.

Бутондор.

Действие в доме судьи.

Театр представляет чердак. На полу постлапа пучками солома; на жердях и в корзинах сидят несколько посаженных кур. Направо от зрителя в глубине лестница, ведущая вниз, через которую виден только деревянный балюстрад. На той же стороне, на первом плане, небольшое слуховое окно. Прямо против зрителей большое окно, какое обыкновенно бывает на чердаках. Около него и на полу разбросанные разные полевые земледельческие орудия, как-то: серпы, косы, вилы, деревянные лопаты, метлы; в стороне на жердях висят несколько связанных вешиков. На сцене ночь.

Я В Л Е Н И Е 1

К л а р а *(взбегает по лестнице и осматривается)*. Господи! Куда это я зашла?.. Бегала, бегала по этому проклятому судейскому двору, не могла выйти на улицу!.. Это, кажется, нежилое место — верно, чердак! Всё я здесь безопаснее, чем в руках у этого проклятого судьи!.. У! как я озябла!.. Бедный Кокорику! что-то будет с ним?.. Дай лягу где-нибудь, а как только покажется солнышко, — я и отправлюсь! *(Ложится направо на пучок соломы и закрывается соломой же.)* Ах! где-то теперь моя курочка?.. *(Небольшое молчание.)* Что-то делает теперь моя бабушка?.. *(Засыпает.)*

Я В Л Е Н И Е 2

К л а р а спит закрытая. Среднее окно растворяется, и прежде показываются ноги К о к о р и к у, потом он сам осторожно спускается на чердак.

К о к о р и к у. Ищи ж меня теперь!.. Небось, бегают, как угорелые!.. Хороши сторожа!.. Впрочем, один было совсем схватил меня, но я дал ему хорошего столба, а сам, как кошка, взобрался на эту крышу!.. *(Осматривается.)* Куда ж это я попал?.. Э! да мне что за надобность?.. вот, где теперь бедная Кларочка? Вот это совсем другое дело! Девушка в такое время всякому глаз колет... впрочем, может быть, она теперь уж в своей комнате и ложится спать... дай и я то же сделаю!.. На что бы прилечь?.. *(Ощупывает, идя направо.)* А! Милосердная судьба мне и соломки подложила... *(Ложится около Клары и кладет голову на нее.)* Прощай, Кларочка! Прощай, ангелочек!.. до свиданья!..

Начинает светать.

К л а р а (*вскакивает*). Ай, ай!.. кто это?.. Кто здесь?..

К о к о р и к у (*в ужасе вскакивает на колена*). Господи! Кто здесь?..

К л а р а (*также вскакивает на колена и, сложивши руки*). Ах! умоляю — пощади!..

К о к о р и к у. Как!.. Что я слышу!.. Это вы, мамзель Клара?..

К л а р а. А это вы, Кокорику?..

К о к о р и к у. Я, прелестная Клара! Вы как сюда попали?

К л а р а. Я не могла найти выхода и прибежала сюда. А вы?

К о к о р и к у. А я знал, где выход, да влез сюда поневоле: за мной четверо гнались!.. Что ж мы станем делать, мамзель Клара?

К л а р а. Как только взойдет солнышко, вы проводите меня домой...

К о к о р и к у. Да уж солнышко-то взошло! Этот чердак за большим домом, оттого здесь и темно.

К л а р а (*смотря в окно*). Господи! Совсем рассвело!.. Я проспала здесь целую ночь!..

К о к о р и к у. Что ж? Тем лучше! Для вас спокойствие было необходимо...

К л а р а (*плачет*). О, как рано!.. Теперь я пропала!..

К о к о р и к у. Нет, мамзель Клара! вы не пропали, потому что я вас нашел.

К л а р а. О, оставьте меня!.. Ради бога, оставьте!.. Теперь день — и я одна найду дорогу...

К о к о р и к у. Одной итти я вам не советую... вот вам моя рука: я хорошо знаю дорогу и прямо приведу вас домой... без меня ж вы заблудитесь... (*Смотрит в окно направо.*) А! вот она, штука-то!.. (*Протягивает в окно руку.*)

К л а р а. Что еще?

К о к о р и к у. Не беспокойтесь, ничего, ничего!.. Там маленькая тучка... и дождик небольшой, но крупный...

К л а р а. Пусть он идет — и я пойду. Дело идет о спокойствии моей бабушки — и дождик меня не остановит. (*Идет к лестнице, приподнимает юбочку и собирается сойти вниз. В это время в большое окно видна мол-*

ния, она с криком отскакивает назад.) Господи! Какой страх!.. (Закрывает руками глаза.)

К о к о р и к у. Видите ли! Гроза заходит — и, повидимому, будет страшная буря!..

К л а р а (прячется от страха). Ах, не говорите этого!.. Ради бога, не предвещайте бури, — я ужасно боюсь грома... (Вдали слышен гром, Клара приседает от страха.)

К о к о р и к у. Да, это очень опасно!.. С месяц назад у моего крестного батюшки грозой убило осла оттого, что он поупрямился — не вошел в хлев, а расхаживал по двору.

К л а р а. Ах, не рассказывайте этаких вещей, мне и без того страшно!..

К о к о р и к у. Тоже вот недавно у нашей соседки Пишу убило корову, да так, что на другой день нашли только рога и хвост, а отчего? оттого, что забыли затворить дверь в хлеве.

Молния.

К л а р а (быстро подбегает к окну направо и затворяет его ставней). Теперь не так опасно...

Гром.

К о к о р и к у. Что, мамзель Клара? Вы всё еще намерены итти? (Смеется.)

К л а р а. О, Кокорику! да вы презлой человек!.. Стыдно смеяться над бедной девушкой... что я боюсь, — это не моя вина!

К о к о р и к у. Нет, Клара!.. Я несколько не вол и не смеюсь, а может быть, больше вашего робею: посмотрите, как бьется мое сердце!.. (Берет у нее руку и прикладывает к сердцу.)

К л а р а. В самом деле!.. Ах, бедненький Кокорику! И вы также боитесь грозы...

К о к о р и к у. Да, я боюсь, но только не грозы...

К л а р а (в сильном страхе). Да разве есть что-нибудь страшнее? Скажите ж, пожалуйста, что такое?

К о к о р и к у. Нет, этого нельзя сказать!.. Но знаете, что мы сделаем? Мы оба теперь робею, так соединим наш страх в одно и тогда, верно, нам не так будет страшно, не правда ли?.. (Берет два снопа соломы и кладет их посередине сцены.) Сядем рядом, и посмотрите — нам будет гораздо веселее!..

К л а р а. О нет, нет! *(Берет один сноп.)* А я сяду вон там! *(Несет сноп направо в угол и садится.)*

К о к о р и к у *(берет свой сноп и относит его на другую сторону, налево).* Как хотите!.. Я для вас же хотел. Смотрите, не испугайтесь!..

К л а р а. Не беспокойтесь!..

К о к о р и к у.

Не испугайтесь, смотрите;
И рядом лучше б нам сидеть...

К л а р а.

Я не боюсь, не хлопчите...
И гром перестает греметь...

(Удар грома и молния. Она вскакивает и тащит свой сноп к Кокорику. Он делает то же.)

К л а р а.

Ай, ай!

К о к о р и к у.

Ай, ай!.. еще сильнее!..
Смотрите, небо все в огне!

К л а р а.

Час от часу гремит страшнее.

К о к о р и к у.

Еще подвипьтесь вы ко мне!..

(Она и он придвигаются.)

Я говорил; вы не хотели
Поверить дружеским словам,—
Надули губки, в угол сели...
А рядом сесть всё лучше б нам!..

Гром.

К л а р а. Ах! гроза всё больше и больше!..

Нечувствительно придвигаются друг к другу.

К о к о р и к у. Ведь я вам говорил, вы только не хотели мне поверить; я говорил, что должно сесть рядом.

Гром.

К л а р а *(в ужасном страхе).* Пожалуй!.. Но только сделайте милость, оборотитесь ко мне задом — и не смотрите на меня. *(Сама садится к нему спиной.)*

К о к о р и к у (*печально*). Извольте, если вы непременно этого хотите. Я, чтоб вас успокоить, буду смотреть к себе в карман. (*Оборачивается также спиною.*) Ах, мамзель Клара! Посмотрите-ка вокруг — в какой мы компании!..

Клара повертывает тихо голову, в это время и Кокорику делает то же; наконец, они встречаются взорами, что заставляет их быстро принять прежнее положение.

К л а р а. Я ничего не хочу видеть!..

К о к о р и к у. И я также!.. Это так вздумалось мне показать вам... а впрочем, посмотрите на этих курочек.

Как дружно к петушку припали!..
К нему в кружок все собрались!..

(*Берет ее руку.*)

Ах, если б вы так поступали,
Как сладко б дни наши неслись!

Гром.

Вокруг их бури и невастье!..
Они ж без страха сладко спят.
Кто любит, тот вкушает счастье,
К нему все радости летят!..

(*Обнимает ее одной рукой. Гром. Клара прижимается к нему.*)

Теперь вам нечего страшиться!
Пройдет гроза — и мы пойдем,
И, если уж беле случиться,
В беду мы оба попадем!..

Стало быть, во всяком случае, не одна будете страдать, а со мною вместе.

Сильный удар грома и блеск молнии. Клара от страха склоплет голову на колени Кокорику. Он целует ее; приподнимает и сажает к себе на одно колено.

К о к о р и к у. Придите в себя, моя милая Кларочка!.. Это ничего, пройдет... это последний удар, уже больше не будет!.. Сейчас разгуляется... Успокойтесь!

К л а р а (*в слезах*). Ах, Кокорику! Я вам вверилась, как честному человеку, а вы вот как поступаете!..

К о к о р и к у. Да что же такое я сделал?

К л а р а. Как что? Да ведь вы поцеловали меня... экой злодей!..

К о к о р и к у. Это совсем не злость, а что-то лучше этого...

К л а р а. Да что ж такое?

К о к о р и к у. Это... это любовь, мамзель Клара!

К л а р а. Любовь?.. (Отбегает в прежний угол.) Уйдите вы, сделайте милость!.. Любовь!.. Ах, господи! Да знаете, сударь? Моя матушка умерла от этого, вот и я, верно, также умру... А! вы хотите моей смерти, бог с вами!..

К о к о р и к у. О! Что за слова?.. от любви не умирают, а живут двойною жизнью!.. Буря утихает; теперь можно и в путь... Пойдемте!..

Клара колеблется.

Теперь вам нечего бояться: кто бы ни встретился, вам ничего не сделает потому, что с вами я, и не просто провожатый, а много больше этого... теперь я ващищаю вас и самому чорту рога сломаю, не только какому-нибудь негодному сержанту... Ах! совсем было забыл. Сейчас возьму и со всем семейством явлюсь к бабушке — я сейчас ворочусь — она здесь недалеко у меня спрятана.

Я сейчас!.. Вы подождите,
Я к вам с Беляшкой ворочусь.
Прощайте, ангел мой!

К л а р а.

Идите!

Я долго быть одна боюсь...

К о к о р и к у.

Чего ж бояться? Пол рукою
У вас защита.

К л а р а.

Знаю я...
Но вы теперь еще со мною;
А я боюсь за себя...

Кокорик уходит в большое окно и в виду зрителей спускается вниз.

ЯВЛЕНИЕ 3

К л а р а, потом Б у т о н д о р.

К л а р а (*смотря на Кокорику*). Ну, если ее опять украли?.. (*Подходит ближе к окну.*) Ах, нет! вон она, у него в руках... О, Беяночка! погоди ж, вот я тебя!.. Ах! вырвалась!.. убежала!.. Он бросился за нею... Скорей, скорей, Кокорику! Уйдет!.. Поймал, поймал; несет сюда... А! за ним гонится петух!.. Это что за новости?.. Кокорику гонит его прочь!.. Хорошенько его!.. Хорошенько!.. (*Продолжает смотреть.*)

Б у т о н д о р (*показываясь на лестнице; нос его красен от вина; он ходит пошатываясь*). Ах, черт возьми! Кажется, только четыре бутылки выпил, а пьян!.. Ну, что ж такое, в самом деле? Пьян, да умен — два уголья в нем!.. Я даром, что пьян, а всё сделал, как должно, и всем распорядился для общественного спокойствия... Скотов-сторожей нынче выдерут, как должно, а этого сорванца поймают. Нет! Тю-тю! меня, брат, не надуешь — я ведь старый воробей! Где б ты ни притаился, а от меня не уйдешь!.. Ворота я приказал караулить и сам лично обыскал все мыши норки... вот только здесь, кажется, еще не был... точно, не был... (*Осматривается и видит Клару.*) А, милочка!.. Какими судьбами?.. Здравствуй, моя прелесть!..

К л а р а. Ах, боже мой! Опять солдат!.. Куда деваться?..

Б у т о н д о р. А! Наконец!.. Я поймал тебя, вострушка!.. злодейка быстроглазая!.. Ты заставила сержанта Бутондора понапрасну хлопотать, — постой же! Ты со мной расплатишься, как должно!.. (*Идет к ней, она бежит от него.*)

К л а р а (*убегая от него*). Ах, господин сержанта! Сделайте милость, не трогайте меня...

Б у т о н д о р. Ну, нет, я долго терпел! Теперь не жди пощады — я ведь старый воробей!.. И непременно тебя этакую... для общественного спокойствия! (*Бежит к ней шатаясь.*)

К л а р а (*бежит к окну*). Кокорику! Кокорику! Скорей сюда! Кокорику!

Б у т о н д о р. Зови, кричи... Сержанта никого не боится!..

К л а р а. Кокорику! Кокорику!

ЯВЛЕНИЕ 4

Те же и Кокорику (показывается на лестнице).

Кокорику.

Что здесь за шум? Что это значит?
Ах! Здесь проклятый наш солдат!..

Бутондор (*схватив за руку Клару*).

Меня никто не одурачит!
Я рассержусь — мне чорт не брат!..

Кокорику (*отталкивает его и становится между ним и Кларой*).

Потише!.. К ней не подходите!..

Бутондор.

Мужик! Изрежу по кускам!..

Кокорику.

Свой нос и уши берегите —
Вы страшны только по усам!..

Бутондор.

Мужик! Ты смеешь грубиянить?
Ведь я с тобой, брат, не шучу!..
Пошел же прочь!

Кокорику (*отпихивая его*).

Ну, не буянить!..
Не то я вот чем проучу!

(*Грозит кулаком.*)

Бутондор (*вынимая саблю*). Ты смеешь грозиться на меня?.. Теперь жизнь твоя на волоске!..

Клара (*тащит назад Кокорику*). Кокорику! Он убьет вас.. ради бога, не подходите близко!..

Кокорику. Ничего! Ну, где ж старой вороне убить Кокорику?.. Постой, мне сама судьба посылает оружие. (*Схватывает деревянные вилы и бежит на Бутондора.*) Берегись, господин сержант, назад!

Бутондор (*плетется назад, махая саблей*). Мужик! Смотри, в глаз попадешь!.. Изрублю!..

К о к о р и к у *(двумя концами вил схватывает за шею Бутондора и роняет его на сноп соломы, что около правой стены, и упирается вилами в стену)*. Вот так, господин сержант! Это необходимо для общественного спокойствия. Мамзель Клара! вы свободны, идите скорей! На лестнице стоит корзинка с Белянкой... я сейчас за вами!..

К л а р а *(убегая)*. Благодарю вас, Кокорику!

Б у т о н д о р *(во всё это время кричит)*. Пусти!.. Изрублю!.. Пусти, говорят тебе!.. Ты можешь удавить сержанта Бутондора!.. Мужик!.. берегись — изрублю!..

К о к о р и к у *(укрепляя конец вил в пол, убегает за Кларой)*. Будьте здоровы, господин сержант!

Б у т о н д о р *(рубит вилы саблей и кричит)*. Пусти меня!.. изрублю!.. Скот!.. Мужик!.. Ой, батюшки! Помогите!

З а н а в е с

ДЕЙСТВИЕ ПЯТОЕ

КАРТИНА ПЯТАЯ

НЕОЖИДАННОЕ ПРЕВРАЩЕНИЕ

ДЕЙСТВУЮЩИЕ:

Бабушка.

Клара.

Кокорьку,

Нотариус.

Соседи и соседки.

Действие там же, где было 1-е действие,

Комната первого действия.

ЯВЛЕНИЕ 1

К л а р а, б а б у ш к а и К о к о р и к у.

При поднятии занавеса дверь средняя отворена; бабушкина мантилья брошена на кресло; всё в беспорядке; К л а р а стоит на коленях перед бабушкой со сложенными руками; б а б у ш к а стоит подле нее, поднявши трость.

Б а б у ш к а. Замолчи, несчастная! Я ничего не хочу знать и слышать!.. Не знаю, право, что меня удерживает?..

К л а р а. Бабушка! Сжальтесь надо мною!..

Б а б у ш к а. Оставить дом, несмотря на мой строгий приказ!.. а?.. да как ты смела?.. Приезжаю домой—ни души!.. Спрашиваю — никто не отвечает! Ни тебя, ни Белянки... точно вымерло всё!.. Вот и карауль девчонок! Вот и воспитывай курочек!.. Оставить на минуту, а они расправят крылья — и поминай как звали! Неблагодарные!..

К л а р а. Бабушка! Клянусь, что этого вперед не будет!..

Б а б у ш к а. Да мне-то что от этого за польза?

К л а р а (*встает*). Всех виноватее Белянка. Если б она воротилась, когда я ее звала, то ничего бы и не было!

Б а б у ш к а. Негодная! О, только бы найти ее!.. Уж я бы ей дала знать, как выбегать на улицу!.. (*Говоря эти слова, она взглядывает на корзину и видит в ней Белячку.*) Ах, господи! да она здесь!.. Беденькая! Как похудела!..

К л а р а (*подходя к корзине*). Неужели здесь?.. Ах, бабушка! Я, ей-ей, не знаю, как это сделалось, — это, верно, колдовство!..

Б а б у ш к а. Колдовство? Так!.. И ты ничего не знаешь?.. Ох, Клара!.. Хитришь. Из этого я вижу, что всё рассказанное тобою была басня!.. да, да, — одна выдумка!..

К л а р а. Ах, бабушка!.. вам грешно подозревать меня во лжи, — я всегда говорила вам правду.

Б а б у ш к а. Но можно ль поверить, чтоб беззащитная девушка могла ускользнуть от стольких опасностей и соблазнов?..

К л а р а. Да ведь я вам говорила, что всё это делалось каким-то колдовством; и если вы теперь еще видите меня, то этим обязаны храбрости одного...

Б а б у ш к а. Кого это одного?

К л а р а. Да, одного человека, который с опасностью жизни защищал меня и курочку и сохранил нас от погибели.

Б а б у ш к а. И этот храбрец молодой или старый? а?.. Что ж ты не отвечаешь?.. а? Злодейка! верно, молодой?

К л а р а. Да, бабушка, молодой-с!

Б а б у ш к а. Несчастливая!.. Погибшая!.. И, верно, говорил тебе о любви?

К л а р а. Да, бабушка, говорил-с!

Б а б у ш к а. Господи боже мой! Вот куда пошли мои труды и попечения!

К л а р а. Но, бабушка! он такой хор...

Б а б у ш к а. Молчи!.. Я ничего слышать не хочу!.. Чего я боялась, то и сделалось!.. По крайней мере, знаешь ли, кто он? Как зовут?

К л а р а. Кокорику.

Б а б у ш к а. Кокорику?

Ну, не ждала такой печали
Узнать я на своем веку!..

К л а р а.

Но, если б, бабушка, вы знали...

Б а б у ш к а.

И знать я, внучка, не хочу!..
Ох, умираю!.. Поддержите!..

Клара хочет говорить.

Ни слова больше!..

К л а р а (*поддерживая ее*).

Я молчу.

Вы лучше сядьте, отдохните. (*Ведет ее к креслу*).

Не знала я, что павлеку
Поступком этим огорченье...

Бабушка садится. Слышен крик.

Бабушка (*в ужасе вскакивает и смотрит на кресло*). Кто здесь? Скажи!..

Кокорику сбрасывает мантилью, которою был закрыт.

Клара и Кокорику. Кокорику?!

Бабушка. Нет!.. Привиденье!..

Клара. Ах, какое счастье! вас сержант-то не убил?..

Бабушка (*берет за ухо Кокорику и заставляет его сойти с кресла*). Как! Ты опять здесь, разбойник этакой! а?.. Тебе мало, что нарушил спокойствие моего дома, ты еще осмелился пугать меня самое?.. а?.. Кто тебе позволил сюда прийти?.. а?.. Зачем ты пришел?.. И как вошел сюда?.. а?..

Кокорику. Бабушка! Не сердитесь. Я пришел сюда затем, чтоб узнать, благополучно ли дошла до дому мамзель Клара, потому что я ее никак не мог догнать... и не знаю, как пришел сюда прежде ее. Подхожу к дому, дверь отворена; вхожу, пускаю Белянку на прежнее место, оглядываюсь — а вы стоите ко мне задом... я не знаю, как это вы меня не видали...

Бабушка. Видишь, какую историю рассказывает!.. Убирайся вон, или худо будет!.. Ведь я не Клара и шуток не люблю!.. Слышишь?.. Вон сейчас! (*Подымает трость и идет к Кокорику*.)

Клара (*удерживая ее и бросаясь на колени*). Бабушка! Милая, добрая бабушка! Не бейте его!

Кокорику (*также бросаясь на колени сзади Клары*). Бабушка! успокойтесь и бросьте вашу палку, — вы только измучите себя!.. А ведь я ни за что не уйду отсюда. (*Встает.*) К тому же палка — не свой брат... и я совсем не привык к таким увещаниям!..

Клара переходит направо к бабушке.

Я же пришел к вам по делу, важному делу... я принес вам письмо от нашего пастора, с которым я сейчас виделся и во всем ему открылся. И он, по просьбе моей, решился к вам написать. Извольте, прочтите!.. (*Подает ей письмо*.)

Бабушка. Письмо от пастора?.. дай скорей!.. Ах, боже мой! ведь я так-то не вижу, а очки потеряла.

Кокорику. Нет, вы вчера забыли их в моем кармане, а нынче я вам их возвращаю. (*Подает ей очки*.)

Бабушка. Как! и это твое дело?.. Ну, повеса!..
(Надевает очки.)

Клара. Бабушка! Читайте поскорей! Может быть, пастор советует вам... отдать меня замуж.

Бабушка (снимая очки). Замуж? (Берет ее за ухо.) Раненько собралась!.. раненько!.. да!.. Если б он и в самом деле советовал, то где найдется жених для такой невесты, как ты? У тебя теперь ровно ничего нет.

Клара. Как, бабушка, ничего нет?

Бабушка. Да, так, внучка! Наше дело проиграно, всем завладел твой проклятый двоюродный братец — и ты ничего не получишь из наследства.

Клара. Неужели ничего? Ах, боже мой! Какой он жадный!.. Да вы бы, бабушка, поговорили с ним, попросили...

Бабушка. Попросили!.. Поговорили!.. А где мне прикажешь его сыскать?.. Я его и не видала!..

Кокорику. И я то же скажу вам, бабушка! Вы напрасно его не поискали, а, кажется, найти не трудно. Наденьте-ка очки!

Клара. Да разве вы его знаете?

Кокорику. Как самого себя; я с ним никогда не разлучался.

Бабушка. Как! Ты знаком с ним?

Кокорику. Да еще как знаком-то! Я знаю, где он теперь, знаю даже, что он влюблен в вашу внучку до страсти, знаю, что он за ней ничего не потребует приданого, а только одну ее, знаю...

Бабушка. Но скажи, пожалуйста, где он теперь?

Кокорику. Он... перед вами!

Клара. Как! вы?

Бабушка (вместе с Кларой). Как! Ты?..

Кокорику. Да, я, прелестная Клара! Карл Патю, прозванный Кокорику за то, что раньше всех просыпался и всех будил на работу. Мне хотелось прежде узнать ваше сердце и доказать вам мою преданность и потом уже сказать, кто я в самом деле. Мой крестный отец никогда меня не выгонял, а ждет меня, как родного сына... Клара! прости меня за это дерзкое испытание.

Клара (стыдливо). Ах, братец! если б я знала...

Кокорику. Если б и знала, то лучше бы не могла себя вести.

Б а б у ш к а. Вот неожиданное превращение! Как! да неужели в самом деле ты?.. ох, виновата!.. Вы тот самый...

К о к о р и к у. Я, я, бабушка! Простите и вы меня за маленькие вольности; право, я всё это делал из любви к вашей прекрасной внучке. Вы сейчас горевали, что у Клары нет приданого, я ей отдаю всё мое имение, а у меня его очень довольно, не считая нового наследства. За всё это я прошу одной награды — руки ее.

К л а р а (*тихо бабушке*). Бабушка, я пойду надену новую юбочку.

Б а б у ш к а. Уж теперь поздно, он тебя и так видел. (*Ему.*) Ах, батюшка! я, право, не могу прийти в себя... прошу покорно садиться... Я не прочь. Но вот вчерашний-то ее поступок... впрочем, отец мой, ведь она это сделала, право, по неопытности.

К о к о р и к у. Этот самый поступок и доказал всю ее невинность. Я не оставлял Клару ни на минуту — и отвечаю за нее. Об ней не беспокойтесь; вот за Белянку я не поручусь — она очень дурно себя вела!..

Б а б у ш к а. Э, батюшка! да что ж может сделаться с курицей, особенно с моей?

К о к о р и к у. Ну, не говорите этого, а лучше посмотрите. (*Идет к корзине, в которой сидит курочка, бабушка за ним; он берет корзину в руки, открывает ее и показывает.*) Видите, у вас скоро будет целое куриное семейство!

Б а б у ш к а (*вскрикивая в испуге*). Ай, ай!.. (*Быстро закрывает корзинку.*)

К л а р а (*подходит с любопытством*). Что вы, бабушка?.. Что с ней?..

Б а б у ш к а (*быстро*). Ничего!.. ничего!.. ох, мне твое любопытство!.. После всё узнаешь!..

К о к о р и к у (*ставит корзинку на прежнее место*). Когда после? После нашей свадьбы?.. Бабушка! Не препятствуйте нашему счастью! Умоляю вас! Вот посмотрите: сюда идет вся наша деревня, я уж всех пригласил бы ко мне на свадьбу.

Б а б у ш к а. Да что ж? Я не прочь, если есть на то ваше обоюдное желание.

К л а р а (*с радостью*). Так вы согласны, бабушка?

Б а б у ш к а. Да, что ж с вами делать?

К л а р а (*прыгая к ней на шею*). Ах, бабушка! Милая, добрая, хорошая!.. Ну, бабушка, теперь я уж невеста!.. Скажите же, пожалуйста, что вы увидели в корзинке?

Б а б у ш к а. Ведь этакое любопытство!.. Ну, ничего, да и только!.. досадно даже, право!..

К о к о р и к у (*Кларе*). Т-с!.. об таких вещах не спрашивают, — это тайна бабушкиной курочки!.. (*К входящим нотариусу, крестьянам и крестьянкам.*) Милости просим!..

Б а б у ш к а. Прошу покорно!.. (*Сажает нотариуса.*)

Я В Л Е Н И Е 2

Т е ж е, н о т а р и у с, к р е с т ь я н е и к р е с т ь я н к и.

К р е с т ь я н к и (*хор*).

Здорова ль, бабушка ты наша?
Мы к вам пришли попить:
Выходит замуж внучка ваша, —
Пришли ей счастья пожелать.

Н о т а р и у с. Можно приняться и за контракт?

К о к о р и к у. Разумеется, можно... ах, нет, позвольте! (*Кларе.*) Клара! Я тебя от многих бед избавил; избавь же и меня. (*Показывая на зрителей.*) Теперь твоя очередь. Проси о снисхождении.

К л а р а (*робко к нему*).

Но как просить?.. Ах! я не смею...
Мы виноваты так с тобой...

К о к о р и к у (*указывая на зрителей*).

Они добры...

К л а р а.

Но я робею...

К о к о р и к у.

Но что ж ты делаешь со мной?
Меня зарежут!..

К л а р а (*испузавшись, быстро подходит к зрителям*).

Ах, простите,
Что навели на вас тоску!
И сжальтесь: крыльев не щиплите
У моего Кокорику.

В с е.

И сжальтесь: крыльев не щиплите
У моего Кокорику!..

К о н е ц

**ВАРИАНТЫ
И
КОММЕНТАРИИ**

**ОБЪЯСНЕНИЕ УСЛОВНЫХ СОКРАЩЕНИЙ,
ПРИНЯТЫХ В IV ТОМЕ**

ЛТБ — Ленинградская театральная библиотека имени
А. В. Луначарского.

Р — Журнал «Репертуар русского театра».

РА — Рукопись Алексева.

РЛ — Рукопись ленинградская.

РМ — Рукопись московская.

РН — Рукопись Некрасова.

РЦ — Рукопись цензурованная.

РЧ — Рукопись черновая.

ВАРИАНТЫ

ДРАМАТИЧЕСКИЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ

(1840—1867)

1840

ЮНОСТЬ ЛОМОНОSOVA
(Стр. 7)

Варианты РЦ

- 7 3—4¹ *Вместо* «Драматическая фантазия в стихах; в одном действии с эпилогом»: *² .
а Детская драматическая фантазия в стихах, в двух сценах с эпилогом.
б Драматическая фантазия в стихах, в одном действии.
- 9 4 *Вместо* «Сидит мальчик с книгой»: *
а Сидит мальчик лет десяти.
б Сидит мальчик.
- 9 16 *Вместо* «Господь даст день и пищу, — не тужи!»:
Господь даст день и пищу, даст, не бойся!
- 10 2—3 *Вместо* «Зато наш сын войдет в то время в силу:
На старости призрит, прокормит нас»:
Мы выбьемся из сил, а сын войдет наш
в силу:
На старость лет призрит, умрем — нам
даст могилу.

¹ Первая цифра означает страницу текста, вторая — строку. — *Ред.*

² Звездочкой помечен основной текст, воспроизведенный по правленной Некрасовым корректуре. — *Ред.*

- 11 29 *Вместо* «Лишь вы зато читать мне не мешайте»: *
И вы зато читать мне не мешайте.
- 12 31 *Вместо* «Всё, на чем свет стоит, изводал»: *
Всё, на чем свет стоит, проводал.
- 14 16 *Вместо* «Пусти учиться!»:
Пусги ж меня!
- 15 21 *Вместо* «Михаил заливаётся слезами»: *
Михаил заливаётся слезами и долго,
горько рыдает.
- 15 22—25 *Вместо* «Сцена II. Поле. Вдали лес. Вправо больша-
шая дорога. Михаил (*один*)»:
Сцена II. Михаил (*один*).
- 16 18—19 *Вместо* «Иди, лишь не кривым путем,
Будь честен, добр, покорен, прямодушен»:
Иди только прямым путем,
Будь честен, ласков, прямодушен.
- 17 7—8 *Вместо* «А доказать я не могу,
Что он ошибся! Как же быть?»:
Когда бы можно, я бы доказал,
Что я не брежу, как же быть?
- 20 9 *Вместо* «Ломоносов сидит в задумчивости»:
Пожилой человек сидит в задумчивости.
- 21 21 *Вместо* «И от нее почтен вниманьем»:
И от нее как сын обласкан
- 21 23—26 *Вместо* «Горжуся тем, что сердце Россов ∞¹
По смерти даже будет жить!»:
Горжуся тем, что сердце Россов
Моя песнь тронет, хоть слегка,
Что, сын простого рыбака,
Жить будет вечно Ломоносов!

ВЕЛИКОДУШНЫЙ ПОСТУПОК

(Стр. 23)

Варианты РЦ

- 25 24 *Вместо* «И докажу, что понимать»:
И докажу, что обижать
- 26 27 *Вместо* «Лоб его или затылок»:
И как раз его затылок

¹ Знак ∞ разделяет начальные и конечные слова текста, к которому дается вариант. — *Ред.*

- 35 31 *Вместо* «Прости меня, мой Митя милый»: Прости меня, любезный Митя
- 35 35 *Вместо* «Полюбит, как родного, Митя»: Ты братом будешь мне, мой Митя

ФЕДЯ И ВОЛОДЯ
(Стр. 37)

Варианты РЦ

- 40 28–29 *Вместо* «и твердости вашего слова»: и твердости вашего характера.
- 41 23–24 *Вместо* «В двенадцать лет уж мой папа Губил врагов ружьем и шпагой»: В двенадцать лет ведь мой папа Уже владел ружьем и шпагой
- 44 40–42 *Вместо* «она даже не любит танцевать со мной и говорит, что я худо танцую»: она даже не любит танцевать со мной, или танцует как-то нехотя и говорит, что я сбиваюсь в па.
Ведь это хоть кого обидит,
Вот почему сегодня я
Все танцевал; пускай увидит,
Хуже ль других танцую я!
- 47 26–27 *Вместо* «Что Феденька зверь, Неловкий, степной и упрямый»: Что Федя, как зверь, Неловок и дик, нестерпим
- 53 7 *Вместо* «То безвестным чем-то я»: То страстей потоком я
- 53 8–11 «Я ребенок! нет, игрушки ∞ от огня первоначально следовали за «Поппимаю цель вещей» (52, 41).
- 53 19 *Вместо* «Становись! — я отомщу»: Становись! — я докажу.

1 8 4 1

АКТЕР
(Стр. 125)

Варианты РН

- 127 9–10 *Вместо* «дублет в угольную... Я надеюсь»: дублет в угольную... А заметили вы

карамболь?... вот так шары и колятся,
сердечные... Даже жаль... Однакож и
надеюсь

127 27—30 *Вместо* «Хоть на три тысячи ∞ отлично в блузу»: Я мастерски шары катал
Величиной хоть по арбузу —
И превосходно попадал
Я в среднюю то время лузу!

127—128 32—44 *Вместо* «И слеп и слаб. ЯВЛЕНИЕ II: ∞ К о ч е р г и н. Ну, что наконец?»: и стар и слаб. А знаете, так как завтрак
еще не принесли, мы еще тут партийку
сыграем?

С у х о ж и л о в. Нет, нет... Я заехал
только повидаться с моей милой Лидией...
да у меня еще тьма дела... ваши же пору-
чения... Хлопochу, чтобы поскорее кон-
чить, да и за свадьбу... Матушка...

128 16—17 *Вместо* «волосы дыбом поднимаются!»: К о ч е р г и н. Ну, что матушка
«волосы дыбом поднимаются от восхищения

128 23—24 *Вместо* «К о ч е р г и н. Вот, сударь мой, скоро матушка ваша будет»:
К о ч е р г и н. В самом деле. Добрая,
видно, баба!

128 28—29 *Вместо* «С Лидией Степановной ∞ К о ч е р г и н. Эх!»: видна, как я счастлив.

а с Лидией Степановной...
ЯВЛЕНИЕ II. Те же и Лидия.

С у х о ж и л о в. Здравствуйте, Лидия Сте-
пановна! Позвольте поцеловать вашу руч-
ку... Как я счастлив.

К о ч е р г и н. Эх
б с Лидией Степановной...

128 34—38 *Вместо* «что вам будет скучно ∞ славного малого...»: К о ч е р г и н. Эх
«что вам скучно?»
К о ч е р г и н. Ну да... Так что ж?

С у х о ж и л о в. Вот сейчас будет не-
село! уверяю вас!

К о ч е р г и н (с чувством берет за его
руку и ведет). Так вы хотите сыграть?

С у х о ж и л о в. Нет... но вы увидите,

что вам будет всеело... уверяю вас... я
приведу к вам... славного малого...
130 30—31 *Вместо* «очень приятно... Стружкин. Ва-
лерьян сказал:
Очень приятно...

Стружкин.
Забот хоть по горло,
Делам пет конца,—
Рука моя стерла
Пот крупный с лица.—
Желанию дружбы
Покорен я был:
Занятия службы
И всё позабыл.
И вот честь имею
Пред вами предстать,
Я льстить не умею
И тон задавать.
Порой и вельможи
Ласкали меня,
Но дружба их то же,
Что искра огня.
Тщеславье пустое
Артисту не льстит,
Знакомство такое
Он больше ценит,
Где б ласку двуличья
Он мог позабыть
И сбросив приличья
Душою пожить!

Валерьян сказал.

132 19—25 *Вместо* «в самом деле рассердились! Кочер-
гин. Ха, ха, ха! Ну, недаром»:
в самом деле рассердились!
Стружкин. Да, чорт вас возьми! гово-
рят, что я не шучу... Я смешу на сцене за
деньги, а в дома я хожу совсем не за тем,
не как актер, а как человек; смешить по
домам значит отбивать доход у дирекции.
Кочергин. Ха, ха, ха! Ну, недаром
132 38 *Вместо* «за уличного паяццо, за фигляра»:
за уличного плясуна, за фарсёра

- 133 1 *Вместо* «Талант твой считают:
Искусство считают
- 133 27 *Вместо* «Кочергин и госпожа Сухожилова:
Кочергин и Стружкин (*в костюме ар-
хангельской помещицы Сухожиловой*)
- 134 9—10 *Вместо* «стариковские кости... Я же»:
стариковские кости, так что после и
в бане не отпарись
- 134 24—25 *Вместо* «вишь выдумщик какой»:
вишь, срамник какой
- 135 5 *Вместо* «нет, голубчик!»:
Нет, разбойник;
- 135 7—8 *Вместо* «есть ли в тебе душа-то»:
есть ли в тебе душа-то, нехристь
- 136 11 *Вместо* «да еще тараторит... Знайте же»:
да еще тараторит...

К о ч е р г и н.

Когда ж вы перестанете
Шуметь как стрекоза!

С у х о ж и л о в а.
Нет, прежде чем обманете,
Я выткну вам глаза!

К о ч е р г и н.
Уймись реветь, медведица!

С у х о ж и л о в а.
Уймись, подсохлый дуб!

К о ч е р г и н.
Колдунья, людоедица!

С у х о ж и л о в а.
Предатель, душегуб!

К о ч е р г и н.
Такая же разбойница,
Вот точно, как она,
Была моя покойница —
Покойного ей сна!

С у х о ж и л о в а.
Таким же вот разбойником
Был муж мой, как и он!
Две капли — схож с покойником —
Покойный ему сон!

Знайте же

- 136 36--37 *Вместо* «Свадьбе не бывать, эта партия кончилась промахом! А эта старая чертовка пусть навек отправится»: Свадьбе не бывать, если эта старая чертовка сейчас же не отправится
- 137 29--30 *Вместо* «деньги вещь хорошая... всё хорошее»: деньги вещь хорошая... Нам и аллах деньга любить не запрещает... всё хорошее
- 137 30--32 *Вместо* «такие же люди, судар... К о ч е р г и н. Вот что!»:
такие же люди, сударь...
Не понапрасну век мы губим,
Мы любим всё, чем жизнь красна;
Не меньше русских деньги любим
И даже... любим пить вина.
Мы любим все, что в жизни блага,
Красивых жен, честных людей,
Лишь по писанию аллаха
Не любим мы одних свиней!
- К о ч е р г и н. Вот что!
- 138 43--44 *Вместо* «Судыр, ей передадим! Перед нами всяк спасует: Как-нибудь передадим! И всему конец хороший Мы спроворим, подведем — Лишь давай побольше грошей, Всех отлично проведем, Перед нами всяк спасует
- 139 29--30 *Вместо* «Да у него уже есть невеста! Сорок пять и никого!»:
Да у него уже есть невеста...
- 140 15--16 *Вместо* «одиннадцать тысяч! Уф! Двадцать один и никого!»:
одиннадцать тысяч! Уф!
- 140 30--35 *Вместо* «другая невеста! К о ч е р г и н. Что я узнал!»:
а другая невеста!
Т а т а р и н. Ну прощай, барин! Пойду, не купит ли у вас в дому кто. (*Уходит; из-за сцены слышен его голос: «Халаты, бухарские шали, платки» и пр.*)

ЯВЛЕНИЕ XI. К о ч е р г и н, потом С у х о ж и л о в.

К о ч е р г и н. Ах, чорт возьми, чуть было дочери не отдал за такого забулдыгу...

Он притворился, как святоша.

Был и почителен и тих.

А вышло так, что он без гроша,

Что всем невестам он жецких.

б другая невеста!

Т а т а р и н.

Прощайте, рад я вам служить

И сам собою и товаром.

Как будет надо что купить,

Так посылайте к нам, татарам.

Торгуем всех купцов честней.

Товар отличнейшего сорту.

К о ч е р г и н.

Да убирайся поскорей

Ты от меня, бродяга, к чорту!

*Татарин уходит, слышен за дверью голос:
«Халаты разные, материи бухарские,
платки, шали».*

ЯВЛЕНИЕ XI. К о ч е р г и н, Лидия,
потом С у х о ж и л о в.

К о ч е р г и н. Чорт возьми... Что я узнал

141 5-6 *Вместо* «он негодяй! С у х о ж и л о в (*входит*).
Ну, вот»:

Он негодяй!

Он притворился, как святоша,

С тобой был нежен он и тих,

А вышло вдруг, что он без гроша,

Что всем невестам он жених.

Он мот большой, как мне сказали,

Подарки делает другой;

Ах, чорт возьми! от этой шали

Теперь хожу я, как шальной!

Л и д и я. Да что с вами? что за шаль,
папенька?

- К о ч е р г и н. Молчи!.. ты ничего не понимаешь...
- С у х о ж и л о в (*входит*). Ну, вот
- 141 15—16 *Вместо* «Ищите себе татарскую невесту в другом месте! Сорок пять и никого!»:
Ищите себе невесты в другом месте!
- 141 24—25 *Вместо* «Вас вытолкают... С у х о ж и л о в. Боже мой»:
Вас вытолкают...
С у х о ж и л о в. Если я виноват, простите.
Л и д и я. Простите, папешка (*плачет*).
С у х о ж и л о в и Л и д и я
(*вместе*)
- За что же нас, несчастных, вы браните,
Скажите, чем мы прогневили вас,
За что же нас вы разлучить хотите,
Когда уж вы и обручили нас.
Мы чтили вас, любить вас были рады,
Чего ж от нас вам требовать еще,
Мы разве в том пред вами виноваты,
Что любим мы друг друга горячо!
К о ч е р г и н. Ничего знать не хочу...
Извольте отпираться... а ты в свою комнату...
- (*Толкает Лидию в дверь.*)
- С у х о ж и л о в. Боже мой
- 142 4—21 *Вместо* «Мой Вольтер ∞ Деньга подай»:
Мой Вольтер... деньга подайте
- 142 26—27 *Вместо* «Ай, ай! К о ч е р г и н. Да не кричи»:
Ай, ай! У Тальони ногу сломай... И за
Тальони давай деньги... возьмите ее
себе, куда без ноги Тальони годится...
или давай мне новой Тальони, целый...
К о ч е р г и н. Да не кричи
- 143 8 *Вместо* «A les grands синьора»:
А людей великих
- 143 12—14 *Вместо* «Все, о ком известна я,
Tout se qu'il у а ума на свете,
Все на голова моя!»:
Все, о ком трубит молва,
Сколько есть ума на свете,
Весь ношу на голова!

148—144 34—17 *Вместо* «Наша брат такой товаром ∞

За четырнадцать рублей»:

a Я уж этому товару

Цену знаю хорошо,

Пять рублей возьму за пару —

За Вольтера и Руссо.

За Мольер пятиалтынный,

Полцелкова за Скарон,

Фанни Эльслер два с полтиной,

Рубль сорок Наполеон,

Три рубля за Паганини,

За Тальони ровно два,

Шиллер с Гёте по полтине...

Брал дороже я сперва,

Меньше взять нельзя по чести

За таких больших людей,

А гуртом отдам всех вместе

За четырнадцать рублей!

b Наша брат такой товаром

Корошо вся цена знай,

Можно все продай за даром

Только денюга нам давай.

За пять рубль отдам Венера

И большой Наполеон

Два с полтиной за Вольтера

За Руссо и за Скарон

Trois roubles за Шиллер с Гете

Много ль тут за два, *siñior*,

Материал возьми в расчет.

Выйди вздор, *ragole d'honneur!*

За Сенека, за Гораций

За Сократ и за Платон

По полтина ассигнаций

Можно взять за *chaque personne*.

Я охотно продает

Вам фигура всяка:

И антична лошадь Клот,

И урод Бальзака.

Нынче древняя персона

Очень дурно сходит с рук

А вот Эльслер и Тальона

По целкова каждая штук.

- Меньше взять нельзя по чести
 За людей и лошадей.
 А гуртом отдам всех вместе
 За четырнадцать рублей (РЦ)¹
- 144 20 *Вместо* «И т а л ь я н е ц. Талиони...»:
 И т а л ь я н е ц. Фанни Эльслер...
- 144 24 *Вместо* «эта Талиони немножко»:
 эта Фанни Эльслер немножко
- 144 30 *Вместо* «как il furioso»:
 как сумасшедший
- 144 38 *Вместо* «Голова болит! Prenez...»:
 Голову ломит.
- 145 19-21 *Вместо* «Поздно! ЯВЛЕНИЕ XIV. Те же и Лидия»:
 Поздно!
 С у х о ж и л о в. И вы решительно не
 принимаете моих объяснений, решительно
 отказываете мне от руки вашей до-
 чери...
 К о ч е р г и н. Да, да, тысячу раз — да!
 С у х о ж и л о в. Знаете ли, что вы этим
 лишаете меня счастья... я с ума сой-
 ду... Я не переживу этого! (*Плачет.*)
 И что могло так ужасно изменить мою
 судьбу...
- 145 26-28 *Вместо* ЯВЛЕНИЕ XIV. Те же и Лидия
 «всё кончено... Сорок пять и никого!»
 ЯВЛЕНИЕ XV. Те же и слуга:
 всё кончено... Поди в свою комнату и не
 смей показываться...
 С у х о ж и л о в. Позвольте хоть про-
 ститься с ней...
 (*Лидия и Сухожиллов прощаются и громко
 плачут.*)
 Л и д и я. Прощайте!
 С у х о ж и л о в. Прощайте навсегда!
 К о ч е р г и н (*отводя Лидию*). Ну, до-

¹ Этот куплет, написанный на отдельном листе рукой переписчика, наклеен на первоначальный текст цензурованной рукописи. Повидимому, принадлежит Некрасову. — *Ред.*

вольно! Ступайте... После того, что вы с нами сделали, вы не стоите сожаления.

С у х о ж и л о в (*громко рыдая*). Прощай, Лидия! (*Идет.*)

ЯВЛЕНИЕ XV. Те же и слуга.

145-146 28-5 *Вместо* «Те же и слуга. ∞ Что такое?»:

Те же и Стружкин.

Стружкин. А! Они плачут! Они все огорчены... Цель моя достигнута.

(*Валерьяну.*) Погодите, сударь... знаете ли, что причиной вашего несчастья?

С у х о ж и л о в. Нет.

Стружкин. Ваш язык... Вы выдали меня перед господином Кочергиным за негодяя, за паяца... Вы оскорбили меня... Я отплатил вам; — я мог бы продолжить мою месть, но я не хочу лишать вас счастья; я благороднее вас...

С у х о ж и л о в и К о ч е р г и н. Что такое?

Стружкин. Господин Кочергин! Валерьян не виноват в том, в чем его сегодня обвинили, потому, что под видом этих обвинителей был я.

К о ч е р г и н. Как, что такое?

146 24-26 *Вместо* «моциону не имел ∞ Ха, ха, ха! Должно признаться»:

моциону не имел.

С у х о ж и л о в. Сколько угодно...

К о ч е р г и н. Нет, погоди немного... ха, ха, ха! как оп нас обморочил... как потешил, ха, ха, ха!

(*к публике*)

Ха, ха, ха! Должно признаться

146 31-34 *Вместо* «Но для нас всего важнее... ∞

Насмешил ли вас актер?»:

Но слов наших поважнее

Для него ваш правый суд,

Что ж решите поскорее

Наш актер хорош иль худ.

Вариант конца пьесы (вместо явлений 13—15), написанный Некрасовым для специального представления

ЯВЛЕНИЕ XIII

(Входит Мартынов в костюме Фанни.)

Кочергин. Это что за барыня?

Мартынов. Где изменник? где мой злодей Сухожилов? Говорят, он в этом доме сватается на другой?

Кочергин. Что, что такое?

Итальянец. Это невеста г. Сухожилов... первая танцовщица на театр... глядит: какой красавец... Это не то, что ваша дочка...

Кочергин. Так вот каков мой будущий сын! ах, чорт возьми!

Итальянец. Нет, вы смотри, как она грациозна в качуча... (*Насильно сажая его.*) Садись, синьор...

Кочергин (*падая на стул*). У меня голова кругом идет! (*Мартынов танцует. При конце танцев входит Сухожилов и дочь.*)

Кочергин (*увидя Сухожилова*). Вон! вон! Это что за танцовщица? Ты мот, шалуц, повеса — и хочешь жениться на моей дочери?

Сухожилов. Я ничего не понимаю: объяснитесь.

Мартынов (*приседая, подает письмо*). Вот объяснение.

Кочергин (*читает*). «Милостивый государь! Валерьян Андреич несколько не виноват в том, в чем его сегодня перед вами обвиняли; потому, что под видом этих обвинителей был я и товарищ мой, тоже актер...» Что такое? (*Всё письмо дочитывает из пьесы.*)

Самойлов (*входя при последних словах*). Вот ваши 10 рублей, взятые итальянцем.

Кочергин. Виноват, виноват... (*к Мартынову*) неужели вы тоже актер?

Мартынов (*басом*). Да, играю смешные роли.

(*Последний куплет*)¹.

«КАК УБИТЬ ВЕЧЕР?»

(Стр. 214)

Варианты РЦ

214 9—10 *Вместо* «цугом шестеро обикповепных крестьянских дровнишек»:

¹ В театральном экземпляре пьесы был сделан ряд очень незначительных исправлений в связи с этим новым концом ее. Например: вместо «под видом этих обвинителей был я»: под видом этих обвинителей был я, а танцовщица мой товарищ. — *Ред.*

- цугом четверо сано<к> или четверо обыкновенных крестьянских дровнишек.
- 215 8 *Вместо* «Дорогу обомнут — и так пройдете»: «Дорогу обомнут, так легче б<удет>
- 215 17 *Вместо* «Что значит горло без резону драть»: Во сколько обойдется смех ему
- 215 20 *Вместо* «Покамест ничего»: Покамест далеко
- 215 24—25 *Вместо* «О с т р о у х о в. Мне издали:
М и ш а.
Мне издали
- 215 28 *Вместо* «как ближе подошел»: как посмотрю теперь
- 215 29 *Вместо* «Так даже франтов вижу»: Не все тут бедно, даже франты есть
- 215 29—32 *Вместо* «вот сибирка ∞ Чудеса!»:
Начато: а Вот синяя сибирка, вот из плису.
б Вот синяя сибирка, вот бурнус
Из плису. А всего чудней
Не все тут лица бледные, худые
Не всё один унылый колорит!
- 215 33 *Перед:* «Картина эта такова, что тут»: *а* О с т р о у х о в.
Где есть здоровье, молодость и сила,
Там жизнь свое возьмет наперекор всему
- б* О с т р о у х о в.
Да правда, здесь не все умерщвлено.
О молодость! О сила! О здоровье!
Вы все для нас, без вас мы — ничего!
- в* О с т р о у х о в.
Да правда, здесь не все умерщвлено.
О молодость! О сила! О здоровье!
Вы взять свое сумеете везде.
- г* О с т р о у х о в.
Да правда, здесь не все умерщвлено
Я ждал чего то хуже поначалу.
- 215 34 *Вместо* «Гробам бы только двигаться уместно»: Гробам бы только двигаться прилично

- 216 5 *Вместо* «И здесь не всё болезненные лица:
Начато: а Отличный монолог и несравненный
Мы видим здесь
б Среди лиц тупых бессмысленных
Встречаются и радостные лица
Начато: в Среди лиц тупых бессмысленных
Заметны не все болезненные
- 216 7—8 *Вместо* «И вольный смех! Я, право, удивлен.
О молодость! О сила! О здоровье!»:
а И вольный смех! Природа не глуна.
О молодость! О сила! О здоровье!
б И вольный смех! Хитра, хитра природа
Сама себя умеет сберечь.
О молодость! О сила! О здоровье!
- 216 14 *Вместо* «Давно бы обезлюдела вся Русь...»:
Давно бы обезлюдела вся Русь.
И нам бы за загонщиками надо
Гонцов отправить разве на луну.
- 216 19 *Вместо* «Хохочут, раскраспелись — хорошо!»:
Хохочут, раскраспелась поселянка.
- 216 20 *Вместо* «А вон другой какой-то великан»:
а А вон другой, какой-то парень дюжий
б А вон другой, какой-то Геркулес
- 216 21 *Вместо* «Пустился к лесу без тропы-дороги»:
Начато: а Куда-то побежал
Начато: б Куда-то без дороги, без тропы
- 216 35 *Вместо* «Вестимо, девку»:
Вестимо девке
- 217 5 *Вместо* «одной девке»:
одной румяной девке
- 217 16—24 *Вместо* «М и ш а (*хохочет*)».
Вот кстати применил стихи поэт ∞
На эти лица не навел румянца:

М и ш а.

Ну свежести особенной не видно,
Напротив, осьмиградусный мороз
И тот не вызвал признаков румянца
На эти лица — этот жалкий люд
Напомнил мне бежавших из больницы
Чернорабочих бледную толпу.

- 217 28 *Вместо* «будь дурна»:
 будь ряба
- 218 14 *После* «Да она немая!»:
Начато: Н е м е ц.
 Немая? как, немая! mein Herr!
- 218 19–21 *Вместо* «Немая! вы неисправимы, Душин:
 Сам бог ее молчанию обрек,
 А вы ее в кричане допустили:
 Немая! Хороша крикунья! Душин,
 Не все ль у вас подобные кричане?
 Зачем немую взяли вы в загон?»
- 218 30 *Вместо* «Так никакой медведь не улежит»:
 Так самого медведя напугает
- 219 12 *Вместо* «О к л а д ч и к »:
 Л е с н и ч и й.
- 219 28–29 *Вместо* «Не надо!
 Мы взяли, сколько нужно, и конец!»:
a Не надо!
 Загопщиков у нас теперь довольно,
 А то не будет этому конца!
 Известье было с вечера дано.
б Не надо!
 Эй, Кондырев! не брать ни человека!
 А то не будет этому конца!
 Известье было с вечера дано.
в Не надо!
 Эй, Кондырев! Не брать, а <то> не будет
 Конца, весь день все станут прибывать.
- 219 31 *Вместо* «Да нас ведь звали. Мы, не будь охоты»:
 Да нас оповещали. Как же барин
- 220 17–18 *Вместо* «Чтоб раздавать на бедность.
 Спрячьте руки!»:
Начато: Чтоб раздавать на бедность (*к товарищам*)
 Не давайте
 Пожалуйста — а то набьется их,
 Пожалуй прибежит весь околоток,
 Посильн<о>
 Спрячьте руки!
- 220 23 *Вместо* «Пожалуйста, Кондратьев, не давай»:
 Пожалуйста, ни гроша не давайте
- 220 25–32 *Вместо* «Уж было раз такое приключенье
 И на медведя опоздали мы.

- Мужики помявшись уходят:*
Уж с нами был подобный случай раз
(*Мужики помявшись уходят.*)
- 220 31 *Вместо* «И на медведя опоздали мы:
И на загон тот опоздали мы
- 221 17—18 *Вместо* «Со всей командой. То-то закипела
Работа»:
Начато: Со всей командой. То-то было любо
Глядеть как
- 221 27—31 *Вместо* «И погорельцу помогли по силам ∞
Глубок был снег — медведица не шла»:
И погорельцу помогли по силам.
Глубок был снег — медведица не шла
- 221 32—35 *Вместо* «Так мы пришли на самую берлогу ∞
А на господ доставили»:
a Начато: Так мы ее пристигли на болоте
И сидя на хвосте у ней почти
На бар ее доставили и справо
б Начато: Так мы ее пристигли на берлоге
- 222 4 *Перед* «Что это значит, господин лесничий»:
Начато: Ведь сказано вам было не ходите
- 222 5 *Вместо* «Я говорил, чтобы детей не брать»:
Я говорил, чтоб мальчигов не брать
- 222—223 32—2 *Вместо* «О дикости российских мужиков ∞ нами
предводя»
Начато: *a* С бабенками болтает Ост<ашов>
И тянет водку. Наш директор важный
И здесь нашел работу по себе.
Командует
б О том, что наш директор спас ему,
Прогнав немую бабу, шесть кошечек
И втайне труся. Ост<ашов> острит
- 222 33 *Вместо* «И радуясь»:
Иль радуясь
- 223 27 *Вместо* «Труницкий стихами смешит»:
Труницкий стихи говорит.
- 224 7—8 *Вместо* «Слышал, слышал. Вот даже и теперь,
Припомнив их, чихнуть намереваюсь»:
Начато: Слышал, слышал. Припомнивши теперь,
- 224 22 *Вместо* «И Лермонтов «Печорина» и «Мцыри»:
И Лермонтов довольно: не похабных,
А истинно прекрасных сочищений

- 224 36 *Вместо* «Великую комедию свою»:

Таковую-то комедию свою
- 225 13—14 *Вместо* «Ну, едва ли! Впрочем,

Немудрено. Случалось видеть нам»:

Начато: Шутишь, милый мой,

А впрочем, это может и случиться.

Не раз уже видали мы
- 225 15—16 *Вместо* «Что люди вовсе пошлые, пустые,

Которые таскались по балам»:

Что люди, проводившие свой век

В гостиных, в ресторанах, в бардаках
- 225 18 *Вместо* «Глубокими политиками стали»:

Администраторами стали
- 225 20 *После* «Пустую жизнь ведете вы, друзья»:

Начато: а М и ш а.

Не ты бы говорил, не я бы слушал.

О с т р о (у х о в).

Ну я, мой друг, отпаятая статья.
- б М и ш а.

Спасибо! Ты сегодня очечь зол!

Я впрочем генерал уж третий год

Начну серьезно службой заниматься
- в <О с т р о у х о в> Извини

За резкость, милый мой: природа эта

До беспощадности суровая, меня

Расположила к правде.
- 225 22—23 *Вместо* «Из вас людей не выйдет уж, хоть вы

Гражданами себя вообразили»:

Из вас людей не выйдет уж, увы!
- 225 25—28 *Вместо* «Твое несчастье моему подобно.

Мы в корне, в корне все развращены»:

Твое несчастье моему подобно.

Ты папенькин сынок — вот вся беда.

Ребенком ты записан в клуб, на службу.

Ты, кажется, теперь уж генерал

И носишь этот чин самодовольно.

А между тем: не сам ли ты твердишь,

Что было дурно крепостное право.
- 225—226 28—2 *Вместо* «Я был всегда за крепостное право

На векселе... что делаешь ты? лжешь!»:

- 228 8 *Вместо* «Невежества спасительной броней»: Глубокого невежества броней
- 228 9 *Вместо* «Его удел — безграмотство, беспутство»:
 а Его удел невежество, распутство
 б Его удел убожество, распутство
- 228 10 *Вместо* «Убожество и чувством и умом»: Борьба с медведем, с волком, с кабаном;
- 228 22 *Вместо* «Стрелять медведей наших; на денек»: Стрелять медведей наших; на три дня
- 228 23—27 *Вместо* «Они собрались к нам, а притащили ∞ Удобства, роскошь — это всё понятно»:
 а Они собрались к нам, а между тем Приехали сюда с таким обозом, Как будто на год жизни кочевой Решились. У каждого лакей, У каждого железная кровать, Они привыкли к роскоши, к покою
 б Они собрались к нам, а привезли Такую грудку всякого добра, Как будто на год жизни кочевой Решились. Ну что ж? они богаты; Нужна им роскошь — это все понятно.
- 228 28 *Вместо* «Но отчего ж я духом возмущен»: А между тем я духом возмущен
- 228 29 *Вместо* «Все эти утонченные затеи»: Все эти бесполезные затеи
- 228 31 *Вместо* «Бутылок строй, сервизы, несессеры»: Сервизы, несессеры, батарея вин
- 228 31—34 *Вместо* «Бутылок строй, сервизы, несессеры ∞ Вся эта роскошь нарушает нагло»:
Начато: Богатые сервизы; эта роскошь В питье и яствах — возмущает глаз Привык<ший>
- 229 11—18 *Вместо* «Я знаю лес; я со скамейки школьной ∞ Мудреного, что изучил я лес»: Из школы, прямо со скамейки школьной Попал я в лес. Случалось мне весной Снимая планы, опись составляя По месяцу живая в бору дремучем И хорошо я изучил леса
- 229 31—32 *Вместо* «Или тогда, когда посеребрел, Разубран снегом, при сияньи лунном»:

- Или когда посеребрённый весь,
Одетый в иней, при сияньи лунном.
- 229 35 *Вместо* «Когда я, помню, думать был готов»: Когда на ум приходит иногда
- 229 37—38 *Вместо* «Такой невероятной тишины Зимой в лесу я помню впечатленья»: В лесу зимой бывают иногда Такие ночи — тишины глубокой
- 230 2 *Вместо* «И если вдруг, увидя страшный сон»: Когда увидев беспокойный сон
- 230 9 *Вместо* «Я знаю лес, но общества не знаю»: Я знаю лес, но я людей не знаю
- 230 11 *Вместо* «Мне дико поведение господ»: Не нравятся мне эти господа
- 230 19—20 *Вместо* «С чего? пред кем? Нет, ошибаюсь я, Тут нет высокомерья, нет презренья»: а С чего, пред кем кичиться?.. Или тут Умышленного нет высокомерья?
- Начато:* б Они умны, и нынче век не тот,
Чтоб хвастаться подобными чертами
В характере; газеты нам твердят
Что
- в С чего пред ним ломаться? Или тут
Умышленного нет высокомерья
- 230 21—23 *Вместо* «Тем хуже, если так — гораздо хуже! Им здесь народ необходим: медведя»: Им здесь народ необходим: медведя
Тем хуже, если так — гораздо хуже!
Им здесь народ необходим: медведя
- 230 29 *Вместо* «В жестокий холод, по снегам глубоким»: В жестокий холод, по пояс в снегу.
- 230 29 *После* «В жестокий холод, по снегам глубоким»: *Начато:* а Медведя выставлять на них. Они же Как боги все приемля, не хотят Почтить несчастных ласковой улыбкой
- Начато:* б Медведя выставлять на них. Они же Как боги все приемля, не хотят Почтить раба признательной улыбкой!
Не понимают — да не понимают
- в Медведя выставлять на них.— Они же Не понимают человека в мужике!
Когда ж поймут...
- г Медведя выставлять на них.— Чего же

- Ничиться там, где надо бы сказать:
Спасибо!
- 230 32—35 *Вместо* «(Ведь надобно сознаться, что уйдя ∞
Замерзнут, как подстреленные волки):
Ну если так усилятся мороз
И невтерпеж придется бедным бабам
И мужикам — и все они уйдут,
Ведь нашим господам в богатых шубах
Совсем не дотащиться до села,
Замерзнут, как подстреленные волки
- 231 11 *Вместо* «В минуту скуки; Глинка, наш приятель»:
В минуту скуки; общий наш приятель
- 232 34 *Вместо* «Того передко мы не замечаем»:
Нередко даже и не замечаем
- 233 1 *Вместо* «Чего в нас нет — того желаем мы»:
Чего в нас нет, нас то к себе влечет
- 233 11—14 *Вместо* «Ну так прочтите. ∞
Но, признаюсь, скромные стихи»:
Ну так прочтите,
Я, признаюсь, люблю скромный стих
- 234 10 *Вместо* «Любезный мой Максим»:
Любезнейший
- 235 5—8 *Вместо* «Нет, в самом деле, я не безобразен
В халате?
О с т р о у х о в.
Нет»:
Нет, в самом деле, мой халат ко мне
Идет?
О с т р о у х о в.
Идет.
- 235 24 *Вместо* «Опять не будет»:
Потом не дождалась бы...
- 235 30 *Вместо* «Я слышала, вы важный господин»:
Я слышала, у вас большая власть
- 233 26 *Вместо* «Взволнована, лишённая надежды»:
Взволнована, убита сильным горем
- 240 29 *Вместо* «Слова другие, — так сложились песня»:
Слова другие и подобрала

ОТДЕЛЬНЫЕ НАБРОСКИ

<I>

В охоте, господа, всего важней
Порядок — вы назначили меня

Директором сегодняшней охоты.
Прошу повиноваться не шутя
Моим распоряженьям. Бросим жребий,
Кому которым номером стоять.
Дай шапку мне, Ханевич.
(*Кладет в шапку несколько билетиков.*)
Выбирайте.

Барон, прошу покорно.

Б а р о н
(берет)

Нумер первый.

М и ш а
(берет)

Я третий.

О с т р <о у х о в>

Я четвертый.

С у х <о т и н>

Я второй.

О с т а ш е в

Я, значит, пятый и последний.

С у х <о т и н>

Грушин!

(*Лесничий подходит.*)

Прошу вас за народом присмотреть,
Чтоб не шумели, к кругу подходя,
И верно цепь держали. Очень рад,
Что вы случились тут. Вы местный житель.
Вы знаете охоту. Присмотрите,
Чтоб не было мальчишек мелких. Глупо
Опасности их подвергать; притом
Они и пользы принести не могут.

(*К Остроух<ову> и проч. охотникам.*)

А вас прошу не бегать с номеров
Друг к другу, не закуривать сигар,
Мест не менять, за цепь не выдвигаться
И метко, разумеется, стрелять.

Ханевич, можешь ты при мне остаться,
А вы подвиньтесь за последний номер.

О с т а ш е в

Какой чудак! он вздумал пас учить.
Серьезно в роль директора он входит...
Мне нужно адъютанта отыскать.

(Уходит к народу.)

М и ш а

Мне издали загонщиков толпа
Каким-то сбродом нищих показалась.
Оборванных, унылых, испитых.
Посмотрим ближе.
(Подходит к народу вместе с Остроуховым.)

Осташев уж тут

Уж он с прекрасным полом балагурит!

О с т р о у х < о в >

(Оглядывая народ)

<II>

То в инее старая ель,
То пень в горюстаевой шапке
Встречаются нам по пути.
Еще далеко до берлоги,
Чернеется лес впереди,
Идем, ни пути, ни дороги

<III>

Я знаю обитателей лесных,
Когда заря готова загореться
И первых птичек полусонный лепет
Проносится — еще невнятно, мягко,
Как шум дождя по листьям молодым, —
Могу я отличить любую птичку;
По бегу отличаю я зверей,
По голосу могу определить,
Добычу ли желая подманить
Иль просто тешась то свистит лисица
По-заячьи, то хрюкнет барсуком.
И волчий голос: вовсе непохожи
Волк, с лаем догоняющий добычу,

Товарищей зовущий на грабеж,
И лающий зимою на луну.
Совсем иное чувство шевелится.
Ему бы позавидовал актер,
Играющий на сцене Уголино.
Не на луну он лает; он с упреком
Глядит на небо, жалуясь ему
На лютый голод, на зиму лихую.

<IV>

Дремучий лес! Сроднился я с тобой,
Издавна мы друг другу не чужие,
Век буду помнить сумраки лесные
И зимней ночи мертвенный покой!

Когда б я мог живого человека
Так изучить, как изучил я лес,
Я сделался б мудрейшим человеком,
И странно б было леса мне не знать —
Как зверь провел я в нем две трети жизни¹

<V>

Скажи, когда меня ты не видал
Своим всегдашним дружелюбным гостем?
Тогда ли, как веселая весна
Тебя рядила в новые одежды
И целый день ты радостен стоял
И весь доступен сол<нцу>

<VI>

Весною ли, когда ты оживал
От зимних холодов отогреваясь,
И, весь доступен солнечным лучам,
Днем ликовал, а ночью забывался
В какой-то мимолетней светлой грусти?

<VII>

Не нравится мне также обращение
С народом этих чопорных господ.
То правда: мужиков они не бьют

<VIII>

Умышленного нет высокомерья,
А просто расстояние так велико,

¹ Далее следует: «Скажи, когда тебя я не видал» (см. стр. 229). —
Ред.

Что пужны, может быть, десятки лет,
Чтобы наполнить бездну.

<IX>

Заботится о соли для семьи,
А позабыл, что этот мальчик бедный
Замерзнуть мог — и в будущем
Семейство бы лишилось...

ПЕРЕДЕЛКИ И ПЕРЕВОДЫ

(1841 — 1842)

1841

ШИЛА В МЕШКЕ НЕ УТАИШЬ, —
ДЕВУШКИ ПОД ЗАМКОМ НЕ УДЕРЖИШЬ

(Стр. 243)

Варианты РА

- 247 31 *Вместо* «вправду так, барышня... я и сама:
вправду так, барышня... он уж очень лих
к вам... Я и сама
- 247 35²-37 *Вместо* «когда дядюшки дома нет. ЯВЛЕНИЕ 4»:
когда дяди дома нет! Надо ему все ска-
зать... что-то он придумал?..
- 248 34 *Вместо* «китайскую неподвижность. Я могу»:
китайскую неподвижность, то есть опонть
всех опнумом. Я могу
- 249 24 *Вместо*: «Едва ли. Дядюшка решительно»:
Едва ли. Мне всё кажется, что я никогда
не буду госпожа Фортункина, а навсегда
останусь с этой гадкой фамилией.
Ф о р т у н к и н. Почему так?
Р о з и н а. Я уж вам говорила, что дя-
дюшка решительно
- 254 22-23 *Вместо* «рассчитывался с небом... Да притом»:
рассчитывался с небом... и около того...
Есть ли тут здравая политика! Да притом
- 254 36 *Вместо* «голландская ключница»:
немецкая ключница.
- 255 35 *Вместо* «изволите сказать? около того...

Ф о р т у н к и н. Сейчас:
извольте сказать? около того...

Ф о р т у н к и н. А то, что предки мои —
Германию спасли. Вникаете? Вы, плебеи,
не учились истории, так не понимаете, что
это значит — спасти какое-нибудь госу-
дарство.

Р у п е р т (*в сторону*). Какой туз! около
того...

Ф о р т у н к и н. Это значит, что они от-
бросили тень знаменитости на все свое
родословное дерево... и избавили потом-
ков своих от хлопот сделать что-нибудь
великое... вникаете?

Р у п е р т. Как же-с! За честь поставляю
быть... около того... Позвольте спросить,
что вам угодно?

Ф о р т у н к и н. Сейчас

261 15—16 *Вместо* «что уже тридцать лет доктор,— заметь-
те, тридцать... И потому»: что уж пятьдесят лет доктор, заметьте —
пятьдесят...

Р у п е р т (*в сторону*). Пятьдесят тысяч,
пятьдесят лет.

Ф о р т у н к и н. И потому

261 36—37 *Вместо* «всё... около того!

Жизнь нашу тратя на химеры»: всё... около того!.. Да знаете ли, сударь,
что эта поговорка досталась мне от моего
деда, который был величайший политик,
а ему от бабушки... и таким образом спу-
скался... около того... ниже до седь-
мого колена... Я горжусь ею, и вы над
ней смеетесь... вот я... около того... объ-
ясню вам, что значит около того!

Жизнь нашу тратя на химеры

263 13—16 *Вместо* «девицы не запрешь!» Прочту завещание»: а девицы не запрешь!

Р у п е р т. Увидим! около того... Прощай
же, Розина, веди себя скромно...

Р о з и н а. Прощайте! (*Они идут, слышно,
как Руперт запирает снаружи двери.*)

Р о з и н а. Ну, что-то из этого будет...
Пойду прочту завещание.

6 девицы не запрешь! (*Уходят.*)

Р о з и н а. А я пойду прочту завещание.

- 263 21 *Вместо* «Д о к т о р (*один*). Хоть бы»:
Д о к т о р (*один*). Ах, не весело! целый день по больным, а хоть бы
- 264 17 *Вместо* «Но дождутся злого году»:
Но как высушат природу;
- 269 26—28 *Вместо* «Отравил, да еще спрашивает — вкусно ли, около того. Ох, господи! Д о к т о р. Отравил? Это уж слишком!»:
Отравил, да еще спрашивает — вкусно ли... около того...
Д о к т о р. Уверяю вас, что это не отрава.
Р у п е р т. Ох, господи! Или я сам верчусь около того, или все вертится около меня, или я с ума сошел, или попал в дом сумасшедших... или... Нет, господин барон, так не шутят: это не пройдет вам даром! Это хуже всякого грабительства и около того. Отдайте скорее или следующие мне пятьдесят тысяч или возвратите брильянты, а там, что скажет полиция.
Д о к т о р. Барон! Брильянты! А! видите как сильно укоренилась в нем дурь! Какие же брильянты, ваше сиятельство?
Р у п е р т. Я совсем не сияю... около того... что вы толкуете? Отдайте сейчас брильянты назад, а невеста вашей баронской милости может обойтись и без них. Сейчас! у меня голова пошла кругом, около того, от ваших шуток и от вашего яда.
Д о к т о р. Граф, я уж вам сказал, что это не яд, а спасительный бальзам.
Р у п е р т. Долго ли вы будете меня мочить, господин барон? Мне дорога каждая минута, дома я оставил под замком племянницу, — она может умереть с голоду или около того... Какой я к чорту

граф? Отдайте мне брильянты и бог с вами! Виноват ли я, что на вас дурь ошло того находит, высокопочтенный господин барон.

Доктор. Да почему я кажусь вам каким-то бароном? Опомнитесь, граф.

Руперт. Лучше вы образумьтесь! Чорт меня принес к вам в такую несчастную минуту! Итак, коротко и ясно, господин барон!..

Доктор. Успокойтесь, граф, и дайте лекарству подействовать!

Руперт. Что?.. я не хочу, чтоб подействовала эта отравка!

Доктор. Отравка! Опять, это уж слишком!

270 4 *Вместо* «Да образумьтесь, барон»:

Да образумьтесь, барон... вы в припадке

273 8 *Вместо* «Руперт Это ни на что»:

Руперт. И прозрачно, как сосулька на солнце... около того... Это ни на что

275 23 *Вместо* «а звание не барон»:

а званье не барон... а кандидат университета.

275 32—37 *Вместо* «Разумеется, потому. *Фортункин*. Я решился»:

Разумеется, потому.

Фортункин. Я решился.

275—276 38—6 *Вместо* «теперь ясно. *Руперт*. Что вы около того»:

а теперь ясно..

Доктор. Конечно.

Фортункин. Теперь мне остается только просить у вас прощения за мой поступок. .

Розина. Извините нас, господин доктор... Это все произошло от его ветренности и торопливости.

Доктор. А вот, что скажет господин Руперт.

Руперт. Что я скажу? Я только скажу, около того... что господин подложный

барон открыл отличный способ надувать человечество... около того... но это ему со мной не удастся... Отдайте мне мои брильянты, господин Фортункин, и... идите, куда хотите, с этой негодницей и... около того...

Ф о р т у н к и н. Вы ее браните... а она еще об вас беспокоилась... Если бы не она, то вы бы еще долго пробыли в недоумении, потому что я бы никогда не решился беспокоить почтенного доктора.

Р у п е р т. Что вы около того
б теперь ясно...

Р у п е р т. Что вы около того

276—277 25—11 *Вместо* «взял да и женился. ∞ Р у п е р т. Да уж больше»:

взял да и женился... Простите нас, господин Руперт, теперь уж все кончено. Мы обвенчаны... и я, право, буду хороший муж Розине.

Р о з и н а. Простите же нас, дядюшка, мы будем вас любить, будем вам хорошими детьми.

Р у п е р т. Да уж больше

277 17—19 *Вместо* «как ни поверпи, все так... Р у п е р т. Мы похитрили»:

а как ни поверпи все так...

Р у п е р т. Уж нечего делать, лучше отдать тридцать тысяч племяннице, чем пропали бы пятьдесят около того.

Ф о р т у н к и н. Именно... любезный дядюшка... Теперь, господин доктор, надеюсь, что и вы нас простите...

Д о к т о р. С удовольствием...

Р о з и н а. Пойдем же домой, дядюшка, мы беспокоим господина доктора.

Р у п е р т. Да домой, домой и там я вам отсчитаю законную часть приданого... Только погодите немножко, надо еще раз повернуться около того... Мы похитрили

ВОТ ЧТО ЗНАЧИТ ВЛЮБИТЬСЯ В АКТРИСУ!

(Стр. 279)

Варианты РН

- 282 20 *Вместо* «Постой, Энона, здесь, о скорбь! о, дни унылы!»:
а Здесь остановимся; меня тревожит страх...
 Ни шага далее, останемся здесь, милый!
б О погоди, Энон, меня волнует страх...
 Ни шага далее, останемся здесь, милый!
- 282 21 *Вместо* «Изнемогаю я: мои слабеют силы!»:
(берет Луизу за руку)
 Луиза. Что вам угодно, милая ма-
 менька?
- Д ю м е н и л ь
(продолжает декламировать)
 Я не могу держаться на ногах,
 Меня уж покидают силы!
- 282 24—26 *Вместо* «Болезненным очам ∞ Увы!»:
 И светом дня глаза ослеплены,
 И подгибаются дрожащие колена!
 Увы!
- 283 8—10 *Вместо* «Д ю м е н и л ь. Ребенок! ∞ своих мыслей»:
 Д ю м е н и л ь. Дитя! Ты хочешь заста-
 вить говорить Шекспира, а не умеешь еще
 говорить сама!
- 283 14—15 *Вместо* «ум мой одушевлялся прекрасными сти-
 хами, постепенно пробуждалось во мне
 вдохновение»:
 ум мой стал одушевляться обаянием пре-
 красных стихов, постепенно начала про-
 буждаться во мне энергия могуществом
 сильных страстей...
- 283 24 *Вместо* «жизнью, более сильною и пламенною.
 Ах! не завидуй»:
 жизнью, более сильною и пламенною.
 Когда на сцену выйду я —
 Волнует грудь восторг небесный,
 И создает мечта моя
 Вокруг какой-то мир чудесный.
 Я в нем дышу, я в нем люблю
 Его звено я составляю

Его страстями я киплю,
 Его страданиями страдаю!
 Я в небеса душой несусь,
 Во мне молчат земные чувства,
 Я лишь к тому тогда стремлюсь,
 Чтоб быть достойною искусства.
 Забыв себя, я не чужда
 Ни к чуждым радостям, ни к мукам,
 И вырывается тогда
 Душа из груди вместе с звуком!
 И я вкушаю торжество,
 Полна высокого призванья —
 Пока восторга моего
 Вдруг не прервут рукоплесканья,
 Ах, не удивляйся

- 283 28—29 *Вместо* «жить; делиться избытком чувств с одним человеком»:
 жить и проживать богатство для одного человека
- 284 1—3 *Вместо* «одно на другое ∞ я почти решилась выйти замуж»:
 одно на другое... Нежности, диктованные хвастовством, грубости, подсказанные самопадеянностью, а все вместе ужасная пустошь... Я выйду замуж
- 285 8 *Вместо* «Лошади маркизы»:
 Лошади маркизы Де Верьер
- 285 29—30 *Вместо* «прекрасной женщиной. (*Берет стул и садится*)»:
 прекрасной женщиной. Понравится ли ей моя физиономия или нет, что делать... Насильно мил не будешь...
 (*Берет стул и садится.*)
- 286 8—10 Д ю р в а л ь. Грубияном, хотите вы сказать? ∞ не такая натура»:
 Д ю м е н и л ь. Грубияном, хочешь ты сказать?
 Д ю р в а л ь. Как, что такое? Чорт возьми...
 Я пятьдесят три лье промчался,
 Чтоб только с вами говорить,
 Но, видно, вам не показался...

Конечно, я не мастер льстить.
Но никому своей персоны
Я не позволю обижать:
Я издержался на прогопы,
Так вам пельзя меня прогнать!

Чтоб вам поправиться... надо льстить...
я... нет, у меня не такая натура!

286 27-23 *Вместо* «занимаю должность стряпчего в нашем городе. Во-вторых»:

занимаюсь я должностью стряпчего в родном городе Мане. У меня много клиентов, сударыня, я веду процессы как лучший прокурор. Во-вторых

287 2-3 *Вместо* «он здесь *С* и нога его»:

Он здесь под надзором одного стряпчего главной моей коллегии... и я узнаю, что он до сей поры не видался с г. Патрю... и нога его

287 38-40 *Вместо* «Д ю м е н и л ь. Ну, сударь *С* пристрастился к трагедии»:

Д ю м е н и л ь. Милостивый государь! Д ю р в а л ь. О я их знаю... этих актеров, не потому, чтобы я когда-нибудь бывал в комедии, избави бог!.. но я знаю, что у нас говорят там... ну, слухом земля полнится!

Д ю м е н и л ь. Но точно ли вы уверены по крайней мере...

Д ю р в а л ь. Вот что мне пишут. В первый день по приезде он был в комедии и там едва мог расслышать, что говорят,— от вздохов воспламенения и других глупостей... вы понимаете... несчастный вздыхал, да вздыхал и пристрастился к трагедии.

288 23-25 *Вместо* «Ну да, конечно *С* этого только недоставало»:

Ну да.

Д ю р в а л ь. Да за кого вы его принимаете... Да какой чорт научил его делать стихи... ведь он мой сын... Дурак! за сколько-то он их купил! Уж верно, франков 15 дал! Вот еще новый расход!

Д ю м е п и л ь. Вы думаете, что они
заказные...

Д ю р в а л ь. Как, а вам кажется, что он
сам их писал... Неужели? Несчастный.

Как, неужли и рифмобесья
Мой бедный сын причастен стал,
Теперь совсем хоть нос повесь я —
Навек я сына потерял...
Пропавший человек он в свете,
Когда в писатели попал,
Уж лучше б он писал мыслете,
Да лишь стихов бы не писал!

Вот новость в самом деле... Несчастный,
этого только не доставало

290 9 *Вместо* «Честное слово»:

Честное слово актрисы.

290 31—32 *Вместо* «я постараюсь. (*Дюмениль и Дюрваль уходят налево*)»:

Я постараюсь. (*Луизе.*) А ты, когда он
придет, будь с ним скромна, в ожидании
моего возвращения.

(*Дюмениль и Дюрваль уходят налево.*)

292 3—5 *Вместо* «А! так вот этот чертог ∞ Как заговорить
с ней?»:

Так вот чертог, где пролетали
Дни вдохновенные ея.

Ах, боже мой! Да не мечта ли!

Мое блаженство? Жив ли я?

Ужели я ее увижу,

Ее владычицу сердец...

Ужель слова ее услышу?

Ах, как я счастлив, наконец!

Любил я страстно, безнадежно,

Часы страданьями считал,

Огонь в груди моей мятежной,

Как лава в Этне клочкотал.

Но прочь любовь, прочь мысль зем-
ная!..

Благоговецья грудь полна...

Она не женщина простая,

Сама поэзия она!..

Как заговорить с ней...

293 10 *Вместо* «Дюменильша, как меня попросту называют»:

г-жа Дюмениль, как говорят
293 23—40 *Вместо* «искали случая меня видеть» ∞
А д р и а н. Ах, сударыня:
искали случая меня видеть?

А д р и а н.

Я всюду вас слежу глазами
Хоть оскорбить вас тем боюсь.
Повсюду сердцем и мечтами,
Как раб, за вами я стремлюсь!
Давно душой я с вами дружен,
Бегу безумно вам во след...

Д ю м е н и л ь.

Билет вам, что ли, в кресла нужен?

А д р и а н

(допевая куплет)

Билет... О боже мой! билет!..

Д ю м е н и л ь. По крайней мере, по-
служите ли вы мне хорошенько? (*Хлопает*
в ладоши.) Поддержите ли вы меня!

294 16—40 *Вместо* «всё поддельно, поверьте мне» ∞ (*открывая*
табакерку). Не прикажете ли?:
все поддельно, поверьте мне.

Что вас в театре занимает,
Что из партера вас и лож
Так веселит, так поражает —
Всё подражание, всё ложь!
У нас поддельные картины,
Умны мы от чужих речей;
Природа наша — из холстины,
А солнце наше — из свечей!
Что вам так правится, так мило
У нас рассчитано давно —
Румяна, вздохи и белила —
Всё наперед запасено!
Заучены все чувства наши,
Румяна — наше волшебство,
И сами мы — кумиры ваши —
Актрисы, больше ничего!
За нами можно волочиться,
В честь нашей славе и красе,

Мы даже любим тем гордиться,
Мы так же женщины, как все!
Поклонников у каждой вволю,
На сцене явится едва,—
И на мою, признаться, долю—
Их верно есть десятка два!

А д р и а н. Два десятка!

Д ю м е н и л ь. Что вы удивляетесь?.. мне
это очень нравится.

Они болтливы все, любезны,
И даже остры на полдня,
Притом они мне и полезны:
Они так хвалят все меня,
Так аплодируют, что стены
В театре ломаются, мой друг...
А я за то порой со сцены
Им глазки делаю всем вдруг.

А д р и а н. Боже мой!

Д ю м е н и л ь. Да, любезные люди...
Они шутят, любезничают, злословят.
Это меня занимает, особенно, если они
из моих товарищей. Как вчера утром этот
Шампу... Боже! Как он любезен!.. он
нам рассказывал такие анекдоты... мы
помирали со смеху... ха, ха! Я ужасно
люблю смешные историйки... Принесите
мне когда-нибудь вместо мадригалов,—
эпиграммы... Теперь, когда я вам рас-
сказала, что эта печаль, эти слезы, эти
порывы отчаяния, которыми я так тро-
гала вас на сцене, не что иное — как
обман, маска...

А д р и а н. Как? эти восторженные дви-
жения души... Неужели?

Д ю м е н и л ь. Ха, ха! вы всё еще ду-
маете, что я всё еще чувствую в самом
деле? Вот было бы забавно... Хороша
была бы я, покорно благодарю... ха, ха,
ха! Итак теперь, когда ваш урок кончен,
я вам скажу, как Гермiona: «Я хотела
вам дать средство мне понравиться» (*от-
крывая табакерку*). Не угодно ли вам?

- 295 18—29 *Вместо* «Ах, она превосходна *с* А д р и а н (*в восхищении*). Ах»: Ах, она превосходна!
- Д ю м е н и л ь.
- Нет, я не привлеку вас к казни никогда, Двойную жертву вы для греков припесете. Один ливр (*одушевляясь*) Нет, ни почтение, ни страх мой не спасут Его от рук моих кровавых... он погибнет! Ужаснейший супруг и вместе злой отец; Приди, когда ты мать мою похитить смеешь! А д р и а н (*в восхищении*). Ах
- 297 11 *Вместо* «Д ю м е н и л ь. Трагедия? провинциальная?»: Д ю м е н и л ь. Об трагедии провинциального вдохновения?
- 298 9—10 *Вместо* «растерзать его сердце? Бедный молодой человек»: растерзать его сердце? Но имела ли я право на это сердце, богатое мечтами и любовью... Он из тех людей, которые понимают, ценят нас, артистов! Да, в нем та возвышенность идей, то могущество чувства, которые делают нас великими, знаменитыми, славными... Отнимите таких людей у света, и мы будем иметь перед собою толпу грубую и холодную, об которую разобьются все наши лучшие усилия. Бедный молодой человек
- 300 23—24 *Вместо* «отдайте моего сына! спасите... Д ю м е н и л ь. Полноте, полноте: отдайте моего сына! Спасите... Отличный был бы он детина, Когда б с ума вдруг не сошел, Спасите мне родного сына, Я за лекарством к вам пришел! Я плачу горькими слезами, Без вас погибнем мы в два дня... (*Хочет стать на колени.*) Я на коленях перед вами — Поставьте на ноги меня!

- 301 18—20 *Вместо* Д ю м е н и л ь. Полпоте, полпоте
«Д ю м е н и л ь. Странно! Он, верпо,
придет»:
Д ю м е н и л ь. Ах, я трепещу! Странно,
я еще никогда не была так растрогана.
Что ж такое... моя привычка изображать
чувства? О, какая разница... Как далеко
от действительности... но я боюсь испугать
его... Нет, кажется, это средство хорошо...
он придет!
- 301—302 39—1 *Вместо* «лишить себя жизни? Л у и з а. Как»:
а лишить себя жизни. Хорошо еще, что
он не меня видел.. хорошо, что та, ко-
торую он обожает, о которой мечтает
так высоко... это благодаря бога — я!
Л у и з а. Как
б лишить себя жизни...
Лишь обо мне мечтала и грустила
Его душа, лишь мной она жила,
А я, шутя, кумир его разбила,
А я души его не поняла!
Я в те часы, как в нем кипело чув-
ство,
Играла роль, довольная вполне,
О, я клянусь теперь мое искусство!
Зачем, зачем обман удался мне!
- Л у и з а. Как
- 302—303 39—2 *Вместо* «мою лиру навсегда к изучению прав»
мою лиру навсегда...
Д ю р в а л ь. Точно, братец, точно.
Трагедия твоя готова — пусть же будет
что будет! Очень хорошо... видно всякий
молодой человек должен написать траге-
дию... Это в моде... Но, сын мой, теперь,
когда твоя лира, как ты говоришь, раз-
билась вдребезги... что остается делать
тебе, как ни обратиться к изучению прав
- 303 20 *Вместо* «которая отправится в Бордо»:
которая отправится в Ман.
- 303 37—41 *Вместо* «Д ю м е н и л ь. Я волю царскую к
всегда со мной...»:

а Д ю м е н и л ь .

Перестаньте слезы лить
Внимайте молчаливо
Великой и в вещи и в доле несчастливой,
Которая сложив с высокого чела
Корону царскую, покинув бремя власти
Кумиром всех сердец попрежнему была
И будет им вовек, в несчастье и в счастье

б Д ю м е п и л ь .

Что плакать и грустить?
Отрите слезы с глаз.
Внимайте молчаливо Я волю царскую и
т. д., как в основном тексте.

304 10—11 *Вместо* «с таким благородством возвышается над
предрассудками»:

с таким благородством жертвует своею
любовью их варварским предрассудкам.

304 28—29 *Вместо* «к моему Тиверию. Ах! тщетно я скрывать»:
к моему Тиверию.

Последуй же словам жестокого отца.
Далеко от меня, на ратном поле чести.
На острый штык нанизывай сердца,
Мечтай, не обо мне—о славе и о мести!..
Ах, тщетно я скрывать

304 32—33 *Вместо* «люблю и удаляюсь... Д ю р в а л ь . Ах,
какая жалость»:

...Люблю и удаляюсь.

Отец твой римлянин... Надменно пренебрег
Он царственной рукой, о славе лишь
мечтая...

Что в плещнице найти достойного он мог,
В его глазах, я женщина простая..
Не видит он веща блестящего на мне,
Который красотой торжественной сияет,
Который все так чтут на дальней стороне
И только римлянин один лишь презирает).
Д ю р в а л ь . Ах, какая жалость.

304 40—41 *Вместо* «от горя не умею? Л у и з а . Нет, нет!
маменька»:

от горя не умею?

Нет, если разлучат нас в этом мире люди

Нет, если ты его отнимешь у меня...
Разлуки не снести... Жизнь вылетит из
груди

И вместе мы умрем, судьбу свою кляня!»
Л у и з а. Нет, нет! маменька

306 36—37 *Вместо* «она меня любит! (*Бросается перед ней
на колени; занавес опускается*)»:

Она меня любит! О счастье.

Д ю м е н и л ь

(к публике)

Без последнего куплета
Водевиль не может быть,
Переводчик наш совета
Хочет в нем у вас просить,—
Чем теперь ему заняться?
Вновь писать,— переводить
Иль от сцены отказаться .
И бумаги не губить?

ДЕДУШКИНЫ ПОПУГАИ

(Стр. 307)

Варианты РМ

307 2 *Вместо* «Водевиль в одном действии»:

Детская комедия в одном действии.

308 4—5 *Вместо* «Стукату. Жером»:

Стукату — ментор Анатоля. Жером —
товарищ Анатоля.

308—309 10—1 *Вместо* «Действие происходит во французской
провинции, в доме маркиза Дортеваль.
Театр представляет роскошный сад:
Театр представляет сад.

309 1—5 *Вместо* «прямо против зрителей ∞ задернута за-
навескою»:

прямо против зрителей калитка, ведущая
на улицу; вдали виден замок; направо,
ближе к зрителям между различными ук-
рашениями и принадлежностями сада, ог-
ромная клетка, которая задернута за-
навескою.

311—312 38—8 *Вместо* «А н а т о л ь. Тут что-нибудь да скры-
вается. Когда на птичек погляжу ∞
Ж е р о м. Попробуем еще»:

- А н а т о л ь. Тут что-нибудь да скрывается.
- Ж е р о м. Попробуем еще.
- 313 16—17 *Вместо* «А н а т о л ь. Должно быть какие-нибудь птицы... А г н е с а. Будем же играть»: А н а т о л ь (*ему*). Должно быть какие-нибудь птицы.
- Ж е р о м. Особенной... породы... большие...
- А н а т о л ь. Молчи, молчи, Жером, не улетели бы...
- А г н е с а. Будем же играть.
- 313 21—22 *Вместо* «А н а т о л ь. Лучше нас, особенно та, что впереди... А г н е с а. Идемте дальше»: А н а т о л ь. Лучше нас, особенно эта, что впереди.
- Ж е р о м. Да... нет, та лучше...
- А н а т о л ь. Молчи!
- А г н е с а. Идемте дальше!
- 314—315 28—1 *Вместо* «Никого не видал, кроме моего учителя и слуги. ∞ А г н е с а. Беденький: Никого не видал, кроме моего учителя и слуги.
- А г н е с а. Беденький!
- 315 23—24 *Вместо* «Нет, не всё (*Ему на ухо.*) Обними, так поймешь и то, почему птичкам весело. (*Уходит за Агатою.*)»: Нет, не всё! (*Шепчет ему на ухо и уходит с Агатою.*)
- 315—316 35—12 *Вместо* «А н а т о л ь. Я люблю вас! ∞ Ж е р о м (*бежит от дверей*): А н а т о л ь (*падая на колени*). Я люблю вас!
- Ж е р о м (*бежит от дверей*).
- 316 17 *Вместо* «беда... беда!»: Бегите, бегите!
- 317 19—24 *Вместо* «ЯВЛЕНИЕ 7. Стукату и Маркиз. Стукату (*глядя им вслед*). Видите, господин маркиз ∞ образцом может служить ваш сын»:

ЯВЛЕНИЕ 7. Стукату. Видите, господин маркиз, можно ли играть невиннее их... в каждом шагу их совершенная чистота души и непорочность сердца.

317 25—26 *Вместо* «Маркиз. Хорошо. Но главное-то, главное, о чем я вас просил»:

Маркиз. Благодарю, благодарю вас: вы оказали мне истинно дружескую услугу; но главное, но главное, о чем я вас просил

317—318 28—25 *Вместо* «Стукату. Понимаю... вы говорите о женщинах... *С* Поди сюда, сын мой...»: Стукату. Вы говорите о женщинах. С гордостью могу сказать, что ни ваш сын, ни Жером, которого вы дали товарищем его уединения, никогда не видели женщины, даже... даже в щель или через замочную скважину...

Маркиз. О, если б так... Я много претерпел от женщины, от любви и желал бы, чтоб мой сын избегнул подобных испытаний... Вы знаете, у меня уже давно назначена ему невеста, дочь моего друга... Она первая, которую он увидит и, следовательно, влюбится.

Стукату. Точно так, господин маркиз.

Маркиз. Но, любезнейший друг, это еще не всё, что было нами предположено; вы, верно, помните, что он не только должен был видеть женщин, но даже получить об них какое-нибудь понятие, малейшую идею... Это главное.

Стукату (*с важностью*). Эдуард Фридрих Стукату член разных академий, бывший профессор словесных наук и философии, осмеливается уверить вас в этом... Он решительно не имеет понятия о женщинах, хотя нужно признаться, это мне много стоило... Молодые люди, у которых такие прекрасные способности, как у вашего сына, часто слишком догадливы.

Притом эти исторические женщины... без них неполна история, а с ними она противоречила бы плану воспитания вашего сына. Несмотря на все таковые затруднения, смею уверить, что сын ваш чист и непорочен как горлица, никогда не видал женщин, и не имеет о них никакого понятия...

М а р к и з. Благодарю, благодарю вас...

ЯВЛЕНИЕ 8

Т е ж е, Ж е р о м и А н а т о л ь, проходят.

М а р к и з. Поди сюда, сын мой...

318 25—32 *Вместо* «и тобой, Жером, если только ∞ в занятиях самых невинных...»:

и тобой, Жером.

А н а т о л ь. Мне очень приятно, папешка! Ах да! Дедушка Стукату сказывал нам, что наша жизнь должна скоро перемениться. Правда ли?

М а р к и з. Точно так, мой друг... И если всё то правда, что я сам замечаю и что мне говорил ваш почтенный наставник...

С т у к а т у. Уверю вас, что в моих словах не было нисколько лжи... Сын ваш воспитан совершенно согласно с вашими желаниями. Всё время своего пребывания он провел в занятиях самых невинных...

318 35—40 *Вместо* «в которых он сам работал... ∞ взора женщин»:

в которых он любил сам работать... Всё это, как изволисте видеть, вещи, которые не могут подать идеи о известном предмете, и старый Стукату смеет надеяться, что он исполнил свое поручение не со стыдом для себя. (*В сторону.*) Гм! Нужно было иметь мой глаз и много проницательности, чтоб уберечь его от взоров женщин.

318—319 41—6 *Вместо* «Маркиз. Благодарю ∞ Прекрасная коллекция!»:

Маркиз. Сто раз благодарю... какая прекрасная клетка! (*Подходит к клетке.*)
А это что такое?

Стукату. Так-с, невинные товарищи Анатоля в его уединении... попугаи... Он их очень любит... и я не мог ему отказать... прекрасная коллекция!

319 11—17 *Вместо* «Маркиз. Что это значит ∞ Не бойтесь»:

Маркиз (*с сердцем*). Что это значит, господин Стукату?

Стукату. Я... я сам не знаю... право никого не было... ах...

Маркиз. Так-то вы оправдали мою доверенность.

Агнеса. Ах!

Анатоль (*подбегая к ней*). Не бойтесь

319—320 19—11 *Вместо* «Агата. Нам так хорошо ∞ Агнеса и другие пансионерки»:

Агата. Как нам наскучило сидеть в клетке... Ах!

Жером (*подходя к ней*). Ничего, ничего не бойтесь!

Маркиз (*отводя сына от Агнесы*). Оставьте ее.

Анатоль. Что вы папенька... не разлучайте нас... мы любим друг друга...

Маркиз. Несчастный!

Стукату (*бегая*). А! Это ужасно! Вот плод моих стараний... пропала моя седая головушка!

Жером. Что вы так перепугались, дедушка Стукату!

Маркиз. Объяснитесь!

Стукату (*подбегая к калитке*). А! господи... она незаперта, проклятая малага! Первый раз в жизни забыл запереть... дверь... простите, господин маркиз.

ЯВЛЕНИЕ ПОСЛЕДНЕЕ

Т е ж е и мадам Гро-Гро с гувернантками

Гро-Гро. А, они здесь, наконец мы
нашли наших беглянок!

Агнеса и другие пансионерки.

820 14—18 *Вместо* «Маркиз. Объяснитесь! А всё затеяла»:
Маркиз. Объяснитесь, пожалуйста.
Стукату. Просите у них объяснения.
Я с ума сошел!..

Гро-Гро. В пансион, в пансион, сударыни! Представьте себе, я содержу пансион вот уж двадцать лет... никогда такого чуда не случалось... убежали из пансиона... Я была в отчаянии... пасилу нашли... а всё затеяла

820 21—22 *Вместо* «Пойдемте в класс... вы будете»:

Пожалуйте, пожалуйста. Вы будете

820 23—25 *Вместо* «не велите уходить Агнесе, я умру...
Маркиз. Скажите»:

не велите уходить мамзель Агнесе... я умру.
Жером. И я умру, если уйдет Агата...
Маркиз. Скажите

820—321 27—17 *Вместо* «Гро-Гро. Да, сударь! Велите вы со сцены улететь»:

Гро-Гро. Да, сударь... она дочь графа Шарля Поля, который живет в нашем округе.

Маркиз (*с радостью*). Шарля Поля... Благодарите судьбу, господин Стукату; эта девушка та самая, которую я назначил в супруги моему сыну с согласия ее отца... Я очень рад, что так случилось... Нужно только увидеться с ее отцом, графом, чтоб кончить дело. (*Агнесе*.) Вы вероятно согласны?

Агнеса. Да...

Апатольт. О, как я счастлив!

Жером. А я несчастлив... моя Агата от меня уходит.

А н а т о л ь. Не бойся, Жером, я поста-
раюсь о тебе.
М а р к и з. И я!
С т у к а т у. Слава богу, как гора с плеч
свалилась!

КОЛЬЦО МАРКИЗЫ

(Стр. 489)

Варианты РЧ

- 496 14—21 *Вместо* «Нам узы брачные не скучны ∞ На деле то
же подтвердит»:
Зачем друг другу нам не верить?
Когда любовь погасла в нас,—
О, мы не стали б лицемерить!
Мы объяснились бы тотчас:
— Я не люблю уж вас, маркиза!—
«Я ненавижу вас, маркиз!»
И дружелюбно б разошлись
И тем, что любо, занялись.
- 502 32—33 *Вместо* «Что с модной в самом деле
Маркизою сходна»:
Что очень в самом деле
С маркизою сходна.
- 506 13 *Вместо* «стеречь жену»:
стеречь сад
- 518 24—29 *Вместо* «Но веселей бы было ∞ на руку пришлось»:
Но веселей бы было нам,
Когда б вдобавок вы сказали!
Кольцо изрядно с рук сошло,
Что в нем нет фарсов, шума, вздору,
Оно и критикам назло
Всем по руке пришлось и впору¹.

¹ Куплет написан на дополнительно вклеенном в рукопись РН листе. Отдельно проценауроваи. Вероятно, принадлежит Некрасову. — Ред.

КОММЕНТАРИИ

Драматические произведения занимают значительное место в творческом наследии Некрасова. Им создано около [двух десятков пьес и драматических сцен. Некоторые из них пользовались в свое время большим успехом. Некрасов-драматург, выступавший под псевдонимом Н. А. Перепельский, приобрел популярность у публики раньше, чем Некрасов-поэт.

В первые годы жизни в Петербурге Некрасов испытывал постоянную материальную нужду, вследствие чего он вынужден был обращаться к случайным литературным заработкам. Одним из видов такого литературного заработка и была его первоначальная деятельность на поприще драматургии.

Первые драматические опыты Некрасова, «Юность Ломоносова» и так называемые «детские водевили», «Великодушный поступок» и «Федя и Володя» (1840) — произведения в художественном отношении еще весьма незрелые. Созданные в последующие годы водевили «Шила в мешке не утаишь», «Актер» и другие свидетельствуют о значительном росте художественного мастерства молодого драматурга. Водевиль «Актер» пользовался особенной популярностью и не сходил с подмостков петербургских театров вплоть до 1863 г.

В некоторых пьесах первой половины 40-х годов («Утро в редакции», «Петербургский ростовщик») уже ясно обнаруживаются черты социального обличения, столь характерные для последующего некрасовского творчества.

Переводы и переделки Некрасова, относящиеся к этому же раннему периоду его драматического творчества, представляют, конечно, меньший интерес, чем его оригинальные пьесы, однако следует иметь в виду, что в большинстве случаев он переводил и переделывал те пьесы, которые привлекали его внимание своим социальным содержанием. Работа над водеви-

лями важна как определенный этап в творческом развитии Некрасова: она вооружила писателя целым арсеналом художественных средств и приемов, которые он в дальнейшем сумел использовать не только в драматургии, но и в поэзии.

К середине 40-х годов Некрасов перестает писать водевили. Рамки водевильного жанра начинают его стеснять.

Основным родом творчества Некрасов избирает для себя поэзию, время от времени, однако, возвращаясь к драматургии. Место водевиля занимает теперь социально-обличительная драма. Комедия «Осенняя скука» (1848) — несомненно крупная удача писателя в этой области. Созданная в 50-е годы сцена «За стеной» может служить ярким образцом социально-насыщенной драмы. Последние драматические произведения Некрасова — незавершенная комедия в стихах «Как убить вечер?» (1866) и сцены из стихотворной комедии «Медвежья охота» (1867) свидетельствуют об окончательном освоении Некрасовым реалистических методов высокодейственной социально-острой драматургии.

Настоящий том является первым полным собранием драматических произведений Некрасова. Первую часть его составляют оригинальные произведения, вторую — переводы и переделки.

При жизни Некрасова было напечатано только 7 пьес: «Утро в редакции», «Шила в мешке не утаишь», «Актер», «Вот что значит влюбиться в актрису!», «Осенняя скука», «Забракованные», «Медвежья охота». В 1902 г. была опубликована «Юность Ломоносова» (в «Литературном архиве» П. А. Картавова), в 1914 г. — «Как убить вечер?» (в газете «Русское слово» от 25 февраля, публикация К. Чуковского). В советское время в собрании сочинений Н. А. Некрасова (т. III, М.—Л., 1930) были впервые напечатаны «Материнское благословение», «Петербургский ростовщик» и «За стеной»; в сборнике «Драматические произведения Н. А. Некрасова» (ред. Н. А. Пыпин, «Искусство», 1937) вышли в свет «Великодушный поступок», «Федя и Володя» и «Феоклист Онуфрич Боб». Кроме того, в отдельных изданиях были опубликованы: «Похожения Столбикова» (в комментариях к VII т. Собр. сочинений Квитко-Основьяненко, 1931, публикация И. Я. Айзенштока), «Сцены» (в сборнике «Звенья», т. III, 1933, публикация К. Чуковского) и «Драматический отрывок без заглавия» (в «Записках отдела рукописей Всесоюзной библиотеки им. В. И. Ленина», выпуск № 6, 1940, публикация Р. Маториной).

В настоящем издании впервые публикуются водевили Некрасова «Дедушкины попугаи», «Кольцо маркизы, или Ночь в хлопотах» и «Волшебное Кокорику, или Бабушкина курочка».

В пьесе «Похождения Столбикова» восстановлена значительная часть текста, пропущенная в ее первоначальной публикации. Публикуемый здесь текст незаконченной комедии «Как убить вечер?» существенно отличается как по объему материала, так и по его расположению от публикации К. Чуковского.

В настоящий том не вошли: «Медвежья охота», «Забракованные» и «За стеной». «Медвежья охота» и «Забракованные» по существу не являются драматическими произведениями: первое — диалоги на общественно-политические темы; второе — сатира, пародирующая жанр высокой трагедии. Оба произведения напечатаны среди стихотворений Некрасова во II томе настоящего издания. «Маленькая комедия» «За стеной», одно из наиболее поздних и совершенных драматических произведений Некрасова, входит в IV главу повести «Тонкий человек» и напечатана в VI томе настоящего издания.

Внутри каждого раздела тома материал располагается по хронологическому принципу.

В качестве основного текста воспроизводится некрасовская рукопись или, при отсутствии таковой, первый слой писарской цензурованной копии, как самое близкое отражение авторской рукописи. Если имеется прижизненный печатный текст, он воспроизводится в качестве основного.

В дошедших до нас цензурованных рукописях (за исключением «Великодушного поступка») нигде нет красных цензорских чернил. Очевидно, эти рукописи представляют собой театральные экземпляры пьес, в которые цензурные исключения (если они имелись) были перенесены черными чернилами или карандашом. В ряде случаев поэтому трудно установить, действительно ли из цензурных соображений сделана та или иная купюра, имеем ли мы дело с официальной цензурой или с цензурой театральной дирекции, режиссера (вызванной самыми разнообразными, часто незначительными причинами). В основном тексте подобные купюры, как и остальные неавторские (режиссерские и пр.), повсюду восстанавливаются. Все неавторские купюры, могущие иметь по смыслу цензурный характер, отмечаются в комментариях.

В разделе вариантов, в отличие от предыдущих изданий, где иногда давались режиссерские исправления, приводятся только варианты авторские.

ДРАМАТИЧЕСКИЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ

(1840—1867)

1840

ЮНОСТЬ ЛОМОНОСОВА

(Стр. 7)

Пьеса не была поставлена на сцене. Повидимому, она предназначалась автором для детей, о чем свидетельствует ее первоначальное название в рукописи: «Юность Ломоносова. Детская драматическая фантазия в стихах».

«Юность Ломоносова» была передана Некрасовым книгопродавцу В. П. Полякову вместе с двумя другими детскими пьесами — «Великодушный поступок» и «Федя и Володя» — и, повидимому, была написана одновременно с ними, то есть в 1840 г. (эта дата стоит на титульном листе рукописи пьесы «Федя и Володя»).

Материалом для пьесы послужил известный эпизод из жизни великого русского ученого и поэта М. В. Ломоносова. Хотя отдельные факты, относящиеся к биографии Ломоносова, переданы Некрасовым неточно (отец Ломоносова не был беден, мать умерла задолго до отъезда сына, Ломоносов первоначально поселился в Москве и лишь потом уехал в Петербург), созданный им героический характер вполне соответствует образу великого «архангельского мужика». Этот образ был близок юноше Некрасову, приехавшему в Петербург с горячим стремлением учиться. Тематически первая пьеса Некрасова частично перекликается с его стихотворением «Школьник», 1856 (см. т. I наст. издания). В «Юности Ломоносова» впервые затрагивается характерная для дальнейшего творчества Некрасова крестьянская тема.

При жизни Некрасова пьеса напечатана не была. Автограф вместе с корректурой первых двенадцати страниц был найден в 1901 г. издателем и библиофилом П. А. Картавовым среди нескольких других некрасовских рукописей, случайно приобретенных им в одном из петербургских антикварных магазинов. Кроме «Юности Ломоносова», Картавов обнаружил в купленных им бумагах Некрасова «Бабу-Ягу» и «Сказку о царевне Ясносвете», а также два его юношеских водевиля — «Великодушный поступок» и «Федя и Володя». Эти рукописи Некрасова оставались неизвестными до сообщения П. А. Картавова, сделанного им в «Литературном архиве», (СПБ, 1902. Раздел: «Неизданные произведения Николая Алексее-

вича Некрасова). Здесь же впервые был опубликован полный текст «Юности Ломоносова», сверенный с корректурой первых двенадцати страниц.

В советское время пьеса была включена Н. А. Пыпиным в сборник «Драматические произведения Н. А. Некрасова» (изд. «Искусство», 1937).

Текст печатается по цензурированной некрасовской рукописи, опубликованной Картавовым, с учетом всех исправлений, сделанных автором в корректуре. Рукопись, с авторской правкой, хранится в Государственном театральном музее им. А. Бахрушина в Москве. К рукописи приложена подписанная автором корректура первых двенадцати страниц, которая обрывается в начале второй сцены (словами: «Не замечаю я его течения»).

ВЕЛИКОДУШНЫЙ ПОСТУПОК

(Стр. 23)

«Великодушный поступок» и «Федя и Володя» написаны в традиции тогдашней детской литературы, для которой был очень характерен нарочито-дидактический тон. Работа над этими водевилями, повидимому, совпала с преподавательской деятельностью Некрасова в пансионе Г. Ф. Бенедцкого, где дворянские дети готовились к поступлению в одно из военно-учебных заведений Петербурга — Дворянский полк. Возможно, что пьесы предназначались для постановки на сцене пансиона Г. Ф. Бенедцкого. Существует мнение, что оба детских водевиля являются переводами или переделками каких-то, неизвестных нам, источников (В. Е. Евгеньев-Максимов, Некрасов и театр, изд. «Искусство», 1948).

Рукопись пьесы была найдена в 1901 г. П. А. Картавовым среди нескольких других произведений, проданных Некрасовым книгопродавцу В. П. Полякову. Она должна быть отнесена к 1840 г., так же как и «Федя и Володя» (см. комментарии к пьесе «Юность Ломоносова»).

Куплеты водевиля «Великодушный поступок» вместе с изложением его содержания были впервые опубликованы В. Е. Евгеньевым-Максимовым в 1914 г. (В. Е. Евгеньев, Николай Алексеевич Некрасов, Сборник статей и материалов. Москва, 1914). Полностью «Великодушный поступок» был опубликован Н. А. Пыпиным в сборнике «Драматические произведения Н. А. Некрасова» (изд. «Искусство», 1937).

Текст печатается по цензурованной рукописи Некрасова, находящейся в Государственном театральном музее им. А. Бахрушина в Москве (рукопись № 91). В рукописи — подпись автора «Н. Перепельский». Характерны цензорские исключения, сделанные красными чернилами. Немец по национальности, Е. Ольдекоп вычеркнул в пятом явлении следующие места: «Всякого немчуры бояться...»; «какой-нибудь колбасник, а мы, дворяне, должны его слушать»; «который говорит нечисто по-русски» (относится к Шпринку) — см. стр. 27. Все эти цензорские исключения восстановлены в основном тексте.

В. Ф. Фермор, которому посвящен «Великодушный поступок», был младшим братом друга Некрасова, Николая Федоровича Фермора, с семьей которого автор был близок в начале своей литературной деятельности в Петербурге (см. т. I наст. издания, стр. 613—614).

ФЕДЯ И ВОЛОДЯ (Стр. 37)

Водевиль был найден П. А. Картавовым (см. комментарий к пьесе «Юность Ломоносова»).

Время написания пьесы относится к 1840 г. (эта дата стоит на титульном листе рукописи).

Изложение содержания и куплеты водевиля «Федя и Володя» были в 1914 г. впервые опубликованы В. Е. Евгеньевым-Максимовым (В. Е г е н ь е в, Николай Алексеевич Некрасов. Сборник статей и материалов, Москва, 1914). Полностью — напечатан Н. А. Пыщипым в сборнике «Драматические произведения Н. А. Некрасова» (изд. «Искусство», 1937).

Текст печатается по цензурованной рукописи Некрасова, хранящейся в Государственном театральном музее им. А. Бахрушина, № 92. Судя по рукописи, пьеса первоначально называлась «Влюбленный Феденька» (зачеркнуто и заменено названием «Федя и Володя»). На титульном листе сделана надпись рукою автора: «Передаю право в вечное и потомственное владение книгопродавцу В<ладимиру> Петров<ичу> Полякову. Н. Некрасов».

Некрасов, повидимому, собирался печатать пьесу. Под списком действующих лиц им сделано указание: «Вместо В о л ь д е м а р а в е з д е д о л ж н о п е ч а т а т ь В о л о д я».

УТРО В РЕДАКЦИИ

(Стр. 57)

«Утро в редакции» на сцене никогда не ставилось. Пьеса является первой из задуманных Некрасовым «Сцен из журнальной жизни»; об этом свидетельствует уведомление «Литературной газеты», сообщавшей, что сцены «будут по временам продолжаемы»; однако продолжения не последовало.

Водевиль был написан Некрасовым в 1841 г., вскоре по приезде в Петербург, в период работы в «Литературной газете» с Ф. А. Кони, первым редактором его произведений, и в значительной мере является результатом личных впечатлений и наблюдений Некрасова. Некоторое влияние на пьесу оказал и популярный в то время водевиль Кони «Петербургские квартиры». Интересен IV акт этого водевиля Кони — «Квартира журналиста на Козьем болоте», в котором изображается редакторская деятельность Фаддея Булгарина, выведенного автором под именем Абдула Задарина. «Этот четвертый акт, не игранный на сцене и потому не упомянутый в нашей Театральной летописи (IV акт был целиком вычеркнут в рукописи театральной цензурой. — *Ред.*)... — сам по себе есть целая комедия, полная жизни, занимательности и остроумия», — писал В. Г. Белинский в «Отечественных записках» 1840 г. (статья «Русская литература в 1840 году»; В. Г. Белинский, Полн. собр. соч., т. V, стр. 454).

Связь «Петербургских квартир» с «Утром в редакции» видна при сопоставлении действующих лиц обеих пьес: эпизодический персонаж водевиля Кони — благородный журналист Семячко — становится главным героем в пьесе Некрасова. Образ Семячко противопоставлен беспринципному и продажному писателю Задарину из водевиля Кони: ср. монолог Семячко из «Утра в редакции» (стр. 59—60) с куплетами Задарина из «Петербургских квартир»:

«... Я статейками упрочил
Себе вес и капитал:
Тех порочил, тех морочил,
Тем кадил, а тех ругал.
Наградить могу я славой
И убить могу вполне;
Благочинная управа
Не мешает в этом мне.

Нынче враг со мной издатель —
Я роман не ставлю в грош,
Завтра он со мной приятель —
Я пишу: роман хорош.
После вновь раскритикую...
Тут не видно плутовства...
Я формально публикую,
Что пишу из кумовства».

Борьба с Булгариным, который уже и в те годы воспринимался передовой частью общества как своего рода символ политической и литературной реакции, — яркое свидетельство прогрессивного образа мыслей молодого Некрасова.

В этой пьесе найдена выразительная для всего творчества Некрасова идея утверждения высокой общественной роли литературы. Прототипом образа Семячко послужил Ф. Кони, которого Некрасов в то время воспринимал как представителя передовой публицистики. Позже, однако, Некрасов изменил свое отношение к Ф. Кони (см. комментарий к роману «Жизнь и похождения Тихона Тростникова», т. VI наст. издания).

Под именем Пельского автор вывел самого себя, сократив свой обычный псевдоним — Перепельский.

В настоящем издании пьеса печатается по тексту «Литературной газеты», 1841, № 15—16, где опубликована впервые.

Перепечатана пьеса была в III томе Собрания сочинений Некрасова под редакцией В. Е. Евгеньева-Максимова и К. Чуковского. М.—Л., 1930.

Рукопись пьесы не сохранилась.

Умилительно-нравственная сцена, совершенно вроде Катса или Бильдердейка. — Катс Якоб (1577—1660), Бильдердейк Виллем (1756—1831) — голландские поэты; произведения обоих проникнуты правоучительной тенденцией.

Саконтала — драма знаменитого индийского писателя Калидасы (V в. н. э.), классический образец санскритской литературы.

Иван Иванович Грибовников — незадачливый провинциальный поэт, выведенный Некрасовым в рассказе «Без вести пропавший пиита» (см. т. V наст. издания).

ФЕОКЛИСТ ОНУФРИЧ БОБ

(Стр. 79)

«Феоклист Онуфрич Боб» был написан Некрасовым для бенедикта актера Александринского театра Григорьева 1-го, состоявшегося 2 мая 1841 г. Роль Боба исполнял знаменитый артист А. Е. Мартынов, однако спектакль успеха не имел и был снят с репертуара после второго представления.

«Второй опыт г. Перепельского был не так удачен,— писал В. Г. Белинский,— как первый (водевиль «Шила в мешке не утаишь». — *Ред.*). Это произошло, как можно заметить, более от поспешности в сочинении и неопытности, чем от неумения. Пьеса пала, но в ней все-таки заметна способность автора» («Отечественные записки», 1841, т. XVI; В. Г. Белинский, Полн. собр. соч., т. XIII, стр. 81).

Аналогичную оценку пьесе дает рецензия Ф. А. Кони («Литературная газета», 1841, № 54).

Враждебно встретила пьесу болгаринская «Северная пчела» (1841, № 111). Рецензент «Репертуара русского театра», усомнившись в оригинальности пьесы, пытался доказать, что «Феоклист Онуфрич Боб» похож, как две капли воды, на «Эдуарда в Шотландии» — историческую пьесу французского писателя Дюваля, поставленную в Париже в 1802 г.

Однако сопоставление обеих пьес совершенно исключает возможность заимствования, так как, кроме мотива мнимой измены, водевиль не имеет никаких общих черт с исторической драмой Дюваля. Мотив мнимой измены был одним из наиболее излюбленных в русских водевилях 40-х годов (напр., «Муж всех жен» Кони, «Запутанное дело или с большой головы на здоровую» Каратыгина, «Жены наши пропали» Григорьева и др.).

Главный персонаж водевиля — Феоклист Онуфрич Боб — был знаком читателям по стихотворному фельетону Некрасова «Провинциальный подьячий в Петербурге» («Пантеон русского и европейского театров», 1840; см. т. I наст. издания, стр. 360), сочувственно отмеченному В. Г. Белинским («Отечественные записки», 1840, март, № 3; см. В. Г. Белинский. Полн. собр. соч., т. V, стр. 281).

До крайности стесненный требованиями цензуры (просмотр пьес, как известно, осуществлялся особым цензурным комитетом III отделения), Некрасов вынужден был смягчить остроту политического обличения стихотворения «Провинциальный подьячий

в Петербурге». Из стихотворения, в котором говорится о четырех правилах взяточника, он перенес в пьесу лишь последние строки:

Хоть шиворот навыворот
Я правила прошел,
Не выведут за шиворот...

При жизни автора пьеса напечатана не была.

Впервые «Феоклист Онуфрич Боб» был опубликован Н. А. Пыпиным в сборнике «Драматические произведения Н. А. Некрасова» (изд. «Искусство», 1937).

В настоящем издании водевиль печатается по цензурованной писарской рукописи — ЛТБ, 1, VI, 5, 8, № 3124.

Слова Боба «Булгарипа видел» (см. стр. 90) были вычеркнуты. Это исключение, сделанное, может быть, режиссером, носит цензурный характер.

Лишь в Английский придешь. — Имеется в виду английский магазин в Петербурге.

Мария Тальони (1804—1884) — знаменитая танцовщица, гастролировавшая в Петербурге в конце 30-х годов.

Сфинок — статуи сфинксов, стоящие в Ленинграде на берегу Невы у здания Академии художеств.

Кизветтер (1766—1819) — автор популярного в начале XIX в. немецкого учебника логики, переведенного на русский язык.

Роберт Дьявол — опера Мейербера, поставленная в России в 1831 г.

АКТЕР

(Стр. 125)

Водевиль «Актер» был написан Некрасовым весной 1841 г. В апрельском номере «Текущего репертуара русской сцены» (1841, № 4) сообщалось о том, что «автор водевиля «Шила в мешке не утайшь» написал новый водевиль под заглавием «Петербургский актер». Спустя два месяца о новой пьесе Некрасова писала также «Литературная газета» (1841, № 66). В письме от 18 июня 1841 г. Некрасов извещает Ф. А. Коши о своем намерении отдать новый водевиль, который, по его словам, был «уже давно написан», в «Пантеон» (см. т. X наст. издания).

«Актер» был впервые поставлен на сцене Александринского театра 13 октября 1841 г. в бенефис актрисы Самойловой 1-й. В спектакле приняли участие ведущие актеры театра; роль Струж-

кина исполнял В. В. Самойлов, роль Кочергина — Григорьев 1-й.

Водевиль пользовался у зрителей большой популярностью и шел с неизменным успехом в течение долгого времени (вплоть до 1863 г.) на сцене Большого, Александринского и Михайловского театров.

В. Г. Белинский в «Отечественных записках» (1841, т. XIX, № 11. См. Полн. собр. соч. В. Г. Белинского, т. XIII, стр. 92), изложив содержание пьесы, отмечает основную мысль ее: «... актер — не шут площадной, а артист».

Ф. А. Кони пишет в своей рецензии: «... г. Перепельский имел в виду посмешить и вполне достиг своей цели. Сцены у него ведены очень хорошо, есть несколько острых куплетов, и потому пьеска имела большой успех, чему много способствовала искусная и ловкая игра г. Самойлова... и г. Григорьева 1-го» («Литературная газета», 1841, № 119).

«Северная пчела» (1841, № 246) поместила о пьесе Некрасова издательскую статью В. Межевича, озаглавленную «Актер», оригинальный (?!!) водевиль в одном действии, соч. Н. А. Перепельского». Враждебная позиция, занятая болгаринской газетой по отношению к Некрасову, ясно определилась после «открытого письма» Некрасова к Кони (см. в настоящем томе комментарии к пьесе «Шила в мешке не утаишь»). Изложив в искаженном виде события, последовавшие за постановкой «Шила», Межевич подвергает новую пьесу Некрасова разбору, в результате которого делает вывод о заимствовании автором сюжета французского водевиля Монье «Импровизированная семья».

Некрасов был возмущен клеветнической статьей Межевича. «Вчера только,— пишет он Кони 25 ноября 1841 г.,— я прочел в «Пчеле» брань своему «Актеру». Мерзавец Межевич опять кругом наврал и может быть уличен... французского водевиля я в глаза не видел, да и назван он (то есть «Актер») оригинальным не мною, а Самойловым, на произвол которого я оставил пьесу, уехав из Петербурга, и мало ли можно еще найти опровержений... Может быть, пришлю статейку (см. т. X наст. издания). Однако предполагавшегося ответа со стороны Некрасова не последовало.

Предположение о заимствовании Некрасовым чужого сюжета долгое время оставалось непровергнутым. Некоторые исследователи (П. Марков, Некрасов и театр, «Культура театра», 1922, № 1—2; В. Абрамкини А. Дымшиц, Предисловие к III т. Собр. соч. Некрасова, 1930) склонны были возводить водевиль Некрасова к иностранным источникам (Скриб, Монье).

Против этой точки зрения выступил Н. А. Пыпин (комментарии к «Актеру» в сборнике «Драматические произведения Некрасова», изд. «Искусство», 1937) и позже М. Белкина (статья «Водевиль Некрасова» в «Трудах МИИФЛИ», т. III, 1939). Оба исследователя доказали, что «Актер» является самостоятельным произведением Некрасова, созданным на материале русского быта и совершенно не связанным с французскими пьесами.

По ряду внешних признаков «Актер» примыкает к типу «водевилей с переодеванием». Однако как в трактовке основной темы, так и в обрисовке действующих лиц некрасовский «Актер» существенно отличается от обычного «водевиля с переодеванием». Основу идейного содержания пьесы составляет утверждение высокой значимости театра и благородного искусства актера. В пьесе ясно выражены элементы социальной сатиры (Кочергин, Сухожилова). «Основные персонажи этого водевиля не простые водевильные маски, в них имеются уже бытовые и даже типические черты эпохи», — отмечает исследовательница драматургии Некрасова М. Белкина.

Водевиль был опубликован Некрасовым в «Текущем репертуаре русских театров» (1841, № 8) под псевдонимом «Н. А. Перепельский». Перепечатан в III т. Собр. соч. Некрасова под ред. В. Е. Евгеньева-Максимова и Корнея Чуковского (М.—Л., 1930). В январе 1928 г., в день пятидесятилетия со дня смерти Некрасова, «Актер» был поставлен на сцене Ленинградского Государственного театра юных зрителей.

В настоящем издании пьеса печатается по тексту «Текущего репертуара русских театров».

Имеется автограф пьесы — ЛТБ, V, IV, 39, № 2506. Помимо автографа существует еще театральный экземпляр цензурованной писарской рукописи, хранящийся в ЛТБ, II, 3, 39, № 773. В него дополнительно внесены: 1) лист с вариантом куплетов итальянца в явлении 12-м («Наша брат такой товаром») и 2) двойной лист с вариантом конца пьесы (вместо явлений 13—15), написанным рукой Некрасова. Текст подчеркнут карандашом, и поперек карандашом же написано: «Никогда не было» и «Никогда не играют». Судя по тому, что в этом варианте вместо действующих лиц названы непосредственно артисты (Мартынов, Самойлов), можно предположить, что он был написан для особого представления. Известно, что в феврале 1849 г. «Актер» ставился на сцене Александринского театра в пользу танцовщицы Фанни Эльслер, в конце 1848 г. приехавшей в Петербург на гастроли. Григорьев 1-й написал по этому случаю водевиль «Мнимая Фанни Эльслер», в котором

актер, переодевшись в женское платье, пляшет качучу (Эльслер с успехом исполняла этот танец в «Эсмеральде»). В этой роли выступал Мартынов. Таким образом возможно, что вариант конца пьесы (явления XIII—XV), где актер Мартынов, переодетый Фанни Эльслер, танцует качучу, был написан Некрасовым по предложению театра в конце 1848 или январе-феврале 1849 г.

В тексте цензурованной рукописи есть режиссерские исправления, связанные по смыслу с вариантом конца пьесы.

Ряд исправлений и купюр в рукописи сделан, возможно, по цензурным соображениям. Так зачеркнуто: «Нам и аллах деньга любить не запрещает»; зачеркнут куплет: «Не понапрасну век мы...» и т. д. Зачеркнуто: «У Тальони ногу сломай... и за Тальони давайте деьнга... возьмите ее себе, куда без ноги Тальони годится... или давай мне новой Тальопи, целый». Зачеркнуто «Тальони», чернилами написано: Фанни (см. стр. 587, 589).

И Гаррик, и Кин, и Лекень, и Тальма! — Дэвид Гаррик (1716—1779), Эдмунд Кин (1787—1833), Анри-Луи Лекен (1729—1778) и Франсуа Жозеф Тальма (1763—1826) — крупнейшие трагические актеры.

Был я прежде лазарони. — Лазарони, вернее лацарони (итал.), — нищий.

1 8 4 4

ПЕТЕРБУРГСКИЙ РОСТОВЩИК

(Стр. 147)

«Петербургский ростовщик» был написан Некрасовым в 1844 г. Пьеса была поставлена на сцене Александринского театра в бенефис Григорьева 2-го 1 июня 1845 г., спустя полгода после представления ее в цензурный комитет, и выдержала всего три представления.

При постановке водевиля из него были исключены некоторые реплики и куплеты, отличавшиеся наиболее сильным социальным звучанием. В числе последних находились и куплеты Лоскуткова «Было года мне четыре», которые Некрасов впоследствии опубликовал в «Литературной газете» за подписью «П-ре-й» (Перепельский) (см. «Литературная газета», 1845, № 1, «История ростовщика. Из нового неизданного водевиля»). Печатный вариант куплетов превышает рукописный на шесть строф. В 1846 г. эти куплеты были перепечатаны в альманахе «Первое апреля» без подписи автора (см. т. I наст. издания).

Критик «Литературной газеты» Ф. А. Копи писал, что в пьесе «есть черты, которые, повидимому, должны быть верно схвачены с натуры и потому именно и производят не совсем приятное впечатление» («Литературная газета», 1845, № 40).

Реакционная печать встретила пьесу враждебно.

Выведенный в пьесе ростовщик — образ, издавна привлекавший внимание Некрасова: он появляется уже в ранних его рассказах. «Двадцать пять рублей», «Ростовщик» и «Капитан Кук», печатавшихся в 1841 г. в «Литературной газете» (см. т. V наст. издания).

В «Петербургском ростовщике» Некрасовым впервые введены в водевиль реалистические картины городского быта.

Важно отметить, что работа Некрасова над «Петербургским ростовщиком» по времени совпала с подготовкой к печати сборника «Физиология Петербурга» — одного из ранних манифестов натуральной школы. Основные тенденции этой школы нашли свое отражение и в некрасовской пьесе.

По своей теме «Петербургский ростовщик» является одним из наиболее социально заостренных водевилей Некрасова. Антибуржуазные мотивы, характерные для этой пьесы, получают развитие в дальнейшем творчестве писателя (стихотворения «Современная ода», «Секрет» и т. д.).

«Петербургский ростовщик» представляет интерес и как попытка Некрасова выразить в традиционной водевильной форме новое социальное содержание.

Это — последняя из пьес Некрасова, игранных на сцене при его жизни.

Водевиль не был напечатан при жизни автора и в течение долгого времени оставался неизвестным. Рукопись его была обнаружена в 1921 г. В. Е. Евгеньевым-Максимовым в рукописном фонде Ленинградской театральной библиотеки (текст куплетов был опубликован им в статье «Забывтый водевиль Н. А. Некрасова», «Жизнь искусства», 1921, № 820). Впервые пьеса была напечатана в III т. Собр. соч. Н. А. Некрасова под ред. В. Е. Евгеньева-Максимова и Корнея Чуковского (М.—Л., 1930).

В настоящем издании пьеса печатается по цензурованной рукописи — ЛТБ, II, 3, 43, № 2942. В тексте рукописи сделан ряд купюр цензурного характера. Исключены: 1) упоминания о боге, 2) намеки на чиновно-бюрократическую систему, 3) фривольные выражения: «Вам, когда пятнадцать лет пройдет, пряжку за беспорочную службу дадут»; «я уж о других расходах не говорю» (в контексте звучит двусмысленно); «вы

вот только через пятнадцать лет пряжку за беспорочную службу получите»; «(крестится)»; «Вот чорта так совсем в свете нет: я несколько раз призывал его — хотел душу продать и дешево бы взял, ей-богу, за пустяки отдал бы... не является! Вот поди — верь тут ученым»; исключены целиком куплеты Лоскуткова «Было года мне четыре до Плутни — капитал!»; «моим богом»; «подлинно рука провидения»; «богом божусь»; «подлецы вы, мошенники!»; «богу»; «господи, мать пресвятая богородица»; «мошенник».

Все исключения восстановлены в настоящем издании в основном тексте.

Она должна быть работы Микель-Анджело, — как бишь еще? Буэнаротти... да, Буэнаротти... или Рафаэль Сакцио...» — Микель-Анджело Буэнаротти (1475—1564), Рафаэль Санцио (1483—1520) — великие мастера итальянского искусства эпохи Возрождения.

Стал у всех я собачонкой, кто богат и чив. — Чив, чивый — щедрый.

Демут — ресторан и гостиница в Петербурге.

1 8 4 8

ОСЕННЯЯ СКУКА

(Стр. 179)

Пьеса является драматической переработкой «Деревенской скуки» — 2-й главы III части романа Некрасова и Панаевой «Три страны света» (эта часть романа напечатана в «Современнике» за 1848 г., № XII). Написанная в 1848 г. (эта дата поставлена Некрасовым), пьеса была впервые опубликована автором лишь в 1856 г. в редактировавшемся им сборнике «Для легкого чтения» (т. III).

Впервые «Осенняя скука» была поставлена в 1902 г. на сцене Александрийского театра. Премьера состоялась 11 января в бенефис М. Г. Савиной. Роль Ласукова исполнял В. Н. Давыдов.

Инициатор постановки «Осенней скуки», писатель П. Гнедич, которому принадлежит честь открытия забытой некрасовской пьесы впоследствии писал: «Мне попались, в старом литературном хламе, лет двадцать назад, несколько альманахов. Тогда же я наткнулся на пьесу Островского, не вошедшую ни в одно собрание сочинений драматурга, — «Неожиданный случай», и на некрасовскую «Осеннюю скуку». Восхитившись ею, я предложил ее Савиной для ближайшего бенефиса... Я помню день первого представления. Успех она имела огромный. Помню, как театралы и рецензенты не хоте-

ли верить, что пьесе более полувека от роду. Казалось, она написана только вчера» (П. Гнедич, Некрасов как прозаик, Сб. «Sertum bibliologicum», П—г, 1922, стр. 258—259).

Сопоставление главы «Деревенская скука» в романе «Три страны света» и пьесы «Осенняя скука» дает представление о характере переработки, которая шла по линии усиления социально-обличительных тенденций, позволяющих признать пьесу одним из ярких антикрепостнических произведений эпохи.

В этом плане характерно введение в пьесу двух монологов Ласукова («Ну, завывает!.. А я опять уснул...» и «Как воет! Как воет!..»), а также двух новых сцен (пляска мальчика-казачка под гитару и сцена с шубой). Эти сцены должны были дополнить социальную характеристику главного действующего лица. Аналогичную роль играют некоторые ремарки и дополнения в репликах.

Ср., например, сцену с поваром:

— Ступай! — говорит старичок: — да положи у меня еще раз грибов!!! («Деревенская скука».)

Л а с у к о в (*повару*). Пошел, садись под окошком и пой петухом! да положи у меня еще раз грибов... («Осенняя скука».)

В «Осеннюю скуку» введены новые действующие лица: домоуправительница, дворецкий, кучер, портной, скотница. Значительная часть прозаического текста была использована автором в драме в качестве подробных сценических ремарок.

При постановке «Осенней скуки» в 1902 г. зритель, воспитанный на театре Чехова, увидел в пей черты «драмы настроения». Вот как писал об этом постановщик пьесы П. Гнедич: «За полвека до Чехова, до того «театра настроения», что строил театр Станиславского в Москве, он (Некрасов.— *Ред.*) дал пьесу, где вой ветра, шум дождя, стук ставней, отпирание замков, беглые тени от фонарей, мелькающих во дворе, шлепанье шагов по грязи введено им как необходимый аккомпанемент к тексту...»

«Да это точно вчера написано! Да это весь будущий Чехов!» — говорили театралы» (П. Гнедич, Некрасов-драматург. «Жизнь искусства», 1921, № 820).

«Осенняя скука» шла с неизменным успехом в театральный сезон 1902—1903 г. в Петербурге на сценах Александринского и Михайловского театров.

В советские годы она ставилась несколько раз (последняя постановка в юбилейные дни на сцене Ленинградского академического Государственного театра драмы им. А. С. Пушкина в 1946 году),

В настоящем издании пьеса печатается по тексту сборника «Для легкого чтения», т. III (1856).

Енгальчев П. Ф., Удин Ф. К. — авторы медицинских учебников начала XIX века.

НЕЗАКОНЧЕННОЕ

⟨К о н е ц 1 8 4 0 — 1 8 6 7 г г.⟩

⟨ДРАМАТИЧЕСКИЙ ОТРЫВОК БЕЗ ЗАГЛАВИЯ⟩

(Стр. 203)

Дата написания «Драматического отрывка без заглавия» точно не установлена. Р. Маторина, опубликовавшая текст «Отрывка» в «Записках отдела рукописей Всесоюзной б-ки им. В. И. Ленина» (М. 1940, № 6), относит время написания его к 40-м годам, когда Некрасов много писал для сцены. Н. А. Пыпин считает, что этот отрывок был создан Некрасовым под влиянием творчества А. Н. Островского. Сходство сцен и положений в «Отрывке» и в «Доходном месте» Островского приводит Пыпина к определению даты написания «Отрывка» ко времени создания и напечатания комедии «Доходное место» (1856—1857). К. Чуковский относит написание «Отрывка» к середине 50-х годов, «когда Некрасов отошел от водевильного жанра и приступил к нравоописательным драматическим сценам с сильно выраженным сатирическим уклоном» (Н. А. Некрасов, Драматические произведения. «Искусство», М., 1947, стр. 13).

Естественнее предположить, что «Отрывок» был написан в конце 40-х годов, то есть до драматической сцены «За стеной», представляющей собой вершину комедийного творчества Некрасова. Это предположение отчасти подтверждает и самый тип «Отрывка» — набросок комедии или водевиля бытового характера. «Отрывок» еще далек от сатирической бытовой комедии, к которой Некрасов пришел в 50-е годы.

В настоящем издании пьеса печатается по черновому автографу (Всесоюзная библиотека им. Ленина, шифр: М — 5759, 8 листов). Рукопись не сброширована и представляет собой две не связанные друг с другом сцены. Первая из них кончается ремаркой 2-го явления (*Те же и Аграфена Степановна*). Почерк второй части рукописи (сцена с женихами) не принадлежит Некрасову, но на оборотной стороне восьмого листа есть заметка, сделанная его рукой.

<СЦЕНЫ>

(Стр. 211)

Фрагменты неоконченной драмы были найдены К. Чуковским в черновых тетрадах Некрасова 1855—1856 гг.

Тематически они связаны с находящимся в тех же тетрадах стихотворным отрывком — «Так говорила <...> актриса отставная» (см. т. I наст. издания), являющимся как бы развязкой намеченной в сценах драматической ситуации. Дальнейшим развитием этой же темы явилась незаконченная лирическая комедия «Как убить вечер?» (1866).

Впервые «Сцены» были опубликованы в 1933 г. («Звенья», 1933, т. III). Автор публикации К. Чуковский, основываясь на сведениях, полученных от А. Ф. Кони, выдвинул предположение, что Некрасов хотел здесь воспроизвести трагическую судьбу знаменитой в 30-е годы артистки Варвары Николаевны Асенковой. В. Н. Асенкова умерла в 1841 г. от скоротечной чахотки. Среди современников ходили слухи, что смерть ее была ускорена клеветой, преследовавшей артистку с тех пор, как она имела смелость отвергнуть ухаживания Николая I. Мать В. Н., тоже актриса, Александра Асенкова, была, якобы, когда-то в связи с Николаем I, а когда тот ее оставил, старшая Асенкова бросила сцену и уехала в глухую провинцию, где всячески боролась со страстью подрастающей дочери к театру (см. публикацию К. Чуковского).

Новонайденные в Центральном историческом архиве документы этой версии не подтверждают. Установлено, что в 1828 г. Александра Асенкова подавала прошение в контору императорских театров, прося принять ее 11-летнюю дочь пансионеркой в театральное училище. В 1835 г. В. Н. успешно дебютировала и до 1837 г. (когда А. Асенкова совсем оставила артистическую деятельность) мать и дочь выступали вместе на сцене Александринского театра. Тем не менее не исключена возможность, что именно преждевременная смерть Асенковой, так глубоко взволновавшая Некрасова (см. «Памяти Асенковой», т. I, стр. 80—82 и 541—542 настоящего издания), побудила его обратиться к теме трагической судьбы русской актрисы, чья жизнь и талант были поставлены в зависимость от прихоти влиятельного покровителя.

В настоящем издании «Сцены» публикуются по черновому автографу (Всесоюзная б-ка им. В. И. Ленина, тетрадь № 1, шифр: М — 5763, листы 20—21 об. и 25—26). Первый набросок представляет собой часть действия (очевидно, первого) с поправ-

ками. Значительная часть слов дана в сокращении. Вторая запись — черновой план первых трех сцен, без поправок и сокращений.

КАК УБИТЬ ВЕЧЕР?

(Стр. 214)

«Как убить вечер?» — последнее драматическое произведение Некрасова, написанное им в 1866—1867 гг. и оставшееся незаконченным.

Некрасов начал пьесу в 1866 г. (дату ее написания определяет находящийся на одной из страниц рукописи черновой текст песни «Молодые», которая относится к 1866 г.).

Черновой автограф этого произведения, дошедший до нас, озаглавлен автором «Как убить вечер. Сцены». Тот факт, что позже (в 1869 г.) Некрасов, публикуя отдельные две песни из этой пьесы — «Песню о труде» и «Песню Любы», сделал к ним подзаголовки: «Из Медвежьей охоты», является одним из свидетельств связи незаконченной пьесы Некрасова с «Медвежьей охотой».

Сличение рукописи «Как убить вечер?» с рукописью «Медвежьей охоты» показывает, что последняя явилась результатом оформления в самостоятельное произведение части 1-й сцены «Как убить вечер?».

Надо думать, что по замыслу автора основной сюжетной линией драмы должно было явиться столкновение талантливой девушки, мечтающей стать актрисой, с развращенным светским обществом. Последняя недописанная сцена, очевидно, и должна была явиться завязкой драмы. Ряд намеков позволяет предположить дальнейшее развитие действия. Тайна жизни матери героини, старой актрисы, ненавидящей театр и ожесточенно сопротивляющейся желанию дочери поступить на сцену, самый образ князя, у которого героиня ищет содействия, — все это говорит о какой-то возможной связи между этими тремя персонажами пьесы. Можно предположить, что князь Сухотин, у которого героиня ищет покровительства, когда-то был виновником несчастья ее матери. В одной из сцен пьесы Некрасов называет князя, фамилию которого он вообще путает, «Саб». Вполне возможно, что Некрасов, создавая этот образ, имел в виду А. И. Сабурова, директора (в 1858—1863 гг.) императорских театров. Это тем более вероятно, что и некоторые другие персонажи пьесы имеют прототипов среди знакомых Некрасова. Так, прототипом Осташова, возможно, был приятель Некрасова В. И.

Асташев, с которым он неоднократно охотился. Прототипом Миши Воинова — М. Н. Лонгинов, также знакомый Некрасова. По воспоминаниям современников, Сабуров пользовался скандальной славой: он «откровенно, ни от кого не скрывая, ухаживал не только за танцовщицами, певицами, драматическими актрисами, но даже за воспитанницами театрального училища» (А. А. П л ь с к и й, Закулисная хроника, 1856—1893 гг., СПб, 1900, стр. 72); самый уход его с директорского поста был вызван «скандалом из-за какой-то воспитанницы» (А. И. Ш у б е р т, Моя жизнь, Л., 1929, стр. 156).

Тема трагической судьбы русской актрисы, обреченной на зависимость от покровительства высокопоставленных лиц, не нова для Некрасова. Она появляется в его творчестве еще в 40-х годах, в связи с гибелью талантливой русской актрисы В. Н. Асенковой (см. стихотворения «Памяти Асенковой», 1856, «Прекрасная партия», «Но не дошли до каменного слуха», — т. I наст. издания). Об интересе Некрасова к этой теме в 60-е годы свидетельствуют так называемые «Сцены» и, наконец, в 1866—1867 гг. «Как убить вечер?».

О том, что история Любы Тарусиной представлялась Некрасову основой драматического замысла пьесы, говорит и замечание, сделанное им незадолго до смерти на полях «Песни Любы»: «Нужно большое примечание — если успею. Мать девочки была трагическая актриса».

Однако в дошедших до нас отрывках основное место занимает 1-я сцена — описание начала охоты. Ее, повидимому, следует рассматривать как пролог драмы, социальную подоплеку ее. Некрасов рисует здесь различные общественные группировки 40—60-х годов: ярые реакционеры — князь Сухотин и немецкий барон, либералы — Остроухов и Миша Воинов, наконец, стоящий совершенно особняком — представитель разночинной интеллигенции Лесничий, в монологе которого звучит голос молодого поколения 60-х годов.

При сравнительном изучении «Как убить вечер?» и «Медвежьей охоты» особый интерес представляет творческая история фрагментов диалога Миши Воинова (в «Медвежьей охоте» — Миша) и Остроухова (в «Медвежьей охоте» — Пальцов).

Миша Воинов в пьесе — типичный либерал 40-х годов, переродившийся к 60-м годам в консерватора. Как это доказал К. И. Чуковский, прототипом Миши является М. Н. Лонгинов — библиограф и автор порнографических стихов. В 40-х годах Лонгинов придерживался либеральных убеждений, а в начале 70-х,

занимая пост начальника Главного управления по делам печати, преследовал свободное слово.

Остроухов, несмотря на сознание глубокой порочности общества, к которому он принадлежит, — тоже не больше чем либерал, сохранивший, в отличие от Миши, убеждения 40-х годов.

Диалог Миши и Остроухова, очень важный по своему общественному смыслу, дополняя социально-обличительное содержание задуманной Некрасовым картины, должен был иметь в пьесе подчиненное значение. Но в процессе работы над ней внимание Некрасова сосредотачивается на Мише и Остроухове, его особо увлекает тема перерождения либерала 40-х годов. Это связано с тяжелыми впечатлениями от событий 1866 г.: реакция, воцарившаяся после покушения на Александра II, вызвала резкое поправение части русского общества, в том числе и людей, именовавших себя либералами.

Вернувшись к работе над пьесой весной 1867 г., Некрасов отбирает из рукописи «Как убить вечер?» те наброски, относящиеся к полемике Миши и Остроухова, которые по своему содержанию выходят за рамки задуманной им пьесы, пишет новые куски, используя для этого заготовки на страницах рукописи «Как убить вечер?», и, таким образом, создает самостоятельное произведение — «Медвежью охоту».

Здесь, в соответствии с новым содержанием (судьба русского либерализма 40-х годов), несколько меняются образы Остроухова и Миши. В речах Пальцова (Остроухова) начинают звучать обличительные ноты, характерные для сатирических стихов самого Некрасова. Облик Миши приобретает также иной характер вследствие того, что автору важнее показать не конечный результат перерождения либерала в реакционера, а историю этого перерождения.

К пьесе «Как убить вечер?» Некрасов после 1867 г. больше не возвращался. Незадолго до смерти он записал на полях «Медвежьей охоты»: «Несколько раз я принимался окончить эту пьесу, которой содержание само по себе интересно, и не мог — скука брала. Вообще свойство мое таково: как только сказал, что особенно занимало, что казалось важным и полезным, так и довольно, — скучно досказывать басню. Если найду время, расскажу прозой с приведением отрывков».

Пьеса «Как убить вечер?» была впервые опубликована К. И. Чуковским в 1914 г. в газете «Русское слово» (от 25 февраля).

Эта газетная публикация не охватывает всего материала рукописи, не ставит перед собой задачи дать его в строгой после-

довательности. Дальнейшие публикации пьесы (в сборнике «Неизданные произведения Некрасова», К-во, Петербург, 1918; К. Ч у к о в с к и й, Некрасов, изд. КУБУЧ, Л., 1926; Н. А. Н е к р а с о в, Тонкий человек и другие неизданные произведения Некрасова. Изд. «Федерация», М., 1928) явились перспечаткой газетной редакции текста.

В настоящем издании пьеса печатается по автографу Некрасова (собрание В. Е. Евгеньева-Максимова). На лицевой стороне чистого двойного листа, в который вложена рукопись, написанная рукой А. А. Буткевич (сестры поэта): «Медвежья охота».

Автограф черновой и распадается на отдельные, до конца не обработанные автором и не сведенные в единое целое сцены. Поэтому имеет место значительное число противоречий и повторов. Наблюдается также разнобой в именах персонажей. Так, князь Сухарев называется в рукописи и Сухотиным и Саб. (вероятно, Сабуровым), а иногда Бар. и Б. (возможно, Барин или Барон). Лесничий — то Цуриковым, то Душиным, то Грушиным. Окладчик — Сергеем Макаровым и Кондыревым. Посланник — немцем.

Поскольку листы не нумерованы, а пьеса не представляет собой до конца обработанного произведения, принятая в томе композиция отрывков не является окончательной. Принцип, положенный в основу настоящей публикации: возможно более полное использование автографа на основе сохранения внутреннего единства произведения и учета авторских указаний (вычерки, вставки и пр.).

Рукописные материалы, относящиеся к этой последней драме Некрасова, распадаются на две основных части:

1) Собственно рукопись комедии «Как убить вечер?».

2) Черновые наброски к диалогу Миши и Остроухова, выпадающие по содержанию из первоначального замысла пьесы. Наброски эти являются как бы вариантами к «Медвежьей охоте». К этой группе материалов принадлежал когда-то и целый ряд листов, вошедший потом составной частью в рукопись «Медвежьей охоты». При исследовании этой рукописи вставленные листы легко опознаются благодаря тому, что Некрасов был вынужден переправить в них имя «Остроухова» на «Пальцова» (этой поправки, естественно, нет на тех листах, которые были написаны специально для «Медвежьей охоты»).

В настоящем томе публикуются только те материалы, которые непосредственно относятся к комедии «Как убить вечер?».

Лишь одна из сцен «Медвежьей охоты» — разговор князя Сухотина (в «Медвежьей охоте» — Воехотского) и Посланника —

(в «Медвежьей охоте» — барона фон-Гребен) о русском народе — воспроизводится и в составе «Как убить вечер?». Исключить эту сцену из комедии, не разрушая идейного единства пьесы, невозможно.

Те некрасовские наброски, которые не могли быть использованы в качестве черновых вариантов к основному тексту (в случае, когда автор в процессе работы значительно отходит от первоначально намеченного), помещаются в разделе вариантов как «отдельные наброски».

В основной текст пьесы нами введены из собрания сочинений Некрасова две песни, автограф которых в рукописи отсутствует («Песня о труде» и «Песня Любы»). В имеющейся рукописи в соответствующих местах находятся только первые строки этих песен с указанием: «и т. д.».

Помимо некрасовского автографа «Как убить вечер?», имеется копия, сделанная А. А. Буткевич, в которой переписаны лишь наиболее законченные листы рукописи. Листы копии не нумерованы.

Как ярко поцелуй пылает на морозе, как дева русская свежа в пыли снегов! — строки из стихотворения А. С. Пушкина «Зима. Что делать нам в деревне?» (1829).

В основу эпизода, описанного на стр. 221, положено реальное происшествие, в котором принимал участие сам Н. А. Некрасов.

Которые барковщину слагали... — И. С. Барков — поэт XVIII века, известный своими порнографическими стихами.

ПЕРЕДЕЛКИ И ПЕРЕВОДЫ

(1 8 4 1 — 1 8 4 2)

1 8 4 1

ШИЛА В МЕШКЕ НЕ УТАИШЬ

(Стр. 243)

Водевиль «Шила в мешке не утаишь, девушки под замком не удержишь» написан Некрасовым в начале 1841 г. и является переделкой драматизированной повести В. М. Нарезного «Невеста под замком».

Актер А. Алексеев вспоминает, как была создана Некрасовым пьеса: «Написал он ее в несколько дней у нас на квартире, по переписке ее я был его усердным помощником. У нас дело шло быстро: он писал, я переписывал за тем же столом набело» («Воспоминания актера А. Алексеева», М., 1894, стр. 37).

«Шила в мешке не утаишь» — первый водевиль Некрасова, поставленный на сцене. В день первого спектакля (24 апреля 1841 г.) «Литературная газета», сообщая о бенефисе актера Мартынова 1-го, уведомляла читателей, что в этот день пойдет водевиль «Шила в мешке не утаишь» — «первое произведение для сцены молодого почтенного нашего сотрудника Н. А. Перепельского, которого забавные повести, помещенные в «Литературной газете», вероятно, не раз заставляли вас улыбаться». В первый театральный сезон водевиль шел восемь раз и затем в течение четырех лет не сходил со сцены.

Сразу же после премьеры «Литературная газета» (1841, № 52), в одном из театральных образов, принадлежащих самому Некрасову (см. т. IX наст. издания), отмечая успех водевиля, выражала сожаление, что «Репертуар русского театра», печатая водевиль, опустил куплет Руперта «Бегал даром зданий во сто», в котором содержался намек на «Петербургские квартиры» Ф. Кони (см. комментарий к пьесе «Утро в редакции»).

Булгаринская «Северная пчела» (1841, № 108) в рецензии Л. Л. (Межевич), стараясь восстановить Некрасова против Ф. А. Кони (о взаимоотношениях Кони и Булгарина см. комментарии к водевилю «Утро в редакции»), расхвалила и водевиль, и молодого автора.

Некрасов, возмущенный тем, что был раскрыт его литературный псевдоним, а также стремлением «Северной пчелы» поссорить его с Кони, поместил в «Литературной газете» (1841, № 66) открытое письмо к Кони (см. т. XII наст. издания).

После неудачной попытки поссорить Некрасова с Кони булгаринская газета резко изменяет свое отношение к молодому драматургу. В том же году в рецензии на пьесу «Актер» «Северная пчела» вновь возвращается к «Шилу», обвиняя его автора в том, что пьеса целиком списана с повести Нарезного «Невеста под замком»). Все последующие пьесы Некрасова неизменно подвергаются нападкам на страницах «Северной пчелы».

Основную сюжетную линию повести Нарезного Некрасов сохраняет. Дополнительно введено заключительное 6-е явление и произведены сокращения в репликах (так, Некрасов выбрасывает все рассуждения Руперта о немцах).

Основное изменение, которое Некрасов внес в пьесу по сравнению с Нарезным, — это куплеты. В драматизированной повести Нарезного их нет. Куплеты, как отмечала современная Некрасову критика, написаны очень живо, они занимают в пьесе довольно большое место: всего в пьесе 14 куплетов, по 15—20 строк. Содержание многих куплетов злободневно («Бегал даром зданий во сто», «На объявленья ловят нас»). Особенно выделяется куплет Руперта «Около того» — одно из первых проявлений в творчестве Некрасова обличительной струи.

«Отечественные записки» (1841, т. XVI, «Театральная летопись», стр. 119—120), отзывавшись о пьесе положительно, отметили и некоторые недостатки, объясняемые неопытностью юного автора.

Водевиль впервые был напечатан под псевдонимом Н. А. Перепельский в «Репертуаре русского театра за 1841 год» (т. I, кн. IV). В настоящем издании пьеса печатается по тексту «Репертуара русского театра».

Копия, переписанная актером А. Алексеевым, с последующей правкой автора, хранится в ЛТБ (I, IX, 4, 23, № 4538).

В соответствии с указанием самого Некрасова в основной текст водевиля включен куплет Руперта «Бегал даром зданий во сто» (стр. 252).

Пользовать начну по совету великого Бозргава... — Бозргав — Герман Бургаве (1668—1738) — голландский врач.

Эта спасительная влага есть изобретение великого Берндта. — Берндт — повидимому, Фридрих-Август-Готтлиб Берндт — немецкий врач, автор многих медицинских учебников начала XIX в.

ВОТ ЧТО ЗНАЧИТ ВЛЮБИТЬСЯ В АКТРИСУ!

(Стр. 279)

Пьеса «Вот что значит влюбиться в актрису!» была написана летом 1841 г. Эта дата устанавливается по письму Некрасова к Ф. А. Кони от 18 июля 1841 г. Некрасов предлагает Кони две пьесы для напечатания в «Пантеоне»: одна из них «Петербургский актер», другая, как пишет Некрасов, та, «которую я теперь переделываю из французской пьесы «Тиридат» (см. т. X. наст. издания). Эта-то переделка довольно известного водевиля французского драматурга Н. Фурнье «Тиридат, или комедия и траге-

дия» и получила у Некрасова название «Вот что значит влюбиться в актрису!» Водевиль Фурнье ставился в Петербурге французской труппой.

10 ноября 1841 г. водевиль «Вот что значит влюбиться в актрису!» был поставлен на сцене Александринского театра и имел большой успех, что было отмечено и критикой (см. «Репертуар русского театра», 1841, т. XI). «Литературная газета» (1841, № 133) называла новую пьесу Перепельского «премиленным, преумным водевилем» и отмечала замечательную игру в нем актрисы А. М. Каратыгиной. «Северная пчела» весь успех пьесы отнесла за счет игры А. М. Каратыгиной (5 декабря 1841 г., № 273).

В 1842 г. водевиль был поставлен в Москве и шел с 1842 по 1854 г. десять раз на сцене Большого и Малого театров. «Репертуар русского и Пантеон всех европейских театров» (1842, т. III, стр. 41) отметил успех, с которым прошла и первая московская постановка пьесы.

Основная идея пьесы та же, что и в «Актере»: утверждение высокой роли искусства. При переводе пьесы Некрасов усилил и еще резче оттенил контрастные образы Луизы и Дюмениль — воплощение двух типов отношения к искусству (ср. монолог Луизы: «Ах, как мило! Ах, как чудно!» — в основном тексте и Дюмениль: «Когда на сцену выйду я!» — в вариантах).

Переводя пьесу Фурнье, Некрасов довольно точно придерживался источника. Основные расхождения между текстами «Тиридата» и «Вот что значит влюбиться в актрису!» главным образом в куплетах. В пьесе Некрасова двадцать один куплет. Из них лишь десять являются относительно близким переводом соответствующих куплетов Фурнье, остальные одиннадцать — оригинальное творчество самого Некрасова.

Куплет Дюмениль из 9-го явления «Что вас в театре занимает» (см. варианты) был напечатан отдельно в «Репертуаре русского театра» (1843, № 1) с прибавлением следующих строк:

На сцене я для всех загадка,
Иначе действую, хожу;
Смотрю так весело, так сладко,
Что хоть кого обворожу.
Но посмотрите за кулисы —
Там изменяюсь я тотчас:
Театр, актеры и актрисы
Не то на сцене, что для глаз!

(См. т. I наст. издания, стр. 370—371 и 602—603.)

В печатный текст («Репертуар русского театра», 1841, № 12) вошли только три куплета самого Некрасова («Ах, как мило! Ах, как чудно!», «На жизнь не безрассудную», «Я всюду вас одну слежу глазами»). Таким образом, в настоящем издании в разделе вариантов впервые публикуются восемь оригинальных куплетов поэта.

При переводе Некрасова затрудняли цитаты из трагедий Расина «Федра» и «Ифигения в Авлиде». В печатном тексте он заменил свой перевод известным в то время переводом этих трагедий Лобанова.

Водевиль был напечатан при жизни автора под псевдонимом «Н. Перепельский» в журнале «Репертуар и Пантеон русского театра» (1841, т. II, № 12).

В настоящем издании пьеса печатается по этому тексту.

Вас — Клитемнестру, Елизавету, Клеопатру. — Клитемнестра — одна из героинь трагедии Расина «Ифигения в Авлиде». *Елизавета* — героиня трагедии знаменитого немецкого драматурга Шиллера (1759—1805) «Мария Стюарт». *Клеопатра* — героиня трагедии известного французского драматурга Корнеля (1606—1684) «Родогунда — царица парфянская».

... давали *«Андромаху»*, и мне нужно было подкрасить щеки *Гермионы. — «Андромаха»* — трагедия Расина, *Гермиона* — одна из героинь «Андромахи».

ДЕДУШКИНЫ ПОПУГАИ

(Стр. 307)

Пьеса была поставлена 1 декабря 1841 г. в Александринском театре в бенефис Шелиховой 1-й. В начале 1842 г. она еще 7 раз шла на сцене Александринского театра.

«Дедушкины попугаи» являются переделкой водевиля Н. Хмельницкого «Бабушкины попугаи». Некрасов ослабил фривольность содержания водевиля Хмельницкого и заменил женские персонажи мужскими, а мужские женскими.

Существуют две рукописных редакции пьесы: одна хранится в Москве (Театральный музей им. А. Бахрушина), другая — в Ленинграде (ЛТВ).

Первичной, вероятно, является ленинградская цензурованная рукопись, по которой осуществлялась и первая постановка пьесы.

Ленинградская редакция полнее: в московской отсутствует целый ряд куплетов, изменен конец, устранены некоторые дву-

смысленности. Характер изменений, давших вторую редакцию, соответствовал и новому заглавию пьесы: «Дедушкины попугаи. Детская комедия, водевиль в одном действии».

Впервые пьеса публикуется в настоящем издании.

Текст печатается по ленинградской цензурованной рукописи — ЛТБ, I, I, 5, 71, № 489.

...*Это хуже овидиевых превращений.*— Имеется в виду произведение римского поэта Овидия (43 г. до н. э.—17 г. н. э.) «Метаморфозы», что значит «Превращения».

1 8 4 2

ПОХОЖДЕНИЯ ПЕТРА СТЕПАНОВА, СЫНА СТОЛБИКОВА

(Стр. 323)

Комедия «Похождения Петра Степанова, сына Столбикова», переделка одноименного романа Г. Ф. Квитко-Основьяненко, писалась Некрасовым в соавторстве с драматургами П. И. Григорьевым и П. С. Федоровым в 1841—1842 гг. Поставлена была впервые на сцене Александринского театра 4 мая 1842 г. и ставилась всего три раза (4, 7 и 17 мая 1842 г.), после чего была снята с репертуара и больше никогда не шла на сцене.

Подводя итоги сезона, «Репертуар» констатировал: «...комедия эта не имела успеха, а, напротив, чрезвычайно утомила и навела скуку сухостью, растянутостью действия и однообразием сцен...» (1842, кн. X, стр. 38—39).

Еще строже оценил драматическую переделку В. Г. Белинский в «Отечественных записках» (1842, т. XXII, стр. 109). Он писал: «... Комедия — как надо быть комедии, выкроенной из неудавшегося юмористического романа нашими доморощенными водевилями: тут и преувеличенные против образа фарсы, и потребное количество двусмыслиц, и куплеты — главное, куплеты, в которых остроумию составителей обыкновенно бывает полный простор. Столбиков комедии не похож на Столбикова романа: у г. Основьяненка он — то несбыточный пошлый идиот, то очень умный и нравственный человек, которому автор сильно сочувствует; в комедии он — лубочно-смешной и круглый дурак, который, при такой же неестественности, по крайней мере одинаков» (В. Г. Белинский. Полн. собр. соч., т. XII, стр. 370).

Инициатива создания пьесы принадлежит известному водевилисту и актеру П. И. Григорьеву, который в мае 1841 г. поставил в свой бенефис комедию Г. Ф. Квитко-Основьяненко «Шельменко денщик». Успех комедии побудил Григорьева воспользоваться и для следующего своего бенефиса какой-либо пьесой популярного украинского писателя. С этой целью он предложил Г. Ф. Квитко-Основьяненко переделать для сцены только что вышедший его роман «Жизнь и похождения Петра Степанова, сына Столбикова, помещика в трех наместничествах». Квитко-Основьяненко, начавший было переделку романа, скоро отказался от этой работы, и за осуществление ее принялся Григорьев совместно с Некрасовым.

К началу апреля 1842 г. пьеса в основном была закончена. Из четырех задуманных картин оставалось написать только одну. Тогда у авторов возникла мысль привлечь к работе известных водевилистов. Вот что писал по этому поводу Григорьев к Ф. А. Кони (цитируемое нами письмо хранится в ЛТБ, № 90/1): «...наш Столбиков делается весьма хорошо, уже три действия готовы и вышли зело интересны, а что уж забавны, о том и говорить нечего! Но вот в чем самая интереснейшая вещь для самого бенефицианта: мы составляем на первый раз честную компанию из имен, заслуживших добрую репутацию в театре, т. е. на русской афише явится четыре или даже, может быть, пять фамилий, участвующих в Столбикове. По этому вы легко можете догадаться, что без вас обойтись невозможно, да и не должно, а для меня даже крайне невыгодно». (См. также об этом в т. X наст. издания письмо Некрасова к Кони).

Дальше из письма Григорьева явствует, что ведутся переговоры с Т. Д. Ленским. После отказа Ленского и Кони к работе был привлечен популярный в то время водевилист П. С. Федоров. Трудно определить, какова доля участия каждого из соавторов в переделке романа, но как выясняется из имеющихся материалов, пьеса в основном была написана Некрасовым. Григорьев в одном из своих писем к Квитко жаловался, что лишен возможности принять в работе активное участие: «Играю каждый день, — писал он, — да учу по три новых роли каждую неделю. Согласитесь сами, когда тут писать!» О незначительности участия Григорьева в работе над пьесой говорит и тот факт, что в цензурованной театральной рукописи имя его стоит последним, после имен Перепельского и Федорова. Участие Федорова вряд ли было существенным, так как он включился в работу незадолго до первого представления пьесы. В упомянутом письме Григорьева к Кони, написанном, очевидно, немногим позднее 4 апреля («до моего бенефиса почти еще месяц»), имя Фе-

дорова еще и не названо, а уже к концу апреля комедия была завершена (рапорт цензора М. Геденова в III отделение о разрешении пьесы помечен 28 апреля 1842 г.).

Можно с достоверностью утверждать, что Некрасов при незначительном участии Григорьева написал первую, вторую, а также четвертую картину пьесы. В цитированном выше письме Григорьева к Кони наряду с сообщением Григорьева о том, что «три действия уже готовы», несколько раз повторено, что водевилисты, которых решено было привлечь в качестве соавторов, должны были заняться третьей картиной, план которой во всех деталях был заранее разработан Некрасовым и Григорьевым. Так, говоря о предполагаемом участии Ленского, Григорьев писал: «... послан был мною ему план третьей картины Столбикова с покорнейшею просьбою. План был разбит на явления, даже все объяснено *кто* и *что* должен говорить и делать...» Неуверенный в согласии Ленского, Григорьев настойчиво просит, чтобы Кони помог им, и опять-таки речь идет только о третьей картине. Он пишет ему: «Я посылаю вам начало третьей картины, из которой умоляю набросать хоть явлений пяток». Очевидно, что участие Федорова в общей работе ограничилось третьей картиной пьесы.

Сличение пьесы с романом Квитко показывает, что в общем драматическая переделка «Столбикова» довольно близка к роману. В 1-й и 2-й картинах пьесы текстуально точно воспроизводятся почти все реплики героев Квитко, а описания, обрамляющие их, обращены в ремарки. Некрасов пытается, очевидно, сохранить относительно острое социальное звучание соответствующих глав романа, подчеркивает содержащийся в них протест против чиновно-бюрократического произвола.

Чтобы избежать композиционной расплывчатости, Некрасов, перерабатывая роман, старался создать комедийную интригу. С этой целью некоторые эпизодические персонажи романа объединяются в одно лицо, действующее на протяжении всей пьесы. Так, поверенный Жиломотова Петигорошкин сочетает в себе: чиновника, приехавшего ревизовать Жиломотова, клезушка-помещика, у которого Столбикову пришлось служить, и поверенного Жиломотова. Также «объединены»: Дуниша, горничная в доме губернатора, и Авдотья Марковна, ставшая женой Столбикова. В романе они никакого отношения друг к другу не имеют.

4-я картина наименее связана с романом и благодаря быстро развивающемуся в ней действию и ряду специфических приемов

по своему характеру наиболее близка к водевиллю. Дядюшка Столбикова сделан в пьесе отцом Катеньки — последней невесты Столбикова, тогда как в романе Катенька, дочь одной вдовы-помещицы, никака с дядюшкой не связана. Совершенно отсутствует в романе подмена невесты в карете. У Квитко к этому событию не причастен Петигорошкин, а в пьесе именно он, подкупленный Авдотьей Марковной, устраивает брак Столбикова.

При жизни Некрасова комедия папечатана не была.

В книге В. Максимова «Литературные дебюты Н. А. Некрасова» (1908) было помещено несколько отрывков из неё. Впервые полностью была опубликована И. Я. Айзенштоком в 1931 г. в обширных комментариях к VII тому собр. соч. Г. Ф. Квитко-Основьяпенко, содержащему «Жизнь и похождения Петра Степанова, сына Столбикова».

В настоящем издании пьеса печатается по театральному экземпляру цензурованной (писарской) рукописи — ЛТБ, VI, 1, 69, № 2744.

Многочисленные исключения во 2-й картине, сделанные позднее Григорьевым (который правил и весь текст пьесы), значительно ослабили элементы общественной критики, которые были в некрасовском варианте пьесы. Так, например, Григорьев 1-й сокращает часть реплик советника палаты (чиновника, интригующего против добродетельного губернатора), где тот рассказывает о своих интригах. В результате образ чиновника-хищника значительно бледнеет. Очевидно, ряд исключений и исправлений был сделан Григорьевым по цензурным соображениям. Поскольку можно предположить, что в основном пьеса написана Некрасовым, в тексте все купюры восстанавливаются.

У нас одна только книжка, маркиза Глаголь, вторая часть, да какая жалкая! — Имеется в виду роман аббата Прево (1697—1763) «Mémoires et aventures d'un homme de qualité du monde», переведенный на русский язык в 1756—1765 гг. Ив. Елагиным и В. Лукиным под названием: «Приключения маркиза Г*** или жизнь благородного человека, оставившего свет». *Глаголь* — старинное название буквы Г в русском алфавите.

Если эконось, так подарю ей Деревенского эконома. — Имеется в виду «Эконом (городской и деревенский), или книга домашней пользы», соч. И. Ляликова, М. 1796.

МАТЕРИНСКОЕ БЛАГОСЛОВЕНИЕ

(Стр. 431)

Мелодрама «Материнское благословение» является переделкой французской пьесы Деннери и Лемуана «Божья милость или новая Фаншон» (1841), весной 1841 г. поставленной в Петербурге французской труппой Михайловского театра.

Несомненно, что антидворянская направленность «Новой Фаншон» послужила одной из важнейших причин, побудивших Некрасова взяться за ее перевод и переделку для русской сцены.

19 октября 1842 г. «Материнское благословение» было поставлено на сцене Александринского театра в Петербурге. Роль Командора исполнял известный актер В. Самойлов. Спектакль имел успех. С 1842 по 1855 г. «Материнское благословение» выдержало на сцене петербургских театров 23 представления. Большой популярностью пьеса пользовалась в Москве, где она в течение ряда лет шла на сцене Большого и Малого театров. В постановке Малого театра в роли Командора выступал знаменитый русский актер М. С. Щепкин.

Последний раз некрасовская пьеса ставилась в 1921 г. в Петрограде одновременно в «Театре классической мелодрамы и комедии» и в «Лиговском драматическом театре».

Среди отзывов современной Некрасову критики интересна рецензия Белинского в «Отечественных записках» (1842, т. XXV, № 11): «Это не похоже на наши «трагедии», и оригинальные и переводимые с немецкого: в них есть только то, над чем можно позевать и поспать. Куплеты «Материнского благословения» переведены очень мило. Пьеса шла, вообще, недурно. Г-жа Дюр, игравшая главную роль, была во многих местах очень хороша. Вообще, пьеса произвела сильное впечатление» (см. В. Г. Белинский, Полн. собр. соч., т. XIII, стр. 107).

Ф. А. Кони («Литературная газета», 1842, № 42), сопоставляя некрасовскую пьесу с «Новой Фаншон», упрекает Некрасова в ряде сокращений, которые, по его (Кони) мнению, несколько нарушили сюжетное единство «Материнского благословения». Тем не менее Кони признает, что пьеса имела большой успех.

«Северная пчела» (1842, № 258) противопоставила «Материнскому благословию» псевдопатриотические пьесы Д. Т. Ленского и Н. А. Полевого, проникнутые монархическими тенденциями. Реакционная позиция болгаринской газеты достаточно определенно проявилась в рецензии 1849 г. на московскую постановку «Ма-

терийского благословения». Имея в виду успех пьесы у демократического зрителя, «Северная пчела» (1849, № 186) писала: «Артист должен всегда помнить, что судья его партер, и хотя бы число лиц, в нем присутствующих, было очень невелико, все-таки он обязан дорожить только его мнением. В Москве, к сожалению, не то, что в Петербурге: верхние галереи имеют перевес».

«Материнское благословение» можно считать одной из наиболее удачных переработок молодого Некрасова. Переработка французского оригинала Некрасовым выразилась в следующем: в пьесе произведены значительные сокращения: в «Новой Фаншон» 9 явлений, в «Материнском благословении» — 6. В то же время с целью усиления драматического конфликта Некрасов ввел в пьесу новое явление: разговор Марии с Командором о предстоящей свадьбе Андре — в 4-м действии. Некрасовым была исключена из пьесы роль Шаншон, крестьянской девушки, ставшей любовницей Командора и примирившейся со своим положением. Существенной переработке подверглись куплеты: во французской пьесе 30 куплетов, в пьесе Некрасова — 18. Из них 5 куплетов являются оригинальными.

Песня Марии «В хижину бедную, богом хранимую», пользовавшаяся у зрителей особой популярностью, была помещена автором отдельно в «Репертуаре русского и Пантеоне всех европейских театров» (1843, т. 1, кн. 1, стр. 240).

Куплеты Пьеро из 2-го акта были опубликованы Кони в его рецензии на пьесу. «Куплеты эти, — замечает Кони, — напомнили нам очень живо одно ученое путешествие, и остроумная мысль их, нам кажется, взята чуть ли не из «Москвитянина». Действительно, в этих куплетах Некрасов пародирует описание Парижа издателем «Москвитянина» М. П. Погодиным, который поместил в своем журнале отрывок из дневника под заглавием «Месяц в Париже».

Текст «Материнского благословения» был впервые опубликован в 1930 г. в Собр. соч. Некрасова под ред. К. Чуковского и В. Елпеева-Максимова, ГИЗ, М.—Л., т. III.

В настоящем издании пьеса печатается по цензурованной рукописи — ЛТБ 1, IV, 5, 71, № 2086.

...перед ним маленький геридон. — Геридон. (франц. guéridon) — круглый столик на одной ножке.

КОЛЬЦО МАРКИЗЫ

(Стр. 489)

По предположению Н. А. Пыпина, французским источником пьесы является водевиль «Кольцо маркизы» (авторы — Лоренсен и Кормон; Каталог библиотеки драматических произведений де-Солейнь в Париже, т. III, стр. 201). Из дошедшего до нас подстрочного перевода, над которым работал Некрасов, видно, что значительных изменений сделано не было.

Точная дата написания пьесы не установлена. В письме к Копи из Ярославля от 16 августа 1841 г. Некрасов упоминает, что им написан водевиль «Рыжий человек» (см. т. X наст. издания). Можно предполагать, что «Рыжий человек» — первоначально данное Некрасовым заглавие переводимого водевиля «Кольцо маркизы». Это предположение основано на том, что одним из главных героев пьесы является Руже (по-французски — rouge — рыжеволосый).

В ноябре 1842 г. водевиль был поставлен на сцене в бенефис актрисы Шелиховой 1-й, но после трех представлений был снят со сцены, так как не имел успеха.

В. Г. Белинский в «Отечественных записках» (1842, т. XXV, отд. «Театральная летопись») писал, что «Кольцо маркизы» — «очень хорошенький водевиль, если его хорошо обставить и хорошо разыграть на сцене».

При жизни автора водевиль напечатан не был. В настоящем издании публикуется впервые. Печатается по цензурованной писарской рукописи *ЛТБ*, III, 6, 33, № 1510. Вариант последнего куплета процензурован дополнительно и вклеен в рукопись. Возможно, он принадлежит Некрасову. На титульном листе рукописи сверху надпись: «Для бенефиса г-жи Шелиховой 1-й», ниже — заглавие пьесы «Кольцо маркизы, или Ночь в хлопотах». Водевиль в одном действии, переведенный с французского Н.А. Перепельским».

В *ЛТБ* хранится также подстрочный перевод пьесы, сделанный неизвестным лицом и правленный Некрасовым (V, 4, 68, № 2535), обозначенный в вариантах, условно — *РЧ*.

ВОЛШЕБНОЕ КОКОРИКУ

(Стр. 519)

«Волшебное кокорикю, или Бабушкина курочка» является авторизованным переводом французского водевиля Вильнева, Массона и Сент-Ива («Кокорикю или курочка моей тети»).

Перевод «Волшебного кокорикю» был сделан Некрасовым в 1842 г. совместно с другим переводчиком. Его инициалы (И. Ш.) стоят на титульном листе рукописи.

Можно предполагать, что помощником Некрасова в работе над переводом был Иван Антонович Шамаев (брат актера В. Шамаева), который в качестве театрального работника мог оказать помощь Некрасову чисто техническими советами. Во всяком случае основная переработка «Волшебного кокорикю» для русской сцены была выполнена самим Некрасовым.

Впервые водевиль был поставлен в Москве в декабре 1842 г.; 4 октября 1843 г. он был игран на сцене Александринского театра в бенефис актера В. Шамаева. В спектакле были заняты лучшие силы театра: роль Кокорикю исполнял В. Самойлов, роль Бутондора — Григорьев 1-й. О сочувственном приеме, который встретил водевиль у зрителя, можно судить по отзыву Белинского: «Шалость, которую приятнее видеть, чем тяжелую и важную трагедию, — нелепость, которая доставляет удовольствия больше, чем многие умные «драматические произведения» («Отечественные записки», 1843, т. XXXI, № 11; см. В. Г. Б е л и н с к и й, Полн. собр. соч., т. XIII, стр. 121) и «Литературной газеты»: «Волшебное кокорикю» — фарс, по игривый, милый фарс, нисколько не похожий на обычные фарсы Александринского театра, для которого идеалом служит «Война Федосьи Сидоровны с китайцами» («Комедия о войне Федосьи Сидоровны с китайцами», сибирская сказка в двух действиях с пением и танцами — псевдопатриотическая пьеса Н. Полевого. — *Ред.*). Вся эта водевильная идиллия о бабушке и внучке, о курочке и петушке... очень мила и забавна на сцене. Она переведена весьма грамотно и ловко и украшена хорошенькою музыкою. Вы смеетесь от начала до конца, и между тем вкус ваш ничем не оскорблен: все наивно, игриво и мило...» («Литературная газета», 10 октября 1843 г., № 40).

В сезон 1843—1844 гг. пьеса ставилась в Москве в Большом и Малом театрах. В 1856 г. спектакль был возобновлен на сцене Малого театра.

Переработка Некрасовым французского водевиля заключалась в следующем:

- 1) Каждое действие получило свой самостоятельный заголовок.
- 2) Коренным образом переработано III действие: вместо четырех сцен, как во французском оригинале, Некрасов вводит восемь явлений, усложняя сюжет.
- 3) В V действии Некрасовым введено явление 2-е и эпизодическая роль нотариуса.

4) Во французской пьесе отсутствует несколько куплетов, введенных Некрасовым. Следующие куплеты являются оригинальным творчеством Некрасова: куплет бабушки «Послушай моего совета» (Действие I, явление 1), куплеты Лявенета и Бутондора «Сейчас чтоб было мне жаркое» (действие II, явление 1), разговор Клары и Кокорику со слов: «Теперь вам нечего страшиться» до: «А я боюсь за себя» (действие IV, явление 2), хор крестьянок, и разговор Клары и Кокорику (действие V, явление 2).

Рукопись некрасовского водевиля была найдена в 1929 г. В. Абрамкиным и А. Дымшицем (см. их статью «Неизвестная пьеса Н. А. Некрасова», «Жизнь искусства», 1929, № 14).

Впервые водевиль публикуется в настоящем издании. Печатается по цензурированной писарской рукописи — ЛТБ, II, 2, 23, № 710. Из режиссерских заметок введены в печатный текст слова Бутондора (действие II, явление 1): «У меня в желудке ужасная тревога. Колибри! Что у нас есть?», ибо без этой фразы, очевидно пропущенной по ошибке, становится бессмысленной следующая реплика Колибри.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

1. Некрасов Н. А. Гисунок П. Петровского, 1852 г.
2. Корректурa первого листа «Юности Ломоносова», читанная Некрасовым.
3. Автограф заключительного куплета водевиля «Великодушный поступок».
4. Афиша о первом представлении водевиля Н. А. Некрасова «Шила в мешке не утаишь».
5. Драматический отрывок. Автограф Н. А. Некрасова.

СО Д Е Р Ж А Н И Е

	т е к с т а	в с т р а н и ц	к о м м е н т а р и я
ДРАМАТИЧЕСКИЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ (1840 — 1867)			
1840			
Юность Ломоносова	7	581	630
Великодушный поступок	23	582	631
Федя и Володя	37	583	632
1841			
Утро в редакции	57	—	633
Феоклист Онуфрич Боб, или Муж не в своей тарелке	79	—	635
Актер	125	583	636
1844			
Петербургский ростовщик	147	—	639
1848			
Осенняя скука	179	—	641
Н е з а к о п ч е н н о е <Конец 1840 — 1867 гг.>			
<Драматический отрывок без заглавия>	203	—	643
<Сцены>	211	—	644
Как убить вечер?	214	593	645

ПЕРЕДЕЛКИ И ПЕРЕВОДЫ (1841—1842)

1841

Шила в мешке не утаишь,— девушки под замком не удержишь	243	606	649
Вот что значит влюбиться в актрису!	279	611	651
Дедушкины попугай	307	620	653

1842

Похождения Петра Степанова, сына Столбикова	323	—	654
Материнское благословение, или Бедность и честь	431	—	658
Кольцо маркизы, или Ночь в хлопотах	489	626	660
Волшебное Кокорику, или Бабушкина курочка	519	—	660
Варианты и комментарии	577		
Список иллюстраций	663		

Редактор М. Блинчевская
Художник Н. В. Ильин
Технич. редактор Д. Ермоленко
Корректоры А. Нашин
и Л. Петрова

•

Сдано в набор 15/VI 1949 г. подпис.
к печати 14/IX 1949 г. А10727.

41³/₄ печ. л. + 5 вклеек.

31,82 уч.-авт. л.

Форм. бум. 82×108¹/₂.

Тираж 50 000. Заказ № 477.

Цена 16 р.

•

Первая Образцовая типография
имени А. А. Жданова
Главполиграфиздата при Совете
Министров СССР.
Москва, Валовая 28.

16p.

